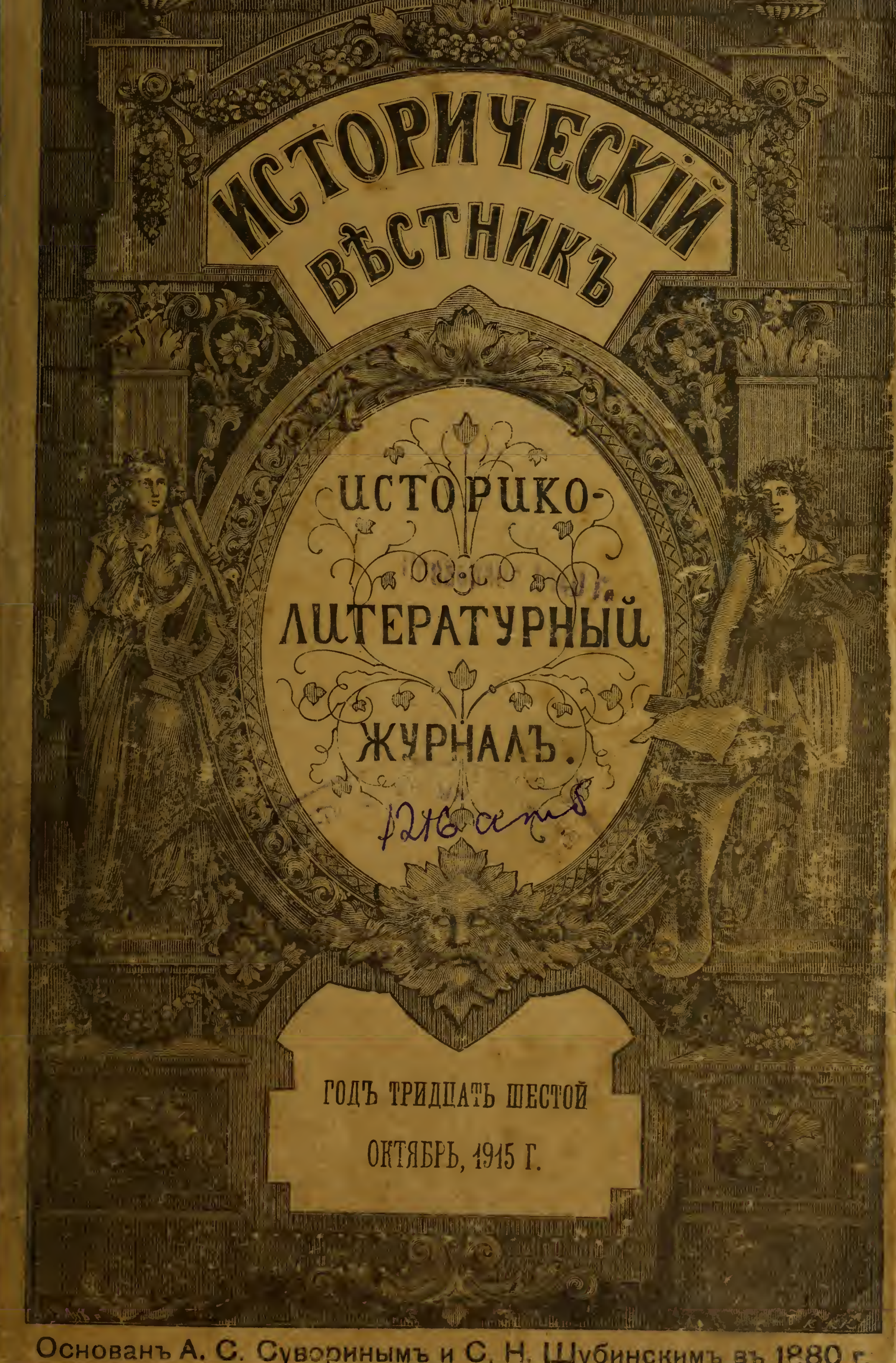
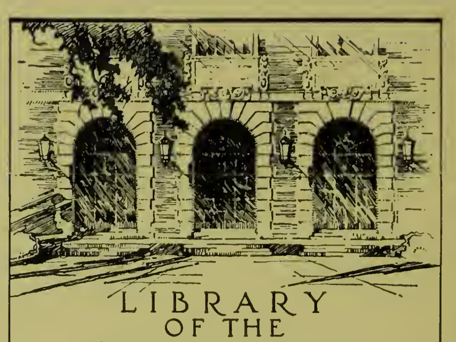

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ CXLII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ CXLII.

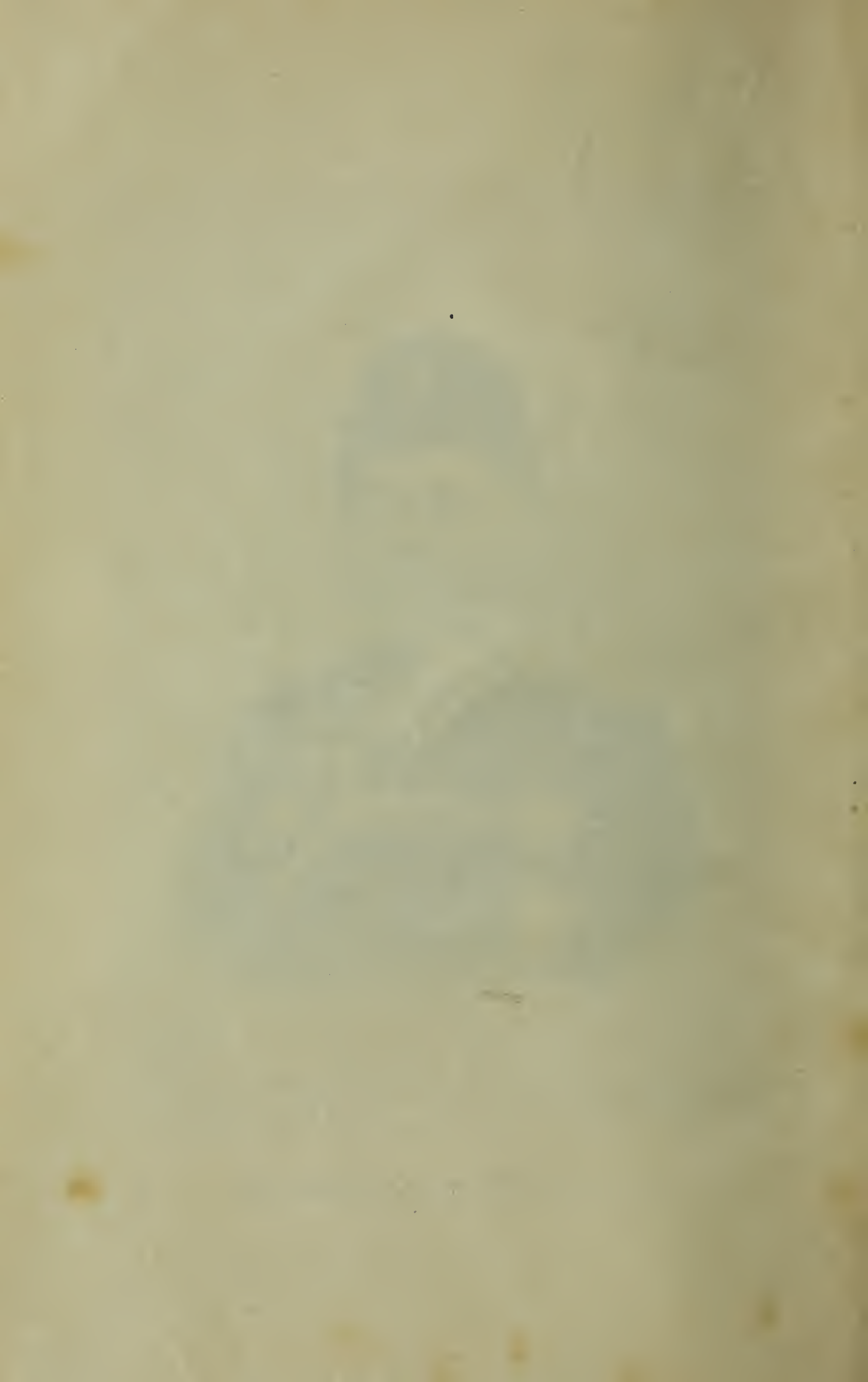
1915

ПЕТРОГРАДЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Эртелевъ, 13
1915

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГРОДЕКОВЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РИНАДЦАТАГО іюля фельдмаршалъ Френчъ доносилъ: «8-го іюля мы отразили атаку, произведенную съ помощью ручныхъ гранатъ на воронку, образовавшуюся отъ взрыва нашей мины къ западу отъ Гоожа. 7-го іюля наша тяжелая артиллерія привела къ молчанію тяжелыя окопныя мортиры непріятеля, содѣйствовавшія атакѣ. 10-го іюля мы взорвали мину подъ выступомъ германскихъ окоповъ къ юго-востоку отъ Цильбека, разрушивъ непріятельскіе окопы. Вскорѣ послѣ этого непріятелемъ была взорвана мина нѣсколько далѣе къ югу, не причинившая намъ значительнаго вреда. Съ того времени мы захватили небольшую часть территоріи, занявъ воронку, образовавшуюся отъ взрыва германской мины и примыкающую къ нашимъ окопамъ. 12-го іюля мы отразили новую атаку, произведенную съ помощью ручныхъ бомбъ на наши окопы вокругъ воронки близъ Гоожа».

На французскомъ фронтѣ велась минная и артиллерійская борьба. Командиръ перваго дивизіона миноносцевъ и подводныхъ лодокъ французской первой морской эскадры Средиземнаго моря сообщилъ, что контръ-миноносецъ «Биссонъ» совершилъ блестящій подвигъ, уничтоживъ стоянку для снабженія австрійскихъ подводныхъ лодокъ и аэроплановъ, находящуюся на островѣ Лакоста, и перерѣзалъ телеграфный кабель. Нѣсколько австрійцевъ было убито. Французы потеряли убитыми лишь одного матроса, который торжественно былъ похороненъ въ Бриндизи.

14-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что между Двиной и Нѣманомъ не произошло существенныхъ перемѣнъ. Бои конницы

и передовыхъ частей продолжались. Къ юго-западу отъ Ковны непріятель боемъ въ ночь на 13-е іюля былъ оттѣсненъ за р. Есю. На наревскомъ фронтѣ сраженіе 12-го и 13-го іюля велось съ нарастающимъ упорствомъ на участкѣ отъ сел. Доброленка до района крѣпости Новогеоргіевскъ. Распространеніе непріятеля на лѣвомъ берегу Нарева сдерживалось нашими энергичными контръ-атаками. Многія селенія и рощи переходили изъ рукъ въ руки. Весьма напряженный характеръ получилъ бой въ лѣсу къ востоку отъ Рожанъ. Вечеромъ 13-го іюля непріятель ввелъ здѣсь въ боевую часть большіе резервы выше Сероцка. По обоимъ берегамъ Нарева мы вели успѣшныя атаки, вынудивъ нѣкоторыя части непріятеля къ безпорядочному отступленію. Въ районѣ деревни Цеппелинъ нами было взято 700 плѣнныхъ германцевъ и нѣсколько пулеметовъ. Контръ-атака непріятеля отъ с. Константинова отбита при содѣйствіи бронированныхъ автомобилей. На лѣвомъ берегу Вислы на разсвѣтѣ 13-го іюля успѣшной штыковой атакой мы отбросили непріятеля, пытавшагося приблизиться къ фронту Надаржинъ—Пясечно.

Между Вислой и Вепржемъ наблюдалось затишье, а къ востоку отъ этой рѣки до Буга сраженіе продолжалось. Въ районѣ Раколупы—Майданъ-Островскій вечеромъ 13-го іюля германцы вели атаку крупными силами и захватили часть нашихъ окоповъ, но затѣмъ нашей контръ-атакой они были потѣснены назадъ. Особенной энергіей попрежнему отличались атаки германцевъ къ сѣверу отъ Грубешова, которыя, однако, мы продолжаемъ отражать. Въ районѣ деревни Аннополь наши войска произвели стремительную контръ-атаку. На Бугѣ происходили упорные бои въ районѣ Сокаль—Потуржица, гдѣ непріятель частью силъ перешелъ на правый берегъ рѣки. Между Днѣстромъ и Прутомъ непріятель велъ безуспѣшныя частичныя атаки.

Въ Черномъ морѣ наши миноносцы бомбардировали портовыя сооруженія въ Самсунѣ-Уніе и Ризэ и уничтожили у береговъ Анатоліи свыше 150 парусныхъ судовъ.

Въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта происходила артиллерійская перестрѣлка; частичное наступленіе турокъ здѣсь на нашъ правый флангъ было нами отбито. Наша моторная лодка потопила турецкое груженное судно. На мушскомъ направленіи встрѣчный бой продолжался, причемъ турки получили значительныя подкрѣпленія. Одинъ изъ нашихъ доблестныхъ кавалерійскихъ полковъ лихо атаковалъ и изрубилъ двѣ роты турокъ, а остальныхъ отбросилъ на правый берегъ Евфрата.

14-го іюля итальянская главная квартира извѣщала о томъ, что 13-го іюля на нижнемъ теченіи рѣки Изонцо послѣ весьма успѣшной обычной подготовки артиллерійскимъ огнемъ итальянская пѣхота перешла въ рѣшительное наступленіе и значительно продвинулась впередъ. На лѣвомъ крылѣ къ западу итальянцы захватили большую площадь лѣса Боско дель-Капуччіо. Въ центрѣ они захватили нѣсколько траншей, служившихъ для обороны перевала Санъ-Мартино.

На правомъ крылѣ гора Сеи-Буси нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки, и, наконецъ, въ большей своей части осталась за ними. Повсюду развивались ожесточенные бои и главнымъ образомъ въ лѣсу, гдѣ непріятель

сильно укрѣпился и откуда итальянцы принуждены были выбивать его штыками. Непріятель пользовался бомбами и гранатами, развивающими удушливые газы, отъ которыхъ французскія войска защищались масками. Къ концу дня ими захвачено было около 1,600 человѣкъ плѣнными, изъ которыхъ 30 офицеровъ.

14-го іюля французское правительственное сообщеніе гласило: «За бомбардировкой Фюрна къ востоку отъ Дюнкерка послѣдовала съ нашей стороны въ видѣ репрессаліи бомбардировка расположенія германцевъ въ Вестенде и Мидлькеркѣ. Пять бомбъ, сброшенныхъ 13-го іюля вечеромъ германскимъ аэропланомъ на Дюнкеркъ, не причинили никакихъ поврежденій. Въ Артуа и въ секторѣ Сушэ происходила артиллерійская стрѣльба и велись въ теченіе части ночи съ 13-го на 14-е іюля бои съ ручными гранатами. Въ Аргоннахъ двѣ попытки германцевъ произвести атаки у Лайона, Бинарвиля и Ла-Гаразэ были легко отражены. Въ Вогезахъ намъ удалось 13-го іюля вечеромъ распространить и укрѣпить свои позиціи на вершинѣ Линдскопфъ и занять горный проходъ между Ленжъ и Карьеръ. Непріятель три раза безуспѣшно производилъ контръ-атаки. Германская артиллерія обстрѣливала горный проходъ Шлухтъ. Въ Артуа и въ секторѣ Сушэ бомбардировка въ теченіе дня 14-го іюля возобновилась съ большою силою. Городъ Аррасъ два раза подвергся бомбардировкѣ; возникшій въ немъ пожаръ вскорѣ былъ потушенъ. Одинъ мирный житель убитъ. Отъ рѣки Соммы до рѣки Эна обычныя дѣйствія нашей и непріятельской артиллеріи. Въ Аргоннахъ происходилъ сильный артиллерійскій огонь на всемъ фронтѣ. Въ Эльзасѣ наши войска окончательно захватили сильно укрѣпленныя непріятельскія позиціи, которыя нѣмцы занимали на высотѣ 200 метровъ надъ нашими траншеями на хребтѣ Линдскопфа, Сахратсмапелле и Барснкопфа, т.-е. на фронтѣ двухъ километровъ. Эти высоты господствуютъ надъ долиною Фехта, а также надъ большой дорогою къ Нотръ-Дамъ-де-Троасени. Мы захватили въ плѣнъ нѣсколько офицеровъ и свыше 100 солдатъ, принадлежащихъ къ пяти различнымъ полкамъ.

Офиціальное сообщеніе итальянскаго правительства отъ 14-го іюля обрисовало положеніе дѣла на итало-австрійскомъ театрѣ войны въ такомъ видѣ: «Въ долинѣ Даонъ мы окончательно овладѣли высотами на правомъ склонѣ послѣ того, какъ заняли Монте-Лавапешъ и вершину Писсоля. Непріятельская артиллерія съ господствующихъ пунктовъ противоположнаго склона пыталась помѣшать нашей операціи, но безрезультатно. Послѣ долгой подготовки артиллеріею средняго калибра непріятель въ ночь на 13-е іюля отправилъ въ атаку пѣхотныя части, которая, несмотря на поддержку, оказанную многочисленными пулеметами, была отражена. Въ области Монте-Неро продолжаются ожесточенные бои, несмотря на туманъ, препятствующій артиллеріи. Въ секторѣ Плавы наши дѣйствія, клонящіяся къ расширенію территоріи у предмостнаго укрѣпленія, развиваются благопріятно. На Карсо вчера продолжался ожесточенный бой. Вдоль всего фронта наши войска съ большимъ одушевленіемъ и отвагою вели наступленіе и успѣли на своемъ лѣвомъ крылѣ захватить весьма сильную позицію Санъ-Мишель, господствующую надъ большей частью плоскогорья. Но, оказавшись здѣсь подъ перекрестнымъ

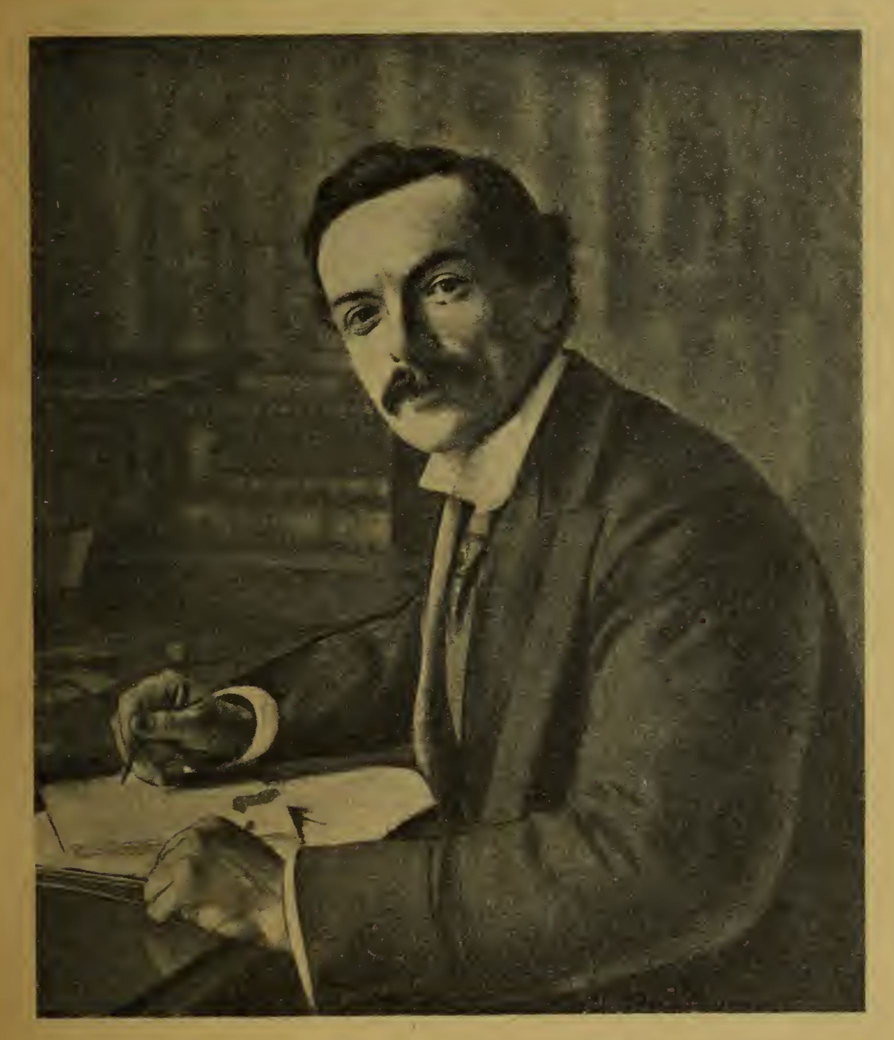
ожесточеннымъ огнемъ многочисленныхъ непріятельскихъ батарей всѣхъ калибровъ, наши войска должны были нѣсколько отойти подъ прикрытіе горнаго кряжа, гдѣ удерживаются до сихъ поръ. Въ центрѣ мы продвинулись впередъ въ направленіи перевала Санъ-Мартино, выбивъ штыками непріятеля изъ его траншей и редутовъ. Въ направленіи праваго крыла при наступленіи ночи мы съ помощью согласованныхъ пѣхотныхъ и артиллерійскихъ дѣйствій завершили овладѣніе позиціею на Монте-Сеи-Буси, выбивая непріятеля шагъ за шагомъ изъ его сильно укрѣпленныхъ позицій. Нами взято около 3,200 плѣнныхъ, изъ которыхъ одинъ подполковникъ и 41 офицеръ. Кромѣ того, нами захвачено 5 пулеметовъ, 2 небольшихъ миномета, большое число ружей, снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ и другой военной добычи, являющейся трофеями этого кровопролитнаго дня».

15-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣщалъ о томъ, что къ западу и къ югу отъ Митавы 13-го іюля имѣли мѣсто успѣшныя для насъ столкновенія передовыхъ частей. Наступающій отъ Поневѣжа непріятель 13-го іюля былъ задержанъ нашимъ арьергардомъ у м. Субочъ, причемъ огонь нашей тяжелой артиллеріи нанесъ противнику большія потери. На наревскомъ фронтѣ велся сильный артиллерійскій огонь; у Новогрода непріятель продолжалъ пытаться переправиться. У устья рѣки Шквы 14-го іюля ему удалось захватить часть нашихъ окоповъ на лѣвомъ берегу рѣки, но штыковымъ ударомъ непріятель былъ отброшенъ за рѣку.

На лѣвомъ берегу Нарева отъ Доброленки до рѣчки Прутъ велся упорный бой безъ измѣненія линіи фронта. На правомъ берегу Нарева непріятель перешелъ въ наступленіе противъ нашихъ частей, ведшихъ контръ-атаку къ сѣверу отъ Сероцка; у сел. Буды-Обремскія нами отбито 6 атакъ. Между Вепржемъ и Бугомъ въ ночь на 14-е іюля продолжался весьма упорный бой въ районѣ сел. Раколупы — Майданъ-Островскій. Отбивъ три настойчивыя атаки непріятеля на высотахъ сѣвернѣе Майдана-Островскаго, наши войска перешли въ наступленіе и, овладѣвъ указаннымъ селеніемъ, захватили до полуторы тысячи плѣнныхъ. На грубешовскомъ на правленіи непріятель продолжалъ вести настойчивыя атаки. Сѣвернѣе сел. Степанковице мы отразили съ большими для непріятеля потерями три его яростныя попытки прорвать нашъ флангъ. Къ югу отъ Сокаля мы успѣшно вели наступленіе противъ переправившихся у Потуржицы непріятельскихъ силъ. Утромъ 14-го іюля наши войска ворвались на высоты непріятельской позиціи и захватили много плѣнныхъ. Непріятель ввелъ новыя силы для контръ-атаки Горячій бой продолжался. На Верхнемъ Бугѣ и верхнемъ теченіи Золотой Липы сильный артиллерійскій огонь и попытки небольшихъ частей противника продвинуться.

На французскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 15-го іюля, въ Артуа, къ сѣверу отъ Сушэ, германцы, послѣ усиленной бомбардировки, ночью съ 14-го на 15-е іюля предприняли въ трехъ различныхъ пунктахъ нѣсколько атакъ на французскія позиціи. Послѣ ожесточеннаго боя они были выбиты изъ траншей, которыя успѣли занять, за исключеніемъ одного пункта, гдѣ удержали за собою 20 метровъ головной части сапы впереди французскаго фронта. 14-го

іюля вечеромъ Суассонъ подвергся бомбардировкѣ. Въ Аргоннахъ, въ районѣ Фонтэнъ-о-Шармъ, непріятель произвелъ попытку атаковать французовъ, но былъ отброшенъ къ своимъ траншеямъ ружейнымъ огнемъ. Артиллерійская и минная борьба продолжалась почти на всей линіи фронта.

Ллойдъ-Джорджъ, министръ военныхъ снабженій въ Англіи.

На итало-австрійскомъ фронтѣ въ Карніи непріятель, воспользовавшись туманомъ, пытался атаковать итальянскія позиціи у перевала Пассо-Дель-Каччіоторе, между Монте-Кіадонисъ и Монте-Авинца, но былъ быстро отраженъ контръ-атакою итальянцевъ. Итальянскіе альпійскіе стрѣлки произвели атаки на нѣкоторыя непріятельскія траншеи передъ позиціями Паль-Пикколо и овладѣли большею частью ихъ траншей. На Карсо весь день итал-

янцы были заняты укрѣпленіемъ важныхъ позицій, которыми мы овладѣли 13-го іюля. Въ центрѣ же итальянцы снова продвинулись значительно впередъ путемъ овладѣнія нѣкоторыми непріятельскими окопами, вслѣдствіе чего они могли выполнить свое развертываніе.

16-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на наревскомъ фронтѣ, на которомъ продолжался рядъ упорныхъ боевъ, общая линія фронта за 15-е іюля не измѣнилась. Противникъ понесъ очень большія потери при попыткѣ его артиллеріи утвердиться на лѣвомъ берегу Нарева въ районѣ устья рѣки Шквы. Въ районѣ Рожанъ непріятель значительными силами пытался наступать между Наревомъ и р. Ожъ, однако продвинуться ему не удалось. На р. Прутъ велся сильный огневой бой. На направленіи Сероцкъ—Пултускъ бой на обоихъ берегахъ Нарева имѣлъ встрѣчный характеръ. На лѣвомъ берегу Вислы мы потѣснили передовыя части непріятеля на направленіи Гура-Кальварія—Гройцы. Между Вислой и Вепржемъ наблюдалось затишье. Между Верпжемъ и Бугомъ непріятель понесъ 14-го іюля огромныя потери у сел. Майданъ-Островскій и къ сѣверу отъ Грубешова, гдѣ на фронтѣ Терятинъ—Аннополь нами цѣлый день отражались непрерывныя и стремительныя атаки непріятеля. 15-го іюля непріятельскія войска вели лишь отдѣльныя частныя атаки на Майданъ-Островскій, а также къ востоку отъ Войславице и у сел. Кулановице. На Бугѣ выше гор. Сокаля мы отразили двѣ атаки австрійцевъ. У Каменки до шести австрійскихъ полковъ постепенно переправились черезъ Бугъ, причемъ непріятель успѣлъ овладѣть частью нашихъ окоповъ, однако 15-го іюля при попыткѣ продвинуться дальше противникъ въ полномъ безпорядкѣ былъ отброшенъ нашей контръ-атакой за рѣку, при этомъ за сутки у Сокаля и Каменки мы захватили до 1,500 плѣнныхъ.

Въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта происходила перестрѣлка и успѣшныя дѣйствія нашихъ передовыхъ частей. На ольтинскомъ направленіи въ районѣ Аха велась перестрѣлка. На мушскомъ направленіи турки сосредоточили значительныя силы, вслѣдствіе чего наши войска пріостановили свое движеніе къ западу и сосредоточились на указанныхъ позиціяхъ

16-го іюля итальянская главная квартира извѣщала о томъ, что въ долинѣ Кордеволе наступленіе итальянцевъ дало имъ возможность значительно продвинуться впередъ и занять склонъ, спускающійся отъ Коль-ди-Рана къ мѣстечку Піеве-ди-Ливиналлонго. Въ долинѣ Падола непріятель наступалъ на Уршъ, вдоль большой дороги, но былъ отбитъ, оставивъ нѣсколько человѣкъ плѣнными. Въ Карніи дѣйствія итальянской артиллеріи противъ укрѣпленій непріятеля продолжались, причемъ итальянскими снарядами былъ поврежденъ другой куполъ на фортѣ Гензель. На Карсо 15-го іюля утромъ непріятель, развернувъ большія силы, при поддержкѣ ожесточеннаго артиллерійскаго огня пытался продвинуться съ очевидной цѣлью отбросить насъ отъ позицій, которыми итальянцы овладѣли въ теченіе предшествующихъ дней. Однако, благодаря энергіи и отвагѣ итальянскихъ войскъ, попытка эта потерпѣла полную неудачу, и непріятель былъ вынужденъ отступить, понеся весьма серьезныя потери. По показаніямъ плѣнныхъ, эта контръ-атака была пред-

принята свѣжими войсками, только что прибывшими на театръ военныхъ дѣйствій. Среди этихъ войскъ находился по крайней мѣрѣ одинъ полкъ альпійскихъ стрѣлковъ, который былъ почти совершенно уничтоженъ. Наступленіе хотя и медленно продолжалось, но за 14-е и 15-е іюля ими въ общемъ взято въ плѣнъ 1,485 человѣкъ съ 27 офицерами.

На французскомъ фронтѣ минная и артиллерійская борьба продолжалась въ теченіе всей ночи съ 15-го на 16-е іюля. Въ Вогезахъ, близъ Лингенопфа, у занятой позиціи французы подобрали 200 германскихъ труповъ и нашли два пулемета, 200 ружей и большое число боевыхъ припасовъ и военнаго снаряженія. Въ мѣстности у Баренкопфа германцами было оставлено болѣе 400 труповъ.

На фронтѣ отъ моря до Вогезъ день 16-го іюля прошелъ довольно спокойно. Артиллерійскій огонь достигалъ нѣкотораго напряженія только въ секторѣ Сушэ, вокругъ Арраса, у Суассона, въ Аргоннахъ, у укрѣпленія Мари-Терезъ и передъ Фє-ан-Гэ. Въ Вогезахъ у Бандесапта французамъ удалось захватить новую группу домовъ въ юго-западной части Лонуа. Нѣсколько снарядовъ попали въ Сенъ-Діе и Танъ. У Баренкопфа германцы пытались вернуть позиціи, которыми французы овладѣли. Предпринятая ими ожесточенная атака была, однако, отражена, и французы удержали за собою всю захваченную ими территорію. Германская батарея, поддерживавшая атаку, попала подъ губительный огонь.

Союзныя войска у Дарданеллъ заняли островъ Митилену.

17-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что между Нѣманомъ и Двиной 16-го іюля происходили бои передовыхъ частей къ югу отъ Бауска на лѣвомъ берегу рѣки Муши. Въ занѣманскомъ районѣ непріятель велъ вновь въ ночь на 16-ое іюля атаки къ сѣверо-востоку отъ Сувалокъ у с. Кленорейцы. Въ районѣ Ковны его передовыя части, наступая съ юго-запада, подошли къ передовымъ позиціямъ крѣпости. На Наревѣ велся преимущественно огневой бой на прежнемъ фронтѣ. Между с. Каменка на Наревѣ и желѣзной дорогой мы потѣснили германцевъ, а на правомъ берегу Нарева къ сѣверу отъ Сероцка успѣшно отбили нѣсколько ихъ атакъ. На Вислѣ по обѣ стороны устья Радомки непріятель переправилъ на понтонахъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ свои передовыя части па правый берегъ нѣки и пытается навести мосты. Наши войска атаковали переправившіяся части непріятеля. Тяжелая артиллерія разбила непріятельскій мостъ у сел. Кобыльница. Между Вислой и Бугомъ 16-го іюля непріятель большими массами велъ атаки по обоимъ берегамъ рѣки Вепржа. На участкѣ Хмѣль—Пяски непріятель былъ отбитъ съ большими потерями, но вдоль лѣваго берега Вепржа послѣ упорнаго боя ему удалось на участкѣ одной дивизіи продвинуться и захватить селеніе Травники, а, затѣмъ, выше названнаго пункта, переправиться на правый берегъ Вепржа. Между Вепржемъ и Бугомъ всѣ настойчивыя атаки непріятеля 16-го іюля были нами отражены. На Бугѣ, въ районѣ гор. Сокаля, мы выбили непріятеля изъ двухъ линій окоповъ и захватили до 1.000 плѣнныхъ съ четырьмя пулеметами. У Каменки успѣшно была отбита атаки австрійцевъ.

Въ Черномъ морѣ наши миноносцы имѣли перестрѣлку съ батареями у го-

рода Шили вблизи Босфора и уничтожили въ угольномъ районѣ одинъ большой груженный углемъ пароходъ и 47 парусныхъ судовъ.

За 14-го іюля въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта сильныя турецкія развѣдочныя партіи пытались проникнуть черезъ наше сторожевое охраненіе, но огнемъ нашимъ были отброшены.

На французскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 17-го іюля, въ теченіе ночи съ 16-го на 17-ое іюля и днемъ 17-го іюля продолжалась минная и артиллерійская борьба въ Артуа, между рѣками Уазой и Эномъ, между Бурейль и Вокуа, а также въ Маланкурскомъ лѣсу, въ Вогезахъ на Баренкопфѣ, въ Бельгіи въ окрестностяхъ Сенъ-Жоржа, на плоскогорьѣ Кеневьеръ и въ Шампани, въ районѣ Оберивъ-сюръ-Сюижъ, въ западной части Аргоннъ и между Маасомъ и Мозелемъ. Въ Лепретрскомъ лѣсу попытка германцевъ атаковать Круа-де-Кармъ была легко отражена. Германскій аэропланъ сбросилъ на Нанси четыре бомбы, не причинившихъ ни потерь людьми, ни поврежденій. 16-го іюля французскіе аэропланы бомбардировали: 1) желѣзную дорогу Ипръ—Рулэ на высотѣ Пашенделя, 2) германскіе бивуаки въ районѣ Лангеваль къ западу отъ Комбля, 3) германскія укрѣпленія на холмѣ Бримонъ около Реймса, 4) военный вокзалъ Бюртекуръ въ Лотарингіи. Въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля одинъ изъ французскихъ аэроплановъ бомбардировалъ заводъ, изготовляющій удушливые газы въ Допранхе въ Эльзасѣ. 17-го іюля небольшой отрядъ бомбардировалъ вокзалъ во Фрейбургѣ. Другой отрядъ, состоящій изъ десяти аэроплановъ и принадлежащій парижскому укрѣпленному лагерю, сбросилъ 44 снаряда на вокзалъ Шони. Отрядъ изъ 45 аэроплановъ 17-го іюля утромъ отправился съ цѣлью совершить набѣгъ на керосиновый заводъ въ Пешельброннѣ, между Хагенау и Висембургомъ. Вслѣдствіе облачности и тумана лишь части аэроплановъ удалось достигнуть цѣли. Въ заводъ въ Пешельброннѣ и его окрестности попало 103 снаряда, кромѣ того, шесть снарядовъ было сброшено на вокзалъ Детвилеръ близъ Фальсбурга и шесть на авіаціонные ангары въ Фальсбургѣ. Всѣ аэропланы вернулись къ мѣсту своего отправленія.

17-го іюля итальянская главная квартира доносила, что вечеромъ 14-го іюля непріятельская пѣхота, поддержанная пулеметами, атаковала итальянскія позиціи, расположенныя у входа въ Травенамзасскую долину, но, понеся потери, была отбита. 15-го іюля въ долинѣ Санъ-Пеллегрино другой непріятельскій отрядъ пытался внезапно атаковать расположеніе итальянцевъ у Кустобеллы. Итальянскія войска подпустили непріятеля на сто метровъ къ своимъ траншеямъ, а затѣмъ внезапнымъ огнемъ отбросили его, захвативъ плѣнныхъ. Въ долинѣ Фелли альпійскія войска заняли, послѣ нѣкотораго сопротивленія, выступы, идущіе съ задняго лѣваго склона этой долины къ Лузницѣ.

На плоскогорьи Карсо 15-го іюля непріятель, послѣ понесенной имъ неудачи, ограничивался въ теченіе всего дня лишь попытками помѣшать продвиженію итальянцевъ, но не могъ его задержать. Подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ непріятеля итальянцы взяли приступомъ нѣсколько новыхъ траншей. Въ ночь на 16-ое іюля непріятельскіе патрули пытались зажечь лѣсъ Капучіо, гдѣ итальянцы сильно окопались. Однако, благодаря бдительности итальянскихъ часовыхъ, попытка эта не имѣла успѣха. Непріятель пытался

16-го іюля утромъ захватить обратно островъ Пелагозу. Два легкихъ крейсера и шесть контръ-миноносцевъ бомбардировали его съ моря въ то время, какъ морской отрядъ высаживался на берегъ. Нападеніе было отражено съ потерями для непріятеля, причемъ нѣкоторымъ австрійцамъ пришлось возвращаться вплавь на свои контръ-миноносцы. Со стороны итальянцевъ было всего двое раненыхъ.

18-го іюля штабъ верховнаго главноконандующаго извѣстилъ о томъ, что между Двиной и Нѣманомъ въ ночь на 17-ое іюля утромъ того же дня германцы вели безуспѣшныя атаки на Баускъ. Южнѣе на фронтѣ южнѣе на фронтѣ Константиново—Кринчинъ—Субочъ—Трашкуны мы потѣснили ихъ передовыя части. Къ западу отъ Ковны вечеромъ 16-го іюля дружнымъ штыковымъ ударомъ мы выбили непріятеля съ нѣсколькихъ позицій, захваченнымъ имъ поутру. На Наревѣ 17-го іюля непріятель небольшими силами продолжалъ попытки переправиться на лѣвый берегъ рѣки близъ устья Шквы, а къ востоку отъ Рожанъ велъ атаки частнаго характера въ районѣ сел. Жабинъ—Рембише. Мы сохранили прежній фронтъ. На лѣвомъ берегу Вислы 17-го іюля мы отразили атаку непріятеля къ сѣверо-западу отъ Блоне. Непріятельскія войска, переправившіяся на фронтѣ Магнушевъ—Козенице черезъ Вислу, были нами въ теченіе того же дня энергично атакованы. На участкѣ ниже устья Радомирки непріятель выбитъ изъ лѣсовъ праваго берега и отброшенъ на острова и отмели Вислы. Выше по Вислѣ непріятель удерживается въ районѣ посада Мацеевице. Между Вислой и Бугомъ нашимъ войскамъ въ ночь на 17-го іюля было указано перейти на подготовленныя въ тылу позиціи. Противникъ не препятствовалъ занятію нами новаго фронта, на коемъ 17-го іюля наши войска устраивались безъ боя. Городъ Люблинъ и участокъ желѣзной дороги между станціями Новая Александрія и Реіовецъ нами оставлены. На Бугѣ наши войска продолжали выбивать непріятеля съ нѣкоторыхъ участковъ его позицій къ югу отъ гор. Сокаля. Непріятель, по свидѣтельству плѣнныхъ, понесъ здѣсь въ теченіе послѣднихъ дней тяжелыя потери.

На ольтинскомъ направленіи кавказскаго фронта наши развѣдчики атаковали турецкіе посты на перевалѣ Гюлли—Багдадъ и многихъ перекололи.

18-го іюля французское правительство увѣдомляло, что германскіе аэропланы бомбардировали Сенъ-Поль-сюръ-Меръ, не причинивъ никакихъ поврежденій, и Гравелинъ, гдѣ былъ убитъ ребенокъ. Въ Артуа, вокругъ Сушэ и Лабиринта, продолжалась ружейная и артиллерійская стрѣльба съ перерывами въ продолженіе всей ночи съ 17-го на 18-ое іюля. Пѣхотныхъ операцій не было. Въ Аргоннахъ, на перекресткѣ дороги Сервонъ, Багатель и Лайонъ-де-Бинарвилль германцами была взорвана мина, вслѣдъ за чѣмъ завязался бой, во время котораго французамъ удалось занять произведенную взрывомъ воронку.

Нѣсколько бомбъ, сброшенныхъ непріятельскими аэропланами на Нанси, причинили незначительный матеріальный ущербъ. Одинъ изъ германскихъ аппаратовъ, подстрѣленный французской артиллеріей, на возвратномъ пути вынужденъ былъ снизиться между французскими и германскими линіями. Германскимъ авіаторамъ, находившимся на этомъ аппаратѣ, удалось скрыться,

самый же аппаратъ былъ доставленъ къ траншеямъ французовъ. Перевалъ Плухтъ подвергся бомбардировкѣ.

Германскими аэропланами сброшено на Дюнкеркъ нѣсколько бомбъ, причинившихъ незначительный вредъ. Въ Артуа, отъ Ангра и до Арраса, происходила обычная артиллерійская перестрѣлка. Германцами изъ дальнобойнаго орудія было выпущено девять снарядовъ по Компьену.

Въ Аргоннахъ, въ области Фонтенъ-о-Шармъ и Фуръ-де-Пари, съ нашей стороны и со стороны противника происходилъ артиллерійскій обстрѣлъ окоповъ. Въ Лепретрскомъ лѣсу также была оживленная канонада. Въ Вогезахъ непріятель бомбардировалъ позиціи французовъ у высоты 627, у Ла-Фонтенель и у деревни Мецераль. Утромъ 18 іюля семь французскихъ аэроплановъ бомбардировали вокзалъ и заводы аэроплановъ въ Фрибургенъ-Брисгау. Одинъ изъ французскихъ аэроплановъ на обратномъ пути вынужденъ былъ снизиться слѣдствіе поломки мотора въ предѣлахъ непріятельскаго расположенія.

18-го іюля донесеніе итальянской главной квартиры гласило:

«На плоскогорьѣ Камоника въ ночь на 17-ое іюля непріятель возобновилъ потерпѣвшее неудачу 2-го іюля наступленіе противъ нашихъ позицій близъ Рефуджіо-Гарибальди и былъ отраженъ нашими аванпостами. Въ ту же ночь въ Карніи непріятельскіе отряды дважды пытались атаковать гору Фрейкофель, но оба раза были отражены. Въ теченіе дня наша пѣхота, успѣшно поддержанная артиллеріей, предприняла въ области Паль-Пикколо отважное наступленіе, результатомъ котораго явилось овладѣніе сильной линіей австрійскихъ окоповъ. Непріятель понесъ при этомъ весьма тяжелыя потери, оставивъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько человѣкъ плѣнными. Вечеромъ непріятель, получивъ подкрѣпленія, предпринялъ контръ-атаку въ направленіи небольшого холма у Паль-Пикколо, но снова былъ отбитъ съ тяжелыми потерями. На Изонцо операціи, клонящіяся къ расширенію территоріи у предмостнаго укрѣпленія Плавы, развивались успѣшно. Послѣ того, какъ нами была разрушена обширная площадь проволочныхъ загражденій, мы расширили занятую нами территорію къ юго-востоку вдоль склоновъ горы Кукъ и въ окрестностяхъ Загоры. Въ Карсо продвиженію впередъ нашихъ войскъ препятствуетъ въ настоящій моментъ вторая линія укрѣпленій, возведенныхъ непріятелемъ къ востоку отъ тѣхъ, которыя сооружены недавно нами. Вчера послѣ успѣшной артиллерійской подготовки мы предприняли новую атаку на эту линію и значительно продвинулись впередъ, въ особенности въ центрѣ, гдѣ нашими войсками захвачено нѣсколько окоповъ и взято въ плѣнъ 334 человѣка, изъ которыхъ 15 офицеровъ. Кромѣ того, нами захвачены три пулемета, большое число ружей и боевыхъ припасовъ».

Французская подводная лодка разрушила выпущенный миной большой Галатскій мостъ въ Константинополѣ.

19-го іюля, въ день годовщины объявленія войны, Государь Императоръ далъ слѣдующій приказъ по арміи и флоту:

Годъ тому назадъ Германія и Австро-Венгрія, а затѣмъ и Турція подняли оружіе противъ Россіи и направили полчища свои въ предѣлы Отечества нашего.

Доблестныя войска Арміи и Флота! Ровно годъ вы призваны къ защитѣ чести Россіи и благосостоянія мирнаго населенія Родины нашей. Въ теченіе этого года вы явили издревне присущія вамъ доблесть и мужество, покрыли знамена свои новой славою и многія тысячи лучшихъ сыновъ Родины запечатлѣли жизнью своею преданность правому дѣлу Россіи. Подготовлявшіеся въ теченіе десятилѣтій въ вторженію въ Отечество наше, враги не сокрушили мощи вашей и, попирая существующіе законы войны, разбиваютъ полки свои о гранитную твердость русскаго солдата.

Съ гордостью и умиленіемъ взираетъ на васъ все Отечество наше и съ глубокой благодарностью къ подвигамъ вашимъ относятся вѣрные союзники Россіи.

Несмотря однако на всю проявленную вами безпримѣрную доблесть, силы врага не сокрушены и много усилій и упорства потребуется еще, чтобы вновь вернуть Россіи блага мирной жизни. Да не сокрушаются сердца ваши и да не падетъ духъ вашъ передъ предстоящими новыми испытаніями и новыми жертвами. Въ неисповѣдимой мудрости своей Господу Богу неоднократно угодно было ниспосылать Отечеству нашему тяжкія испытанія, и каждый разъ выходило оно изъ борьбы съ новою силою и съ новою мощью.

Вѣрные долгу своему и охваченные однимъ общимъ чувствомъ, всѣ истинные сыны Россіи встали нынѣ, чтобы въ духовной связи съ вами содѣйствовать достиженію предстоящей задачи и облегчить вамъ помощью своею трудное дѣло одолѣнія врага.

Съ непоколебимою вѣрою и твердою надеждою въ благопріятный исходъ тяжкой борьбы взираетъ на насъ вмѣстѣ со Мною вся Россія и призываетъ благословеніе Божіе на предстоящіе вамъ многіе, тяжелые, но и славные ратные подвиги.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Царское Село.

19-го іюля состоялось открытіе засѣданій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы.

19-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на рѣкѣ Аа Курляндской ниже Бауска 17-го и 18-го іюля мы вели упорный бой съ германцами; послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ непріятелю съ большими потерями удалось закрѣпиться на правомъ берегу рѣки у мызы Юнгфернгофъ. На путяхъ къ Поневѣжу наши войска у сел. Даршишки опрокинули наступавшую германскую колонну, а въ районѣ сел. Бутяны и Тылтаголы отбросили непріятельскій авангардъ, причемъ нами взято нѣсколько сотъ плѣнныхъ германцевъ и пулеметы. Непріятельскіе окопы, перешедшіе въ наши руки, были полны его убитыми. На наревскомъ фронтѣ непріятель въ ночь на 18-ое іюля велъ атаки на восточномъ берегу рѣки Писсы у сел. Серватки и близъ устья Шквы, причемъ на второмъ изъ названныхъ участковъ ему удалось въ началѣ распространиться по лѣвому берегу Нарева, но затѣмъ нашей энергичной шты-

ковой контръ-атакой онъ былъ отброшенъ и отхлынулъ къ самому руслу рѣки. Въ ту же ночь непріятель весьма значительными силами развивалъ наступленіе на рожанскомъ участкѣ на наши позиціи между Наревомъ и рѣкой Ожъ, а также вдоль послѣдней. 18-го іюля здѣсь шелъ крайне напряженный бой; непріятель широко примѣнялъ снаряды съ удушливымъ газомъ. Послѣ многихъ ожесточенныхъ штыковыхъ боевъ германцамъ удалось нѣсколько продвинуться на фронтѣ Каменка—Жабинъ, южнѣе на рѣкѣ Ожъ непріятелю также удалось первоначально захватить нашу линію окоповъ, но затѣмъ доблестными штыковыми ударами мы отбросили его на этомъ участкѣ въ исходное положеніе. Бой былъ очень кровопролитенъ, и непріятель понесъ большую убыль, причемъ во время контръ-атакъ нами было взято до 1.000 плѣнныхъ германцевъ и захвачена непріятельская батарея. На нѣкоторыхъ участкахъ наревскаго фронта непріятель въ теченіе послѣднихъ дней вводилъ въ бой свѣжія войска, впервые появившіяся противъ насъ. На лѣвомъ берегу Вислы на фронтѣ Блоне—Надаржинъ происходила перестрѣлка. На правомъ берегу Вислы утромъ 18-го іюля велся упорный встрѣчный бой съ переправившимися непріятельскими частями на прежнемъ фронтѣ Маціевице—Кобыльница. Атака противника у Гнѣвашева въ районѣ Ивангорода была нами отражена. Между Вислой и Бугомъ непріятель 18-го іюля безуспѣшно велъ энергичныя атаки на наши позиціи между рѣкой Вепржемъ и райономъ станціи Реіовецъ. Между гор. Холмомъ и рѣкой Бугомъ наши войска, подъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятеля, послѣ упорнаго боя отошли нѣсколько на сѣверъ.

На французскомъ фронтѣ, по извѣстіямъ отъ 19-го іюля, въ Артуа вокругъ Сушэ попытка германцевъ произвести атаку ночью съ 18-го на 19-ое іюля при помощи гранатъ была легко отражена французами. Въ Эльзасѣ непріятель безуспѣшно атаковалъ позиціи на Шрацменеле и Рейхаклеркопфѣ, но потерпѣлъ довольно чувствительныя потери. 18-го іюля французскіе аэропланы сбросили 30 снарядовъ на авіаціонный лагерь Дальхеймъ близъ Моранжъ и шесть снарядовъ на военный поѣздъ близъ Шато-Салэнъ. Днемъ 19-го іюля шелъ артиллерійскій бой средняго напряженія въ Артуа и долинѣ р. Эна и болѣе ожесточенный къ сѣверо-западу отъ Реймса, въ районѣ фермы Люксембургъ, между Коруа и Луавромъ, и въ западной части Аргоннъ въ районѣ Фонтенъ-о-Шармъ и высоты «213». Между рѣками Маасомъ и Мозелемъ, въ районѣ Лагэ германскій батальонъ, застигнутый въ деревнѣ Вильсэ-сюръ-Трэ въ тотъ моментъ, когда части его собирались, подвергся очень успѣшному огню нѣсколькихъ французскихъ батарей. Понтъ-а-Муссонъ и деревня Медьеръ подверглись бомбардировкѣ, но матеріальный ущербъ незначительный. Германскіе аэропланы сбросили на плоскогорье Мальзевиль, близъ Нанси, 20 снарядовъ, не причинившихъ ни потерь людьми, ни матеріальнаго ущерба.

19-го іюля фельдмаршалъ Френчъ доносилъ, что бой 17-го іюля послѣ первой германской атаки привелъ къ отобранію у непріятеля части захваченныхъ имъ траншей къ востоку отъ Гоожа. 18-го іюля главнымъ образомъ происходилъ артиллерійскій бой, но вечеромъ англійскія войска съ успѣхомъ отразили двѣ атаки пѣхоты. 19-го іюля дѣйствій пѣхоты не было.

На итало-австрійскомъ фронтѣ, въ долинѣ Санъ-Пеллегрино, по извѣстіямъ

итальянской главной квартиры отъ 19-го іюля, непріятель 17-го іюля возобновилъ съ большими силами атаку, не удавшуюся ему 15-го іюля противъ позиціи итальянцевъ у Костабелла. Несмотря на поддержку артиллеріи, расположенной на сосѣднемъ холмѣ Омбертъ, непріятельскія колонны были и на этотъ разъ совершенно отражены. Нѣсколько сѣвернѣе, въ районѣ Ливиналлонго, отряды

Герой войны.

Капитанъ 2-го ранга П. Н. Черкасовъ, командиръ «Сивуча», погибшій вмѣстѣ со своимъ кораблемъ въ бою съ германскимъ флотомъ въ Рижскомъ заливѣ.

непріятельской пѣхоты пытались ночью 16-го іюля, путемъ внезапнаго нападенія, овладѣть вершинами Пеской и Сассо-ди-Меццоди. Итальянцамъ удалось ихъ разсѣять. Въ Карніи итальянскія войска произвели 17-го трудную операцію вытѣсненія непріятеля съ Форцеллы, а также съ вершины восточнаго Пиццо, въ Верхней Допьѣ. Операція эта выполнена была успѣшно, благодаря удачному комбинированію фронтальной атаки, направленной отъ Грануды по склонамъ

Пиццо противъ Форцеллы, съ диверсіей, произведенной одной изъ итальянскихъ колоннъ, которая двигалась изъ Форцеллы-ди-Біелига по направленію къ Лузницѣ, расположенной въ долинѣ Фолла.

Итальянская пѣхота храбро овладѣла траншеями у Форцеллы, удаливъ оттуда непріятеля штыковымъ ударомъ, причемъ взяли въ плѣнъ 107 человѣкъ, въ томъ числѣ 7 офицеровъ. Благополучному исходу предпріятія содѣйствовала энергичная и точная стрѣльба изъ итальянскихъ тяжелыхъ орудій. Сначала были разрушены непріятельскія траншеи, а затѣмъ продольнымъ огнемъ воспрепятствовали подходу подкрѣпленій. На Карсо непріятель въ ночь на 19-го іюля произвелъ энеригчную атаку противъ праваго крыла итальянскихъ войскъ въ районѣ Монто-Сеи-Буси, однако былъ отброшенъ съ большими потерями. Большая непріятельская колонна, шедшая отъ Дуино по направленію къ Добердо, была обнаружена итальянскими развѣдчиками и подверглась энергичному обстрѣлу со стороны итальянской тяжелой артиллеріи, которая и разсѣяла ее, нанеся ей большой уронъ. Днемъ 19-го іюля наступленіе итальянцевъ вдоль фронта продолжалось, причемъ ими захвачены были еще другія траншеи и взято 348 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 14 офицеровъ.

20-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ Балтійскомъ морѣ англійская подводная лодка потопила большой германскій транспортъ. Въ районѣ Митавы и Бауска утромъ 19-го іюля не произошло существенныхъ перемѣнъ. Къ востоку отъ Поневѣжа вечеромъ 18-го іюля мы продолжали тѣснить непріятельскіе авангарды и дополнительно захватили въ плѣнъ свыше 500 германцевъ съ 6 офицерами и 6 пулеметами. 19-го іюля германцы, двинувъ на поддержку свои главныя силы, сдѣлали попытку перейти въ наступленіе, почему бои пріобрѣли въ этомъ районѣ встрѣчный характеръ.

На наревскомъ фронтѣ непріятелю 19-го іюля послѣ многодневныхъ упорныхъ боевъ удалось продвинуться къ правому берегу Нарева. Близъ устья Писсы въ рожанскомъ районѣ имъ сосредоточены весьма значительныя силы, которыя 19-го іюля продолжали вести атаки въ направленіи на участокъ желѣзной дороги къ югу отъ станціи Остроленки до сел. Кобылинъ включительно. Бой здѣсь сохранялъ по прежнему чрезвычайно ожесточенный и кровопролитный характеръ. На фронтѣ Вислы 19-го іюля продолжались успѣшныя для насъ стычки къ сѣверо-западу отъ Блонс и къ югу отъ Гуры-Кальваріи; переправившіяся черезъ Вислу у Магнушева и Рычивола непріятельскія части оттѣснены къ рѣкѣ; въ районѣ Маціевице непріятель энергичными атаками стремится распространить свое расположеніе, но въ теченіе 19-го іюля бой велся приблизительно на прежнемъ фронтѣ. Въ районѣ ивангородской переправы вечеромъ 19-го іюля, послѣ упорнаго боя, наши войска на лѣвомъ берегу Вислы стянулись въ болѣе сосредоточенное положеніе. Между Вислой и Бугомъ продолжались упорные бои на любартовскомъ направленіи, на фронтѣ отъ Маркушева до Быстржицы, а также по обоимъ берегамъ Вепржа и въ районѣ шоссе Травники—Влодава, причемъ 19-го іюля всѣ атаки непріятеля нами отбиты. На участкѣ лѣваго берега Буга наши войска расположились на новомъ фронтѣ нѣсколько сѣвернѣе Холма безъ помѣхи со стороны непріятеля.

Въ Черномъ морѣ наши миноносцы въ угольномъ районѣ сожгли складъ угля и уничтожили 10 груженныхъ парусныхъ судовъ. У береговъ Анатоліи наши миноносцы уничтожили свыше 200 парусныхъ судовъ, занимавшихся перевозкой угля и военныхъ запасовъ, а также три эллинга для постройки такихъ судовъ. Находившіеся на нѣкоторыхъ судахъ боевые запасы конфискованы.

20-го іюля французское правительство увѣдомило о томъ, что вечеромъ 19-го іюля и въ ночь съ 19-го на 20-ое іюля были стычки пѣхотныхъ частей. Въ Артуа послѣ того, какъ было отражено нѣсколько германскихъ атакъ при помощи ручныхъ гранатъ, французы овладѣли частью окопа по дорогѣ Абленъ—Ангръ къ сѣверу отъ большого шоссе Бетюнъ—Аррасъ.

Въ Шампани на фронтѣ Пертъ—Боссежуръ происходила минная борьба, въ которой французы одержали верхъ. Въ Аргоннахъ, въ области Мари-Терезъ и Сентъ-Юберъ, послѣ ожесточеннаго боя ручными бомбами, германцы пытались произвести нѣсколько атакъ, которыя были отбиты. На правомъ берегу Мааса между Эпаржемъ и Калонской траншеей непріятель трижды атаковалъ французскія позиціи у Бли. Артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ французы, однако, остановили атаки. Понтъ-а-Муссонъ и селенія Медьеръ и Манонкуръ-сюръ-Селль подверглись бомбардировкѣ зажигательными снарядами.

Въ Артуа и въ долинѣ Эна происходила менѣе оживленная артиллерійская перестрѣлка. Въ Аррасъ и Суассонъ попало нѣсколько снарядовъ. Въ Аргоннахъ происходили значительныя дѣйствія пѣхоты. Къ концу ночи съ 19-го на 20-ое іюля въ области возвышенности 213 германцы овладѣли одной изъ французскихъ траншей, которая контръ-атакою французскихъ войскъ была частью отбита. Въ теченіе дня 20-го іюля, пользуясь горючею жидкостью, непріятель повелъ энергичную атаку на французскія траншеи въ области Мари-Терезъ, причемъ ему удалось укрѣпиться въ одной изъ нихъ. Французы тотчасъ же произвели контръ-атаку и вновь овладѣли большею частью уступленной территоріи. На правомъ берегу Мааса и въ Веврѣ происходила обычная орудійная перестрѣлка, болѣе интенсивная въ окрестностяхъ Шамплонъ. Въ Вогезахъ 19-го іюля вечеромъ произошелъ рядъ боевъ передъ позиціями, которыя французы завоевали на высотахъ Ленжъ, у Шрацменелле и Баренкопфа. Они овладѣли нѣсколькими германскими траншеями, нанеся непріятелю тяжелыя потери и взявъ въ плѣнъ 50 солдатъ изъ состава двухъ различныхъ полковъ.

Донесеніе итальянской главной квартиры отъ 20-го іюля гласило: «Наши гидропланы вечеромъ 18-го іюля совершили новый воздушный набѣгъ на Риву, сбросивъ успѣшно нѣсколько бомбъ и благополучно ускользнувъ отъ сильнаго ружейнаго обстрѣла непріятеля. Наша тяжелая артиллерія успѣшно обстрѣливала вокзалъ Роверетто, гдѣ нашими наблюдателями замѣчено было прибытіе поѣздовъ съ войсками. Въ долинѣ Кадора густой туманъ, окутывавшій мѣстность въ послѣдніе 10 дней, разсѣялся, и мы съ новой энергіей начали обстрѣлъ и разрушеніе загражденій въ верхней части Кордеволе и въ верхнемъ теченіи Бойтэ, Ландрэ и Секстэнъ. Въ Карніи мы можемъ отмѣтить новый блестящій успѣхъ нашихъ войскъ, завершившійся занятіемъ Монте-Медетта въ сѣверо-востоку отъ Чима Гуастальтра, гдѣ непріятель сильно укрѣпился и располагалъ находившимися поблизости батареями. Эта операція была чрезвычайно

затруднительной вслѣдствіе условій мѣстности. Доступъ на вершину представлялъ собою крутой подъемъ. Послѣ долгой борьбы съ различными препятствіями наши альпійскія войска, поддержанныя успѣшной и мѣткой артиллерійской стрѣльбой изъ орудій, поставленныхъ позади, съ большой отвагой и мужествомъ выбили непріятеля, который, получивъ подкрѣпленія, предпринялъ вслѣдъ за тѣмъ ожесточенныя контръ-атаки, и только къ вечеру вершина, изъ-за которой шелъ бой, оказалась прочно закрѣпленной за нами. На плоскогорьѣ Карсо непріятель послѣ цѣлаго ряда демонстративныхъ операцій, произведенныхъ имъ въ ночь на 18-го іюля и имѣвшихъ цѣлью отвлечь наше вниманіе, на разсвѣтѣ предпринялъ большими силами наступленіе противъ нашей позиціи на Монте-Сеи-Буси. Остановивъ огнемъ атакующихъ, наша пѣхота перешла въ отважное наступленіе, направивъ ударъ на фронтъ и флангъ противника, который былъ приведенъ въ замѣшательство и обращенъ въ бѣгство. Около 150 плѣнныхъ, изъ которыхъ 6 офицеровъ, остались въ нашихъ рукахъ. По ихъ показаніямъ, эта атака была предпринята избранными войсками, причемъ полкъ императорскихъ егерей, только недавно прибывшій на этотъ фронтъ, былъ почти совершенно уничтоженъ».

20-го іюля великобританское адмиралтейство извѣстило: «Англійская подводная лодка потопила 13-го іюля у береговъ Германіи германскій контръминоносецъ. Англійская подводная лодка потопила въ Мраморномъ морѣ другой небольшой пароходъ, въ 3,000 тоннъ водоизмѣщенія, выпустила мину въ шаланду, которой повредила константинопольскую набережную, и бомбардировала пороховой складъ и желѣзную дорогу».

21-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что наши гидропланы атаковали у Виндавы стоявшее тамъ посыльное судно и заставили его выброситься на берегъ. Ими же были атакованы и принуждены къ отступленію непріятельскій цеппелинъ и два гидроплана, изъ коихъ одинъ сбитъ. На рижскомъ направленіи наши войска отошли за рѣку Экау.

Къ востоку отъ Поневѣжа 19-го и 20-го іюля продолжались упорные бои. Къ западу отъ Ковны участились стычки. На Наревѣ непріятель велъ настойчивыя атаки у устья Шквы, гдѣ наши окопы переходятъ изъ рукъ въ руки и дѣло нерѣдко доходитъ до штыковъ. Упорный бой продолжался на лѣвомъ берегу Нарева, къ сѣверо-востоку отъ Рожанъ, на участкѣ Дзебенинъ—Бжезно, гдѣ непріятелю каждый шагъ впередъ дается цѣной огромныхъ потерь и усилій. На Н. Наревѣ и на лѣвомъ берегу Вислы 20-го іюля велась только перестрѣлка. Переправившіяся черезъ Вислу германскія части послѣ весьма упорнаго боя вечеромъ 19-го іюля захватили часть большого лѣса сѣвернѣе Маціевице и распространились на болѣе значительномъ пространствѣ. Между Вислой и Бугомъ непріятель велъ атаки въ районѣ п. Куровъ и къ сѣверу отъ Люблина, гдѣ былъ отбитъ нами съ большими для него потерями, а также по обѣ сторонѣ шоссе Травники—Влодава. Непріятелю удалось нѣсколько продвинуться на нижнемъ теченіи рѣки Свинки. На Бугѣ, Золотой-Липѣ и Днѣстрѣ безъ перемѣнъ. Между Днѣстромъ и Бугомъ была отбита слабая атака непріятеля.

На Черномъ морѣ наши миноносцы обыскали все побережье Анатоліи, причемъ ими уничтожено свыше 450 парусныхъ судовъ и четыре верфи

для ихъ постройки. Командиры судовъ, захваченныхъ въ морѣ, взяты въ плѣнъ.

На ольтинскомъ направленіи кавказскаго фронта у Аркинса наши развѣдчики сбили турецкій постъ. По всему фронту были столкновенія нашихъ развѣдчиковъ съ турецкими передовыми частями. Въ саракамышскомъ направленіи во время воздушной развѣдки одинъ изъ нашихъ летчиковъ бросилъ бомбы въ большой лагерь турокъ, приведши ихъ въ разстройство. На алашкертскомъ направленіи происходили аррьергардные бои.

На французскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 21-го іюля, въ Артуа въ округѣ Сушэ происходили въ теченіе части ночи съ 20-го на 21-ое іюля оживленные бои съ примѣненіемъ гранатъ и петардъ. Въ равнинѣ Кеневьеръ и въ долинѣ рѣки Эна велись довольно ожесточенные артиллерійскіе бои, причемъ подвергся бомбардировкѣ Суассонъ. Въ Аргоннахъ, въ секторѣ Сентъ-Юберъ—Мари-Терезъ—Фонтенъ-о-Шармъ, у высоты 213 сраженіе продолжалось и ночью. Германцы произвели нѣсколько атакъ, однако не имѣли никакого успѣха. Въ Эпаржѣ происходила довольно энергичная бомбардировка. Въ Вогезахъ непріятель произвелъ въ ночь на 20-ое іюля атаку противъ французскихъ позицій у Ленжа и три атаки противъ поизцій у Баренкопфа. Эти ожесточенныя атаки были отражены французами.

Въ продолженіе всего дня 21-го іюля въ Аргоннахъ происходилъ очень оживленный бой съ помощью ручныхъ гранатъ въ западной части лѣса, до района Сентъ-Юбера. Оживленная бомбардировка происходила въ Апремонскомъ лѣсу и въ Бандесаптѣ.

21-го іюля итальянская главная квартира извѣстила:

«Въ долинѣ Кадора нами продолжается успѣшный обстрѣлъ и разрушеніе укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій. Въ Карніи 19-го іюля непріятель пытался предпринять контръ-наступленіе противъ вершины Медетта, захваченной нами 17-го іюля, но былъ отраженъ съ большими для него потерями. 20-го іюля непріятель подъ прикрытіемъ тумана атаковалъ врасплохъ наши позиціи, идущія отъ Скарница до Монте-Квестальта, но также былъ отраженъ. По дополнительнымъ свѣдѣніямъ, 17-го іюля передъ Форчеллой непріятелемъ на мѣстѣ боя было оставлено, кромѣ 100 труповъ, около 200 ружей, много боевыхъ припасовъ, а, кромѣ того, нами взято около двухъ десятковъ плѣнныхъ. Въ слѣдующіе два дня непріятельская артиллерія, находившаяся въ окрестностяхъ Мальборгето, продолжительное время обстрѣливала Форчеллу, пользуясь также снарядами съ удушливыми газами. Однако наша артиллерія быстро привела къ молчанію непріятельскія орудія. На Карсо, въ ночь на 20-ое іюля непріятель возобновилъ ожесточенныя атаки противъ нашего праваго крыла въ области Монте-Сеи-Буси, предварительно предпринявъ демонстративныя дѣйствія противъ лѣваго крыла. Однако всѣ его усилія разбились о наше стойкое сопротивленіе. Вчерашній день мы продолжали наше наступленіе, продвинувшись значительно въ направленіи центра. На правомъ крылѣ продолжается упорный, тяжелый бой за расширеніе занятой нами территоріи у Монте-Сеи-Буси. Нами захвачено 345 плѣнныхъ, изъ которыхъ 3 офицера».

22-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго доносилъ: На направленіи Баускъ—Рига 21-го іюля бои велись на рѣкѣ Миссѣ. Къ востоку отъ Поневѣжа германцы, собравъ свои силы, продолжали вести встрѣчное наступленіе, бои въ этомъ районѣ развивались послѣдніе дни съ перемѣннымъ успѣхомъ. На Наревѣ 21-го іюля мы отражали настойчивыя атаки непріятеля на направленіи Кольно—Ломжа, а близъ устья Шквы и на остроленскомъ участкѣ наши войска съ упорнымъ боемъ отходили на новый фронтъ. На Вислѣ наши войска, въ соотвѣтствіи съ полученными ими распоряженіями, перешли съ линіи Блоне—Надаржинъ на варшавскую позицію. Передвиженіе это выполнено безъ помѣхи со стороны противника. Германскія войска, переправившіяся въ теченіе предшествовавшихъ дней черезъ Вислу у Маціевице, 20-го іюля вели крупными силами рядъ безуспѣшныхъ атакъ, тщетно стремясь къ дальнѣйшему расширенію занятаго ими района. Въ районѣ Ивангородской переправы наши войска, въ соотвѣтствіи съ намѣченнымъ образомъ дѣйствій, постепенно сокращаютъ на лѣвомъ берегу Вислы свой фронтъ. Между Вислой и Бугомъ бои продолжаются. На правомъ берегу Вепржа у озера Дратовъ къ сѣверо-востоку отъ с. Ленчна и на шоссе отъ Холма во Влодаву, въ районѣ Горы Лысой, 21-го іюля непріятель производилъ крупными силами попытки прорвать нашъ фронтъ, бой здѣсь достигъ почти невиданнаго еще ожесточенія. Особенно отличались 42-я пѣхотная дивизія, поддержанная 19-мъ Костромскимъ полкомъ, и 18-я и 70-я дивизіи. Въ теченіе цѣлаго дня градъ непріятельскихъ снарядовъ засыпалъ ихъ окопы, но эти части стойко держались, находя укрытіе въ воронкахъ отъ непріятельскихъ снарядовъ, и упорно отражали натискъ большихъ силъ непріятеля, затѣмъ съ наступленіемъ темноты онѣ перешли въ стремительное наступленіе и опрокинули густыя массы германцевъ, кои были обращены въ безпорядочное отступленіе. При контръ-ударѣ на холмскомъ направленіи успѣху въ большой мѣрѣ содѣйствовали боевые автомобили.

Морской генеральный штабъ опубликовалъ слѣдующее заявленіе:

Успѣшность нашихъ военно-морскихъ операцій, предпринятыхъ для осуществленія контроля на путяхъ Чернаго моря, вызвала германское официальное сообщеніе, въ которомъ командиры русскихъ судовъ обвиняются въ примѣненіи варварскихъ пріемовъ войны. Указывая, что уничтожаемыя турецкія суда вовсе не занимаются перевозкой грузовъ, служащихъ для цѣлей войны, германское сообщеніе утверждаетъ, что разстрѣливаютъ и топятъ торговыя суда безъ предварительнаго осмотра, опроса или предупрежденія, причемъ той же участи подвергаютъ и личный составъ этихъ судовъ.

Невзирая на то, что такое сообщеніе исходитъ отъ правительства страны, которая, ведя войну, систематически, упорно и настойчиво нарушаетъ сама передъ глазами цѣлаго міра законы не только международные, но и общечеловѣческіе, морской генеральный штабъ все-таки почитаетъ нужнымъ выступить съ опроверженіемъ и рѣшительно заявляетъ, что все содержаніе германскаго сообщенія представляетъ собою сплошную неправду.

Наши миноносцы и подводныя лодки дѣйствительно топятъ турецкія суда, занимающіяся транспортной службой вдоль турецкаго побережья, такъ какъ суда эти перевозятъ уголь, керосинъ, съѣстные припасы и боевое снабженіе непріятеля. Конфискованные артиллерійскіе снаряды были доставлены въ Севастополь и такимъ образомъ являются вещественнымъ доказательствомъ лживости германскаго сообщенія въ

той его части, которая утверждаетъ, что турецкія суда не занимаются перевозкой военныхъ грузовъ.

По показаніямъ плѣнныхъ грековъ, снимаемыхъ нами съ этихъ судовъ, турецкія власти силой и угрозами заставляютъ ихъ служить на шхунахъ, занятыхъ перевозкой военной контрабанды, причемъ для наблюденія за ними на судно обычно назначается турецкій капитанъ. Матросы этихъ судовъ, какъ греческой, такъ и турецкой національности, по особому распоряженію не были призваны на военную службу и остаются для комплектованія пловучихъ средствъ—транспорта военныхъ грузовъ снабженія на Черномъ морѣ.

Тѣмъ не менѣе, уничтожая турецкія суда, нашъ флотъ неизмѣнно принимаетъ всѣ возможныя мѣры къ спасенію непріятельскаго личнаго состава; потребовавъ остановки шхуны, русскіе командиры прибѣгаютъ къ выстрѣламъ лишь въ случаѣ неповиновенія; при этомъ личный составъ уничтожаемаго судна всегда предварительно снимается; во многихъ случаяхъ матросы-греки сами на своихъ шлюпкахъ спѣшатъ перебраться на русское судно; что касается матросовъ-турокъ, то послѣдніе, если шхуна уничтожается въ виду берега, часто пытаются достигнуть берега вплавь съ цѣлью избѣжать плѣна; эти спасавшіеся люди ни разу и ни при какихъ обстоятельствахъ нами не разстрѣливались. Всѣ сдавшіеся непріятельскіе моряки обязательно принимаются на наши суда и доставляются въ Севастополь. Это дѣлаютъ и подводныя лодки, несмотря на неудобство для нихъ брать къ себѣ лишнихъ людей. Сіе правило соблюдалось даже въ случаяхъ предательства, каковые бывали неоднократно, когда экипажъ турецкаго судна подпускалъ къ себѣ лодку яко бы съ намѣреніемъ сдаться, а на близкомъ разстояніи открывалъ затѣмъ по ней огонь изъ скрытыхъ орудій и винтовокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ морской генеральный штабъ считаетъ необходимымъ отмѣтить, что привозимые въ Севастополь многочисленные плѣнные турки и греки съ уничтоженныхъ судовъ доставляются всегда полностью по списку, изъ чего явствуетъ, что ни одинъ человѣкъ изъ сдавшейся команды не былъ оставленъ на гибель въ морѣ. Плѣнные всякій разъ выражаютъ нашимъ властямъ признательность за заботливое и человѣколюбивое отношеніе къ нимъ, причемъ греки во многихъ случаяхъ предлагаютъ даже перейти на службу въ нашъ военный флотъ для войны противъ турокъ.

Въ Вогезахъ, несмотря на энергичныя атаки германцевъ, французы сохранили всѣ свои позиціи, за исключеніемъ части траншей, расположенныхъ на гребнѣ горы Ленжъ. На правомъ берегу р. Мааса у Буахо французы легко отразили попытку непріятельской атаки. На остальномъ протяженіи фронта продолжалась артиллерійская и минная борьба.

Итальянская главная квартира извѣстила:

«Наша тяжелая артиллерія успѣшно бомбардировала вокзалъ и желѣзную дорогу между Борго и Бальсугано, гдѣ была замѣчена интенсивная перевозка войскъ и обоза. Установлено, что непріятель понесъ тяжелыя потери во время своихъ упорныхъ атакъ противъ Монте-Медетта въ Карніи. Въ Карсо ночь на 21-е іюля прошла спокойно. Утромъ наша артиллерія обстрѣляла непріятельскую пѣхоту близъ Маркотини и колонны, двигавшіяся вдоль дорогъ изъ Рупа въ Добердо. Передвиженіе нашихъ войскъ снова возобновилось на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ, гдѣ мы слегка продвинулись впередъ; однако на лѣвомъ крылѣ намъ пришлось ограничиться удержаніемъ ранѣе отбитыхъ у непріятеля позицій. Непріятель тщетно пытался отбить у насъ территорію, захваченную нами на Монте-Сеи-Буси, но былъ отраженъ съ тяжелыми для него потерями.

23-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на рижскомъ направленіи непріятель послѣ боевъ на р. Миссѣ 22-го іюля

поспѣшно отступилъ къ р. Экау, оставивъ въ своихъ окопахъ много патроновъ и снаряженія. Въ районѣ къ востоку отъ Поневѣжа бои продолжались, причемъ германцамъ удалось продвинуться вновь нѣсколько впередъ. На наревскомъ фронтѣ германцы вели атаки на ломжинскомъ направленіи, а съ фронта Остроленка—Рожаны они перешли крупными силами въ наступленіе къ Острову. 22-го іюля сраженіе велось съ особымъ упорствомъ на участкѣ рѣки Ожъ. Наши войска вели энергичныя контръ-атаки противъ непріятеля, перешедшаго эту рѣку во многихъ пунктахъ. Къ западу отъ Варшавы южнѣе шоссе на Блоне мы 22-го іюля съ утра успѣшно отбивали атаки германцевъ. Непріятель, неся огромныя потери, достигалъ линіи нашихъ проволочныхъ загражденій, но здѣсь былъ задержанъ нашимъ огнемъ. На правомъ берегу Вислы у Маціевице положеніе въ общемъ оставалось безъ перемѣнъ. Въ районѣ Ивангорода наши войска перешли безъ натиска противника на правый берегъ Вислы и взорвали за собой мосты. На Верхнемъ Бугѣ, Золотой Липѣ и Днѣстрѣ перемѣнъ не произошло. Въ Черномъ морѣ наши миноносцы имѣли перестрѣлку съ батареями Эрегли и уничтожили 37 парусныхъ судовъ и одну верфь для ихъ постройки. Между Вислой и Бугомъ поздно вечеромъ 21-го іюля наши войска отбросили германцевъ съ огромными для нихъ потерями. На многихъ участкахъ фронта эти частные успѣхи, завершенные короткимъ преслѣдованіемъ, дали возможность нашимъ войскамъ въ ту же ночь безъ всякой помѣхи со стороны противника занять новый болѣе выгодный фронтъ какъ на лѣвомъ берегу р. Буга, такъ и на направленіи Владиміръ-Волынскій—Ковель.

По условіямъ общей обстановки наши войска, находившіяся къ западу отъ Варшавы, получили приказаніе отойти на правый берегъ Вислы. Согласно полученному донесенію, приказаніе это выполнено: войска, прикрывавшія Варшаву 23-го іюля, къ пяти часамъ утра, отошли безъ давленія со стороны противника на указанный имъ новый фронтъ, взорвавъ за собою всѣ мосты черезъ Вислу.

Въ Артуа, вокругъ Сушэ, въ теченіе ночи съ 22-го на 23-е іюля происходили бои ручными гранатами и подрывными снарядами, а также довольно сильный артиллерійскій бой. Довольно энергичная артиллерійская перестрѣлка происходила у Трасн-ле-Валя и вокругъ Ваи, въ долинѣ рѣки Эна. Въ Аргоннахъ ночью происходили ружейная перестрѣлка, бой бомбами въ траншеяхъ и нѣсколько разъ въ дѣлѣ принимала участіе артиллерія. На правомъ берегу р. Мааса у Брахо французы легко отразили попытки непріятельской атаки. Въ Вогезахъ продолжался энергичный артиллерійскій обстрѣлъ французскихъ траншей у Лингекопфа. Въ ночь на 22-е іюля германцы произвели весьма энергичную атаку, но, несмотря на нее, французы сохранили всѣ свои позиціи, за исключеніемъ части траншей, расположенныхъ на гребнѣ горы Ленжъ. Минная и артиллерійская борьба продолжалась въ теченіе всего дня 22 апрѣля почти на всемъ протяженіи фронта. Въ Вогезахъ происходили ожесточенные бои на высотахъ, господствующихъ надъ сѣверной частью долины Фехта, особенно на перевалѣ Шрацмепелле, гдѣ непріятель, завладѣвъ однимъ изъ французскихъ блокгаузовъ, былъ немедленно оттуда вы-

тѣсненъ контръ-атакой. Встрѣчный огонь французовъ причинилъ непріятелю тяжелыя потери.

23-го іюля сербское «Прессбюро» сообщило:

«17-го іюля, въ половинѣ третьяго утра непріятель съ помощью двухъ большихъ баркасовъ пытался переправиться на островъ Скеланска-Ада, но былъ встрѣченъ огнемъ нашей пѣхоты и обращенъ въ бѣгство, не успѣвъ достичь середины рукава Савы, отдѣляющаго островъ отъ лѣваго берега Савы.

«Днемъ 21-го іюля наша артиллерія разсѣяла непріятеля, окопавшагося близъ вокзала Оршавы. Въ тотъ же день, къ вечеру, близъ Текіе завязался

Герой войны.
Князь В. В. Трубецкой, капитанъ 1-го ранга, командовавшій миноносцами въ бою съ турецкимъ крейсеромъ «Гамидіе» и участвовавшій въ нашемъ дессантѣ въ Эрегли.

артиллерійскій бой. Однако наша артиллерія быстро привела къ молчанію непріятельскія батареи. Въ ночь съ 21-го на 22-е іюля непріятель въ нѣсколькихъ мѣстахъ у береговъ Савы открывалъ огонь, дабы укрѣпиться подъ его прикрытіемъ, но огнемъ съ нашей стороны мы помѣшали работамъ непріятеля.

«20-го іюля утромъ одна изъ нашихъ батарей на бѣлградскихъ позиціяхъ завязала бой съ непріятельской мортирной батареей на высотахъ Бежаніи. Одинъ изъ нашихъ аэроплановъ успѣшно корректировалъ нашу стрѣльбу, результаты которой были прекрасны. Непріятельская батарея была нами

разрушена и приведена къ молчанію. Двѣ полевыя батареи непріятеля выпустили безъ всякаго результата 56 снарядовъ по нашему аэроплану. Нѣсколько нашихъ аэроплановъ съ успѣхомъ сбросили 26 бомбъ на непріятельскій аэродромъ въ Бавапиштѣ. На другой день одинъ изъ нашихъ отрядовъ перешелъ Саву близъ небольшого острова Цингалія и, совершивъ успѣшную рекогносцировку, возвратился, захвативъ нѣсколько плѣнныхъ».

Четверное согласіе вручило софійскому правительству ноту, предлагающую содѣйствовать державамъ четверного согласія взамѣнъ уступокъ территоріи, согласно договору 1912 года.

23-го іюля донесеніе итальянскаго главнокомандующаго гласило:

«Въ долинѣ Кордеволе мы продолжали наступательныя операціи, стремясь завершить занятіе Коль-ди-Лана, гдѣ во время боевъ отъ 4-го до 14-го іюля мы захватили передовые окопы въ направленіи Салесеи, Піевэ-ди-Авиналонцо и Агаи. Подъ сильнымъ огнемъ противника наша пѣхота, успѣшно поддерживаемая артиллеріей, штурмомъ овладѣла весьма сильнымъ защитнымъ укрѣпленіемъ на Коль-ди-Лано. Въ Карсо непріятель, съ цѣлью остановить наступленіе нашего центра и лѣваго крыла, предпринялъ вчера послѣ полудня ожесточенную атаку въ направленіи лѣса Капуччіо. Наши войска съ успѣхомъ выдержали ударъ, а затѣмъ, предпринявъ съ своей стороны отважное наступленіе, штурмомъ овладѣли однимъ изъ сильныхъ укрѣпленій, такъ называемыхъ Тринчерони, господствующихъ надъ восточнымъ выходомъ изъ лѣса Капуччіо и подступомъ къ Санъ-Мартино-дель-Карсо. Позднѣе вечеромъ непріятель пытался снова предпринять атаки на наши линіи, поддерживаемый интенсивной и продолжительной канонадой, однако и на этотъ разъ никакого результата достигнуто имъ не было».

24-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что между Двиной и Нѣманомъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. 23-го іюля германцы, атаковавшіе насъ въ районѣ истоковъ рѣки Пивессы, были нами успѣшно отброшены. На лѣвомъ берегу Нарева въ ночь на 23-е іюля и весь слѣдующій день продолжался упорнѣйшій бой на путяхъ отъ Рожанъ и Остроленки къ Острову. Рядъ нашихъ энергичныхъ контръ-атакъ остановилъ непріятеля на фронтѣ, протягивающемся верстахъ въ десяти отъ названной рѣки. Взято нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Жестокій огневой бой продолжался. На фронтѣ Средней Вислы, послѣ отхода нашихъ войскъ на правый берегъ рѣки, тихо. Варшава была нами оставлена, дабы не подвергать ее послѣдствіямъ бомбардировки. Лишь въ районѣ Маціевице продолжались безуспѣшныя попытки непріятельскихъ войскъ расширить занимаемый ими районъ. Между Вислой и Бугомъ наибольшимъ упорствомъ отличались бои 23-го іюля къ востоку отъ шоссе Травники—Влодава, гдѣ непріятель сосредоточилъ массовый огонь своей артиллеріи, вынудившій отойти наши войска нѣсколько къ сѣверу.

Главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе:

Въ офиціальномъ сообщеніи отъ 20-го іюля стараго стиля, исходящемъ изъ Вѣны, говорится о захватѣ семиградскими войсками подъ Ивангородомъ восьми позицій съ казематированными помѣщеніями, причемъ указывается, что австрійскія

войска могутъ считать этотъ день однимъ изъ славнѣйшихъ въ своей исторической жизни.

«Относительно этихъ заявленій австрійскаго генеральнаго штаба необходимо имѣть въ виду, что верки Ивангорода, почти исключительно изъ кирпича вовсе не отвѣчали требованіямъ современной фортификаціи, и въ октябрѣ 1914 года атаки непріятеля отражались не на линіи долговременнаго обвода, а на устроенныхъ впереди полевыхъ позиціяхъ.

Нынѣ, въ виду неспособности Ивангорода выдержать осаду, всѣ запасы изъ него были своевременно планомѣрно эвакуированы. На нѣсколькихъ линіяхъ полевыхъ укрѣпленій къ западу отъ Ивангорода наши аррьергарды задержали непріятеля на нѣсколько дней, поскольку это вызывалось общей стратегической обстановкой, причемъ упорныхъ боевъ вовсе не было, а 22-го іюля въ соотвѣтствіи съ общимъ планомъ нашихъ дѣйствій эти аррьергарды взорвали немногочисленныя бетонныя надбавки къ кирпичнымъ казематамъ укрѣпленій, разрушили мосты и отошли на правый берегъ Вислы.

24-го іюля французское правительство увѣдомляло о томъ, что въ Артуа, вокругъ Сушэ, происходили бои ручными гранатами въ теченіе всей ночи съ 23-го на 24-е іюля. Передъ Невиль-Сентъ-Ваастъ легко отражена попытка непріятеля произвести атаку. Въ Аргоннахъ происходилъ бой подрывными снарядами и метательными бомбами. Въ бою участвовала артиллерія, причемъ онъ принялъ болѣе интенсивный характеръ ночью, въ особенности вокругъ высоты 213, въ районѣ Фонтенъ-о-Шармъ и въ направленіи къ Сентъ-Юберу. На западъ отъ высоты 215 германцы пытались выйти изъ траншей, но были тотчасъ же остановлены французскимъ огнемъ. На правомъ берегу рѣки Мааса у Буас непріятель дважды атаковалъ французскія войска безъ успѣха, причемъ отраженъ ручными гранатами и огнемъ пѣхоты. Въ Лотарингіи германцы бомбардировали ночью деревню Амберсениль и позиціи французовъ вокругъ Гейлона. Два германскихъ летчика сбросили надъ Фрезъ, въ долинѣ рѣки Мерты, около десяти бомбъ, которыми убиты двѣ женщины и одинъ солдатъ. Минная и артиллерійская борьба продолжалась въ теченіе всего дня 24-го іюля почти по всей линіи фронта.

25-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что у Ковны непріятель атакуетъ передовыя позиціи крѣпости на лѣвомъ берегу Нѣмана, наши тяжелыя батареи ведутъ энергичный огонь.

У Осовца непріятель 24-го іюля съ разсвѣтомъ, развивъ сильный огонь и выпустивъ большія облака ядовитыхъ газовъ, началъ штурмъ крѣпостныхъ позицій, захватилъ укрѣпленія у Сосни, но огнемъ и контръ-атаками былъ отовсюду выбитъ.

На Наревѣ упорное сраженіе. На путяхъ къ Острову непріятелю 24-го іюля, послѣ кровопролитныхъ схватокъ, удалось нѣсколько продвинуться и расширить занятое имъ пространство. Ожесточенныя атаки непріятеля въ районѣ Сероцка наканунѣ вечеромъ были нами успѣшно отбиты.

На Вислѣ велась перестрѣлка. Наша тяжелая артиллерія успѣшно обстрѣливала въ ночь на 24-е іюля непріятельскія мостовыя работы на Вислѣ.

Между Вислой и Бугомъ болѣе упорные бои велись на направленіи отъ Курова на Коцкъ и въ районѣ праваго берега р. Вепржа, сѣвернѣе Ленчны.

На итальянскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 25-го іюля, въ секторѣ Плавы итальянскія войска укрѣпились на захваченныхъ позиціяхъ. Непріятель пытался въ ночь на 24-е іюля произвести противъ нихъ двѣ атаки, поддерживая послѣднія огнемъ многочисленной артилеріи, однако послѣдняя была приведена къ молчанію итальянскими орудіями. Обѣ атаки были отражены. Въ Карсо сраженіе продолжалось 24-го іюля въ теченіе всего дня и закончилось къ ночи съ значительнымъ успѣхомъ для итальянцевъ, особенно въ центрѣ, гдѣ они овладѣли широкимъ склономъ въ направленіи къ Добердо и захватили 140 плѣнныхъ. На правомъ флангѣ непріятельская артиллерія обстрѣливала зажигательными снарядами верфь въ Монфальконе, гдѣ возникъ большой пожаръ. Ожесточеннымъ огнемъ непріятель пытался воспрепятствовать подходу отрядовъ для тушенія огня, однако, благодаря энергіи и храбрости итальянскихъ войскъ, имъ удалось въ скоромъ времени локализировать пожаръ и въ значительной степени уменьшить его разрушительное дѣйствіе. Ночью съ 24-го на 25-е іюля итальянскій дирижабль сбросилъ бомбы надъ Полой, на которую уже ранѣе было произведено нѣсколько успѣшныхъ налетовъ. По причинамъ, еще не установленнымъ, дирижабль упалъ въ воду. Экипажъ, состоявшій изъ трехъ офицеровъ и трехъ нижнихъ чиновъ, оставшійся невредимымъ, былъ взятъ въ плѣнъ.

На французскомъ фронтѣ, 25-го іюля артилерійскій бой происходилъ въ Артуа вокругъ Сушэ и Рокленкура, а также между Уазой и Эномъ, на плоскогорьѣ Нувронъ. Въ Аргоннахъ германцы дважды возобновляли атаки вокругъ высоты 213, но были отброшены, взрывъ двухъ минъ позволилъ имъ занять одну изъ французскихъ траншей, изъ которой, однако, они немедленно были выбиты контръ-атакой французовъ.-Въ Апремонскомъ лѣсу артилерійскій огонь продолжался съ тою же интенсивностью, какъ и въ предыдущіе дни. Въ Вогезахъ непріятель неоднократно открывалъ огонь по фронту французскихъ позицій Ленжъ—Шрацменнеле. Около двухъ часовъ дня онъ произвелъ атаку на горный кряжъ Шрацменнеле по дорогѣ въ Гоннекъ. Атака это была остановлена огнемъ французовъ. Къ концу дня новая германская атака была отбита штыковымъ ударомъ и ручными гранатами.

26-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на направленіяхъ отъ Риги мы очистили отъ непріятеля пространство между рѣками Двиной, Экау и нижнимъ теченіемъ рѣки Аа. На путяхъ къ востоку отъ Поневѣжа бои продолжались попрежнему безъ существеннаго измѣненія. Атаки непріятеля на Ковну и Осовецъ, отбитыя нами 24-го іюля, на слѣдующій день не возобновлялись. Съ линіи рѣки Нарева непріятель продолжалъ вести напряженныя атаки по всему фронту, причемъ главныя массы непріятеля устремлены на участокъ Ломжа—Островъ. На лѣвомъ берегу рѣки Вепржа велись упорные арріергардные бои. При контръ-атакахъ нами было захвачено нѣсколько сотъ плѣнныхъ. На лѣвомъ берегу рѣки Буга между рѣками Турія и Луга мы успѣшно потѣснили на широкомъ фронтѣ непріятельскія передовыя части. На Верхнемъ Бугѣ, Золотой Липѣ и Днѣстрѣ мѣстами происходилъ рѣдкій артиллерійскій огонь.

26-го іюля штабъ кавказской арміи увѣдомилъ о томъ, что въ приморскомъ

районѣ происходила перестрѣлка. Наша моторная лодка у Вице пулеметнымъ огнемъ разсѣяла части противника. На ольтинскомъ направленіи мы удерживали занятыя нами наканунѣ турецкія позиціи и отбили атаки турецкой пѣхоты на гору Гей-Дагъ, съ большими для нихъ потерями. Турки усиленно окапывались. На сарыкамышскомъ направленіи мы также удерживали за-

Герой войны.

Полковникъ Н. И. Зиньковскій, подъ командой котораго батальонъ удостоился получить Царскую милость—шефство Его Императорскаго Величества—за беззавѣтную храбрость пластуновъ на турецкомъ фронтѣ.

нятыя наканунѣ турецкія позиціи и въ теченіе дня велся огневой бой. Здѣсь имѣлъ мѣсто успѣшный для насъ встрѣчный бой. Боевыя столкновенія развивались въ районѣ Мергемирскаго перевала. На алашкертскомъ направленіи наши дѣйствія развивались успѣшно. Одна изъ важныхъ турецкихъ позицій на высокомъ перевалѣ была взята лихой атакой въ штыки съ тыла, причемъ было переколото много непріятеля, а также захвачены плѣнные, пулеметы и оружіе.

26-го іюля французскія правительственныя сообщенія гласили: «Въ Артуа происходятъ бои вокругъ Сушэ съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ. Въ Аргоннахъ къ концу дня 25-го іюля германцамъ удалось проникнуть въ одно изъ нашихъ полевыхъ укрѣпленій, расположенныхъ въ сѣверной части лѣса, къ сѣверу отъ Фонтенъ-Гуэттъ. Германцы были оттуда выбиты контръ-атакой и удержались только въ наблюдательномъ пунктѣ, расположенномъ впереди нашей передовой линіи. Ночью непріятель атаковалъ наши позиціи въ секторѣ Ла-Филль-Мортъ и овладѣлъ одной изъ нашихъ траншей, однако тотчасъ же былъ оттуда выбитъ, удержавъ за собой лишь пространство въ тридцать метровъ. Въ Вогезахъ атака, произведенная 25-го іюля къ вечеру германцами, имѣла чрезвычайно ожесточенный характеръ и была направлена противъ нашихъ позицій у Лингекопфа и Пратценнеле, а также противъ холма, раздѣляющаго эти двѣ высоты. Атакующіе были отражены и потерпѣли большой уронъ. Передъ фронтомъ одной лишь роты, передъ проволочными загражденіями осталось болѣе ста труповъ германцевъ. Въ западной части фронта идетъ артиллерійскій бой: въ Бельгіи—въ секторѣ Стеенстраате-Хетзасъ, въ Артуа—на фронтѣ Сантерръ и въ долинѣ Эна, гдѣ Суассонъ подвергся бомбардировкѣ. Въ Аргонахъ происходитъ траншейный бой при помощи бомбъ и ручныхъ гранатъ. Въ Севрѣ значительный артиллерійскій бой, въ особенности въ области Флирэ и Лепретрскомъ лѣсу. Въ Вогезахъ германцы вечеромъ произвели новую атаку на наши позиціи на Ленжѣ, но были совершенно отброшены. Гильгенфирстъ подвергся сильной бомбардировкѣ со стороны непріятеля.»

26-го іюля итальянская главная квартира извѣстила: «Въ области Тоналэ наши альпійскіе стрѣлки, отважно продвигаясь впередъ по трудной скалистой дорогѣ, идущей съ юга надъ долиной Бельмонте, въ верхней части долины Ноче на разсвѣтѣ 25-го іюля напали врасплохъ и разсѣяли непріятельскія войска, окопавшіяся къ юго-востоку отъ вершины Эркавало, захвативъ при этомъ фугасные снаряды, патроны и другой военный матеріалъ, оставленный непріятелемъ. Въ тотъ же день другой непріятельскій отрядъ, окопавшійся въ Мальга-Палюдеи къ сѣверо-востоку отъ вершины Эркавало, былъ также выбитъ изъ своихъ позицій съ помощью мѣткой стрѣльбы нашей горной артиллеріи, установленной болѣе чѣмъ на 3.000 метровъ высоты на скалахъ Эркавало. Въ долинѣ Секстена и Кадора успѣшныя дѣйствія нашей артиллеріи средняго калибра содѣйствовали продвиженію впередъ нашей пѣхоты, которая, тѣсня постепенно противника, заняла фронтъ отъ Монте-Неро до южныхъ склоновъ Бургсталя, гдѣ и укрѣпились. Въ Карсо непріятель 26-го іюля съ цѣлью остановить предпринятыя нами работы произвелъ нѣсколько незначительныхъ контръ-атакъ, которыя немедленно нами отражались, а кромѣ того пытался установить предъ нашими окопами проволочныя загражденія. Наша артиллерія обстрѣляла непріятельскую колонну, двигавшуюся отъ Деветаки къ передовымъ линіямъ, а кромѣ того мѣткой стрѣльбой вызвала взрывы и пожары въ окрестностяхъ Маркотини».

27-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что между Двиной и Нѣманомъ 26-го іюля наши войска на направленіи отъ Фридрих-

штадта оттѣснили непріятеля на правый берегъ рѣки Нѣменекъ на участкѣ выше Шенберга. Въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Вилькомира передовыя части германцевъ съ крупными для нихъ потерями были выбиты изъ нѣсколькихъ селеній, при этомъ нами взято нѣсколько десятковъ плѣнныхъ. Въ ночь на 26-е іюля противникъ возобновилъ свои попытки атаковать укрѣпленія Ковны. Наши позиціи въ теченіе дня усиленно обстрѣливались непріятельской артилеріей до самыхъ крупныхъ калибровъ включительно. Атаки противника на передовыя позиціи носили весьма ожесточенный характеръ. По только что полученнымъ донесеніямъ, штурмъ германцевъ на западный фронтъ Ковны, произведенный ими въ ночь на 27-е іюля, былъ повсюду отбитъ съ огромными для германцевъ потерями. Наша артиллерія энергично отвѣчала на огонь врага. У Осовца и въ районѣ Едвабно происходилъ оживленный огонь. На лѣвомъ берегу Нарева въ теченіе 26-го іюля велись отдѣльные бои преимущественно въ направленіи на Ломжу и на сѣверный участокъ шоссе Ломжа—Островъ. Въ прочихъ районахъ и на правомъ берегу Средней Вислы крупныхъ боевыхъ столкновеній не было. На путяхъ къ Влодавѣ, а также на Бугѣ, Золотой Липѣ и Днѣстрѣ положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

26-го іюля германскій флотъ въ составѣ девяти кораблей, двѣнадцати крейсеровъ и большого числа миноносцевъ упорно атаковывалъ входъ въ Рижскій заливъ. Атаки отбиты, отраженію ихъ способствовали наши гидропланы, бросая бомбы. На нашихъ минахъ подорванъ одинъ непріятельскій крейсеръ и два миноносца.

На всемъ протяженіи кавказскаго фронта продолжался бой. За 25-е и 26-е іюля боевыя столкновенія развивались по всему фронту отъ рѣки Туртунъ до рѣки Евфрата. На ольтинскомъ направленіи и въ Пассинской долинѣ существенныхъ перемѣнъ не произошло. На даярскомъ направленіи наши войска атаковали хребетъ Шаріанъ-Дагъ и къ вечеру 26-го іюля овладѣли сѣвернымъ хребтомъ двойного перевала Мергемиръ. Турки нѣсколько разъ бросались въ контръ-атаку, но были опрокинуты. На евфратскомъ направленіи наша конница лихимъ налетомъ атаковала турокъ въ Дутахѣ, многихъ порубила, захватила въ плѣнъ восемь офицеровъ и болѣе 300 аскеровъ, а также верблюжій транспортъ, нѣсколько сотъ головъ скота, телеграфную станцію, снаряды, оружіе и запасы продовольствія. Въ долинѣ Евфрата у селенія Оханъ былъ упорный бой. Наши колонны преслѣдовали турокъ по пятамъ.

27-го іюля фельдмаршалъ Френчъ доносилъ: «Съ 19 іюля артиллерія обѣихъ сторонъ проявляла активность къ сѣверу и востоку отъ Ипра, причемъ успѣхъ былъ на нашей сторонѣ. Сегодня утромъ послѣ успѣшнаго обстрѣла нашей артиллеріей, которой французы на лѣвомъ флангѣ оказывали энергичное содѣйстіе, мы атаковали траншеи у Гоожъ, захваченныя непріятелемъ 17-го іюля. Всѣ онѣ были взяты обратно, причемъ, развивая нашъ успѣхъ, мы продвинулись къ сѣверу и западу отъ Гоожъ, расширивъ нашъ фронтъ до 1.200 ярдовъ. Нами захвачено въ плѣнъ три офицера и 124 нижнихъ чина, а также два пулемета».

27-го іюля французское правительство увѣдомило о томъ, что въ Артуа ночь прошла тревожно въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса. Атака германцевъ,

произведенная къ сѣверу отъ станціи Сушэ, была отражена. Въ секторѣ Невилль-Сентъ-Ваастъ къ востоку отъ Лилльской дороги германцы, взорвавъ заложенную мину, ожесточенно бомбардировали французскія позиціи и пытались выйти изъ своихъ траншей, но были немедленно остановлены огнемъ французской пѣхоты и артиллеріи. Въ Аргоннахъ близъ дороги Вьеннъ-ле-Шато — Бинарвилль непріятель атаковалъ французскія позиціи, забрасывая ихъ гранатами и петардами, но былъ отброшенъ къ своей линіи дружнымъ французскимъ огнемъ. Въ западной части лѣса, отъ Хотъ-Шевошэ вплоть до Вокуа, ночью происходилъ бой съ примѣненіемъ гранатъ и ружейнаго огня. Въ Вогезахъ новая атака германцевъ противъ французскихъ позицій у Ленжа, произведенная около часу ночи, закончилась полной неудачей: огнемъ французскихъ войскъ непріятелю причинены значительныя потери. День 27-го іюля прошелъ сравнительно спокойно на всемъ протяженіи фронта. Въ Артуа происходили артиллерійскіе бои между Соммой и Уазой и въ долинѣ рѣки Эна. Реймсъ подвергся бомбардировкѣ. Въ Аргоннахъ въ направленіи Фонтенъ-о-Шармъ непріятель пытался овладѣть французскими передовыми постами, но повсюду былъ отраженъ. Въ Вогезахъ происходила обычная канонада. Воздушная эскадра въ составѣ 32 аэроплановъ-бомбометовъ, въ сопровожденіи аэроплановъ-развѣдчиковъ, направилась для бомбардировки станцій и заводовъ въ Сарребрюкке. Атмосферическія условія были неблагопріятны: долины были покрыты туманомъ, небо облачно. Тѣмъ не менѣе, несмотря на трудности при опредѣленіи направленія, 28 аппаратовъ достигли цѣли и сбросили 164 снаряда разныхъ калибровъ. Аэропланы-развѣдчики заставили отойти германскіе аппараты, пытавшіеся преградить дорогу эскадрѣ. Послѣ налета наблюдались многочисленные пожары въ мѣстахъ попаданія бомбъ.

27-го іюля съ французскаго колоніальнаго театра войны были получены слѣдующія вѣсти: «Французскія колонны съ большимъ успѣхомъ оперируютъ въ южномъ и восточномъ Камерунѣ. Часть Конго, уступленная Германіи въ 1911 году, будетъ окончательно занята французскими войсками. Наши войска проявляютъ энергичную дѣятельность на фронтѣ Гаджи—Бери—Бимба. Гаджи уже очищенъ германскими войсками, окруженіе которыхъ продолжается».

27-го іюля итальянская главная квартира доносила: «Въ Верхнемъ Комелико, въ Кадорѣ, наши войска прочно укрѣпили за собой вершину Ундичи. Въ Карніи одинъ изъ нашихъ отрядовъ, оборонявшій проходъ Кабалло, между Фреткофелемъ и Пальграндэ, утромъ 25-го іюля атаковалъ находившіяся напротивъ австрійскія траншеи и очистилъ ихъ отъ непріятеля. Съ наступленіемъ ночи послѣдній сдѣлалъ попытку съ большими силами снова овладѣть позиціями, однако былъ отраженъ съ большимъ урономъ. Въ зонѣ Плавы наши войска заняли нѣсколько непріятельскихъ окоповъ въ направленіи Загоры и Пальеро, причемъ захватили снаряды, ручныя гранаты и метательныя бомбы. Въ Карсо военныя дѣйствія продолжаютъ развиваться для насъ благопріятнымъ образомъ. Вчера непріятель снова сталъ обстрѣливать судостроительную верфь въ Монфальконе, причемъ тамъ опять возникъ пожаръ. Несмотря на сильный артиллерійскій огонь противника, и въ этотъ разъ пожаръ былъ быстро потушенъ».

28-го іюля черногорское Прессбюро сообщило: «Въ теченіе 27-го іюля происходилъ артиллерійскій и ружейный бой на фронтѣ Горраждо и Гацко. Непріятель былъ отраженъ, понеся значительныя потери».

28-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ:

На путяхъ отъ Риги въ ночь на 27-е іюля мы успѣшно отбили послѣ рукопашныхъ схватокъ нѣсколько атакъ германцевъ, несмотря на содѣйствіе послѣднимъ сильной тяжелой артиллеріи. Послѣ боевъ въ теченіе той же ночи и слѣдующаго дня на двинскомъ направленіи, въ районѣ Шенбергъ—Понѣмуни—Вилькомиръ противникъ, подъ нашимъ натискомъ, началъ отходить назадъ, причемъ въ наши руки попало до сотни плѣнныхъ, нѣсколько пулеметовъ и зарядные ящики. На фронтѣ Нарева, на путяхъ отъ Ломжи, Снядово и Острова упорные бои продолжаются. Предпринятое германцами наступленіе противъ Новогеоргіевска вдоль лѣваго берега Вислы отбито огнемъ нашей артиллеріи. На направленіи Люблинъ—Луковъ, на правомъ берегу Вепржа, противникъ днемъ 27-го велъ наступленіе, которое, несмотря на настойчивый его характеръ, нами остановлено. На путяхъ отъ Влодавы успѣшно отбита атака противника, примѣнявшаго удушливые газы. На Днѣстрѣ, въ районѣ устья рѣки Стрыпы австрійцы 28-го іюля перешли въ частичное наступленіе, бой продолжается. На остальныхъ участкахъ всего нашего фронта крупныхъ столкновеній не происходило.

По полученнымъ даннымъ, штурмъ Ковны, предпринятый германцами 26-го іюля, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Противникъ штурмовалъ фронтъ нашихъ укрѣпленій отъ деревни Пипле до ф. Елизенталя на рѣчкѣ Еся. Непріятельская осадная артиллерія начала бомбардировку послѣ полуночи, введя въ бой орудія всѣхъ калибровъ до 16-дюймоваго включительно; ураганный огонь противника длился не менѣе двухъ часовъ, причемъ на него энергично отвѣчали наши батареи. Около трехъ часовъ ночи штурмующія колонны, прикрываясь густыми цѣпями, двинулись на наши позиціи. Сосредоточеннымъ огнемъ, взрывомъ фугасовъ, а затѣмъ доблестными контръ-атаками нашихъ войскъ противникъ уже къ пяти часамъ утра былъ отбитъ на всемъ атакованномъ фронтѣ. Обезсиленные германцы, понеся чрезвычайныя потери, отхлынули въ ближайшіе овраги, гдѣ, повидимому, стали приводиться въ порядокъ и готовиться къ новому штурму. Къ полудню 26-го іюля огонь противника снова усилился до ураганнаго. Несмотря на его интенсивность, продолжительность и разрушительную силу непріятельскихъ мощныхъ орудій, наши войска стойко выдержали градъ сыпавшихся на нихъ артиллерійскихъ снарядовъ. Наша артиллерія доблестно поддерживала огнемъ своихъ героевъ. Такъ прошелъ весь день. Съ приближеніемъ темноты постепенно накопившіяся передъ нашими позиціями колонны противника снова ринулись на штурмъ. Послѣдній продолжался два часа. Противнику удалось овладѣть частью сметенныхъ его огнемъ окоповъ на линіи передовыхъ позицій, но затѣмъ геройскими усиліями подоспѣвшихъ резервовъ нѣмцы и на этотъ разъ были отбиты съ огромными для нихъ потерями. Въ рукахъ врага остались лишь укрѣпленія у дер. Пипле, доставшіяся ему цѣной огромныхъ усилій и потерь.

На кавказскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 28-го іюля, въ Пассинской до-

линѣ атаки турокъ по всему фронту были нами отражены. Упорный бой шелъ изъ-за Мергемирскаго перевала, который взятъ нашими войсками, несмотря на ожесточенныя атаки турокъ. Противникъ въ безпорядкѣ отступилъ къ югу. На евфратскомъ направленіи наши войска, тѣсня отступающихъ турокъ, съ боемъ овладѣли палантекенскими позиціями, захватили два орудія съ зарядными ящиками, массу патроновъ, оружіе, телефонную станцію, верблюжій транспортъ и плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ командиръ пѣхотнаго полка и 4 офицера. Наши команды, преслѣдуя турокъ, захватывали все новыя партіи плѣнныхъ.

На французскомъ фронтѣ, по сообщеніямъ отъ 28-го іюля, въ Артуа, къ сѣверу отъ ст. Сушэ, германцы произвели ночью съ 27-го на 28-ое двѣ атаки подрывными снарядами, но были отброшены огнемъ французовъ въ свои траншеи. Въ Аргоннахъ, въ восточной части лѣса, происходила артиллерійская и ружейная перестрѣлка, безъ столкновеній между пѣхотными частями. Въ Вокуа происходилъ бой бомбами и ручными гранатами. Въ Лепретрскомъ лѣсу непріятель, послѣ сильнаго обстрѣла, произвелъ 27-го іюля около 8 часовъ вечера атаку французскихъ траншей въ районѣ Круа-де-Кармъ, но былъ остановленъ французами встрѣчнымъ огнемъ. Ночью новая атака, сопровождаемая бомбардировкой снарядами съ удушливыми газами, была также остановлена французской артиллеріей. Къ Лотарингіи развѣдка, направленная непріятелемъ противъ станціи Муленъ-Монсель, была легко отражена. День 28-го іюля прошелъ спокойно. Имѣлись донесенія только объ артиллерійскихъ бояхъ въ Артуа, въ долинѣ Эна, въ районѣ Труайонъ и на опушкахъ лѣсовъ Аргонскихъ и Апремонскаго. Четыре аэроплана, принимавшіе участіе въ обстрѣлѣ Саарбрюкена, не вернулись на французскія линіи. Передаютъ, будто одинъ изъ нихъ спустился на швейцарской территоріи близъ Пеернъ, въ Ваадскомъ кантонѣ.

Общее положеніе на итальянскомъ фронтѣ къ 28-го іюля оставалось безъ перемѣнъ. Однако итальянская артиллерія нанесла непріятелю крупный уронъ близъ Ливиналлонга. Въ Карсо итальянцы легко отразили мелкія ночныя атаки непріятеля, ставшія обычнымъ явленіемъ и тщетно предпринимаемыя съ цѣлью помѣщать производству итальянцами земляныхъ работъ.

28-го іюля генералъ Гамильтонъ доносилъ о положеніи дѣлъ въ Дарданеллахъ:

«За послѣдніе нѣсколько дней мы значительно продвинулись впередъ. Въ зонѣ Суртъ-Хори мы выиграли 200 ярдовъ на фронтѣ въ 300 ярдовъ, къ востоку отъ дороги на Критію, и удержали ихъ, несмотря на рѣшительныя контръ-атаки, которыя были отбиты съ тяжелыми потерями для непріятеля. Повторныя атаки турокъ на другихъ пунктахъ этой зоны отбиты. Нѣсколько атакъ, сдѣланныхъ французскими частями, и ихъ содѣйствіе принесли огромную пользу. Въ зонѣ Анзакъ мы укрѣпились на Чунукъ-Баирѣ, часть Саръ-Баира тоже занята нами. Заняты и вершины кряжа, послѣ ожесточеннаго боя и успѣшнаго штурма сильно защищенныхъ позицій. Здѣсь потери непріятеля были значительны. Наше наступленіе началась ночью при помощи прожектора съ контръ-миноносца. Въ другихъ мѣстахъ успѣшно высажены новые десанты, и

мы тоже значительно продвинулись впередъ. Захвачено 630 плѣнныхъ, одно орудіе, двѣ мортиры, девять пулеметовъ и большое число бомбъ. Повсюду разбросано много непріятельскихъ ружей, снарядовъ и аммуниціи». Англійская подводная лодка потопила въ Дарданеллахъ турецкій броненосецъ «Хейреддинъ-Барбаросса»; большая часть экипажа была спасена.

29-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на путяхъ отъ Риги вечеромъ 27-го іюля наши войска успѣшно отбили атаки противника на рѣкѣ Экау. На направленіи отъ Якобштадта мы отбросили германцевъ изъ района Шенберга, а на направленіяхъ отъ Двинска къ Поневѣжу продолжали тѣснить отступающаго противника, причемъ мѣстами его упорно задерживающіяся части приходилось выбивать штыками. У Ковны въ ночь на 28-ое германцы снова настойчиво штурмовали наши западныя укрѣпленія, возобновивъ свои атаки и на слѣдующій день. Контръ-атаками гарнизона почти совершенно уничтожены были три германскихъ батальона, нами взято до сотни плѣнныхъ и пулеметы. На направленіяхъ отъ Остроленки, Рожанъ и Пултуска упорное наступленіе германцевъ продолжается. Наши войска, несмотря на потери и безпрерывные бои съ усиливающимся противникомъ, оказывали ему энергичное сопротивленіе на всемъ протяженіи фронта отъ Нарева до Буга. У Новогеоргіевска предпринятое нѣмцами послѣ сильной артиллерійской подготовки наступленіе на наши южныя укрѣпленія было остановлено огнемъ послѣднихъ. На путяхъ отъ Средней Вислы происходили стычки охраняющихъ частей. На путяхъ отъ Вепржа къ Лукову и Влодавѣ 28-го іюля наши войска отбивали атаки противника, причемъ наступавшіе отъ Холма германцы отброшены къ рѣкѣ Ухеркѣ. Въ районѣ Владимира-Волынскаго наша конница потѣснила противника. На Днѣстрѣ бой, начавшійся 26-го іюля въ районѣ устья рѣки Стрыпы, продолжался весь слѣдующій день, причемъ австрійцы вновь начали употреблять разрывныя пули. Атаки ихъ къ вечеру были нами остановлены.

29-го іюля французское правительство извѣстило о томъ, что въ Артуа происходила оживленная артиллерійская перестрѣлка въ теченіе ночи на 29-ое іюля вокругъ Сушэ. Попытка германцевъ произвести атаку съ примѣненіемъ подрывныхъ снарядовъ были французами отражена. Въ Аргоннахъ непріятель ожесточенно бомбардировалъ французскія позиціи въ востому отъ дороги Вьеннъ-Шато—Бинарвилль. На остальномъ протяженіи фронта ночь прошла спокойно.

Днемъ 29-го іюля въ Артуа, въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса, происходили артиллерійскіе бои. Въ Аргоннахъ артиллерійскій огонь вновь усилился, причемъ непріятелемъ примѣнялись снаряды, распространяющіе удушливые газы. На разсвѣтѣ артиллерійская канонада сопровождалась ожесточенной германской атакой противъ французскихъ позицій между дорогой Бинарвилль—Вьеннъ-Шато и лощиной Гуеттъ, въ которой участвовали по крайней мѣрѣ три полка. Въ центрѣ этого сектора германцамъ удалось проникнуть въ французскія позиціи, но затѣмъ они были вытѣснены контръ-атаками французовъ, происходившими въ теченіе дня, причемъ имъ удалось сохранить лишь часть одной изъ французскихъ перволинейныхъ траншей. Французы захватили

плѣнныхъ, принадлежащихъ къ вюртембергскому корпусу. Болѣе на востокъ, въ направленіи Фонтенъ-о-Шармъ, непріятель также произвелъ атаку противъ французскихъ траншей, которая, однако, была совершенно отражена. Въ Лепретрскомъ лѣсу и въ Вогезахъ у Ленжа и Гильзенфирста происходилъ довольно ожесточенный артиллерійскій бой.

29-го іюля офиціальныя сообщенія изъ Лондона гласили:

«Небольшое британское дозорное судно «Ramsey» потоплено германскимъ вспомогательнымъ крейсеромъ «Meteor» 26-го іюля въ Сѣверномъ морѣ. 4 офицера и 39 матросовъ спасены. Послѣ этого «Meteor» былъ замѣченъ эскадрой британскихъ крейсеровъ. Командиръ германскаго судна, видя, что спастись бѣгствомъ невозможно, приказалъ экипажу покинуть судно, которое затѣмъ взорвалъ.

«28-го іюля на Галлипольскомъ полуостровѣ, главнымъ образомъ въ зонѣ, занятой австралійцами и новозеландцами, шли ожесточенные бои. Результатомъ этихъ боевъ явилось то, что площадь, занимаемая австралійскими и новозеландскими войсками въ сѣверномъ секторѣ близъ Габатепе, увеличилась почти втрое, благодаря доблестнымъ дѣйствіямъ этихъ войскъ. Въ сѣверу мы не могли продвинуться впередъ, но тѣмъ не менѣе наши войска нанесли тяжелыя потери непріятелю. Какъ сообщаютъ, французскій броненосецъ «Saint-Louis» подбилъ пять изъ шести орудій турецкихъ батарей на азіатскомъ побережьѣ.

«Отрядъ германскихъ дирижаблей въ минувшую ночь съ 28-го на 29-ое іюля совершилъ воздушный набѣгъ на восточное побережье Англіи, причемъ зажигательными бомбами вызвалъ нѣсколько пожаровъ, быстро, однако, потушенныхъ. Сброшенными бомбами убиты: 1 мужчина, 8 женщинъ и 4 дѣтей; ранены 4 мужчинъ, 6 женщинъ и 2 дѣтей. Одинъ изъ цеппелиновъ былъ серьезно поврежденъ огнемъ нашихъ батарей и, какъ сообщаютъ, сегодня утромъ, былъ отведенъ на буксирѣ въ Остенде. Здѣсь цеппелинъ подвергся нападенію аэроплана, вылетѣвшаго изъ Дюнкерка, и въ настоящее время цеппелинъ окончательно разрушенъ происшедшимъ на немъ взрывомъ».

На итальянскомъ фронтѣ въ Кадорѣ при успѣшной дѣятельности итальянской артиллеріи, направленной противъ сильныхъ укрѣпленій горныхъ равнинъ, непріятель повторными, но безуспѣшными атаками пытался отбросить итальянцевъ съ нѣкоторыхъ захваченныхъ ими позицій. 27-го іюля итальянцы отразили атаку въ долинѣ Секстенъ, противъ Монте-дель-Роибіанко и наступленіе непріятеля отъ Сейкофеля. Въ Карніи происходилъ ожесточенный артиллерійскій бой по всему фронту и небольшія столкновенія пѣхоты. Непріятель безуспѣшно пытался установить подвижныя проволочныя загражденія передъ итальянскими траншеями въ Монте-Мадетто. Близъ Плавы 28-го іюля къ вечеру итальянскія войска отразили двѣ атаки непріятеля, несмотря на то, что онѣ были поддержаны многочисленной артиллеріей. На Карсо итальянцы отразивъ въ ночь на 28-ое іюля атаку у Сеи-Буси, перешли къ утру въ контръ-атаку и въ нѣкоторыхъ пунктахъ фронта достигли значительнаго успѣха. Натискъ итальянской пѣхоты былъ столь энергиченъ, что двумъ ротамъ удалось штыковымъ ударомъ овладѣть сильно укрѣпленной и вдающейся въ линію непріятельскаго фронта высотой, но вслѣдствіе сосредоточеннаго артиллерійскаго огня и ожесточенной

контръ-атаки противника позиція эта не могла быть итальянцами удержана; однако войсками, овладѣвшими позиціями позади этой высоты, контръ-атака непріятеля была отбита.

Въ Адріатическомъ морѣ итальянской подводной лодкой была потоплена со всѣмъ экипажемъ австрійская подводная лодка.

30-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ рижскомъ районѣ утромъ 29-го іюля попытки германцевъ потѣснить наши передовыя части отражены. На якобштадтскомъ и двинскомъ направленіяхъ наши войска 28-го и 29-го числа продолжали успѣшно продвигаться впередъ, тѣсня передъ собой противника. Въ районѣ къ сѣверу отъ Вилькомира нами были заняты съ боя Коварскъ и Товяны. Захвачены плѣнные. У Ковны атаки германцевъ на западномъ фронтѣ отъ Нѣмана до Еси нами отбивались. Противнику удалось достичь лишь нѣкотораго успѣха у деревни Годлева. Идетъ ожесточенный артиллерійскій бой. На фронтѣ между Наревомъ и Бугомъ германцы съ упорствомъ продолжали свои атаки, особенно на путяхъ отъ Ломжи, Снядова и Коссева. Южнѣе, по обѣ стороны желѣзной дороги отъ Чижева на Малкинъ, наши войска днемъ 29-го іюля перешли въ контръ-атаку. На путяхъ отъ Средней Вислы положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. На фронтѣ между Вепржемъ и Бугомъ 29-го іюля противникъ предпринялъ рядъ ожесточенныхъ атакъ въ направленіи на Парчевъ и вдоль обоихъ шоссе отъ Холма на Влодаву; всѣ атаки были отбиты съ огромными для врага потерями. Эти потери особенно велики къ востоку отъ Острова, гдѣ передъ нашими позиціями остались груды германскихъ тѣлъ.

На Днѣстрѣ, въ районѣ устья р. Стрыпы, попытка противника перейти въ наступленіе была нами остановлена. 28-го іюля непріятель въ большихъ силахъ подходилъ одновременно ко входу въ Рижскій заливъ и къ Аландскимъ шхерамъ и обстрѣливалъ маяки. Послѣ отвѣтныхъ выстрѣловъ съ нашихъ судовъ и батарей непріятель быстро отошелъ въ море.

30-го іюля штабъ кавказской арміи доносилъ, что за 27-е іюля бои продолжались. На одномъ изъ участковъ ольтинскаго направленія пять ротъ турокъ, подъ прикрытіемъ огня четырехъ батарей, начали наступленіе въ долинѣ рѣки, но наша батарея, заставивъ замолчать турецкую артиллерію, сосредоточила свой огонь по турецкой пѣхотѣ. Когда же приняла участіе съ нашей стороны одна рота стрѣлковъ, турки смѣшались и бросились бѣжать. Наперерѣзъ имъ была выдвинута партія охотниковъ въ пятнадцать стрѣлковъ подъ командой унтеръ-офицера Колонда. Партія бросилась въ штыки на группу турокъ, силою около 100 человѣкъ, заколола 31 аскера, 28 аскеровъ взяла въ плѣнъ, въ томъ числѣ двухъ унтеръ-офицеровъ. Остальные турки спаслись бѣгствомъ. Попытки частичныхъ наступленій турокъ на ольтинскомъ направленіи и въ Пассинской долинѣ повсюду были отбиты. При овладѣніи нами Мергемирскимъ перевадомъ захвачено три турецкихъ пулемета и плѣнные, число которыхъ выясняется. Въ числѣ плѣнныхъ командиры двухъ полковъ. На евфратскомъ направленіи преслѣдованіе турокъ продолжалось, причемъ за послѣдніе дни одной нашей колонной взято въ плѣнъ 19 офицеровъ и 1.172 аскера, захвачено также болѣе 200 повозокъ, въ томъ числѣ повозки съ пироксилиномъ и

шанцевымъ инструментомъ. Захвачено оружіе, патроны и палатки. Въ деревняхъ отступающимъ противникомъ брошено много раненыхъ аскеровъ, а по дорогѣ наши войска находятъ груды артиллерійскихъ патроновъ. Попытки турокъ пробиться у селенія Харчамбекъ на правый берегъ Евфрата успѣха не имѣли.

30-го іюля на французскомъ фронтѣ въ Артуа велась артиллерійская перестрѣлка и бой при помощи подрывныхъ снарядовъ вокругъ Сушэ. Въ Аргоннахъ непріятель въ теченіе ночи на 30-е іюля дважды атаковалъ наши траншеи въ районѣ Мари-Терезъ и Фонтенъ-о-Шармъ, но былъ совершенно отбитъ. Въ Лепретрскомъ лѣсу шелъ довольно оживленный траншейный бой при помощи ручныхъ гранатъ и бомбъ. Въ Вогезахъ, у Ланжа, германцы пытались произвести атаку, которая была отражена ручными гранатами. Артиллерійскій бой происходилъ вокругъ Сушэ и Невилля. Въ Аргоннахъ путемъ новыхъ контръ-атакъ французы снова овладѣли потерянной раньше траншеей къ востоку отъ дороги Вьеннъ-Лешато-Бинарвилль. Довольно сильный артиллерійскій бой шелъ въ сѣверной части Вевра, въ Лепретрскомъ лѣсу и въ Вогезахъ на Барренкопфѣ. Непріятель обстрѣливалъ Ронлетанъ, причемъ среди мирнаго населенія четверо убито, 7 женщинъ и дѣтей ранено.

30-го іюля итальянская главная квартира доносила:

«Въ зонѣ неудобной и возвышенной, находящейся при входѣ въ долину Фурвы (Адды), непріятель, замѣченный уже 22-го іюля на высотѣ Віосъ (3,337 метровъ) и ночью на 27-е іюля отброшенный черезъ ледникъ Форну, атаковалъ нашу позицію передъ гостиницей, одноименной съ ледникомъ, въ то время, какъ другой отрядъ продвинулся черезъ возвышенность Седеваль (3,627 метровъ) до занятой нами позиціи Капанка-Цедекъ. Однако, благодаря дѣятельной и неусыпной бдительности нашихъ альпійцевъ, несмотря на ледники и высоту горъ, намъ удалось помѣшать этимъ смѣлымъ попыткамъ и отбить непріятеля, который нашей контръ-атакой былъ обращенъ въ бѣгство. Въ Кадорѣ происходили небольшія благопріятныя для насъ стычки въ горныхъ долинахъ Ансіеи, и въ одной изъ нихъ мы захватили сорокъ императорскихъ стрѣлковъ. Частные пѣхотные и артиллерійскіе бои происходили также въ Карніи. Въ долинѣ Понтебба австрійскій отрядъ пытался подняться по итальянскому склону, но былъ атакованъ и обращенъ въ бѣгство».

30-го іюля сербское Прессбюро сообщило о слѣдующемъ:

«30-го іюля въ 2 часа ночи непріятель, безъ всякаго повода, началъ бомбардировку Бѣлграда, причемъ огонь былъ направленъ съ высоты 109 метровъ, расположенной къ западу отъ Землина. Бомбардировка производилась нѣсколькими орудіями крупнаго калибра. Чтобы заставить непріятеля прекратить огонь, мы начали бомбардировку Землина и Панчева, причемъ обстрѣляли сѣверную и сѣверо-западныя стороны Землина, гдѣ размѣщены непріятельскіе резервы. Результатъ нашего огня былъ весьма ощутителенъ. Во многихъ пунктахъ надъ Землиномъ поднялся густой дымъ отъ горѣвшихъ домовъ. Въ Панчево произошла паника и жители бѣжали. Непріятель прекратилъ артиллерійскій огонь противъ Бѣлграда, какъ только наши авіаторы сбросили нѣсколько бомбъ надъ Землиномъ и Панчевымъ. Послѣ этого непріятель вы-

пустилъ по нашимъ позиціямъ у Бѣлграда 105 шрапнелей и снарядовъ, однако безъ всякаго результата. Нѣсколько снарядовъ попали въ частные дома, но человѣческихъ жертвъ не было».

31-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ:

Въ районѣ юго-восточнѣе Митавы 30-го іюля германцы были оттѣснены нашими войсками за р. Аа, при отходѣ противника нами захвачены плѣнные. На направленіяхъ отъ Якобштадта, Двинска и Вилькомира мы продолжали также тѣснить войска противника, преодолѣвая его упорное сопротивленіе. Въ районѣ Ковны атаки германцевъ пока прекратились; артиллерійскій бой продолжался. На фронтѣ между Наревомъ и Бугомъ наша контръ-атака, произведенная 29-го іюля, облегчила войскамъ сѣвернаго участка названнаго фронта отходъ на нѣсколько поданныя назадъ позиціи. На путяхъ отъ Средней Вислы мы, въ соотвѣтствіи съ общей обстановкой, оставили Соколовъ, Сѣдлецъ и Луковъ.

Соучастники нынѣ казненныхъ государственныхъ преступниковъ Мясоѣдова, Бориса Фрейдберга, Шліома и Арона Зальцмановъ, Отто Ригертъ, Давидъ Фрейдбергъ, Робертъ Фалькъ и Матеушъ Микулисъ, приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе въ ночь съ 25-го на 26-е іюля. Прочіе соучастники приговорены: баронъ Гротгусъ къ каторгѣ безъ срока, Оттонъ Фрейнатъ къ каторгѣ на восемь лѣтъ и жена казненнаго Мясоѣдова, Клара Мясоѣдова, къ ссылкѣ на поселеніе.

На кавказскомъ фронтѣ за 28-е іюля въ Пассинской долинѣ наши войска съ боемъ овладѣли важной высотой, отбросили турокъ назадъ, причемъ захватили въ плѣнъ командира батальона, трехъ офицеровъ и сотню аскеровъ. На евфратскомъ направленіи преслѣдованіе турокъ продолжалось. Взяты были нами въ плѣнъ 200 аскеровъ.

31-го іюля великобританское адмиралтейство извѣстило о томъ, что одна изъ англійскихъ подводныхъ лодокъ, оперирующая въ Дарданеллахъ, утромъ 26-го іюля, при входѣ въ Мраморное море, потопила турецкій броненосецъ. Турецкая канонерская лодка «Perci-Satwet» и пустой транспортъ также потоплены въ Дарданеллахъ одной изъ англійскихъ подводныхъ лодокъ. Вспомогательный крейсеръ «India», несшій въ Сѣверномъ морѣ дозорную службу, 26-го іюля потопленъ германской подводной лодкой. 22 офицера и 119 матросовъ спасены.

31-го іюля сообщеніе французскаго правительства гласило: Въ Артуа попытка атаки, произведенной германцами къ сѣверу отъ замка Карлейль, была легко отражена. Въ Аргоннахъ германцы возобновили 30-го іюля къ вечеру свои атаки въ секторѣ, заключенномъ между дорогой Бинарвилль-Вьенъ-Ле-Шато и ущельемъ Лагуйстъ, но были отражены послѣ горячаго боя, во время котораго употреблялись гранаты и подрывные снаряды. 31-го іюля день прошелъ сравнительно спокойно. Въ районѣ Ньюпорта попытка германской атаки была остановлена огнемъ французовъ. На остальномъ фронтѣ ничего существеннаго, кромѣ артиллерійскаго боя въ Артуа, въ Аргоннахъ, гдѣ не-

рестрѣлка сопровождалась боемъ ручными гранатами и подрывными снарядами, и въ Апремонскомъ лѣсу.

31-го іюля итальянская главная квартира сообщила:

«Въ Кадорѣ близость нашихъ линій къ линіямъ непріятеля, вызванная тѣмъ, что мы медленнымъ наступленіемъ продвинулись впередъ, влечетъ за собою частыя небольшія атаки и контръ-атаки какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны непріятеля. Въ ночь на 30-е іюля непріятель при сильномъ артиллерійскомъ огнѣ подступилъ къ нашимъ новымъ позиціямъ на хребтѣ горъ Больдильяно въ верхнемъ Бордеволѣ, но былъ отброшенъ. Наоборотъ, нашимъ войскамъ удалось выбить непріятельскіе отряды, укрывшіеся на западномъ склонѣ Монтепьяно въ началѣ долины Ріенца. На Изонцо непріятель произвелъ демонстрацію противъ нашихъ позицій на укрѣпленіяхъ Слема и Марзли въ горномъ массивѣ Монтенеро и противъ высотъ, недавно нами захваченныхъ къ востоку отъ Плавы, но былъ отброшенъ. На Карсо въ ночь на 30-е іюля, во время сильной бури, непріятель безуспѣшно пытался внезапно атаковать наиболѣе угрожающіе ему наши подступы къ его траншеямъ. Атака отбита».

1-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ рижскомъ районѣ 31-го іюля положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. На направленіяхъ отъ Якобштадта, Двинска и Вилькомира противникъ пытался контръ-атаками задержать наше наступленіе. Идутъ встрѣчные бои. У Ковны въ теченіе ночи на 30-е число нашими войсками вновь отбиты четыре атаки германцевъ на западныя позиціи. Артиллерійскій бой продолжается. На фронтѣ между Наревомъ и Бугомъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. 31-го іюля шелъ горячій бой въ районѣ юго-западнѣе Цѣхановца. У Новогеоргіевска въ теченіе послѣднихъ дней происходилъ артиллерійскій огонь, а также мелкіе бои и столкновенія въ расположеніи сторожевого охраненія. На лѣвомъ берегу Буга боевыя столкновенія въ охраняющихъ частяхъ, имѣли въ ночь на 31-е болѣе упорный характеръ лишь на направленіяхъ сѣвернѣе Сѣдлеца и въ районѣ Лукова.

На кавказскомъ фронтѣ за 29-е іюля на приморскомъ и ольтинскомъ направленіяхъ велась перестрѣлка. Въ Пассинской долинѣ турки два раза вели наступленіе по всему фронту, но наши, подпустивъ ихъ на близкую дистанцію до 200 шаговъ, оба раза отбили съ громадными для противника потерями. Нами захваченъ одинъ штабъ-офицеръ, 5 оберъ-офицеровъ и 30 аскеровъ. Одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ атаковалъ стрѣлковую цѣпь турокъ у селенія Мармузъ, многихъ изрубилъ и взялъ плѣнныхъ, число коихъ выясняется. Колонна нашей конницы, высланной къ Мелазгерту, захватила 24 офицера, выпущенныхъ изъ эрзерумскаго училища. Въ районѣ Даркотъ—Бурну—Булакъ удачныя столкновенія нашихъ конныхъ разъѣздовъ съ турецкими; казакъ Трепочкинъ одинъ съ шашкой бросился на турецкій дозоръ изъ семи человѣкъ и взялъ ихъ всѣхъ въ плѣнъ.

1-го августа французское правительство увѣдомило:

«Въ Артуа, къ сѣверу отъ замка Карлейль и вокругъ станціи Сушэ въ теченіе части ночи съ 31-го іюля на 1-е августа происходилъ бой гранатами и

подрывными снарядами. Въ Аргоннахъ непріятель произвелъ ночью атаку на всемъ протяженіи фронта въ секторѣ Мари-Терезъ, но повсюду былъ отраженъ французскимъ огнемъ, причемъ потерпѣлъ значительный уронъ. Къ концу ночи германцы произвели атаку, однако, менѣе ожесточенную, которая была быстро остановлена.

У Дарданеллъ британскія войска успѣшно высадились въ районѣ бухты Сувлы и продвинулись въ южномъ направленіи, въ районѣ Габа-Тепэ, гдѣ послѣ ожесточеннаго боя овладѣли склонами горнаго массива Сари-Баиръ, захвативъ болѣе 650 плѣнныхъ и 9 пулеметовъ. Въ этомъ пунктѣ военныя дѣйствія продолжали развиваться. На югѣ полуострова попытки турокъ прорвать французскія линіи кончились неудачей. Французы нѣсколько продвинулись 25-го іюля. Съ тѣхъ поръ на французскомъ фронтѣ происходилъ преимущественно артиллерійскій бой, причемъ наблюдался успѣхъ французскиихъ батарей.

На Изерѣ происходили днемъ 1-го августа артиллерійскіе бои у Ломбартзиде, Сенъ-Жоржа, Безинго и Вестенъ. Въ Артуа къ востоку отъ Лильскаго шоссе французы съ помощью заложенной мины разрушили передовыя укрѣпленія непріятеля. Между Монши и Рансаръ въ окопахъ непріятеля взорвался складъ боевыхъ припасовъ. Къ сѣверу отъ Лассиньи французы бомбардировали германскія позиціи близъ Ролана. Ожесточенная канонада происходила въ Аргоннахъ въ секторѣ Улетъ, въ Мормарскомъ лѣсу, въ Тэтъ-а-Вашъ, на границѣ Лотарингіи и въ Вогезахъ у Шаплетъ и Фонтенель.

1-го августа сербы остановили работы непріятеля на фронтѣ Дуная вдоль дороги Панчево—Старчево. На фронтѣ Савы сербскія войска разсѣяли непріятельскій отрядъ, пытавшійся укрѣпиться близъ Хртковаца.

1-го августа итальянская главная квартира доносила: «Бои по ту сторону границы Кадора становятся все болѣе интенсивными. Въ области Монте-Пьяно непріятель, поддерживаемый многочисленною артиллеріею, пытался вчера произвести контръ-атаку противъ нашихъ позицій, но послѣ ожесточеннаго боя былъ отброшенъ, понеся тяжелыя потери. Въ Секстенской долинѣ въ то время, какъ наша артиллерія обстрѣливала непріятеля, отрядъ нашей пѣхоты вскарабкался на вершину Обербахеръ-Канцеля, находящуюся къ юго-востоку отъ Обербахеръ-Шпицъ и укрѣпился тамъ. Въ то же время другой отрядъ занялъ важный узелъ альпійскихъ сообщеній къ западу отъ Форчеллы-Чепджіа. На Изонцо наша артиллерія открыла уничтожающій огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, защищающимъ бассейнъ Пеццо. Одна изъ непріятельскихъ батарей, искусно скрытая въ пещерѣ на Свинжакѣ, 31-го іюля была совершенно разрушена. На Карсо въ ночь на 31-е число непріятель выпустилъ огромное число свѣтящихся фугасовъ по нашимъ позиціямъ, не предпринимая, однако, никакихъ атакъ. Наша артиллерія продолжаетъ методически разрушать непріятельскія укрѣпленія, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позиціи непріятеля, находящіяся противъ нашихъ окоповъ па Сеи-Буси, были разрушены, а солдаты, занимавшіе эти окопы, были обращены въ бѣгство и большею частью перебиты нашимъ шрапнельнымъ и ружейнымъ огнемъ. За послѣдніе дни непріятельскіе аэропланы нерѣдко появляются въ области

Изонцо, причемъ наша артиллерія, спеціально приноровленная для отраженія воздушнаго врага, удачно обстрѣливаетъ и обращаетъ въ бѣгство непріятельскихъ летчиковъ».

2-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на направленіяхъ отъ Якобштадта и Двинска бои 31-го іюля и 1-го августа пріобрѣли болѣе упорный характеръ. На фронтѣ между Наревомъ и Бугомъ настойчивыя атаки германцевъ были нами отражены съ успѣхомъ. На лѣвомъ берегу Буга 31-го іюля и 1-го августа противникомъ велось усиленное наступленіе на наши позиціи вдоль желѣзныхъ дорогъ отъ Сѣдлеца и Лукова. Наступленіе нами сдерживалось, причемъ на 1-е августа захвачено въ плѣнъ до 800 австро-германцевъ съ нѣсколькими пулеметами. У Новогеоргіевска бомбардировка непріятелемъ укрѣпленій орудіями крупныхъ калибровъ и рядъ частичныхъ атакъ на различные отдѣлы крѣпости. Атаки въ общемъ отбиты. На Золотой Липѣ, въ районѣ къ югу отъ Дунаюва, наши передовыя части 31-го іюля произвели удачный поискъ въ расположеніи германцевъ. Нами были уничтожены ихъ искусственныя препятствія и захвачены два ряда окоповъ, защитники коихъ переколоты. На Днѣстрѣ 31-го іюля и въ ночь на 1-е августа въ районѣ устья Стрыпы и близъ впаденія Золотой Липы происходили частичныя столкновенія, поддержанныя со стороны австрійцевъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ легкихъ и тяжелыхъ орудій.

2-го августа французское правительственное сообщеніе гласило:

«Въ теченіе ночи происходила бомбардировка позицій обоихъ противниковъ, особенно ожесточенная въ Артуа, въ секторѣ Сушэ, Рокленкуръ, въ Шампани, у укрѣпленій Босежуръ, въ Лотарингіи, въ районѣ Линтри и у Рейонъ. Между Уазой и Эномъ мы взорвали мину къ сѣверу отъ Пюисаленъ и послѣ ожесточенной рукопашной схватки заняли воронку. Въ Аргоннахъ бои ручными гранатами и подрывными снарядами въ Куртешоссъ и Фонтенъ-о-Шармъ. Въ Вогезахъ въ районѣ Ла-Фавъ взорвалась германская мина у высоты 607 къ югу отъ Люсъ, не причинивъ намъ ни потерь, ни матеріальныхъ поврежденій. Отрядъ изъ 19 аэроплановъ бомбардировалъ военные парки и склады германцевъ въ долинѣ Спада. Сброшены 108 бомбъ. Всѣ аэропланы вернулись невредимыми. День прошелъ спокойно на всемъ фронтѣ. Въ Аргоннахъ наша артиллерія остановила обстрѣлъ непріятелемъ Куртешоссъ и Фонтэнъ-о-Шармъ. Въ секторѣ Багатель взрывъ мины вызвалъ бой изъ-за обладанія воронкой, которая осталась за нами. Непріятель выпустилъ нѣсколько снарядовъ изъ дальнобойныхъ орудій по незащищенному городу Мондидье, но наши батареи остановили непріятельскій огонь. Съ другой стороны, въ отвѣтъ на бомбардировку Сенъ-Діэ и нашего лагеря въ Веттштейнѣ, къ западу отъ Ленжкопфа, мы обстрѣляли станцію Сентъ-Мари-о-Минъ и германскій лагерь у Барренштеля».

Итальянская главная квартира 2-го августа доносила:

«Въ долинѣ рѣки Адижъ непріятельскій блиндированный поѣздъ, снабженный пушками малаго калибра и пулеметами, сдѣлалъ попытку атаковать нашу станцію въ Серравалѣ, но былъ легко отброшенъ. Та же участь постигла и слабыя атаки, направленныя противъ нашихъ позицій въ Монтемаджіо и

на плоскогорьѣ къ сѣверу-западу отъ Арзіеро. Въ долинахъ Попена (верхнее теченіе Ріенца) непріятель большими силами атаковалъ позиціи, но послѣ сильнаго боя долженъ былъ отступить съ тяжелыми потерями. Въ долинѣ Секстена 31-го іюля непріятельскія укрѣпленія перестали отвѣчать на огонь нашей артиллеріи. Наша пѣхота продвинулась тогда впередъ до склоновъ Сейкофеля и Кродароссы. Равнымъ образомъ въ бассейнѣ Плеццо и въ зонѣ Монтенеро наша пѣхота, подъ прикрытіемъ тяжелой артиллеріи въ Кемпалѣ, достигла значительнаго успѣха. Непріятельскій блиндированный поѣздъ, снабженный легкой артиллеріей, пытался атаковать крайнее правое крыло нашихъ позицій къ юго-востоку отъ Монфальконе, но не имѣлъ успѣха».

3-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ Бауска въ ночь на 2-ое августа наши войска вновь потѣснили германцевъ къ рѣкѣ Аа; непріятельскія контръ-атаки были нами отбиты. У Ковны продолжались непрерывная бомбардировка и упорныя атаки германцами укрѣпленій западнаго фронта. Между Наревомъ и Бугомъ 1-го и 2-го августа бои велись съ большимъ упорствомъ. Рядъ атакъ противника былъ отбитъ съ громадными для него потерями.

На кавказскомъ фронтѣ за 30-ое іюля въ приморскомъ и ольтинскомъ направленіяхъ происходила перестрѣлка. Въ Пассинской долинѣ атаки турокъ въ теченіе дня отбиты съ большими для нихъ потерями. Къ югу отъ Кара-Дербента шелъ огневой бой. На евфратскомъ направленіи одна изъ нашихъ колоннъ, продолжая преслѣдованіе турокъ, имѣла бой, послѣ чего заняла Мелагзертъ. Въ теченіе сутокъ нами было захвачено болѣе 200 человѣкъ въ плѣнъ. Въ ванскомъ направленіи нашъ отрядъ имѣлъ столкновеніе съ курдами, которымъ нанесъ пораженіе и многихъ взялъ въ плѣнъ. За 31-ое іюля въ приморскомъ направленіи велась перестрѣлка. На ольтинскомъ—въ районѣ Бильдосоръ попытка турокъ перейти въ наступленіе остановлена нашимъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Въ Пассинской долинѣ, послѣ упорнаго боя, мы овладѣли хребтомъ къ западу отъ Кара-Дербента. Всѣ попытки турокъ вернуть утраченныя позиціи остались безрезультатными. Эскадронъ одного изъ нашихъ полковъ налетомъ на турецкій обозъ забралъ въ плѣнъ прикрытіе обоза и большой гуртъ скота, въ обозѣ были повозки съ ручными гранатами и винтовками.

На французскомъ фронтѣ въ теченіе ночи со 2-го на 3-е августа съ перерывами происходила орудійная перестрѣлка въ районѣ Сушэ и на плоскогорьѣ Нувронъ, къ сѣверу отъ рѣки Эна. Въ секторѣ Кеневьеръ и въ западныхъ Аргоннахъ происходили бои съ примѣненіемъ ручныхъ бомбъ и гранатъ. Въ Вогезахъ послѣ взрыва мины въ непріятельской траншеѣ между Нижнимъ Бурнгауптомъ и Аммерцвиллеромъ французы взяли нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и захватили два бомбомета и одинъ пулеметъ. Въ теченіе всего дня 3-го августа во многихъ пунктахъ фронта происходилъ ожесточенный артиллерійскій бой. Французскія батареи причинили непріятелю чувствительныя потери въ районѣ Кеневьера и остановили его обстрѣлъ на плоскогорьѣ Нувронъ; онѣ серьезно повредили германскія укрѣпленія къ сѣверу отъ Колла между Бери-о-Бакъ и Луавромъ. Послѣ того, какъ непріятель выпустилъ снарядъ въ Сендіэ, французы открыли огонь по газовымъ резервуарамъ въ Сентъ-Мари-о-Минъ, которые взо-

рвались, а также обстрѣляли германскую фабрику къ востоку отъ Мюнстера, вызвавъ въ ней пожаръ.

3-го августа великобританское правительство офиціально сообщило:

«Германская подводная лодка рано утромъ выпустила нѣсколько снарядовъ въ Партонъ, Харрингтонъ и Уайтгэвенъ. Матеріальнаго ущерба не причинено: нѣсколько снарядовъ попало въ желѣзнодорожную насыпь къ сѣверу отъ Партона. Желѣзнодорожное движеніе было лишь на короткое время задержано: пожары, причиненные въ Уайтгэвенѣ и Харрингтонѣ, были быстро прекращены. Несчастныхъ случаевъ съ людьми не было».

Сообщеніе главной итальянской квартиры отъ 3-го августа гласило:

«Въ районѣ Тонале и въ секторѣ Вальсаса (Сеттекомуни) вчера происходила довольно интенсивная артиллерійская дуэль. Въ Секстенской долинѣ (въ Драва) мы нѣсколько продвинулись впередъ. На Сейкофелѣ и Брода-Росса мы разрушили непріятельскія позиціи и привели къ молчанію непріятельскую артиллерію, пытавшуюся вступить съ нами въ состязаніе. Наша пѣхота наступала вдоль долинъ Бахербаха и Боденбаха, взявъ приступомъ непріятельскія позиціи и захвативъ въ плѣнъ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Въ ночь на 2-ое августа непріятель съ помощью контръ-атаки пытался возвратить потерянныя имъ позиціи на Боденбахѣ, но былъ отраженъ. По дополнительнымъ свѣдѣніямъ о боѣ, происходившемъ 31-го іюля въ долинѣ Попена, подтверждается извѣстіе о тяжелыхъ потеряхъ, понесенныхъ непріятелемъ. Въ одномъ изъ окоповъ найдено было до 200 труповъ, изъ которыхъ нѣсколько офицеровъ. Въ Карніи въ ночь на 2-ое августа непріятель предпринялъ ожесточенную атаку противъ нашихъ позицій на Паль-Пикколо, Фрейкофель и Паль-Гранде, но, благодаря стойкости нашей пѣхоты, поддержанной ураганнымъ огнемъ нашихъ батарей, непріятель былъ отбитъ по всему фронту, понеся тяжелыя потери. Въ области Монтенеро мы снова вчера продвинулись впередъ въ направленіи Плеццо, захвативъ въ плѣнъ около 300 человѣкъ».

4-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ рижскомъ районѣ и на якобштадтскомъ направленіи особыхъ перемѣнъ не произошло. Попытки непріятеля 2-го и 3-го августа продвинуться впередъ успѣха не имѣли. На двинскомъ направленіи упорные бои продолжаются, всѣ атаки германцевъ нами отбиты. У Ковны бои пріобрѣли чрезвычайно напряженный и упорный характеръ. Противникъ въ теченіе 2-го и 3-го августа, тщательно подготовивъ атаку тяжелой артиллеріей всѣхъ калибровъ до 16-ти дюймовыхъ включительно, употреблялъ всѣ усилія овладѣть штурмомъ укрѣпленіями лѣваго берега Нѣмана. Къ вечеру 3-го ему удалось овладѣть однимъ сильно разрушеннымъ огнемъ фортомъ и прорваться въ промежутки между нѣкоторыми другими фортами западнаго фронта. Бой продолжался. На лѣвомъ берегу Верхняго Нарева въ теченіе 2-го августа нами отбитъ рядъ стремительныхъ атакъ германцевъ на направленіяхъ къ Бѣлостоку и Бѣльску. Также успѣшно задерживалось наступленіе противника между рѣками Нурецъ и Бугомъ. Потери противника были весьма значительны.

На Бугѣ выше м. Янова происходили столкновенія преимущественно охраняющихъ частей, но въ районѣ Влодавы противникъ стремится закрѣпиться

на правомъ берегу рѣки. Въ районѣ Новогеоргіевска велся напряженный артиллерійскій огонь. Противникомъ были введены въ бой орудія самыхъ крупныхъ калибровъ. За 2-ое и въ ночь на 3-е августа нѣмцы произвели рядъ атакъ, направляя ихъ преимущественно на укрѣпленія между Наревомъ и лѣвымъ берегомъ рѣки Вкры.

Въ Черномъ морѣ, въ угольномъ районѣ, наша подводная лодка потопила турецкій пароходъ съ углемъ.

4-го августа штабъ кавказской арміи доносилъ:

«За 1-ое августа на приморскомъ и ольтинскомъ направленіяхъ удачныя дѣйствія нашихъ развѣдчиковъ. У селенія Безъ уничтожена переправа турокъ черезъ рѣку Чорохъ. На евфратскомъ направленіи наши войска заняли Копъ, а затѣмъ, послѣ пятичасового боя наша колонна принудила значительныя силы турокъ отступить къ Тортону. Въ этомъ же районѣ наши разъѣзды хорунжаго Бѣлаго и подхорунжихъ Сычева и Иващенка атаковали въ конномъ строю отбившіяся турецкія роты, причемъ многихъ порубили и забрали плѣнныхъ съ винтовками. По донесенію одного командира пѣхотной части, слѣдовавшей за нашей конницей, весь путь отъ Духата до Мелазгерта усѣянъ турецкими трупами изрубленныхъ при преслѣдованіи нашей конницей турецкихъ аскеровъ.

«За 2-ое августа въ приморскомъ районѣ перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи партія развѣдчиковъ, устроивъ засаду туркамъ, захватила плѣнныхъ. Къ югу отъ Кара-Дербента наши войска послѣ упорнаго боя овладѣли селеніями Сейгманъ и Айдархомъ. Въ ванскомъ районѣ нашъ отрядъ, тѣсня турокъ, занялъ городъ Ванъ.

«Лѣвый флангъ кавказской арміи, постепенно вытѣсняя турокъ изъ Ванскаго вилайета и долины Евфрата, въ началѣ іюля достигъ фронта Мелазгертъ—Ахлатъ, гдѣ были встрѣчены значительныя силы турокъ на крѣпкихъ позиціяхъ Копъ-Кормунджъ. Турки, озабоченные происходившимъ въ этомъ районѣ, уже давно начали сосредоточивать къ своему правому фронту значительныя подкрѣпленія и къ началу іюля противъ нашихъ войскъ въ районѣ Мелазгертъ—Ахлатъ были сосредоточены силы, достаточныя для притиводѣйствій намъ, а еще большія подкрѣпленія находились въ пути въ томъ же районъ. Нашимъ войскамъ лѣваго фланга приказано было разбить турокъ, находившихся передъ ними, до подхода всѣхъ ихъ подкрѣпленій. Произошелъ рядъ упорныхъ боевъ, окончившихся овладѣніемъ нами весьма крѣпкими и сильно укрѣпленными позиціями на фронтѣ Копъ—Ахлатъ. Турки начали поспѣшно отступать въ юго-западномъ направленіи на подходящія къ нимъ подкрѣпленія; эти подкрѣпленія вмѣстѣ съ разбитыми на фронтѣ Копъ—Ахлатъ войсками образовали крупную группу въ десять дивизій. Благодаря особымъ условіямъ мѣстности съ выгодами ближняго базированія турокъ на Мушъ, они имѣли возможность не только остановиться на хребтѣ Коруръ-Дагъ, но и перейти въ наступленіе противъ значительно слабѣйшихъ силъ нашихъ, дѣйствовавшихъ на этомъ направленіи. Въ виду этого нашимъ частямъ приказано было отходить, не принимая рѣшительнаго боя, и въ то же время было приступлено къ необходимой для контръ-маневра перегруппировкѣ.

«10-го іюля турки перешли въ наступленіе, а 22-го іюля наши войска лѣваго

фланга достигли частью силъ района сѣвернѣе Каракилисса, гдѣ и заняли позицію южнѣе Ахтинскаго перевала, притягивая къ себѣ главныя силы турокъ. Частью же силъ прикрыли направленіе въ Діадинскую долину.

«23-го іюля наши войска, закончивъ перегруппировку, перешли совершенно неожиданно для турокъ въ энергичное наступленіе, какъ со стороны Ахтинскаго перевала и Діадинской долины, такъ и, главнымъ образомъ, со стороны Дайяра сильной колонной во флангъ и тылъ турокъ. Съ перваго же дня обозначились серьезные результаты наступленія нашихъ войскъ. Турки вездѣ подъ нашимъ натискомъ начали спѣшно отходить.

«24-го іюля нашей обходной колонной былъ захваченъ Клычъ-Гядукскій перевалъ съ лучшимъ по качеству и главнѣйшимъ коммуникаціоннымъ путемъ турокъ по правому берегу Евфрата. Турки пытались обратно овладѣть этимъ весьма важнымъ для нихъ переваломъ и открыть себѣ путь отступленія правымъ берегомъ Евфрата. Съ этой цѣлью они произвели рядъ яростныхъ атакъ перевала съ сѣвера, но всѣ онѣ были отбиваемы съ громаднымъ для турокъ урономъ, причемъ положеніе турецкихъ частей, задержавшихся въ долинѣ Шаріанъ, становилось все затруднительнѣе, такъ какъ съ сѣвера, сѣверо-запада и сѣверо-востока наши части все болѣе и болѣе начали ихъ тѣснить. Тогда турки, дабы остановить движеніе нашей обходной колонны, двигавшейся къ Дутаху, бросили подходившую изъ Пассинской долины 29-ю пѣхотную дивизію на Мергемирскій перевалъ, оттѣснили наши небольшія части, бывшія на немъ, и рѣшили ударить на сообщенія обходной Клычъ-Гядукской колонны. Но это намѣреніе было парировано. Подошедшія наши части въ числѣ нѣсколькихъ батальоновъ рѣшительной атакой въ теченіе всего дня 26-го іюля и ночи на 27-го іюля, послѣ упорнаго штыкового боя, овладѣли къ разсвѣту 27-го іюля Мергемирскимъ переваломъ, сбросивъ съ хребта 29-ю дивизію и, захвативъ пулеметы, двухъ командировъ полковъ, нѣсколько офицеровъ плѣнныхъ, закрѣпились на Шаріанъ-дагѣ и тѣмъ обезпечили безпрепятственное и настойчивое преслѣдованіе турокъ, отступавшихъ къ долинѣ Евфрата. Турки пытались задержать наше преслѣдованіе на рядѣ позицій: къ югу отъ Кара-Килисса, на верхнемъ берегу Верхняго Евфрата, въ районѣ Хамура на Паланъ-Текенскихъ позиціяхъ, выставляя заслоны къ западу въ сторону обходящей колонны и стараясь открыть путь на правый берегъ Евфрата. Всѣ ихъ усилія не дали результатовъ и одиннадцать турецкихъ дивизій, такъ смѣло наступавшихъ на сѣверѣ, были опрокинуты и принуждены къ безпорядочному отступленію по разнымъ направленіямъ.

«30-го іюля нами занятъ районъ Мелазгерта, т. е. положеніе на нашемъ лѣвомъ фронтѣ вновь возстановлено.

«Число трофеевъ нами пока еще не установлено, но уже имѣются свѣдѣнія о захватѣ пушекъ, пулеметовъ, оружія, боевыхъ и другихъ припасовъ, а также большого количества обозовъ и вьючныхъ животныхъ. Въ числѣ плѣнныхъ уже установлено нѣсколько тысячъ нижнихъ чиновъ. По всему фронту, пройденному нами, бродятъ группы аскеровъ, сдающихся безъ всякаго сопротивленія. Снаряды, зарядные ящики брошены на всѣхъ путяхъ движенія турокъ.

«Изъ всего этого видно, что турецкимъ войскамъ праваго фланга нанесено серьезное пораженіе».

Въ теченіе ночи съ 3-го на 4-ое августа на различныхъ пунктахъ французскаго фронта, а именно у Буасенга и Кенневьера, а также въ Лотарингіи у Арракуръ и Лейнтрей происходилъ довольно оживленный артиллерійскій бой. Въ Аргоннахъ у Фонтенъ-о-Шармъ и у Отъ-Шевошэ бой велся съ помощью ручныхъ гранатъ. Въ послѣднемъ пунктѣ германцы 3-го августа вечеромъ вышли изъ своихъ траншей и предприняли атаку; огнемъ французскихъ войскъ они были отброшены къ своимъ линіямъ.

Въ теченіе дня 4-го августа на большей части фронта происходили артиллерійскіе бои, но безъ какого-либо значительнаго результата. Въ Вогезахъ французы подвергли сильному обстрѣлу позиціи непріятеля въ районѣ Ленжъ—Рейхаккеркопфа и на горномъ хребтѣ между Сондернахомъ и Ландерсбахомъ. Въ послѣднемъ пунктѣ французская пѣхота перешла въ атаку, овладѣла хребтомъ и на немъ утвердилась. Контръ-атака непріятеля была отражена.

На итальянскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 4-го августа, военныя дѣйствія развивались въ такомъ порядкѣ: въ дикомъ горномъ массивѣ Ортлера, между верхними частями долинъ Адда и Адиже, одинъ изъ итальянскихъ отрядовъ, выйдя въ ночь на 3-е августа изъ Капанаса, перешелъ, раздѣлившись на мелкіе отряды, перевалъ Камосчи (3.084 метра) и Ведрету-де-Кампо, причемъ люди были связаны другъ съ другомъ веревками, а затѣмъ, вскарабкавшись на ледяную вершину Туркетъ-Шпицъ (3.469 метровъ), напалъ врасплохъ на непріятельскій отрядъ и послѣ этого направился на Гинтере-Мадатачъ-Шпицъ (3.432 метра) занятый непріятельскимъ отрядомъ, атаковалъ его, разсѣялъ и прочно занялъ вершину. Въ верхнемъ теченіи Ріенца итальянская пѣхота снова продвинулась впередъ и заняла Заттельбергъ, къ западу отъ Ланге-Альпе. Въ секторѣ Монте-Неро итальянцы овладѣли нѣсколькими непріятельскими траншеями, находящимися между горнымъ хребтомъ Врси и мѣстностью, называемой Плюнъ. Контръ-атака, предпринятая непріятелемъ на позиціи итальянцевъ Врси, была мужественно отражена. Въ области Тольмино итальянцами было развито блестящее наступленіе на холмы Санта-Марія и Санта-Лючія, находящіеся на правомъ берегу Изонцо. Послѣ обычной успѣшной артиллерійской подготовки итальянская пѣхота бросилась въ штыки и завладѣла линіей сильно укрѣпленныхъ окоповъ вдоль западныхъ склоновъ этихъ высотъ. Непріятель понесъ при этомъ весьма серьезныя потери. Итальянцами захвачено 17 офицеровъ, 547 нижнихъ чиновъ, четыре пулемета и большое количество боевыхъ припасовъ.

5-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ рижскомъ районѣ и на якобштадтскомъ направленіи существенныхъ перемѣнъ не произошло. Попытки непріятельскаго флота къ траленію миннаго загражденія у входа въ Рижскій заливъ отбивались огнемъ нашихъ судовъ. На двинскомъ направленіи въ ночь на 4-е августа и на слѣдующій день попытки германцевъ перейти въ наступленіе были нами отбиты. У Ковны, послѣ ожесточенныхъ одиннадцатидневныхъ боевъ, стоившихъ противнику огромныхъ потерь, германцамъ удалось утвердиться въ укрѣпленіяхъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Нѣмана къ западу отъ рѣки Еси. Германцы производили по-

пытки перебросится на правый берегъ этого овражистаго ручья, гдѣ часть укрѣпленій продолжаетъ находиться въ нашихъ рукахъ. На правомъ берегу Нѣмана всѣ укрѣпленія занимались нами. На фронтѣ Верхняго Нарева, а также между нимъ и Бугомъ, 3-го и 4-го числа бои продолжались съ перемѣннымъ успѣхомъ. Съ особой настойчивостью противникомъ велись атаки на путяхъ къ Бѣлостоку и Бѣльску съ запада. На Бугѣ, въ районѣ желѣзной дороги Сѣдлецъ—Черемха, отбивъ наступленіе германцевъ, мы произвели удачную контръ-атаку. Захвачено нѣсколько пулеметовъ. Въ районѣ Новогеоргіевска противникомъ продолжались настойчивыя атаки на сѣверо-восточный фронтъ укрѣпленій, причемъ главныя усилія германцевъ направлены были на укрѣпленія, запирающія желѣзную дорогу отъ Млавы.

На Кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ велась обычная перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи происходили столкновенія развѣдывательныхъ частей. Въ Пассинской долинѣ наступленіе турокъ на Топоджу было нами остановлено, причемъ особенно удачно дѣйствовала наша артиллерія. Къ югу отъ Кара-Дербента нами съ боя занята сильная позиція турокъ на горѣ Мирза-Ага. Въ евфратскомъ направленіи наша колонна съ боя заняла иркусскую позицію и отбросила турокъ на запада. За сутки нами взято въ плѣнъ одинъ командиръ батальона, четыре оберъ-офицера и больше трехсотъ аскеровъ; отбитъ обозъ съ винтовками, ручными гранатами и большой гуртъ скота.

На французскомъ фронтѣ ночь съ 4-го на 5-е августа прошла относительно спокойно на большомъ протяженіи фронта. Артиллерійскіе бои происходили лишь въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса и между Соммой и Уазой, въ районѣ Руа и Ласиньи. Происходили бои ручными бомбами и подрывными снарядами въ Аргоннахъ, въ Хотъ-Шевошэ, Фонтенъ-о-Шармъ и въ лѣсу Шеппи. Французской бомбардировкой германскихъ позицій въ районѣ Ленжъ разрушены двѣ тяжелыя батареи и взорвано нѣсколько военныхъ складовъ. Двѣ ожесточенныя контръ-атаки, произведенныя ночью германцами противъ французскихъ позицій на вершинѣ Зондернаха, были французами отражены, причемъ послѣдніе взяли въ плѣнъ около пятидесяти человѣкъ. Въ теченіе дня 5-го августа въ Артуа, Шампани, въ Апремонскомъ лѣсу, въ Лювьерѣ и Вофери, въ Лепретрскомъ лѣсу, въ районѣ Круа-де-Шармъ, а также на фронтѣ Лазейль, происходилъ сильный артиллерійскій бой. Минная борьба продолжается во многихъ пунктахъ. Около Беврэна, къ югу отъ Руа, взрывомъ одной изъ французскихъ минныхъ камеръ разрушены саперныя работы германцевъ. Въ Аргоннахъ попытки непріятеля продвинуться въ районѣ Мари-Терезъ были всѣ отражены. Въ Вогезахъ позиція, отнятая французами у непріятеля, на вершинѣ Зондернаха, была ими удержана, несмотря на весьма ожесточенную бомбардировку.

ЗА ЧУЖУЮ СВОБОДУ[1]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXXI.

СЕЗОНЪ въ Карлсбадѣ былъ чрезвычайно оживленъ. Никогда еще не было такого блестящаго и многолюднаго съѣзда; съѣхались представители аристократіи трехъ столицъ: Петербурга, Вѣны и Берлина; прибывали раненые офицеры, русскіе и въ меньшемъ числѣ прусскіе. Появлялись и исчезали дипломаты, мелькали фигуры блестящихъ адъютантовъ изъ главныхъ союзныхъ штабовъ, изъ императорской квартиры—изъ Петерсвальде, изъ Гитчина, гдѣ находился австрійскій дворъ, изъ Рейхенбаха—ставки главнокомандующаго Барклая-де-Толли. Дамы соперничали красотой и туалетами. Съ объявленіемъ перемирія оживленіе замѣтно возросло и появились новыя лица, а съ пріѣздомъ изъ сѣверной Богеміи великихъ княгинь Екатерины Павловны и Маріи Павловны, герцогини Саксенъ-Веймарской, пріѣхавшей на свиданіе съ братомъ, это оживленіе достигло своего апогея. Тѣмъ болѣе, что съ пріѣздомъ Екатерины Павловны все чаще и чаще появлялся въ Карлсбадѣ «великій очарователь», русскій императоръ.

Все это общество, по которому едва скользили великія событія, продолжало заниматься привычнымъ дѣломъ: интриговало,

[1]) Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. CXLI, стр. 673.

злословило, ловило милости императора, составляло планы походовъ, критиковало или хвалило военачальниковъ и обсуждало условія предстоящаго мира, въ которомъ не сомнѣвалось. Въ петербургскихъ салонахъ, перенесенныхъ сюда, Дегранжъ, пріѣхавшій изъ Варшавы, попрежнему уловлялъ въ свои сѣти скучающихъ дамъ и дѣятельно агитировалъ въ пользу единой истинной церкви. Во главѣ его поклонницъ стояла чернокудрая красавица Зинаида Александровна Волконская. Пріѣхала и княгиня Напраксина, разочарованная и какъ бы сконфуженная. Надъ ней втихомолку подсмѣивались, такъ какъ ей одной пришлось особенно расплатиться за увлеченіе многихъ. Со святымъ отцомъ Никифоромъ произошла въ Москвѣ, куда его увезла Напраксина послѣ петербургскаго случая, довольно непріятная исторія. Разсказывали, что въ Москвѣ онъ успѣлъ втереться въ кружокъ богачей Ненастьевыхъ, сектантовъ-хлыстовъ, и занять тамъ видное положеніе. Но тутъ у него какъ-то сорвалось. Произошло что-то темное. Онъ успѣлъ соблазнить дочь московскаго туза изъ купцовъ Ворошилову, подбилъ ее украсть брильянты ея матери и крупную сумму у отца, забралъ добычу и бѣжалъ, оставивъ соблазненную Ворошилову. Та въ отчаяніи призналась во всемъ отцу, а тотъ бросился къ генералъ-губернатору. Но отца Никифора и слѣдъ простылъ. Обобранныхъ оказалось еще довольно много. Видно, что отецъ Никифоръ, потерявъ свою карьеру въ Петербургѣ, сбросилъ съ себя маску и показался въ истинномъ свѣтѣ. Такой безславный конецъ «пророка» глубоко поразилъ княгиню Напраксину. И такъ какъ она была его поклонницей до послѣдняго дня, въ то время, какъ другія остались въ сторонѣ, въ Петербургѣ, то она одна оказалась скомпрометированной... Всѣ поспѣшили отречься отъ своего «учителя». Однако княгиня довольно скоро утѣшилась, присоединившись къ кружку Зинаиды Волконской.

Но эта сплетня не долго занимала карлсбадское общество, живущее настоящимъ. Гораздо больше привлекала любопытство общества милость, оказываемая императоромъ Дегранжу (было извѣстно, что Дегранжъ тайно нѣсколько разъ былъ въ Петерсвальде), и еще исключительное вниманіе, проявленное государемъ княгинѣ Бахтѣевой, только здѣсь представленной ему великой княгиней Екатериной Павловной. И между этими двумя обстоятельствами существовала какъ бы нѣкоторая связь, такъ какъ Дегранжъ былъ постояннымъ гостемъ въ домѣ Бахтѣевыхъ. Сама княгиня Ирина рѣдко гдѣ появлялась, за исключеніемъ великой княгини. Это тоже волновало общественное мнѣніе. Но когда молодая княгиня, всегда сумрачная и блѣдная, появлялась въ какомъ-нибудь собраніи, гдѣ ей слѣдовало быть, она, къ зависти всѣхъ дамъ, была центромъ вниманія. Всѣ лица, близкія ко двору, наперерывъ выказывали ей необыкновенное вниманіе, равнодушно

принимаемое ею. Благоволеніе императора и дружба великой княгини окружали ее словно ореоломъ. Тутъ было о чемъ поговорить и позлословить, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ея поклонниковъ былъ самъ Пронскій, мужъ извѣстной красавицы, кумиръ дамъ обѣихъ столицъ, флигель-адъютантъ и любимецъ государя. Всѣ видѣли его настойчивыя ухаживанія—и завидовали, и ревновали. Одна только его жена смотрѣла на это совершенно равнодушно. И мужъ, и жена оба имѣли шумный успѣхъ и уже давно перестали вмѣшиваться въ маленькія сердечныя дѣла другъ друга.

Обѣды, пріемы, вечера, балы тянулись непрерывной цѣпью. Въ теплыя, благоуханныя ночи въ садахъ вспыхивали фейерверки, сплетались интриги, завязывались романы, такіе же короткіе и, быть можетъ, такіе же яркіе, какъ разсыпающіяся цвѣтными искрами въ темномъ небѣ ракеты.

Но когда стали прибывать раненые офицеры, дамы встрепенулись и тотчасъ занялись ими съ настоящей трогательной заботливостью. Такъ какъ въ виду большого съѣзда прибывшимъ на отдыхъ и для леченія офицерамъ было очень затруднительно находить помѣщенія, то русскія дамы озаботились оставить за собою нѣсколько уютныхъ домиковъ, наняли прислугъ и предоставили ихъ офицерамъ. Вѣнскія дамы держались въ сторонѣ, соблюдая по примѣру своего двора нейтралитетъ; что же касалось берлинскихъ дамъ, то, относясь съ явнымъ неодобреніемъ, по примѣру короля, къ этой войнѣ, онѣ не проявляли никакого участія къ русскимъ офицерамъ, но своихъ считали жертвами русской политики и единственными героями бѣдственной войны.

Бахтѣевы заняли большой красивый домъ, окруженный великолѣпнымъ садомъ, съ чудесными цвѣтниками. Евстафій Павловичъ чувствовалъ себя на верху блаженства. Онъ всюду бывалъ, собиралъ и разносилъ новости, имѣлъ прекрасный выѣздъ, не стѣснялся въ деньгахъ и притомъ чувствовалъ себя въ полной безопасности. Старый князь тоже какъ будто успокоился. Внѣшне Ирина поправилась, не проявляла прежней нервности и лихорадочной дѣятельности. Она избѣгала бывать на праздникахъ и по возможности вела затворническій образъ жизни. Деграмжъ попрежнему бывалъ почти ежедневно. Но за этимъ внѣшнимъ спокойствіемъ Никита Арсеньевичъ не замѣтилъ странной перемѣны, происшедшей въ княгинѣ. Словно она пережила что-то очень тяжелое, что-то поборола въ себѣ, въ чемъ-то нашла силы и даже отраду. Глубокая покорность свѣтилась въ ея прекрасныхъ глазахъ. Не зналъ князь и тѣхъ минутъ отчаянія, которыя вдругъ нарушали достигнутый покой, когда въ тишинѣ ночи княгиня плакала, молилась, проклинала жизнь и жаждала смерти... Но эти минуты проходили, покой покорности снова возвращался на мигъ въ возмутившееся сердце...

Князь очень удивлялся, что отъ Левона нѣтъ никакого извѣстія. Изъ штаба и отъ нѣкоторыхъ офицеровъ онъ зналъ, что Левонъ живъ. Онъ такъ былъ увѣренъ, что Левонъ, узнавъ о ихъ пріѣздѣ, поспѣшитъ пріѣхать или хоть написать о себѣ. Онъ нѣсколько разъ начиналъ объ этомъ разговоръ съ женой, но Ирина съ видимымъ равнодушіемъ отвѣчала:

— Вы знаете, что онъ живъ. Вѣдь, это самое главное.

Но каждый разъ Иринѣ стоило большихъ усилій сохранить это внѣшнее спокойствіе. Ея оскорбленное сердце болѣло. Левону было извѣстно, что они здѣсь, а его не было. Она не знала, что Старосельскій былъ убитъ, не успѣвъ исполнить порученіе. Но она подавляла движеніе своего сердца, непрестанно твердя себѣ, что прошлаго нѣтъ, что Левонъ для нея умеръ и что она не должна, не смѣетъ желать съ нимъ встрѣчи. «Красота не должна быть проклятьемъ,—говорилъ Дегранжъ,—и не должна убивать и нести за собою грѣхъ и разрушеніе... Преступныя мечты убиваютъ душу... Одно спасеніе въ отреченіи, пока не поздно»... И подъ вліяніемъ этихъ мыслей Ирина находила въ себѣ силы побѣждать порывы сердца. Кромѣ того, ихъ заглушали и внѣшнія впечатлѣнія, и новые горизонты, открывавшіеся передъ ней. Особенно сильное впечатлѣніе произвела на нее великая княгиня Екатерина Павловна, и неотразимо и властно захватывали ее недолгія бесѣды съ ней императора у его сестры, такъ непохожія на его обычно любезные разговоры со свѣтскими красавицами. И что-то родственное своимъ настроеніямъ видѣла она въ настроеніи этихъ двухъ такъ высоко стоявшихъ надъ ней людей: одинъ—вершитель судебъ міра, окруженный лестью и поклоненіемъ сильныхъ и слабыхъ, и другая—молодая царственная красавица, его сестра, близкій другъ и наперсница глубокихъ и тайныхъ печалей его души. Инстинктомъ страдающей женщины она почуяла въ этихъ баловняхъ судьбы такихъ же, какъ и она, мятущихся, страдающихъ людей. Подъ величавой спокойною внѣшностью, напоминавшей Екатерину II, въ великой княгинѣ чуялось ей страстная и страдающая душа. И иногда въ интимной обстановкѣ, наединѣ, прекрасное лицо утрачивало свою величавость и имѣло скорбное выраженіе... Ирина вспоминала смутные придворные слухи, когда она была еще дѣвочкой, и догадывалась о причинахъ этой скорби. Любовь не разбираетъ положенія... Имя героя, любимца арміи, связывалось въ этихъ слухахъ съ именемъ великой княжны... Невозможность выхода, насильственная долгая разлука, бракъ безъ увлеченія, годы тоски и геройская смерть его на Бородинскомъ полѣ... Весенняя мечта, ставшая трагедіей сердца... Но весна не забывается... Ни блескъ, ни слава не замѣнятъ первыхъ весеннихъ чувствъ, и дни весны навсегда останутся днями славы... И этой женщинѣ, такъ много пережившей и

дважды овдовѣвшей, едва было двадцать пять лѣтъ... И тихій голосъ государя, когда, глядя на нее прекрасными голубыми глазами, словно читая въ ея душѣ, онъ говорилъ:

— Возмездіе начинается здѣсь, а не тамъ. Каждый злой поступокъ, каждая грѣховная мысль уже носитъ въ себѣ зерно возмездія—страданія здѣсь. И это зерно растетъ и выростаютъ цвѣты скорби, наполняя сердце, убивая радость и веселіе и навсегда отнимая счастіе. Нѣтъ человѣка несчастнѣе преступника. Быть можетъ, до поры это зерно не произрастаетъ на безплодной почвѣ, но дыханіе Бога оживитъ ее... зерно дастъ плоды, и тогда начинается искупленіе... безсонныя ночи, тоска, одиночество, страшные призраки, отчаяніе...

Императоръ опустилъ голову... Ирина слушала, затаивъ дыханіе, пораженная его словами. Такъ можетъ говорить только человѣкъ, испытавшій все это... Но онъ! Такой добрый, такой великодушный!.. А императоръ уже съ ласковой улыбкой и прояснившимся лицомъ говорилъ:

— Но все это не можетъ относиться къ вамъ, милая княгиня, вы такъ юны, такъ чисты. Ваше назначеніе разсѣивать печали и приносить утѣшеніе...

И императоръ цѣловалъ ея руку, а она сгорала отъ чувства мучительнаго стыда...

И въ такія минуты образъ Левона таялъ и расплывался...

XXXII.

Вѣсть о перемиріи была принята Левономъ съ истиннымъ облегченіемъ. Онъ не сочувствовалъ этой войнѣ. Не раздѣлялъ энтузіазма нѣкоторой части офицерства и высшаго общества и не находилъ въ своей душѣ никакой ненависти къ врагамъ, а, наоборотъ, чувствовалъ антипатію къ союзникамъ. Онъ надѣялся, что перемиріе закончится миромъ. И миръ этотъ послѣ многолѣтнихъ войнъ будетъ проченъ и глубокъ. Тогда онъ выйдетъ въ отставку, станетъ свободнымъ человѣкомъ и, быть можетъ, найдетъ забвеніе и удовлетвореніе въ той дѣятельности, теперь смутно представляющейся ему, о какой говорилъ ему Монтрозъ.

Бѣлоусовъ былъ радъ перемирію, какъ ребенокъ, и все порывался въ Карлсбадъ, гдѣ, какъ говорили побывавшіе тамъ офицеры, было такъ весело. Но пока его еще задерживали нѣкоторыя дѣла по службѣ. Онъ уговаривалъ ѣхать и Бахтѣева, но Левонъ колебался. То онъ рвался туда въ надеждѣ встрѣтить тамъ Ирину, то боялся новыхъ страданій при встрѣчѣ съ ней, а безъ нея тоже не хотѣлъ быть въ томъ обществѣ, гдѣ каждый встрѣчный напоминалъ бы о ней. Боевая жизнь, иные интересы, опасности, постоянная игра со смертью нѣсколько притупили остроту его тоски.

Онъ довольно часто видѣлся съ Батюшковымъ, и бесѣды съ нимъ дѣйствовали на него успокоительно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Батюшковъ въ минуту откровенности разсказалъ ему печальную повѣсть своей молодой любви. Это было пять лѣтъ тому назадъ, когда поэтъ послѣ шведскаго похода, раненый, лечился въ Ригѣ... И тамъ полюбилъ дочь своего хозяина, Мюгель... Начавшаяся идиллія была грубо оборвана ея отцомъ... и они разстались. Но забыть ее онъ не могъ до сихъ поръ и, должно быть, никогда не забудетъ... Эти чувства находили отзвукъ въ душѣ князя...

— Любить въ жизни можно только разъ,—съ глубокимъ убѣжденіемъ говорилъ Батюшковъ.—Настоящая любовь такъ много беретъ силъ и такъ опустошаетъ душу, если она несчастна, что послѣ нея душа дѣлается безплодной. Она становится похожей на мертвое море, покрывшее цвѣтущіе сады Содома и Гоморры...

Левону казалось, что поэтъ правъ.

Еще удерживало его желаніе дождаться Новикова, судьба котораго уже начинала безпокоить его. Ходили слухи, что весь отрядъ майора Люцова предательски истребленъ вюртембержцами. Эти слухи были очень упорны. Кто-то говорилъ, что въ Карлсбадѣ находится теперь раненый адъютантъ Люцова, извѣстный поэтъ Теодоръ Кернеръ.

Все это очень тревожило Левона и внушало ему мрачныя предчувствія. И предчувствія эти оправдались. Изъ Рейхенбаха пріѣхалъ Бѣлоусовъ, куда ѣздилъ немного провѣтриться со штабными пріятелями, взволнованный, почти въ отчаяніи. Онъ сообщилъ, что видѣлъ Новикова, но въ какомъ видѣ! У него разрублена голова, прострѣлено плечо... Онъ въ бреду, никого не узнаетъ, и доктора не ручаются за его жизнь. Онъ разсказалъ и подробности. Изъ пятидесяти человѣкъ Новикова спаслось только пятнадцать. Остальные были изрублены баварскими кирасирами. Съ невѣроятными трудностями уцѣлѣвшимъ удалось спастись и вывезти раненаго командира. Они заботились о немъ въ дорогѣ, какъ могли, но какія же заботы возможны при такой обстановкѣ! Надо удивляться только, какъ они сумѣли довезти его живымъ...

На глазахъ Бѣлоусова были слезы. Левонъ слушалъ его, блѣдный и потрясенный.

— Я пріѣхалъ,—говорилъ Бѣлоусовъ,—посовѣтоваться съ вами. Въ Рейхенбахѣ его нельзя оставить. Тамъ ужасныя условія леченія... Онъ не выживетъ... А что сдѣлать и какъ? И возможно ли везти его и куда? Я во всякомъ случаѣ вернусь къ нему... Я не могу оставить его одного... О, Боже мой, какіе же они негодяи!

— Хорошо, Гриша,—сказалъ Левонъ:—мы не оставимъ его. Я поѣду съ вами. Что-нибудь да сдѣлаемъ.

Левонъ тотчасъ же отправился къ Громову, объяснилъ, въ чемъ дѣло, и попросилъ отпускъ для себя и Бѣлоусова.

— Еще бы нѣтъ!—отвѣтилъ Громовъ.—Конечно, ѣзжайте оба. Да и тебѣ надо отдохнуть. Я не стѣсняю тебя. Уѣзжай хоть на все перемиріе. Экій бѣдняга! И чортъ дернулъ его связываться съ этимъ нѣмчурой. Сидѣлъ бы съ нами... и былъ бы цѣлъ...

— Такъ я ѣду сейчасъ,—сказалъ Левонъ:—а тебѣ во всякомъ случаѣ дамъ знать, что и какъ.

— Пожалуйста, голубчикъ,—отвѣтилъ Громовъ, обнимая его.

Громовъ тоже былъ взволнованъ. Онъ былъ другомъ всѣхъ своихъ офицеровъ, со всѣми былъ на ты и за каждаго былъ готовъ въ огонь и воду, какъ и каждый за него.

Бахтѣевъ собрался быстро и уже черезъ два часа выѣхалъ съ Бѣлоусовымъ въ сопровожденіи Егора въ Рейхенбахъ.

Они нашли Новикова въ маленькомъ, чистенькомъ домикѣ на окраинѣ городка. Когда Левонъ вошелъ, онъ засталъ въ комнатѣ денщика Данилы Иваныча и штабнаго доктора, маленькаго, толстаго человѣка, очень озабоченнаго и даже встревоженнаго. Левонъ пришелъ въ ужасъ, взглянувъ на своего друга. Съ забинтованной головой, Новиковъ лежалъ сине-блѣдный, давно небритые, отраставшіе усы и борода дѣлали еще страшнѣе его блѣдность. И на этомъ лицѣ мертвеца ярко горѣли огромные, лихорадочно открытые глаза. Запекшіяся губы шевелились. Онъ никого не узнавалъ.

Левонъ молча поздоровался съ докторомъ, вопросительно глядя на него.

— Плохо, очень плохо,—сказалъ докторъ.

— Нѣтъ надежды?—побѣлѣвшими губами, почти беззвучно спросилъ Левонъ.

Докторъ нетерпѣливо передернулъ плечами.

— Надежда всегда должна быть,—угрюмо отвѣтилъ онъ:—но что я могу сдѣлать! Въ этой дырѣ, несмотря на присутствіе главной квартиры, ничего нѣтъ! Ни медикаментовъ, ни перевязочныхъ средствъ... Да что говорить!—онъ махнулъ рукой.—Во всей арміи ничего нѣтъ. Люди мрутъ, какъ мухи, съ насъ требуютъ, а что мы можемъ? Мы не боги, чтобы излечить словомъ или прикосновеніемъ руки! Раненые гніютъ заживо, а мы только смотримъ...

Онъ отвернулся.

Левонъ подошелъ къ постели и взялъ Новикова за руку. Ему показалось, что онъ обжегъ руку.

— Неужели ничего нельзя сдѣлать?—спросилъ онъ, обращаясь къ доктору.

— Здѣсь—ничего,—отвѣтилъ докторъ.

— А гдѣ же? Въ Карлсбадѣ?—продолжалъ Левонъ.—Вѣдь ближе ничего нѣтъ.

Докторъ задумался и потомъ сказалъ:

— Въ Карлсбадѣ—да. Тамъ все есть, и, пожалуй, его можно было бы спасти. Но вынесетъ ли онъ перевозку, вотъ вопросъ?

И, помолчавъ, добавилъ:

— Впрочемъ, здѣсь его можетъ спасти только чудо. Такія чудеса бываютъ, но рѣдко. Попробовать довезти его до Карлсбада меньше риску, чѣмъ попробовать оставить его здѣсь..

— Хорошо,—рѣшительно сказалъ Левонъ:—я увезу его.

Гриша, стоя въ ногахъ у постели раненаго, плакалъ, закрывъ рукою глаза.

— Надо пріобрѣсти коляску или дормезъ,—продолжалъ Левонъ:—а вы, докторъ, не согласитесь ли сопровождать его вмѣстѣ съ нами до Карлсбада?

Докторъ въ нерѣшительности покачалъ головой.

— Но мы еще незнакомы,—вдругъ вспомнилъ Левонъ:—ротмистръ Бахтѣевъ.

— Лекарь штаба Ковровъ,—отвѣтилъ докторъ.—Не знаю, какъ отпускъ,—уклончиво сказалъ онъ.

— Объ отпускѣ не заботьтесь,—прервалъ его Левонъ:—я устрою его.

— Тогда я готовъ,—согласился докторъ, которому, видимо, хотѣлось побывать въ Карлсбадѣ:—дѣло только за отпускомъ...

— И отлично,—отозвался Левонъ:—а теперь надо пойти за экипажемъ. Гриша, идемъ,—крикнулъ онъ.

Хотя жители по обычаю припрятали отъ своихъ союзниковъ все, что можно, припасы, экипажи, даже лошадей, но, узнавъ, что русскій князь въ деньгахъ не стѣсняется, сейчасъ же охотно показали свой товаръ. За тройную цѣну князь очень скоро купилъ большую карету, приспособленную для долгихъ путешествій, и четверку крѣпкихъ, сильныхъ лошадей, и даже нанялъ кучера. Потомъ заѣхалъ въ штабъ, гдѣ его хорошо знали, и въ нѣсколько минутъ устроилъ Коврову отпускъ.

Къ вечеру съ величайшими предосторожностями Новикова перенесли въ карету; съ нимъ сѣли Ковровъ и Бахтѣевъ, а Бѣлоусовъ съ денщикомъ поѣхали верхомъ. Въ поводу денщикъ велъ лошадь князя.

XXXIII.

Жаркій, ослѣпительный день. Ни дуновенья вѣтерка. Словно въ томной лѣни задремалъ густой садъ, съ лѣнивымъ жужжаньемъ садятся на цвѣты пчелы, и самые цвѣты, палимые солнцемъ, едва дышатъ своимъ ароматнымъ дыханіемъ. На открытой террасѣ, въ креслѣ-качалкѣ, сонно покачиваясь, сидѣла Ирина, полузакрывъ глаза, словно въ мечтательной дремѣ. Легкое бѣлое платье было перехвачено въ поясѣ широкой пунцовой лентой, въ черныхъ во-

лосахъ была воткнута яркая роза. Тишина ничѣмъ не нарушалась. Даже затихъ шумъ города въ этотъ знойный, полуденный часъ. И такая же тишина царила въ душѣ Ирины. Она сейчасъ ничего не хотѣла, ни о чемъ не думала, ни къ чему не стремилась. Ей такъ было хорошо въ этомъ солнечномъ воздухѣ, среди цвѣтовъ, въ сонномъ затишьѣ стараго сада. Быть можетъ, этотъ кажущійся покой былъ лишь временной усталостью души.

Шумъ шаговъ на песчаной дорожкѣ заставилъ ее выйти изъ этого блаженнаго состоянія. Она открыла глаза и вся словно замерла, судорожно сжавъ ручки кресла. Къ террасѣ по дорожкѣ, опустивъ голову, медленно шелъ Левонъ. Онъ не могъ еще ее видѣть, огибая клумбу. Но въ эти короткія мгновенія она разглядѣла его осунувшееся, поблѣднѣвшее лицо и странную, горькую полуулыбку. И ея душа на мигъ вспыхнула любовью, жалостью. Она сдѣлала движеніе броситься ему навстрѣчу, но вдругъ застыла, поблѣднѣвшая, съ остановившимся сердцемъ.

Левонъ поднялъ голову и увидѣлъ ее. Онъ на мгновеніе пріостановился, потомъ его лицо приняло необыкновенно счастливое выраженіе и съ заглушеннымъ крикомъ: «Ирина!» онъ взбѣжалъ на ступени террасы, протягивая обѣ руки.

Но сейчасъ же остановился, и лицо его погасло.

Ирина стояла передъ нимъ блѣдная, надменная и холодная, какъ въ самые первые дни ихъ знакомства. Ни радости, ни волненія, ни даже удивленія не было на ея застывшемъ лицѣ.

— Я очень рада видѣть васъ,—равнодушнымъ тономъ произнесла она, протягивая руку.—Какая будетъ радость для Никиты Арсеньевича!

Она отвернулась въ сторону, чтобы не видѣть его лица, его вопрошающаго, печальнаго взгляда. Но онъ быстро овладѣлъ собою и, слегка прикоснувшись губами къ ея рукѣ, сухо отвѣтилъ:

— Я также радъ видѣть васъ. Я уже четыре дня въ Карлсбадѣ, но только сегодня имѣлъ возможность прійти сюда.

Онъ не сказалъ, что пришелъ потому, что три дня Новиковъ былъ словно въ агоніи, что онъ считалъ преступленіемъ оставить его, что въ минуты прояснявшагося сознанія Новиковъ, крѣпко сжимая ему руку, умоляюще шепталъ:

— Левонъ, не уходи, я долженъ сказать...—и снова впадалъ въ забытье.

Было видно, что что-то камнемъ лежитъ на его душѣ, что онъ хочетъ завѣщать другу свою послѣднюю волю.

Только сегодня рано утромъ консиліумъ врачей рѣшилъ, что смертельная опасность миновала, и только тогда Левонъ рѣшился оставить больного друга на попеченіе Гриши Бѣлоусова.

— Вы вообще не торопились навѣстить дядю,—небрежно произнесла Ирина.—Да это не удивительно. У васъ новые интересы.

Въ душѣ Ирины послѣ его словъ вновь воскресла обида. Онъ такъ давно былъ извѣщенъ о ихъ пріѣздѣ сюда и не торопился. Тѣмъ лучше! Еще нѣсколько минутъ тому назадъ всѣмъ своимъ обращеніемъ она хотѣла оттолкнуть его, показать, что онъ чуждъ ей, а теперь, когда ей казалось, что онъ самъ отходитъ отъ нея, ея сердце сжималось отъ обиды и безпричинной ревности.

— Эти три дня—причина была слишкомъ серьезна,—сказалъ Левонъ.

— Конечно,—насмѣшливо произнесла Ирина:—но, вѣдь, до сегодня отъ сраженія на Будисинскихъ высотахъ прошло не три дня, а, кажется, больше мѣсяца.

— Но развѣ я зналъ, что дядя здѣсь!—воскликнулъ Левонъ съ умысломъ, какъ и она сама, подчеркивая слово «дядя».

— А развѣ вы не знали?—удивилась Ирина.—Вѣдь Никита Арсеньевичъ увѣдомлялъ васъ.

— Когда? Я ничего не получалъ,—возразилъ Левонъ.

— Это было наканунѣ сраженія,—начала Ирина, чувствуя, какъ невольная радость наполняетъ ея душу:—мы были въ Герлицахъ.

— Вы тамъ были!—воскликнулъ удивленный Левонъ.—И я не зналъ.

— Да,—кивнула головой Ирина:—мы тамъ были и встрѣтили тамъ знакомаго вамъ офицера, Старосельскаго. И ему-то и поручилъ Никита Арсеньевичъ передать вамъ, что мы ѣдемъ въ Карлсбадъ.

Ирина, сама того не замѣчая, совершенно утратила свой высокомѣрный тонъ и надменный видъ. Ея голосъ звучалъ обычной простотой.

— Старосельскій?—повторилъ Левонъ.—Да, я зналъ его. Но я не видѣлъ его. Онъ былъ убитъ въ самомъ началѣ сраженія.

Вспомнивъ убитаго товарища, Левонъ снялъ киверъ.

— Убитъ!—съ волненіемъ произнесла Ирина.—Такой молодой, такой веселый... Боже!..

— Теперь вы видите, Ирина,—тихо началъ Левонъ:—что я не зналъ. Только поэтому я не пріѣхалъ раньше... хотя, кажется, мнѣ было бы лучше не пріѣзжать вовсе. Я не ожидалъ такой встрѣчи... Мы разстались не врагами,—продолжалъ онъ,—и разстались давно. Скажите же, что случилось опять, что вы вновь отталкиваете меня?

Онъ говорилъ съ глубокимъ чувствомъ, тихимъ и серьезнымъ голосомъ. Облокотясь на перила веранды, Ирина неподвижно смотрѣла передъ собой. Князь видѣлъ ея строгій профиль, черные локоны, яркую розу въ волосахъ и печальные глаза. И во всей ея склоненной фигурѣ, въ этихъ глазахъ не было ни надменности, ни холодности. И, казалось, была минута, когда Ирина, какъ

тогда въ Петербургѣ, вдругъ обернется къ нему съ довѣрчивой улыбкой и, какъ тогда, протянетъ ему руки... Но этого не случилось. Ея лицо стало вдругъ снова холодно и непроницаемо, и, выпрямившись, опять чужая и недоступная, она отвѣтила равнодушнымъ тономъ:

— Но ничего не случилось. Я очень рада видѣть васъ. И что могло случиться? У насъ разные пути въ жизни. Я интересуюсь вашей судьбой, какъ племянника моего мужа. Я уважаю васъ, какъ честнаго человѣка и мужественнаго офицера.

— Но, вѣдь, было время...—началъ Левонъ.

Краска медленно залила ея лицо.

— Я прошу васъ забыть объ этомъ,—дрогнувшимъ голосомъ прервала она.—Это было... это прошло...

— Но что было и что прошло!—страстно воскликнулъ Левонъ.—Было одно мгновеніе, но оно безвозвратно... Ему не будетъ повторенія, я знаю это... я не жду его, не ищу его... но были тихіе вечера, долгіе разговоры, была нѣжная сестра, было тепло и свѣтъ въ одинокой жизни!.. И этого нѣтъ! И этого не будетъ, говорите вы... Это жестоко и незаслуженно...—упавшимъ голосомъ закончилъ онъ.

— Эта дружба была самообманомъ,—отвернувшись, сказала Ирина.—Вы должны знать это... Но Бога нельзя обмануть... да и притомъ все это уже пережито... Все прошло... Все это было не нужно... Надо совсѣмъ иное...—Ирина говорила медленно, съ усиліемъ.—Но вотъ и Никита Арсеньевичъ,—съ видимымъ облегченіемъ вдругъ прервала она себя.

Левонъ обернулся. По дорожкѣ шелъ старый князь въ сопровожденіи молодого красавца въ конногвардейскомъ бѣломъ мундирѣ.

— Кто это?—спросилъ Левонъ, пристально глядя на Ирину.

Ему показалось, что Ирина слегка покраснѣла и въ ея голосѣ послышалось смущеніе, когда она отвѣтила:

— Это князь Пронскій.

Это имя было слишкомъ извѣстно въ столичныхъ кругахъ, и Левонъ, конечно, слышалъ его. Онъ круто повернулся и пошелъ навстрѣчу старому князю.

Никита Арсеньевичъ, узнавъ его, еще издали раскрылъ свои объятія, крича:

— Иди, иди, блудный племянникъ!

Онъ съ большимъ чувствомъ обнялъ Левона. Потомъ познакомилъ его съ Пронскимъ.

— Очень радъ наконецъ встрѣтиться съ вами,—любезно сказалъ Пронскій.—Я такъ много слышалъ о васъ отъ Никиты Арсеньевича и встрѣчалъ ваше имя въ реляціяхъ о Будиссинскомъ сраженіи.

Левонъ сдержанно поклонился. Дядя взялъ его подъ руку и сталъ подробно разспрашивать.

Какъ бы находя себя лишнимъ, а, главное, замѣтивъ на террасѣ бѣлую фигуру Ирины, Пронскій, извинившись, поспѣшилъ впередъ. Левонъ, нахмурясь, посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Пока они дошли до террасы, Левонъ успѣлъ въ общихъ чертахъ сказать о себѣ и о томъ, какъ попалъ онъ сюда съ раненымъ Новиковымъ.

— Бѣдняга,—замѣтилъ Никита Арсеньевичъ,—непремѣнно навѣщу его.

Войдя на террасу, они застали Ирину сидѣвшей въ качалкѣ и около нея князя Пронскаго, что-то оживленно разсказывавшаго ей. Ирина равнодушно слушала его.

Завязалась общая бесѣда. Главнымъ образомъ говорили Пронскій и Никита Арсеньевичъ. Разговоръ вертѣлся на предстоящемъ въ Прагѣ мирномъ конгрессѣ. Старый князь былъ увѣренъ, что въ августѣ будетъ уже заключенъ миръ, такъ какъ обѣ стороны въ достаточной мѣрѣ истощены и, кромѣ того, продолженіе войны не въ интересахъ Россіи. Какъ человѣкъ, близкій къ императорской главной квартирѣ, Пронскій былъ очень сдержанъ, и не возражалъ и не соглашался съ этимъ мнѣніемъ.

— Наполеонъ очень упрямъ и снова чувствуетъ себя побѣдителемъ,— замѣтилъ онъ.— Поведеніе Австріи тоже еще нерѣшительно.

— Охъ, ужъ эти друзья,—вздохнулъ Никита Арсеньевичъ.— Говорятъ, скоро сюда будетъ государь?—перемѣнилъ онъ разговоръ.

Пронскій пожалъ плечами.

— Мы знаемъ тамъ столько же, сколько знаютъ и здѣсь,—улыбаясь, отвѣтилъ онъ.—Объ отъѣздѣ государя мы часто узнаемъ только черезъ нѣсколько часовъ. Притомъ государь часто за послѣднее время выѣзжаетъ въ Нейдорфъ къ прусскому королю.

— Говорятъ, государь живетъ совсѣмъ отшельникомъ?—спросила Ирина.

— Мы также,—засмѣялся Пронскій.—Его величество всегда одинъ въ этомъ мрачномъ замкѣ, какъ его называютъ, графа Штильберга. Но его величество имѣетъ о чемъ подумать. Но, Боже мой! Княгиня, представьте себѣ наше положеніе. Положимъ, наше мѣстопребываніе—цвѣтущая долина, но вѣдь и самый чудный видъ надоѣстъ, если онъ цѣлые дни передъ глазами. Службы у насъ нѣтъ. Мы «на всякій случай»... И если бы вы знали, какъ уныло тянутся вечера, особенно ненастные... Брр... Благодарю Бога, что его величеству пришла мысль отправить именно меня сюда съ письмомъ къ великой княгинѣ.

— Вы знаете,—обратилась Ирина къ мужу:—что князь пріѣхалъ ко мнѣ съ приглашеніемъ отъ великой княгини сегодня на обѣдъ?

Никита Арсеньевичъ кивнулъ головой.

— Мнѣ уже говорилъ Андрей Петровичъ. Это вѣдь не званый обѣдъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Пронскій,—ея высочество просто соскучилась о княгинѣ, не видя ея второй день.

И онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на Ирину. Странное чувство испытывалъ Левонъ. Ему казалось, что онъ совершенно лишній, чужой. У Ирины свои интересы, свой кругъ новыхъ и старыхъ знакомыхъ, и эта видимая близость къ любимой сестрѣ императора, конечно, наполняетъ ея жизнь. А этотъ красавецъ, такъ очевидно влюбленный? И что, дѣйствительно, для нея онъ самъ, Левонъ, съ его глупой и смѣшной, безплодной любовью?.. Онъ хотѣлъ уйти, но князь рѣшительно запротестовалъ, и Левонъ остался завтракать. Къ завтраку пріѣхалъ и Евстафій Павловичъ, веселый и живой. Онъ шумно и непринужденно привѣтствовалъ Левона. Вообще, во всей фигурѣ Евстафія Павловича было замѣтно чувство собственнаго достоинства. Прежней приниженности не было и слѣда. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ очутился за границей и старый князь, ни во что не вмѣшиваясь, передалъ ему полное веденіе дѣлъ, Евстафій Павловичъ снова почувствовалъ себя бариномъ. Онъ вошелъ въ роль и распоряжался деньгами стараго князя, какъ своими собственными. Сначала онъ еще пробовалъ спрашивать князя относительно расходовъ, но князь отмахивался обѣими руками и просилъ Евстафія Павловича дѣйствовать совершенно самостоятельно. Онъ привезъ съ собой новости о пораженіи арміи Наполеона въ Испаніи—Веллингтономъ при Витторіи.

Братъ Наполеона, испанскій король Іосифъ, самъ едва спасся, чуть ли даже не бѣжалъ во Францію.

— Ну, что жъ,—замѣтилъ Бахтѣевъ:—это сдѣлаетъ Наполеона болѣе уступчивымъ.

Левонъ едва слушалъ эти разговоры, изрѣдка бросая взгляды на Ирину и сидѣвшаго рядомъ съ нею князя Андрея Петровича. Онъ много слышалъ о необыкновенныхъ успѣхахъ князя и теперь слѣдилъ за нимъ съ любопытствомъ и ревностью, и долженъ былъ сознаться, что ни въ наружности, ни въ манерѣ говорить молодого князя онъ не могъ замѣтить ни признака чего-нибудь грубаго или самодовольства и непріятной самоувѣренности. Все въ немъ было естественно, изящно и просто. Онъ какъ будто совсѣмъ не придавалъ никакого значенія ни своей красотѣ, ни своему положенію, ни своимъ успѣхамъ. Особенно поразило Левона доброе и довѣрчивое выраженіе его необыкновенно большихъ и глубокихъ темныхъ глазъ. Пронскій имѣлъ врожденный рѣдкій даръ очарованія, и это въ большей или меньшей степени испытывали всѣ встрѣчающіеся съ нимъ и мужчины, и женщины. Онъ никогда не вызывалъ къ себѣ, несмотря на свои успѣхи, острой ненависти

мужчинъ. Любовь сама шла къ нему навстрѣчу, и онъ принималъ ее такъ же естественно, какъ дышалъ. Черезъ пять минутъ разговора онъ уже казался старымъ знакомымъ, проникнутымъ интересами своего собесѣдника, добрымъ и отзывчивымъ. Онъ располагалъ къ откровенности и довѣрію, и у него было много друзей среди мужчинъ и женщинъ.

Едва окончился завтракъ, Левонъ поднялся прощаться. Онъ ушелъ съ тяжелымъ чувствомъ. При выходѣ изъ сада онъ столкнулся съ высокой, стройной фигурой въ сутанѣ. Это былъ аббатъ Дегранжъ. Они молча обмѣнялись поклонами.

— Не отсюда ли эта трогательная святость?—съ горькой усмѣшкой подумалъ Левонъ.

XXXIV.

Новиковъ поправлялся. Докторъ Ковровъ оказался очень свѣдущимъ и искуснымъ. Кромѣ того, не было во всемъ Карлсбадѣ сколько-нибудь извѣстнаго врача, котораго онъ не привлекъ бы къ консультаціи. Бахтѣевъ не зналъ, какъ и благодарить его. Ко всему, докторъ былъ не корыстолюбивъ. Онъ упорно отказывался отъ гонорара, но князь, узнавъ, что у него въ Россіи большая необезпеченная семья, настоялъ на своемъ и вручилъ ему крупную сумму.

Новиковъ ничего не скрылъ отъ друга. Съ мрачно горящими глазами онъ разсказалъ о предательствѣ баварскаго офицера.

— О, если бы мнѣ только встрѣтить, только встрѣтить его!—съ бѣшенствомъ говорилъ онъ.

Иногда онъ впадалъ въ отчаянье и цѣлыми часами лежалъ неподвижно, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ. И Левонъ не находилъ словъ утѣшенія. Да и что онъ могъ сказать?

Бѣлоусовъ, успокоившись за Новикова, цѣлые дни пропадалъ изъ дому. Онъ нашелъ уже и родственниковъ и свойственниковъ, завелъ новыя знакомства и чувствовалъ себя отлично. Онъ приносилъ домой вмѣстѣ съ молодымъ оживленіемъ всевозможные толки, сплетни, наблюденія и новости. Раза два ему удавалось встрѣтиться и съ княгиней Ириной, отъ которой онъ былъ въ восторгѣ, и, желая доставить Левону удовольствіе, разсказывалъ объ успѣхахъ его тетушки, передавалъ слухи о вниманіи къ ней государя, о ревности дамъ изъ-за Пронскаго; говорилъ, что будто государь пріѣзжаетъ въ Карлсбадъ довольно часто, и тогда великая княгиня приглашаетъ къ себѣ княгиню Бахтѣеву. Левонъ, блѣднѣя, слушалъ эти разсказы, но не прерывалъ ихъ, а даже поощрялъ къ нимъ. Самъ онъ рѣшилъ никуда не ходить, но чувствовалъ, какъ его влечетъ туда, гдѣ бываетъ Ирина, гдѣ говорятъ о ней, гдѣ онъ самъ собственными глазами можетъ провѣрить эти слухи.

Мрачное одиночество друзей было радостно нарушено неожиданнымъ пріѣздомъ Зарницына. Онъ тоже участвовалъ въ Будисинскомъ сраженіи въ Конно-Гренадерскомъ полку и былъ раненъ въ руку. Она и теперь на перевязи. Гаврила Семенычъ принесъ съ собой обычную жизнерадостность и, узнавъ, что домъ друзей довольно просторенъ, рѣшилъ переѣхать къ нимъ, чему они были чрезвычайно рады. Своей непобѣдимой жизнерадостностью и непоколебимой увѣренностью въ благополучной развязкѣ всякихъ житейскихъ обстоятельствъ онъ сумѣлъ подѣйствовать успокоительно даже на Новикова. Съ Бѣлоусовымъ онъ сразу дружески сошелся. Но, несмотря на свою видимую безпечность, онъ глубоко сочувствовалъ Новикову и наединѣ съ Бахтѣевымъ часто среди разговора грустно повторялъ:

— Герта, бѣдная, маленькая Герта!

Старый князь сдержалъ слово и навѣстилъ Данилу Ивановича. Не зная сердечной печали Новикова, старикъ былъ пораженъ не столько болѣзненнымъ, сколько страдальческимъ выраженіемъ его лица и мрачнымъ отчаяніемъ, иногда невольно прорывавшимся въ его словахъ. Желая развлечь его, Никита Арсеньевичъ разсказалъ ему о бѣгствѣ Соберсе. Новиковъ дѣйствительно оживился.

— Такъ и надо,—сказалъ онъ.—Но какъ обожаютъ Наполеона! Мудрено ли съ такими людьми покорить міръ!

Левонъ тоже выразилъ удовольствіе, что Соберсе вырвался на волю. Уходя, старый князь сказалъ Левону:

— Мнѣ кажется, что Новиковъ больше страдаетъ отъ какого-то личнаго горя, чѣмъ отъ своихъ ранъ. Это опаснѣе.

Левонъ подивился чуткости старика.

На карлсбадскомъ горизонтѣ взошла новая звѣзда. Изъ Петерсвальде послѣ свиданія съ государемъ пріѣхалъ графъ Меттернихъ. Собираясь на Пражскій конгрессъ, онъ рѣшилъ отдохнуть въ Карлсбадѣ. Графъ Меттернихъ, европейская знаменитость, ближайшій совѣтникъ австрійскаго императора! Меттернихъ, на котораго теперь устремлено вниманіе всего міра, такъ какъ у него въ карманѣ окончательное рѣшеніе Австріи! Меттернихъ, еще молодой, красивый, обаятельный собесѣдникъ и страстный поклонникъ женщинъ, столь же извѣстный своими любовными похожденіями, какъ и дипломатическими успѣхами при дворахъ Вѣны и Парижа!..

Боже мой! Любовь и политика! Это совсѣмъ въ стилѣ Louis XIV или XV.

Среди дамъ царило повышенное настроеніе. А пріѣздъ очаровательнаго дипломата какъ разъ совпалъ съ уже созрѣвшимъ рѣ-

шеніемъ мѣстнаго общества дать вечеръ въ честь великой княгини Екатерины Павловны, оказывавшей такое радушное гостепріимство представителямъ этого общества. Присутствіе Меттерниха придастъ новый интересъ этому блестящему балу. Наконецъ-то нашлось живое, настоящее дѣло! Костюмы, выборъ приглашенныхъ,—все это требовало усиленныхъ заботъ и размышленій. А вдругъ будетъ и самъ императоръ. Статсъ-дама великой княгини Екатерины Павловны княгиня Буракина составляла списокъ приглашенныхъ, и дамы были въ тревогѣ, чтобы какъ-нибудь не быть пропущенными. Много разговоровъ вызвалъ выборъ мѣста для предстоящаго бала. Но наконецъ остановились на предложеніи княгини Бахтѣевой—дать балъ у нея. Всѣ знали ея близость къ великой княгинѣ, вниманіе къ ней государя. Кромѣ того, вдругъ вспомнили, что старый князь былъ оберъ-камергеръ, а главное, что онъ несмѣтно богатъ, и хотя и были разговоры о подпискѣ на этотъ балъ, даваемый не однимъ лицомъ, а всѣмъ обществомъ, но всѣ были увѣрены, что Бахтѣевъ будетъ просить, чтобы ему оказали честь быть въ полномъ смыслѣ представителемъ общества. Такъ и случилось, и никто упорно не возражалъ, хотя и дѣлали это для виду. Естественно, Левонъ сейчасъ же получилъ объ этомъ сообщеніе отъ дяди, съ просьбой принять участіе въ обсужденіи деталей праздника. Первой мыслью его было отказаться, но у него не хватило рѣшимости. А разъ рѣшившись принять приглашеніе, онъ счелъ необходимымъ сдѣлать предварительно нѣсколько визитовъ, чтобы не показаться на балу выходцемъ и сразу отдѣлаться отъ неизбѣжныхъ все однихъ и тѣхъ же вопросовъ.

Онъ посвятилъ визитамъ цѣлый день и вернулся мрачнѣе тучи. Цѣлый день его словно поджаривали на медленномъ огнѣ намеками, улыбками, недосказанными словами, вопросами о здоровьѣ дяди, произнесенными тономъ, къ которому нельзя придраться, но отъ котораго въ немъ закипало бѣшенство. А онъ долженъ былъ не понимать и мило улыбаться.

На другой день онъ побывалъ у дяди.

— Ну, что жъ, Левонъ, тряхнемъ стариной,—самодовольно встрѣтилъ его князь:—я самъ буду наблюдать за всѣмъ. Ты поможешь?

— Съ удовольствіемъ, дядя,—отвѣтилъ Левонъ:—но если позволите, я вамъ порекомендую еще двухъ моихъ пріятелей. Они лучше меня помогутъ.

— Кого?—спросилъ князь.

Левонъ назвалъ Бѣлоусова и Зарницына.

— Разъ они твои друзья,—они здѣсь дома, я очень буду радъ ихъ помощи,—серьезно и важно отвѣтилъ старый князь.

Левонъ былъ увѣренъ, что доставитъ этимъ пріятелямъ удовольствіе.

— У нихъ бездна вкуса,—замѣтилъ онъ на всякій случай.

Уходя, онъ встрѣтилъ въ залѣ Ирину и молча поклонился ей. Она равнодушно протянула ему руку.

— Вы однѣ?—спросилъ онъ.

— Пока одна,—спокойно отвѣтила она.

Нѣсколько мгновеній онъ ждалъ, что она предложитъ ему остаться. Но тѣмъ же тономъ она добавила:

— Сейчасъ долженъ бы прійти Пронскій, но его нѣтъ.

— Я не мѣшаю,—холодно произнесъ Левонъ, закусивъ губы, и, снова поклонившись, быстро вышелъ...

Въ тотъ же день вечеромъ у княгини Пронской очень оживленно обсуждали сенсаціонное извѣстіе. Графъ Меттернихъ, послѣ великихъ княгинь, первый визитъ сдѣлалъ княгинѣ Бахтѣевой. Такъ и говорили: «княгинѣ Бахтѣевой», а не князю Бахтѣеву, или Бахтѣевымъ. О, конечно, хитрый дипломатъ сдѣлалъ это не случайно и не зря потомъ, при всѣхъ остальныхъ визитахъ, восторгался красотой и умомъ молодой княгини.

XXXV.

Никита Арсеньевичъ дѣйствительно тряхнулъ стариной, припомнивъ сказочные пиры, какіе онъ давалъ въ былые дни въ честь императрицы и своего незабвеннаго друга великолѣпнаго князя Тавриды.

Передъ домомъ толпились зѣваки, любуясь на убранный русскими, прусскими и австрійскими флагами ярко освѣщенный фасадъ и на пылающаго надъ подъѣздомъ большого двухглаваго орла подъ императорской короной.

Густой садъ освѣтился цвѣтными лампіонами, и меланхоличные звуки менуэта доносились на улицу. Длинной вереницей стояли кареты и коляски.

Левонъ поздно пріѣхалъ на балъ послѣ долгаго колебанія. Съ утра онъ твердо рѣшилъ не ѣхать, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше росло въ его душѣ чувство мучительнаго любопытства и раздраженной ревности. Но, придя, онъ сразу почувствовалъ себя одинокимъ и чужимъ. Смотря на скользящія передъ нимъ нарядныя и оживленныя пары танцующихъ, онъ не могъ отдѣлаться отъ недавнихъ воспоминаній страданья и ужаса; и опять, какъ и на первомъ балу у дяди въ Петербургѣ, дикимъ и чуждымъ казалось ему это веселье въ ярко освѣщенныхъ залахъ, убранныхъ цвѣтами, когда еще и теперь тысячи раненыхъ умирали безъ помощи, перевозимые, какъ дрова, на простыхъ телѣгахъ,

по сквернымъ дорогамъ, за сотню верстъ... Его не удивляло веселье молодыхъ офицеровъ, вырвавшихся изъ ада и готовыхъ опять броситься туда. Но всѣ эти разряженныя куклы, все это такъ называемое общество, потянувшееся ради тщеславія, забавы и жалкаго честолюбія за императорской квартирой!..

Пробираясь среди толпы знакомыхъ и незнакомыхъ, онъ искалъ глазами Ирину и онъ нашелъ ее въ сторонѣ отъ танцующихъ въ малой залѣ, окруженной цѣлой толпой. Она сидѣла рядомъ съ великой княгиней Екатериной Павловной, пріѣхавшей безъ сестры, уже отправившейся въ Веймарнъ.

Бахтѣевъ въ первый разъ видѣлъ великую княгиню. Его поразила спокойная красота ея лица, съ выраженіемъ мысли и печали. Лицо Ирины тоже было задумчиво и серьезно, и эти двѣ женщины представляли рѣзкій контрастъ съ веселымъ оживленіемъ окружающихъ.

За кресломъ Ирины, наклонясь къ ней, стоялъ высокій стройный человѣкъ въ расшитомъ придворномъ мундирѣ. Во всей его осанкѣ, въ манерѣ говорить чувствовался человѣкъ, для котораго блестящее общество и присутствіе принцессы были привычны. Его лицо не было красиво, но въ немъ было что-то не общее, рѣзко выдѣляющее его изъ круга другихъ. Чрезвычайно высокій лобъ, большіе яркіе глаза и полунасмѣшливая улыбка на чуть полныхъ, красивыхъ губахъ.

— Графъ Меттернихъ,—сказалъ кто-то рядомъ съ Левономъ.

Такъ вотъ онъ, тотъ человѣкъ, который, по всеобщему убѣжденію, являлся сейчасъ рѣшителемъ войны и мира...

Но теперь на лицѣ всемогущаго министра не было видно ничего, кромѣ искренняго восхищенія красавицей-собесѣдницей. Онъ казался просто изящнымъ, придворнымъ кавалеромъ, искренно влюбленнымъ. Можно было подумать, что ничего иного онъ никогда не дѣлалъ, какъ только ухаживалъ за красавицами. Но всѣмъ было извѣстно, что блестящій дипломатъ дѣлилъ свою жизнь между политикой и любовью. Ирина внимательно слушала его и казалась заинтересованной. Рядомъ съ Меттернихомъ неподвижно стоялъ Пронскій, нервно потирая подбородокъ, изрѣдка бросая взоръ на Меттерниха.

«Онъ ревнуетъ», съ ясновидѣньемъ влюбленнаго подумалъ Левонъ.

Великая княгиня бесѣдовала со стоявшимъ передъ ней Никитой Арсеньевичемъ. Въ ближайшей къ нимъ группѣ Левонъ увидѣлъ неизмѣннаго Дегранжа въ тихой, но оживленной бесѣдѣ съ Волконской и княгиней Буракиной. Къ нимъ подошелъ сіяющій Буйносовъ. Сказалъ нѣсколько словъ и подлетѣлъ къ другой группѣ. Вездѣ онъ говорилъ по нѣскольку словъ и вновь въ радостной суетливости устремлялся къ новому мѣсту. Онъ, видимо,

чувствовалъ себя на верху блаженства и игралъ роль гостепріимнаго хозяина.

«Чужіе, всѣ чужіе»,—думалъ Бахтѣевъ и не могъ оторваться отъ милаго лица. Вотъ Ирина подняла голову, улыбнулась и слегка покраснѣла. Левону казалось, что Меттернихъ слишкомъ низко наклоняется къ ней и держится свободнѣе, чѣмъ слѣдовало. Онъ невольно взглянулъ на Пронскаго и словно прочелъ на его лицѣ выраженіе своихъ чувствъ. Пронскій, очевидно, забывъ, что на него устремлена не одна пара глазъ, стоялъ, нахмуривъ брови, пристально глядя на Меттерниха. Ирина вдругъ повернулась къ нему и съ улыбкой что-то сказала, и мгновенно лицо князя просіяло. Левонъ почувствовалъ, что кровь приливаетъ ему къ головѣ и холодѣютъ руки. Онъ рѣзко повернулся и хотѣлъ уйти, но въ эту минуту произошло какое-то движеніе; пронесся, какъ дуновеніе вѣтра, неясный шопотъ и чей-то негромкій голосъ произнесъ:

— Государь.

Меттернихъ замолчалъ и выпрямился. Ирина встала, Екатерина Павловна тоже, а старый князь, поклонившись великой княгинѣ, быстро направился къ выходу.

. . . .

Великая княгиня взяла подъ руку Ирину и направилась за нимъ. За нею потянулись и остальные. Хотя смутно мечтали о пріѣздѣ государя, но никто на это не надѣялся, тѣмъ болѣе, что сама великая княгиня, пріѣхавъ, сообщила, что ея августѣйшій братъ не пріѣхалъ въ Карлсбадъ.

Среди низко склонившихся рядовъ государь шелъ по большой залѣ. За нимъ въ адмиральскомъ мундирѣ тяжело ступалъ Александръ Семеновичъ съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Толстымъ, а за ними, къ величайшему изумленію Левона, въ темномъ фракѣ и темныхъ чулкахъ виднѣлся Монтрозъ. Левонъ даже не повѣрилъ своимъ глазамъ. Но ошибиться было нельзя. Монтрозъ замѣтилъ его и, едва улыбаясь, сдѣлалъ ему привѣтственный жестъ рукой.

Лицо государя было удивительно ясно и молодо, какъ будто никогда никакая печаль не омрачала этого чистаго лба и блеска большихъ, слегка прищуренныхъ сѣро-голубыхъ глазъ.

Онъ милостиво поздоровался со старымъ княземъ, что-то сказавъ, на что Никита Арсеньевичъ очень громкимъ голосомъ, такъ какъ государь былъ слегка глуховатъ, отвѣтилъ по-французски:

— Государь, это величайшее счастье подданнаго.

Тутъ же вертѣлся и Евстафій Павловичъ, стараясь обратить на себя вниманіе государя. И когда это ему удалось, когда государь съ ласковой улыбкой протянулъ ему руку, Евстафій Павловичъ весь засіялъ и даже прослезился. Ирина и великая княгиня

встрѣтили его на порогѣ маленькой залы. Левона поразило то особенное выраженіе лица, съ какимъ Пронскій смотрѣлъ на покраснѣвшую Ирину и на государя, слегка наклонившагося передъ ней, цѣлуя ея руку. И, какъ отравленныя иглы, вдругъ впились въ душу Левона темные, странные намеки.

Всѣ замѣтили, что государь неблагосклонно взглянулъ на графа Меттерниха, стоявшаго съ ней рядомъ, и слегка кивнулъ ему, не протягивая руки. Одинъ Меттернихъ, казалось, не замѣтилъ этого сухого обращенія, непринужденно и почтительно поклонившись.

И, дѣйствительно, невниманіе государя не лишало Меттерниха обычной самоувѣренности. Былъ только одинъ въ мірѣ человѣкъ, передъ которымъ онъ терялся и на пышныхъ пріемахъ въ Сенъ-Клу или Тюльери, и въ рабочемъ кабинетѣ. Это маленькій корсиканецъ съ холодными сѣрыми глазами, дѣлавшимися иногда такими страшными...

Но за это онъ и ненавидѣлъ этого человѣка!

Левонъ чувствовалъ себя словно въ туманѣ. Пронскій, Меттернихъ, государь, Дерганжъ, сейчасъ говорящій съ императоромъ, Ирина — всѣ казались ему странно соединенными между собою какой-то незримой паутиной...

Мимо него прошелъ радостный и сіяющій Гриша Бѣлоусовъ.

— Неужели вамъ не весело? — блестя глазами, спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, добавилъ: — это сонъ какой-то!

И, замѣтя Зарницына около княгини Пронской, поспѣшилъ къ нему.

Левонъ видѣлъ, какъ изъ маленькой гостиной, куда вошелъ император, всѣ вышли. Тамъ остались только, кромѣ государя, Ирина и великая княгиня. Послѣднимъ вышелъ Пронскій, съ опущенной головой и блѣднымъ лицомъ.

«Ну, я насмотрѣлся», рѣшилъ Левонъ, пробираясь къ выходу, но почувствовалъ, что кто-то взялъ его подъ руку. Это былъ Монтрозъ, о которомъ онъ забылъ, поглощенный своими мыслями.

— Здѣсь, дѣйствительно, душно, — спокойно началъ Монтрозъ, словно продолжая прерванный разговоръ: — пройдемте въ садъ.

Левонъ машинально подчинился ему.

На темномъ іюльскомъ небѣ ярко горѣли звѣзды, и жалкими казались гирлянды цвѣтныхъ лампіоновъ, прихотливо переплетавшихся между деревьевъ. Садъ благоухалъ. Монтрозъ свернулъ въ одну изъ боковыхъ темныхъ аллей.

— Здѣсь лучше, — началъ онъ: — здѣсь прекраснѣе звѣзды и не слышно шума. Вы очень удивлены, увидѣвъ меня здѣсь? — спросилъ онъ князя.

— Больше, чѣмъ я могу сказать, — отвѣтилъ Левонъ: — какъ въ самомъ дѣлѣ, вы очутились здѣсь и откуда?

— Но изъ Петерсвальде, милый князь,—со смѣхомъ отвѣтилъ шевалье,—и пріѣхалъ вмѣстѣ съ императоромъ.

— А туда?—спросилъ Левонъ.

— А, вы очень любопытны,—замѣтилъ шевалье:—но такъ какъ вы нашъ и, кромѣ того, какъ я надѣюсь, мой личный другъ, то я скажу вамъ. Я пріѣхалъ къ императору съ письмомъ отъ свергнутаго Наполеономъ испанскаго короля Фердинанда, созданія, говоря правду, совершенно ничтожнаго, но на котораго мы имѣемъ виды. Нѣтъ нужды пока объяснять вамъ подробности и мои связи съ нимъ. Все это вы узнаете въ свое время. Я только хотѣлъ удовлетворить ваше любопытство, какъ я попалъ въ Петерсвальде.

— Кажется, дѣла Наполеона въ Испаніи пошатнулись?—спросилъ князь.

— Хуже,—отвѣтилъ шевалье:—мнѣ кажется, Испанія потеряна для него. Іосифъ разбитъ на голову Веллингтономъ при Витторіи. Его армія въ страшномъ безпорядкѣ прогнана до самыхъ стѣнъ Байоны. Я привезъ государю подробности этого гибельнаго для Наполеона дѣла. Повидимому, жаркій климатъ вреденъ императору французовъ такъ же, какъ и холодный сѣверъ.

— Скоро будетъ заключенъ миръ, и онъ поправится,—сказалъ Левонъ.

— Мира не будетъ,—быстро перебилъ его Шевалье:—Меттернихъ привезъ подписанный союзный договоръ: Австрія по окончаніи перемирія выставляетъ двѣсти тысячъ противъ Наполеона. Вашъ государь счастливъ. Она вѣритъ въ свою божественную миссію освобожденія народовъ отъ ига Наполеона. Онъ идетъ еще дальше. Онъ мечтаетъ о свободѣ духа, о христіанскомъ братствѣ народовъ и священномъ союзѣ королей. Онъ мечтаетъ о томъ же, о чемъ и мы.

Шевалье говорилъ со страстнымъ увлеченіемъ.

— Но у него,—продолжалъ онъ,—дурные союзники. И въ этомъ вся опасность. Они притворяются, и притомъ очень неумѣло, что раздѣляютъ взгляды Александра. Они ненавидятъ свободу и готовы задушить ее. Они ненавидятъ Наполеона за то, что его походы пробудили въ ихъ болотахъ духъ свободы. Они хотятъ его гибели, надѣясь, что съ нимъ вмѣстѣ погибнутъ и великія идеи революціи и народы впадутъ въ прежнее сонное рабство. Вотъ за что они борются, вотъ чего они хотятъ, въ глубинѣ своихъ темныхъ душъ всегда готовые на предательство по отношенію къ своему великодушному союзнику. Въ этомъ вся опасность.

Шевалье замолчалъ. Собесѣдники сѣли на скамью.

— То, что вы говорите,—прервалъ молчаніе Левонъ:—приходило и мнѣ въ голову. Я видѣлъ, что наши союзники не любятъ насъ и не довѣряютъ намъ. Эта война не принесетъ свободы Рос-

сіи! Зачѣмъ проливать нашу кровь за чужую свободу, когда Россія изнемогаетъ.

Монтрозъ тихо положилъ руку на плечо Левона.

— Если вашъ государь осуществитъ то, о чемъ мечтаетъ, то Россія пойдетъ впереди всѣхъ народовъ. Ex oriente lux...—торжественно произнесъ Монтрозъ.

— А вы, вы вѣрите въ это?—спросилъ Левонъ.

— Я надѣюсь,—тихо отвѣтилъ шевалье и, помолчавъ, добавилъ:—а если нѣтъ... что жъ! Мы будемъ бороться...

Снова наступило молчаніе. Глубокая тоска легла на душу Левона при мысли о томъ, что эта несчастная война будетъ длиться еще и еще... и не видно ей конца, и сомнителенъ успѣхъ, несмотря на помощь Австріи... Молчаніе прервалъ шевалье, вдругъ спросивъ:

— Вѣдь, это—жена вашего родного дяди, эта красавица съ мистическими глазами, княгиня Бахтѣева?

— Да,—отвѣтилъ Левонъ:—а что?

— Она, дѣйствительно, склонна къ мистицизму?—вопросомъ отвѣтилъ шевалье.

Левонъ вспомнилъ пророка и аббата и въ раздумьи отвѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что да.

— Я слышалъ объ этомъ,—продолжалъ Монтрозъ:—кажется, у княгини частый гость аббатъ?

— Кажется,—въ изумленіи сказалъ Левонъ:—но почему васъ такъ это интересуетъ?

— Я видалъ аббата въ Петерсвальде,—уклончиво отвѣтилъ Монтрозъ, пристально глядя на Левона.

Въ темной аллеѣ трудно было разсмотрѣть выраженіе лица, но звукъ голоса Левона много сказалъ шевалье.

— Да, но при чемъ княгиня?—уже нѣсколько нетерпѣливо спросилъ Левонъ.

— Мнѣ кажется,—медленно произнося каждое слово, началъ Монтрозъ:—что аббатъ Дегранжъ, пользуясь возвышеннымъ религіознымъ строемъ души русскаго государя и либеральнымъ направленіемъ его ума, дѣйствуетъ pro domo sua, вы знаете, что онъ ордена іезуитовъ. Ему нужна поддержка извѣстныхъ круговъ. Княгиня Волконская, княгиня Напраксина уже его ученицы.

Монтрозъ положилъ, какъ бы нечаянно, руку на руку Левона и еще медленнѣе продолжалъ:

— Княгиня Бахтѣева очень вліятельна. Она удостоена дружбы великой княгини, любимой сестры императора, и въ силу этого, вниманія императора... Старанія Дегранжа понятны. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать,—закончилъ онъ, чувствуя, какъ похолодѣли руки Левона.

— Но откуда вы все это знаете?—воскликнулъ Левонъ.

— Но этому я посвящаю всю мою жизнь,—мягко отвѣтилъ Монтрозъ, вставая.—Однако, пойдемте. Мы еще поговоримъ съ вами о многомъ...Вѣдь, я знаю, что г. Новиковъ былъ раненъ, и я завтра же навѣщу его.

Левонъ молча послѣдовалъ за Монтрозомъ.

Государь съ великой княгиней уже уѣхали. Пронскаго нигдѣ не было видно, а около Ирины попрежнему былъ Меттернихъ.

Взволнованный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, Левонъ чувствовалъ, что не въ силахъ оставаться дольше. Онъ уѣхалъ такимъ же чужимъ и одинокимъ, какъ и пріѣхалъ, даже не подойдя ни къ дядѣ, ни къ Иринѣ. Онъ не замѣтилъ ни одного взгляда, который искалъ бы его въ толпѣ гостей....

XXXVI.

Монтрозъ сдержалъ свое слово и на другой еднь пріѣхалъ навѣстить Данилу Ивановича. Но даже пріѣздъ великаго мастера не подѣйствовалъ оживляюще на Новикова. Онъ находился въ состояніи угрюмаго отчаянія. Блѣдный, невѣроятно исхудавшій, съ ввалившимися глазами и бритой, забинтованной на половину головой, онъ былъ страшенъ. Монтрозъ не касался никакихъ волнующихъ темъ и легко и поверхностно скользилъ съ предмета на предметъ, не переставая внимательно изучать выраженіе лица Новикова. Иногда взглядъ его скользилъ по лицу Левона. Казалось, онъ сравнивалъ ихъ. Новиковъ едва поддерживалъ разговоръ, занятый своими мыслями и ослабѣвшій отъ болѣзни.

Монтрозъ замѣтилъ это и всталъ:

— Ну, выздоравливайте, дорогой другъ,—ласково сказалъ онъ:—вѣрьте въ лучшее будущее и надѣйтесь.

Онъ съ такимъ особымъ выраженіемъ сказалъ послѣднія слова, словно что-то зналъ, что Новиковъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Передъ отъѣздомъ я еще навѣщу васъ,—закончилъ Монтрозъ, пожимая ему руку.

Бахтѣевъ вышелъ провожать его.

— Вотъ что, князь,—обратился къ нему въ сосѣдней комнатѣ Монтрозъ:—положеніе нашего друга гораздо серьезнѣе, чѣмъ думаете вы и, можетъ быть, врачи. Его организмъ утратилъ всякую силу сопротивленія. Онъ сгораетъ отъ тайной тоски, и онъ сгоритъ, если мы не поможемъ ему.

Съ этими словами Монтрозъ вытащилъ изъ боковаго кармана небольшую плоскую склянку, наполненную блѣдно-розовой жидкостью.

— Возьмите это и давайте ему въ питьѣ три раза въ день по три капли. Лучше не говорите объ этомъ врачамъ. Это единственное

лекарство. Если не поможетъ оно,—не поможетъ ничто. Это средство производитъ сильную реакцію въ организмѣ и напрягаетъ его силы до максимума, не ослабляя впослѣдствіи. Если не поздно,—оно поможетъ.

Съ чувствомъ необъяснимаго довѣрія Бахтѣевъ принялъ склянку изъ рукъ Монтроза.

— Благодарю,—сказалъ онъ.

— Сегодня я сдѣлаю визитъ вашему дядѣ и княгинѣ. Я увижу васъ?—спросилъ Монтрозъ, пристально глядя въ лицо Левона.

— Нѣтъ, я не буду тамъ,—отвѣтилъ Левонъ, отворачиваясь.

Шевалье крѣпко пожалъ ему руку.

Новиковъ лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами. Губы его тихо шевелились.

— Ты усталъ?—спросилъ Левонъ.

— Нѣтъ,—тихо отвѣтилъ Новиковъ:—но я хотѣлъ бы заснуть и боюсь... я боюсь своихъ сновъ,—добавилъ онъ.

Левонъ накапалъ въ стаканъ въ питье изъ склянки, данной Монтрозомъ, и, подавъ стаканъ Данилѣ Ивановичу, сказалъ:

— Монтрозъ говоритъ, что это питье дѣйствуетъ успокоительно.

— Успокоительно,—съ горькой улыбкой повторилъ Новиковъ:—если бы оно дало сонъ безъ сновидѣній.

Онъ поднялъ голову, выпилъ и снова откинулся на подушку. Глаза закрылись, и онъ почти сейчасъ же заснулъ.

Бахтѣевъ тихо вышелъ и сѣлъ у открытаго окна, выходящаго въ садъ.

Зарницынъ и Гриша уѣхали съ визитами послѣ вчерашняго бала.

Бахтѣевъ долго сидѣлъ у окна, неподвижно глядя на залитый солнцемъ садъ. Онъ не слышалъ, какъ вернулись молодые люди. И только веселый голосъ и громкій смѣхъ Гриши вывели его изъ задумчивости. Гриша былъ восторженно настроенъ послѣ вчерашняго бала. Еще бы, такого удовольствія онъ еще никогда не испытывалъ. Онъ видѣлъ государя совсѣмъ, совсѣмъ близко, онъ танцовалъ съ красивыми женщинами, принадлежавшими къ высшему кругу столицы, и самъ теперь не зналъ, въ кого онъ влюбленъ? Въ княгиню Ирину или Пронскую, въ Волконскую или Бахметьеву... Зарницынъ, напротивъ, всегда оживленный и веселый, былъ сосредоточенъ и задумчивъ и часто украдкой съ тревогой посматривалъ на Левона. Онъ вчера многое подмѣтилъ и, какъ ему казалось, угадалъ. Поэтому онъ ни однимъ словомъ не касался Ирины въ разговорахъ о вчерашнемъ балѣ. Не передалъ онъ и того, что во время его визита къ Пронскимъ князь Андрей Петровичъ былъ какъ-то странно разсѣянъ и нервенъ, а княгиня довольно прозрачно шутила насчетъ искусства австрійскаго дипломата въ любви и политикѣ. Но, что особенно поразило Зарницына, такъ это страдальческое выраженіе, мгновенно промелькнувшее по лицу Прон-

скаго, когда княгиня уже безъ всякой шутливости упомянула объ исключительномъ вниманіи, оказанномъ государемъ княгинѣ Иринѣ...

«Нѣтъ, тутъ что-то неладно,—думалъ Зарницынъ:—какой-то клубокъ замотался.—То ли дѣло тамъ, на позиціяхъ, въ полку».

Лекарство Монтроза дѣйствительно оказало чудесное дѣйствіе. Прошло два дня, и Новиковъ удивительно окрѣпъ. У него появился хорошій сонъ, аппетитъ, бодрость духа. Къ нему словно вернулась прежняя энергія, а вмѣстѣ съ нею и надежда.

— Я найду, я найду ее,—твердилъ онъ:—я скоро совсѣмъ поправлюсь. Я чувствую, какъ вливается въ меня жизнь. Во всякомъ случаѣ она была подъ покровительствомъ д'Обрейля. Не можетъ быть, что они оба убиты.

Левонъ, какъ могъ, поддерживалъ его въ этой увѣренности, хотя самъ думалъ противоположное. Онъ хорошо зналъ необузданную жестокость нѣмцевъ въ случаѣ побѣды.

За всѣ эти дни Левонъ ни разу не былъ въ домѣ дяди, да и вообще не былъ нигдѣ. Онъ никуда не выходилъ; только по ночамъ онъ часами бродилъ по темнымъ дорожкамъ сада, стараясь овладѣть своими мыслями и разобраться въ чувствахъ. Все въ его душѣ клокотало, и она замутилась. Онъ словно тонулъ и не видѣлъ береговъ, словно заблудился въ глухомъ лѣсу, безъ надежды выйти изъ него. Ни одна звѣзда не свѣтила ему. Безпорядочныя, дикія мысли проносились въ его головѣ, какъ лохмотья тучъ. Одно рѣшеніе смѣнялось другимъ, часто безумнымъ. Минутами ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. А эти теплыя, темныя, іюльскія ночи, благоуханіе цвѣтовъ, таинственный шелестъ листьевъ въ душныхъ аллеяхъ дразнили его несбыточной мечтой. Иногда, остановясь среди аллеи, въ порывѣ страстнаго отчаянья, онъ простиралъ руки къ далекимъ звѣздамъ и шепталъ безумныя слова, похожія на заклинанія...

Онъ худѣлъ и блѣднѣлъ, дѣлаясь все молчаливѣе. Даже Гриша въ его присутствіи притихалъ и сдерживалъ свою юношескую веселость.

Въ одну изъ такихъ ночей Левонъ пришелъ, какъ ему показалось, къ единственному правильному рѣшенію—бѣжать. Новиковъ уже не нуждался въ его заботахъ. Онъ уже всталъ съ постели и бродилъ, хотя еще слабый, но уже здоровый, къ великой гордости Коврова. Левонъ рѣшилъ ѣхать въ полкъ. Срокъ перемирія истекалъ черезъ двѣ недѣли, говорили, что представитель Наполеона Коленкуръ, герцогъ Виченцкій, еще не пріѣхалъ на конгрессъ...—что Наполеонъ хранитъ молчаніе, и самые крайніе оптимисты уже сомнѣвались въ мирномъ окончаніи переговоровъ. Что

касается Левона, то после разговора съ Монтрозомъ онъ ждалъ войны. Какъ будто сама судьба лишала Левона возможности измѣнить рѣшеніе. Онъ получилъ изъ полка экстренный приказъ немедленно выѣхать въ Прагу, куда, по случаю ожидаемаго пріѣзда государя и многихъ высокопоставленныхъ лицъ, назначались офицеры, преимущественно громкихъ фамилій, для несенія обязанностей ординарцевъ и для почетныхъ карауловъ.

«Ну, вотъ, все рѣшено,—думалъ Левонъ:—надо ѣхать немедленно, и слава Богу».

Но судьба подшутила надъ нимъ. Въ день, назначенный для отъѣзда, къ нему пріѣхалъ старый князь съ неожиданной новостью.

Черезъ Балашева онъ получилъ извѣщеніе, что государь желаетъ, чтобы онъ, какъ оберъ-камергеръ двора, пріѣхалъ въ Прагу. Отъ себя Александръ Дмитріевичъ прибавлялъ, что это приглашеніе вызвано возможностью заключенія мира, что будетъ, конечно, сопровождаться торжествами, и государь желаетъ, чтобы на этихъ торжествахъ присутствовали чины двора и представители знати. Великая княгиня уже уѣхала. Вслѣдъ за ней, не ожидая приглашенія, потянулись всѣ, кто имѣлъ возможность. Они же именно хотѣли остаться въ опустѣвшемъ Карлсбадѣ отдохнуть, но, видно, не судьба.

— Да, видно, не судьба,—подтвердилъ Левонъ, думая о себѣ.

Это приглашеніе было для него новымъ откровеніемъ. Онъ понялъ его по-своему, и страданіе, похожее на ужасъ, охватило его. Надвигалось что-то черное и страшное, съ чѣмъ нельзя бороться и отъ чего некуда уйти!..

Какъ во снѣ слушалъ онъ стараго князя, говорившаго ему:

— Евстафій Павловичъ уже уѣхалъ впередъ подыскать домъ, а мы выѣзжаемъ завтра; если ты свободенъ, то могъ бы проѣхаться въ Прагу. До конца перемирія осталось немного,—и, какъ показалось Левону, князь съ тревогой посмотрѣлъ на него.

— Но я ѣду туда,—овладѣвая собою, сказалъ Левонъ, и онъ передалъ князю полученное приказаніе.

Никита Арсеньевичъ съ облегченіемъ вздохнулъ. Тутъ только Левонъ внимательнѣе посмотрѣлъ на дядю. Онъ увидѣлъ, что старый князь не польщенъ и не обрадованъ этимъ приглашеніемъ, а какъ будто удивленъ. На его величавомъ лицѣ лежала тѣнь недоумѣнія, и густыя брови изрѣдка сдвигались.

— Ѣхать надо,—серьезно сказалъ князь:—хотя я уже старъ представительствовать, но это желаніе государя и, значитъ, мой долгъ.

— А княгиня?—спросилъ Левонъ.

— А княгиня также знаетъ свой долгъ, какъ и я,—какимъ-то страннымъ тономъ отвѣтилъ князь.

XXXVII.

Конгрессъ собрался, но бездѣйствовалъ. Дипломаты съѣхались, засѣдали, словно не зная, съ чего начать, втайнѣ обманывая другъ друга, скрывая другъ отъ друга полученныя отъ своихъ правительствъ инструкціи. Русскій представитель Анштеттъ, которому было дано понять Александромъ, что заключеніе мира противорѣчитъ всѣмъ его желаніямъ, повидимому, находился въ полномъ согласіи съ представителемъ Пруссіи Гумбольтомъ, которому, наоборотъ, было строго внушено напуганнымъ Фридрихомъ добиваться мира, хотя бы цѣной нѣкоторыхъ уступокъ. Въ то же время Фридрихъ увѣрялъ Александра въ своей твердой рѣшимости бороться до конца и не принимать отъ Наполеона никакихъ обѣщаній, какъ бы заманчивы они ни были. Францъ требовалъ отъ Меттерниха мира съ Франціей, и Меттернихъ обѣщалъ употребить для этого всѣ силы, вплоть до открытой угрозы, а въ душѣ поклялся довести дѣло до войны.

Герцогъ Виченцкій, пріѣхавшій послѣ всѣхъ, хотя и держался высокомѣрно, но вовсе не получилъ отъ Наполеона никакихъ инструкцій, кромѣ какъ доносить о ходѣ работъ конгресса, также какъ и графъ Нарбоннъ.

Изъ Брандвейса, въ семнадцати верстахъ отъ Праги, Францъ надоѣдалъ Меттерниху. Прусскій король не находилъ себѣ мѣста отъ безпокойства и, пріѣзжая въ Прагу, метался отъ одного къ другому, надоѣдая всѣмъ. Александръ внесъ новое осложненіе, потребовавъ поставить въ число условій мира низложеніе испанскаго короля Іосифа и возвращеніе на престолъ Фердинанда. Присоединеніе къ арміи союзниковъ бывшаго маршала Наполеона, теперь наслѣднаго принца шведскаго, Бернадотта съ тридцатитысячнымъ шведскимъ войскомъ, тоже желавшаго войны противъ своего благодѣтеля и родины во что бы то ни стало, тоже запутывало дѣла.

Наполеонъ, оставивъ Дрезденъ, поѣхалъ въ Майнцъ для свиданія съ императрицей Маріей-Луизой и, повидимому, вовсе не интересовался дѣлами конгресса, хотя время приближалось уже къ окончанію перемирія, но находился въ тайныхъ оживленныхъ сношеніяхъ со своимъ тестемъ, а тесть эти сношенія скрывалъ отъ своего министра.

Естественно, что при такихъ условіяхъ конгрессъ обращался въ театръ маріонетокъ, гдѣ только одинъ Меттернихъ дѣйствовалъ самостоятельно, по своей волѣ.

Бездѣлье конгресса давало ему много свободнаго времени, и онъ продолжалъ вести образъ жизни свѣтскаго человѣка, тѣмъ болѣе, что въ Прагѣ вновь составился большой кругъ. Центромъ

общества являлся домъ Бахтѣевыхъ. Великая княгиня по своему высокому положенію была, конечно, внѣ общества, хотя милостиво участвовала иногда въ возобновившихся, какъ въ Карлсбадѣ, празднествахъ. Ирина попрежнему часто бывала у нея, гдѣ также часто, но обыкновенно почти тайно, одинъ, безъ свиты, бывалъ императоръ. Екатерина Павловна тоже бывала у Ирины. Дружба ея къ Иринѣ доходила до того, что, засидѣвшись у нея раза два, великая княгиня оставалась ночевать. Но къ этому всѣ привыкли, и это уже не возбуждало ни толковъ, ни комментарій, но всѣ какъ къ солнцу тянулись къ княгинѣ Иринѣ, попрежнему избѣгавшей шумныхъ собраній и никогда не танцовавшей.

Бахтѣевы заняли одинъ изъ лучшихъ домовъ, вѣрнѣе, дворецъ, нѣкогда принадлежавшій князьямъ Радзивилламъ. Дегранжъ попрежнему былъ у нихъ почти ежедневнымъ гостемъ.

Левону было неудобно вовсе прекратить посѣщенія дома дяди. Это могло бы привлечь общее вниманіе, а, главное, это было бы непріятно старому князю. Да и самого Левона мучительно влекло въ этотъ домъ, гдѣ каждое посѣщеніе вызывало въ немъ новыя страданія. Въ старомъ князѣ была замѣтна перемѣна. Его лицо стало строже, онъ рѣже шутилъ и улыбался, сталъ недоступнѣе, словно желая отгородиться отъ возможности услышать въ своемъ присутствіи неосторожное слово. И, дѣйствительно, его надменный и величавый видъ, строгій взглядъ еще молодыхъ и блестящихъ глазъ невольно заставляли сдерживаться самыхъ злыхъ и смѣлыхъ сплетницъ и сплетниковъ. Онъ, видимо, желалъ, чтобы Левонъ бывалъ какъ можно чаще и проводилъ больше времени около Ирины. Онъ словно въ глубинѣ души поручалъ Левону охрану своей жены отъ какихъ-то невидимыхъ, но злыхъ силъ. И это было и наслажденіемъ и пыткой для Левона. Ирина опять была съ нимъ такой же, какъ въ первые дни знакомства. Она, казалось, не замѣчала его, между тѣмъ какъ у нея находились и улыбки и привѣтливыя слова для Меттерниха и князя Пронскаго. Левонъ замѣтилъ, что красавецъ князь то былъ въ подавленномъ настроеніи, то лицо его сіяло нескрываемымъ счастьемъ. Съ Меттернихомъ онъ едва держался въ границахъ, требуемыхъ самой простой вѣжливостью. Но блестящій дипломатъ былъ всегда ровенъ, очаровательно любезенъ и будто не замѣчалъ едва скрытой враждебности князя. А Левонъ, глядя на того и другого, чувствовалъ, что готовъ возненавидѣть ихъ обоихъ.

Многочисленное общество собралось у Ирины на ея утренній пріемъ. Былъ ясный день. Гости частью расположились на террасѣ, частью бродили по саду. Ирина сегодня была оживленнѣе обыкновеннаго, окруженная молодежью; она сидѣла рядомъ съ графиней Остерманъ. Меттернихъ забавлялъ общество анекдотами изъ при-

дворной хроники французскаго двора, причемъ съ презрѣніемъ аристократа насмѣшливо и зло вышучивалъ манеры «маскарадныхъ», какъ выражался онъ, герцоговъ, принцевъ и королей, созданныхъ Наполеономъ, и самого императора, приводившаго въ ужасъ дамъ своими замѣчаніями насчетъ ихъ туалетовъ и нескромными вопросами.

— Что не мѣшаетъ, однако, имъ,—насмѣшливо замѣтилъ Пронскій,—стараться чаще попадаться ему на глаза, въ тайной надеждѣ привлечь къ себѣ, хоть на одинъ день, его особое вниманіе, такъ же, какъ не мѣшаютъ насмѣшки надъ нимъ аристократамъ старой Европы и даже принцамъ крови цѣловать его руку въ надеждѣ на тѣ короны, надъ которыми они смѣются, не получивъ ихъ. Это старая басня.

— Что дѣлать, дорогой князь,—съ улыбкой пожалъ плечами Меттернихъ, не замѣчая явной враждебности тона Пронскаго:—люди—всегда люди.

Юный Строгановъ, на дняхъ тоже появившійся въ Прагѣ, чтобы навѣстить отца, находящагося въ свитѣ государя, съ увлеченіемъ воскликнулъ:

— Что бы ни говорили, но Франція можетъ гордиться своимъ императоромъ!

— Вы очень великодушны и незлопамятны,—насмѣшливо произнесъ Меттернихъ:—послѣ того, что онъ сдѣлалъ для Россіи.

— Вы правы, графъ,—весь вспыхнувъ, но съ чувствомъ достоинства отвѣтилъ Строгановъ:—русскіе великодушны и умѣютъ признавать величіе даже въ своемъ врагѣ. И вѣрно, что русскіе не злопамятны, иначе всѣхъ нашихъ теперешнихъ союзниковъ мы считали бы своими злѣйшими врагами. Даже оставивъ старые счеты, вѣдь Пруссія и Австрія вмѣстѣ съ Наполеономъ приходили въ Россію въ прошломъ году!

Несмотря на всю свою находчивость, Меттернихъ на мгновеніе потерялся передъ этой правдивой юношеской горячностью.

— Браво! Браво!—воскликнула Остерманъ:—но вы должны сознаться, графъ,—обратилась она къ Меттерниху:—что русскіе также и находчивы.

— И большое счастье, графиня, считать себя въ числѣ ихъ друзей,—отвѣтилъ Меттернихъ, наклоняя голову.

А въ саду княгиня Пронская, не имѣя иной жертвы, завладѣла Бахтѣевымъ. Ей давно уже было досадно, что молодой князь словно не замѣчаетъ ея. Она слишкомъ была избалована и не привыкла къ этому. Кромѣ того, она смутно подозрѣвала, что князь неравнодушенъ къ своей юной тетушкѣ; при этомъ отъ нея не могло укрыться, что ея мужъ окончательно потерялъ голову отъ любви къ прекрасной княгинѣ. Это не возбуждало ея ревности, но тревожило ее, такъ какъ мужъ сталъ манкировать своими обязанностями флигель-

адъютанта и это могло плохо отразиться на его придворной карьерѣ, а слѣдовательно и на ея. Всѣ эти соображенія побудили ее постараться временно завладѣть Левономъ, чтобы «освѣтить положеніе», какъ мысленно выразилась она.

Но Левонъ туго поддавался ея ухищреніямъ. Онъ довольно разсѣянно слушалъ ея болтовню и сдержанно отвѣчалъ на ея вопросы.

— Посмотрите на этотъ павильонъ, напоминающій собою маленькій античный храмъ,—обратила вниманіе Левона княгиня, указывая на мраморный съ колоннами и плоской крышей павильонъ.— Не правда ли, какъ красиво?

— Дѣйствительно, очень красиво,—отвѣтилъ Левонъ.

Они подошли ближе.

Окна павильона были закрыты темно-зелеными занавѣсками, дверь заперта.

— Обратите вниманіе на эту надпись,—сказала княгиня:— это по-латыни. Мнѣ ее переводили. Что-то о любви; что безъ любви нѣтъ жизни. Очень хорошо!

Она указала на надпись золотыми буквами надъ входной дверью.

Частью буквы вывалились, частью потемнѣли, но прочесть все же было можно. И Левонъ прочелъ:

«Magnus est amor, sine amore non est vita!»

— Могущественна любовь, безъ любви нѣтъ жизни,—задумчиво повторилъ онъ по-русски.

— Какъ это прекрасно!—воскликнула Пронская.—Сядемъ здѣсь, около этихъ розовыхъ кустовъ, и я вамъ еще что-то разскажу.

— Очень хорошо,—согласился Левонъ.

Въ концѣ концовъ княгиня достигла своего, и онъ уже обнаруживалъ нѣкоторый интересъ къ ея обществу.

— Такъ вотъ,—начала она:—говорятъ, что этотъ «храмъ любви» соединенъ подземной галерей со дворцомъ. Посмотрите, какъ укромно онъ помѣщенъ. Кругомъ густыя деревья, тамъ, видите, заросшая тропинка прямо къ маленькой калиткѣ въ толстой каменной стѣнѣ. Лучшаго мѣста для свиданія не придумать.

Она разсмѣялась.

— Вы знаете графа Оскольскаго?—спросила она.

— Гдѣ-то слышалъ,—отвѣтилъ Левонъ:—не въ Карлсбадѣ ли?

— Возможно,—сказала графиня:—онъ былъ тамъ. Это камергеръ или что-то въ родѣ этого при австрійскомъ императорѣ. Родовитый полякъ. Ему хорошо знакомъ этотъ дворецъ. Графъ теперь здѣсь. Онъ пріѣзжалъ съ какимъ-то порученіемъ къ Меттерниху изъ Брандвейса. Такъ онъ мнѣ разсказалъ, почему владѣлецъ бросилъ этотъ дворецъ и потомъ продалъ. Вамъ интересно?

— Очень,—отозвался Левонъ.

— Ну, такъ слушайте,—начала княгиня.—Этотъ дворецъ былъ

выстроенъ Радзивиллами, а въ концѣ прошлаго вѣка какимъ-то путемъ перешелъ къ ихъ родственнику князю Кшепольскому. Этотъ князь былъ женатъ на молодой красавицѣ. И былъ у него вѣрный другъ..

— Ну, конечно,—засмѣялся князь.—Всѣ легенды старыхъ замковъ похожи одни на другую. Очевидно, что другъ соблазнилъ его жену.

— Это вѣрно,—улыбнулась княгиня:—но вы не знаете, чѣмъ дѣло кончилось. Князь, конечно, узналъ объ измѣнѣ и прослѣдилъ, что свиданія происходятъ въ этомъ павильонѣ. Тогда въ одну прекрасную ночь, лишь только княгиня вышла въ подземную галерею, онъ заперъ за нею дверь оставленнымъ ею въ двери ключомъ. Затѣмъ отправился сторожить. Когда изъ павильона вышелъ человѣкъ, онъ переждалъ нѣсколько минутъ, открылъ подобраннымъ ранѣе ключомъ павильонъ, вошелъ и такимъ же ключомъ заперъ дверь потайного хода.

— Какой вздоръ!—произнесъ Левонъ, почувствовавъ невольное содроганіе.

— Почему вздоръ?—задумчиво сказала Пронская:—Оскольскій говоритъ, что еще въ прошломъ году видѣлъ князя Кшепольскаго въ Парижѣ. Ему нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ, но онъ выглядитъ настоящимъ старикомъ. Его невѣрный другъ былъ вскорѣ убитъ въ своемъ домѣ, какъ тогда говорили, съ цѣлью грабежа. Жена Кшепольскаго съ того времени пропала безъ вѣсти. А что важнѣе всего, это (мнѣ клялся въ этомъ Оскольскій) то, что новые владѣльцы черезъ пятнадцать лѣтъ нашли въ этой галереѣ истлѣвшій трупъ женщины. Но, чтобы не пугать возможныхъ жильцовъ, это скрыли. Брр! это ужасно,—нервно вздрогнула она:—но я не вѣрю, что ея призракъ по ночамъ ходитъ...

— Увѣряю васъ, что проходилъ,—раздался за кустами сзади чей-то негромкій голосъ.

Это было такъ неожиданно, что княгиня замерла на полусловѣ, судорожно схвативъ Левона за руку. Онъ тоже вздрогнулъ.

— Это вамъ показалось, дядя Іоганнъ,—произнесъ другой голосъ.

— Мнѣ не могло показаться. Я слышалъ, какъ хлопнула дверь въ павильонѣ, а когда я подошелъ, то услышалъ шорохъ вѣтвей, потомъ хлопнула калитка. Да и видно, что кто-то ходилъ.

— Ну, такъ свой кто-нибудь,—сказалъ первый.

— Еще бы не свой,—словно съ насмѣшкой произнесъ второй голосъ.

Бахтѣевъ и Пронская одновременно повернули лица и взглянули другъ на друга. Оба были блѣдны и, глядя въ глаза другъ другу, казалось, вели безмолвный, по имъ понятный разговоръ.

Это продолжалось одно мгновеніе.

На дорожкѣ показались двое мужчинъ.

Одинъ былъ старикъ, другой юноша. Оба были въ холстинныхъ передникахъ. У стараго въ рукахъ были садовыя ножницы, у молодого ножъ. Они прошли мимо, вѣжливо снявъ шляпы.

— Однако, какъ они напугали,—съ нервнымъ смѣхомъ произнесла Пронская.

— Это было дѣйствительно страшно,—произнесъ Левонъ.

Онъ хотѣлъ это сказать шутливымъ тономъ, но голосъ сорвался...

Пронская встала, и они молча, избѣгая смотрѣть другъ на друга, направилась къ дому.

XXXVIII.

Въ девять часовъ вечера 29-го іюля (по н. ст. 10-го августа) 1813 года у пражскихъ городскихъ воротъ съѣхались два курьера. Одинъ ѣхалъ изъ Брандвейса отъ императора Австріи къ графу Меттерниху, другой изъ Дрездена отъ императора Франціи къ герцогу Виченцкому.

Меттернихъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, изрѣдка посматривая на часы. Несмотря на все самообладаніе, онъ не могъ сдержать частаго біенія сердца. Осталось только три часа до окончанія перемирія! Доведетъ ли онъ до конца дѣло? Удастся ли ему? Или въ самый послѣдній моментъ что-нибудь неожиданное разрушитъ стройное зданіе его дипломатіи, и вмѣсто первой роли, несомнѣнно, принадлежащей ему въ случаѣ войны, онъ принужденъ будетъ потерять все и остаться въ тѣни—въ случаѣ мира.

Онъ вздрогнулъ, когда открылась дверь и вошелъ Кунстъ.

— Отъ императора экстренное письмо,—произнесъ онъ, подавая графу пакетъ.

Онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что рука Меттерниха дрожала, когда онъ принялъ письмо.

— Вы можете итти, Кунстъ.

Кунстъ вышелъ.

Нетерпѣливо, не по привычкѣ аккуратно, Меттернихъ вскрылъ конвертъ, и то, что прочелъ онъ, чуть не свалило его съ ногъ.

Императоръ Наполеонъ соглашается на всѣ условія, предложенныя ему вѣнскимъ кабинетомъ, и настаиваетъ на удержаніи за собой лишь ганзеатическихъ городовъ и Голландіи и то въ видѣ залога, только до заключенія общаго мира. «Видите, милый Меттернихъ,—писалъ Францъ. Мы тоже стали дипломатомъ. Надѣюсь, вы не будете сердиться на своего государя и друга за то, что онъ немного пощипалъ лавры, принадлежащіе вамъ по праву. Итакъ, миръ! Не проливъ ни одной капли крови, не обнаживъ меча, мы возвращаемъ себѣ прежнее могущество и спасаемъ друзей. Итакъ, немед-

ленно объявите это на конгрессѣ. Герцогъ Виченцкій уже имѣетъ инструкціи своего императора».

Меттернихъ нѣсколько разъ перечелъ письмо, стараясь глубже вникнуть въ его содержаніе. Но содержаніе было ясно, какъ день:

— Миръ!

Миръ! Это значитъ разореніе и ничтожество! Миръ—это торжество Наполеона! Миръ—это рядъ новыхъ униженій. Нѣтъ, больше! Миръ—это окончательное паденіе, потому что послѣ всего, что было, Наполеонъ не потерпитъ больше его вліянія на политику. Бѣшенство овладѣло Меттернихомъ. Онъ одураченъ. Онъ дуракъ и кукла въ глазахъ своего государя и сдѣлается посмѣшищемъ всѣхъ дипломатовъ, знавшихъ его игру!

Онъ долго сидѣлъ, обхвативъ голову руками. Наконецъ всталъ, злая улыбка появилась на его губахъ.

— Нѣтъ, мой милый скрипачъ, вы на этотъ разъ не сыграете дуэта съ Наполеономъ. Вы будете играть то, что хочу я, потому что дирижеръ все же я.

Онъ аккуратно вновь запечаталъ конвертъ и позвалъ Кунста.

— Я ѣду на засѣданіе конгресса,—сказалъ онъ.—Вотъ письмо. Возьмите его. Въ двѣнадцать часовъ и пять минутъ вы подадите его мнѣ на засѣданіе. Вы скажете, что оно только что пришло. Ровно въ двѣнадцать часовъ пять минутъ. Ни минутой раньше, ни минутой позже.

Кунстъ взялъ письмо и молча поклонился, не выражая никакого удивленія.

— Да,—добавилъ Меттернихъ:—немедленно, отъ имени императора, отправьте нарочныхъ съ приказомъ на сторожевыя вышки зажечь на горахъ сигнальные маяки и костры,—часа въ два пополуночи.

Кунстъ поклонился еще разъ.

Меттернихъ уѣхалъ на засѣданіе конгресса. Всѣ представители были уже на своихъ мѣстахъ. Лицо Анштетта было сумрачно, Гумбольтъ сіялъ, графъ Нарбоннъ смотрѣлъ съ затаенной насмѣшкой, герцогъ Виченцкій привѣтствовалъ его радостнымъ возгласомъ.

— Миръ, дорогой графъ, миръ!

— Въ чемъ дѣло?—притворясь изумленнымъ, спросилъ Меттернихъ.

— Вотъ читайте! Императоръ согласенъ на всѣ ваши условія,—торжествующе произнесъ Коленкуръ, протягивая ему бумагу.

Меттернихъ сдѣлалъ радостное лицо и весело отвѣтилъ:

— Тогда—миръ! Давно пора!

Онъ взялъ бумагу и погрузился въ чтеніе. Коленкуръ съ довольной улыбкой смотрѣлъ на него. Но вдругъ онъ замѣтилъ, что лицо Меттерниха омрачилось. Потомъ графъ покачалъ головой и, возвращая Коленкуру бумагу, съ грустнымъ вздохомъ произнесъ:

— Къ сожалѣнію, дорогой герцогъ, здѣсь есть но... Мои полномочія не простираются на измѣненія условій, а здѣсь новыя условія относительно ганзеатическихъ городовъ и Голландіи.

— Но вѣдь это временная мѣра!—воскликнулъ Коленкуръ:—и притомъ здѣсь указано, что его величество императоръ австрійскій одобряетъ эти условія и вы будете извѣщены.

— Тогда подождемъ,—со спокойной улыбкой проговорилъ Меттернихъ.

— Конечно, вопросъ можно рѣшить и завтра—это одна формальность, разъ уже имѣется согласіе,—успокоившись, согласился Коленкуръ.

— Разумѣется,—подтвердилъ Нарбоннъ.

Меттернихъ поддерживалъ незначительный разговоръ. Наконецъ часы пробили двѣнадцать. Метернихъ словно съ облегченіемъ перевелъ духъ. Ровно черезъ пять минутъ вошелъ секретарь конгресса:

— Письмо его сіятельству графу Меттерниху отъ императора австрійскаго.

— Ну, вотъ! Это оно!—воскликнулъ Коленкуръ.

Меттернихъ медленно распечаталъ письмо и пробѣжалъ. Лицо его словно застыло.

— Вы правы,—сказалъ онъ:—императоръ согласенъ.

— Такъ, значитъ, миръ,—весело перебилъ его Коленкуръ.

— Но,—спокойнымъ тономъ продолжалъ Меттернихъ:—къ сожалѣнію, уже поздно...

— Какъ поздно!—воскликнулъ изумленный Коленкуръ.

— Согласіе пришло въ двѣнадцать часовъ пять минутъ. До двѣнадцати часовъ французское правительство не изъявило безусловнаго согласія на условія союзниковъ,—ровнымъ металлическимъ голосомъ продолжалъ Меттернихъ:—съ двѣнадцати часовъ ночи вступаетъ въ силу союзный договоръ между Австріей и коалиціей. Австрія уже не посредникъ болѣе, а воюющая сторона.

Ошеломленный Коленкуръ молчалъ.

— Но развѣ же не отъ васъ зависитъ принять это?—спросилъ онъ наконецъ Меттерниха.

— Спросите ихъ,—указалъ графъ на Анштетта и Гумбольдта:—согласны ли они?

— Я протестую отъ имени русскаго императора. Переговоры кончены,—рѣзко сказалъ Анштеттъ.

Гумбольдтъ, хотя и былъ несогласенъ съ Анштеттомъ, но не смѣлъ раскрыть рта.

— Итакъ, конгрессъ конченъ,—началъ Меттернихъ:—именемъ его величества императора австрійскаго объявляю вамъ, г. посолъ, что съ двѣнадцати часовъ ночи 10-го августа 1813 года Австрія находится въ состояніи войны съ Франціей.

— Но вы возьмете это завтра назадъ!—воскликнулъ возмущенный Коленкуръ:—это неслыханно!

— Невозможно,—покачалъ головой Меттернихъ:—черезъ два часа мы начинаемъ военныя дѣйствія.

Нѣсколько мгновеній Коленкуръ, сильно поблѣднѣвшій, молча смотрѣлъ на Меттерниха, и въ его глазахъ было презрѣніе и бѣшенство. Наконецъ онъ овладѣлъ собою:

— Хорошо,—сказалъ онъ:—вы хотите войны! Вамъ будетъ война. До свиданія, въ Вѣнѣ!

Онъ слегка кивнулъ головой и, круто повернувшись, вышелъ.

Молча поклонившись, графъ Нарбоннъ послѣдовалъ за нимъ...

XXXIX

Левонъ и ненавидѣлъ, и презиралъ себя, но не могъ побѣдить себя...

Третью ночь въ полубреду, въ лихорадочномъ состояніи онъ стоялъ на стражѣ у заросшей тропинки, ведущей изъ павильона къ калиткѣ.

«Я узнаю, я узнаю», говорилъ онъ себѣ. Безумныя, нелѣпыя чувства овладѣли имъ. Откуда вдругъ выросло у него убѣжденіе, что княгиня измѣняетъ мужу? Почему онъ съ увѣренностью ждалъ на этой тропинкѣ своего соперника? Онъ весь былъ охваченъ безуміемъ. Но если я увижу, узнаю... Что тогда? Здѣсь останавливалось его воображеніе...

Луна изрѣдка выглядывала изъ-за тучъ. Ночь была темная. Прижавшись къ стволу толстаго дерева, почти слившись съ нимъ, стоялъ Левонъ. Было темно, но онъ дрожалъ, и его зубы стучали. Онъ завернулся въ шинель, крѣпко сжимая эфесъ сабли.

Время шло. Левонъ чувствовалъ себя, какъ въ кошмарѣ. Онъ ли это? Онъ ли, гордый князь Бахтѣевъ, крадется, какъ шпіонъ или сыщикъ, ночью въ чужой садъ, чтобы украсть чужую тайну, выслѣдить женщину, притомъ носящую то же гордое имя. Послѣдняя степень позора! Все это чувствовалъ Левонъ и въ полусознаніи упрямо твердилъ:

— Пусть, пусть я презрѣнный человѣкъ! Но я хочу знать! Сомнѣнія ужаснѣе правды! Нѣтъ пытки мучительнѣе пытки неизвѣстности.

А, наконецъ-то! Онъ весь напрягся, какъ струна. Дверь павильона хлопнула, послышались шаги. Левонъ совсѣмъ прижался къ дереву, едва высунулъ голову, боясь дышать, изо всѣхъ силъ сжимая зубы, судорожно стучащіе.

Закутанная въ плащъ высокая темная фигура все ближе. Вотъ почти поровнялась. Лучъ луны, пробившейся изъ-за тучъ, упалъ на незнакомца и озарилъ его. Ногти Левона со страшной

силой впились въ кожу дерева. Онъ до крови прикусилъ губу, чтобы не застонать.

Онъ узналъ эту высокую, слегка сутуловатую фигуру, эту голову, слегка склоненную на бокъ, это блѣдное, на половину закрытое лицо...

Наступила минута, когда мракъ окуталъ сознаніе Левона. Быть можетъ, онъ лишился чувствъ. Когда онъ немного опомнился, онъ все такъ же судорожно обнималъ дерево. Въ ушахъ шумѣло, дрожали ноги.

Нетвердыми шагами дошелъ онъ до калитки. Она оказалась открытой. Онъ вышелъ на улицу. Обыкновенный путь его былъ черезъ стѣну. Глубокая тишина и тьма царили вокругъ. Но вотъ на небѣ появилось зарево... Высоко на горизонтѣ запылали гигантскіе смоляные факелы... Они разгорались все сильнѣе... Вѣтеръ несъ къ небу сверкающія искры. Одинъ за другимъ вспыхивали еще и еще факелы, теряясь вдали... Это были сигналы, возвѣстившіе о прекращеніи перемирія...

Сигналы бѣдствія, зарево грознаго пожара войны, вновь охватившей Европу!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Меттернихъ торжествовалъ. Онъ нашелъ полную поддержку со стороны Александра и при его помощи легко убѣдилъ своего государя въ неизбѣжности и выгодности происшедшаго. Александръ весь горѣлъ желаніемъ поскорѣе начать рѣшительныя дѣйствія, восторженно настроенный, счастливый и увѣренный въ близкой побѣдѣ. Окруженный австрійскими и прусскими генералами и личными врагами Наполеона, онъ, казалось, не замѣчалъ, а если и замѣчалъ, то не обращалъ вниманія, хмурыхъ недовольныхъ лицъ высшихъ русскихъ генераловъ, сразу отодвинутыхъ на второй планъ.

Съ королевскими почестями, возмутившими даже добродушнаго Александра Семеновича Шишкова, былъ принятъ въ Прагѣ, вызванный Александромъ изъ Америки, съ береговъ Делавара, генералъ Моро, соперникъ военной славы Наполеона. Этотъ прославленный вождь, въ свое время кумиръ республиканской Франціи и ея герой, движимый личной ненавистью къ Наполеону, явился въ станъ враговъ Франціи, чтобы принять участіе въ растерзаніи своей родины, которую онъ такъ мужественно и славно защищалъ

противъ нихъ же. Еще не прошло пятнадцати лѣтъ съ того памятнаго дня, когда при Гогенлинденѣ онъ разбилъ на голову австрійскую армію и открылъ путь на Вѣну. Долгое пребываніе вдали отъ Европы и ненависть къ Наполеону—торжествовавшему сопернику, изгнавшему его изъ Франціи,—лишили его яснаго пониманія людей и обстоятельствъ. Онъ серьезно предлагалъ нелѣпый планъ—сформировать изъ находящихся въ Россіи плѣнныхъ французовъ сорокатысячную армію и поставить его во главѣ ея. По его словамъ, появленіе его съ этой арміей на берегахъ Рейна подниметъ всю Францію противъ Наполеона и заставитъ Наполеона отречься отъ престола. Онъ былъ убѣжденъ, что вся Франція раздѣляетъ его ненависть къ Наполеону.

Александръ до такой степени былъ очарованъ Моро, что, несмотря ни на что, хотѣлъ вручить ему главное командованіе всѣми союзными арміями. Но пока, не получивъ еще никакого назначенія, Моро щеголялъ въ круглой шляпѣ, въ сѣромъ штатскомъ сюртукѣ и сапогахъ со шпорами.

Почти одновременно съ Моро въ Прагу прибылъ и другой дорогой гость—начальникъ штаба маршала Нея, генералъ Жомини. Чтобы измѣнить своимъ знаменамъ, онъ нашелъ основательный поводъ. Начальникомъ штаба императора, маршаломъ Бертье, принцемъ Невшательскимъ, онъ былъ обойденъ производствомъ въ дивизіонные генералы. Здѣсь его тотчасъ утѣшили, сдѣлавъ генералъ-лейтенантомъ русской службы. Впрочемъ, Жомини оправдывалъ себя тѣмъ, что родился швейцарскимъ гражданиномъ и умалчивалъ о своихъ заслугахъ въ арміи Наполеона въ борьбѣ противъ своихъ сегодняшнихъ друзей, при Іенѣ, Ульмѣ, Эйлау, на Березинѣ и недавно при Бауценѣ.

Его тоже считали геніальнымъ стратегомъ.

Къ нимъ же причисляли и наслѣднаго принца шведскаго Бернадотта, прибывшаго съ тридцатитысячнымъ шведскимъ войскомъ на помощь союзникамъ противъ своего благодѣтеля и своей родины. Этотъ счастливый авантюристъ, бывшій маршалъ имперіи, принцъ Понте-Корво и теперь наслѣдный принцъ шведскій, всей своей чудесной карьерой былъ обязанъ своей женѣ Евгеніи-Дезире, урожденной Клари, на которой двадцать лѣтъ тому назадъ мечталъ жениться влюбленный въ нее генералъ Бонапартъ. Благодаря навсегда сохранившимся нѣжнымъ воспоминаніямъ, а также свойству, такъ какъ Дезире была родной сестрой жены брата Наполеона Іосифа, Наполеонъ сдѣлалъ Бернадотта маршаломъ, принцемъ и, наконецъ, наслѣдникомъ престола Швеціи, не говоря уже о томъ, что обогатилъ его. Пользуясь черезъ жену всѣми благодѣяніями всемогущаго императора, Бернадоттъ никогда не переставалъ интриговать противъ него, но ему все прощалось. Когда же Наполеонъ довершилъ свои благодѣянія и Бернадоттъ почувствовалъ само-

стоятельность, онъ поспѣшилъ стать на сторону враговъ императора и своей родины. Онъ никогда не совершилъ ни одного выдающагося воинскаго подвига, какъ Ней, Даву, Лефебръ и другіе, заработавшіе себѣ маршальскіе жезлы. Его дарованія воинскія Наполеонъ охарактеризовалъ одной фразой: «Ce qui s'agit de celui-ci, il ne fera que piaffer!»

Но все же онъ былъ маршаломъ императора, и лучъ славы великаго полководца упалъ на него. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы въ него вѣрили.

Кромѣ этихъ лицъ, какъ бы руководителей арміи, ближайшими къ Александру лицами были—Анштеттъ, русскій представитель на пражскомъ конгрессѣ, и на дняхъ произведенный въ генералъ-майоры Поццо-ди-Борго. Первый—французъ, по мнѣнію Наполеона, не лишенному основанія, измѣнникъ, подлежащій разстрѣлу, второй—личный врагъ Наполеона;—корсиканецъ, злобный, мстительный, ненавидящій своего соотечественника родовой ненавистью, посвятившій всю свою жизнь борьбѣ всѣми мѣрами противъ ненавистнаго семейства Бонапартовъ.

Эти люди тѣснымъ кольцомъ окружили русскаго императора, поддерживая въ немъ его мистическую и личную ненависть къ Наполеону, отстраняя отъ него всѣхъ, кто хотѣлъ и могъ бы показать императору истинное настроеніе русской арміи и русскаго общества.

Государь оказался изолированнымъ отъ своей арміи.

Вся русская армія была оскорблена, когда стало извѣстно, что ни одинъ изъ любимыхъ русскихъ вождей не былъ поставленъ во главѣ самостоятельной арміи.

Вся масса союзныхъ войскъ была раздѣлена на три арміи: Богемскую, или главную, Силезскую и Сѣверную.

Командующимъ первой, онъ же главнокомандующій, былъ назначенъ австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ, самый молодой изъ австрійскихъ фельдмаршаловъ. Ему было сорокъ два года. Онъ не обладалъ ни въ какой мѣрѣ воинскимъ талантомъ, но зато принадлежалъ къ аристократическому роду, былъ придворнымъ человѣкомъ, изысканно любезнымъ, мягкимъ и уступчивымъ. Не имѣя никакихъ собственныхъ плановъ, онъ былъ пассивнымъ исполнителемъ велѣній императорской квартиры.

Силезскую армію поручили Блюхеру, хотя въ этой арміи было два русскихъ корпуса: Ланжерона и Сакена и только одинъ прусскій—Іорка.

Блюхеръ, окончивъ свое образованіе на пятнадцатомъ году жизни, когда бѣжалъ изъ школы въ шведскую армію, такъ и остался навсегда полуграмотнымъ. Онъ глубоко презиралъ стратегію, счи-

тая ее измышленіемъ праздныхъ людей, не умѣлъ читать картъ, не отличая на нихъ лѣса отъ болота, и втайнѣ не вѣрилъ имъ. Онъ пренебрежительно слушалъ мнѣнія знатоковъ, пренебрегалъ выработанными планами и никогда не могъ понять необходимости согласованности дѣйствій. Онъ не могъ охватить общаго плана и, командуя полкомъ или бригадой, считалъ себя совершенно свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и ничѣмъ не связаннымъ. Все военное искусство представлялось ему до крайности несложнымъ. Никакихъ знаній не требовалось. Нужно быть только храбрымъ и итти впередъ. Онъ отъ всей души ненавидѣлъ Наполеона, не вѣрилъ въ его ґеніальность и былъ увѣренъ, что побѣдить его ему, Блюхеру, ничего не стоитъ. Для этого надо имѣть только армію. Теперь онъ ее имѣетъ, и онъ покажетъ съ ней, какъ надо побѣждать Наполеона. До сихъ поръ во всей долгой карьерѣ Блюхера было только два подвига, сдѣлавшіе на время его имя популярнымъ.

Первый относился ко временамъ его молодости, когда онъ пользовался репутаціей пьяницы, дуэлиста и скандалиста. Будучи обойденъ производствомъ въ чинъ майора, онъ въ пьяномъ видѣ написалъ королю Фридриху II: «Фонъ-Эгерфельдъ, единственная заслуга котораго состоитъ въ томъ, что онъ сынъ маркграфа, произведенъ мимо меня. Прошу у вашего величества отставки».

На это посланіе послѣдовалъ короткій отвѣтъ: «Ротмистръ Блюхеръ уволенъ отъ службы и можетъ убираться къ чорту».

Объ этомъ подвигѣ много говорили. Но это было еще въ 1773 г.

Другой подвигъ былъ совершенъ гораздо позднѣе, а именно въ памятный для Пруссіи 1806 году, когда Блюхеръ имѣлъ уже чинъ генералъ-лейтенанта. Слѣдуя своей собственной стратегіи, онъ тогда самовольно оставилъ со своей кавалеріей корпусъ Гогенлоэ, въ которомъ состоялъ, и бросился куда-то впередъ. Въ результатѣ — ослабленный корпусъ Гогенлоэ принужденъ былъ капитулировать у Пренцлова, а неудачный стратегъ положилъ оружіе при Любекѣ. Объ этомъ уже говорили гораздо больше. Но все же, какъ осторожно выражается одинъ извѣстный историкъ, «въ 1813 году, достигнувъ уже свыше семидесяти лѣтъ отъ роду, Блюхеръ еще не имѣлъ случая прославиться великими военными подвигами».

Но въ тѣхъ полкахъ, гдѣ Блюхеръ служилъ, онъ тѣмъ не менѣе пользовался среди солдатъ популярностью и даже симпатіями. Онъ, несомнѣнно, былъ очень храбръ и подвергался опасностямъ наравнѣ со своими солдатами. Кромѣ того, не превышая общимъ развитіемъ своихъ вахмистровъ, онъ имѣлъ и одинаковые съ ними вкусы—къ вину, дебошу, грубымъ выраженіямъ, тяжелому прусскому остроумію и циничнымъ анекдотамъ, его неудобосказуемыя словечки пользовались большой популярностью и приводили въ восторгъ легко усваивающихъ ихъ прусскихъ героевъ.

Главнокомандующимъ третьей арміи былъ назначенъ Бернадоттъ.

Русскіе генералы заняли второстепенное положеніе. Русскіе офицеры почувствовали нѣмецкій гнетъ. Русскіе солдаты пріучались слушать нѣмецкія ругательства.

10-го августа богемская армія, въ составѣ двухсотъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, при 672 орудіяхъ, большинство которыхъ были русскія, двинулась, согласно общему плану, на Дрезденъ, защищаемый только однимъ французскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ маршала Сенъ-Сира.

Сѣверная армія была направлена къ Лейпцигу, а силезской приказано, не теряя изъ вида противника, не ввязываться въ дѣло и быть готовой только къ поддержкѣ главной арміи.

Получивъ инструкцію, Блюхеръ усмѣхнулся въ свои усы и рѣшилъ, что онъ слишкомъ опытный полководецъ для того, чтобы только поддерживать другую армію. У него у самого есть армія, и онъ знаетъ, какъ дѣйствовать. Пусть другіе дѣйствуютъ, какъ хотятъ, онъ не мѣшаетъ другимъ—пусть не мѣшаютъ и ему.

Союзные государи слѣдовали при главной арміи.

II.

Гриша Бѣлоусовъ крѣпко спалъ и видѣлъ во снѣ Пронскую, когда былъ разбуженъ довольно энергичнымъ толчкомъ. Онъ открылъ сонные глаза и въ сумракѣ начинающагося разсвѣта увидѣлъ надъ собою необыкновенное блѣдное, осунувшееся лицо князя Левона. Выраженіе этого лица такъ поразило его, что сонъ сразу слетѣлъ съ него. Онъ быстро поднялся и тревожно спросилъ:

— Что съ вами? Что случилось?

— Война объявлена,—услышалъ онъ отвѣтъ и не узналъ этого странно прерывавшагося хриплаго голоса:—я уѣзжаю. Вотъ мой рапортъ. Передайте его князю Волконскому. Прощайте.

И прежде, чѣмъ Гриша успѣлъ задать еще одинъ вопросъ, князь бросилъ ему на постель бумагу и почти выбѣжалъ изъ комнаты.

Гриша былъ такъ ошеломленъ, что нѣсколько минутъ сидѣлъ, какъ окаменѣлый, безсмысленно глядя на раскрытую дверь.

— Что же это значитъ?—произнесъ онъ наконецъ.—Война такъ война. Но съ нимъ-то что?

Онъ развернулъ рапортъ.

«Доношу вашему сіятельству,—прочелъ онъ:—что сего числа я отбылъ въ дѣйствующую армію по мѣсту моей службы».

Мысли Гриши мало-по-малу прояснились. Онъ прочелъ еще разъ этотъ рапортъ.

«Но это безуміе,—думалъ онъ:—за это князя отдадутъ подъ судъ! Что заставило его рѣшиться на это?»

И дѣйствительно, князь Левонъ, откомандированный къ особѣ императора, вдругъ самовольно бросаетъ свой постъ. Это было вопіющее нарушеніе дисциплины, которое, при томъ, могло быть истолковано, какъ дерзостное неуваженіе къ священной особѣ государя. Очевидно, случилось что-то невѣроятное... Гриша долго и напряженно думалъ и наконецъ рѣшилъ, что самое лучшее поручить это дѣло старому князю. Онъ любимъ государемъ и, конечно, Волконскій не рѣшится сдѣлать ему непріятность. Эта мысль успокоила Гришу за служебную карьеру Левона, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась тревога за то, что сдѣлаетъ самъ Левонъ. Князь былъ въ такомъ состояніи, когда отъ человѣка можно ожидать всего. У него было лицо приговореннаго къ смерти,—думалъ Гриша... Зарницына не было дома.

Гриша торопливо одѣлся и, хотя ему не хотѣлось будить Данилу Ивановича, не вытерпѣлъ и вошелъ къ нему.

Новиковъ сразу пришелъ въ себя, почуявъ въ его голосѣ тревогу.

— Что случилось, Гриша?—спросилъ онъ.

— Я самъ не знаю,—отвѣтилъ Гриша:—война объявлена...

— Объявлена!—прервалъ его Новиковъ, приподнимаясь.—Объявлена,—повторилъ онъ чуть не съ отчаяніемъ.—Это ужасно! Это безуміе. Россія не прусская провинція, и наша кровь не вода.

Это извѣстіе также разрушало и его личныя надежды найти Герту. Она въ рукахъ враговъ, и онъ безсиленъ броситься за ней, искать ее и, быть можетъ, спасти. И отчаяніе все глубже овладѣвало его душой.

Онъ опустилъ голову и черезъ минуту добавилъ упавшимъ голосомъ:

— Впрочемъ, я почти ожидалъ этого. Что жъ! Будемъ воевать.

Но въ настоящій моментъ Гриша пропустилъ мимо ушей слова Новикова, такъ какъ былъ полонъ одной только мыслью о князѣ.

— Да, конечно, будемъ воевать,—торопливо сказалъ онъ:—но собственно я разбудилъ васъ изъ-за князя...

— А что?—сразу встрепенувшись, спросилъ Данила Иванычъ.

— Я боюсь за него,—отвѣтилъ Гриша и въ волненіи разсказалъ случившееся.—Вотъ и его рапортъ,—закончилъ онъ.

— Ну, рапортъ—это вздоръ. Теперь не до того,—медленно и задумчиво произнесъ Новиковъ:—это обойдется... Тутъ есть болѣе серьезное что-то... Вы не знаете, гдѣ вчера былъ князь? А Зарницынъ вернулся?

Гриша покачалъ отрицательно головой.

— Зарницына еще нѣтъ, а князь ушелъ вчера поздно вечеромъ, а куда—не сказалъ, послѣдніе дни онъ былъ вообще молчаливъ и словно разстроенъ чѣмъ-то...

— А вы, Гриша,—помолчавъ, началъ Новиковъ:—съ этимъ рапортомъ не ходите къ старому князю.

— Почему?—удивленно спросилъ Гриша.

— Такъ,—уклончиво отвѣтилъ Новиковъ:—зачѣмъ путать въ это дѣло старика. Дайте лучше его мнѣ. У меня тамъ есть кое-какія знакомства.

— Какъ хотите, Данила Иванычъ,—сказалъ Гриша, отдавая бумагу.

Въ это время послышались шаги, и въ комнату, веселый и оживленный, вошелъ Семенъ Гаврилычъ.

— Ура!—закричалъ онъ съ порога:—въ походъ, други, въ походъ!

— Чему жъ ты радъ?—угрюмо спросилъ Новиковъ.

— Чудакъ ты,—отвѣтилъ Зарницынъ:—рука моя здорова. На что же я офицеръ, если не буду радоваться войнѣ!..

— Ну, не въ томъ дѣло,—прервалъ его Новиковъ:—а вотъ послушай, что съ княземъ...

Зарницынъ сразу сталъ серьезенъ и внимательно выслушалъ Новикова. Потомъ пристально взглянулъ въ глаза Данилѣ Ивановичу и многозначительно произнесъ:

— Конечно, ты правъ. Стараго князя въ это лучше не мѣшать...

Новиковъ испытующе посмотрѣлъ на него и отвернулся.

— Тогда я ѣду за нимъ сегодня же!—воскликнулъ Гриша.

— Вотъ это очень хорошо,—отозвался Новиковъ.

— Я думаю, что на дняхъ и я смогу присоединиться къ вамъ.

— Жаль, что мы не вмѣстѣ,—вздохнулъ Зарницынъ:—какъ бы мнѣ перемахнуть къ вамъ въ пятый драгунскій? Надо похлопотать.

— Конечно, хлопочи,—замѣтилъ Новиковъ:—у насъ въ офицерахъ большая убыль. Ну, я встану и отправлюсь въ штабъ,—закончилъ онъ.

— И я пойду собираться,—сказалъ Гриша:—сдѣлаю еще кое-какіе визиты и къ вечеру выѣду.

— Что могло случиться?—началъ Новиковъ, когда Бѣлоусовъ вышелъ.—Я подозрѣваю источникъ его настроеній, но откуда упалъ ударъ? Вотъ загадка...

Зарницынъ пожалъ плечами.

— Я много замѣтилъ и понялъ на послѣднему балу,—сказалъ онъ:—подозрѣвать можно много, есть подозрѣнія, которыхъ не слѣдуетъ высказывать.

— Я хорошо знаю князя,—замѣтилъ Новиковъ:—и я боюсь за него... Теперь такъ легко найти смерть,—слегка нахмурясь, добавилъ онъ.

Несмотря на слабость, Новиковъ все же собрался и, забравъ съ собою рапортъ Левона, отправился выручать товарища.

Зарницынъ послѣ безсонной ночи завалился спать.

Когда онъ проснулся черезъ нѣсколько часовъ, Новиковъ былъ уже давно дома.

— Все устроилъ,—весело разсказывалъ онъ:—оказалось легче легкаго. Тамъ всѣ голову потеряли, тутъ и планы будущихъ побѣдъ, и парадные обѣды по случаю пріѣзда знатныхъ гостей. Дымъ коромысломъ. На меня даже руками замахали,—не до такихъ пустяковъ, молъ, теперь... Словомъ, съ этой стороны все обстоитъ благополучно... Сегодняшняя поѣздка показала мнѣ, что чрезъ нѣсколько дней я смогу вернуться въ полкъ. Тамъ мы съ Гришей какъ-нибудь отходимъ Левона... А кто отходитъ меня,—съ тоскою, подумалъ онъ, и грядущая жизнь показалась ему темной, какъ тюрьма...

III.

Вѣсть о войнѣ вызвала переполохъ въ обществѣ, но нельзя сказать, чтобы встревожила. Хотя почти всѣ были увѣрены въ заключеніи мира, тѣмъ не менѣе общество чрезвычайно быстро освоилось съ мыслью о войнѣ. Переполохъ былъ вызванъ главнымъ образомъ соображеніями о дальнѣйшихъ передвиженіяхъ императорской квартиры. Куда переѣдетъ она? Возможно ли слѣдовать за ней? Гдѣ будетъ государь?

Никита Арсеньевичъ, узнавъ о разрывѣ мирныхъ переговоровъ, ходилъ мрачнѣе тучи. Онъ отказался поѣхать на парадный обѣдъ, данный государемъ въ честь австрійскаго императора, гдѣ присутствовали въ качествѣ почетныхъ гостей Моро и Жомини. Ирина получила отъ великой княгини особое приглашеніе и сочла неудобнымъ отказаться. Она поѣхала одна. Евстафій Павловичъ безпокойно суетился, бѣгая отъ одного къ другому изъ штабныхъ знакомыхъ, съ тревогой разспрашивая, не грозитъ ли со стороны непріятеля опасность Прагѣ.

Старый князь былъ сильно удивленъ, что въ такое время Левонъ не считаетъ нужнымъ побывать у него.

На парадномъ обѣдѣ Ирина имѣла головокружительный успѣхъ. Въ этомъ обществѣ, гдѣ присутствовали два императора, король, наслѣдный принцъ и великая княгиня, она была истинной царицей красоты и вела себя съ достоинствомъ принцессы крови. Даже мутные глаза императора Франца оживлялись при взглядѣ на нее, и онъ снисходительно удостоилъ ее нѣсколькими неясно произнесенными, но, повидимому, лестными словами. Это было величайшей милостью, такъ какъ его величество считалъ вообще ниже своего достоинства обращать вниманіе на кого бы то ни было, въ чьихъ жилахъ не текла царственная кровь.

Меттернихъ, не отходившій отъ нея, казался ея лакеемъ. Но Ирина была печальна и задумчива. Князь Пронскій находился въ

числѣ свиты и напрасно бросалъ на нее ревнивые и восторженные взоры, она не замѣчала его.

Она вернулась домой все такая же печальная, словно утомленная.

— Я очень устала,—сказала она встрѣтившему ее Никитѣ Арсеньевичу:—я не понимаю ихъ торжества... Они словно празднуютъ побѣду... Я не вѣрю,—вдругъ добавила она, словно отвѣчая кому-то:—я не вѣрю, чтобы это была воля Божья! Это море крови...

Она опустилась въ кресло и закрыла лицо руками. Никита Арсеньевичъ подошелъ къ ней и тихо погладилъ ее по головѣ.

— Что за странная идея, Иренъ,—началъ онъ:—это не бредни ли нашего краснорѣчиваго проповѣдника Деграпжа? При чемъ здѣсь Богъ? Неужели можно видѣть Божій промыселъ въ томъ, чтобы рѣками русской крови, нищетой, разореньемъ и рабствомъ Россіи покупали свободу и благополучіе Пруссіи...

Голосъ Никиты Арсеньевича задрожалъ.

— Ты не знаешь,—тихо продолжалъ онъ:—что творится тамъ у насъ, а я знаю по письмамъ моихъ управляющихъ. Нѣтъ, я не буду тебѣ разсказывать... Но скажу одно: у меня разрывалось сердце, когда я видѣлъ цвѣтущія нѣмецкія деревни, благоденствующихъ крестьянъ, но жадныхъ и корыстныхъ—этихъ, какъ тамъ говорятъ, несчастныхъ жертвъ тираніи Наполеона, и когда я сравнивалъ ихъ съ нашими...

Ирина опустила руки и, странно неподвижная, молча слушала мужа, а онъ продолжалъ голосомъ, понизившимся до шопота:

— И наши солдаты, оставивъ пустующія поля и голодныя семьи, идутъ и идутъ безропотно орошать своею кровью чужія нивы для тучной жатвы чужихъ и враждебныхъ поколѣній!.. Это ли воля Божія!

Князь сѣлъ рядомъ съ женой и взялъ ея холодную руку.

— А если,—задумчиво начала Ирина,—если изъ этой крови, проливаемой вмѣстѣ, выростетъ братство народовъ и народы соединятся въ одну семью во имя благодарности, общаго мира и общей свободы? Развѣ въ теченіе двадцати лѣтъ не одинъ Наполеонъ мѣшалъ общему миру? Быть можетъ, и есть въ томъ воля Божія, чтобы народы, соединившись, устранили это зло и водворили долгій и счастливый миръ... И во главѣ этихъ народовъ, по христіанскому завѣту, босая, голодная и нищая, но непобѣдимая, съ мечомъ и крестомъ идетъ Россія!

Ирина встала, и ея глаза загорѣлись.

— Развѣ это не святое, не великое назначеніе и развѣ изъ этого испытанія Россія не выйдетъ, вся осіянная лучами Христовой славы?

Но ея одушевленіе сейчасъ же погасло, она опять сѣла въ кресло.

— Я не знаю,—глухо сказала она:—я ничего не знаю... кто правъ. Вы или другіе... Я не знаю, только мое сердце болитъ... Ахъ, какъ болитъ оно!

Ирина откинулась на спинку, вытянувъ на колѣняхъ блѣдныя руки и поднявъ полные слезъ глаза.

Князь бережно взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

— Не тамъ ли, у себя,—медленно спросилъ онъ:—наше мѣсто теперь?

Ирина отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ,—рѣшительно сказала она:—наше мѣсто, мое по крайней мѣрѣ, здѣсь. Здѣсь мы тоже можемъ облегчить страданія. Предстоятъ бои, страшные, кровавые... и ничего нѣтъ. Я знаю это... Нѣтъ госпиталей, нѣтъ врачей, нѣтъ лекарствъ... Мнѣ разсказывали, что послѣ Будисинскаго боя люди умирали на дорогахъ, въ канавахъ, среди поля. Заживо гнили безъ перевязокъ, умирали въ сараяхъ-госпиталяхъ отъ жажды... Здѣсь тоже нужна помощь.

Князь съ величайшимъ удивленіемъ слушалъ жену. Все это было для него такъ неожиданно и странно. И эти мистическія идеи о спасеніи народовъ, и эта жажда благороднаго дѣла, и видимыя мучительныя противорѣчія ея души.

Онъ съ чувствомъ поцѣловалъ ея руку и растроганнымъ голосомъ сказалъ:

— Хорошо. Мы останемся здѣсь. Будетъ такъ, какъ хочешь ты. А я твой ближайшій и вѣрнѣйшій помощникъ.

Никита Арсеньевичъ долго въ эту ночь ходилъ по своему кабинету, погруженный въ размышленія. Слова Ирины многое освѣтили ему, и на многія отношенія, что втайнѣ мучили его, въ чемъ онъ никогда бы не признался, онъ глядѣлъ теперь иными глазами. Этотъ мистицизмъ, такъ связывающій другъ съ другомъ нѣкоторыя души... Бесѣды, перемѣнчивость настроеній.

Мало-по-малу и душа, и лицо Никиты Арсеньевича свѣтлѣли.

— Милое, чистое, бѣдное дитя!—въ умиленіи шепталъ онъ.

IV.

Казалось, планъ будущей кампаніи былъ разработанъ детально, но съ первыхъ же шаговъ обнаружились странныя разногласія. Францъ боялся за Вѣну, Фридрихъ за Берлинъ, Александръ жаждалъ прямого нападенія, Моро противился штурму Дрездена, хотя тамъ едва было двадцать двѣ тысячи молодыхъ конскриптовъ Сенъ-Сира, а Жомини, пожимая плечами, говорилъ, что смѣшно подойти къ Дрездену только для того, чтобы на него полюбоваться

Князь Шварценбергъ по очереди соглашался со всѣми и наконецъ на категорическій вопросъ Александра, что дѣлать съ Дрезденомъ, отвѣтилъ съ придворнымъ поклономъ:

— Я вполнѣ согласенъ съ планомъ вашего величества, хотя отлично зналъ, что у государя не было никакого личнаго плана, а только желанія, мѣняющіяся подъ вліяніемъ окружающихъ.

Но все же, какъ бы то ни было, главная армія ползла къ Дрездену и наконецъ въ нерѣшительности остановилась въ виду беззащитнаго города.

И снова собрался военный совѣтъ для обсужденія плана дальнѣйшихъ дѣйствій.

Если не больше искусства, то по крайней мѣрѣ больше рѣшимости проявилъ Блюхеръ. Получивъ неопредѣленныя и не провѣренныя свѣдѣнія, что какія-то французскія войска находятся на берегахъ Кацбаха, онъ двинулъ туда свою армію форсированнымъ маршемъ. Подъ дождемъ, по грязи, голодныя, теряя обувь, войска сдѣлали переходъ въ 30 верстъ и не нашли непріятеля. Но Блюхеръ не потерялся. Говорятъ, что непріятель отошелъ къ Боберу, значитъ надо итти за нимъ. Не давъ арміи никакого отдыха, не покормивъ даже людей, Блюхеръ устремился прямо къ Боберу. Свѣдѣнія на этотъ разъ оказались вѣрными, но только непріятельскія силы, оказавшіяся подъ командою Нея, уже перешли Боберъ. Но это не остановило великаго стратега. Прогнавъ свою армію еще тридцать верстъ, онъ составилъ планъ окружить Нея. Это казалось ему чрезвычайно просто. Вѣдь силъ у него было втрое больше. Стоило только перейти Сакену рѣку ниже, а Ланжерону—выше Нея, а Іорку двинуться прямо и дѣло сдѣлано. Такъ имъ и были отданы приказанія. Но отъ проливныхъ дождей рѣка вздулась, мосты были снесены. Это все вздоръ—мои солдаты должны вездѣ найти дорогу,—рѣшилъ неустрашимый вождь и приказалъ во что бы то не стало выполнить его планъ.

Угрюмый Сакенъ, получивъ это приказаніе, остановилъ движеніе своего корпуса, пылкій Ланжеронъ вернулъ свой авангардъ и отступилъ, а Іоркъ не тронулся съ мѣста. Судьба явно покровительствовала Блюхеру. На этотъ разъ онъ былъ спасенъ.

Наполеонъ, получивъ свѣдѣнія о движеніи арміи Блюхера и затруднительномъ положеніи Дрездена, двинулся изъ Бауцена со своей гвардіей и кавалеріей Латуръ-Мобура, перешелъ Боберъ, шутя отбросилъ Блюхера и, давъ ему, такъ сказать, щелчокъ по носу, повернулъ свой путь на Дрезденъ, захвативъ съ собою самого Нея и поручивъ его армію Макдональду. Узнавъ, что противъ него самъ Наполеонъ и не зная, что Наполеонъ уже уѣхалъ, Блюхеръ рѣшилъ отомстить «дерзкому врагу» и поднять духъ своихъ войскъ, потерявшихъ уже убитыми и ранеными три тысячи и вдвое больше отсталыми и разбѣжавшимися. Для этого онъ еще помучилъ свои

войска стратегическими маршами и принялъ бой у Гольдберга, гдѣ снова потерялъ нѣсколько тысячъ, опять не считая отсталыхъ и разбѣжавшихся.

Утомленныя, голодныя войска совершенно упали духомъ, солдаты роптали, офицеры тоже. Промокшіе, босые, голодные солдаты имѣли жалкій видъ. Но, подкрѣпляемый рейнвейномъ и мечтой на прозвище «побѣдителя Наполеона», Блюхеръ не обращалъ вниманія ни на чьи жалобы и возраженія и составилъ новый столь же геніальный стратегическій планъ. Но тутъ Ланжеронъ отказался ему повиноваться, а Іоркъ послѣ бурнаго объясненія съ нимъ послалъ королю рапортъ объ отставкѣ, въ которомъ между прочимъ писалъ:

«...Быть можетъ, ограниченность моихъ способностей не позволяетъ мнѣ понять геніальныя соображенія, коими руководствуется генералъ Блюхеръ. Но изъ всего видѣннаго мною могу заключить, что безпрестанные переходы впередъ и обратно въ продолженіе восьми дней со дня возобновленія дѣйствій привели ввѣренныя мнѣ войска въ такое состояніе, что, въ случаѣ рѣшительнаго наступленія французской арміи, не могу ожидать никакихъ благопріятныхъ послѣдствій, и только лишь нерѣшительность непріятеля сохранила по сіе время союзную армію отъ участи, подобной событіямъ 1806 года. Торопливость и несвязность дѣйствій, недостатокъ вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ и увлеченіе его демонстраціями, невѣдѣніе практическихъ пріемовъ, болѣе необходимыхъ для командованія арміей, чѣмъ заносчивые взгляды,—вотъ причины, могущія довести армію до крайняго разстройства... Какъ генералъ, подчиненный главнокомандующему, я долженъ слѣпо повиноваться ему, но какъ вѣрноподданный считаю, напротивъ, обязанностью противиться ему»...

«Стратегія» Блюхера обошлась ему въ 15000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя.

Кое-какъ примирившись съ непокорными корпусными командирами, Блюхеръ предпринялъ движеніе снова къ Кацбаху по обоимъ берегамъ Вютенде-Нейссе. Онъ увѣрялъ, что имѣетъ точнѣйшія свѣдѣнія о намѣреніяхъ Макдональда. Ему повѣрили. Но на самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія ни о численности, ни о планахъ противника. Проливной дождь и туманы густой завѣсой закрывали впереди лежащія мѣстности. Горныя рѣчонки вышли изъ береговъ. Передовые отряды Іорка, увѣреннаго на этотъ разъ въ точности свѣдѣній Блюхера, безостановочно двигались впередъ и, перейдя Кацбахъ, носъ къ носу столкнулись съ арміей Макдональда.

Авангардъ Іорка былъ стремительно сбитъ и отступилъ, преслѣдуемый кавалеріей непріятеля.

Этого не ожидалъ никто и меньше всего самъ Блюхеръ. Но

онъ не растерялся и со свойственной ему быстротой соображенія отдалъ общій приказъ: «впередъ!» Хотя «впередъ» для Іорка значило тонуть подъ огнемъ противника въ Кацбахѣ, для Сакена— ставить свой флангъ подъ удары Лористона.

Но судьба явно покровительствовала прусскому главнокомандующему. Никто не обратилъ вниманія на его приказаніе. Положеніе спасъ Сакенъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Макдональдъ, насѣдая на Іорка, обнаружилъ свой лѣвый флангъ, онъ отдалъ приказъ къ общему наступленію. Русская кавалерія Васильчикова атаковала непріятеля съ трехъ сторонъ. Подъ стремительнымъ натискомъ русскихъ, кавалерія Себастьяни была опрокинута на пѣхоту и вмѣстѣ съ ней отброшена къ рѣкѣ, потерявъ тридцать орудій. Французы, обращенные въ бѣгство, пытались перейти рѣку, но мосты были снесены разливомъ и броды сдѣлались непроходимы.

Артиллерія Сакена поражала густыя толпы противниковъ.

Главныя силы французовъ понесли полное пораженіе. На лѣвомъ флангѣ Ланжеронъ завершилъ побѣду пораженіемъ Лористона. Побѣда была выиграна. Ночь прекратила сраженіе.

Главнокомандующій долго какъ будто не зналъ, побѣдилъ онъ, или побѣжденъ, и не могъ отдать себѣ яснаго отчета, что и какъ произошло и при чемъ собственно здѣсь онъ?

Но донесенія о трофеяхъ, рапорты Сакена, ординарцы со всѣхъ сторонъ наконецъ заставили его повѣрить въ побѣду.

Все еще нѣсколько недоумѣвающій, возвращался онъ подъ проливнымъ дождемъ со своимъ штабомъ въ Брехтельсгофъ, въ главную квартиру. Штабъ, повидимому, тоже недоумѣвалъ. Не было слышно ни поздравленій, ни оживленныхъ разговоровъ. Наконецъ Блюхеръ прервалъ молчаніе, воскликнувъ, обратясь къ начальнику штаба Гнейзенау:

— А, вѣдь, мы выиграли сраженіе, Гнейзенау, и никто въ мірѣ не можетъ спорить противъ этого! Теперь слѣдуетъ подумать, чтобы получше объяснить, какъ мы его выиграли?

И объяснили.

Когда на другое утро Сакенъ прочелъ въ главной квартирѣ реляцію о сраженіи, онъ съ удивленіемъ узналъ, что русскіе со свойственнымъ имъ мужествомъ только отчасти способствовали къ одержанію прусскими войсками блистательной побѣды.

— Но мы, кажется, сдѣлали побольше!—весь вспыхнувъ, обратился онъ къ Гнейзенау.

— Вы, генералъ, герой вчерашняго дня, и главнокомандующій помнитъ это. Но вы, гг. русскіе, такъ богаты побѣдами, что вамъ, какъ добрымъ нашимъ союзникамъ, грѣшно не уступить намъ хоть часть вашей славы.

— Что жъ, поправляйте ваши дѣла,—насмѣшливо замѣтилъ

Сакенъ, это будетъ слѣдующая страница вашей военной славы за Іеной и Ауэрштедтомъ.

И, слегка поклонившись, Сакенъ вышелъ отъ негодующаго Гнейзенау.

V.

Толькевицкій лѣсъ гнулся и стоналъ подъ буйными набѣгами холоднаго вихря. Вѣтеръ бѣшено срывалъ его зеленыя одежды, взметалъ тучи листьевъ, но, едва поднявшись, они падали на землю подъ тяжелыми потоками дождя. Вѣтеръ несся дальше въ поле, яростно сбивалъ каски и кепи съ головы солдатъ, рвалъ плащи, пугалъ лошадей и словно тонкими прутьями до боли хлесталъ по лицамъ дождевыми струями. Черныя тучи тяжелой пеленой закрывали небо, зловѣщій сумракъ повисъ надъ землей. Замокшія ружья не могли стрѣлять, но ожесточенный рукопашный бой кипѣлъ по всему фронту союзниковъ, широкимъ полукругомъ охватившихъ Дрезденъ. Только тяжело ухали орудія, густой дымъ низко стлался по землѣ и не было возможности сквозь сумракъ дня, дождь и пушечный дымъ слѣдить за движеніемъ врага. Завыванье вѣтра, грохотъ орудій, разнородные крики сражающихся, топотъ несущейся бѣшенымъ галопомъ кавалеріи смѣшивались въ одной чудовищной какофоніи.

Былъ второй день Дрезденской битвы. Союзники пропустили удобный моментъ овладѣть беззащитнымъ Дрезденомъ, и, когда рѣшились его атаковать, тамъ былъ уже самъ Наполеонъ съ кавалеріей Мюрата, со старой и молодой гвардіей, съ арміями Мортье, Мармона и Виктора. Было что-то невыразимо ужасное, отъ чего вздрагивали самыя мужественныя сердца, въ этихъ бѣшеныхъ нѣмыхъ атакахъ безъ единаго ружейнаго выстрѣла. Мюратъ вспомнилъ лучшіе дни своей славы, и его кавалерія съ громкими криками: «vive l'empereur!» словно на крылатыхъ коняхъ неслась среди непріятельской арміи, своей тяжестью и неудержимостью прорывая непріятельскія карре. Всю силу своего удара Наполеонъ обратилъ на лѣвое крыло союзныхъ войскъ, находившееся подъ командой австрійца Гіулая. Ощетинившись штыками, безъ выстрѣла, встрѣчали ее австрійскія карре и гибли подъ копытами коней. Селеніе за селеніемъ—Науслицъ, Косталь, Корбицъ—одно за другимъ переходили въ руки французовъ... Съ ружьями наперевѣсъ, стройно, какъ на парадѣ, бѣглымъ шагомъ наступала молодая гвардія Мортье на передовые отряды графа Витгенштейна.

Въ передовомъ отрядѣ былъ и пятый драгунскій полкъ вмѣстѣ съ лубенскими гусарами.

Товарищи не узнали Бахтѣева, когда онъ вернулся.

— Его подмѣнили,—говорилъ Громовъ.

И, дѣйствительно, Левона было трудно узнать. Онъ словно сразу сталъ старше лѣтъ на десять. Его лицо приняло жесткое, суровое выраженіе. Онъ прекратилъ товарищескія отношенія, его обращеніе стало сдержанно и холодно, онъ, видимо, избѣгалъ своихъ товарищей и чуждался ихъ. Въ первый день сраженія онъ обратилъ на себя вниманіе какой-то неестественной, совершенно безразсудной отвагой. Громовъ принужденъ былъ употребить свою власть командира, чтобы сдержать его. Пріѣхавшаго Гришу онъ встрѣтилъ больше, чѣмъ сухо и тотчасъ отправилъ его въ другой эскадронъ. Онъ хотѣлъ быть одинъ. Новиковъ не могъ пріѣхать; онъ былъ еще слабъ, хотя и порывался ѣхать.

Левонъ словно окаменѣлъ. Ему казалось, что онъ даже не живетъ, что его существованіе не есть жизнь, а какое-то странное неопредѣленное состояніе, что-то среднее, промежуточное между смертью и жизнью. Онъ не страдалъ. Онъ просто не ощущалъ жизни. Онъ не искалъ смерти, но имъ владѣла дикая, навязчивая мысль, что онъ не можетъ быть убитъ. И когда Громовъ совѣтовалъ ему не лѣзть безплодно на смерть, онъ безсмысленно, но для самого себя логично и естественно отвѣтилъ:

— Трупъ нельзя убить...

Юные голоса восторженно кричали: «vive l'empereur!» И вѣтеръ несъ этотъ боевой восторженный кличъ въ лицо русскимъ полкамъ. И на одно мгновеніе, заглушая эти крики, раздался тяжелый ревъ французской батареи, на рысяхъ въѣхавшей на фланговый холмъ.

Въ эту минуту передъ фронтомъ показался какой-то генералъ (Бахтѣевъ не зналъ его) и громко крикнулъ Громову и командиру лубенскихъ гусаръ Мелиссино:

— Остановите ихъ!—И онъ указалъ рукой по направленію туда, откуда неслись крики французской гвардіи.

Пронзительно и хрипло заиграли трубы атаку, пронеслось грозное «ура», и Лубенскій и пятый драгунскій колыхнулись и разомъ рванулись впередъ.

Наткнувшись на желѣзное карре, первые ряды упали, но въ своемъ паденіи разстроили непріятельскую фалангу. Дождь и кровь смѣшались. Люди бились въ кровавыхъ лужахъ по щиколотки лошади... Черезъ нѣсколько минутъ только груды изуродованныхъ и растоптанныхъ тѣлъ людскихъ и лошадиныхъ остались на томъ мѣстѣ, откуда слышались восторженные молодые голоса... Только немногія разсѣянныя кучки непріятеля разсыпались въ безпорядкѣ по полю. Эта блестящая атака русскихъ дала возможность передохнуть авангарду Витгенштейна.

Войска остановились, вновь готовыя къ бою, но, насколько могъ видѣть глазъ, за густой сѣтью дождя впереди было пусто. Замолкла и фланговая непріятельская батарея. Замѣтно темнѣло. Дождь усиливался. Не только не было возможности разложить костеръ,

чтобы хоть немного согрѣться, но было трудно даже раскурить трубку. Унылое молчаніе царило въ рядахъ. Солдаты вполголоса обмѣнивались короткими замѣчаніями.

Но вотъ вдругъ словно дуновеніе тревоги пронеслось по рядамъ. Замѣтно стало движеніе, голоса громче и оживленнѣе... И изъ устъ въ уста пробѣжала грозная вѣсть, что лѣвый флангъ союзной арміи уничтоженъ, что австрійскій корпусъ Мецко положилъ оружіе, что русскія войска обойдены. Обойдены! Вотъ страшное слово, внушающее на полѣ битвы паническій ужасъ!

Бахтѣевъ увидѣлъ вдали группу всадниковъ. Кто-то сказалъ, что это графъ Витгенштейнъ со штабомъ.

Воспользовавшись затишьемъ, Левонъ подскакалъ къ Громову.

— Что случилось?—спросилъ онъ.

— Что-то недоброе, — угрюмо отвѣтилъ Громовъ:—къ Витгенштейну сейчасъ одинъ за другимъ прискакали нѣсколько австрійцевъ. А французы вдругъ остановились. И эта проклатая батарея замолчала... А вотъ еще одинъ... Смотри!..

Къ нимъ приближался австрійскій офицеръ.

— Лейтенантъ,—крикнулъ по-нѣмецки Громовъ:—какія вѣсти?

Молодой австрійскій лейтенантъ въ эту минуту поравнялся съ ними. Онъ былъ, видимо, разстроенъ.

Отдавъ честь, онъ взволнованно сказалъ:

— Гдѣ графъ? Это ужасно! Все потеряно! Случилось непоправимое несчастье, кажется. Князь требуетъ графа... Боже! Страшно сказать...

Онъ замолчалъ и потомъ быстро, шопотомъ, низко наклонившись къ Громову, продолжалъ:

— Я не хочу вѣрить, хотя... Но это, во всякомъ случаѣ, надо скрывать до поры до времени... Императоръ Александръ убитъ на Рекницкихъ высотахъ...

Громовъ пошатнулся въ сѣдлѣ.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—въ ужасѣ произнесъ онъ.

Левонъ судорожно сжалъ рукою гриву лошади и застылъ съ какой-то странной улыбкой на губахъ.

«Теперь мой чередъ», мелькнула въ его головѣ Богъ вѣсть изъ какой непонятной ему самому темной глубины души всплывшая мысль...

— Я не хочу вѣрить,—продолжалъ лейтенантъ:—мы еще притомъ разбиты.... Лѣваго фланга не существуетъ,—но, кажется, не спасется никто. Простите, тамъ, кажется, графъ, я спѣшу...

И, пришпоривъ лошадь, онъ умчался прочь.

Громовъ снялъ киверъ, подставляя голову холодному дождю и вѣтру.

— Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть,—тихо повторялъ онъ...

— Почему не можетъ быть?—холодно отозвался Левонъ:—онъ не безсмертнѣе насъ...

— Этого не можетъ быть! Богъ справедливъ,—сказалъ Громовъ.

— Я увѣренъ въ этомъ,—коротко отвѣтилъ Бахтѣевъ.

Громовъ такъ былъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ, что не могъ собрать своихъ мыслей.

Помимо его естественной привязанности къ императору, въ немъ говорило еще смутное сознаніе какой-то грозящей катастрофы...

Наконецъ, нѣсколько овладѣвъ собою, онъ сказалъ:

— Не надо пока ни думать объ этомъ, ни говорить.

Положеніе почти двухсоттысячной арміи союзниковъ становилось отчаяннымъ. Разбивъ Гіулая и разбивъ Мецко, Мюратъ зашелъ въ тылъ и флангъ австрійскимъ дивизіямъ за Плаценскимъ оврагомъ. День клонился къ вечеру, буря не утихала, вихрь, смѣшавшись съ дождемъ, билъ прямо въ лицо союзнымъ полкамъ. Лошади и люди едва передвигали ноги по колѣни въ грязи.

Маршалъ Викторъ грозилъ тылу русскихъ войскъ, прикрывая Пирну. Сжатымъ желѣзнымъ кольцомъ союзнымъ арміямъ оставался единственный путь отступленія между Пирнской и Фрейбургской дорогами по тѣснинамъ Рудныхъ горъ...

И еще до приказа объ отступленіи вся масса войскъ ринулась въ это узкое дефиле...

Напрасно графъ Витгенштейнъ, прикрывавшій отступленіе, употреблялъ нечеловѣческія усилія сдержать и привести въ порядокъ отступающія колонны.

Напрасно Бахтѣевъ со своимъ эскадрономъ старался направлять обозы и артиллерію...

И люди, и животныя обезумѣли. Не разбирая дороги, по тѣламъ раненыхъ и убитыхъ, сбивая съ ногъ пѣхотинцевъ, въ полумракѣ и грязи, подъ дождемъ и вихремъ неслись двуколки, телѣги, скакала артиллерія, ѣздовые обрѣзали постромки и бросали въ грязи орудія; опрокинувшіеся передки, повозки, лафеты, зарядные ящики создавали цѣлыя баррикады. Измученные, голодные и босые солдаты, преимущественно австрійскіе, бросали ранцы, ружья и бѣжали... Нѣкоторые въ отчаяніи бросались прямо въ грязь на краю дороги и сейчасъ же засыпали тяжелымъ свинцовымъ сномъ, погибая подъ колесами и копытами и ногами бѣгущей пѣхоты. Вся дорога была завалена такими тѣлами. Стоны и раздирающіе душу крики оставленныхъ на произволъ судьбы раненыхъ и погибающихъ перемѣшивались въ воздухѣ со свистомъ бури, криками и руганью, командою офицеровъ, топотомъ лошадей и трескомъ ломающихся повозокъ. И изрѣдка, покрывая весь этотъ шумъ, рявкала фланговая батарея, посылая по едва различимымъ въ сгущавшемся

сумракѣ толпамъ свои смертельные, прощальные привѣты, внося неописуемый ужасъ въ эти деморализованныя толпы, бывшія еще наканунѣ грознымъ войскомъ. Эта искусственная и страшная батарея состояла всего изъ двухъ орудій, но, благодаря своей позиціи, обстрѣливала, такъ сказать, самое устье дороги. И передовой отрядъ авангарда, теперь обратившійся въ крайній отрядъ арьергарда, получилъ приказъ снять эту батарею. Это было безумье, и приказъ притомъ запоздалъ. Зловѣщая тьма уже надвигалась. Приказъ былъ отданъ еще три часа назадъ, но дошелъ только сейчасъ.

Командиръ лубенскихъ гусаръ Мелиссино уже былъ убитъ. Старшимъ въ арьергардѣ остался Громовъ. Получивъ приказъ, онъ только махнулъ рукой, но бывшій здѣсь же Левонъ быстро обратился къ нему:

— Господинъ полковникъ, прошу разрѣшенія атаковать батарею.

— Вы съ ума сошли, ротмистръ!—воскликнулъ Громовъ и потомъ добавилъ:—ты это что же? Жизнь надоѣла, что ли? Это, братъ, дохлое дѣло!

— Прошу позволенія атаковать батарею,—упрямо повторилъ князь:—приказъ возможно исполнить.

Громовъ колебался.

— Вы не имѣете права отмѣнять приказъ,—рѣшительно сказалъ князь.

— Это мое дѣло,—нахмурясь, отвѣтилъ Громовъ.

Однако, послѣ нѣкотораго размышелнія, онъ добавилъ:

— Впрочемъ, какъ хочешь. При бѣшеномъ счастьи это возможно. Иди!

Онъ протянулъ руку и горячо пожалъ руку Левона. Левонъ отвѣтилъ ему холоднымъ пожатіемъ...

«Бѣдняга, очевидно, хочетъ смерти,—подумалъ Громовъ, смотря въ слѣдъ исчезнувшему въ темнотѣ князю:—а, впрочемъ, всѣ тамъ будемъ», закончилъ онъ свои размышленія и, снявъ киверъ, перекрестился.

Еще можно было смутно различать безпорядочно двигавшіяся по шоссе густыя массы, и французская батарея продолжала обстрѣливать ихъ картечью съ разстоянія тысячи двухсотъ шаговъ. Широко разсыпавъ свой эскадронъ полукругомъ, князь съ разстоянія пятисотъ шаговъ пустилъ его въ карьеръ на высоты, занятыя батареей. По мѣрѣ приближенія эскадронъ сжимался къ своимъ флангамъ, разрывая свой центръ. Цѣлый вихрь картечи встрѣтилъ его. Пригнувшись къ шеѣ лошади, несся впереди Левонъ и съ крикомъ «ура» первый взлетѣлъ на высоту. Орудія не успѣли дать второй очереди, какъ прислуга была уже перебита. Спѣшившіеся драгуны бросились къ орудіямъ и съ радостными криками столкнули ихъ внизъ съ противоположнаго крутого ската. Орудія переверну-

лись и скатились съ крутизны въ топкое болото. На это потребовалось нѣсколько минутъ, но уже бѣжала французская пѣхота, стоявшая въ прикрытіи, и съ обѣихъ сторонъ, отрѣзая путь отступленія, неслись французскіе кавалеристы. Еще была нѣкоторая возможность прорваться, и, пустивъ свой эскадронъ по склону, князь остался съ однимъ взводомъ задержать наступленіе противника. Уже тьма легла на землю. Тяжелой лавиной скатывался со склона эскадронъ драгунъ. Левонъ преградилъ путь французскому отряду, скакавшему наперерѣзъ. Конечно, борьба была неравная, но онъ далъ время своему эскадрону, и по грозному, ликующему «ура» онъ понялъ, что имъ удалось спастись...

Левонъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Онъ слышалъ изъ темноты голосъ, кричавшій: «бросьте оружіе», его драгуны дрались отчаянно, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, падая одинъ за другимъ. Левонъ задыхался. Уже рука отказывалась ему служить. Но мысль о сдачѣ не приходила ему въ голову. «Такъ надо! Такъ хорошо!» повторялъ онъ про себя.

Мгновенно онъ почувствовалъ сильный толчокъ въ бокъ, ударъ по головѣ, и съ послѣдней мыслью: «ну, теперь совсѣмъ хорошо», потерялъ сознаніе...

Всю ночь продолжалась безпорядочное бѣгство арміи. Отчаяніе охватило и солдатъ и офицеровъ. Въ главной квартирѣ царило неописуемое смятеніе. Армія казалась обреченной на гибель. Когда стало извѣстно, что самъ Наполеонъ бросился на дорогу въ Пирну, чтобы загородить путь отступленія разбитой арміи, всякая надежда казалась потерянной...

Слухъ о смерти императора Александра, къ радости слышавшихъ его, въ томъ числѣ Громова, оказался ложнымъ. Онъ былъ вызванъ тѣмъ, что на Рекницкихъ высотахъ рядомъ съ государемъ былъ смертельно раненъ генералъ Моро. Государь спасся чудомъ, только нѣсколько мгновеній до этого случайно помѣнявшись съ Моро мѣстомъ.

VI.

Когда на другой день послѣ страшной ночи взошло солнце на безоблачномъ небѣ, Громовъ сталъ приводить въ порядокъ свой полкъ. Къ удивленію всѣхъ, непріятель не тревожилъ арьергарда Витгенштейна. Это такъ было не похоже на Наполеона, что за этимъ подозрѣвали что-то новое и ужасное. Если Наполеонъ прекратилъ въ этомъ мѣстѣ преслѣдованіе, значитъ онъ считалъ эту часть уже обреченной.

Полкъ выстроился. Глухо и печально то и дѣло при перекличкѣ отзывались вахмистры:

— Выбылъ! Выбылъ! Выбылъ! Выбылъ!

Слезы навертывались на глаза Громова при взглядѣ на порѣдѣвшіе ряды его драгунъ.

Особенно велика была убыль въ эскадронѣ князя Бахтѣева. Самъ онъ не вернулся. И, нахмуривъ брови и кусая усы, чтобы не разрыдаться, слушалъ Громовъ перекличку этого несчастнаго и геройскаго эскадрона. Одинъ взводъ былъ уничтоженъ до послѣдняго человѣка. Никто не могъ даже разсказать о послѣднихъ минутахъ эскадроннаго командира... Въ остальныхъ взводахъ не хватало трехъ четвертей людей. Самъ эскадронъ казался не больше, чѣмъ боевымъ взводомъ. Бѣлоусова, тяжело раненаго въ грудь, успѣли унести съ поля сраженія.

Громовъ поднялъ киверъ и дрогнувшимъ голосомъ крикнулъ:

— Спасибо, братцы, за службу!

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе!—отчетливо и радостно прогремѣлъ отвѣтъ.

Громовъ взглянулъ на мужественныя, суровыя лица своихъ драгунъ, уже снова готовыхъ летѣть на битву, и его сердце сжалось сладкимъ и горделивымъ чувствомъ. Ему захотѣлось всѣхъ ихъ обнять и прижать къ своей груди. И безконечно дороги и близки были ему эти оборванные, грязные, но великіе въ своей простотѣ и героизмѣ люди.

Вѣстовой Бахтѣева Егоръ вымолилъ у Громова позволенія итти искать трупъ своего барина. Послѣ нѣкотораго колебанія, вызваннаго боязнью погубить этимъ позволеніемъ Егора, Громовъ наконецъ согласился, и въ то же утро Егоръ отправился на поиски...

Армія Витгенштейна получила приказъ двинуться на Теплицъ. Императоръ Александръ находился при главной квартирѣ князя Шварценберга, направляясь въ Богемію. Графу Остерману было приказано присоединиться къ главнымъ силамъ. Но если бы графъ исполнилъ это приказаніе, онъ открылъ бы непріятелю путь на Теплицъ, откуда французы могли двинуться навстрѣчу нашимъ колоннамъ, сходившимъ съ горъ, медленно пробиравшимся по узкимъ извилистымъ тропкамъ, между тѣмъ какъ съ тылу арміи союзниковъ преслѣдовали Мюратъ, Мармонъ, Викторъ и Сенъ-Сиръ. Остерманъ ослушался этого приказа, указывавшаго ему безопасный путь въ Богемію, и рѣшился съ отборными гвардейскими полками предупредить движеніе французовъ въ Теплицѣ и тѣмъ спасти обреченную на гибель армію союзниковъ.

Императоръ Францъ сидѣлъ въ Теплицѣ и усиленно предавался музыкальнымъ занятіямъ. Повидимому, онъ не очень близко принималъ къ сердцу разгромъ своей арміи. Потери людьми его вообще не трогали, а насчетъ иного его успокоилъ Меттернихъ. Австрія оставалась все же сильной державой, а Наполеонъ былъ

ослабленъ. Если бы даже послѣ разгрома русскій императоръ отказался отъ продолженія войны, то Наполеонъ удовольствовался бы одной Пруссіей, поспѣшивъ заключить съ Австріей почетный миръ. Меттернихъ былъ, конечно, правъ, забывая только то, что, покончивъ съ Пруссіей, Наполеонъ принялся бы спустя нѣкоторое время и за Австрію. Но Меттернихъ всегда былъ политикомъ минуты, и въ этомъ была его сила и его слабость. Въ случаѣ мира Александръ тоже, въ худшемъ случаѣ, ничего не потерялъ бы.

Единственной жертвой являлся бы прусскій король, и Фридрихъ-Вильгельмъ хорошо это понималъ, переходя отъ бѣшенства къ отчаянію, то ругая Штейна, вовлекшаго его въ гибельный союзъ съ Россіей, то плача передъ Александромъ въ припадкѣ малодушнаго страха и умоляя не оставлять его.

Александръ успокаивалъ своего друга, какъ могъ, и вновь клялся не покидать Пруссіи на произволъ судьбы. Несмотря на неудачи, Александръ оставался спокоенъ и попрежнему увѣренъ въ конечной побѣдѣ. Его вѣра въ Божественную волю, руководившую имъ, была непоколебима. И эта воля приведетъ его къ побѣдѣ. Онъ утѣшалъ прусскаго короля, успокаивалъ Шварценберга, ободрялъ своихъ генераловъ, всегда ровный, внимательный и дѣятельный. И если лично, какъ полководецъ, онъ не могъ внести ничего, то его постоянное дѣятельное участіе въ выработкѣ всѣхъ военныхъ плановъ напрягало усилія другихъ до максимума.

Послѣ двухдневныхъ героическихъ боевъ, прокладывая себѣ штыками дорогу, графъ Остерманъ съ гвардіей подъ начальствомъ Ермолова спустился въ Богемію и занялъ позицію у Кульма, въ тѣсныхъ Богемскихъ горахъ, въ трехъ миляхъ отъ Теплица. Здѣсь онъ преграждалъ путь арміи Вандама. Здѣсь онъ долженъ былъ сдержать бѣшеный натискъ французовъ, чтобы спасти союзныя войска, медленно спускавшіяся съ горъ.

Противъ сорока тысячъ Вандама у него было едва четырнадцать уже два дня бывшихъ въ ожесточенныхъ бояхъ. За нимъ въ Теплицѣ былъ государь, прусскій король и австрійскій императоръ. Его пораженіе значило уничтоженіе арміи, проигрышъ кампаніи, потеря Богеміи, взятіе Берлина и паденіе Вѣны, потому что арміи, сѣверная и силезская, безъ главной теряли между собою всякую связь и, конечно, погибли бы подъ ударами самого Наполеона. Лишь немногіе понимали въ то время все огромное значеніе предстоящаго дѣла. Но понималъ его Наполеонъ, обѣщавшій Вандаму за успѣхъ маршальскій жезлъ и хотѣвшій самъ руководить операціей. Но ему помѣшала внезапная болѣзнь, и онъ отъ Пирны рѣшилъ возвратиться въ Дрезденъ. Но его собственному признанію, это было одной изъ величайшихъ ошибокъ его военнаго

поприща. Понималъ это и графъ Остерманъ, когда обратился къ своимъ немногочисленнымъ войскамъ, объѣзжая ряды, и сказалъ, что отступленія не будетъ,—надо устоять или умереть! Понималъ это и Ермоловъ, когда открыто сказалъ своей гвардіи, что поддержки ждать почти нельзя, что армія далеко и что отъ ихъ мужества зависитъ спасеніе арміи и даже личная безопасность обожаемаго монарха!

Узнавъ объ угрожаемомъ положеніи Остермана, государь, не теряя ни минуты, отдалъ распоряженія перемѣнить направленіе австрійской колонны Коллоредо и прусской Клейста и обѣимъ выйти на теплицкое шоссе въ тылъ Вандаму. Но эти распоряженія были бы безполезны и запоздалы, если бы не сверхчеловѣческое мужество гвардіи...

Въ сознаніи огромнаго численнаго перевѣса, съ мечтой о маршальскомъ жезлѣ, съ увѣренностью въ быстрой побѣдѣ, Вандамъ стремительно и яростно атаковалъ русскихъ... и разбился...

Гвардейскіе полки Измайловскій, Преображенскій, Семеновскій, Егерскій, уланы и кирасиры, какъ высшей чести, добивались самыхъ опасныхъ мѣстъ. Пощады не было. По трупамъ враговъ шли преображенцы, измайловцы пронеслись на врага среди пламени пылающей деревни. Съ развѣвающимся знаменемъ, съ барабаннымъ боемъ наступалъ Егерскій полкъ, гремѣли трубы уланъ и кирасиръ... За каждый кустъ, за каждую рытвину ожесточенно дрались враги. Но несоизмѣримое неравенство силъ давало себя чувствовать. Жертвъ уже не считали. Ядро оторвало руку Остерману, и онъ передалъ команду Ермолову... Офицеры дрались впереди. Всѣ войска уже были введены въ дѣйствіе. Въ резервѣ оставалась лишь шефская рота Преображенскаго полка. Страшный огонь 80 французскихъ орудій сметалъ цѣлыя роты гвардіи...

День угасалъ. Вандамъ съ ужасомъ увидѣлъ, что его партія проиграна, что его войска разстроены и уже неспособны на дальнѣйшее наступленіе...

Ночь прекратила сраженіе... Заутра ожидался новый бой, но въ русскомъ станѣ отъ Ермолова до солдата всѣ уже знали, что сраженіе выиграно, что армія спасена и никакая опасность не грозитъ государю.

На слѣдующее утро русскія войска атаковали Вандама, оттѣснили его, а подоспѣвшіе корпуса Коллоредо и Клейста докончили пораженіе уже побѣжденнаго врага.

Вся артиллерія, 12 тысячъ солдатъ и самъ Вандамъ были захвачены нашими войсками.

Сраженіе при Кульмѣ нанесло смертельный ударъ грандіозному стратегическому плану Наполеона. Здѣсь померкла его звѣзда! Здѣсь было положено начало освобожденію Европы, свободѣ и будущему могуществу Германіи.

Но союзники или дѣйствительно не понимали, или не хотѣли понимать истиннаго значенія этой побѣды. Только въ угоду Александру Фридрихъ-Вильгельмъ наградилъ всѣхъ участниковъ Желѣзнымъ крестомъ, хотя въ душѣ гораздо больше значеніе придавалъ побѣдѣ Блюхера, вѣсть о которой была получена на полѣ Кульмскаго сраженія.

Александръ приписывалъ побѣду себѣ и потому особенно торжествовалъ.

Францъ попрежнему игралъ на скрипкѣ.

Ф. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

САНЪ-СТЕФАНО[1].

(Записки гр. Н. П. Игнатьева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова).

XVI.

После торжественнаго пріема въ Одессѣ 28-го февраля турецкаго посла Игнатьевъ, встрѣченный любезно одесскимъ градоначальникомъ, графомъ Левашевымъ, и его женою, обѣдалъ у нихъ. Встрѣтившись въ Одессѣ съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ [2]) и княземъ Имеретинскимъ [3]), изъ коихъ первый былъ вызванъ въ главную квартиру въ виду предназначенія быть императорскимъ комиссаромъ въ Болгаріи, а второй предназначался быть комиссаромъ по разграниченію между Турціею и Болгаріею и предсѣдателемъ разграничительныхъ комиссій, Игнатьевъ объяснилъ имъ содержаніе договора и опредѣленныя для Болгаріи границы. Тотчасъ по прибытіи своемъ въ Одессу Игнатьевъ телеграфировалъ Нелидову (№ 65, 27-го февраля) о результатѣ разговора съ Реуфомъ-пашою, происшедшаго

---

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXLI, стр. 729.

[2]) Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ (1820—1893 гг.). По окончаніи юридическаго факультета петроградскаго университета поступилъ на военную службу и отличился во время Крымской кампаніи, при штурмѣ Карса. Во время турецкой кампаніи 1877—78 гг. командовалъ 13-мъ корпусомъ. Въ 1878 г., по кончинѣ кн. Черкасскаго, былъ назначенъ императорскимъ россійскимъ комиссаромъ въ Болгаріи, гдѣ приложилъ много трудовъ по организаціи гражданскаго управленія. Состоялъ затѣмъ съ 1882 по 1890 гг. главноначальствующимъ гражданскою частью и командующимъ войсками на Кавказѣ. А. Б.

[3]) Князь Александръ Константиновичъ Имеретинскій (1837—1900 гг.), потомокъ царей Имеретіи. По окончаніи академіи генеральнаго штаба участвовалъ въ усми

во время плаванія, согласно желанію великаго князя, просившаго русскаго посла условиться съ турецкимъ военнымъ министромъ касательно наилучшаго способа обмѣна визитовъ нашего главнокомандующаго съ султаномъ. Игнатьевъ убѣдилъ Реуфа-пашу въ основательности своего мнѣнія, высказаннаго Портѣ и возбудившаго опасенія и сомнѣнія Ахмета-Вефика-паши. Вотъ содержаніе шифрованной телеграммы, отправленной изъ Одессы по кабелю въ Санъ-Стефано:

«Согласно приказанію великаго князя, говорилъ съ Реуфомъ о необходимости уладить обмѣнъ визитовъ и движеніи нашихъ войскъ въ Буюкъ-дере для посадки ихъ тамъ на суда. Онъ одобряетъ возвращеніе султаномъ визита главнокомандующему въ Санъ-Стефано съ смотровою постановкою нашихъ войскъ по пути слѣдованія. Будетъ телеграфировать отсюда въ смыслѣ моихъ предложеній Саиду-пашѣ (министру двора) и Портѣ, но проситъ насъ не ссылаться на его согласіе».

Поздно вечеромъ экстренный поѣздъ увезъ Игнатьева вмѣстѣ съ Реуфомъ-пашою и ихъ свитою въ Петербургъ.

Передъ отъѣздомъ Игнатьевъ написалъ (28-го февраля) барону Стюарту, въ дополненіе телеграммы, посланной ему изъ Санъ-Стефано, о содержаніи статей, касающихся Румыніи, и послалъ копію съ французскаго текста договора для свѣдѣнія, добавивъ слѣдующее: «Вамъ вполнѣ извѣстны мои переговоры въ Бухарестѣ съ румынскимъ министромъ, а потому нѣтъ надобности объяснять вамъ причины, заставившія меня соблюдать большую сдержанность во время мирныхъ переговоровъ по вопросамъ, относящимся до Румыніи. Статьи о Сербіи и въ особенности о Черногоріи гораздо обстоятельнѣе изложены и опредѣленнѣе. Но такъ какъ князь Карлъ не отправилъ въ главную квартиру своего представителя, съ которымъ бы я могъ посовѣтоваться, а, съ другой стороны, мнѣ было извѣстно, что румынское правительство настоятельно желаетъ вести переговоры непосредственно и самостоятельно съ Портою, безъ участія Россіи, то я счелъ долгомъ ограничиться постановкою лишь общихъ основаній для будущаго соглашенія, могущаго ихъ развить. Тѣмъ не менѣе я успѣлъ, однакоже, достигнуть принятія Портою въ принципѣ почти всего того, что было упомянуто въ инструкціяхъ князю Гикѣ [1]), которыя мнѣ сообщилъ Братіано въ Бухарестѣ, а именно независимости Румы-

---

реніи польскаго возстанія 1863 г. Отличился во время войны съ Турціею тѣмъ, что взялъ Ловчу 22-го августа 1877 г. При осадѣ Плевны былъ у Тотлебена начальникомъ штаба, а когда Тотлебенъ ушелъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ его арміи. Съ 1881 по 1892 гг. былъ главнымъ военнымъ прокуроромъ и начальникомъ военно-суднаго управленія. Въ 1897 году князь Имеретинскій былъ назначенъ на постъ варшавскаго генералъ-губернатора. А. Б.

[1]) Румынскій посланникъ въ Петербургѣ. Авт.

нія, права на денежное вознагражденіе, пріобрѣтенія для румынскихъ подданныхъ равноправности съ европейскими иностранными подданными, срытія дунайскихъ крѣпостей и проч. Что же касается Тульчинской области, то она цѣликомъ, вмѣстѣ съ Дунайскими островами, уступлена Россіи, которая оставила за собою право вымѣнять оную на Бессарабію, отдѣленную по договору 1856 года и граничащую на югѣ русломъ Килійскаго рукава. Такимъ образомъ, отъ румынскаго правительства зависитъ вступить въ соглашеніе по этому предмету съ императорскимъ правительствомъ.

«Въ теченіе нашихъ переговоровъ турецкіе уполномоченные возбудили вопросъ о недвижимыхъ имуществахъ, преклоненныхъ къ церквамъ и монастырямъ, находящимся въ Турціи, и предложили проектъ статьи, выговаривающей право Порты при возбужденіи румынами вопроса о военномъ вознагражденіи предъявить встрѣчное денежное требованіе касательно этихъ имуществъ. Послѣ большихъ усилій мнѣ удалось отстранить включеніе въ договоръ такой статьи. Но послѣ подписанія договора турецкіе уполномоченные прислали мнѣ офиціальную ноту, содержащую оговорку для сохраненія за православными общинами въ Турціи правъ на преклоненныя къ святымъ мѣстамъ имущества. Права эти Порта намѣрена предъявить при разсмотрѣніи притязаній румынскаго правительства къ Турціи. Я считалъ долгомъ сообщить вамъ вышеизложенное до полученія вами тѣхъ инструкцій, которыя вамъ дастъ императорское министерство относительно положенія, долженствующаго быть вами принятымъ въ сношеніяхъ съ румынскимъ правительствомъ».

На станціи Казатинъ Игнатьевъ разстался съ женою, которая отправилась въ гор. Кіевъ къ семьѣ, тамъ зимовавшей. Во время переѣзда своего изъ Одессы въ Петербургъ Игнатьевъ составилъ объяснительную записку для министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которой выяснилъ происхожденіе и значеніе каждой статьи договорной, для облегченія послѣдовательности дальнѣйшихъ дѣйствій министерства и русскихъ представителей за границею. Вотъ содержаніе этой записки, представленной канцлеру 3-го марта:

«Статья I. Черногорія. Новая граничная черта Черногорскаго княжества проведена на основаніи слѣдующихъ соображеній: 1) русскіе уполномоченные вынуждены были принять во вниманіе настойчивыя возраженія Австро-Венгріи противъ всякаго расширенія владѣній черногорскихъ въ сѣверо-западномъ направленіи, въ западной части Герцеговины и обязательство, принятое императорскимъ правительствомъ въ Вѣнѣ, не допускать черногорцевъ за линію Требинье—Билекъ—Гацко. А потому уполномоченные не были, къ сожалѣнію, въ состояніи исполнить желаніе князя Николая распространить его владѣнія до рѣки На-

ренты [1]), включивъ въ Черногорію Любинье, Требинье, Невесинье и Столацъ—главнѣйшіе очаги герцеговинскаго возстанія въ 1875 г. [2]). Надо надѣяться, что австро-венгерское правительство признаетъ наше доброе расположеніе, фактически доказанное, и подастся на соглашеніе съ нами по всѣмъ другимъ вопросамъ, касающимся Черногоріи и Сербіи [3]).

«2) Съ той минуты, когда Черногорія лишена владѣнія тою частью Герцеговины, на которую она разсчитывала, справедливость требовала, чтобы ей доставлено было соотвѣтствующее вознагражденіе въ направленіи къ рѣкамъ Дрину и Лиму, на сѣверо-востокъ, хотя присоединеніе къ княжеству этой мѣстности, не занятой черногорцами при заключеніи перемирія, весьма естественно должно было встрѣтить горячее сопротивленіе со стороны Порты, и очищеніе оной отъ турецкихъ войскъ могло даже вызвать вооруженное столкновеніе. Австро-Венгрія не имѣетъ основанія возражать противъ увеличенія черногорской территоріи въ этомъ направленіи, такъ какъ граничная черта не переходитъ за условленную во время переговоровъ съ вѣнскимъ кабинетомъ линію, означенную на картѣ, врученной въ началѣ 1877 года Новиковымъ графу Андраши [4]).

«3) Новая граница княжества не захватила въ юго-восточномъ направленіи часть Старой Сербіи, предназначенной на упомя-

---

[1]) Согласно первоначальному проекту и намѣреніямъ Игнатьева, отъ которыхъ ему трудно было отказаться, ибо въ 1875 году онъ стремился присоединить къ Черногоріи эту многострадальную часть Герцеговины. Населеніе этой мѣстности, первое взявшееся за оружіе и сроднившееся съ черногорцами, по справедливости, должно было быть присоединено къ княжеству, какъ хотѣлъ этого достигнуть Игнатьевъ еще на константинопольской конференціи. Онъ упорно оспаривалъ притязанія Австро-Венгріи, доказывая нашему министерству иностранныхъ дѣлъ ихъ неосновательность и наносимый Черногоріи и Россіи нравственный ущербъ. Авт.

[2]) Вызвавшаго вмѣшательство сначала трехъ державъ, а потомъ всей Европы въ пользу христіанъ, поднявшихъ оружіе противъ турецкаго владычества и которыхъ теперь отдавали подъ тягчайшее для православныхъ сербовъ иго австро-нѣмецко-мадьярско-католическое, лишающее ихъ народности, вѣры, языка, всякой самостоятельности и самобытности. Авт.

[3]) Надеждѣ, выраженной для побужденія министерства иностранныхъ дѣлъ, стать твердо и настойчиво на эту почву и ничего болѣе не уступать въ отношеніи Черногоріи и Сербіи не суждено было исполниться. Графъ Андраши не оцѣнилъ значительной уступки, сдѣланной ему въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, а наши дипломаты не сумѣли выставить это въ надлежащемъ свѣтѣ и стали уступать болѣе или менѣе по всѣмъ пунктамъ. Авт.

[4]) Какъ указано будетъ впослѣдствіи, графъ Андраши, съ свойственнымъ ему нахальствомъ, и самоувѣренностью, пользовался скромностью, деликатностью и обходительностью, нерѣшительностью и ненаходчивостью нашихъ дипломатовъ, чтобы отвергать и послѣдствія соглашенія, съ нимъ заключеннаго, когда оно клонилось въ выгодѣ славянъ и было неудобно для Венгріи, и даже отрицать самое существованіе карты, привезенной въ Вѣну Обручевымъ и переданной австро-венгерскому министру нашимъ посломъ, подписавшимъ съ нимъ секретную конвенцію. Авт.

нутой картѣ Черногоріи, главнѣйше по той причинѣ, что мы были въ невозможности доставить Сербіи соотвѣтствующее увеличеніе территоріи къ сторонѣ рѣки Лима и Старой Сербіи, вслѣдствіе слишкомъ ограниченнаго выраженія «исправленія границъ», употребленнаго при подписаніи 7 ст. адріанопольскихъ оснований мира [1]), и особеннаго упрямства, съ которымъ турки отказывали Сербіи въ значительномъ приращеніи, преимущественно же въ уступкѣ укрѣпленныхъ городовъ, которыхъ сербы не успѣли занять. Впрочемъ, эту часть Старой Сербіи предполагалось, на основаніи обмѣна мыслей въ Вѣнѣ, присоединить къ Черногоріи въ случаѣ, если бы Австро-Венгрія потребовала занятія Босніи и Герцеговины [2]). Если бы это случилось, было бы естественно потребовать, въ вознагражденіе Черногоріи, присоединеніе къ ней всей этой мѣстности, съ проведеніемъ южной границы княжества по рѣкѣ Дрину [3]). Но до поры, до времени было бы опрометчиво требо-

---

[1]) Въ вопросѣ о Сербіи всего болѣе выказалась двойная игра Австро-Венгріи, успѣвшая, къ сожалѣнію, сбить съ прямого и естественнаго пути какъ русское правительство, такъ и Сербію. Австро-Венгрія настаивала на урѣзываніи тѣхъ выгодъ, которыя мы желали предоставить обоимъ княжествамъ, не допуская въ особенности расширенія ихъ въ мѣстности, обитаемой сербскимъ племенемъ. Подстрекаемая изъ Вѣны и Пешта, Порта всего упорнѣе отказывалась отъ уступокъ въ пользу Сербіи. А на Берлинскомъ конгрессѣ графъ Андраши беззастѣнчиво притворился защитникомъ сербовъ противъ болгаръ и покровительницы послѣднихъ Россіи. Сербы легкомысленно повѣрили, что мы ихъ бросили, и громко жаловались на предпочтеніе, оказанное болгарамъ, не вникая въ коварный образъ дѣйствій графа Андраши и не распознавъ, что уменьшеніе территоріальнаго вознагражденія Сербіи произошло въ угоду Австро-Венгріи. Авт.

[2]) Этотъ случай могъ представиться, лишь если бы мы заняли Константинополь или Турція распалась. Авт.

[3]) Читатель долженъ обратить вниманіе на то, что не слѣдуетъ смѣшивать рѣку Дрину, притокъ Дуная, составляющую границу между Сербіею и Босніею, съ рѣкой Дриномъ, впадающей въ Адріатическое море. Послѣдняя рѣка, о которой здѣсь именно идетъ рѣчь, вытекаетъ изъ сѣверныхъ отроговъ такъ называемыхъ «Проклятыхъ Горъ», около Печа, орошаетъ подъ именемъ Бѣлаго Дрина плоскогорье, именуемое Метохіею, принимаетъ слѣва, около Брути такъ называемый Черный Дринъ, истекающій изъ Охридскаго озера, затѣмъ широкимъ полукругомъ окаймляя страну дукаджиновъ и миридитовъ, около Скутари, сообщается боковымъ протокомъ съ озеромъ того же наименованія, наконецъ впадаетъ въ море къ юго-западу отъ Лѣша (Алессіо). Достиженіе береговъ Дрина, этой главной рѣки Сѣверной Албаніи, за которой стоялъ городъ Призренъ, всегда было завѣтною мечтою черногорцевъ. Это имъ удалось только въ 1913 году, по окончаніи послѣдней турецко-славянской войны. По Санъ-Стефанскому же договору (ст. 1), Черногоріи было предназначено одно только плоскогорье вокругъ Плавскаго Блата, гдѣ города Гусинье и Плава, а также высокая горная долина Ругова, по ту сторону хребта Мокрой Планины. Да и эти прирѣзки не достались фактически во владѣніе Черногоріи, вслѣдствіе сопротивленія албанской лиги и послѣдовавшихъ событій 1879 года, закончившихся демонстраціею англійскаго флота у Дульциньо. Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ тридцати лѣтъ край Гусинья и Плавы считался совершенно недоступнымъ для христіанъ, въ чемъ авторъ настоящихъ примѣчаній могъ убѣдиться по одичалости

вать еще большаго распространенія владѣній княжества. Дѣйствительно, не говоря уже о матеріальной невозможности миролюбиво выжить мусульманское, воинственное населеніе и турецкія войска изъ этой территоріи и подчинить власти князя Николая албанскія племена, оную населяющія, надо опасаться, что преждевременное присоединеніе къ Черногоріи большей части Старой Сербіи вызоветъ, съ одной стороны, занятіе Босніи и Герцеговины австрійскими войсками [1]), а съ другой—возбудить ревность и вожделѣнія Сербскаго княжества, которое будетъ имѣть тогда основаніе настаивать на присоединеніи къ Сербіи Призрена, Приштины и всего Коссовскаго вилайета. Черногорцы должны быть довольны территоріальными пріобрѣтеніями, выговоренными въ ихъ пользу, потому что земельное пространство княжества будетъ по договору увеличено втрое.

«4) Доставивъ Черногоріи на юго-востокѣ границею р. Бояну, русскіе уполномоченные были счастливы, что могли такимъ образомъ достигнуть обезпеченія княжеству главнѣйшаго преимущества, котораго оно уже столько лѣтъ добивалось, а именно владѣнія отличною гаванью въ Антивари, а равно морскихъ бухтъ въ Спицѣ и Дульциньо [2]).

«5) Вввиду необходимости считаться съ прежними примѣрами, на которые могли бы державы сослаться, требуя участія европейскихъ комиссаровъ въ турецко-черногорскомъ разграниченіи, и съ тѣми затрудненіями, которыя вѣнскій кабинетъ не преминулъ бы вызвать при проведеніи граничной линіи на мѣстѣ, если бы оно состоялось внѣ его участія, пришлось установить, что окончательное проведеніе границы будетъ произведено европейскою

мѣстныхъ албанцевъ, когда онъ, въ 1908 году, посѣтилъ Гусинье и Плаву, подвергшись при этомъ значительному личному риску (Ср. книгу А. Башмакова: «Черезъ Черногорію въ страну дикихъ геговъ». С.-Петербургъ. 1913 г.). А. Б.

[1]) Главнѣйшею заботою Игнатьева при переговорахъ о Черногоріи и Сербіи, стѣснявшею всѣ его дѣйствія, было не допустить завладѣнія Босніей и Герцеговиной Австро-Венгріею, соглашеніе съ которою, заключенное въ январѣ 1877 года, возбуждало его порицаніе и подозрѣніе. Въ переговорахъ съ Новиковымъ графъ Андраши давалъ неоднократно понять, что всякое излишнее—по его мнѣнію—увеличеніе того или другого княжества, или же растпространеніе ихъ въ сторону Босніи и Герцеговины вынудитъ Австро-Венгрію заручиться матеріальнымъ обезпеченіемъ своихъ интересовъ. Авт.

[2]) Санъ-Стефанскій договоръ проводилъ границу между Черногоріею и Турціею отъ залива Личени-Кастрати прямо къ пункту истеченія р. Бояны изъ Скутарійскаго озера и затѣмъ по этой рѣкѣ до ея устья, оставляя хребетъ Тарабоша на черногорской сторонѣ. Берлинскій же трактатъ, доводя границу съ сѣвера до озера около Плавницы, оттуда проводилъ ее на пересѣченіе черезъ Скутарійское озеро къ западу отъ деревни Шкіа, и оставляя большую часть правобережной р. Бояны за Турціею, выводилъ границу р. Боянъ лишь въ ея низовьяхъ, а затѣмъ вдоль этой рѣки до устья. Что касается приморскихъ городовъ, предназначавшихся Черногоріи, то изъ нихъ городъ Спица былъ отданъ Австріи по ст. 29-й Берлинскаго трактата. А. Б.

комиссіею, которая, разумѣется, обязана сообразоваться съ текстомъ статьи нашего договора и съ картою, къ оному приложенною. Такимъ способомъ возраженія австро-венгерскаго правительства могутъ быть разрѣшены законно и справедливо комиссіею, которая будетъ имѣть право произвести на мѣстѣ въ намѣченномъ очертаніи границъ тѣ измѣненія, которыя она единогласно признаетъ дѣйствительно нужными и справедливыми съ точки зрѣнія взаимныхъ интересовъ и спокойствія смежныхъ государствъ. Имъ она обязана будетъ, во всякомъ случаѣ, доставить соотвѣтствующее территоріальное вознагражденіе [1]). Инструкціи, которыми будутъ снабжены комиссары, должны быть проникнуты этимъ духомъ для того, чтобы тѣ изъ членовъ комиссіи, которые будутъ пристрастны къ Турціи и желали бы лишить княжество присоединенія нѣкоторыхъ изъ предназначенныхъ ему мѣстностей, были бы вынуждены сообразоваться съ мнѣніями другихъ своихъ сочленовъ и удовлетворить, въ равной степени, интересамъ Черногоріи, какъ и Турціи, доставленіемъ князю Николаю соотвѣтствующаго территоріальнаго вознагражденія въ случаѣ, если бы первые считали необходимымъ оттянуть отъ него нѣкоторые участки, опредѣленные по договору въ пользу Черногоріи.

«Статья II. Исключительное положеніе, которымъ пользовалась Черногорія, провозгласившая свою независимость, и затрудненія, которыя она всегда встрѣчала въ сношеніяхъ своихъ съ оттоманскими властями, внушили уполномоченнымъ мысль ввести въ редакцію статьи о независимости княжества оттѣнокъ отличительный отъ того, что установлено касательно Сербіи и Румыніи, а именно: въ статьѣ выражено, что Порта признаетъ окончательно независимость Черногоріи. Порта, сверхъ того, обязалась заключить особую конвенцію съ Черногоріею, на равныхъ правахъ, отъ чего она упорно отказывалась до сихъ поръ. Всѣ вопросы, которые въ послѣдніе годы были спорные, какъ-то: учрежденіе черногорскихъ агентовъ, выдача преступниковъ, частныя права черногорцевъ, путешествующихъ или пребывающихъ въ Турціи,—упомянуты въ договорѣ, и ихъ окончательное разрѣшеніе предоставлено соглашенію между императорскимъ правительствомъ, Портою и княжествомъ. Если бы мы не приняли подобной предосторожности, новыя замѣшательства неминуемо возникли бы тотчасъ послѣ заключенія мира.

«Чтобы обезпечить Черногоріи мирное и продолжительное пользованіе преимуществами, выговоренными въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, принявъ, однакоже, во вниманіе то вліяніе, котораго

[1]) Указанія эти должны были служить основаніемъ той инструкціи, которою министерство иностранныхъ дѣлъ снабдило бы нашего делегата въ комиссіи, а также и собесѣдованій нашихъ дипломатовъ съ другими кабинетами. Авт.

такъ горячо добивается вѣнскій кабинетъ, мы допустили нововведеніе—постоянное посредничество въ видѣ третейскаго суда Россіи совмѣстно съ Австро-Венгріею въ тѣхъ случаяхъ, когда Порта и княжество не будутъ въ состояніи прійти непосредственно къ соглашенію въ вопросахъ, касающихся пограничныхъ жителей и укрѣпленій въ обѣихъ странахъ, а равно и вообще при спорахъ и столкновеніяхъ, за исключеніемъ совершенно новыхъ территоріальныхъ притязаній, оговоренныхъ турецкими уполномоченными. Казалось бы, что съ введеніемъ, по нашей доброй волѣ, этого постановленія въ договоръ всякое основательное неудовольствіе Австро-Венгріи могло бы считаться устраненнымъ. Десятидневный срокъ со времени подписанія договора, данный черногорскимъ войскамъ для очищенія мѣстностей, не включенныхъ въ новую границу княжества, не создаетъ затрудненій для послѣдняго. Въ дѣйствительности, двухъ или трехъ дней совершенно достаточно для возвращенія черногорцевъ въ свои границы изъ тѣхъ немногихъ отдѣльныхъ пунктовъ, находящихся въ мѣстности, остающейся за Турціею, тогда какъ три четверти территоріи, отходящей въ пользу Черногоріи,—по новому очертанію границы, опредѣленному договоромъ,—вовсе не заняты были черногорцами, по собственному сознанію князя Николая. Такъ, напримѣръ, крѣпости: Подгорица, Спужъ и Жаблякъ не были взяты черногорцами и даже въ настоящее время находятся во власти турокъ [1]). Было невозможно вытребовать отъ турокъ, чтобы они сразу и одновременно очистили всю эту мѣстность. Чтобы ускорить и облегчить вступленіе черногорцевъ въ крѣпости и занятіе ими всей уступленной имъ мѣстности, русскимъ уполномоченнымъ пришлось прибѣгнуть къ слѣдующей уловкѣ: воспользовавшись медленностью, съ которою турки проводили демаркаціонную линію, опредѣленную перемиріемъ, и сославшись на настоянія и упреки князя Николая, Игнатьевъ предложилъ турецкимъ уполномоченнымъ признать за временную демаркаціонную линію граничную черту, опредѣленную договоромъ, не принимая въ расчетъ положенія воевавшихъ сторонъ при заключеніи перемирія. Если это предложеніе будетъ принято Портою, турецкія войска, находящіяся нынѣ внутри демаркаціонной линіи, со стороны Черногоріи,

---

[1]) Князь Николай чрезъ Іонина обратился къ Игнатьеву, по телеграфу, съ настоятельною просьбою о скорѣйшемъ выводѣ турецкихъ гарнизоновъ, въ особенности изъ Подгорицы, завладѣніемъ которой очень дорожили черногорцы, тогда какъ туркамъ не хотѣлось сдавать эти укрѣпленные пункты. Всѣ многолѣтнія усилія черногорцевъ разбивались объ эти укрѣпленія. Конечная цѣль ихъ борьбы съ турками была всегда обладать этими крѣпостцами, а равно Никшичемъ. Теперь удалось мирнымъ образомъ отнять у турокъ означенныя три крѣпостцы и передать ихъ нашимъ храбрымъ союзникамъ. Турецкимъ уполномоченнымъ было весьма трудно согласиться на это пожертвованіе. Авт.

должны будутъ отступить одновременно съ тѣми черногорцами, которые случайно очутились бы въ турецкой мѣстности, такъ какъ князь Николай отзоветъ свои передовые посты и займетъ новую граничную линію, пріобрѣтенную княжествомъ по договору [1]).

«Сербія. Статья III. По проекту, предъявленному турецкимъ уполномоченнымъ въ Адріанополѣ, новая граница Сербіи достигала рѣки Лима, и оба славянскія княжества были бы пограничными, владѣя всѣми сухопутными сообщеніями между Босніею и Герцеговиною и остальными областями Европейской Турціи. Но непреодолимое сопротивленіе Порты принять предложенную русскими уполномоченными въ пользу Сербіи пограничную черту и категорическій отказъ турокъ уступить сербамъ укрѣпленные пункты Митровицу, Новый-Базаръ, Сенницу и Вышгородъ, стратегическое значеніе которыхъ они подмѣтили и которые были во время санъ-стефанскихъ переговоровъ еще сильно заняты турецкими войсками подъ начальствомъ Хафизъ-паши [2]), вынудили измѣнить первоначальный проектъ и изыскивать такую граничную черту для Сербіи, которая могла бы быть принята турецкими уполномоченными. Остановившись, наконецъ, на той, которая опредѣлена третьей статьею договора, уполномоченные имѣли въ виду слѣдующее:

«1) Дѣлая видъ, что уступаютъ настояніямъ турокъ, опиравшихся главнѣйше на необходимости сохранить сухопутное сообщеніе съ Босніею, Игнатьевъ озаботился доставленіемъ Сербіи стратегическихъ позицій, которыя бы дозволили ей господствовать вполнѣ надъ большою дорогою, проходящею чрезъ Новый-Базаръ въ Сараево, и надъ желѣзною дорогою изъ Митровицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивали бы Сербскому княжеству такое положеніе въ Старой Сербіи, которымъ оно могло бы, при послѣдовательномъ и умѣломъ дѣйствіи, воспользоваться впослѣдствіи для распространенія своего вліянія и значенія [3]).

---

[1]) Предложеніе это было сдѣлано русскими уполномоченными Савфету-пашѣ и принято имъ уже послѣ установленія договорныхъ статей о Черногоріи, когда было удостовѣрено сознаніемъ самихъ черногорцевъ, что они не въ состояніи, безъ новаго кровопролитія и большихъ усилій, овладѣть присоединяемою къ княжеству турецкою территоріею. Въ запискѣ упоминалось объ этомъ обстоятельствѣ съ цѣлью побудить министерство иностранныхъ дѣлъ и главнокомандующаго нашей арміи настойчиво преслѣдовать исполненіе нашего требованія турками. Авт.

[2]) Проявлявшій воинственность Хафизъ-паша ручался Портѣ, что сербы никогда не выбьютъ его изъ занимаемыхъ имъ позицій, и возставалъ, вмѣстѣ съ Мехмедомъ-Али противъ всякой территоріальной уступки Сербіи. Авт.

[3]) По соображеніямъ, подробно изложеннымъ въ «Запискахъ» графа Н.П. Игнатьева, ему пришлось отказаться отъ намѣченной сначала цѣли—довести Сербію и Черногорію до общей между ними границы. При этомъ Турція получала, по Санъ-Стефанскому договору, какъ доступъ къ Босніи, узкую смычку ея разрозненныхъ владѣ-

«2) Необходимо было обезпечить Сербіи достаточное территоріальное вознагражденіе за мѣстность, которая не могла быть къ ней присоединена къ сторонѣ отъ рѣки Лима, и соблюдать по возможности равновѣсіе между ею и Черногоріею, чтобы не доставить пищи для взаимной зависти и раздраженія между двумя сербскими княжествами [1]).

«3) Князь Миланъ просилъ присоединенія къ Сербіи всей Нишской области (санджака) съ казами (уѣздами) Вранье и Трнъ, основываясь на томъ, что много сербовъ, перемѣшанныхъ съ албанцами, живутъ въ этой мѣстности. Надо было принять во вниманіе желаніе сербовъ, но въ то же время мы обязаны были, при созданіи Болгарскаго княжества, оградить его отъ чрезмѣрныхъ притязаній сосѣдей, отстраняя вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ къ немедленной ссорѣ между сербами и болгарами. А потому, не допуская слишкомъ большого развитія сербскихъ вожделѣній, несомнѣнныя ихъ права были удовлетворены выдѣленіемъ въ пользу Сербіи изъ территоріи, опредѣленной для Болгаріи константинопольскою конференціею, слѣдующихъ уѣздовъ (казъ) Нишскаго санджака: Куршумли, Лѣсковацъ и Прокоплье, населенныхъ въ дѣйствительности большинствомъ сербовъ [2]). Въ виду жалобъ, могущихъ быть предъявленными болгарами касательно нынѣшняго разграниченія съ Сербіею, лишающаго ихъ мѣстности, признанной болгарскою на константинопольской конференціи, выговорено участіе болгарскаго делегата въ разграничительной комиссіи, которая будетъ проводить на мѣстѣ граничную черту между двумя княжествами и Турціею [3]).

ній,—нѣчто въ родѣ длиннаго коридора черезъ Ново-Базарскій санджакъ. Эту смычку значительно расширилъ затѣмъ Берлинскій трактатъ, такъ что Сербія и Черногорія остались широко разъединенными еще на цѣлыя тридцать пять лѣтъ. Смежности ихъ владѣній онѣ добились только въ 1913 году. А. Б.

[1]) Одною изъ главныхъ заботъ Игнатьева было не давать повода къ ссорамъ и территоріальнымъ распрямъ между черногорцами, сербами и болгарами, которыхъ онъ всегда стремился сблизить въ братскій союзъ, вопреки стараніямъ Австро-Венгріи ихъ перессорить другъ съ другомъ, съ цѣлью ослабить славянъ на Балканскомъ полуостровѣ и легче ихъ эксплоатировать. Этнографическіе сложные пограничные вопросы Игнатьевъ предполагалъ разрѣшить впослѣдствіи, какъ дѣло домашнее, при дружественномъ посредничествѣ благорасположенной Россіи. Авт.

[2]) При заключеніи Санъ-Стефанскаго договора можно было скорѣе предположить, что болгары будутъ протестовать противъ передачи сербамъ четырехъ казъ или довольно значительной территоріи изъ Болгаріи, предположенной константинопольскою конференціею, чѣмъ допустить мысль, что на Берлинскомъ конгрессѣ станутъ отнимать у болгаръ другія еще мѣстности для кажущейся пользы Сербіи, но въ сущности чтобы стравить сербовъ съ болгарами въ пользу австро-венгерской политики. Авт.

[3]) Вся территорія бывшаго Нишскаго санджака, состоявшаго изъ восьми казъ (Куршумле, Прокоплье, Нишъ, Топольница, Пиротъ, Лѣсковацъ, Трнъ и Враньа), была причислена къ будущей Болгаріи по предположенію константинопольской конференціи 1876—77 гг. (См. приложеніе лит. А. къ протоколу конференціи подъ № 1). Санъ-Стефанскій же договоръ отчислилъ въ пользу Сербіи четыре казы: Куршумле, Прокоплье, Нишъ и Лѣсковацъ. Вслѣдъ за тѣмъ Берлинскій трактатъ расши-

«4) Нынѣшнее увеличеніе Сербіи не должно вызвать возраженій со стороны вѣнскаго кабинета, такъ какъ расширеніе территоріи княжества произошло на счетъ Болгаріи, а не Босніи и Герцеговины, какъ нами предполагалось прежде. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ предлогъ, выставляемый графомъ Андраши для занятія Босніи и Герцеговины, такъ какъ онъ основывался на утвержденіи, что, лишенныя сухопутнаго сообщенія съ Константинополемъ, эти двѣ области силою обстоятельствъ должны быть отторгнуты отъ Турціи, а допустить ихъ присоединеніе къ Сербіи Австро-Венгрія ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

«5) Очищеніе отъ турецкаго гарнизона и срытіе укрѣпленій Аде-Кале опредѣлены договоромъ, и турки уже приводятъ условіе это въ исполненіе, не ожидая разрѣшенія вопроса о владѣніи этимъ островомъ [1]). Такое упущеніе сдѣлано нами умышленно, чтобы мы имѣли

рилъ права Сербіи, присудивъ ей, сверхъ указанныхъ казъ, еще Топольницу, Пиротъ и на югѣ Вранью. Такимъ образомъ, изъ всего бывшаго Нишскаго санджака Болгарія получила только одну казу—Трнъ. (Для уразумѣнія прежнихъ дѣленій бывшихъ вилайетовъ и санджаковъ турецкихъ см. прекрасную карту, озаглавленную: «Die neueste Eintheilung, die türkischen Gebiete und die Confessionen in der Türkei», приложенную къ статьѣ Stein «Die Vorgänge in der Türkei in ihrer ethnographischen und geschichtlichen Begründung»—въ географическомъ журналѣ «Mittheilungen» von D-r A. Petermann, 1876 г., вып. VII; Gotha, Justus Perthes.

Означенныя колебанія въ опредѣленіи политическихъ границъ между Сербіею и Болгаріею имѣли свое основаніе въ существовавшемъ тогда спорѣ относительно племенного состава населенія въ указанныхъ мѣстностяхъ. Сербы утверждали, что весь Нишскій санджакъ былъ заселенъ сербами, и продолжали въ послѣдующіе годы указывать на сербскій характеръ жителей Трнскаго округа въ Болгаріи. Нерѣдко споръ заходилъ дальше и заходила, съ ихъ стороны, рѣчь о сербскомъ происхожденіи шоповъ (жителей Софійской равнины). Съ болгарской же стороны проводился тотъ взглядъ, что населеніе Пирота, Ниша, Лѣсковаца и Враньи принадлежитъ къ болгарскому племени. Этотъ взглядъ выраженъ даже въ новѣйшей этнографической картѣ славянскаго разселенія, изданной въ Софіи, подъ названіемъ: «Етнографска карта на славянството въ Европа» (Издава Славянска Бесѣда въ София; 1908 г.). Наиболѣе авторитетныя заключенія Т. Д. Флоринскаго не подтверждаютъ этихъ взаимныхъ сербско-болгарскихъ претензій и въ своей «Этнографической картѣ западнаго славянства и Западной Руси», изданной въ 1911 году (въ Кіевѣ) петроградскимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ, профессоръ Т. Д. Флоринскій не отмѣчаетъ никакихъ болгарскихъ этническихъ острововъ въ Сербіи, ни сербскихъ острововъ въ Болгаріи; изъ чего слѣдуетъ заключить, что если такія чрезполосныя группы и могли нѣкоторое время просуществовать, то со временемъ онѣ растворились въ окружающемъ ихъ большинствѣ, въ условіяхъ новѣйшей государственной и національной жизни.

Въ настоящее время этотъ заглохшій споръ слѣдуетъ считать лишеннымъ всякаго политическаго значенія. А. Б.

[1]) Въ переговорахъ съ нами и при заключеніи секретной конвенціи между графомъ Андраши и Новиковымъ, въ январѣ 1877 г., Австро-Венгрія выговорила себѣ присоединеніе Аде-Кале. Но при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора мы обязаны были умалчивать объ этомъ, чтобы не обнаружить существованія предварительнаго дѣлежа турецкой территоріи, условленнаго между нами и Австро-Венгріею. Авт.

возможность уступить островъ Австро-Венгріи, если это будетъ признано необходимымъ [1]).

«6) Давнишній споръ Турціи съ Сербіею о владѣніи Малымъ Зворникомъ и Сакаромъ [2]) окончательно рѣшенъ нашимъ договоромъ въ пользу Сербіи, равно какъ и принадлежность острововъ на рѣкѣ Дринѣ, такъ какъ отнынѣ русло (тальвегъ) будетъ служить границею между Босніею и Сербіею [3]).

«Статья IV. Предвидя тѣ затрудненія, которыя могутъ возникнуть между Сербіею и Турціею по вопросу недвижимой собственности мусульманъ въ предѣлахъ мѣстности, отходящей къ княжеству отъ Турціи, равно какъ и государственныхъ земель Турціи и вакуфныхъ, разрѣшеніе вопросовъ этихъ предоставлено спеціальной смѣшанной комиссіи. Опредѣлено, что непосредственная конвенція между Турціею и Сербіею установитъ форму и значеніе будущихъ сношеній между нами, а равно и размѣнъ военноплѣнныхъ, на правахъ совершеннаго равенства. Измѣненія въ положеніи сербскихъ подданныхъ въ Турціи, вытекающія изъ признанія независимости княжества, предусмотрѣны договоромъ и для временнаго огражденія частныхъ интересовъ сербовъ оговорено,

---

[1]) Игнатьевъ напоминалъ въ запискѣ канцлеру, что Аде-Кале уступленъ турками не кому другому, какъ Россіи, а потому, если Австро-Венгрія дорожитъ положеніемъ этого дунайскаго острова, мы можемъ его ей передать, но не иначе, какъ за вознагражденіе. Безпечность министерства иностранныхъ дѣлъ и постоянная уклончивость предъ графомъ Андраши имѣли результатомъ, что въ Вѣнѣ, какъ только фактъ очищенія крѣпостцы турками совершился, не обратили никакого вниманія на нашу услугу и распорядились помимо насъ занятіемъ этого нашего пріобрѣтенія, присоединивъ островъ къ Венгріи, какъ нѣчто достодолжное. Авт.

[2]) Зворникъ находится на лѣвомъ берегу р. Дрины (въ Босніи), а Малый-Зворникъ и Сакаръ—на правомъ берегу р. Дрины (т. е. въ Сербіи). А. Б.

[3]) Приращенія территоріи и населенія Черногоріи и Сербіи, а также размѣръ Болгаріи, по Санъ-Стефанскому договору, заключались въ слѣдующихъ цифрахъ:

Наименованіе страны.	Поверхность въ геогр. ☐ миляхъ.		Населеніе.	
	Прежде.	По Санъ-Стеф. дог.	Прежде.	По Санъ-Стеф. дог.
1) Черногорія	78	170	170.000 д.	143.000 д.
2) Сербія	783	154	1.366.923 д.	226.000 д.
3) Болгарія	—	3091	—	4.118.000 д.

(См. статью E. Behm: «Die Umgestaltung der politisch-geographischen Verhältnisse auf der Balkan-Halbinsel»—въ журналѣ «Petermann's Mittheilungen» 1878 г., вып. V). А. Б.

что къ нимъ будутъ примѣнены общія начала международнаго права [1]).

«Румынія. Статья V. Невозможно было и не соотвѣтствовало бы нашимъ интересамъ удовлетворить вполнѣ всѣ притязанія румынскаго правительства. Дѣйствительно, румыны заявили, съ одной стороны, требованіе непосредственно вести переговоры съ турками и съ трудомъ признавали обязательными для себя результаты нашихъ переговоровъ съ Портою, а съ другой стороны домогались значительнаго денежнаго вознагражденія, которое они хотѣли сполна получить чрезъ наше посредство, прежде выхода румынскихъ войскъ изъ крѣпостей: Виддина, Рахова, Никополя и Ломъ-Паланки, гдѣ оныя были оставлены главнокомандующимъ при нашемъ наступленіи за Балканы. Предавъ забвенію недружелюбное положеніе, принятое Румыніею въ бессарабскомъ вопросѣ, и тѣ справедливые и многочисленные упреки, которые мы имѣли основаніе имъ предъявить, мы вытребовали отъ Порты признаніе независимости княжества, преимущества въ пользу румынскихъ подданныхъ въ Турціи, срытіе всѣхъ дунайскихъ крѣпостей и запрещеніе турецкимъ военнымъ судамъ появляться въ водахъ Румыніи [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ мы обязали Порту непосредственно вести переговоры съ княжествомъ для заключенія договора и для разрѣшенія вопроса о военноплѣнныхъ. Наконецъ, мы выговорили Румыніи право требовать денежное вознагражденіе, размѣръ и условія котораго должны быть опредѣлены соглашеніемъ между двумя сторонами. Это преимущество какъ разъ соотвѣтствовало тому, что было требовано румынами въ вознагражденіе содѣйствія, оказаннаго ими намъ во время войны. Способъ уплаты и размѣръ контрибуціи не могли быть установлены нами, разъ что мы предоставили, согласно желанію Румыніи, разрѣшеніе этого вопроса непосредственному соглашенію между нею и Портою. Предвидѣть можно, что турки, покончивъ соглашеніе съ нами, отнесутся пренебрежительно къ домогательствамъ румынъ и что эти послѣдніе, для достиженія благопріятнаго результата, вынуждены будутъ прибѣгнуть къ нашему содѣйствію [3]), тѣмъ болѣе, что, судя по заявленію турецкихъ уполномоченныхъ объ имуще-

---

[1]) Т. е. что сербы будутъ пользоваться тѣми же правами, какъ и подданные другихъ иностранныхъ державъ, у которыхъ нѣтъ особыхъ договоровъ (капитуляцій) съ Портою, и не подвергнутся болѣе послѣдствіямъ вассальныхъ отношеній между княжествомъ и султаномъ. Авт.

[2]) Передъ войною эти именно требованія выставлялись румынами, какъ выраженіе желаній ихъ и какъ условія обезпеченія безопасности княжества на будущее время. Авт.

[3]) Министерству иностранныхъ дѣлъ подсказывались въ запискѣ Игнатьева доводы для будущихъ объясненій съ румынами и указывался путь для попытки привести Румынію къ лучшему настроенію проявленіемъ пользы не отворачиваться отъ Россіи. Авт.

ствахъ святыхъ мѣстъ, Порта намѣревается противопоставить требованіямъ княжества права греческаго духовенства на денежное вознагражденіе. Румыны должны сами на себя пенять за то неблагопріятное для нихъ направленіе, которое, вѣроятно, примутъ ихъ переговоры съ Портою, если не будетъ имъ оказана поддержка державъ.

«Въ послѣднюю минуту оттоманскіе уполномоченные предъявили, несомнѣнно, вслѣдствіе иностранныхъ внушеній, предложеніе нейтрализовать Румынію. Русскіе уполномоченные отказались обсуждать это предложеніе, и имъ удалось измѣнить воззрѣнія турокъ объясненіемъ, что такъ какъ Румынія сравнена нынѣ въ положеніи съ Сербіею и Черногоріею, то, признавая за первою нейтралитетъ, придется примѣнить тотъ же принципъ ко всѣмъ тремъ княжествамъ одинаково, потому что нѣтъ достаточной причины дѣлать исключеніе для одной Румыніи. Объявленіе княжества нейтральнымъ не помѣшаетъ имъ—какъ воображала Порта—содержать войска и развивать свои военныя средства въ видахъ оборонительныхъ (въ подтвержденіе сего турецкимъ уполномоченнымъ былъ приведенъ примѣръ Бельгіи), но будетъ имѣть единственнымъ результатомъ доставить имъ безотвѣтственность какъ въ отношеніи къ Турціи, такъ и пограничныхъ государствъ и такимъ образомъ создастъ имъ чрезвычайно выгодное и даже болѣе сильное положеніе, нежели то, которое доставилъ имъ Парижскій договоръ. Порта была стѣснена въ сношеніяхъ своихъ съ княжествами положеніемъ, созданнымъ для нихъ въ 1856 году, и на это постоянно жаловалась. Вслѣдствіе сего она стремится покончить съ коллективною гарантіею державъ, которою пользовались княжества, разсчитывая, что, оставшись съ ними въ обычныхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, она будетъ въ состояніи воспользоваться ихъ взаимною завистью и даже свести съ ними старые счеты, не имѣя надобности добиваться, какъ прежде, предварительнаго соглашенія съ гарантирующими державами. Эта задняя мысль оттоманскаго правительства, теряющаго изъ вида, что мы всегда будемъ имѣть возможность, если сочтемъ это нужнымъ, выступить въ защиту православныхъ государствъ, созданныхъ нашимъ договоромъ, должна быть въ виду при окончательномъ установленіи политическаго положенія княжествъ.

Въ вопросѣ низовья Дуная (дельты) уполномоченные признали необходимымъ уклониться отъ министерскихъ инструкцій, выговоривъ, вмѣсто уступки этой мѣстности прямо Румыніи, присоединеніе оной къ Россіи, съ предоставленіемъ лишь намъ права передачи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми частями Тульчинскаго санджака, Румыніи. Такую предосторожность уполномоченные считали совершенно необходимою въ виду неблагопріятнаго расположенія, проявленнаго къ Россіи румынскимъ правительствомъ, и чтобы лишить послѣднее возможности, по вступленіи во владѣніе остро-

вами и дельтою Дуная, отказать намъ въ возвратѣ части Бессарабіи, отдѣленной отъ Россіи въ 1856 году.

«Обмѣнъ территорій съ Румыніею требуетъ особенныхъ непосредственныхъ переговоровъ[1]). Окончательное соглашеніе по этому вопросу съ Румыніею должно быть, во всякомъ случаѣ, отложено до завершенія засѣданій европейскаго конгресса для того, чтобы, въ случаѣ признанія державами вопреки нашей оппозиціи, нейтралитета Румыніи, не допустить распространенія онаго внѣ нынѣшнихъ предѣловъ княжества на дельту Дунайскую и Добруджу. Эта послѣдняя область должна остаться доступною для нашей арміи на случай, если бы послѣ прекращенія выговореннаго въ договорѣ занятія Болгаріи нашими войсками обстоятельства потребовали бы ихъ возвращенія въ Болгарію [2]). Въ конвенціи съ Румыніею необходимо ясно и опредѣленно, для предупрежденія будущихъ притязаній, оговорить, что румынское правительство, объявившее войну Турціи, не имѣетъ права предъявлять какихъ-либо денежныхъ требованій Россіи, а, согласуясь съ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, должно вступить съ Портою въ непосредственные переговоры, стараясь получить отъ нея денежное вознагражденіе за потери, понесенныя въ продолженіе войны.

«Болгарія. Статья VI. Всего важнѣе въ настоящее время, чтобы проведеніе на мѣстѣ границъ княжества было произведено безотлагательно и какъ можно поспѣшнѣе. Нашъ комиссаръ по разграниченію [3]) долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи нѣ-

---

[1]) По первоначальному проекту договора, служившему инструкціею уполномоченнымъ, дельта отдавалась Румыніи взамѣнъ Бессарабскаго участка. Игнатьевъ избѣгнулъ рѣшенія этого вопроса въ Санъ-Стефано, предоставивъ императорскому правительству право или оставить низовье Дуная за собою, какъ территоріальное вознагражденіе, замѣнившее часть обязательной денежной уплаты Турціи, или же договориться съ Румыніей о переуступкѣ ей отчужденной Портою мѣстности на опредѣленныхъ условіяхъ. Авт.

[2]) Не теряя изъ виду необходимости обезпечить русскимъ войскамъ доступъ въ Болгарію, Игнатьевъ былъ озабоченъ мыслью, что если нельзя будетъ избѣгнуть отдачи Добруджи Румыніи, то слѣдуетъ согласиться на передачу этой области не иначе, какъ на особыхъ условіяхъ которыя Россія выговоритъ въ свою пользу прежде, нежели совершитъ уступку мѣстности, присоединенной къ Россіи взамѣнъ уплаты извѣстной суммы контрибуціи. Министерство иностранныхъ дѣлъ, равно какъ и уполномоченные наши на Берлинскомъ конгрессѣ пренебрегли предостереженіями Игнатьева. Задача и занятія министерства иностранныхъ дѣлъ были упрощены тѣмъ, что не было сдѣлано попытки заключить особый договоръ съ Румыніею, а предоставлено Берлинскому конгрессу распорядиться, сообразно желаніямъ Англіи и Австро-Венгріи, всѣми пріобрѣтеніями Россіи, достигнутыми въ Санъ-Стефано. Авт.

[2]) Начавшись въ мартѣ, оно должно было окончиться въ іюнѣ. Быстрота осуществленія разграниченія была единственнымъ залогомъ достиженія цѣли и предупредила бы плачевные результаты Берлинскаго конгресса. Игнатьевъ настаивалъ, чтобы къ разграниченію было приступлено тотчасъ послѣ ратификаціи султана (24-го февраля) и чтобы Скобелевъ, со ввѣреннымъ ему корпусомъ, безотлагательно занялъ ту часть болгарской территоріи (Македонію), которая находилась внѣ демаркаціонной линіи

сколько офицеровъ генеральнаго штаба и топографовъ, равно какъ и нѣсколько чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, чтобы быть въ состояніи раздѣлить труды разграниченія между тремя подкомиссіями, которыя тотчасъ приступили бы къ работѣ: одна между Чернымъ моремъ и Родопскими горами, другая по направленію къ Салоникамъ и третья на западной границѣ княжества. Безъ этихъ мѣропріятій невозможно ожидать, чтобы окончательное разграниченіе могло быть произведено на такомъ большомъ протяженіи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, какъ было бы желательно для успѣшнаго разрѣшенія вопроса. А между тѣмъ совершенно необходимо, чтобы разграниченіе не затянулось бы на долгое время, потому что всякая проволочка будетъ лишь способствовать успѣшному развитію иностранныхъ интригъ, которыя постараются воспользоваться предубѣжденіями грековъ, албанцевъ и куцо-влаховъ [1]) противъ болгаръ. Надо будетъ въ особенности оградить граничную черту Болгаріи отъ такихъ измѣненій, которыя удалили бы княжество отъ моря, а именно отъ бухты Кавалы, залива Орфано, устьевъ рѣки Карасу и въ особенности рѣки Струмы,—куда, несомнѣнно, должна быть проведена впослѣдствіи желѣзная дорога, которая доставитъ болгарской Македоніи сообщеніе съ моремъ и наконецъ отъ устьевъ рѣки Вардара и части Салоникскаго за-

перемирія. Въ должность главнаго пограничнаго комиссара Игнатьевъ предложилъ князя Имеретинскаго, который затѣмъ предпочелъ выступить орудіемъ константинопольской интриги противъ Игнатьева, разсчитывая быть его замѣстителемъ въ Константинополѣ, въ качествѣ посла. Главнокомандующій далъ ему порученіе въ апрѣлѣ пріѣхать въ Петербургъ и заявить государю, что возвращеніе Игнатьева въ Константинополь невозможно, что и имѣло послѣдствіемъ назначеніе князя Лобанова посломъ въ Турцію. Авт.

[1]) Куцо-влахами называется племя, родственное молдаванамъ и валахамъ Румынскаго королевства; это племя разсѣяно почти по всему Балканскому полуострову, не образуя нигдѣ компактнаго большинства и нигдѣ не имѣя возможности претендовать на территоріальное обладаніе. Большая часть куцо-влаховъ (или цинцаръ) занимается скотоводствомъ въ горахъ и стоитъ на низкой степени культуры. Есть и городской элементъ, большею частью мелкіе лавочники, содержатели постоялыхъ дворовъ и харчевенъ. Въ послѣднее время куцо-влахи стали стремиться къ національному самосознанію, пользуясь поддержкою изъ Румынскаго королевства. А. Б.

[2]) Береговая линія на Эгейскомъ морѣ, предназначавшаяся для Болгаріи, по Санъ-Стефанскому договору, была слѣдующая:

а) на сѣверномъ краю Солунскаго залива Болгарія получала берегъ около устьевъ рѣкъ Бистрицы и Вардара; Солунь оставался турецкимъ портомъ;

б) по ту сторону Халкидонскаго полуострова весь морской берегъ—къ сѣверу отъ заливовъ: Орфанскаго, Кавалы и Порто-Лагосъ.

По Берлинскому же трактату Болгарія была вовсе лишена всякаго доступа къ Эгейскому морю.

Наконецъ, по Бухарестскому договору 1913 года, она получила небольшую береговую полосу, съ двумя портами: Порто-Лагосъ и Дедеагачъ.

Для оцѣнки того, какое значеніе имѣли предвидѣнія графа Н. П. Игнатьева относительно будущихъ желѣзнодорожныхъ линій, связывающихъ Болгарію съ эгейски-

лива, уступаемаго по договору новому княжеству [1]). Болгарскіе порты на Черномъ морѣ: Варна, Бургасъ и Сизополь, равно какъ и эгейскіе порты княжества и гавани, уступленныя Черногоріи на Адріатическомъ морѣ, сверхъ своего коммерческаго значенія, какъ вывозные порты ближайшихъ областей, имѣютъ для насъ особенное значеніе, какъ будущія станціи русскаго флота, который для своего развитія нуждается въ складочныхъ пунктахъ по близости къ проливамъ и въ водахъ Средиземнаго моря.

«Такъ какъ значительное пространство территоріи, входящей въ составъ Болгарскаго княжества, не было занято нашими войсками и находится внѣ демаркаціонной линіи [2]), проведенной при заклю-

ми портами, слѣдуетъ въ точности имѣть въ виду картину тогдашней и нынѣшней желѣзнодорожной сѣти на Балканскомъ полуостровѣ. Нынѣ существуетъ береговая линія изъ Константинополя въ Солунь, а оттуда черезъ Водену на Битоль. Тогда же не было другихъ линій, кромѣ желѣзной дороги Солунь—Митровица и Константинополь—Филиппополь—Сарамбей (не доходившей до Софіи). А. Б.

[1]) Граничная черта, выговоренная для Болгаріи, измѣнила весьма мало общее пространство, признанное Болгаріею и всею Европою на константинопольской конференціи. По четыре казы изъ общей площади—Нишъ, Прокоплье, Куршумлье и Лѣсковацъ были выдѣлены въ пользу Сербіи, а десять казъ (уѣздовъ) уступлены Россіи въ Добруджѣ, взамѣнъ денежной контрибуціи: Кимя, Бабадагъ, Махмудіе, Сулина, Исакча, Тульча, Мачинъ, Гирсова, Кюстендже и Меджидіе. Взамѣнъ этихъ десяти казъ вновь присоединены въ Болгаріи тринадцать казъ—Горча, Енидже—Вардаръ, Дойранъ, Кукушъ, Демиръ-Хиссаръ, Сересъ, Зихнэ, Кавала, Баба-Эски, Виларъ-Хиссаръ, Люле-Бургасъ и часть казъ Адріанопольской, Мидіи (близъ Чернаго моря), Старово и частичка казъ Водена и Эгри-Буджакъ, какъ заселенные болгарскимъ большинствомъ. Авт.

[2]) Относительно перечисленныхъ здѣсь «казъ», присоединенныхъ къ Болгаріи по Санъ-Стефанскому договору, но не имѣвшихся въ виду, по предположеніямъ конференціи 1876 года, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія о нихъ свѣдѣнія топографическаго и этнографическаго характера:

а) «Горча» есть албанское названіе мѣстечка «Корицы», къ юго-западу отъ Преспанскаго озера, на этнографической границѣ между албанцами и болгарами. Она по новому разграниченію 1913 года причислена къ Албаніи.

б) «Енидже-Вардаръ», на дорогѣ между Воденой и Солунемъ, въ районѣ этнографической границы между болгарами и греками; нынѣ присоединенъ къ Греціи.

в) «Дойранъ» на лѣвомъ берегу рѣки Вардара, въ полосѣ смѣшаннаго турецко-болгарскаго населенія. Послѣдне установленная греко-сербская граница проходитъ какъ разъ черезъ середину Дойранскаго озера. Городъ Дойранъ принадлежитъ Сербіи.

г) «Кукушъ» (онъ же Калкичъ) къ югу отъ Дойрана, стало быть—нынѣ принадлежитъ Греціи.

д) «Демиръ-Хиссаръ» (—«желѣзная твердыня»)—находится на рѣкѣ Струмѣ, между Сересомъ и Мельникомъ; нынѣ—на желѣзной дорогѣ Константинополь—Солунь и принадлежитъ Греціи. Населеніе здѣсь смѣшанное — турецко-болгарское (по крайней мѣрѣ до войны 1913 г.).

е) «Сересъ»—къ востоку отъ предыдущаго мѣстечка, на той же желѣзной дорогѣ; имѣетъ смѣшанное греко-болгарско-турецкое населеніе и принадлежитъ теперь Греціи.

ж) «Зихнэ» (между Сересомъ и Кавалой).

з) «Кавала»—портовый городъ, противъ острова Тасо. Жители въ его окрестностяхъ греки и турки.

ченіи перемирія [1]), необходимо, тотчасъ послѣ размѣна ратификацій договора отправить гражданскаго комиссара [2]) и войска, съ порученіемъ занять всю эту мѣстность, водворить порядокъ и безопасность и ввести новое управленіе. Распоряженія по этому предмету уже были сдѣланы въ главной квартирѣ [3]).

«Статья VII. Противно своему нерасположенію допустить выборъ иностранныхъ принцевъ въ своихъ вассальныхъ княжествахъ, Порта вынуждена была допустить это преимущество въ Болгаріи и удовольствовалась введеніемъ ограниченія, направленнаго къ тому, чтобы никто изъ членовъ царствующихъ домовъ великихъ

н) «Баба-Эски»—во Ѳракіи, на Константинопольско-Адріанопольской желѣзной дорогѣ—у ея развѣтвленія на Киркъ-Килиссе (Лозенградъ); сейчасъ принадлежитъ Турціи.

і) «Биларъ-Хиссаръ», вѣроятно, тождественный съ «Бунаръ-Хиссаромъ», между Лозенградомъ и Визой, во Ѳракіи.

к) «Люле-Бургасъ»—нынѣ всемірно извѣстный городокъ, вслѣдствіе побѣды, одержанной здѣсь Радко Дмитріевымъ надъ турками 16-го октября 1912 года.

л) «Старово» (или «Поградецъ»)—селеніе на юго-западномъ берегу Охридскаго озера, въ мѣстности, нынѣ исключительно населенной албанцами.

м) «Водена»—городъ съ преимущественно болгарскимъ населеніемъ, расположенный къ востоку отъ озера «Острово», на станціи Солунь-Битольской желѣзной дороги. Въ Воденскомъ округѣ населеніе съ примѣсью грековъ и турокъ. Нынѣ этотъ округъ принадлежитъ Греціи.

н) «Эгри-Буджакъ» есть названіе горной мѣстности между «Кайларомъ» и «Кожанами», къ юго-востоку отъ Костурскаго озера, въ крайне-южной части славянской Македоніи. Здѣсь преобладаетъ турецкій элементъ, съ меньшинствомъ болгаръ. Мѣстность эта нынѣ принадлежитъ Греціи.

(Источники: 1) «Этнографія и статистика Македоніи» Василія Кынчева (по-болгарски) Софія, 1910 г.—2) Коллекція картъ, изданныхъ македонской организаціей въ 1903 г., со статистикой населенія въ таблицахъ. Изъ нихъ: а) вилайеты Коссовскій, Солунскій и Битольскій въ масштабѣ 1:250.000; б) Адріанопольскій—въ масштабѣ 1:450.000.—3) Сербская карта новыхъ границъ, составленная полковникомъ Бошковичемъ (изд. въ Бѣлградѣ въ 1913 г., въ масштабѣ 1:1.000.000). А. Б.

[1]) Это доказываетъ, что Игнатьеву удалось въ Санъ-Стефано истребовать отъ турокъ гораздо болѣе, нежели предполагалось въ главной квартирѣ при опредѣленіи демаркаціонной линіи. Авт.

[2]) Т. е. Хитрово. Редакція этой записки, поданной Игнатьевымъ канцлеру, доказываетъ, что онъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Санъ-Стефано, считалъ это дѣло рѣшеннымъ безповоротно главнокомандующимъ и не допускалъ мысли, что сдѣланныя распоряженія будутъ отмѣнены произвольно. Уѣзжая съ Босфора съ Реуфомъ-пашою, Игнатьевъ былъ убѣжденъ, что распоряженія главнокомандующаго относительно отправленія Хитрово съ прокламаціями и Скобелева съ войсками, сдѣланныя въ бытность его въ Санъ-Стефано, будутъ выполнены. Авт.

[3]) 4-го марта состоялся размѣнъ ратификацій въ Петербургѣ. Игнатьевъ разсчитывалъ, что разграничительныя комиссіи могутъ быть на мѣстахъ и начать свою работу въ половинѣ марта, окончивъ проведеніе граничной черты на мѣстѣ до съѣзда Берлинскаго конгресса, который бы тогда утратилъ вредное для насъ значеніе. Вотъ почему иностранные дипломаты и агенты старались сбить съ толку главную квартиру, бездѣйствовавшую въ ожиданіи настояній министерства иностранныхъ дѣлъ, которое безмолвствовало, преклоняясь предъ «приговоромъ Европы». Авт.

европейскихъ державъ не могъ быть избранъ княземъ болгарскимъ. Болгары естественно надѣялись поставить себѣ во главу одного изъ членовъ императорской россійской фамиліи. Узнавъ о введенномъ въ договоръ ограниченіи, они стали допрашивать въ Санъ-Стефано уполномоченныхъ: могутъ ли, при избраніи, подать голоса за принца Александра Петровича Ольденбургскаго или за герцога Евгенія Лейхтенбергскаго. Казалось бы полезнымъ, чтобы императорское правительство заблаговременно остановилось на выборѣ кандидата, съ тѣмъ, чтобы нашъ комиссаръ въ Болгаріи могъ подготовить умы и, когда наступитъ время избранія, направить выборъ собранія на то лицо, которое будетъ указано государемъ императоромъ. Первоначально русскіе уполномоченные намѣревались оговорить въ договорѣ право наслѣдованія для избраннаго князя. Но, удостовѣрившись въ глубокомъ отвращеніи турокъ, они воздержались разрѣшить этотъ вопросъ, усматривая, что онъ, собственно, можетъ быть опредѣленъ въ органическомъ уставѣ [1]) княжества, какъ вопросъ внутренній. Но они, естественно, отвергли требованіе турокъ, чтобы при каждомъ новомъ избраніи князя населеніемъ онъ подвергался утвержденію Порты. Умышленно оговорено, для утвержденія общаго руководящаго правила указаніемъ на исключеніе, что только въ случаѣ вакансіи княжескаго достоинства въ Болгаріи будутъ происходить новые выборы князя. Такой случай не можетъ представиться, очевидно, когда у князя будетъ прямой и законный наслѣдникъ и когда основные законы края опредѣлятъ наслѣдованіе княжеской семьи.

«Созваніе собранія болгарскихъ выборныхъ можетъ состояться лишь послѣ введенія правильнаго управленія во всѣхъ уѣздахъ (казахъ), долженствующихъ войти въ составъ княжества, а именно послѣ образованія мѣстныхъ административныхъ совѣтовъ и, по возможности, послѣ возвращенія на родину политическихъ изгнанниковъ, упомянутыхъ въ 17 статьѣ договора и которые составляютъ самый образованный, дѣятельный и вліятельный элементъ въ болгарскомъ народѣ. Императорскій комиссаръ долженъ будетъ, по всей вѣроятности, начать съ того, чтобы созвать всѣхъ предсѣда-

---

[1]) Знакомый съ дѣйствительными нуждами создаваемаго государства и съ умственными силами, которыми оно будетъ обладать, подготовляя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ народное возрожденіе Болгаріи, Игнатьевъ далекъ былъ отъ мысли, что народу, вышедшему только что изъ-подъ двойного ига—турецкаго и греческаго, будетъ внезапно, сразу, дана конституція самаго либеральнаго и разнузданнаго свойства. Онъ признавалъ необходимымъ лишь дарованіе Россіею органическаго устава (статута) съ тѣмъ, чтобы окончательная форма правленія была выработана исподоволь самими болгарами къ концу русской оккупаціи. Если бы послѣдовали этому мнѣнію, Болгарія не была бы разорена и растерзана партіями, политиканами и иностранными интригами. Вліяніе Россіи на самостоятельное развитіе Болгаріи не было бы утрачено.

Авт.

телей административныхъ совѣтовъ [1]), чтобы сговориться съ ними относительно избранія именитыхъ представителей и подготовленія работъ учредительнаго собранія. Но не слѣдуетъ допускать слишкомъ продолжительнаго временнаго положенія въ Болгаріи продленіемъ подготовительныхъ работъ, чтобы не дать повода предположить, что мы желаемъ сохранить въ странѣ русское управленіе. Выставляя желаніе наше покончить скорѣе съ нашею задачею въ Болгаріи, мы должны торопить Порту даровать какъ можно скорѣе свободу и способствовать возвращенію на родину бывшаго экзарха Анѳима, членовъ болгарскаго духовенства и всѣхъ значительныхъ людей; содержащихся въ тюрьмахъ или находящихся въ ссылкѣ въ различныхъ частяхъ Азіатской Турціи.

«Турецкіе уполномоченные настаивали на томъ, чтобы совмѣстно съ русскими уполномоченными начертать основанія «Органическаго устава», который былъ бы рекомендованъ обѣими державами будущему учредительному болгарскому собранію или по крайней мѣрѣ, чтобы послѣднее было обязано представить тотъ уставъ, который будетъ имъ составленъ, на одобреніе Порты, съ предоставленіемъ ей права ввести, по ея усмотрѣнію, «тѣ измѣненія, которыя будутъ признаны необходимыми». Русскіе уполномоченные отвергли и то, и другое предложеніе, но, принявъ во вниманіе неоспоримыя права Порты, какъ представительницы верховной власти Турецкой имперіи, они допустили присутствіе оттоманскаго комиссара въ засѣданіяхъ собранія, которое будетъ работать подъ надзоромъ русскаго комиссара. Очевидно, что положеніе турецкаго представителя будетъ очень принижено въ сравненіи съ императорскимъ комиссаромъ, опирающимся на симпатіи освобожденнаго болгарскаго народа и на значительныя военныя силы. Малѣйшая попытка вмѣшательства турецкаго комиссара, несомнѣнно, встрѣчена будетъ враждебно. Съ тактомъ и нѣкоторою ловкостью императорскому комиссару будетъ легко низвести къ простой формальности присутствіе турецкаго комиссара, за которымъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ учредить наблюденіе, чтобы лишить его возможности произвести неблагопріятное давленіе на рѣшенія собранія въ случаѣ, если, паче чаянія, нашлись бы депутаты, поддающіеся турецкому вліянію. Впрочемъ, упоминаніе въ договорѣ примѣра, установленнаго въ 1830 году въ дунайскихъ

[1]) Опасаясь, чтобы въ Болгаріи не завелось бюрократическое управленіе, т. е. дорого стоящіе, ложные и несвойственные болгарскому народу порядки, тогда какъ населеніе издавна привыкло къ мелкому самоуправленію и съ трудомъ можетъ дать на первое время людей для высшаго управленія страны, Игнатьевъ пытался дать нѣкоторыя указанія касательно лучшаго способа управленія Болгаріею, надѣясь, что министерство иностранныхъ дѣлъ ими воспользуется для составленія разумной инструкціи комиссару, не знавшему вовсе ни свойствъ населенія, ни характера людей, во главѣ которыхъ его случайно поставили. Авт.

княжествахъ, опредѣляетъ совершенно достаточно характеръ дѣятельности и политическое положеніе императорскаго комиссара. Одно изъ самыхъ главныхъ возраженій, возбужденныхъ оттоманскими уполномоченными противъ распространенія на югъ границъ новаго княжества, основывалось на присутствіи на берегахъ Эгейскаго моря и Салоникскаго залива, а также въ окрестностяхъ Битоліи (Монастыря) многочисленнаго смѣшаннаго населенія, состоящаго изъ мусульманъ и албанцевъ, куцо-влаховъ и въ особенности грековъ. Въ виду неопровержимости этого факта и чтобы уменьшить противодѣйствіе упомянутаго населенія, установлено въ его пользу руководящее начало, которое Россія никогда не отвергала на Востокѣ, какъ основанное на точной справедливости и безпристрастіи, а именно опредѣлено, что будутъ приняты въ должное вниманіе права и интересы меньшинства населенія въ выборахъ и при составленіи органическаго устава. Отъ умѣнья и ловкости императорскаго комиссара будетъ зависѣть распредѣленіе значенія и положенія между составными частями этого меньшинства такимъ образомъ, чтобы не слишкомъ ослабить славянскій строй новаго Болгарскаго княжества.

«Статья VIII. Такъ какъ всѣ крѣпости, находящіяся въ Болгаріи, должны быть срыты, то важно, чтобы къ работамъ было безотлагательно приступлено и чтобы существенное было закончено прежде выхода изъ Болгаріи русскихъ войскъ, оставивъ лишь тѣ укрѣпленія, которыя могли бы быть полезными впослѣдствіи для болгарскаго ополченія[1]). Наши военныя власти, равно какъ и новая гражданская администрація въ краѣ должны обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе для возбужденія содѣйствія всего болгарскаго населенія къ скорѣйшему достиженію благодѣтельнаго для него разрушенія. Уже послѣ подписанія договора сераскиріатъ (военное министерство) хлопоталъ передъ главною квартирою о дарованіи облегчительныхъ сроковъ для вывоза артиллеріи, военнаго снаряженія, запасовъ военныхъ и продовольственныхъ, оставшихся въ крѣпостяхъ. Всякое снисхожденіе касательно вывоза военныхъ и продовольственныхъ запасовъ можетъ быть оказано Портѣ при непремѣнномъ условіи, однакоже, чтобы выходъ войскъ и властей оттоманскихъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ былъ ускоренъ[2]). Артиллерія и военные за-

---

[1]) Ничего этого не было исполнено. Авт.

[2]) На основаніи международнаго права и всѣхъ авторитетовъ этой науки, всѣ условія подписаннаго уполномоченными договора становятся обязательными для обѣихъ сторонъ съ минуты ратификаціи правительствами, а еще больше со времени обмѣна ратификацій (Санъ-Стефанскій договоръ былъ ратификованъ султаномъ 27-го февраля, а обмѣнъ ратификацій послѣдовалъ 4-го марта). Слѣдовательно, передача намъ не только дунайскихъ крѣпостей, но Шумлы, Варны и Батума была обязательна для турокъ съ того срока, и командующіе нашими войсками должны были воспользо-

пасы, которые бы въ нихъ временно остались, даже подъ охраною турецкихъ часовыхъ, служили бы намъ дополнительнымъ залогомъ покорности Порты [1]).

«Турецкіе уполномоченные, основываясь на примѣрахъ, установленныхъ въ прежнее время для Сербіи и Румыніи, пытались неоднократно ограничить численность болгарскаго ополченія. Русскіе уполномоченные отказались принять ихъ предложенія, сославшись на разстройство и замѣшательство, въ которыя приведена страна, не дозволяющія нынѣ еще опредѣлить численность вооруженной силы, потребной для обезпеченія порядка, безопасности и благоустройства, а также и соразмѣрить со средствами населенія военные расходы, которые окажется возможнымъ на него возложить. Положено, что численность ополченія должна быть опредѣлена впослѣдствіи по соглашенію между императорскимъ и турецкимъ правительствами. Допущеніемъ размноженія вопросовъ, въ которыхъ Порта должна будетъ искать нашего добраго расположенія [2]), исключительность положенія Россіи въ устройствѣ болгарскихъ дѣлъ вполнѣ выяснена, но оставлена, однакоже, возможность соглашенія съ кабинетами другихъ державъ.

«Оккупаціонныя русскія войска въ Болгаріи сохраняютъ свои сообщенія съ Россіею по Черному морю и имѣютъ право поль-

---

ваться правомъ ввести въ эти крѣпости русскіе гарнизоны и настоять на точномъ исполненіи договора. А мы, напротивъ, безпечно дозволили туркамъ,—подстрекаемымъ англичанами и австрійцами,—не только не пустить наши войска въ Шумлу, Варну и Батумъ, но даже возводить подъ глазами нашей арміи новыя укрѣпленія. При составленіи статьи объ очищеніи крѣпостей Савфетъ-паша, ссылаясь на телеграфныя ходатайства сераскиріата и начальниковъ войскъ, указывавшихъ на физическую невозможность скоро очистить крѣпости,—просилъ оговорить въ договорѣ, что сдача крѣпостей отсрочивается на двѣ недѣли. Но Игнатьевъ отказалъ туркамъ въ ихъ просьбѣ, указавъ, что крѣпостныя ворота должны быть немедленно открыты для русскаго войска въ крѣпостяхъ, до совершеннаго вывоза вооруженія, который долженъ начаться безотлагательно. Неприлично было бы побѣдителямъ оставаться на бивуакахъ, когда ихъ легко и удобно можно размѣстить въ крѣпостяхъ. Савфетъ и Реуфъ-паши съ этимъ согласились. Такимъ образомъ, отсрочка сдачи не была допущена русскими уполномоченными и вступленіе нашихъ войскъ въ крѣпостныя ограды должно было совершиться 4-го или 5-го марта, по простому требованію нашихъ военныхъ начальниковъ. Непонятно, почему главная квартира объ этомъ не позаботилась. Авт.

[1]) Никакихъ мѣръ, не было принято нашими военными и дипломатическими властями, чтобы ускорить передачу крѣпостей, что было на руку противникамъ нашимъ, такъ какъ безпечность эта отразилась весьма на нашемъ военно-политическомъ положеніи на Балканскомъ полуостровѣ, передъ и во время Берлинскаго конгресса. Крѣпости были заняты нами лишь въ августѣ, т.-е. пятью мѣсяцами позже, нежели предполагалось въ минуту подписанія Санъ-Стефанскаго договора. Авт.

[2]) Этимъ выгоднымъ положеніемъ наши дипломаты не умѣли или не желали воспользоваться и сѣтовали, что въ Санъ-Стефано были оставлены многіе вопросы открытыми, обнаруживши слабость и безпечность министерства иностранныхъ дѣлъ. Авт.

зоваться для сего Варною и Бургасомъ, учреждая въ этихъ пунктахъ нужные имъ склады. Это постановленіе не исключаетъ возможности для насъ оградить эти порты отъ нападенія и обратить ихъ въ опорные пункты войскъ, остающихся въ Болгаріи.

«Варненскія укрѣпленія, безспорно, могли бы намъ пригодиться въ продолженіе занятія русскими войсками Болгаріи.

«Статья IX. Отсутствіе какихъ-либо статистическихъ данныхъ относительно будущихъ доходовъ Болгаріи воспрепятствовало опредѣленію дани, которую Болгарія будетъ платить Турціи; такъ какъ вопросъ этотъ былъ связанъ съ обезпеченіемъ платежей по военной контрибуціи [1]), подробности которой не разрѣшены въ договорѣ, то уполномоченные почли долгомъ отложить опредѣленіе болгарской дани до дальнѣйшаго соглашенія между Россіею, Портою и европейскими кабинетами [2]).

«Было весьма важно не сохранить за оттоманскимъ правительствомъ право вмѣшательства въ финансовое управленіе Болгаріи чрезъ посредство компаніи румынскихъ желѣзныхъ дорогъ (барона Гирша), въ особенности потому, что она преобразилась почти совершенно въ австрійскую и что вообще необходимо разъединить въ этомъ вопросѣ интересы турецкіе съ австро-венгерскими. Эту цѣль преслѣдовали постановленія, содержащіяся въ статьѣ объ обязательствахъ княжества въ отношеніи къ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ черезъ Болгарію.

«Статья X. Уступая, по мѣрѣ возможности, турецкимъ уполномоченнымъ въ ихъ требованіи пропуска турецкихъ войскъ чрезъ Болгарію въ Боснію и обратно, русскіе уполномоченные старались выставить право прохожденія войскъ, какъ исключеніе изъ общаго правила, чтобы яснѣе выразить совершенное исключеніе турецкихъ войскъ изъ предѣловъ княжества. Такъ какъ военный путь сообщенія былъ предоставленъ Турціи для Босніи и Герцеговины, а Албанія и Призренская области должны также сохранить какое-либо сухопутное сообщеніе съ столицею имперіи, то нельзя было отказать туркамъ [3]) въ возможности провозить чрезъ

---

[1]) По мысли Игнатьева предполагалось не уступать ни копейки съ 300 милліоновъ рублей, и Порта должна была дать намъ полное обезпеченіе платежа, включая, между прочимъ, въ гарантію передачу Россіи права получить болгарскую дань. Такимъ образомъ, Болгарія была бы, во всѣхъ отношеніяхъ, поставлена въ независимое положеніе отъ султана, находясь въ то же время въ полной отъ насъ зависимости въ теченіе времени, достаточнаго, чтобы славянская почва на Балканскомъ полуостровѣ окрѣпла и чтобы русское вліяніе не могло быть подорвано Австро-Венгріею. Авт.

[2]) Вслѣдствіе того, что почти всѣ главные источники доходовъ Турціи уже были отданы прежде въ обезпеченіе займовъ и долговъ банкирамъ, поддержаннымъ западными державами. Авт.

[3]) Предоставленіемъ туркамъ военной дороги черезъ Болгарію ослаблялись возраженія противъ присоединенія къ княжеству бывшей части Македоніи. Турки,

Болгарію войска, военные и продовольственные запасы, предназначенные этимъ областямъ, и которые не могли бы туда попасть иначе, какъ по дорогамъ, ведущимъ чрезъ Салоники и Адріанополь, проходящимъ чрезъ княжество. Для предупрежденія, чтобы передвиженіе войскъ не породило какія-либо затрудненія, Болгарія должна, разумѣется, быть достаточно обезпечена. Для этой цѣли опредѣлено, что сообщеніе можетъ производиться лишь по дорогамъ заранѣе опредѣленнымъ и что особенное положеніе установитъ условія пользованія этимъ правомъ и будетъ заключено въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ ратификаціи договора между Портою и болгарскимъ управленіемъ. А такъ какъ въ теченіе этого срока управленіе Болгаріей будетъ въ вѣдѣніи императорскаго комиссара, то отъ послѣдняго будетъ зависѣть обставить вышеупомянутое право турокъ такими ограниченіями, которыя окажутся необходимыми на практикѣ. Наконецъ, безусловно запрещенъ доступъ и прохожденіе чрезъ Болгарію иррегулярнымъ войскамъ, башибузукамъ и черкесамъ. Надо замѣтить, что военное сообщеніе чрезъ Болгарію предоставлено лишь для связи съ областями по ту сторону княжества, а потому, въ случаѣ столкновенія Порты съ Сербіею, Румыніею или Черногоріею, Болгарія имѣетъ право воспретить проходъ турецкихъ войскъ, если бы оныя были предназначены не исключительно въ упомянутыя турецкія области. Это истолкованіе можетъ быть поддержано; было бы полезно при составленіи положенія о военныхъ путяхъ, проходящихъ чрезъ Болгарію, ввести еще болѣе обстоятельныя постановленія по сему предмету.

«С т а т ь я XI. Турецкіе уполномоченные выказали, въ продолженіе всѣхъ переговоровъ, желаніе обезпечить мусульманскому населенію въ Болгаріи преимущества и право пользованія недвижимою собственностью въ предѣлахъ княжества. Въ статьяхъ, вошедшихъ въ договоръ, руководствуясь справедливостью и равномѣрностью въ отношеніи къ мусульманамъ, было, однакоже, приложено стараніе преимущественнно оградить интересы болгаръ, облегчая, по возможности, переходъ недвижимой собственности въ руки христіанъ.

«Европейское общественное мнѣніе можетъ только рукоплескать

поддержанные англичанами, выставляли на видъ, что Стамбулъ будетъ совершенно отрѣзанъ отъ западныхъ областей Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ отстранялся и поводъ, выставляемый Австро-Венгріею для завладѣнія Босніею и Герцеговиною. Графъ Андраши утверждалъ, что созданіемъ «Великой Болгаріи» Боснія и Герцеговина, отдѣленныя отъ остальной части Турціи и лишенныя сухопутнаго сообщенія съ столицею, сдѣлаются неизбѣжно добычею Сербіи и Черногоріи, что противорѣчитъ интересамъ Австро-Венгріи. Чтобы лишить эту аргументацію всякаго основанія, приходилось допустить на нѣкоторое время существованіе неизбѣжнаго турецкаго военнаго пути. А в т.

постановленію, опредѣляющему, что недвижимыя мусульманскія имущества, на которыя въ теченіе двухъ лѣтъ не будетъ предъявлены несомнѣнныя права собственности, будутъ продаваемы съ публичныхъ торговъ въ пользу вдовъ и сиротъ потерпѣвшихъ во время послѣднихъ событій мусульманъ, какъ и христіанъ [1]).

«Успокоивъ Порту, выражавшую опасеніе, что болгары потребуютъ предоставленія имъ, внѣ предѣловъ княжества, сравненія въ правахъ, коими пользуются, на основаніи капитуляцій, иностранные подданные, русскіе уполномоченные провели мысль, что оттоманскіе законы не могутъ имѣть никакого примѣненія въ предѣлахъ Болгаріи, оговоривъ, что лишь въ другихъ частяхъ Турецкой имперіи болгары будутъ имъ слѣдовать. Это постановленіе, впрочемъ, имѣетъ цѣлью понудить болгаръ, обитающихъ внѣ предѣловъ княжества, переселяться и способствовать, такимъ образомъ, уменьшенію тренія, раздоровъ и столкновеній между греками и болгарами въ мѣстностяхъ Ѳракіи и Македоніи, оставшихся внѣ новаго княжества.

«Вообще существенно важно, чтобы въ вопросахъ второстепенныхъ [2]), но въ особенности принципіальныхъ, императорскій комиссаръ никогда не терялъ бы изъ виду необходимости привести ихъ къ практическому разрѣшенію, клонящемуся къ огражденію княжества отъ всякаго вмѣшательства Порты [3]) въ его внутреннія дѣла и къ развитію самостоятельныхъ правъ Болгаріи во всѣхъ подробностяхъ учрежденій, съ цѣлью привести оную постепенно, безъ потрясенія, но систематическимъ и законнымъ ходомъ къ совершенной независимости.

«Статья XII. Постановленіе, что впредь не будетъ ни крѣпостей на Дунаѣ, ни военныхъ судовъ въ его водахъ, имѣетъ въ виду успокоить умы и дать удовлетвореніе общественному мнѣнію какъ въ Австро-Венгріи, такъ и въ Германіи Этою статьею уполномоченные надѣялись лишить вѣнскій кабинетъ всякаго предлога считать въ опасности свои интересы на Дунаѣ и подозрѣвать у насъ намѣреніе ввести въ эту рѣку военныя суда подъ флагомъ сербскимъ

---

[1]) Т.-е. не только въ теченіе войны, но и прежде, при неистовствахъ, произведенныхъ въ Болгаріи съ 1875 года.

[2]) Имѣющихъ на Востокѣ несравненно большее значеніе, нежели въ Европѣ, но на которые министерство иностранныхъ дѣлъ и большинство русскихъ агентовъ привыкли не обращать должнаго вниманія, пренебрегая ими. Иностранцы, напротивъ, никогда не упускали изъ виду самыхъ мельчайшихъ вопросовъ для нанесенія намъ вреда и водворенія своего вліянія. Авт.

[3]) Тогда главнѣйшею заботою было оградить Болгарію отъ вмѣшательства Порты, которая могла служить слѣпымъ орудіемъ нашихъ европейскихъ противниковъ. Нельзя было предвидѣть, что мы допустимъ безцеремонное вмѣшательство и вліяніе Англіи и Австро-Венгріи, права которыхъ не могли итти въ сравненіе съ верховнымъ правомъ Порты. Авт.

или болгарскимъ. Православныя княжества не лишены, однакоже, возможности имѣть военныя суда на Дунаѣ, ибо имѣютъ право содержать на рѣкѣ, точно такъ же, какъ и Россія, стаціонеровъ и легкія суда для рѣчной полиціи и таможенной службы.

«Статья XIII. Одна изъ статей, которая встрѣтила наибольшія затрудненія, заключала обязательство Порты возстановить безпрепятственное судоходство въ Сулинскомъ устьѣ и вознаградить частныхъ людей, потерпѣвшихъ убытки во время войны. Невозможность исчислить, хотя приблизительно, размѣръ суммы, которую турецкое правительство должно выплатить, и опасеніе узаконить предъявленіе безчисленныхъ домогательствъ чрезвычайно затрудняли всякое соглашеніе по сему предмету. Порта первоначально надѣялась отдѣлаться уплатою намъ пятидесяти тысячъ франковъ. Лишь послѣ большихъ усилій русскіе уполномоченные успѣли вынудить признаніе общей отвѣтственности Порты за потери, съ спеціальнымъ ассигнованіемъ на означенные расходы пятисотъ тысячъ франковъ, взятыхъ изъ суммы, должной оттоманскому правительству дунайскою международною комиссіею. Нужно поручить нынѣ же нашему консулу въ Галацѣ [1]) озаботиться взысканіемъ означенной суммы съ тѣмъ, чтобы оная не могла быть употреблена на другой предметъ, такъ какъ въ нынѣшнемъ финансовомъ положеніи Порты сомнительно, чтобы она нашла другой источникъ для уплаты слѣдуемаго.

Статья XIV. Въ вопросѣ Босніи и Герцоговины турецкіе уполномоченные желали установить всѣ подробности новаго управленія по соглашенію съ русскими уполномоченными, но эти послѣдніе формально отказались, въ виду заднихъ мыслей и ревнивой подозрительности Австро-Венгріи, а равно и затрудненій, которыя такого рода соглашеніе о подробностяхъ управленія могло вызвать на конференціи. А потому ограничились общими началами [2]); подробности оставлены до будущаго соглашенія между Россіею, Турціею и Австро-Венгріею.

«Статья XV. Казалось бы, что въ трактатѣ, оговоривъ точное примѣненіе и осуществленіе органическаго устава 1868 года [3])

---

[1]) Состоявшему русскимъ представителемъ въ этой комиссіи и ея членомъ. Авт.

[2]) Русскіе уполномоченные были связаны при этомъ постановленіемъ константинопольской конференціи, выработавшей управленіе для Босніи и Герцоговины. Уклоненіе отъ этого основанія доставило бы законный поводъ Австро-Венгріи требовать передѣлки русско-турецкаго соглашенія относительно этихъ областей.

Когда писалась записка, еще не было рѣчи, въ телеграммахъ князя Горчакова, о конгрессѣ. Предполагалась простая конференція для дополненія Санъ-Стефанскаго договора по вопросамъ обще-европейскаго значенія. Авт.

[3]) Составленный для острова Кандіи, при заступничествѣ Россіи за своихъ единовѣрцевъ, но не исполнявшійся добросовѣстно и въ полномъ объемѣ. Авт.

не только въ Кандіи, но въ Эпирѣ, Ѳессаліи, Македоніи и остальныхъ частяхъ Европейской Турціи, Россія оградила по возможности положительно великодушно и безкорыстно интересы грековъ, равно какъ и обитателей Старой Сербіи. Согласившись ввести упомянутый уставъ во всѣхъ этихъ областяхъ, Порта обязалась допустить выработку подробностей новаго управленія для каждой изъ этихъ областей въ спеціальныхъ комиссіяхъ, въ которыхъ туземное населеніе должно быть «широко представлено». Такъ какъ сверхъ того Порта обязалась посовѣтоваться съ императорскимъ правительствомъ прежде, нежели ввести въ дѣйствіе выработанный уставъ, можно надѣяться, что реформа эта будетъ имѣть существенное значеніе. Очевидно, что въ этомъ вопросѣ, какъ, впрочемъ, во всѣхъ другихъ, вытекающихъ изъ заключеннаго нами договора, необходимо безпрерывное, бдительное и неослабное наблюденіе какъ императорскаго кабинета, такъ и въ особенности русскаго посла въ Константинополѣ и нашихъ консуловъ въ различныхъ областяхъ Турціи [1]).

«Статья XVI. Полное удовлетвореніе доставлено этою статьею всеобщему желанію армянъ. Впервые имя Арменіи произносено въ международномъ договорѣ и обязательства, принятыя Портою, могутъ послужить основаніемъ для попечительства нашего надъ большинствомъ христіанскаго населенія въ Малой Азіи. Статья эта докажетъ Европѣ, что Россія не исключительно объ однихъ славянахъ, ни даже о своихъ единовѣрцахъ заботится, но что она, движимая человѣколюбіемъ, имѣла въ виду обезпечить благосостояніе всего христіанскаго населенія въ Турціи. Такъ какъ турецкіе уполномоченные упорно и горячо возставали противъ предложеннаго имъ упоминанія эчміадзинскаго католикоса и наименованія его верховнымъ главою всѣхъ армянъ, то русскіе уполномоченные сочли болѣе осторожнымъ не настаивать на этомъ. Дѣйствительно, приданіе слишкомъ большого международнаго значенія католикосу могло бы создать намъ самимъ нѣкоторыя административныя затрудненія на Кавказѣ и даже поддержать вожделѣнія и стремленія между армянами, не соотвѣтствующія нашимъ интересамъ.

«Статья XVII. Уполномоченные смотрѣли, какъ на вопросъ чести для Россіи, на включеніе въ договоръ всеобщей амнистіи для

---

[1]) Никакой договоръ не будетъ добросовѣстно примѣненъ на Востокѣ безъ настойчиваго преслѣдованія исполненія его на мѣстѣ всѣми исполнительными органами туземнаго правительства. А чтобы его достигнуть, надо проявлять энергическую настойчивость и постоянную бдительность. Въ этомъ отношеніи намъ надо поучиться у англійскихъ и германскихъ агентовъ. Русская дипломатія, безпечностью и бездѣйствіемъ своимъ, въ критическое время послѣ войны дозволила противникамъ нашимъ оттѣснить себя на задній планъ и лишить Россію плодовъ побѣдъ и Санъ-Стефанскаго договора. Авт.

турецкихъ подданныхъ, замѣшанныхъ въ послѣднія событія и провинившихся предъ Портою.

«Необходимо намъ слѣдить за выполненіемъ обязательства прощенія.

«Статья XVIII. Статья эта доставила Персіи справедливое удовлетвореніе въ вопросѣ о Хотурѣ [1]).

«Статья XIX. Въ статьѣ о земельномъ уступкахъ, сдѣланныхъ Турціею въ счетъ должнаго ею Россіи денежнаго вознагражденія, рѣчь идетъ не объ одной Добруджѣ, какъ значилось въ первоначальномъ проектѣ, но о всемъ Тульчинскомъ санджакѣ. Это дополненіе введено, чтобы мы имѣли возможность, пріобрѣтая часть Бессарабіи, отторгнутую въ 1856 году, и нѣкоторые рукава дунайскаго устья, удовлетворить отчасти Румынію территоріальнымъ вознагражденіемъ. Новая граничная черта отходитъ отъ морского берега у Мангаліи и упирается въ Дунай немного выше Расова [2]). Въ текстѣ статьи ясно выражено, что Россія не желаетъ [3]) присоединить къ себѣ эту территорію и острова дельты дунайской и что она себѣ предоставляетъ право промѣнять часть оной на отошедшую часть Бессарабіи. Но если Румынія не согласится на этотъ обмѣнъ, мы имѣемъ полное право распорядиться иначе этою областью, такъ какъ она уступлена Россіи Турціею взамѣнъ значительной суммы, которую мы имѣемъ полное право требовать и которую Порта признала своимъ долгомъ.

«Змѣиный островъ, о которомъ упомянуто въ статьѣ, не вошелъ въ составъ предположеннаго обмѣна съ цѣлью, чтобы предоставить императорскому правительству сохранить его за собою въ случаѣ надобности въ виду отрицательной пользы, которую можно извлечь изъ этого острова созданіемъ затрудненій для навигаціи и, въ особенности, ночного входа въ Дунай въ военное время посредствомъ прекращенія освѣщенія находящагося на островѣ маяка [4]).

«Граница возвращаемой намъ части Бессарабіи обозначена на

---

[1]) Англія совмѣстно съ Россіею, въ качествѣ державъ-посредницъ, рѣшили спорный вопросъ объ обладаніи Хотуромъ въ пользу Персіи, но въ теченіе многихъ лѣтъ не могли достигнуть исполненія турками этого приговора. Включеніе этой статьи въ договоръ имѣло цѣлью поддержать наше вліяніе въ Персіи и доказать ей, что Россія ей покровительствуетъ болѣе, нежели Англія. Авт.

[2]) Границу между Болгаріею и отдѣляемой отъ нея Добруджей предполагалось, по Санъ-Стефанскому договору, провести по линіи: Мангалія—Расова; но Берлинскій договоръ провелъ ее съ большимъ ущербомъ для Болгаріи, именно отъ Мангаліи къ пункту на Дунаѣ, около самой Силистріи. А. Б.

[3]) Заявляя ,для успокоенія европейскаго и румынскаго общественнаго мнѣнія, о томъ, что Россія отбираетъ у Турціи Тульчинскій санджакъ не изъ желанія увеличенія своихъ владѣній, Россія не лишалась возможности повести такъ дѣло, что могла за собою оставить этотъ участокъ, или передать Болгаріи, выговоривъ нужныя для нея условія. Авт.

[4]) По ст. 46 Берлинскаго договора, «Змѣиный островъ» отданъ Румыніи. А. Б.

югѣ русломъ Килійскаго рукава (тальвегъ) и Старо-Стамбульскимъ устьемъ [1]), съ цѣлью обезпечить за нами обладаніе селеніями Вильково и Очаковъ, населенными исключительно русскими выходцами, двадцать уже лѣтъ желающими принять русское подданство и быть подвластными государю императору. Проведеніе этой граничной линіи обезпечивало намъ обладаніе Очаковскимъ проходомъ, находящимся сѣвернѣе Старо-Стамбульскаго устья и который естественнымъ образомъ годъ отъ году углубляется и можетъ впослѣдствіи служить гораздо лучшимъ, доступнымъ болѣе глубоко сидящимъ судамъ сообщеніемъ съ моремъ, нежели Сулинскій каналъ, на который европейская комиссія потратила столько средствъ и техническихъ усилій. Весьма важно, чтобы не допустить на конгрессѣ измѣненія редакціи, касающейся этой граничной черты, и ввести оную цѣликомъ въ текстъ окончательнаго договора [2]).

«Въ Азіи новая закавказская граница проведена согласно проекту, одобренному въ Тифлисѣ, который и осуществленъ во всѣхъ подробностяхъ. Россія пріобрѣтаетъ богатый край, считающійся

---

[1]) Мысль Н. П. Игнатьева уцѣлѣла и послѣ отмѣны Санъ-Стефанскаго договора, перейдя въ статью 45 Берлинскаго трактата.

Благодаря этому, мы сейчасъ владѣемъ всѣми развѣтвленіями Килійскаго гирла. Вотъ ихъ наименованія, идя съ юга къ сѣверу:

1) устье Килійское, 2) гирло Корпусово, 3) гирло Восточное, 4) гирло Касаткино, 5) гирло Быстрое, 6) гирло Романово, 7) гирло Песчаное, 8) гирло Матвѣйкино, 9) гирло Отножное, 10) гирло Казекино, 11) гирло Анкудиново, 12) гирло Раково, 13) гирло Полуденное, 14) гирло Очаковское, 15) гирло Полушабашное, 16) гирло Полуночное, 17) гирло Бѣлгородское.

Наименованіе этихъ гирлъ, а равно размѣщеніе во всѣхъ островахъ между ними «куреней» разныхъ названій свидѣтельствуетъ, совершенно согласно съ «Записками» Н. П. Игнатьева о древне-народномъ и казацкомъ характерѣ русскаго населенія этихъ гирлъ. Благодаря способности Н. П. Игнатьева приближать къ себѣ народные элементы и освѣдомляться у нихъ о такихъ бытовыхъ свѣдѣніяхъ, которыхъ ни обыденная наука не сообщала, ни тѣмъ болѣе «петербургскія» высокія канцеляріи не вѣдали,—намъ была дана возможность не упустить этого исконно русскаго и казацкаго края и возвратить его Россіи. Мы говоримъ «возвратить», потому что не слѣдуетъ забывать, что вся Дунайская дельта принадлежала Россіи съ 1829 года (Адріанопольскій миръ) до 1856 г. (Парижскій трактатъ); владѣнія Россіи оканчивались на самомъ южномъ рукавѣ—на Георгіевскомъ.

Пріобрѣтя по Санъ-Стефанскому договору и Берлинскому трактату гирла Килійскаго устья, мы рѣшили, между прочимъ, и судьбу того поселка «Вилкова», о которомъ говорится здѣсь, въ «Запискахъ». Этотъ поселокъ, находящійся на сѣверномъ берегу главнаго Килійскаго протока, остался за Россіею. А. Б.

[2]) Польза и необходимость измѣненія южной граничной черты Бессарабіи былъ совершенно упущена изъ вида въ Петербургѣ, и Игнатьевъ, дорожившій своимъ нововведеніемъ, опасался, что редакціоннымъ измѣненіемъ текста на конгрессѣ сущность дѣла будетъ утрачена Россіею по канцелярскому недосмотру съ нашей стороны. Не получая никакихъ указаній, ни свѣдѣній по этому вопросу, Игнатьевъ рѣшился предъявить требованіе новой дунайской границы по собственной иниціативѣ, вслѣдствіе свѣдѣній, добытыхъ имъ отъ нашихъ выходцевъ-раскольниковъ объ углубленіи Очаковскаго устья. Авт.

житницей Сѣверной Анатоліи, съ прекрасною батумскою гаванью и важнѣйшими стратегическими позиціями, облегчающими подступы къ Эрзеруму и затрудняющими до невозможности всякое наступленіе со стороны непріятеля на наши кавказскія владѣнія. Карсъ, Батумъ и Баязетъ [1]) остаются въ нашей власти. Сверхъ того мы будемъ господствовать надъ транзитнымъ путемъ въ Персію и получили возможность держать въ рукахъ всѣ кочевыя курдскія племена, владѣя пунктами, съ которыхъ легко распространить наше вліяніе на все населеніе Анатоліи и имѣть открытый доступъ въ долину Муша и Вана — главные очаги армянской народности.

«Въ первоначальномъ проектѣ, предложенномъ нами турецкимъ уполномоченнымъ, въ предвидѣніи разномыслія между пограничными комиссарами на азіатской границѣ и для устраненія разногласій, было указано на посредничество германскаго представителя. Турки, однакоже, не приняли этого предложенія, сославшись на то, что имъ противно предвидѣть при самомъ заключеніи договора разногласіе, вынуждающее прибѣгнуть къ постороннему посредничеству, и что они предпочитаютъ, въ случаѣ проявленія разномыслія въ трудахъ пограничной комиссіи, предоставить разрѣшеніе недоумѣній непосредственному соглашенію между двумя заинтересованными кабинетами. Русскіе уполномоченные не настаивали на своемъ предложеніи, сдѣланномъ лишь для отстраненія вмѣшательства англійскаго посредничества. Опредѣленность выраженнаго очертанія пограничной линіи дѣлаетъ маловѣроятными недоразумѣнія при проведеніи оной на мѣстѣ. Впрочемъ, ничего не предрѣшая, мы можемъ всегда прибѣгнуть, въ случаѣ надобности, къ посредничеству для разрѣшенія пограничныхъ разногласій безъ того, чтобы оно было оговорено въ статьѣ договора.

«Въ виду возраженій, которыя могутъ возникнуть въ Европѣ относительно земельнаго приращенія Россіи, уполномоченные настояли на включеніи въ текстъ договора:

«1) Что Порта обязалась выплатить военную контрибуцію, цифра которой опредѣлена въ 1410 милліоновъ рублей.

«2) Упоминанія, что лишь въ виду финансовыхъ затрудненій Турціи и согласуясь съ желаніемъ султана, его императорское величество благоизволилъ согласиться замѣнить уплату большей части означенной суммы земельными уступками.

«3) Опредѣлить соотвѣтствіе денежныхъ суммъ съ уступаемыми территоріями съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ, если бы, паче чаянія, признано было необходимымъ отказаться, вслѣдствіе сопротивленія державъ, отъ части уступаемой Россіи Турціею территоріи, мы

---

[1]) По Берлинскому трактату Баязетъ отданъ обратно Турціи. А. Б.

могли бы съ полнымъ основаніемъ требовать для вознагражденія соотвѣтствующую денежную сумму [1]).

«Статья XX. Эта статья предоставляетъ императорскому посольству въ Константинополѣ твердое основаніе добиться ускоренія окончательнаго разрѣшенія всѣхъ тяжебныхъ дѣлъ, преслѣдуемыхъ въ Портѣ русскими подданными въ теченіе многихъ лѣтъ и которыя порождали нескончаемые и тягостные переговоры съ Портою [2]). Сверхъ того турецкое правительство приняло на себя обязательство выплатить десять милліоновъ рублей въ вознагражденіе подданныхъ и учрежденій русскихъ (госпиталь), понесшихъ потери во время войны. Предполагалось, что десять милліоновъ должны быть выплачены русскому правительству и затѣмъ Порта не будетъ имѣть ни права, ни надобности участвовать въ распредѣленіи этихъ денегъ. Разобрать степень основательности претензій и опредѣлить нужное вознагражденіе каждому пострадавшему лицу или учрежденію было дѣломъ императорскаго правительства. Возвращеніе капитала русскаго госпиталя Св. Николая [3]) въ Перѣ было спеціально выговорено въ первоначальномъ проектѣ договора, но такъ какъ турки опасались, что это послужитъ примѣромъ для благотворительныхъ учрежденій католиковъ и протестантовъ и даже для иностранныхъ подданныхъ, потерпѣвшихъ вслѣдствіе банкротства Турціи, то редакція статьи была измѣнена и упоминаніе о госпиталѣ замаскировано общимъ именованіемъ русскихъ учрежденій. Турецкіе уполномоченные объявили, что Порта принимаетъ на себя обязательство возвратить двадцать тысячъ лиръ, принадлежавшихъ русскому госпиталю, но предпочитаетъ высказать это въ отдѣльномъ письмѣ. Эта предосторожность оказалась излишнею потому, что возвратъ больничнаго капитала включенъ

---

[1]) Несмотря на предусмотрительную предосторожность Игнатьева, графъ Шуваловъ въ Лондонѣ, въ переговорахъ своихъ съ Салисбюри, потерялъ это изъ виду и отказался отъ Баязета, Алашкерта и значительнаго участка, безъ соотвѣтствующаго возвращенія денежнаго вознагражденія, и затѣмъ на Берлинскомъ конгрессѣ наши уполномоченные совсѣмъ не воспользовались своимъ правомъ, въ прямой ущербъ Россіи. Мы постепенно сдѣлали уступки Англіи, Австро-Венгріи, Турціи и Румыніи, но соотвѣтствующихъ суммъ или уступокъ не потребовали, допустивъ умаленіе результатовъ войны изъ опасенія борьбы съ Европою. Авт.

[2]) Предъ войною Игнатьевъ предупредилъ оффиціально турецкое правительство, сославшись на неоконченныя дѣла русскихъ подданныхъ, что рано или поздно они должны быть удовлетворены и что права ихъ, во всякомъ случаѣ, будутъ ограждены. При заключеніи договора Игнатьевъ воспользовался представившимся случаемъ, чтобы достигнуть окончанія старыхъ тяжебъ русскихъ подданныхъ и избавить посольство и генеральное консульство въ Константинополѣ отъ нескончаемаго препирательства съ Портою. Авт.

[3]) Построеннаго и учрежденнаго Игнатьевымъ въ 1874 г. Капиталъ заключается въ турецкихъ процентныхъ бумагахъ, упавшихъ въ цѣнѣ во время войны и даже въ 1876 году. Авт.

въ сумму десяти милліоновъ рублей вознагражденія, которую Порта обязалась выплатить.

«Статья XXI. Статья эта опредѣляетъ подробности, проистекающія изъ территоріальныхъ уступокъ въ Азіи.

«Статья XXII. Право покровительства, нами требуемаго для лицъ духовныхъ, паломниковъ и русскихъ монаховъ, возбуждало самыя большія опасенія въ турецкихъ уполномоченныхъ, которые намъ дали замѣтить, что подобное притязаніе возбудило двадцать пять лѣтъ тому назадъ Восточную войну. Они, наконецъ, поняли, что нынѣ рѣчь шла не о грекахъ, подданныхъ султана, но исключительно о природныхъ русскихъ, и что касательно сихъ послѣднихъ мы должны быть поставлены въ то же положеніе, въ которомъ находится Франція и другія державы въ отношеніи къ духовенству и паломникамъ ихъ національностей. Благодаря содержанію этой статьи, учрежденія наши, въ Палестинѣ и другихъ мѣстахъ на Востокѣ нынѣ существующія и имѣющія быть устроенными впослѣдствіи, будутъ выведены изъ того неблагопріятнаго положенія, которое было имъ создано какъ въ отношеніи турецкихъ властей, такъ и греческихъ патріарховъ. Императорское посольство въ Константинополѣ, а равно и консулы наши могутъ отнынѣ выступить въ ихъ защиту, не испытывая тѣхъ затрудненій, которыя проявлялись въ послѣдніе два года, т. е. послѣ броженія на Востокѣ и возбужденія грековъ и турокъ противъ славянъ.

«Статья XXIII. Всѣ преимущества, предоставленныя торговлѣ и положенію русскихъ подданныхъ въ Турціи, опредѣленныя старыми договорами и общими капитуляціями, возобновлены съ возстановленіемъ силы прежнихъ договоровъ. Нашъ послѣдній торговый трактатъ съ Турціею также возстановленъ, но такъ какъ ему истекаетъ срокъ, то необходимо безотлагательно озаботиться заключеніемъ новаго торговаго договора.

«Статья XXIV. Открытіе проливовъ Босфора и Дарданеллъ во время войны, точно такъ же, какъ и въ мирное время, коммерческимъ судамъ нейтральныхъ державъ и устраненіе фиктивной блокады [1]), приносившей столько вреда нашему морскому побережью и вообще торговлѣ, должны бы встрѣтить сочувствіе всѣхъ морскихъ государствъ.

«Статья XXV. Для очищенія Европейской Турціи назначено три мѣсяца срока, а для Азіатской Турціи шесть мѣсяцевъ послѣ заключенія окончательнаго мира [2]). Такимъ образомъ, если дер-

---

[1]) Которую Турцію весьма удобно было практиковать, слѣдуя совѣтамъ англичанъ и считая проливы для насъ закрытыми по желанію Порты. Авт.

[2]) Игнатьевъ имѣлъ въ виду, съ одной стороны, сохранить за нами право оставить въ Турціи армію нашу, пока всѣ требованія наши не будутъ выполнены, а съ другой стороны, понудить державы, опасавшіяся продолжительности пребыванія русскихъ войскъ въ Турціи, торопить водвореніе окончательнаго замиренія въ Европѣ и въ Турціи. Авт.

жавы будутъ претендовать, что договоръ нашъ съ Портою не можетъ считаться окончательнымъ, то занятіе Турціи нашими войсками должно продолжиться далѣе назначенныхъ сроковъ. Слѣдовательно, затяжки конгресса, которыя кабинеты могутъ возбудить противъ насъ, послужатъ лишь къ продленію пребыванія нашихъ войскъ въ окрестностяхъ Константинополя [1]) и въ Эрзерумѣ.

«Возможно, что подобный результатъ воздѣйствуетъ благодѣтельнымъ образомъ на сужденіе кабинетовъ о Санъ-Стефанскомъ договорѣ [2]).

«Статья XXVI. Условія пребыванія нашихъ войскъ въ мѣстностяхъ, подлежащихъ возврату Турціи, и порядокъ постепеннаго очищенія оныхъ составляютъ предметъ особаго соглашенія.

«Статья XXVII. Порта обязуется ни подъ какимъ видомъ не преслѣдовать турецкихъ подданныхъ, компрометированныхъ своими сношеніями съ русскою арміею.

«Статья XXVIII. Необходимость уплатить всѣ расходы содержанія военноплѣнныхъ, находящихся нынѣ въ Россіи, пугала турокъ. Въ виду совершеннаго безденежья турецкой казны и невозможности, въ которой она нынѣ находится, заплатить наличными деньгами за произведенные нами расходы, постановлено, что платежи будутъ производиться въ теченіе шести лѣтъ, въ восемнадцать сроковъ, равными суммами.

«Статья XXIX. Русскіе уполномоченные намѣревались вслѣдъ за договоромъ заключить секретный протоколъ, опредѣляющій, что обѣ договорившіяся стороны торжественно обязуются другъ друга взаимно поддерживать для сохраненія неизмѣнными договорныхъ постановленій и не допускать никакого въ нихъ измѣненія безъ предварительнаго соглашенія между собою. Но, получивъ повелѣніе «не умножать предосторожностей до окончательнаго разсмотрѣнія договора», они ограничились тѣмъ, что условились съ

---

[1]) Уѣзжая въ Россію, Игнатьевъ предполагалъ, что, такъ какъ миръ заключенъ и демаркаціонная линія сама собою уничтожается, то войска наши перейдутъ на болѣе здоровыя и выгодныя позиціи, распространяясь влѣво отъ Санъ-Стефано къ Босфору и Черному морю. Авт.

[2]) Игнатьевъ надѣялся, что желаніе удалить войска наши понудитъ державы какъ можно скорѣе признать заключенный нами договоръ окончательнымъ. Но, разумѣется, для достиженія такого результата необходимо было не выказывать непонятной слабости, сговорчивости и желанія угодить и Англіи, и Австро-Венгріи, и султану, а стоять твердо, неуклонно и рѣшительно на почвѣ договора, ратификованнаго и султаномъ, и государемъ. Слѣдовало ввести тотчасъ войска наши въ Шумлу и Варну и отнюдь не дозволять туркамъ строить укрѣпленія вокругъ Константинополя, передъ глазами нашихъ войскъ, а, напротивъ того, подъ предлогомъ здоровья войскъ, размѣстить ихъ на высотахъ Босфора и въ Бѣлградскомъ лѣсу. Министерству же иностранныхъ дѣлъ и представителямъ нашимъ за границею не слѣдовало итти навстрѣчу измѣненіямъ Санъ-Стефанскаго договора, а, напротивъ, упорно его отстаивать. Но въ это время у насъ, къ сожалѣнію, все какъ-то дѣлалось противно нашимъ собственнымъ интересамъ и въ угоду нашимъ противникамъ. Авт.

турками, что «договорившіяся стороны будутъ считать себя формально связанными прелиминарнымъ договоромъ съ минуты его ратификаціи». Сверхъ того постановлено, что въ Петербургѣ будетъ опредѣлено время, когда договоренныя условія будутъ облечены въ торжественную форму окончательнаго мирнаго трактата. Отъ императорскаго кабинета, слѣдовательно, зависитъ обратить нашъ прелиминарный договоръ [1]), въ окончательный, ограничившись лишь измѣненіемъ формы трактата и не умаляя содержанія тѣхъ условій, которыя приняты окончательно Портою.

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Когда писалась записка, Санъ-Стефанскій договоръ былъ утвержденъ лишь султаномъ, послѣ же ратификованъ государемъ императоромъ. Авт.

КОШМАРЫ НАЯВУ [1].

(Изъ человѣческихъ документовъ о мирѣ и войнѣ. Очерки).

Отчего погасъ свѣтильникъ?
Я заслонилъ его своимъ плащомъ, чтобы спасти его отъ вѣтра,—вотъ отчего погасъ свѣтильникъ.
Отчего завялъ цвѣтокъ?
Я прижалъ его къ сердцу съ мучительной любовью,—вотъ отчего завялъ цвѣтокъ.
Отчего высохъ ручей?
Я запрудилъ его плотиной, чтобы пользоваться имъ для себя,—вотъ отчего высохъ ручей.
Отчего лопнула струна у арфы?
Я пытался исторгнуть изъ нея звукъ, который ей былъ не по силамъ, — вотъ отчего лопнула струна у арфы.

Рабиндранатъ Тагоръ
(«Садовникъ»).

За дверью глухою двойные засовы,—
Тамъ стоны и кровь... Мы не слышимъ —
идемъ...

В. Умановъ-Каплуновскій
(«Незримыя преграды»).

I.

Подмижуй.

1.

Сынъ подрядчика Глуменкова, Никита, не окончилъ гимназіи и ни къ какому занятію не могъ приспособиться или не хотѣлъ.

Отецъ и рукой на него махнулъ: «Никудашній!.. Другой бы отвернулся и не глядѣлъ вовсе, а онъ нималонисколько... И серчать не охота—такой у меня смиренникъ, подмижуй... Ругнешь, а онъ хоть бы что... Папашенька да папашенька! Тихоня! Въ братца-покойника, видно...»—добродушно посмѣивался про себя старикъ.

Никитѣ вообще легко жилось.

То уваженье, какимъ пользовался Сидоръ Тарасовичъ въ уѣздномъ городѣ Южномъ, и сыну приносило извѣстную пользу: ни отъ кого не было отказа ни въ деньгахъ, ни въ поблажкахъ. Денегъ, разумѣется, не дарили, но давали въ дол-

[1]) «Кошмары наяву» могутъ служить окончаніемъ ранѣе напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» повѣстей, разсказовъ и очерковъ: «Пять этажей» (1909.

госрочный кредитъ подъ расписки, считая Никиту главнымъ наслѣдникомъ вдоваго подрядчика, имѣвшаго изрядный капиталъ, но скуповатаго.

И Никита исподтишка кутилъ, тихонько игралъ въ карты, такъ, чтобъ это не бросалось въ глаза, сладко ѣлъ, вкусно выпивалъ и не задавался никакими серьезными намѣреніями насчетъ будущаго.

Картежничалъ до послѣдняго времени сравнительно удачно.

Однако къ осени вдругъ не повезло.

Пріѣхали изъ губернскаго города Чуйскій и Сѣкачъ (по наслышкѣ—крупные землевладѣльцы) и быстро подружились съ мѣстнымъ частнымъ ходатаемъ по судебнымъ дѣламъ Трехколеснымъ, не особенно разборчивымъ въ пріемахъ защиты.

Какой-то тайный голосъ, правда, предостерегалъ Никиту не садиться съ ними за зеленый столъ, точно смутное подсознанье напередъ предрѣшало грустный исходъ событій, но у Трехколеснаго языкъ, какъ говорится, былъ хорошо подвѣшенъ, и онъ безъ труда сумѣлъ убѣдить молодого Глуменкова попробовать счастье съ новыми посѣтителями «Южнаго собранія».

О нихъ уже упоминали въ разговорахъ, какъ о необыкновенныхъ удачникахъ.

Въ особой комнатѣ, куда не всѣ допускались, а по непосредственному выбору старшинъ, играли въ «макашончикъ» (какъ нѣжно выражались клубные завсегдатаи).

Никита застѣнчиво пятился назадъ, закрывалъ раскраснѣвшіяся щеки и отмахивался, а Трехколесный подталкивалъ его и вышучивалъ:

— Экая красная дѣвица! Къ Марьѣ Филипповнѣ ѣздите, съ шансонеточками въ губерніи путаетесь, а приличныхъ господъ чураетесь.

— Тс... Бога ради... Еще папашенькѣ передадутъ... Я шито-крыто... И откуда такія свѣдѣнія, право?

— То-то «шито-крыто»!.. Ну, нечего зубы-то заговаривать... Деньжата при себѣ имѣете? Или «яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего»? Конечно же, имѣете! Иначе, какого, съ позволенія сказать, рожна вы въ собраніи-то околачиваетесь? Съ платоническими чувствами, хе-хе?..—и онъ хитро подмигнулъ лѣвымъ глазомъ и какъ-то молодцовато тряхнулъ мелкими завитками жирно напомаженныхъ, черныхъ, какъ смоль, волосъ, а потомъ, пере-

---

XII), «Изломы жизни» (1910, X), «Вокругъ Петербурга» (1911, V—VI), «Двуногій звѣрь» (1912, VIII—XII), «Съ надломленными крыльями» (1913, X—XI) и «Ужасы города» (1914, VI—XII), составляющихъ отдѣльныя звенья въ длинной цѣпи житейскихъ суетъ, которымъ такъ часто довлѣетъ Человѣкъ-Звѣрь въ союзѣ съ госпожой Пошлостью. Примѣчаніе автора.

ходя въ неожиданный шопотъ, спросилъ совершенно просто, точно допрашивалъ свидѣтеля по уголовному дѣлу:—кромѣ шутокъ, сколько у васъ въ карманѣ-то, Никита Сидорычъ? Набирается солидная компанія денежныхъ тузовъ для сраженія... Не мальчишки... Съ ними неловко, вѣдь, сѣсть съ четвертнымъ билетомъ въ рукахъ.

Слова адвоката уже подзадорили Никиту и, видимо, задѣли его за живое.

Онъ захорохорился.

— Какъ съ четвертнымъ! Полтысячи есть... да еще наскребу.

— Ну, и ладно... Я только такъ, по-пріятельски предупредилъ на всякій случай, ежели бы что...

Познакомились.

И Чуйскій, и Сѣкачъ вполнѣ подходили подъ обликъ джентльменовъ.

У перваго было, очевидно, слабое зрѣніе, и онъ носилъ темно-синіе консервы, придававшіе его сухому лицу какую-то мертвенную неподвижность маски.

Зато у Сѣкача быстрые, сѣрые глаза сверкали такими пытливыми огоньками, что, казалось, ничто не могло ускользнуть отъ ихъ пронизывающаго взгляда.

Усѣлись за столъ.

Присоединились еще нѣкоторые члены собранія, мало знакомые Глуменкову.

Никита выигрывалъ.

Трехколесный радостно поздравлялъ его.

Когда страсти значительно разгорѣлись, наступила очередь метать банкъ Чуйскому.

Сидѣвшій противъ него Сѣкачъ приготовлялъ карты и три раза провелъ длиннымъ, выхоленнымъ мизинцемъ, унизаннымъ кольцами, по подбородку.

Были большія ставки, и банкометъ трижды выигрывалъ, снимая приличную сумму. Холодная маска лица оставалась, однако, тою же безжизненной, что и раньше.

Никита заволновался.

Значительная часть своихъ денегъ и выигрышныхъ уплыла.

«Этимъ молодцамъ чертовски везетъ»,—пробѣжала у него невольная мысль.

Пришелъ и его чередъ держать банкъ.

Попросивъ сконфуженно минуту перерыва, отправился за подкрѣпленіемъ къ знакомому купцу, сидѣвшему въ буфетѣ.

— Выручите, драгоцѣнный, до зарѣзу нужно три сотенныхъ. Только папашенькѣ ни словечка...

— Эхъ, Никитушка-свѣтъ, играй, да не отыгрывайся. Должокъ за тобой и такъ числится. Никакъ забылъ? Забельшило въ молодой головушкѣ, а? Нехорошо.

— Что вы, драгоцѣнный!.. Помню... вотъ какъ передъ иконой...

— Ну, что съ тобой дѣлать—бери, коли нужно, полторы сотняги... Себѣ дороже стоитъ... Жалко тебя, а то бы ни за что не далъ. Максимка, ступай сюда! А что же гамбургскіе битки? Смотри, пострѣлъ, чтобъ этого самаго «гамбургу» и луку совсѣмъ не было. Смекаешь?

Никита вернулся запыхавшійся, извинился и заложилъ въ банкъ половину всего, что имѣлъ при себѣ.

«Можетъ, кривая вывезетъ»,—подумалъ онъ, хотя тайный голосъ продолжалъ и теперь запугивать, и это лишало обычной увѣренности.

Хотѣлъ начать метку, а Сѣкачъ, широко улыбаясь, черезъ столъ проситъ его одолжить папиросу.

Въ небольшой комнатѣ уже было сильно накурено, и фигуры сидѣвшихъ игроковъ будто тускнѣли и расплывались въ голубоватой дымкѣ.

У Никиты отчего-то кружилась голова. Онъ поборолъ минутную слабость и протянулъ надъ картами серебряный портсигаръ съ инициалами и надписями.

Въ это же самое время Чуйскій вынулъ изъ бумажника сторублевку и положилъ ее подъ рукой у Никиты, чтобы размѣнять, и тутъ же незамѣтно опустилъ на приготовленную талію нѣсколько своихъ картъ изъ широкой манжеты, о чемъ-то непринужденно продолжая спорить съ сосѣдомъ.

Все было дѣломъ какой-нибудь минуты, даже меньше.

Начались щедрыя ставки, и въ два удара банкъ былъ сорванъ Сѣкачомъ.

Никита сдѣлалъ еще попытку—заложилъ послѣднюю наличность, но и та сейчасъ же улетучилась.

Блѣдный, съ трясущимися губами, всталъ тогда онъ, обвелъ игроковъ мутнымъ взоромъ (Трехколесный при этомъ потупилъ рѣсницы) и, не сказавъ никому ни слова, поплелся въ буфетъ спросить коньяку, чтобы собраться съ мыслями.

Былъ увѣренъ, что выпивка поможетъ (привычка слабыхъ).

Счастье рѣшительно отвернулось отъ него, и это больше всего пугало. Въ головѣ бродили какія-то неясныя подозрѣнія насчетъ пріѣзжихъ игроковъ и ходатая по дѣламъ, и въ душѣ ощущался горькій осадокъ.

2.

Слышалъ Никита, что отъ «землевладѣльцевъ» многимъ досталось въ тотъ памятный вечеръ, послѣ чего они благополучно поспѣшили уѣхать.

Разбирала злоба.

Тихій при постороннихъ, Никита у себя въ комнатѣ смѣло поднималъ голову, расправлялъ крылья и философствовалъ:

«И какой я несчастный человѣкъ!.. Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга... Папашенька такой добренькій, а вотъ живетъ себѣ, не умираетъ... Только грѣхъ на душу беру съ этакими мыслишками. И куда ему деньги, право? Одна нога въ могилѣ, а, поди, жалко разстаться... Не за что и ухватиться мнѣ... Надъ бездной... Что и придумать?..»

Услыхавъ, что отецъ возвратился домой и поскрипываетъ подошвами, осторожно пріотворилъ дверь къ нему и вошелъ бочкомъ. Сразу сталъ какъ-то ниже ростомъ, и выраженье глазъ перемѣнилось: сдѣлалось до приторности слащавымъ.

— Дозвольте ручку поцѣловать, папашенька. А я къ вамъ съ просьбицей.

Сидоръ Тарасовичъ сухой былъ и жилистый, съ рѣзкими чертами лица, но съ мягкимъ взглядомъ (лишь на первый разъ пугали густые пучки бровей).

— Говори, говори, сынокъ. Что въ голову влѣзло, все выкладай безъ обиняковъ.

— Вы думаете—денежекъ пришелъ клянчить? Анъ нѣтъ, папашенька, ей-ей правда. Къ занятіямъ опредѣлите. Полно баклуши бить! Скучно безъ дѣла валандаться да къ вамъ за каждымъ рублемъ приставать. У меня тоже совѣсть имѣется.

Говоритъ и весь ходуномъ ходитъ, изгибается въ три погибели, улыбка до ушей и глаза смѣются, а взоръ украдкой по угламъ рыщетъ, все высматриваетъ да выуживаетъ.

— Къ занятіямъ? Чудно́!.. Удивилъ, Никита!—пріятно удивилъ. Это мы живымъ манеромъ устроимъ. А что насчетъ денегъ—напрасно такъ говоришь. Одинъ ты у меня, для тебя, вѣдь, коплю. Умру, хоть въ двѣ ночи прокути да потомъ и пеняй на себя. Люди—волки, не дадутъ, небось!.. Наплачешься...

Въ концѣ концовъ расцѣловался, обнялъ Никиту и сто рублей подарилъ «на гостинцы».

Сталъ Никита конторскія книги у отца вести, на счетахъ щелкать, въ клубъ почти прекратилъ забѣгать, «чтобы своей репутаціи передъ папашенькой не испортить», а покучивалъ совсѣмъ «шито-крыто», даже Трехколесный ничего не подозрѣвалъ.

Протекло этакъ мѣсяца полтора.

Старикъ Глумецковъ не нахвалится сыномъ и началъ къ нему относиться съ большимъ довѣріемъ («Остепенился мальчуганъ»...).

Часто думалъ:

«Налгали мнѣ на сынишку—человѣкъ изъ него выйдетъ».

А тотъ тайныя думы носилъ въ головѣ, какъ бы поскорѣе разбогатѣть, стать самому себѣ господиномъ.

Весенняя пора создавала яркія картины для воображенья.

Какъ-то сидитъ онъ одинъ въ конторѣ и видитъ вдругъ зарево изъ сосѣдней улицы, растетъ, разливается горячимъ потокомъ. Привскочилъ, глядитъ, а оттуда уже крики слышны, топотъ, звонки пожарныхъ, гудки, показались языки пламени.

Первымъ дѣломъ къ отцу бросился предупредить объ опасности, но никого въ домѣ не было,—очевидно, на пожаръ пошли и самъ старикъ, и слуга Степанъ, и кухарка Христина.

И въ мигъ осѣнило что-то: «надо использовать удобную минуту».

Не нужно было ни фомки, ни сверла, ни отмычекъ,—точно по особому заказу все было подготовлено къ приходу Никиты... И онъ понялъ, что давно этого ожидалъ.

Старикъ подъ вліяніемъ испуга второпяхъ просто-напросто забылъ запереть несгораемый шкапъ и отлучился, вѣроятно, на самый короткій срокъ.

Лежало двадцать пять пачекъ по тысячѣ въ каждой, приготовленныхъ, должно быть, для расплаты по подряду.

«Господи, счастье-то привалило! Ужели дуракомъ всю жизнь быть! Да и не воровство это, ежели у папашеньки беру».

Рѣшилъ сперва всѣ пачки забрать, потомъ раздумалъ и схватилъ десять, запряталъ въ карманы и, оставивъ дверцу шкапа въ томъ же положеніи, въ какомъ ее нашелъ, войдя въ комнату, съ кошачьей прыткостью выбрался безшумно изъ дому, перебѣжалъ дворъ и усѣлся опять въ конторѣ, но ненадолго, понялъ, что такъ не годится. «Не глупый, вѣдь! Смекаю...»

Деньги сунулъ до поры до времени гдѣ-то за грудой бумагъ, а самъ тоже отправился на пожаръ и видѣлъ издали, какъ Степанъ, прихрамывая, озабоченно возвращается домой.

Никита спокойно подошелъ тогда къ отцу, заговорилъ и не разставался уже съ нимъ до вечера, любовно заглядывая въ глаза. Слѣдъ заметалъ!

Старикъ только послѣ ужина замѣтилъ покражу и вмѣстѣ съ сыномъ допрашивалъ Степана, все болѣе и болѣе убѣждаясь, если не въ виновности слуги, то въ соучастіи.

Нарастали улики.

Никита старательно исполнялъ роль строгаго разслѣдователя, и заподозрѣнный Степанъ запутывался въ сѣтяхъ показаній, блѣднѣлъ и терялъ нить доказательствъ, которая казалась ему такой ясной и прямой.

Глуменковъ заявилъ въ полицію.

Пріѣхалъ самъ исправникъ, пріятель Сидора Тарасовича, и, когда тотъ ему что-то возразилъ въ защиту Степана, полковникъ шутливо замѣтилъ:

— Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога. А посему помалкивайте, ваше степенство.

Учинили формальный допросъ и обыскъ, но денегъ, конечно, не нашли, а Степанъ, совершенно сбитый съ толку свалившимся на него великимъ несчастьемъ, взялъ да и повѣсился у себя въ каморкѣ, гдѣ прожилъ около двадцати лѣтъ.

На слѣдующій день, когда свечерѣло, захвативъ десять пачекъ и разсовавъ ихъ по карманамъ, Никита осторожно отправился къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно дежурилъ на площади въ ожиданіи сѣдоковъ его постоянный извозчикъ, Тютюнниковъ.

— Поѣдемъ, Лаврентій, прокатиться.

— Къ Марьѣ Филипповнѣ прикажете?—сказалъ, прищурился и задергалъ вожжами.

— Никуда не надо, а такъ—прогулочку учинимъ, подышимъ чистымъ воздухомъ. Къ тебѣ дѣло есть,—тутъ же прибавилъ вполголоса:—вези туда, гдѣ поменьше народу.

Лукавое лицо Тютюнникова мигомъ подбодрилось.

— Ну, ты, воспа!—прикрикнулъ на лошадку, и пролетка помчалась по тряской мостовой, подпрыгивая и звеня.

Деревья уже просыпались, и гдѣ-то близко благоухали березовыя почки.

Въ лиловыхъ сумеркахъ не было настоящей тишины, хотя и притихло все; напротивъ, казалось, будто подъ этимъ мнимымъ покоемъ таится бунтъ вѣчно молодой оживающей природы, готовой каждую минуту сбросить съ себя послѣднія путы недавней зимы.

И кровь бродила... Зарождались странныя, горячія мысли... Подымались робкія, смутныя пока желанья...

Когда пролетка пріѣхала къ пустырю, Никита промолвилъ нерѣшительно и тускло, словно боялся разстаться съ сокровенной думой:

— Ты говорилъ сколько разъ, что все сможешь для меня сварганить въ благодарность, что на ноги тебя поставилъ... Насталъ и твой чередъ... Я, видишь ли, деньги получилъ... выигралъ... но хочу отъ папашеньки припрятать, а то отберетъ... Знаю его!.. Понимаешь?

— Какъ не понять, Никита Сидорычъ! А въ такомъ разѣ примѣрно каковъ капиталецъ будетъ?

— Гм... тысячъ десять.

— Десять!.. Мать Пресвятая... Денжищъ-то!..—вскрикнулъ и отъ удивленія развелъ руками, даже кнутомъ чуть не задѣлъ Глуменкова.

— Съ ума спятилъ? Что орешь, дурень! Слушай! Одну тысячу себѣ возьмешь за сохрану и за молчокъ, а девять мнѣ вернешь, какъ только приду за ними. И чтобы никакихъ больше разговоровъ! Понялъ, чай?

— Это съ нашимъ удовольствіемъ, папычокъ... Ни Боже мой...—медленно, какъ бы съ испугомъ проговорилъ Тютюнниковъ послѣ

минутнаго раздумья, искоса неувѣренно поглядывая на Никиту, котораго вообще не считалъ человѣкомъ положительнымъ, такъ какъ онъ иногда по нѣсколько недѣль не платилъ ему за проѣздъ,— и нельзя было разобрать, что скрывалось въ этомъ взглядѣ,—радость передъ наживой, изумленіе, укоръ или скрытая жадность.

Особенной благодарности онъ не выражалъ, точно не ему дѣлали прибыль, а, напротивъ, онъ самъ выручалъ кого-то изъ бѣды.

Да и благодѣтелемъ своимъ онъ совсѣмъ не считалъ Глуменкова.

«Шалый панычъ чего не придумаетъ!.. На ноги меня поставилъ!.. Ишь ты какой...»

— Подними два пальца и присягай, что не обманешь,—потребовалъ Никита, не зная, чѣмъ другимъ закрѣпить сдѣлку.

— Вотъ какъ передъ Истиннымъ... ей-Богу... Коли вы не обманете, и я—нѣтъ... Вотъ даже перекрестился, панычокъ... Аминь.

Никита вынималъ пачку за пачкой и отсчитывалъ, а извозчикъ скорехонько припрятывалъ ихъ, потомъ крякнулъ, и пролетка бодро покатила обратно при общемъ молчаньи, тарахтѣла и позвякивала.

3.

Шли мѣсяцы за мѣсяцами.

Никита все никакъ не могъ рѣшиться взять деньги. Боялся попасться. Этотъ страхъ, какъ постоянный кошмаръ, стоялъ передъ нимъ и днемъ, и ночью.

Ни у кого, впрочемъ, не являлось подозрѣнія, что онъ-то и есть единственный виновникъ таинственнаго похищенія; да и самъ старикъ не думалъ этого, только еще больше поскупѣлъ и какъ-то осѣлъ на ноги, будто подъ постояннымъ гнетомъ какой-то неотвязчивой, тревожной мысли.

Тютюнниковъ оставилъ извозъ, открылъ дровяной дворъ, разбогатѣлъ, женился и совсѣмъ походилъ на купца-толстосума. При встрѣчахъ съ Никитой отворачивался или нехотя снималъ шапку, если сталкивался съ нимъ носъ къ носу.

И всякій разъ у Никиты что-то обрывалось въ груди, и онъ не смѣлъ спросить о своихъ тысячахъ. Удерживало что-то, и языкъ прилипалъ къ гортани.

Наконецъ набрался-таки храбрости всему этому положить предѣлъ и, откинувъ мнительность, отправился къ бывшему извозчику подъ вечеръ, когда было пасмурно и малолюдно. Шелъ и про себя молился.

Увидѣвъ Тютюнникова на улицѣ, приблизился къ нему, первый поклонился съ заискивающимъ взглядомъ и заговорилъ робкимъ, срывающимся голосомъ:

— Хочу покалякать съ тобою, Лаврентій.

— Кому—Лаврентій, а кому—Лаврентій Данилычъ. И въ родствѣ съ вашей милостью мы не состоимъ, такъ что и на *вы* не обидимся, ежели что...

Никиту какъ обухомъ по головѣ ударило отъ такихъ словъ, даже отшатнулся, а потомъ кровь закипѣла, покраснѣлъ весь.

— Эхъ, объ этомъ послѣ, не торговаться пришелъ... Глупости мелешь... безтолочь! Свинья ты!...—вдругъ опять вспылилъ и почувствовалъ, что горько какъ-то стало во рту, будто полыни попробовалъ:—возврати-ка деньги честь-честью, что я тебѣ далъ, и разойдемся въ разныя стороны, по-божески.

Тютюнниковъ стоялъ, подбоченясь, и усмѣхался веселой и злой улыбкой.

— По-божески?.. А много ли изволили дать-то? Запамятовалъ, ваше благородіе.

Ноги подкашивались у Никиты.

— Десять тысячъ, Лаврентій. Коротка память. Ужели забылъ? Десятую себѣ возьми, девять мнѣ верни, какъ уговорились... Поклялся ты!.. Восемь верни, шутъ съ тобой, лишь бы развязаться-то...

— Премного благодаренъ вамъ. Шутники эти панычи!.. Э, да что тамъ! Одинъ сказъ: денегъ отъ васъ никакихъ не бралъ и вернуть, значитъ, нечего. Что зря молоть-то!

Повернулся, чтобъ уйти, но, замѣтивъ искаженное судорогой лицо Глуменкова, остановился и, наклонившись къ самому его уху, зашепталъ, обдавая запахомъ водочнаго перегара, табаку и луку:

— Ежели заявить вздумаете, то ступайте-съ... Мы сами въ участокъ хаживали и насчетъ вашего батюшки, дай имъ Богъ здравьица на многи лѣта, свидѣтельство учинимъ, кто, значитъ, ихъ кровныя денежки прикарманилъ и душу христіанскую загубилъ. Упокой, Господи, раба твоего Степана!.. Панихиду бы отслужили за упокойничка.

Перекрестился Лаврентій и скорымъ шагомъ, не попрощавшись, пошелъ прочь и захлопнулъ за собой калитку.

— А клятву развѣ не помнишь?—крикнулъ ему вслѣдъ Никита, и голосъ его задрожалъ и оборвался, какъ у плачущаго ребенка:—Іуда-предатель!.. Иродъ... Чтобъ тебѣ...

Прижавшись къ забору въ глухомъ, холодномъ переулкѣ, стоялъ онъ такой жалкій, растерянный и глоталъ скупыя слезы—стыда, обиды и одиночества...

4.

«Самъ заслужилъ... самъ заслужилъ... самъ заслужилъ...»—весь вечеръ и всю ночь настойчиво раздавались у него въ ушахъ одни и тѣ же навязчивыя слова, такъ что Никита совсѣмъ не могъ уснуть, какъ ни старался.

И жутко было, чуть вспоминалъ висящаго на веревкѣ Степана съ распухшимъ, вывалившимся языкомъ и ужасными глазами муки и смертельной тоски. А воспоминаніе росло и выплывало, заслоняя всякія другія думы.

Безмолвіе ночи такъ явственно выдвигало это кошмарное видѣніе. Предательскій лунный свѣтъ, проникавшій въ окно сквозь кружевную занавѣску, творилъ сказочныя чудеса... И Никита, обливаясь потомъ и дрожа, натянулъ на голову одѣяло, чтобы спрятаться отъ страшнаго призрака и докучныхъ мыслей.

Когда луна скрылась за тучи, и пропала въ комнатѣ волшебная игра тѣней,—стало спокойнѣй на душѣ, но тогда новое замѣнило прежній страхъ: поднималась досада, что все сдѣлано напрасно, что безвозвратно погибли деньги, и хотѣлось кричать отъ какой-то внутренней жгучей боли, и клокоталъ въ груди гнѣвъ на Лаврентія.

«Спалю его со всѣмъ добромъ... Пускай помнитъ!..»—съ ненавистью думалъ и кусалъ пальцы отъ безсильной ярости.

Такъ промаялся до утра и всталъ съ измятымъ, мучнистымъ лицомъ и воспаленнымъ взглядомъ.

«Папашенькѣ признаюсь... Каяться буду... упаду на колѣни...»

Но едва переступилъ Никита порогъ отцовскаго кабинета, какъ рѣшимость упала, и съ языка слетѣли не тѣ фразы, которыя затвердилъ наизусть, лежа въ кровати съ закрытыми вѣками.

Пошли разговоры о томъ, о семъ, и твердое намѣреніе осталось не исполненнымъ.

«Подлецъ!» сказалъ самому себѣ Никита и на этомъ успокоился до поры, до времени.

Отправился въ клубъ, куда не захаживалъ съ самаго проигрыша «землевладѣльцамъ».

«Развлекусь, а то дурь въ голову полѣзла...»

Были новые посѣтители, которыхъ Глуменковъ еще не встрѣчалъ. Въ одной изъ гостиныхъ сидѣла кучка знакомыхъ, и кто-то высокій, съ просѣдью, съ увлеченіемъ говорилъ; остальные слушали. Никита незамѣтно приблизился и тоже началъ слушать. Никто не обратилъ на него вниманія.

«Вѣрно, охотникъ...»—рѣшилъ Никита о высокомъ господинѣ, а тотъ, между тѣмъ, говорилъ:

— Ну, конечно же, съ вами, друзья мои, отлично, но безъ собаки я—какъ потерянный. Хорошая собака дорогого стоитъ!.. Въ ней я увѣренъ, а гдѣ люди,—тамъ надо зорко оглядываться (хищники!..), да-съ... Вотъ вы послушайте. Въ запрошломъ году наступили изрядно-таки холодные дни послѣ ноябрьской слякоти. Я жилъ за городомъ,—тамъ природа ближе къ человѣку, тамъ всякій ея вздохъ, каждый ея шагъ непремѣнно будутъ замѣчены нами и хоть блѣдный слѣдъ, да оставятъ въ нашей душѣ. Эхъ вы,

городскіе! Толкаетесь у скучныхъ каменныхъ зданій, въ вѣчной погонѣ за чѣмъ-то, въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи только и знаете, что спѣшите куда-то, а не замѣчаете, однако, что природа давно очнулась, стряхнула зимнюю спячку, готовится къ новой жизни!.. Ранняя весна—что за прелесть! Выйдешь это поутру, чуть станетъ свѣтать, а жаворонокъ такъ и заливается звонко-презвонко. Въ городѣ, вѣдь, его не услышите, да-съ... Онъ любитъ деревню, въ особенности пока еще береза въ дремотномъ состояніи и запаховъ своихъ не распустила... Я... того... уклонился немножко... Нужно о зимѣ, а я къ веснѣ перескочилъ...

«Хорошій человѣкъ!»—разсудилъ Никита и впился взглядомъ въ высокаго господина.

— Ну, такъ вотъ, видите ли, вышелъ это я какъ-то передъ сномъ грядущимъ на прогулку съ собаками (двѣ ихъ у меня: Стокъ—молодой, трехлѣтка и старичокъ—Рыжикъ), вдругъ, откуда ни возьмись, большущій песъ. Обнюхалъ меня, хвостомъ повилялъ и за нами по пятамъ, то обгонитъ, то отстанетъ, то рядомъ пойдетъ. Не обращаю вниманія. Иду. Нагулявшись, возвращаюсь обратно и хочу запереть у себя калитку передъ самымъ его носомъ («ступай, молъ, восвояси!»—обычный пріемъ у нашего брата-эгоиста), а онъ какъ завизжитъ, да такъ жалобно, и въ глаза мнѣ смотритъ, точно проситъ чего-то, даже какъ будто слезы у него блестятъ. Мои собаки не огрызаются, тоже словно сочувствуютъ ему, хвостами помахиваютъ. «Была—не была», думаю. Вернулся, открылъ калитку, впустилъ, разглядываю, какова собака. Эге—типичный гончакъ изъ костромскихъ, должно быть, и хвостъ съ бѣлой кисточкой... Морда—преумная и голосъ—пріятный, переливчатый. Ясно—или отбился откуда-нибудь, или хозяева уѣхали, а его бросили на произволъ судьбы, какъ частенько водится у добродушныхъ русскихъ людей.

«И не то водится... Да ужъ—добродушные!..»—пробѣгаютъ обрывки мыслей въ головѣ Никиты.

— Вѣрите ли, завязалась у насъ самая искренняя дружба, какую лишь можно себѣ представить между хитрымъ человѣкомъ и привязчивой собакой, не знающей лжи.

«Хитрый человѣкъ, хитрый!..»—шепчетъ Никита, и весь охваченъ волненьемъ.

— Началось, разумѣется, съ поблажекъ. Допустилъ сперва гончака въ сарай, куда и пищу ему ставили, и питье, и солому набросали, чтобы помягче спать. Выйду, бывало, прогуляться, а онъ уже тутъ какъ тутъ, визжитъ, ласкается, трется у моихъ ногъ и съ такой силой, что иной разъ, право, чуть не упадешь. А мои собаки, видимо, ревнуютъ, огрызаются, чего-то никакъ подѣлить не могутъ. Бѣда да и только! День изо дня хуже. Жду себѣ, молчу. Кличку придумалъ я гончаку: «Мухтаръ». Много

названій перепробовалъ, но ни на одно не отозвался, а какъ сказалъ почему-то: «Мухтаръ»,—такъ онъ и повернулся ко мнѣ мордой и радостно завизжалъ. Ну, значитъ,—«Мухтаръ» и дѣло съ концомъ! Прошло недѣли двѣ, не больше. Ударили лютые морозы, безснѣжные, съ вѣтромъ. Вспомнить даже холодно. Бр... Вижу—Мухтаръ совсѣмъ окоченѣлъ въ сараѣ. Позвалъ бѣднягу въ кухню на часокъ-другой, а Рыжика и Стока въ комнаты перевелъ. Съ каждымъ днемъ все больше ему чести оказывалъ, купилъ ему ошейникъ, перемѣстилъ окончательно изъ сарая въ домъ. Если онъ въ кухнѣ, другія собаки оставались въ комнатахъ; если онъ въ комнатахъ—тѣ въ кухнѣ,—все дѣлалъ, лишь бы не повстрѣчались, а то грызня неминуемая была бы. Ужъ такіе у нихъ странные нравы! Какъ-то, впрочемъ, не усмотрѣли мои домашніе, и Стокъ набросился на него съ мертвой яростью мстителя, защищающаго свои поруганныя права отъ покушеній непрошеннаго пришельца. Если бы не я,—не вѣдаю, чѣмъ бы окончилось. Я не растерялся и мигомъ сумѣлъ разъединить враговъ. Рыжикъ издали посматривалъ и словно подбадривалъ Стока сердитымъ лаемъ,—то, что называется, «подливалъ масла въ огонь». Послѣ этого я твердо рѣшилъ разстаться съ Мухтаромъ и подарилъ его знакомому охотнику. Тотъ взялъ его на цѣпь и увелъ. Вѣрите, мнѣ стало грустно, когда онъ покорно пошелъ за новымъ хозяиномъ, безпрестанно оглядываясь въ мою сторону. Безъ году недѣлю прожилъ у меня, а такая привязанность! Онъ, вѣдь, у меня пользовался полной свободой, бѣгалъ, куда хотѣлъ, по пяти-шести часовъ и опять возвращался, слушалъ съ перваго слова, все понималъ, едва свисну,—онъ уже здѣсь и ждетъ приказаній. Собака—на рѣдкость. Черезъ дней десять возвращаюсь, какъ всегда, домой со службы около семи часовъ, а моя прислуга стоитъ у воротъ и посмѣивается.

«— Баринъ, а баринъ! Большой прибѣжалъ!

«— Какъ большой? Не понимаю...

«— А Мухтарка! Лежитъ въ гостиной и лапа разбита!

— Вотъ такъ штука,—шестьдесятъ верстъ отмахать! И, главное, по шпаламъ... Гдѣ-то блуждалъ, ногу повредилъ, а все-таки прибѣжалъ, запыхался, голодный, усталый... Молодецъ! Чутье-то какое чертовское! Къ моему привѣтствію отнесся сначала недовѣрчиво. «Знаю, молъ, твою ласку! фальшивая... Снова отдашь меня»,—но на другой же день попрежнему вилялъ хвостомъ и норовилъ лизнуть въ щеку. Нѣкоторое время отдыхалъ, отлеживался послѣ побѣга и завоевалъ у меня новыя права,—спалъ на диванѣ. Слабъ я,—что подѣлаете! Да я не надоѣлъ вамъ, господа? Скоро до самой сути доберусь.

— Говорите, говорите! Мы сгораемъ отъ любопытства,—отвѣтилъ ближайшій сосѣдъ, и всѣ другіе тутъ же поддержали его возгласами:—«говорите, говорите!»

— Квартира моя,—продолжалъ разсказчикъ,—дѣлилась на двѣ половины, такъ какъ собаки оставались непримиримыми, и я самъ тоже словно раздвоился между ними. Невольно казалось мнѣ, что *такъ почему-то нужно*. Опасность кроваваго столкновенія Стока и Мухтара висѣла въ воздухѣ, какъ грозовая туча, но я почему-то медлилъ разстаться со своимъ любимцемъ и, знаете ли, если бы не онъ,—меня, пожалуй, теперь въ живыхъ бы не было, такъ-то!.. Да-съ... Пришлось однажды довольно поздно тащиться домой,—извозчика отпустилъ съ полдороги, хотѣлъ пѣшкомъ дойти ради моціона.

Упоминаніе объ извозчикѣ заставило Никиту вздрогнуть. Онъ нахмурился, но сейчасъ же справился съ собой, закусивъ губу и затрещавъ суставами пальцевъ, и сталъ вслушиваться.

— Мѣстность, гдѣ я тогда жилъ,—сравнительно глухая, особенно по ночамъ, да еще зимой. На бѣду и деньги были при мнѣ (не Богъ вѣсть сколько, а все же)! Какъ всегда, понадѣялся на «авось!» Только поворачиваю за уголъ, уже совсѣмъ близко отъ дома, а на меня три тѣни надвигаются. Не успѣлъ и опомниться, какъ, молча, набрасываются, окружаютъ мертвымъ кольцомъ и хватаютъ за руки и шею. Ужасное чувство! Умѣю, вѣдь, боксировать, а такъ растерялся, что всѣ пріемы борьбы перезабылъ (смѣхотворно, право!). Куда тамъ бѣжать или сопротивляться! Съежился, замеръ... «Господи!» шепчу. Вдругъ внезапная мысль о Мухтарѣ прорѣзала мозгъ, и, самъ удивляюсь теперь, съ какимъ отчаяньемъ вырвалось у меня:—«Мухтаръ, Мухтаръ, ко мнѣ...»—и свиснулъ пронзительно, съ послѣднимъ порывомъ надежды, всю душу вложилъ въ этотъ свистъ. Къ счастью, ротъ не успѣли зажать... Не догадались!.. Неопытные были. Чтобъ имъ!.. И совершилось, друзья мои, великое чудо: вѣрный песъ, очевидно, поджидалъ меня у воротъ, точно чуялъ бѣду, услыхалъ мой вопль и вихремъ примчался въ минуту какую-нибудь. Ахъ, что было!.. Клубокъ какой-то покатился. Съ воемъ и визгомъ бросили меня мерзавцы, какъ могли только,—разбѣжались, голубчики... Досталось! Чортъ бы ихъ!.. Одинъ такъ и заковылялъ, оставляя на снѣгу кровавые слѣды. Ловко раздѣлалъ ихъ Мухтаръ! Но и ему не сошло это даромъ... да-съ! Кто-то изъ проходимцевъ, убѣгая, должно быть, полоснулъ его ножомъ по горлу... Э, да что тамъ вспоминать! Тяжело... Развѣ у меня будетъ когда-нибудь еще такая собака, какъ Мухтаръ!..

Слушатели еще были подъ впечатлѣніемъ разсказа, а Никита уже выскочилъ впередъ и трясъ руку озадаченному хозяину Мухтара.

— Хорошій вы, славный, хорошій... Благодарю...—и выбѣжалъ изъ клуба, будто спѣшилъ куда-то.

5.

Съ этой поры Никита замѣтно измѣнился, ушелъ въ самого себя, избѣгалъ общества, имѣлъ вообще видъ человѣка, что-то безвозвратно потерявшаго...

Особенно часто вспоминалъ разсказъ, подслушанный въ клубѣ, и задумывался.

«Вотъ ужъ меня не спасалъ бы Мухтарка, да и не присталъ бы ко мнѣ, сразу разнюхалъ бы, что я за фруктъ... Чѣмъ я лучше тѣхъ самыхъ хулигановъ, которыхъ Мухтарка помялъ?.. Они хоть промыселъ такой избрали, а я ни за что, ни про что слугу вѣрнаго до веревки довелъ и молчу, какъ проклятый... Пойти бы и сказать папашенькѣ, какой у него сынокъ,—анъ нѣтъ!..»

И дѣйствительно ходилъ, но не говорилъ—храбрости не хватало, боялся животнымъ страхомъ за собственную шкуру.

«А какъ возьметъ да за порогъ вытолкаетъ?..»

Смирялся и на нѣкоторое время затихалъ, прячась, какъ улитка въ скорлупу.

Ужъ прежде былъ тихоней, въ особенности на глазахъ у отца, а теперь и совсѣмъ притихъ—сталъ тише воды, ниже травы. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ, не разгибая спины, за папашенькиными бухгалтерскими книгами и счетами, словно почерпалъ въ нихъ своеобразную утѣшительную прелесть.

Иногда, когда опять находило то, чего такъ страшился, исчезалъ, шлялся по улицѣ, гдѣ стояли дровяной дворъ и домъ Тютюнникова, обыкновенно на другой сторонѣ передъ окнами, точно предполагая вызвать въ бывшемъ извозчикѣ укоры совѣсти. Маячилъ по цѣлымъ часамъ и уходилъ обратно, словно облегчивъ свою душу.

Разъ, правда, вышелъ Лаврентій и, не кланяясь, крикнулъ:

— Кажинный разъ!.. И что попусту валандаетесь? Шли бы къ тятенькѣ, Сидору Тарасычу, да покаялись въ грѣхѣ. Неровенъ часъ, собаку выпущу изъ воротъ—еще Волчокъ закусаетъ ваше благородіе. Извѣстно, хотишь—не хотишь, а какъ нужно—побѣгишь.

— Тоже разсказчикъ выискался!—отвѣчалъ пренебрежительно Никита и чувствовалось, что кровь подступаетъ у него къ сердцу горячей волной:—бываетъ, что и медвѣдь по воздуху летаетъ. Небось, совѣсть зазрила? Думаешь, съѣлъ полпуда и живъ покуда?.. Воръ отъявленный и тотъ каторжную совѣсть имѣетъ, а у тебя хоть колъ на головѣ теши...

Лаврентій не дослушалъ—ушелъ, рукой махнувъ и хлопнувъ калиткой, и донесся сейчасъ же глухой, сердитый лай собаки и звонъ цѣпи.

«Страдастъ... дуракъ!»—подумалось Никитѣ.

Но онъ, въ сущности, и самъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, зачѣмъ пришелъ сюда и къ чему затѣялъ перебранку съ извозчикомъ, котораго давно, по его мнѣнію, слѣдовало вырвать навсегда изъ памяти и затѣмъ примириться съ непріятной дѣйствительностью.

Хотѣлось крикнуть передъ уходомъ какое-нибудь обидное слово, но удержался, лишь плюнулъ по направленію дровяного двора.

«На папашенькины денежки выстроился проходимецъ... А слѣдовало бы подпалить ночью! Пущай тогда повоетъ по-собачьи... Кажется, спалю... ей-ей, спалю!..»

И этотъ мелькнувшій планъ настолько крѣпко засѣлъ въ голову, что ни на минуту не забывался, а, напротивъ, развивался и разрабатывался до мельчайшихъ подробностей.

Ночью разбудить—и тогда вспомнитъ...

Онъ уже хорошо изучилъ, въ какомъ мѣстѣ забора есть большая щель и что тамъ, за этой щелью, сложены мелкія дрова. Зналъ также, что поздними часами, въ глухомъ переулкѣ, куда этотъ заборъ упирался, трудно кого-нибудь встрѣтить. Когда рѣшимость окончательно созрѣла, Никита выбралъ подходящій пасмурный вечеръ, взялъ что нужно, и отправился на «судъ Божій», какъ самъ называлъ задуманное дѣло.

«Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ»,—своеобразно перетолковалъ онъ священный текстъ: — и никакого тутъ грѣха нѣтъ, ежели отниму то, что самъ ему сдуру отдалъ, положившись на честность. Принялъ волка за овцу... Лишняго не возьметъ, а кожу сдеретъ. Съ этакими не слѣдуетъ миндальничать. Папашенька хоть самъ не изъ аристократовъ, однако постоянно говоритъ: «Не дай Богъ свиньѣ рогъ, а мужику панства...» Точно про Лаврентія поговорки сложили»...

Быстро шелъ, и думы за думами такъ и кружили въ возбужденномъ мозгу.

Въ спертой духотѣ чувствовалась гроза.

Весь день стоялъ сухой и жаркій, и природа будто искала выхода изъ этого мертваго затишья.

Издали надвигалась черная туча; изъ нея уже поблескивали огненные зигзаги молній, но грома не было слышно и зловѣщая тишина казалась отъ этого еще страшнѣе.

Съ возможными предосторожностями завернулъ Никита въ переулокъ, отыскалъ щель и оглянулся.

Было полное безлюдье; только собака Лаврентія, точно ощущая чью-то непріязненную близость, гдѣ-то въ сторонѣ лаяла и визжала, позвякивая цѣпью.

«Чуетъ, вѣдь!.. На Мухтарку похожа, значитъ... А ежели оборвется да на меня?..»

Послышались шаги... потомъ замерли...

Молнія опять сверкнула, и стало еще темнѣе.

Вынулъ Никита дрожащей рукою пузырекъ съ керосиномъ, обмочилъ платокъ и просунулъ въ щель, положивъ его на торчащее полѣно, чиркнулъ спичкой, поломалъ, снова чиркнулъ и дрожащій огонекъ съ возможной осторожностью, приблизилъ къ платку. Сквозь щель блеснуло пламя, и очень скоро затѣмъ послышалось легкое потрескиваніе высохшаго дерева.

«Взяло... клюнуло...»

Оглянулся—никого, какъ и раньше. Пузырекъ съ остаткомъ керосина тоже протолкнулъ въ щель и слышалъ, какъ онъ упалъ и разбился.

Рѣшилъ было остаться, но непреодолимый страхъ вдругъ охватилъ все его существо, и онъ бросился отъ этого мѣста туда, гдѣ люди, чтобы снова вернуть себѣ прежнее хладнокровіе. Началъ накрапывать мелкій дождь и гдѣ-то недалеко уже гремѣло и освѣщалось небо въ разныхъ направленіяхъ красными и лиловыми вспышками.

«Вотъ и аминь... все дождикомъ зальетъ... Тучку бы, тучку пронесло мимо!.. Ахъ кабы, право!.. Неужли терпѣть до гроба и такъ-таки ничѣмъ не отплатить лиходѣю!.. И земля держитъ, ничего ей»...

Мелкія капли дождя падали скупо и черезъ нѣсколько минутъ совсѣмъ прекратились; очевидно, туча проходила дальше, только слегка задѣвъ городъ.

Никита прошагалъ по улицамъ довольно долго и забрелъ, усталый, въ увеселительный садъ «Южный берегъ Крыма».

Въ закрытомъ театрѣ подъ звуки танго извивались двѣ пары, принимая томныя позы.

Исполнители имѣли успѣхъ, и всѣ, кромѣ Глуменкова, бѣшено аплодировали и кричали: «браво!»

Никита еле дождался конца и вышелъ, какъ пьяный.

Голова кружилась, и какой-то клубокъ подкатывалъ къ горлу.

«Еще разрыдаюсь, чего добраго. Чортъ меня возьми! За что ни возьмусь—все срывается...»

Молнія утихла, и небо мѣстами вызвѣздѣло, но изъ-за деревьевъ и садовыхъ павильоновъ виднѣлось какое-то отдаленное зарево.

Никита не отдавалъ себѣ отчета, гдѣ оно, и хотѣлъ усѣсться за столикъ и спросить пива, но его взоръ перехватилъ ходатай по дѣламъ Трехколесный и, по своему обыкновенію, хитро подмигивая, подскочилъ сейчасъ же вертлявой походкой.

— А, любезный тихоня, и вы тутъ налицо? Эге!.. Опять «шито-крыто»? Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались, за руку не держались!.. Что жъ вы одинъ, безъ мамзели? Хе-хе... А то бы при по-

жарномъ освѣщеніи этакъ кренделькомъ вдоль аллеи вздоховъ... весьма даже эффектно! и пикантно...

Никиту передернуло отъ такихъ словъ.

— Я, собственно, не совсѣмъ въ толкъ возьму-съ, на какой это вы пожаръ изволите намекать, драгоцѣнный мой?

— Какъ на какой? Святая простота! На вотъ этотъ самый... Не угодно ли полюбоваться. Сиішоръ, вы никакъ съ отдаленной планеты? Развѣ не слыхали: дровяникъ Тютюнниковъ горитъ... и, говорятъ, не застраховалъ по скаредности и темнотѣ мѣщанской. Да вы что поблѣднѣли, любезнѣйшій? Мужчина съ виду, а нервы истрепаны, какъ у истеричной бабенки. Хуже всего, что огонь сосѣднимъ домамъ угрожаетъ.

Глуменковъ еле справился съ волненіемъ.

— Отъ папашенькинаго дома далеко?—только и могъ онъ выговорить, заикаясь.

Трехколесный смѣрилъ его удивленнымъ взглядомъ и расхохотался, широко открывая ротъ.

— Ахъ, вотъ вы отчего переполошились? Чудакъ!.. Стало быть, хоть весь міръ пропадай—лишь бы папашенькинъ домъ уцѣлѣлъ? Правильно! Примѣрный сынокъ у родителя... Только позвольте... Я все нюхаю и не понимаю... По какой-такой причинѣ отъ васъ нынче керосиновый духъ исходитъ? За женою лавочника приволокнуться вздумали? Подозрительно!..

— Зачѣмъ придираться-то?—разсердился вдругъ Никита, ища предлога поскорѣе отдѣлаться отъ назойливаго адвоката:—разъ ко всякому состраданіе имѣете, то и пошли бы съ Богомъ заливать пожаръ, а вы прохлаждаетесь межъ нами, какъ архіерей межъ попами... Такъ-то-съ... Ну, и насчетъ керосину-съ неизвѣстно, почему приплели... Можно сказать—ни къ селу, ни къ городу-съ... Гм... гм.. А я все же пойду-съ... Спокойной ночи желаю.

Поклонился и пошелъ.

Трехколесный, при всей своей находчивости, даже не нашелся, что отвѣтить, и пожалъ плечами, ехидно посмѣиваясь ему вслѣдъ, и тутъ же подумалъ:

«Саврасъ... Никакого обхожденія не понимаетъ».

6.

Когда Никита добрался до пожара, то и глазамъ своимъ не повѣрилъ.

«Не я тутъ виной, не я!.. Судъ Божій, судъ... Одинъ человѣкъ не сможетъ такъ сдѣлать... Судъ Божій...»—шепталъ онъ дрожащими губами и крестился, снявъ сѣрую, полотняную шляпу.

Было что-то стихійное въ томъ разрушеніи, которое произвелъ шальной огонь.

Всѣ постройки Лаврентія, огромная площадь, занятая дровами и досками, сосѣдніе дворы другихъ владѣльцевъ, — все это было залито бушующимъ моремъ пламени.

Выскакивали со свистомъ и шипѣньемъ зловѣщіе, огненные столбы; тутъ же раскаленныя головни, благодаря поднявшемуся вѣтру, перебрасывались въ разныя стороны, разсыпая милліоны искръ, и пылающая бездна напоминала чудовищную печь, готовую поглотить всю округу.

Пожарныя команды, уѣздная, городская и земская, были на ногахъ. Пріѣхали на помощь и любители изъ вольныхъ дружинъ. Принималъ участіе въ тушеніи и народъ.

Потомъ пригнали роту солдатъ.

Невообразимый гулъ, крики, звонки, гудки, ржанье лошадей и лай собакъ соединялись въ одинъ страшный звукъ, пугающій уже издалека.

— А собачку спасли?—приставалъ Никита къ первымъ попавшимся, вспоминая, что у Лаврентія жила во дворѣ цѣпная собака, Волчокъ, и въ его расширенныхъ зрачкахъ отражался ужасъ какой-то тайны.

— Тутъ и людей-то, казалось, не всѣхъ спасли, а не то, что шавку.

— А развѣ собака не такая же Божія тварь? Сообрази-ка, что говоришь!—горячился Глуменковъ и отъ волненія весь ходуномъ ходилъ.

— Да оно, конечно... и собака—тварь... Може, и спасли, баринъ... Эхъ, жисть наша—аржаная каша!

— «Може... може...» Развѣ это по-христіански! Отъ краю до краю всѣмъ добра желаю, а чтобъ сдѣлать это—ни-ни... —не успокаивался Никита, будто мечталъ словами поправить дѣло.

— А собака никакъ ваша, что такъ убиваетесь?—спросилъ кто-то изъ толпы:—навѣрняка вырвалась... Лѣтомъ, извѣстно, всякій кустикъ ночевать пуститъ. А коль сгорѣла—такъ сгорѣла. Туда и дорога. Умираетъ не старый, а поспѣлый. Чередъ, значитъ, пришелъ и—баста.

— Гляди-ка, самъ исправникъ на лисапетѣ!—торопливо перебилъ говорившаго чей-то голосъ, и толпа отхлынула отъ Никиты, уступая мѣсто новымъ любопытнымъ.

«Вотъ, кажется, такъ и упалъ бы на колѣни и покаялся: суди меня, окаяннаго, честной людъ! Согрѣшилъ передъ Богомъ и передъ тобой! Но суди и того, кто душу мою вымоталъ и довелъ до преступленія...»

Такъ поминутно разсуждалъ Глуменковъ, то смотря на пожаръ, то прислушиваясь однимъ ухомъ къ бѣглымъ разговорамъ.

— Не иначе, какъ молніей зажгло, али цыгарку кто бросилъ...

— Никого дома не было. Самъ Лаврентій Данилычъ за лѣсомъ укатилъ верстъ за сорокъ. То-то сюрпризецъ застанетъ... не дай Боже!...

— Жена Лаврентьева съ дитей въ деревнѣ... Ребята разбрелись кто-куда. Волчокъ весь дворъ сторожилъ, заливался лаемъ. Пожарные еле отвязали... спасли бѣднягу, а то бы изжарился... Уже цѣпь докрасна накалилась...

— Ну, положимъ, это—брехня. Еслибъ накалилась—и собакѣ капутъ, а Волчокъ по улицѣ рыскалъ, искалъ хозяина... я самъ видалъ.

«Живъ Волчокъ, живъ!.. Словно камень свалился съ души, а съ Лаврентіемъ насъ Богъ разсудитъ,—Богъ!..»

И Никита отправился домой ровными, бодрыми шагами, точно ничего особеннаго не произошло и будто не онъ еще такъ недавно каялся въ душѣ и готовъ былъ упасть на колѣни передъ народомъ. Ничего не чувствовалось, кромѣ усталости, смѣнившей возбужденіе.

Слипались раскраснѣвшіеся глаза отъ долгаго и пристальнаго смотрѣнія на огонь.

Потъ лилъ градомъ.

Никита шелъ, обмахиваясь шляпой, и никакой жалости къ Лаврентію не имѣлъ въ сердцѣ. Было одно непреодолимое желаніе—покрѣпче выспаться.

Востокъ давно розовѣлъ, и приближалось тихое, теплое утро.

Обернулся—мигающее зарево еще стояло позади, но значительно ослабѣло. Вѣроятно, догорали послѣдніе остатки зданій и дровъ; должно быть, дальше пожаръ не двинулся, такъ какъ и вѣтеръ примолкъ, и пожарные бились изо всѣхъ силъ, чтобъ одолѣть могучій натискъ огня.

7.

Протекло нѣсколько недѣль, какихъ-то тусклыхъ, пустыхъ. Никита хорошо сознавалъ, сколько имъ пережито за послѣдніе два-три года.

«Во-первыхъ, уворовалъ у папашеньки малую толику; во-вторыхъ, взвалилъ вину на чужія плечи и этимъ способствовалъ самоубійству Степушки, друга сердечнаго; въ-третьихъ, обманулся въ мерзавцѣ Лаврентіи; въ-четвертыхъ, Мухтарку пожалѣлъ, хотя и не зналъ этой вѣрной собаки; въ-пятыхъ, долго носилъ сладкую мечту о мести и спалилъ-таки душегуба проклятаго, а съ нимъ неповинныхъ людей, Господи прости; въ-шестыхъ, обрадовался, что Волчокъ не сгорѣлъ, а живъ остался, хотя Лаврентій и недостоинъ этого благороднаго сторожа; въ-седьмыхъ и послѣднихъ, ежечасно питалъ и питаю надежду—покаяться и передъ папашенькой, и

передъ честнымъ людомъ православнымъ, а силы-то и не хватаетъ... Не всякому дается».

Однажды увидѣлъ Тютюнникова, оборваннаго, испитого, съ лицомъ звѣря, и опустилъ глаза, когда тотъ странно усмѣхнулся и прошелъ мимо, ничего не сказавъ.

Кажется, оба поняли другъ друга...

И злобы уже не было противъ Лаврентія: осталось все въ прошломъ, а прошлое смыто огненной волной.

Только въ душѣ какое-то маленькое мѣстечко не могло никакъ примириться съ дѣйствительностью. Нѣтъ-нѣтъ, да и давало себя чувствовать. И это чувство росло съ каждой ночью больше и больше и наполняло все существо Никиты, мѣшало ему забыться здоровымъ сномъ, а днемъ опять стыдливо пряталось, уступая свою жертву житейскимъ заботамъ.

Точно невидимый червь, подтачивающій корни дерева, подтачивалъ и его съ той же убійственной послѣдовательностью.

Нужно было рѣшиться—предпринять что-нибудь такое, чтобы душу облегчить. Безъ этого жизнь становилась невмоготу.

Сидѣть за бухгалтерскими книгами да щелкать на счетахъ, притворяться передъ «папашенькой»—опротивѣло до мозга костей, такъ что по временамъ поднималась безотчетная ненависть ко всему рѣшительно, и Никита старался тогда не глядѣть на отца,—иначе взглядъ выдалъ бы его съ головой,—вѣдь мысли однѣ были: «Живетъ старикъ... Чего добраго, и меня переживетъ!»

Глуменковъ-сынъ исхудалъ, поблѣднѣлъ, смотрѣлъ какъ-то вкось, ежеминутно оглядывался, словно боясь погони или невидимаго свидѣтеля.

Глуменковъ-отецъ только дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого, а на самомъ дѣлѣ давно уже наблюдалъ за сыномъ и приписывалъ перемѣну, происшедшую съ нимъ, неудачной любви, но пришелъ къ заключенію, что лучше оставить его въ покоѣ и ждать, пока время сведетъ концы съ концами.

«Пускай его образуется!»—думалъ про себя и также грустилъ, также по ночамъ вздыхалъ и томился. «Свихнулся паренекъ».

Такъ они жили изо дня въ день, каждый по-своему, и не находили въ себѣ достаточной рѣшимости переступить раздѣляющую грань и облегчить другъ друга признаньемъ и близкимъ участьемъ къ судьбѣ другого.

Въ ихъ молчаливомъ страданьи было что-то трагическое.

И вдругъ произошло нѣчто совсѣмъ неопредѣленное, измѣнившее весь кругозоръ, перевернувшее весь строй тихой обывательской жизни, начинавшей напоминать стоячее болото.

И это *нѣчто* была война...

Давно ея ждали, но именно не тогда, когда она пришла. И даже не знали, съ кѣмъ будутъ воевать.

«Вѣроятно, за сербовъ заступаемся»,—предполагало большинство, услыхавъ о мобилизаціи.

Уѣздный городъ Южный, какъ стоящій въ сторонѣ отъ политическихъ и общественныхъ движеній, городъ старины, еще не успѣвшій стряхнуть съ себя нѣкоторой отсталости понятій, естественно, не былъ подготовленъ къ разыгравшимся міровымъ событіямъ.

Желѣзнодорожная станція Южная, находящаяся въ 3—4 верстахъ отъ города, стала вдругъ, волею судебъ, узловымъ пунктомъ, черезъ который двинулись безконечные воинскіе поѣзда.

Благодаря этому, пассажирское сообщеніе временно тоже прекратилось. Замедлились и почтовыя отправленія.

Газеты и письма задерживались и разносились почтальонами по разу въ день, да и то къ вечеру. Частныя телеграммы не принимались безъ оговорокъ, что отправители не будутъ имѣть претензій въ случаѣ несвоевременной ихъ доставки. И онѣ дѣйствительно шли наравнѣ съ письмами. Словомъ, все приняло необычайный видъ.

Даже позакрывались пивныя и «казенки».

18-го и 19-го іюля выступили мѣстныя полковыя части, и весь городъ высыпалъ на улицы—поглазѣть и посплетничать, покричать прощальныя привѣтствія и помахать платками.

Любимой музыки не было, и хотя это лишало проводы привычной торжественности, но зато и придавало картинѣ шествія молитвенную трогательность священнослуженія, напоминающую забытые обычаи предковъ. Строгія, задумчивыя лица мелькали безконечной цѣпью.

— Прощайте, братики! Возвращайтесь съ побѣдой!

— Ура!..

— Христосъ съ вами, соколики!..

— А биться-то съ кѣмъ будутъ, родненькій,—съ японом аль съ туркой?

И всѣ возгласы сливались со стукомъ копытъ, съ мѣрнымъ шагомъ пѣхоты, съ шумомъ и скрипомъ колесъ артиллерійскихъ орудій и разносились по улицамъ, смѣшиваясь съ чириканьемъ птицъ и съ другими поющими и звенящими звуками теплаго іюльскаго вечера, говорящаго скорѣй о безмятежномъ покоѣ, чѣмъ о враждѣ и битвѣ народовъ.

Солнце заходило, и въ небѣ играли яркія краски.

Были изумительные свѣтовые контрасты, такъ что зрители невольно придавали имъ особое, символическое значеніе.

Одинъ мигъ казалось, напримѣръ, будто конница скачетъ въ заревѣ багроваго пожара.

— Ой, много человѣческой крови, много крови прольется!— шептали суевѣрныя уста дряхлой старухи.

А вотъ облачныя кружева сложились наподобіе воскрылій, и можно было различить золотистыя тѣни, напоминающія ангеловъ съ трубами.

— Глядите, благословляютъ нашихъ-то защитниковъ! Ой, страда будетъ великая, а съ честью выйдемъ, сокрушимъ нехристей... ей-ей, такъ, какъ Богъ святъ!

Уже поблекли закатные огни, а вдали все еще виднѣлась въ пыльной дымкѣ ползущая лента уходящихъ войскъ. Доносилась урывками и казацкая пѣсня.

Потомъ все стихло. Точно ничего и не было. Словно въ кинематографѣ промелькнула сценка изъ походнаго быта.

Но осталось надолго острое воспоминаніе, и на другой же день, когда жители города Южнаго узнали, наконецъ, что Россія начинаетъ войну съ Германіей, а затѣмъ, вѣроятно, и съ Австріей,—сдѣлалось вдругъ такъ грустно, что многимъ изъ ушедшихъ вчера, ставшимъ такими близкими, родными, быть можетъ, не суждено вернуться обратно... И въ душѣ поднималось негодованье противъ кичливаго врага, дерзнувшаго взбудоражить міръ и дать волю инстинктамъ первобытнаго звѣря.

8.

Черезъ Южный погнали цѣлые табуны лошадей, признанныхъ годными для военныхъ надобностей, затѣмъ двинулись безконечныя вереницы запасныхъ то пѣшкомъ, то на телѣгахъ.

Шли, шли безъ конца отъ ранняго утра до поздняго вечера и одну недѣлю, и другую...

Многіе изъ постоянныхъ жителей поуѣзжали вслѣдствіе призыва. Зато понаѣхали случайные, новые, какъ присланные въ мѣстный лазаретъ для освидѣтельствованія, такъ и для пополненія воинскихъ частей взамѣнъ ушедшихъ на войну.

Никита съ болѣзненнымъ вниманіемъ наблюдалъ изъ окна конторы за жизнью улицы Широкой, служившей главной соединительной вѣткой, ведущей къ вокзалу.

И съ каждымъ днемъ въ Глуменковѣ все больше и больше созрѣвала рѣшимость—уйти вслѣдъ за этими толпами безвѣстныхъ людей,—уйти отъ прежней жизни, отъ всего того, что угнетало и мучило тяжелыми кошмарами, лишая сна въ долгія тревожныя ночи.

Хотѣлось не громкаго подвига, а незамѣтнаго, чтобы въ боевомъ крещеньи смыть навсегда пятно позора.

И мысли кружили въ головѣ однѣ и тѣ же, какъ вчера, такъ и сегодня.

«Укралъ, обезчестилъ невиннаго, поджегъ... обезчестилъ невиннаго, укралъ, поджегъ... укралъ... укралъ...»

Нужно было чѣмъ-нибудь сильнѣйшимъ отвлечь навязчивыя думы и сумѣть найти если не оправданье своимъ поступкамъ, то по крайней мѣрѣ хоть самопрощенье. Но сейчасъ же врѣзывался клиномъ животный страхъ смерти:

«А если убьютъ? или, еще хуже,—замучаютъ?.. Что же, пускай! Неужели лучше, ежели Лаврентій уличитъ и къ папашенькѣ придетъ да все выложитъ?... Охъ, съ него станется... Придетъ!.. Вижу по его рожѣ. Третьёводни столкнулись. Такъ и вытаращилъ буркала».

Всю ночь проходилъ по комнатѣ, прислушиваясь, не ломится ли въ двери Лаврентій, такъ и спать не ложился; уже подъ самое утро присѣлъ и, уронивъ голову на столъ, забылся на нѣкоторое время тяжелымъ сномъ.

Явился къ отцу рано, когда тотъ едва всталъ, и былъ Никита съ лицомъ помятымъ, но выражающимъ непоколебимую рѣшимость и удивительное спокойствіе духа.

— Что съ пѣтухами, сынокъ, поднялся?.. Чудно́!—сказалъ, посмѣиваясь, старикъ:—ну, говори, говори! Рѣдко просишь... Говори!.. Доволенъ тобою: баклушъ не бьешь, книги въ порядкѣ...

— Я, папашенька, ничего не ищу, кромѣ одного: желаю за родину животъ свой положить. Благословите.

— Да, вѣдь, тебя не возьмутъ—единственный ты у меня!—изумился Сидоръ Тарасовичъ и даже посѣрѣлъ какъ-то, хотя глаза на мигъ внезапно зажглись, словно просіяли, и у густыхъ бровей легла мягкая складка.

— Ежели вы разрѣшите, папашенька, я телеграмму Царю-батюшкѣ пошлю. Отказа не будетъ-съ. На передовыя позиціи хочу. Чѣмъ я хуже иныхъ прочихъ? Въ развѣдчики-добровольцы либо что другое. А вдругъ крестикъ георгіевскій схвачу? Лестно...

Подумалъ старикъ, покачалъ головой, за ухомъ почесалъ, потомъ отвернулся, слезу вытеръ и принялъ снова, какъ всегда, серьезный, озабоченный видъ.

— Съ Богомъ, сынокъ,—съ Богомъ! У насъ говорится: куплено пшено—такъ дѣло рѣшено. Шли телеграмму и въ путь, но не засиживайся тамъ, въ окопахъ-то... замерзнешь! Повоюй и обратно. Съ кѣмъ я-то останусь?.. Ну, благословляю, благословляю... хвалю... Молодецъ! Ступай!..

И Никита сталъ готовиться къ отъѣзду, но никому объ этомъ не говорилъ, боялся, что до Лаврентія дойдетъ слухъ и онъ каверзу какую-нибудь учинитъ.

Ожиданье измочалило его, а вѣчная боязнь еще болѣе разстроила нервы.

Наконецъ получилось радостное извѣстіе, и Никита въ качествѣ добровольца выѣхалъ изъ Южнаго въ дѣйствующую армію, оставляя позади всѣ кошмары и страхи, не дававшіе ему покоя столько времени.

9.

Моросилъ холодный, частый дождь.

Въ окопахъ отъ постоянныхъ ливней вода совсѣмъ не просыхала, такъ и стояла громадными лужами, а подъ ними валялись доски набросанныя и кирпичи, по которымъ осторожно пробирались солдаты изъ одного конца въ другой.

По бокамъ тянулись поля съ примятымъ, не убраннымъ хлѣбомъ и жалкія развалины сожженной деревни съ одиноко торчащими печными трубами и обуглившимися бревнами.

Еще недавно здѣсь жили въ домашнемъ уютѣ, работали, любили, можетъ быть, были счастливы или несчастливы, но во всякомъ случаѣ пользовались настоящимъ и надѣялись на будущее. Вѣра въ лучшее согрѣвала и поддерживала силы... И вдругъ все стало прошедшимъ, невозвратнымъ!

Нужно было все бросать, къ чему привыкъ, съ чѣмъ сжился, и съ жалкими пожитками безъ оглядки тащиться — куда глаза глядятъ, безъ гроша за душой, въ безпредѣльную даль, лишь бы не попасться въ руки непріятеля — грубаго и алчнаго, съ низкими страстями, не признающаго никакой святыни...

Все было разграблено имъ и увезено, гдѣ онъ проходилъ, постройки были преданы огню и разрушенію.

Но вотъ насталъ и для врага судный день: русская пуля «нащупала» его берлогу.

По линіи солдатъ раздавалось уже сухое пощелкиванье затворовъ, и вновь все затихало, затѣмъ затрещали выстрѣлы, зажужжала свинцовая саранча, загрохотали пушки.

Все небо избороздилось яркими зигзагами, точно молніями, а вслѣдъ за ними отвратительно завыли гранаты и, вертясь волчкомъ, стали падать, коварно умолкая, словно пытаясь обмануть кого-то. Въ клубахъ черноватаго дыма и пламени разворачивалась грудь земли, какъ могила, и оттуда вылетали острые куски стали, неся смерть и увѣчье.

Нѣмецъ долго не сдавался и отвѣчалъ на выстрѣлы выстрѣлами, пока не дрогнули передовые ряды, а едва дрогнули—началась суматоха.

И когда, преслѣдуемые русскими штыками, бросились въ паникѣ бѣжать со всѣхъ ногъ, нелѣпо кидая оружіе, было что-то дикое и въ самомъ ихъ бѣгѣ, и въ звѣриныхъ крикахъ тупого отчаянія.

Казалось, самъ ужасъ встрѣчалъ ихъ на кровавомъ пути, простирая впередъ желѣзныя лапы.

Никита Глуменковъ съ непривычки чувствовалъ себя разбитымъ.

Неоднократно приходилось ему ночевать подъ дождемъ, лежа на землѣ со скатанной шинелью подъ головой.

Руки его заскорузли, обвѣтрилось лицо, и прежнія думы какъ будто перестали тревожить.

Онъ высунулъ голову за брустверъ и сосредоточенно смотрѣлъ вдаль, прислушиваясь къ выстрѣламъ, долетавшимъ изъ-за лѣса, гдѣ скрывались послѣдніе остатки нѣмецкаго отряда.

— Что ты? сдурѣлъ?—послышался внизу голосъ товарища:— разстрѣляютъ, какъ Сидорову козу. Вотъ она, «марфутка», вылетѣла!.. Визжитъ, проклятая.

Никита не отвѣчалъ и упрямо продолжалъ вглядываться въ какую-то точку, откуда что-то бѣжало по направленію къ окопамъ. Стрѣльба опять усилилась.

Загорался лѣсъ багровыми отсвѣтами.

Земля содрогалась отъ лошадинаго топота и стука человѣческихъ ногъ.

«Да это собачка!.. Мухтарка какой-нибудь, заброшенный, голодный, ищетъ хозяина... А онъ, поди-ка, гніетъ уже въ ямѣ»...— подумалъ Глуменковъ, и все слышанное когда-то въ клубѣ настолько сроднилось съ нимъ, что вспомнилось ему теперь, какъ свое собственное, точно Мухтаръ былъ его собакой и точно она спасла отъ нападенія хулигановъ не другого кого, а именно его самого.

И Никита еще болѣе высунулся, стараясь ее приманить.

— Какъ есть дуракъ!—въ сердцахъ крикнулъ опять товарищъ и потащилъ его за ногу, но въ эту минуту раздался чмокающій звукъ пули, впивающейся въ тѣло, и Никита, не проронивъ ни одного слова, какъ-то неестественно взмахнулъ руками, наклоняясь въ сторону, и повалился въ ровъ, какъ тяжелый мѣшокъ, брошенный кѣмъ-то сверху.

Никитинъ товарищъ перекрестился.

— Я жъ ему говорилъ! Не сдюжалъ... Ну, прощевай покудова. Эхъ, миляга!

Между тѣмъ вблизи раздавалось уже оглушительное «ура»! Побѣда была одержана послѣ упорныхъ семидневныхъ боевъ, и русскія войска вели плѣнныхъ, тащили пулеметы, обозъ, и среди этихъ трофеевъ виднѣлось непріятельское знамя. Раненые и убитые валялись цѣлыми грудами.

Мелькали санитары и сестры милосердія.

Священникъ напутствовалъ умирающихъ.

Мертвые молчали.

Живые жаждали отдыха...

Посинѣвшее лицо Никиты было совершенно спокойно.

Такъ и казалось—онъ скажетъ сейчасъ:

— Папашенька, вы правы: холодновато въ окопахъ. Ежели что—я и назадъ пріѣду и Мухтарку съ собой прихвачу... правда!..

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БЫВШАГО СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ.

I.

Должностныя лица судебнаго вѣдомства всегда завалены работой. Несмотря, однако, на свой тяжелый трудъ, они любятъ свое вѣдомство, любятъ потому, что судейскій трудъ — почетный, и потому, что имъ приходится имѣть дѣло не съ бумагой, а съ живыми людьми. Сколько передъ ними житейскихъ драмъ протечетъ! Съ какими только всевозможнаго рода типами имъ не приходится столкнуться! Зато ни у кого не можетъ быть такого большого количества воспоминаній, какъ у лицъ судебнаго вѣдомства.

Во время отдыха, собираясь въ своемъ тѣсномъ кружкѣ, судейскіе, конечно, больше всего говорятъ о своихъ дѣлахъ. Сначала передаются подробности какого-нибудь интереснаго съ юридической точки зрѣнія или съ бытовой стороны дѣла. Потомъ отъ дѣлъ переходятъ къ отдѣльнымъ лицамъ. Разсказы льются одинъ за другимъ. Почти каждый имѣетъ въ запасѣ какой-нибудь курьезный случай.

Я долго служилъ по судебному вѣдомству. За это время много интересныхъ дѣлъ и лицъ прошло передъ моими глазами. Не мало пришлось мнѣ и слышать разныхъ воспоминаній. Кое-что я записалъ, но много чего, къ сожалѣнію, забылъ. Удержались въ памяти больше всего разныя анекдотическія происшествія.

Старики, служившіе при министрѣ юстиціи графѣ Паленѣ, всегда отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ неподкупно-честномъ,

благородномъ, рыцарскаго характера, любившемъ правду и никогда ни при какихъ обстоятельствамъ не стѣснявшемся прямо высказать правду. Въ то же время ни о комъ другомъ не сложилось такъ много анекдотическихъ воспоминаній, какъ о немъ.

Графъ Паленъ былъ убѣжденъ, что онъ большой знатокъ человѣческой души и что поэтому онъ при первой же встрѣчѣ можетъ разгадать человѣка. По этому поводу разсказываютъ о слѣдующемъ случаѣ.

Какъ-то лѣтомъ на вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда графъ Паленъ гуляетъ по перрону съ сигарой во рту. Къ нему подходитъ какой-то молодой человѣкъ съ сигарой въ рукахъ, почтительно кланяется и проситъ позволенія закурить. Графъ Паленъ вынимаетъ сигару изо рта, стряхиваетъ пепелъ и протягиваетъ ее молодому человѣку. Тотъ закуриваетъ и благодаритъ за одолженіе. Въ это время графъ Паленъ замѣчаетъ на немъ фуражку судебнаго вѣдомства.

— Вы служите въ судебномъ вѣдомствѣ?—задаетъ вопросъ графъ Паленъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Какую занимаете должность?

— Судебный слѣдователь такой-то губерніи, уѣзда, такого-то участка.

— И вы знаете, кто я такой?

— Знаю, ваше сіятельство. Вы министръ юстиціи.

— И несмотря...?!

— Несмотря...

— Какъ ваша фамилія?

— Такой-то.

Графъ Паленъ вынимаетъ изъ бокового кармана записную книжку и записываетъ.

На слѣдующій же день графъ Паленъ потребовалъ дѣло о службѣ этого судебнаго слѣдователя. Отзывы непосредственнаго начальства были о немъ хорошіе.

— Въ какомъ городѣ имѣется вакантная должность товарища прокурора?—спросилъ онъ у директора отдѣленія по личному составу.

— Вы хотите назначить его на должность товарища прокурора, но онъ еще мало служилъ, — замѣтилъ директоръ.—Вѣроятно, кто-нибудь ходатайствовалъ?

— Никто мнѣ о немъ ничего не говорилъ. Я самъ случайно встрѣтился съ нимъ и лично удостовѣрился, что онъ будетъ отличнымъ товарищемъ прокурора. У него замѣчательный апломбъ.

Молодой человѣкъ оправдалъ выборъ графа Палена, былъ хорошимъ служакой и скоро получилъ повышеніе.

II.

Въ другомъ случаѣ графъ ошибся въ своемъ выборѣ.

Окончивъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ привилегированныхъ заведеній, молодой человѣкъ поступилъ на службу, причислившись къ департаменту. У него были большія связи и хорошія средства. Одѣвался онъ элегантно. Случайно, идя на службу, онъ у подъѣзда зданія министерства юстиціи встрѣтился съ графомъ Паленомъ. Онъ приподнялъ цилиндръ и раскланялся. Графъ Паленъ любезно отвѣтилъ на поклонъ, внимательно разсмотрѣвъ франта. Молодой человѣкъ, узнавъ, что графъ Паленъ ежедневно ходитъ на прогулку въ опредѣленные часы, сталъ каждый день попадаться ему навстрѣчу и раскланиваться. Въ шестой или седьмой разъ онъ встрѣтилъ графа Палена вмѣстѣ съ директоромъ департамента. На поклонъ молодого человѣка отвѣтилъ и директоръ.

— Вы его знаете? Кто это?—спросилъ министръ.

— Причисленный къ нашему министерству такой-то,—отвѣтилъ директоръ.

— Очень приличный молодой человнкъ. Сколько онъ получаетъ содержанія?

— Пока ничего не получаетъ.

— Назначьте его помощникомъ столоначальника.

Встрѣчи и поклоны не прекращались, и скоро изъ помощниковъ молодой человѣкъ сталъ столоначальникомъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и молодой человѣкъ, благодаря своимъ связямъ, получилъ званіе камеръ-юнкера.

Однажды на одномъ изъ придворныхъ баловъ всеобщее вниманіе обращено было на замѣчательно раскошное и богатое шитье камеръ-юнкерскаго мундира. Подходили, разсматривали и восхищались.

— Какіе въ вашемъ вѣдомствѣ элегантные и приличные молодые люди служатъ, ваше сіятельство,—сказалъ, подходя къ графу Палену одинъ изъ генераловъ:—какой у него великолѣпный мундиръ!

— Мнѣ уже говорили о мундирѣ. У кого это?

— У вашего служащаго такого-то. Да вотъ и онъ. Взгляните.

Графъ подошелъ къ камеръ-юнкеру и узналъ въ немъ интересовавшаго его молодого человѣка. Графъ Паленъ былъ польщенъ. Онъ любезно протянулъ руку своему подчиненному и сказалъ, что онъ имъ очень доволенъ. Ловкій столоначальникъ воспользовался случаемъ и сказалъ, что у него будетъ просьба.

— Съ удовольствіемъ исполню ваше желаніе.

— Извините, ваше сіятельство, но я васъ ловлю на словѣ. Вы обѣщаете исполнить мою просьбу.

— Я никогда не отступаю отъ даннаго мною слова,—гордо отвѣтилъ графъ Паленъ:—если сказалъ, значитъ, исполню.

На слѣдующій день камеръ-юнкеръ явился къ министру.

— Чего вы просите?

— Прошу назначить меня на должность прокурора окружнаго суда.

— Прокуроромъ!—изумился графъ Паленъ:—сразу это невозможно. Я назначу васъ товарищемъ прокурора, а затѣмъ, впослѣдствіи, вы будете и прокуроромъ.

— Я желаю теперь же получить должность прокурора. Вчера, ваше сіятельство, обѣщали сдержать слово.

— Да, я далъ слово. Хорошо. Вы будете назначены,—со вздохомъ отвѣтилъ министръ.

Директоръ департамента пришелъ въ ужасъ, узнавъ о рѣшеніи графа Палена.

— Что дѣлать?! Я самъ сознаю, что это невозможно, но я попался. Я долженъ назначить его прокуроромъ. Я далъ слово.

Назначенный въ одинъ изъ городовъ, юный прокуроръ сталъ держать себя высокомѣрно. Съ товарищами прокуроровъ онъ обращался не какъ со своими помощниками, а какъ съ канцелярскими служителями. Безъ приглашенія они не имѣли права къ нему приходить, являться могли только въ форменномъ вицъ-мундирѣ и своихъ взглядовъ или мнѣній по дѣламъ не должны были имѣть. Говорилъ онъ съ ними только по дѣлу и въ частные разговоры не вступалъ. Вспоминая бывшаго прокурора, обращавшагося съ ними любезно и по-товарищески, товарищи прокурора, какъ люди, жившіе только на получаемое содержаніе, вздыхали потихоньку и изъ боязни потерять службу безпрекословно исполняли суровыя требованія сердитаго и недоступнаго прокурора.

Однажды прокуроръ уѣхалъ куда-то по дѣламъ службы. Временно исполнялъ его обязанности одинъ изъ товарищей прокурора, который въ этотъ день принималъ участіе въ распорядительномъ засѣданіи окружнаго суда. Засѣданіе приходило уже къ концу, какъ вдругъ неожиданно явился прокуроръ. Обмѣнявшись привѣтствіями, онъ сѣлъ и засѣданіе продолжалось. Начался докладъ очередного дѣла. Прокуроръ сердито взглянулъ на товарища прокурора.

— Почему вы позволили себѣ сѣсть безъ моего разрѣшенія и не уходите, когда я здѣсь.

— Господинъ товарищъ прокурора записанъ въ журналъ засѣданія, какъ дающій заключеніе,—заступился предсѣдатель.

— Теперь я буду давать заключеніе,—отвѣтилъ прокуроръ:—вы же убирайтесь вонъ!—крикнулъ онъ товарищу прокурора.

Оскорбленный товарищъ прокурора быстро ушелъ изъ залы засѣданія, сообщилъ о случившемся своимъ товарищамъ и сѣлъ

писать прошеніе объ отставкѣ. Тогда остальные четыре товарищи прокурора рѣшили тоже уйти. Всѣ впятеромъ подписали одно прошеніе и послали.

Узнавъ объ этомъ случаѣ, графъ Паленъ причислилъ всѣхъ товарищей прокурора къ департаменту министерства юстиціи и командировалъ ревизора. Ревизіей было установлено неумѣлое и нетактичное поведеніе прокурора. Онъ былъ уволенъ.

Товарищи прокурора, получивъ свѣдѣніе объ увольненіи прокурора, тотчасъ же заявили о своемъ желаніи продолжать службу, но имъ было въ этомъ отказано. Графъ Паленъ, хотя и признавалъ, что они были правы, но не могъ простить имъ того, что они подали общее прошеніе, а не каждый отдѣльно.

На всѣ ходатайства и просьбы о назначеніи ихъ, хотя бы въ другой городъ, графъ Паленъ отрицательно кивалъ головой и говорилъ только одно слово: «коллективно!»

Только по истеченіи года они постепенно стали получать назначенія.

III.

Въ числѣ товарищей прокурора окружнаго суда былъ одинъ баронъ. Это былъ корректный, порядочный человѣкъ, прекрасный товарищъ. Держалъ онъ себя съ большимъ достоинствомъ. Написалъ онъ какъ-то не особенно удачно обвинительный актъ. Тѣмъ не менѣе прокуроръ нашелъ его удовлетворительнымъ и представилъ прокурору судебной палаты. Прочитавъ этотъ актъ, прокуроръ палаты подчеркнулъ карандашомъ какую-то фразу и на поляхъ написалъ: «Глупость! Передѣлать!» Случайно баронъ увидѣлъ возвращенный для передѣлки обвинительный актъ и прочиталъ замѣтку. Онъ очень оскорбился. На слѣдующій же день отъ имени барона явились къ прокурору судебной палаты два секунданта съ вызовомъ на дуэль. Прокуроръ палаты отвѣтилъ имъ, что онъ не можетъ драться съ подчиненнымъ и что вообще дуэли воспрещены закономъ. На это секунданты заявили, что товарищъ прокурора уйдетъ въ отставку и что, по его убѣжденіямъ, онъ нанесенное ему оскорбленіе можетъ смыть только кровью. Впрочемъ, имъ дано полномочіе заявить, что баронъ возьметъ свой вызовъ обратно, если ему будутъ принесены извиненія въ присутствіи прокурора и его товарищей. Прокуроръ палаты обѣщалъ подумать и далъ отвѣтъ черезъ день.

На слѣдующій день онъ поѣхалъ къ графу Палену. Послѣдній уже зналъ объ этомъ инцидентѣ, но сдѣлалъ видъ, что ему ничего неизвѣстно. Доложивъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, прокуроръ палаты началъ говорить и по поводу этого случая.

— Есть еще одно непріятное происшествіе, которое поставило меня въ затруднительное положеніе. Просматривая обвинительный актъ, я сдѣлалъ отмѣтку, можетъ быть, немного рѣзкую. Товарищъ прокурора узналъ объ этомъ. Онъ оказался черезчуръ впечатлительнымъ и вспыльчивымъ и поэтому прислалъ мнѣ вызовъ на дуэль...

— А, понимаю,—перебилъ его графъ Паленъ:—вы находитесь въ затруднительномъ положеніи потому, что не можете найти секундантовъ. Я съ удовольствіемъ готовъ быть вашимъ секундантомъ. Попросите еще кого-нибудь быть вторымъ секундантомъ.

Возвратившись отъ министра юстиціи, прокуроръ палаты пригласилъ къ себѣ обиженнаго барона и извинился передъ нимъ въ присутствіи прокурора и его товарищей.

IV.

Въ одной изъ газетъ почти ежедневно стали появляться рѣзкія статьи противъ окружныхъ судовъ. Указывая на разные промахи и недостатки въ судебныхъ процессахъ, авторъ не стѣснялся и бранью. Графъ Паленъ сначала не обращалъ вниманія на эти выпады, но такъ какъ они все продолжались, сталъ возмущаться. Узнавъ объ этомъ, градоначальникъ пріѣхалъ къ графу Палену и предложилъ выслать журналиста изъ Петербурга.

— Нѣтъ, высылать не нужно,—запротестовалъ графъ Паленъ.— Вы лучше сдѣлайте ему внушеніе.

Послѣ полученнаго внушенія журналистъ пріѣхалъ къ графу Палену и былъ имъ принятъ. Журналистъ по поводу напечатаннаго имъ принесъ извиненія, и графъ Паленъ отвѣтилъ, что онъ противъ него ничего не имѣетъ.

— Къ тому же,—добавилъ, уходя, журналистъ,—я писалъ только о судахъ. Вашего же имени я ни разу не упомянулъ и васъ не ругалъ.

— Что!?—крикнулъ графъ Паленъ:—только попробуйте! Моментально пулю въ лобъ!...

V.

Вообще, когда графъ Паленъ бывалъ въ дурномъ расположеніи духа; съ нимъ надо было говорить очень осторожно и умѣло.

Однажды въ числѣ другихъ просителей явился на пріемъ служившій по назначенію отъ правительства въ одномъ изъ захолустныхъ уѣздныхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края мировой судья. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ духовной семинаріи, и поэтому у него осталась привычка говорить витіеватымъ слогомъ.

Графъ Паленъ въ этотъ день былъ чѣмъ-то разсерженъ. Нахмуренный, онъ подошелъ къ просителямъ и сталъ выслушивать ихъ. Дошла очередь и до мирового судьи.

— Мировой судья такой-то,—представился онъ.

— Что такое мировой судья!—сердито проговорилъ графъ Паленъ:—какой губерніи, уѣзда, участка?

Мировой судья несдержанно пожалъ плечами. Графъ Паленъ вспыхнулъ и закусилъ губы.

— Такой-то губерніи, такого-то уѣзда и участка.

— Что вамъ угодно?

— Въ теченіе пяти лѣтъ, среди скученнаго еврейскаго населенія, не покладая рукъ и игнорируя отпусками, я, пренебрегая здоровьемъ, неусыпно работалъ. Въ виду столь продолжительной, добросовѣстной и полезной дѣятельности въ одной и той же должности, я счелъ себя въ правѣ ходатайствовать о предоставленіи мнѣ высшихъ ступеней по іерархической лѣстницѣ.

— А не желаете ли вы низшихъ ступеней вотъ по этой лѣстницѣ!—быстро проговорилъ графъ Паленъ, указывая на выходную дверь.

VI.

Слѣдующій случай указываетъ, какъ графъ Паленъ не сочувствовалъ переходу его служащихъ въ другое министерство.

Сынъ одного изъ крупныхъ чиновъ Высочайшаго двора воспитывался въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Деньги за его ученіе вносились изъ собственныхъ средствъ государя императора.

Когда воспитанникъ былъ въ послѣднемъ классѣ училища, умеръ его отецъ. Сдавъ экзамены, юноша сталъ раздумывать, въ какое министерство поступить на службу. Получивъ, кромѣ училищнаго, еще и домашнее блестящее образованіе и владѣя въ совершенствѣ иностранными языками, онъ рѣшилъ поступить въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Когда онъ обратился къ занимавшему видный постъ въ этомъ министерствѣ старому знакомому его отца, тотъ прежде всего спросилъ, какими онъ обладаетъ матеріальными средствами. На отвѣтъ, что послѣ смерти отца остались лишь долги, сановникъ сказалъ, что въ такомъ случаѣ о поступленіи въ его министерство и думать нечего, такъ какъ онъ будетъ чувствовать себя очень неловко среди товарищей, принужденныхъ вертѣться въ высшемъ обществѣ и поэтому тратящихъ болѣе или менѣе крупныя суммы. Не рекомендуя такимъ образомъ поступленіе на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ посовѣтовалъ поступить въ министерство двора.

Молодой человѣкъ отправился на новыя хлопоты, которыя на этотъ разъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Ему была обѣщана долж-

ность съ хорошимъ содержаніемъ. Однако ему было указано, что съ ходатайствомъ о переводѣ его онъ долженъ обратиться въ министерство юстиціи, въ которомъ онъ, какъ окончившій курсъ наукъ въ училищѣ правовѣдѣнія, долженъ былъ прослужить четыре года.

Молодой человѣкъ отправился прямо къ министру юстиціи графу Палену.

На общемъ пріемѣ графъ Паленъ, выслушавъ просьбу молодого человѣка, вспылилъ:

— Это неблагодарность! Это гадость!—сказалъ онъ.—Вы воспитывались подвѣдомственнымъ министерству юстиціи учрежденіемъ и поэтому должны отблагодарить его своею службою, а не переходить въ другое министерство.

Молодой человѣкъ отвѣтилъ, что онъ желаетъ служить вообще на пользу Россіи и что и въ другомъ министерствѣ онъ надѣется оказать услуги правительству.

— А на чей счетъ вы воспитывались?

— Не на казенный счетъ, а на средства, отпускавшіяся изъ министерства двора, въ которое я намѣренъ поступить и такимъ образомъ отблагодарить его своею службою.

— Это другое дѣло. Дайте прошеніе.

Черезъ двѣ недѣли графъ Паленъ испросилъ высочайшее соизволеніе на переводъ молодого человѣка въ министерство двора.

Способный и трудолюбивый юный чиновникъ былъ оцѣненъ начальствомъ и быстро повышался по службѣ.

Черезъ четыре года ему по дѣламъ службы пришлось быть у графа Палена. Послѣдній сейчасъ же узналъ его.

— А, это вы, тотъ молодой человѣкъ, который не захотѣлъ служить въ министерствѣ юстиціи,—сказалъ онъ.—А какое вы получаете содержаніе?

Получивъ отвѣтъ, графъ Паленъ задумался.

— Если бы вы остались на службѣ въ министерствѣ юстиціи, вы въ настоящее время получали бы вдвое меньше,—откровенно заключилъ онъ.

Доказательствомъ того, насколько графъ Паленъ былъ добръ и отзывчивъ на обращенныя къ нему просьбы, если онъ видѣлъ, что проситель говоритъ правдиво и откровенно, можетъ служить слѣдующій случай.

Молодой человѣкъ былъ назначенъ на должность судебнаго слѣдователя въ глухой уѣздный городъ. Желѣзной дороги вблизи не было. Скука была невыносимая. Общества, кромѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, не было. Развлеченіемъ была водка и игра въ карты. Къ водкѣ молодой судебный слѣдователь по своей натурѣ чувствовалъ инстинктивное отвращеніе, но отстать отъ окружающей его среды у него не было достаточно воли. Онъ сталъ пить коньякъ, къ

которому сталъ привыкать и безъ котораго вскорѣ не могъ обходиться.

Однажды онъ призадумался и, подводя итоги своей жизни въ захолустьи, испугался. Онъ немедленно испросилъ отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ.

Протекціи у него никакой не было. Поэтому онъ рѣшилъ обратиться прямо къ графу Палену.

— Ваше сіятельство,—сказалъ онъ ему:—я прошу перевести меня на ту же должность судебнаго слѣдователя въ губернскій городъ. Если я останусь еще нѣкоторое время въ этой глуши, я сопьюсь. Пьяницей я никогда не былъ, но уже теперь я пью черезчуръ много коньяку. Еще немного, и я стану отчаяннымъ пьяницей.

Такая откровенность понравилась графу Палену. Онъ зорко оглядѣлъ просителя, понялъ, что передъ нимъ стоитъ вполнѣ порядочный молодой человкѣъ, котораго начинаетъ заѣдать среда, и рѣшилъ спасти его.

— Вы будете переведены,—коротко объявилъ онъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени молодой человѣкъ былъ переведенъ въ губернскій городъ. Съ тѣхъ поръ не только коньяку, но и вообще спиртныхъ напитковъ онъ никогда больше не пилъ.

Вблизи Александринскаго театра существовалъ въ тѣ времена театръ «Буффъ», въ которомъ шла французская оперетка. Наслаждаться игрой Жюдикъ и другихъ опереточныхъ знаменитостей ходилъ весь высшій классъ общества. Посѣщалъ иногда спектакли и графъ Паленъ.

Однажды общій хорошій ансамбль нарушила какая-то вновь выступившая второстепенная актриса. Въ публикѣ раздалось сначало шиканье, а потомъ и свистъ.

Корректнаго графа Палена свистъ этотъ покоробилъ. Съ недовольнымъ видомъ онъ сталъ осматривать публику. Глаза его остановились на какомъ-то сидѣвшемъ во 2-мъ ряду приличномъ молодомъ человѣкѣ, который въ этотъ моментъ свиснулъ.

Прошелъ годъ. На должность прокурора одного изъ провинціальныхъ судовъ былъ предназначенъ одинъ изъ товарищей прокурора. Графъ Паленъ пожелалъ его увидѣть.

На слѣдующій день товарищъ прокурора явился на пріемъ. Едва только графъ Паленъ взглянулъ на него, какъ мгновенно вспыхнулъ.

— Какъ! это вы?—крикнулъ онъ.—Вы свистунъ, а не прокуроръ!..

Проговоривъ эти слова, графъ Паленъ быстро ушелъ. Товарищъ прокурора назначенія не получилъ и перешелъ на службу въ другое министерство.

Графъ Паленъ всѣми силами старался возвысить судебное вѣдомство. Особенно большое значеніе онъ придавалъ власти прокуроровъ и ревниво слѣдилъ за дѣйствіями прокурорскаго надзора при столкновеніяхъ съ административной властью.

Одинъ изъ прокуроровъ въ веселой компаніи кутнулъ однажды въ загородномъ саду Егарева. Вечеръ закончился скандаломъ и составленіемъ полицейскаго протокола, въ который попало и имя захмелѣвшаго прокурора. Утромъ, протрезвившись, прокуроръ вспомнилъ о скандалѣ и сейчасъ же поѣхалъ къ градоначальнику просить не давать дальнѣйшаго движенія протоколу. Узнавъ объ этомъ, графъ Паленъ немедленно уволилъ прокурора.

— Я увольняю васъ не за то, что вы произвели буйство въ публичномъ мѣстѣ и нарушили общественное спокойствіе,—объяснилъ графъ Паленъ явившемуся къ нему съ повинной прокурору:—а за то, что вы недостаточно себѣ усвоили и не понимаете значенія прокурорской власти, унизивъ ее просьбой, обращенной къ чину полиціи.

VII.

Припоминаю еще разсказъ объ одномъ непріятномъ случаѣ, бывшемъ съ графомъ Паленомъ. Разсказалъ мнѣ объ этомъ очевидецъ, бывшій жандармскій офицеръ. Хотя случай этотъ и не можетъ служить къ характеристикѣ личности графа Палена, но онъ самъ по себѣ интересенъ.

Въ 1876 году была первая демонстрація у Казанскаго собора. Полиція ничего не знала о подготовляющейся демонстраціи и поэтому блистала своимъ отсутствіемъ. Когда народъ сталъ выходить изъ собора, внезапно сконцентрировалась небольшая группа, человѣкъ въ пятнадцать-двадцать. Впереди шелъ мастеровой Потаповъ, семнадцати лѣтъ, съ краснымъ флагомъ, рядомъ съ нимъ еврейка Шефтель, и остальные слѣдовали за ними. Съ площади они направились на Невскій проспектъ. Не успѣли они пройти нѣсколько шаговъ, какъ навстрѣчу имъ попался артельщикъ, который съ трудомъ несъ на головѣ большую люстру. Артельщикъ шелъ прямо по торцовой мостовой и не уступалъ дороги. Тогда Шефтель подскочила къ нему и ударила его въ лобъ кастетомъ. Артельщикъ пошатнулся, люстра упала и разбилась. Артельщикъ съ крикомъ бросился на Шефтель, сшибъ ее съ ногъ и сталъ таскать за волосы. Сотоварищи Шефтель бросились къ ней на помощь, но публика приняла сторону артельщика. Мгновенно образовалась громадная толпа. Прибѣжало четыре городовыхъ, которымъ съ помощью публики удалось арестовать Потапова, Шефтель и еще человѣкъ семь. Городовымъ съ трудомъ удалось вырвать изъ рукъ остервенившагося артельщика Шефтель, у которой онъ космами

вырывалъ волосы, такъ что впослѣдствіи она предстала передъ судомъ въ чепчикѣ.

Первоначальное дознаніе производилось чинами петербургскаго жандармскаго управленія. Черезъ нѣсколько дней министръ юстиціи графъ Паленъ пожелалъ взглянуть на арестованныхъ демонстрантовъ. Его сопровождали чиновникъ особыхъ порученій и чины жандармскаго корпуса. Когда онъ подошелъ къ Потапову, производившій дознаніе майоръ сказалъ: «Это тотъ, который несъ красное знамя». Графъ Паленъ, взглянувъ на тщедушную фигуру Потапова и его неинтеллигентное, маловыразительное лицо, вѣроятно, пожалѣлъ это пушечное мясо. Какъ бы отвѣчая на свои мысли, онъ произнесъ:

Какой глупый мальчишка!

— Не вамъ судить о моемъ умѣ,—неожиданно крикнулъ Потаповъ съ злымъ выраженіемъ лица.

— О, да онъ очень дерзкій!—сказалъ графъ Паленъ и ушелъ.

Демонстранты по приговору суда были сосланы на поселеніе.

VIII.

Описывая, какъ нѣкоторымъ лицамъ удавалось получить повышеніе по службѣ, благодаря смѣлости, не могу не вспомнить случая, когда одинъ изъ судебныхъ слѣдователей не получилъ назначенія вслѣдствіе растерянности и трусости.

Министръ юстиціи Муравьевъ обыкновенно выходилъ къ ожидавшимъ его въ пріемной комнатѣ просителямъ съ цѣлою свитой. Впереди шелъ онъ, за нимъ товарищъ министра, потомъ директоръ департамента по личному составу и, наконецъ, чиновники особыхъ порученій. Просители стояли, выстроившись полукругомъ.

Однажды явился на такой пріемъ проситься на должность товарища прокурора пріѣхавшій изъ провинціи судебный слѣдователь, мало знакомый съ петербургскими порядками. Торжественность шествія и присутствіе многочисленныхъ начальствующихъ лицъ произвели на него подавляющее впечатлѣніе, и онъ почувствовалъ трусливую нервную дрожь. Когда министръ началъ подходить по порядку отъ одного къ другому, онъ услышалъ, какъ одинъ изъ стоявшихъ съ нимъ рядомъ спросилъ у другого шопотомъ:

Кто идетъ вслѣдъ за министромъ?

— Товарищъ министра,—послышался отвѣтъ.

Этотъ отвѣтъ глубоко засѣлъ въ головѣ нервничавшаго судебнаго слѣдователя. Министръ между тѣмъ къ нему приближался. Вотъ наконецъ и передъ нимъ остановился.

— Судебный слѣдователь такого-то окружнаго суда такой-то.

— О чемъ ходатайствуете?

— Я явился просить ваше высокопревосходительство о назначеніи меня на должность товарища министра,—дрожащимъ голосомъ проговорилъ судебный слѣдователь.

Муравьевъ улыбнулся.

— Вотъ на вашу должность просится,—насмѣшливо сказалъ онъ, повернувшись къ товарищу министра.

Бѣдный судебный слѣдователь окончательно растерялся, густая краска залила его лицо, и онъ не въ состояніи былъ проговорить больше ни слова. Муравьевъ постоялъ еще секунду на мѣстѣ и затѣмъ направился къ слѣдующему просителю.

Судебный слѣдователь должности товарища прокурора не получилъ.

IX.

Сухіе формалисты и буквоѣды, обращающіе вниманіе больше на внѣшность, чѣмъ на сущность дѣла, производятъ всегда гнетущее впечатлѣніе на кипящихъ живою дѣятельностью лицъ судебнаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, хотя и рѣдко, но и среди начальствующихъ лицъ судебнаго вѣдомства встрѣчаются люди, которые не замѣчаютъ, что предварительное слѣдствіе произведено идеально и что обвинительный актъ составленъ умѣло и литературно, а все свое вниманіе обращаютъ на обложку, на цвѣтъ бумаги, на почеркъ и, самое главное, на знаки препинанія. Малѣйшее отступленіе отъ рекомендованной наказами формы сейчасъ же служитъ поводомъ къ возвращенію дѣла для дополненія и исправленія. Въ архивахъ окружнаго суда можно найти дѣла, гдѣ въ обвинительныхъ актахъ имѣются удивительныя исправленія; напримѣръ, во фразахъ: «поэтому и на осн. 201 ст. Уст. Уг. Суд. такой-то подлежитъ суду окружнаго суда», зачеркнуто слово «поэтому» и надписано «посему». Въ инструкціи чинамъ прокурорскаго надзора, составленной министромъ юстиціи Муравьевымъ, стоитъ слово «посему», и слово «поэтому», по мнѣнію формалиста, являлось вольнодумнымъ отступленіемъ.

По поводу такого формальнаго отношенія къ дѣлу могу передать слѣдующій разсказъ.

Одинъ директоръ департамента, строго слѣдившій за правильностью знаковъ препинанія, получилъ для подписи какую-то бумагу, уже подписанную начальникомъ отдѣленія. Прочитавъ, онъ ея не подписалъ и возвратилъ начальнику отдѣленія. Одна фраза была подчеркнута карандашомъ, и на поляхъ стояла замѣтка: «Я полагаю, что послѣ слова «было выяснено» передъ словомъ «что» слѣдуетъ поставить запятую». Начальникъ отдѣленія, возмущенный такой формалистикой, подъ этой замѣткой сдѣлалъ надпись: «Для начертанія вашимъ превосходительствомъ послѣ слова «выяснено» запятой съ моей стороны препятствій не встрѣчается», и опять послалъ бумагу директору департамента.

По поводу отмѣтокъ на поляхъ бумаги могу разсказать еще слѣдующій случай.

Въ Сенатѣ по дѣламъ пишутся заключенія, которыя посылаются для просмотра сенаторамъ. Обыкновенно по цѣлому ряду простыхъ, шаблонныхъ дѣлъ заключенія эти цѣликомъ переходятъ въ опредѣленія Сената. Одинъ вновь назначенный сенаторъ сталъ на поляхъ такихъ заключеній дѣлать замѣчанія. Черезъ нѣкоторое время онъ убѣдился, что его замѣчанія въ опредѣленія Сената не попадаютъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ у помощника оберъ-секретаря:—что вы дѣлаете съ моими замѣчаніями, которыя я пишу карандашомъ.

— А мы ихъ стираемъ резинкой,—отвѣтилъ бойкій помощникъ оберъ-секретаря.

X.

Съ удовольствіемъ слушается и съ интересомъ читается чья-нибудь краснорѣчивая и талантливая рѣчь, но она потомъ какъ-то скоро забывается. Какой же нибудь промахъ или неосторожно вылетѣвшее слово на долгое время связывается съ именемъ сказавшаго. Мы очень часто слышимъ: «Это тотъ, который тогда-то сказалъ (или сдѣлалъ) то-то». Поэтому не слѣдуетъ думать, что воспоминанія тенденціозно переполняются фактами изъ судебной жизни лишь отрицательнаго характера. Просто смѣшные и оригинальные случаи легче вспоминаются.

На выѣздныхъ сессіяхъ окружныхъ судовъ бываетъ много оригинальныхъ случаевъ.

Однажды, вслѣдствіе болѣзни товарища предсѣдателя, пріѣхалъ на сессію въ уѣздный городъ предсѣдательствующій членъ суда, родомъ нѣмецъ, окончившій дерптскій университетъ и поэтому плохо знавшій русскій языкъ.

При провѣркѣ вызванныхъ по дѣлу свидѣтелей оказалось, что всѣ свидѣтели налицо, кромѣ крестьянина Сидорова. Показаніе этого свидѣтеля было очень важнымъ, такъ какъ почти на одномъ его показаніи было построено все обвиненіе подсудимаго. Приходилось отложить дѣло. Свѣдѣній о причинѣ его неявки никакихъ не было. Поэтому предсѣдательствующій спросилъ, не извѣстно ли кому изъ свидѣтелей, почему не явился Сидоровъ.

— Да онъ померъ. Его кондрашка хватила. Вотъ и нашъ староста подтвердитъ,—послышался голосъ изъ публики.

— Староста! пожалуйте сюда. Вы подтверждаете?

— Такъ точно. Его хватила кондрашка, и онъ померъ.

— Вы сообщили объ этомъ полиціи? Дознаніе и слѣдствіе было произведено?

— Для чего же сообщать? Похоронили.

— Господинъ секретарь, запишите въ протоколъ засѣданія, что свидѣтель Сидоровъ не явился по уважительной причинѣ, такъ какъ

умеръ, и что умеръ онъ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему Кондратіемъ. А какъ фамилія хватившаго Сидорова Кондратія?

— Кондратія! какого Кондратія?

Членъ суда наклоняется къ предсѣдательствующему и вполголоса объясняетъ ему, что кондрашка—апоплектическій ударъ.

— Неужели? Я этого не зналъ. И что можетъ быть общаго между выраженіемъ апоплексія и кондрашка. Дикій, необразованный народъ!

XI.

Нѣкоторые изъ предсѣдательствующихъ любятъ разнообразить свое скучное пребываніе въ уѣздныхъ городишкахъ разными остротами.

Долго и монотонно тянется дѣло о кражѣ. Стоящій около находящагося подъ стражей подсудимаго рядовой мѣстной конвойной команды начинаетъ дремать и покачиваться. Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей подозрительно на него посматриваетъ. Солдатъ еще разъ покачнулся, наклонивъ ружье въ сторону присяжныхъ засѣдателей.

— Господинъ предсѣдатель,—испуганнымъ голосомъ заявляетъ присяжный засѣдатель:—солдатъ дремлетъ и направляетъ на насъ свое ружье. Онъ кого-нибудь изъ насъ можетъ убить!

— Не безпокойтесь,—успокаиваетъ предсѣдательствующій.—Законъ предусмотрѣлъ случай смерти кого-либо изъ присяжныхъ засѣдателей. Для пополненія должнаго состава имѣются два запасныхъ.

Другой предсѣдательствующій передъ объявленіемъ перерыва засѣданія для обѣда всегда обращался къ присяжнымъ засѣдателямъ съ одною и тою же рѣчью.

— Господа присяжные засѣдатели,—говорилъ онъ:—всѣ люди-человѣки. Каждый же человѣкъ требуетъ принятія горячей пищи. А такъ какъ судьи—тоже человѣки, я дѣлаю перерывъ на два часа для принятія ими надлежащей горячей и иной пищи, какая найдется въ вашемъ городѣ.

По одному дѣлу подсудимый, на вопросъ предсѣдательствующаго, за что онъ былъ ранѣе высланъ въ Архангельскую губернію, заявилъ, что онъ много лѣтъ тому назадъ былъ высланъ лишь по одному подозрѣнію и что дѣло то было на политической подкладкѣ.

— Ну, это не совсѣмъ такъ было. Передо мною лежитъ дѣло изъ архива. Изъ дѣла видно, что не на политической подкладкѣ и не на ватной, а на лисьемъ мѣху была ротонда, которую вы похитили, и за это преступное дѣяніе были приговорены судомъ къ ссылкѣ на житье въ Архангельскую губернію.

Много, много лѣтъ служилъ почтенный членъ окружнаго суда. Много трудился и состарился. Сталъ терять память и не могъ долго

сидѣть въ засѣданіяхъ. Поэтому подалъ прошеніе объ отставкѣ. Въ ожиданіи ея тѣмъ не менѣе продолжалъ принимать участіе въ засѣданіяхъ и даже поѣхалъ на два дня на сессію въ уѣздный городъ, въ качествѣ предсѣдательствующаго по несложнымъ дѣламъ.

На второй день засѣданіе затянулось до поздняго вечера. Во время разбирательства послѣдняго дѣла старикъ безпокойно ерзалъ по стулу, поглядывалъ постоянно на часы, шепталъ товарищу прокурора: «Скорѣе кончайте вашу рѣчь», и довольно громко ворчалъ въ сторону защитника: «Когда же онъ наболтается!» Наконецъ окончены рѣчи, и подсудимый сказалъ свое послѣднее слово. Предсѣдательствующій съ удовольствіемъ провозгласилъ объ окончаніи судебнаго слѣдствія.

— Господа присяжные засѣдатели,—началъ онъ свое резюме:— вы уже хорошо знаете свои обязанности и поэтому повторять о нихъ не буду. Вы слышали показанія свидѣтелей и составите себѣ о виновности подсудимаго извѣстное убѣжденіе. Прокуроръ говоритъ, что подсудимый виноватъ, а защитникъ, что онъ невиновенъ. Что же касается меня, то мнѣ рѣшительно все равно, обвините ли вы его, или оправдаете. Самое же главное обстоятельство, которое вы непремѣнно должны имѣть въ виду, это то, что послѣдній пароходъ отходитъ черезъ полчаса.

Присяжные засѣдатели едва успѣли войти въ совѣщательную комнату, какъ сейчасъ же вышли оттуда и вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ.

— Подсудимый, вы свободны,—объявилъ предсѣдательствующій.—Васъ же, господа присяжные засѣдатели, очень благодарю. Такъ какъ вы оправдали подсудимаго, намъ не нужно писать о назначеніи ему наказанія, и мы, такимъ образомъ, успѣемъ попасть на пароходъ. Еще разъ благодарю!

Слушалось какъ-то на сессіи въ уѣздномъ городѣ дѣло, по которому одинъ изъ свидѣтелей долженъ былъ коснуться интимной стороны супружеской жизни подсудимаго. На основаніи закона необходимо было удалить публику и выслушать свидѣтеля при закрытыхъ дверяхъ. Предсѣдательствующій вмѣсто того, чтобы просто объявить объ этомъ, прибѣгнулъ къ слѣдующему пріему. Онъ объявилъ, что свидѣтель будетъ разсказывать о такихъ подробностяхъ совмѣстнаго супружескаго сожительства, что женщинамъ, принадлежащимъ къ порядочному обществу, будетъ непріятно и неловко услышать нѣкоторыя выраженія и что поэтому онъ предлагаетъ имъ удалиться изъ залы засѣданія суда.

Въ залѣ сидѣло нѣсколько дамъ, но ни одна изъ нихъ не тронулась съ мѣста.

Предсѣдательствующій, прождавъ нѣсколько минутъ, обратился къ судебному приставу.

— Господинъ, судебный приставъ,—распорядился онъ:—такъ какъ всѣ порядочныя дамы ушли добровольно, остальныхъ вмѣстѣ съ мужчинами прошу удалить изъ зала засѣданія въ виду того, что дѣло должно слушаться при закрытыхъ дверяхъ.

XII.

Обладающіе ораторскимъ искусствомъ предсѣдательствующіе въ своихъ резюме широко пользуются своимъ талантомъ. Нѣкоторые любятъ сравненія и метафоры.

Между прочимъ могу привести въ сокращенномъ видѣ отрывки изъ длиннаго резюме предсѣдателя, любившаго говорить «красно».

— Конечно,—говорилъ онъ:—вы должны остановить ваше вниманіе и на словахъ потерпѣвшаго, хотя онъ и имѣлъ наклонность погуще накладывать краски на картину преступленія. Съ другой стороны, хотя, по его выводамъ, у подсудимаго крѣпко загнѣздился сосущій червь преступленія, но и показаніе подсудимаго не есть мертворожденное дитя истины. Вы разберитесь въ ихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ, имѣя въ виду, что на челѣ ни у одного, ни у другого не лежитъ адская печать лживости... Относительно укрывателя могу сказать, что укрыватель это та тихая пристань, въ которую преступникъ направляетъ свой утлый челнъ, это та скала, за которой онъ скрываетъ плоды преступленія... При обсужденіи виновности вы должны отбросить въ сторону зерна легковѣрія, пройти страну отрицанія и остановиться на горахъ суровой дѣйствительности.

Среди чиновъ прокурорскаго надзора, конечно, много ораторовъ. Объ ихъ рѣчахъ говорятъ, обыкновенно, тогда, когда ктонибудь изъ нихъ увлечется и скажетъ лишнее слово.

Вспоминается одинъ изъ нихъ, который не могъ обойтись безъ остротъ.

Однажды по дѣлу по обвиненію подсудимаго въ поджогѣ съ цѣлью полученія страховой преміи свидѣтельница въ защиту подсудимаго стала разсказывать, что пожаръ произошелъ, вѣроятно, потому, что въ печи сбоку была большая трещина, чрезъ которую въ большомъ количествѣ сыпались искры. У свидѣтельницы были больные глаза съ опухшими красными вѣками.

— Не попала ли одна изъ этихъ искръ вамъ въ глаза?—задалъ вопросъ товарищъ прокурора.

За этотъ вопросъ ему самому попало.

На выѣздныхъ сессіяхъ стараются говорить поменьше. Объ одномъ товарищѣ прокурора, который съ каждымъ годомъ сокращалъ свои рѣчи, шла легенда, что по дѣлу о ворѣ-рецидивистѣ онъ сказалъ такъ: «Гг. присяжные засѣдатели, онъ въ седьмой разъ попался. А сколько разъ не попадался?!» и этимъ закончилъ свою рѣчь.

Давая заключенія на съѣздахъ мировыхъ судей, товарищи прокурора говорятъ еще короче. Разсказываютъ объ одномъ, что онъ сначала безъ всякой мотировки говорилъ: «полагалъ бы утвердить (или отмѣнить) приговоръ мирового судьи», потомъ сталъ говорить: «утвердить, отмѣнить» и наконецъ ограничивался тѣмъ, что произносилъ лишь послѣднія слога этихъ словъ: «дить, нить!»

XIII.

Находя, что виновные часто оправдываются, нерѣдко нападаютъ на судъ присяжныхъ засѣдателей и высказываютъ мысль, что судъ присяжныхъ—это лотерея. Конечно, какъ и вездѣ и во всемъ, бываютъ грустныя исключенія, но въ общемъ судъ присяжныхъ—лучшій изъ всѣхъ существующихъ, и нападки на нашихъ присяжныхъ засѣдателей несправедливы. Не слѣдуетъ основывать сужденіе о присяжныхъ засѣдателяхъ по приговорамъ столичныхъ судовъ. Хотя и здѣсь приговоры почти всегда справедливые, но исключенія возможны потому, что присяжные не знаютъ подсудимыхъ. Въ губернскихъ же городахъ и въ особенности въ уѣздныхъ приговоры всегда безусловно правильны, такъ какъ мѣстное общество, изъ среды которой выбираются присяжные засѣдатели, всегда лучше производившихъ дознаніе и слѣдствіе освѣдомлено и о подсудимомъ, и о свидѣтеляхъ, и объ обстоятельствахъ дѣла. Иногда послѣ произнесенія вердикта или прокурору, недоумѣвающему, почему послѣдовалъ оправдательный вердиктъ, или защитнику, интересующемуся о причинахъ обвинительнаго вердикта, разсказываются такія данныя, о которыхъ совершенно не упоминалось на слѣдствіи и которыя, однако, были извѣстны присяжнымъ. Чаще всего это случается по дѣламъ о преступленіяхъ, совершенныхъ въ крестьянской средѣ. Всѣ въ деревнѣ знаютъ мельчайшія подробности совершеннаго преступленія и тѣмъ не менѣе всѣ молчатъ. Одни боятся мести подсудимаго и его родныхъ, другіе не говорятъ изъ родственныхъ чувствъ и третьи не желаютъ терять времени для хожденія въ судъ. Попадающій же въ составъ присяжныхъ засѣдателей односельчанинъ подсудимаго по совѣсти открываетъ своимъ товарищамъ истину, и приговоръ является справедливымъ.

Конечно, бываютъ и своеобразные приговоры. Разсказывается обыкновенно по этому поводу слѣдующій случай.

Обвиняется какой-то крестьянинъ въ поджогѣ. Улики слабы и гадательны. Между тѣмъ ему выносится обвинительный вердиктъ и не дается даже снисхожденія. Впослѣдствіи въ частномъ разговорѣ, на вопросъ, почему подсудимый былъ признанъ виновнымъ, одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей отвѣтилъ: «Да онъ извѣстный конокрадъ. Мы не знали, какъ отъ него отдѣлаться!».

Присяжные засѣдатели изъ крестьянъ въ уѣздныхъ городахъ чрезвычайно добросовѣстно относятся къ своимъ обязанностямъ. Попадающіе же въ первый разъ иногда недоумѣваютъ, почему защитнику разрѣшается говорить такъ много, по ихъ мнѣнію, лишняго и возмущаются.

Однажды былъ такой случай.

Защитникъ всѣми силами старался разбить изобличавшее подсудимаго показаніе свидѣтеля. Онъ силился доказать, что свидѣтель не понялъ совершившагося передъ его глазами факта и что, по всей вѣроятности, дѣло происходило иначе. На основаніи своихъ заключеній онъ въ своей защитительной рѣчи началъ рисовать выгодную для подсудимаго картину совершеннаго дѣянія, какъ она, по его мнѣнію, происходила. Вдругъ неожиданно приподнимается со скамьи присяжный засѣдатель изъ крестьянъ и говоритъ: «Господинъ предсѣдатель, запретите защитнику такъ говорить. Онъ говоритъ неправду!»

Присяжные засѣдатели глубоко цѣнятъ возложенныя на нихъ обязанности судей совѣсти и относятся къ этимъ обязанностямъ съ полною добросовѣстностью. Поэтому рѣзкіе выпады производятъ на нихъ непріятное впечатлѣніе, и громкія требовательныя фразы ими правильно понимаются, какъ вторженіе въ ихъ судейскую совѣсть. Черезчуръ рьяная обвинительная рѣчь служитъ иногда для присяжныхъ мотивомъ для смягченія участи подсудимаго и, наоборотъ, пылкая, невоздержанная рѣчь защитника иногда вредитъ подсудимому.

По этому поводу разскажу о случаѣ, бывшемъ на выѣздной сессіи въ уѣздномъ городѣ.

Защитникъ въ пылу своей рѣчи выступилъ на средину залы засѣданія и, театрально размахивая руками, требовалъ оправданія.

Былъ вынесенъ обвинительный вердиктъ, и подсудимому не было дано снисхожденія.

Впослѣдствіи присяжные засѣдатели объясняли, что снисхожденія подсудимому не дали лишь благодаря рѣзкости защитника, который даже дозволилъ себѣ грозить имъ кулаками.

Припоминается мнѣ еще одинъ оригинальный случай, бывшій въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ средней полосы Россіи.

Богатый купецъ обвинялся въ растратѣ опекунскихъ денегъ. Защищать его пріѣхалъ изъ Москвы одинъ извѣстный присяжный повѣренный. Рѣчь его была блестяща. И составъ суда, и публика, которой собралось порядочно, всѣ съ видимымъ удовольствіемъ внимательно слушали. Заканчивая свою рѣчь, защитникъ сослался на слова Екатерины Великой, рекомендовавшей лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго. Не успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ вся зала разразилась громкимъ хохотомъ. Защитникъ былъ сильно сконфуженъ.

— Почему всѣ захохотали? Что я сказалъ смѣшного?—спрашивалъ защитникъ, когда присяжные засѣдатели удалились въ совѣщательную комнату.

— Хохотъ возбудило ваше упоминаніе о словахъ Екатерины Великой,—объяснилъ ему подсудимый.—Дѣло въ томъ, что у насъ имѣется мѣстный ходатай по дѣламъ, который всегда, даже по дѣламъ о личныхъ оскорбленіяхъ и нарушеніяхъ общественной тишины и спокойствія, непремѣнно оканчиваетъ свою рѣчь этими словами. Я хвалился тѣмъ, что пригласилъ васъ меня защищать, и говорилъ, что пріѣзжій будетъ дѣло говорить, а не ссылаться на Екатерину Великую. Вы же, какъ нарочно, и сослались на нее. Публика и не выдержала, засмѣялась. Вчера, вѣдь, нашъ адвокатъ по тремъ дѣламъ защищалъ подсудимыхъ и три раза упоминалъ Екатерину Великую.

XIV.

Если приходится неожиданно попадать впросакъ извѣстнымъ адвокатамъ, нельзя удивляться тому, какъ много приходится испытывать непріятностей назначаемымъ судомъ защищать подсудимыхъ бѣднымъ кандидатамъ на судебныя должности. Однажды такому казенному защитнику была поручена на сессіи въ уѣздномъ городѣ защита по двумъ дѣламъ: по дѣлу о пожарѣ и по дѣлу о кражѣ меда. Защищать приходилось въ первый разъ. Поэтому онъ долго совѣщался съ товарищами, обдумывалъ и наконецъ написалъ свои защитительныя рѣчи на двухъ отдѣльныхъ листахъ. Во время судебнаго слѣдствія на предложенія предсѣдательствующаго, не желаетъ ли онъ задать вопросы свидѣтелямъ, онъ отвѣчалъ отрицаніемъ. Онъ совершенно не сознавалъ того, что у него происходитъ передъ глазами, ничего не слушалъ и не слышалъ и все зубрилъ только свою рѣчь. Но вотъ прокуроръ уже закончилъ свою обвинительную рѣчь, и настала его очередь.

— Господинъ защитникъ, ваше слово,—заявилъ предсѣдательствующій.

Онъ всталъ и, хотя и дрожащимъ голосомъ, но громко и отчетливо сталъ говорить.

— Зарево пожара озарило окрестности,—началъ онъ.

— Позвольте, господинъ защитникъ,—остановилъ его предсѣдательствующій—О чемъ вы говорите? Разсматривается дѣло о кражѣ, а не о поджогѣ.

— О кражѣ?!... Ахъ, пардонъ, присяжные засѣдатели!.. я сейчасъ.. Изъ кубла былъ украденъ медъ!.. Да, изъ кубла былъ украденъ медъ!..

Онъ умолкъ и сталъ искать второй листъ. Предсѣдательствующій нѣсколько минутъ подождалъ и затѣмъ, увидѣвъ, что тотъ все еще роется въ бумагахъ, заявилъ:

— Защитникъ свою рѣчь окончилъ. Подсудимый, что вы желаете сказать въ послѣднемъ словѣ?

Защитникъ растерялся окончательно. Зато въ своемъ резюме предсѣдательствующій, разбирая рѣчь прокурора, указалъ и на доводы, приведенные защитникомъ въ его рѣчи. Доводы эти, надо думать, были болѣе основательны, чѣмъ тѣ, которые готовился и не успѣлъ высказать кандидатъ на судебныя должности.

Какъ бы ни была хороша и блестяща защитительная рѣчь, иногда случается, что вся она идетъ на смарку, благодаря только послѣднему слову подсудимаго. Укажу на два случая.

Первый случай. Шло дѣло о кражѣ. Подсудимый, хотя былъ еще молодой человѣкъ, но уже отбылъ три раза наказаніе за кражу. Въ данномъ дѣлѣ улики противъ него были очень слабыя. Какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ онъ упорно настаивалъ на своей невиновности.

Защитникъ, разобравъ подробно свидѣтельскія показанія и указавъ присяжнымъ засѣдателямъ на шаткость уликъ, всю свою рѣчь построилъ на томъ, что подсудимый преданъ ихъ суду, главнымъ образомъ, за небезупречное свое прошлое поведеніе, говоря, что, если бы онъ раньше никогда не судился, онъ, вѣроятно, и не былъ бы привлеченъ къ отвѣтственности по этому дѣлу и не былъ бы посаженъ на скамью подсудимыхъ. Поэтому, въ виду возникающаго большого сомнѣнія въ его виновности, онъ просилъ объ оправданіи его.

По лицамъ присяжныхъ засѣдателей можно было замѣтить, что у нихъ зародилось это сомнѣніе и что поэтому они, повидимому, рѣшили вынести оправдательный вердиктъ.

— Ваше послѣднее слово, подсудимый,—объявилъ предсѣдательствующій.

— Господа присяжные засѣдатели,—плаксиво заявилъ подсудимый:—простите! Это я въ послѣдній разъ. Больше никогда воровать не буду!

Словно электрическій токъ пробѣжалъ по рядамъ присяжныхъ засѣдателей. Они нервно шевельнулись и переглянулись.

Подсудимому было вынесенъ обвинительный приговоръ и даже снисхожденія дано не было.

Второй случай. Слушалось дѣло безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Обвинялся нѣкій нѣмецъ въ томъ, что въ апелляціонной жалобѣ, поданной на рѣшеніе волостного суда, онъ употребилъ оскорбительныя для волостныхъ судей выраженія.

Защитникъ, указавъ на то обстоятельство, что рѣшеніе волостного суда, какъ несправедливое и совершенно непонятное, было отмѣнено, просилъ объ оправданіи подсудимаго на томъ основаніи, что подсудимый плохо понимаетъ русскій языкъ и по-

этому, когда писалъ жалобу, не сознавалъ, что онъ оскорбляетъ волостныхъ судей.

Не успѣлъ защитникъ закончить свою рѣчь, какъ вскочилъ подсудимый и негодующимъ тономъ заявилъ:

— Я не просилъ защитника такъ говорить. Я отлично понимаю русскій языкъ. Я назва́лъ волостныхъ судей дураками потому, что они дѣйствительно дураки!

Наказаніе было назначено въ увеличенномъ размѣрѣ.

Обыкновенно на сессіяхъ въ уѣздныхъ городахъ и составъ суда и публику приводятъ въ веселое расположеніе духа рѣчи мѣстныхъ частныхъ ходатаевъ изъ бывшихъ писарей. Какихъ только выраженій вы не услышите! Вы узнаете, напримѣръ, что «обезпечить на зиму» это значитъ «сломать печи зимой».

Вотъ выдержка изъ записанной мною рѣчи такого ходатая, защищавшаго подсудимаго, обвинявшагося въ кражѣ:

«Тяжелина этого дѣла доказываетъ, что жалоба была миніатюромъ. Жизнь общебезпорядочная и въ тѣсномъ смыслѣ дружелюбная, потому что оба, и потерпѣвшій, и обвиняемый, были пьяны. Теперь я проливаю свѣтъ на то, что имущество было не въ нормальномъ положеніи, а въ разбросанномъ видѣ..Обвиняемый, не будучи преступникомъ закона и имѣя за собою лишь фактъ пато-психологическій, вверженъ въ рукотворную геенну уже три мѣсяца тому назадъ. Сидя въ тюрьмѣ, онъ находится не въ своихъ саняхъ, а въ не принадлежащемъ ему положеніи. Нельзя же, чтобы судъ былъ такимъ чудовищемъ, которое ничего не разбираетъ въ своей пасти и все пережевываетъ и проглатываетъ...» философствовалъ защитникъ.

Если въ уѣздныхъ городахъ мелкіе, необразованные ходатаи возбуждаютъ смѣхъ, обитающіе въ столицахъ другого сорта частные ходатаи, такъ называемые дѣльцы, наводятъ на разныя размышленія.

Объ одномъ изъ такихъ дѣльцовъ разсказываютъ слѣдующій случай.

Является къ нему кассиръ частнаго банка и проситъ спасти. Проигралъ сорокъ тысячъ. Ревизія кассы будетъ черезъ нѣсколько дней.

— Ключи отъ кассы у васъ?

— У меня.

— Сколько тамъ осталось?

— Четыреста тысячъ.

— Въ такомъ случаѣ я васъ могу избавить отъ наказанія. За услугу вы мнѣ дадите пятнадцать тысячъ. Противъ васъ не только не будетъ возбуждено уголовнаго преслѣдованія, но вы еще получите пятнадцать тысячъ. Согласны?

— Согласенъ.

— Въ такомъ случаѣ немедленно забирайте всѣ остальныя деньги и привозите ко мнѣ. Только ни одному человѣку не говорите, что были у меня и что деньги у меня. Когда деньги будутъ привезены, я научу васъ, что вамъ нужно будетъ продѣлать.

На слѣдующій день кассиръ подалъ прошеніе объ отставкѣ. На вопросъ, почему онъ уходитъ, объяснилъ, что всѣ бывшія въ кассѣ деньги онъ растратилъ. Поднялся страшный переполохъ. Собрались директора и, удостовѣрившись въ отсутствіи денегъ, рѣшили послать за полиціей и дать знать прокурору.

— Не совѣтую сообщать властямъ,—заявилъ спокойно кассиръ.—Если вы мнѣ дадите удостовѣреніе, что я сдалъ всѣ деньги полностью, я возвращу вамъ 370 тысячъ. Остальныя я проигралъ. Если заявите о растратѣ, потеряете и эти 370 тысячъ. Обыски не помогутъ. Деньги въ надежномъ мѣстѣ.

Долго спорили и горячились директора. Въ концѣ концовъ рѣшили спасти 370 тысячъ, не возбуждая преслѣдованія противъ кассира.

Дѣлецъ заработалъ пятнадцать тысячъ.

Другой придумалъ слѣдующій способъ взысканія съ лица, у котораго по заранѣе совершеннымъ нотаріальнымъ документамъ все имущество принадлежало его пріятелямъ.

По окончаніи спектакля къ театральному подъѣзду была подана карета должника. Не успѣлъ онъ съ своимъ знакомымъ подойти къ ней, какъ въ карету вскочилъ какой-то господинъ.

— Милостивый государь, это моя карета.

— Нѣтъ, моя.

Собственникъ сталъ выгонять нахала изъ кареты. Тотъ не уходилъ. Вмѣшалась полиція, и всѣ отправились въ управленіе участка. Тамъ при составленіи протокола должникъ заявилъ, что и карета, и лошади составляютъ его собственность. Знакомый его подтвердилъ это заявленіе. Въ это время въ дверяхъ появилось новое лицо.

— А вотъ и судебный приставъ съ исполнительнымъ листомъ,—заявилъ дѣлецъ.—Потрудитесь наложить арестъ на собственность моего должника: карету и лошадей. Я обѣщалъ доказать, что карета и лошади мои, и теперь доказалъ. Были ваши, а теперь мои!

Собственникъ молча вынулъ бумажникъ и уплатилъ деньги по исполнительному листу.

Заканчивая мои воспоминанія о частныхъ ходатаяхъ, привожу выдержки изъ апелляціонной жалобы, поданной ходатаемъ по исковому гражданскому дѣлу.

«На гранитныхъ берегахъ Финскаго залива,—такъ начинается эта жалоба,—на оплотѣ русской силы и могущества, на утесѣ Свеаборгскомъ, отъ котораго уже не одно тысячелѣтіе съ жалоб-

нымъ воемъ и свистомъ отскакиваетъ разъяренная морская волна, въ канунъ празднованія знаменитой Полтавской битвы, въ моментъ перваго оглушительнаго залпа, раздавшагося съ этой грозной твердыни по случаю явившагося въ первый разъ передъ Свеаборгомъ стопушечнаго фрегата «Георгій Побѣдоносецъ»,—суждено было явиться на свѣтъ Божій, 26-го іюня 1822 года, вашему покорному слугѣ, характеръ коего вылился и закалился въ эти формы и событія. Никто не можетъ похвалиться тѣмъ, что когда-либо видѣлъ меня взбѣшеннымъ или взволнованнымъ, несмотря на безпрерывные къ тому поводы. Не есть ли это свойство гранита, служившаго какъ бы моей колыбелью! Сколько разъ раздраженныя страсти людскія, исходящія, разумѣется, исключительно изъ чиновнаго міра, разбивались о стойкость моего характера, всегда вынося меня побѣдителемъ изъ трудныхъ моментовъ. Не характеризуетъ ли это меня, осаждаемаго, какъ Свеаборгъ, денно и нощно прибоемъ волнъ съ безполезнымъ ихъ шипѣніемъ!..

«На третьемъ году отъ рожденія я лечу изъ третьяго этажа на каменный грунтъ и остаюсь безъ увѣчья. Два раза обрушивается надо мной потолокъ, а я невредимъ. Въ страшную бурю, въ 1841 г., когда погибли тысячи людей, меня на гнилой лодочкѣ волна выбрасываетъ на берегъ, и я не замачиваю даже сапогъ моихъ!..

«Правда, сильны враги мои изъ міра чиновнаго, и число ихъ подходитъ къ числу звѣздъ на небѣ, но, выступая на бой, свыше мнѣ опредѣленный, я не спрашиваю о числѣ ихъ. Я, вѣдь, взросъ на гранитѣ, а не на болотномъ грунтѣ. На имени моемъ изображено сіяющее солнце правды; на щитѣ девизъ: «Постоянное уваженіе къ закону безъ самопроизвольныхъ, пагубныхъ, фантастическихъ толкованій, на которыя такъ падки бездарныя и пустыя личности»; вооруженъ я копьемъ, выкованнымъ изъ крѣпкаго металла, прозываемаго юридическимъ образованіемъ, и двадцатилѣтнее неусыпное упражненіе съ этимъ оружіемъ служитъ порукою, что я не буду неловкимъ въ употребленіи его. Сломитъ меня, можетъ быть, вражья сила, но лучше принять смерть, чѣмъ прозябать въ бездѣйствіи! Иду на бой!..»

Дальше излагаются основанія правильности исковыхъ требованій.

Теперь я перехожу къ воспоминаніямъ о нѣкоторыхъ случаяхъ изъ дѣятельности мировыхъ судей.

М. Чулицкій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГРОДЕКОВЪ.

(1883—1913 г.г. Воспоминанія—замѣтки).

I.

Гродековъ по воспоминаніямъ сослуживцевъ и старожиловъ, какъ военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области.—Черты его характера.—Отношеніе къ курильщикамъ и алкоголикамъ.—Заботы о народномъ образованіи.—Церковно-строительство. — Созданіе русскихъ поселковъ.—Холерный бунтъ 1892 году въ Ташкентѣ.—Дѣятельность въ Приамурьѣ.—Назначеніе туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ.

СКОНЧАЛСЯ 12-го декабря 1913 года одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей, членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-отъ-инфантеріи Николай Ивановичъ Гродековъ.

Посвящая почившему и его выдающемуся государственному служенію нѣсколько строкъ, полныхъ искренняго, теплаго чувства, въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ («Нов. Вр.», 14-го декабря 1913 г., №13564), М. О. Меньшиковъ говоритъ: «Не знавъ лично Н. И. Гродекова, не берусь судить о его огорченіяхъ на государственной службѣ, но тѣ, кто это близко знали, хорошо сдѣлаютъ, если по свѣжей памяти напишутъ объ этомъ и, какъ печальный вѣнокъ, возложатъ на могилу большого русскаго человѣка, замученнаго мелкими дѣлами».

Съ готовностью откликаюсь на этотъ призывъ почтеннѣйшаго М. О., какъ одинъ изъ ближайшихъ, по должности управляющаго канцеляріей генералъ - губернатора, сотрудниковъ Н. И. Гродекова по его послѣдней активной должности, на боевомъ посту тур-

кестанскаго генералъ-губернатора, и, насколько возможно, не задѣвая многихъ еще нынѣ здравствующихъ лицъ, съ именами которыхъ связано было много служебныхъ огорченій, треній и прямо обидъ для Гродекова, не сообщая того, что еще является служебною и канцелярскою тайной, въ виду близости къ намъ описываемаго времени, разскажу, какъ сумѣю, объ этомъ дѣйствительно «большомъ русскомъ человѣкѣ».

Я пріѣхалъ въ Туркестанъ впервые въ 1896 году, то-есть, спустя три года послѣ того, какъ Гродековъ оставилъ «не по своей волѣ» постъ военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области, который онъ занималъ ровно десять лѣтъ.

Отъ ташкентцевъ, какъ ближайшихъ сотрудниковъ Николая Ивановича, такъ и просто «обывателей», я тогда же услышалъ много любопытнаго и поучительнаго о бывшемъ губернаторѣ, оставившемъ неизгладимую память о себѣ въ области по своей безпримѣрной административной дѣятельности и по многимъ чертамъ своего характера, которыя нѣкоторые называли «чудачествомъ».

Общій отзывъ о немъ, что это былъ человѣкъ большого ума, глубокаго знанія края, рѣдкой энергіи, работоспособности, справедливости, прямоты. Но у Гродекова было немало и враговъ, какъ у всякаго энергичнаго, честнаго, стойкаго и прямого человѣка. Враги эти, не имѣя возможности оспаривать приведенныя качества и свойства Николая Ивановича, находили его излишне суровымъ, иногда рѣзкимъ до грубости; осуждали его за страсть отмѣчать слабыя стороны въ подчиненныхъ и высмѣивать ихъ въ глаза, не щадя ихъ самолюбія.

Много ходило анекдотовъ о ненависти Гродекова къ женщинамъ, боязни его женскихъ слезъ, преслѣдованіи алкоголизма и алкоголиковъ, а также куренія.

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Николая Ивановича, почтенный А. А. Диваевъ, состоявшій переводчикомъ при областномъ правленіи и чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, былъ отчаяннымъ курильщикомъ. Николай Ивановичъ старался его «исправить» убѣжденіемъ бросить курить. Диваевъ давалъ даже такое обѣщаніе, но не въ силахъ былъ отказаться отъ любимаго удовольствія. Однажды Гродековъ, взявъ съ собою Диваева въ одну изъ поѣздокъ по области, воспользовавшись тѣмъ, что Диваевъ куда-то вышелъ на одной изъ далекихъ отъ Ташкента почтовыхъ станцій, гдѣ рѣшительно нельзя было и думать пріобрѣсти табакъ, выкинулъ изъ его чемодана весь запасъ папиросъ и съ торжествомъ ожидалъ, какъ это отзовется на Диваевѣ. Бѣдный Диваевъ переживалъ нѣсколько станцій большія муки, пока гдѣ-то не раздобылъ отвратительной махорки, которую и курилъ потихоньку, какъ школьникъ, въ трубу, попадаясь нѣсколько разъ въ своихъ продѣлкахъ Гродекову, который его неукоснительно

каждый разъ стыдилъ и убѣждалъ совершенно отказаться отъ отравленія такимъ наркотикомъ.

Водка и вино были изгнаны со стола Николаемъ Ивановичемъ, и только своему слугѣ, персу Мустафѣ, спасшему Гродекову жизнь во время его смѣлой поѣздки въ С. Афганистанъ въ 1879 году, да нынѣ умершему генералу Т. разрѣшалось въ присутствіи Николая Ивановича пить вино и водку. Однажды Николай Ивановичъ, проѣзжая по области и присутствуя на торжествѣ открытія новаго тракта, узналъ, что «почтосодержателемъ» поставлено въ счетъ угощенія Гродекова за вино и водку; это страшно взволновало и разсердило Гродекова, что ему, такому проповѣднику трезвости, вдругъ ставили будто бы вино и водку, которыя въ дѣйствительности были использованы довѣреннымъ почтосодержателя.

Бывшіе подчиненные Николая Ивановича жаловались на его подавлявшую всѣхъ работоспособность, энергію и требованіе и отъ сослуживцевъ своихъ если не такой, то во всякомъ случаѣ напряженной работы.

Свой рабочій день Николай Ивановичъ начиналъ съ шести часовъ утра и иногда къ этому времени экстренно вызывались докладчики по какимъ-либо спѣшнымъ или особо интересовавшимъ неутомимаго губернатора вопросамъ. Докладчики задерживались у губернатора иногда до глубокой ночи, такъ какъ Николай Ивановичъ требовалъ всегда самаго обстоятельнаго, исчерпывающаго доклада и при томъ совершенно объективнаго, основаннаго исключительно на обстоятельствахъ дѣла, а не симпатіяхъ, антипатіяхъ или иныхъ личныхъ побужденіяхъ докладчиковъ. Телефонъ изъ губернаторскаго дома работалъ во всю, а до изобрѣтенія телефона изъ губернаторскаго дома по Соборной улицѣ во всѣ концы города летали джигиты съ записками губернатора, по которымъ или требовалась личная явка, или же немедленное исполненіе какой-либо бумаги, или же иногда сложная справка. Если бумага или справка задерживались, слѣдовалъ новый гонецъ съ энергичнымъ напоминаніемъ. И дѣла не залеживались, а исполнялись ускореннымъ темпомъ.

Какъ не выносилъ Николай Ивановичъ лѣни, такъ ненавидѣлъ онъ всякую ложь, фальшь. Тотъ, кто позволилъ себѣ хоть малѣйшую ложь, утрачивалъ навсегда довѣріе Николая Ивановича и подвергался его сарказмамъ. Николай Ивановичъ былъ большой мастеръ высмѣять и подшутить остроумно, съ большимъ юморомъ надъ попавшимся лжецомъ.

Продолжительная задержка докладчиковъ вела иногда къ трагикомическимъ результатамъ. Самъ Николай Ивановичъ разсказывалъ намъ, что чуть не довелъ одного изъ своихъ любимыхъ сотрудниковъ, на другой же день послѣ свадьбы, до разрыва съ женою. Гродековъ пригласилъ этого чиновника къ себѣ съ утра и продер-

жалъ его, давая ему непрерывно работу, до глубокой ночи. Видя, что чиновникъ волнуется, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, Николай Ивановичъ разспросилъ, что такъ волнуется г-нъ И. Получивъ отвѣтъ, что боится, какъ бы его молодая супруга, чрезвычайно ревнивая, не заподозрѣла, что онъ провелъ цѣлый день не у губернатора, а въ какомъ-либо болѣе пріятномъ мѣстѣ, Гродековъ самъ нарвалъ цвѣтовъ и съ букетомъ для ревнивой супруги отпустилъ И. далеко за полночь домой. Дѣйствительно, г-на И. дома ожидала записка жены, въ которой она сообщала, что послѣ такого поведенія И. на другой день послѣ свадьбы жена его уѣзжаетъ къ своимъ родителямъ. Только вмѣшательство самого Николая Ивановича успокоило г-жу И.

Какъ только являлась какая-нибудь возможность выѣхать изъ дому, Николай Ивановичъ садился верхомъ и объѣзжалъ городъ или отправлялся въ ближайшія русскія селенія. Въ городѣ отъ зоркаго и опытнаго глаза Николая Ивановича не ускользали ни малѣйшіе безпорядки въ городскомъ хозяйствѣ и благоустройствѣ по нарушенію обязательныхъ постановленій или небрежность чиновъ полиціи въ несеніи ими обязанностей службы.

Не желая быть пассивнымъ и довѣрчивымъ слушателемъ не всегда точной передачи переводчиками туземной рѣчи, Николай Ивановичъ выучился мѣстнымъ языкамъ, и этого знанія сталъ требовать отъ всѣхъ чиновъ администраціи, настаивая на сознательномъ усвоеніи ими языка, быта, вѣрованій туземнаго населенія, чтобы быть ближе къ послѣднему и понимать его нужды и желанія. Это знаніе языка и быта туземцевъ принесло и самому Николаю Ивановичу огромную пользу, открыло ему воочію всѣ недостатки, несовершенства и злоупотребленія народныхъ судей (казіевъ и біевъ) при отправленіи суда среди туземцевъ.

Относясь къ самому институту народнаго суда съ большимъ уваженіемъ, Николай Ивановичъ считалъ, что всѣ указанныя выше уклоненія отъ правосудія въ практикѣ народныхъ судей не вызываютъ вовсе необходимости въ какой-либо коренной ломкѣ самаго института, а требуютъ лишь надлежащаго надзора за судомъ чиновъ мѣстной администраціи, въ руководство которымъ для сознательнаго отправленія ими функцій надзора издалъ свои книги: «Юридическіе обычаи киргизъ и кара-киргизъ» и «Комментарій» мусульманскаго права «Хидая» [1]). Издавая упомянутыя книги, Гродековъ завелъ обширную переписку съ знатоками мусульманскаго права и въ томъ числѣ профессорами Нофалемъ и барономъ Розеномъ, прося ихъ руководящихъ указаній, совѣтуясь въ вызы-

---

[1]) Обѣ эти полезныя книги, изданныя въ сотрудничествѣ съ упомянутымъ выше почтеннымъ мѣстнымъ дѣятелемъ Диваевымъ, стали въ настоящее время библіографической рѣдкостью, а потому крайне желательно второе ихъ изданіе,

вавшихъ его сомнѣніе вопросахъ, желая, какъ всегда, сдѣлать интересующее его дѣло, какъ слѣдуетъ, основательно и авторитетно.

Большое вниманіе, по словамъ туркестанцевъ, Гродековъ удѣлялъ русскимъ и русско-туземнымъ школамъ, вникая въ успѣхи учащихся и бытъ учащихъ, нужды и интересы тѣхъ и другихъ, давая щедрыя пособія изъ своихъ средствъ школамъ.

Немало щедрыхъ даровъ отъ Гродекова получилъ и мѣстный музей въ Ташкентѣ. Самъ Николай Ивановичъ впослѣдствіи жаловался, что музей въ то время находился въ не совсѣмъ надежныхъ рукахъ и многіе пожертвованные имъ предметы были утрачены, а рѣдкіе экземпляры рыбы «скуферинкусъ» были съѣдены завѣдывавшимъ музеемъ, въ видѣ закуски.

Самый большой, однако, интересъ и особую, прямо поразительную личную энергію и дѣятельность Николай Ивановичъ Гродековъ выказывалъ въ дѣлѣ устройства русскихъ переселенцевъ въ Сыръ-Дарьинской области. До Гродекова въ предѣлахъ Сыръ-Дарьинской области было всего два русскихъ селенія въ окрестностяхъ Ташкента. Въ интересахъ болѣе прочнаго закрѣпленія края за имперіей, обезпеченія безопасности для столицы края—Ташкента—отъ возможныхъ вспышекъ фанатизма мусульманскаго населенія разобщеніемъ туземнаго населенія города, Гродековъ находилъ необходимымъ создать вокругъ Ташкента кольцо изъ русскихъ селеній. По его мнѣнію, эти селенія могли внести и начала культуры въ среду кочевниковъ, пріохотить ихъ къ земледѣлію и осѣдлости. Послѣдствія блестяще оправдали задуманное и осуществленное Гродековымъ. Гродекову удалось создать въ Ташкентскомъ и Чимкентскомъ уѣздахъ за двухлѣтній періодъ времени около пятидесяти русскихъ селеній съ населеніемъ въ восемнадцать тысячъ душъ обоего пола. Въ этомъ дѣлѣ Николай Ивановичъ особенно ярко проявилъ свои качества: энергію, настойчивость, ясный умъ, пониманіе нуждъ земледѣльца. Много заботъ и горя принесло ему это великое и святое русское государственное дѣло; тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, относившійся съ предубѣжденіемъ ко всякимъ переселеніямъ крестьянъ изъ внутренней Россіи на окраины, узнавъ, что Гродековъ въ голодный 1891 годъ ведетъ такую агитацію среди населенія въ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерніяхъ, призывая крестьянъ перебираться въ далекій Туркестанъ, пожаловался военному министру, прося принять мѣры къ прекращенію вредной дѣятельности неугомоннаго губернатора. Но было уже поздно: тысячи семействъ потянулись въ далекій Туркестанъ. Здѣсь Николай Ивановичъ дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы подготовить для новоселовъ самыя благопріятныя условія для жизни и экономическаго ихъ благосостоянія, для удовлетворенія ихъ религіозныхъ

и вообще духовныхъ нуждъ. Досталось тогда и сотрудникамъ Гродекова, на долю которыхъ выпало также немало труда, волненій и огорченій. Николай Ивановичъ лично познакомился съ каждой переселившейся семьей, ея будущимъ участкомъ, добывалъ средства на обезпеченіе новоселовъ необходимымъ инвентаремъ, пріобрѣталъ на свои личныя средства племенной скотъ, плодовые саженцы, старался выучить и пріохотить переселенцевъ къ веденію интенсивнаго, культурнаго хозяйства, хлопководству. Самъ Николай Ивановичъ говорилъ, что онъ лишь по капризу судьбы — администраторъ и государственный дѣятель, а по призванію — садовникъ и огородникъ, и это призваніе и знанія его въ области сельскаго хозяйства много помогли Гродекову въ устройствѣ переселенцевъ.

Изыскивая всюду источники для помощи переселенцамъ на домообзаводство, рабочій инвентарь, Николай Ивановичъ не забывалъ и религіозныхъ ихъ потребностей и нуждъ, выпрашивалъ, гдѣ возможно, средства на созиданіе православныхъ храмовъ въ образованныхъ имъ, на свой страхъ и рискъ, селеніяхъ, одаривалъ новыя церкви облаченіями, церковной утварью. И вотъ великіе труды Николая Ивановича дали блестящіе результаты, которые ему удалось и увидать потомъ самому, по пріѣздѣ его въ край уже въ качествѣ генералъ-губернатора. За тринадцать лѣтъ отсутствія Гродекова изъ Ташкента созданныя имъ селенія не только экономически окрѣпли, но разбогатѣли, расширились, стали заниматься промышленнымъ садоводствомъ, огородничествомъ, племеннымъ скотоводствомъ, радуя сердце ихъ устроителя и благодѣтеля.

Въ 1892 году въ области появилась холера. Благодаря энергіи Гродекова и несмотря на благопріятныя, казалось, условія, она унесла немного жертвъ и вскорѣ погасла, но для Гродекова она имѣла тяжелыя послѣдствія. Вслѣдствіе вражды двухъ партій въ туземной части города Ташкента, одной, стоявшей за смѣненнаго Гродековымъ аксакала, большого проходимца, но вліятельнаго, благодаря своему богатству и прежнему служебному положенію человѣка, и другой, стоявшей за назначеннаго Гродековымъ замѣстителемъ этого аксакала, вспыхнули безпорядки. Интриганы сумѣли возбудить неудовольствіе въ народныхъ массахъ туземнаго города противъ принятыхъ санитарныхъ мѣръ для борьбы съ холерой. Толпа буяновъ 24-го іюня 1892 года окружила зданіе управленія начальника города Ташкента, требуя выдачи новаго аксакала, затѣмъ избила камнями начальника города, полковника С. Р. Путинцева, разгромила полицейское управленіе.

Тогда Гродековъ, зная характеръ туземцевъ и считая, что надо дѣйствовать энергично, чтобы тотчасъ же прекратить безпорядки и не давать имъ принять угрожающіе размѣры, немедленно съ горстью нижнихъ чиновъ вошелъ въ городъ и, встрѣченный на

базарѣ многочисленной толпой, отвѣтившей грозными криками на приказаніе разойтись, велѣлъ открыть огонь, чѣмъ и заставилъ толпу разбѣжаться, оставивъ на мѣстѣ около десяти человѣкъ раненыхъ.

Главные виновники холерныхъ безпорядковъ были преданы военному суду. При разсмотрѣніи дѣла судъ по отрывочнымъ показаніямъ свидѣтелей составилъ себѣ не вполнѣ правильное представленіе о событіяхъ 24-го іюня, найдя въ дѣятельности областной администраціи признаки превышенія и бездѣйствія власти, которыя всегда можно отыскать въ дѣятельности любого администратора, обязаннаго считаться иногда съ требованіями даннаго момента; составлено было особое постановленіе, которое повлекло для Николая Ивановича отстраненіе отъ должности губернатора и прикомандированіе въ распоряженіе военнаго министра. Пріѣхавъ въ Петроградъ, Гродековъ доложилъ дѣйствительное положеніе дѣла и обстоятельства, вынудившія его принять тѣ мѣры при подавленіи безпорядковъ, которыя вызвали постановленіе суда. Вскорѣ же послѣ этого послѣдовало назначеніе Гродекова помощникомъ пріамурскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Пріамурскаго округа.

Въ новомъ для него краѣ Николай Ивановичъ проявилъ тѣ же выдающіяся административныя способности, занимался дѣломъ широкой русской колонизаціи далекаго края. Будучи назначенъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Пріамурскаго округа, Николай Ивановичъ во время подавленія боксерскаго движенія, угрожавшаго безопасности нашего Пріамурья, былъ облеченъ званіемъ главнокомандующаго и сумѣлъ правильнымъ, цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ отрядовъ и ясно поставленной послѣднимъ цѣли очень быстро подавить боксерское движеніе въ Сѣверной Манчжуріи и очистить ее отъ мятежниковъ. Послѣдующая японская война воочію должна была убѣдить, что славныя пріамурскія и квантунскія войска, обученныя подъ руководствомъ Гродекова, исключительнымъ мужествомъ и выносливостью обращавшія на себя вниманіе, дѣйствительно воспитаны были ихъ старымъ командующимъ войсками надлежащимъ образомъ и не уронили былой славы нашей арміи.

30-го августа 1902 года Николай Ивановичъ былъ назначенъ въ Государственный Совѣтъ. Въ февралѣ 1906 года Гродековъ былъ призванъ на отвѣтственный и требовавшій чрезвычайно напряженной работы постъ главнокомандующаго войсками на Дальнемъ Востокѣ, для ликвидаціи тыла арміи и приведенія ея на мирное положеніе, отправленія въ Россію какъ запасныхъ, такъ и частей войскъ.

Еще на Дальнемъ Востокѣ Гродековъ получилъ предложеніе занять освободившійся послѣ ухода Субботича постъ туркестан-

скаго генералъ-губернатора и командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, но Николай Ивановичъ долго колебался принять это назначеніе: крайнее утомленіе, вызванное его трудами по выполненію Высочайшей воли по расформированію арміи и обострившаяся вслѣдствіе этого его хроническая болѣзнь почекъ—вынудили его всеподданнѣйше доложить Государю, что онъ не считаетъ возможнымъ принять отвѣтственный постъ генералъ-губернатора въ Туркестанѣ, такъ какъ считаетъ, что у него въ настоящее время нѣтъ уже прежнихъ силъ и энергіи для выполненія Высочайшихъ указаній по управленію этимъ краемъ. Однако кратковременный отдыхъ и успѣшное леченіе склонили его, по настойчивому, повторенному предложенію къ принятію должности генералъ-губернатора, хотя на короткій срокъ, и 15-го декабря послѣдовалъ Высочайшій указъ о его назначеніи въ Туркестанъ.

II.

Встрѣча новаго генералъ-губернатора.—Взглядъ Гродекова на переселенческое дѣло.—Положеніе Туркестанскаго края въ концѣ 1906 года.—Перемѣны въ личномъ составѣ.—Борьба съ революціоннымъ движеніемъ.—Реорганизація переселенческаго дѣла.—Тренія съ главнымъ управленіемъ земледѣлія по переселенческому вопросу.—Пріемъ у генералъ-губернатора, рабочій его день.—Заботы о разныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ.—Памятникъ Кауфману—Отношеніе къ Хивѣ и Бухарѣ.—Взглядъ Гродекова на военно-народное управленіе.—Уходъ Николая Ивановича изъ Туркестана.—Память о немъ среди русскаго населенія, особенно отставныхъ ветерановъ, поселившихся въ краѣ.

Помнится, что на второй день Рождества я, какъ управляющій канцеляріей туркестанскаго генералъ-губернатора, получилъ телеграмму отъ новаго главнаго начальника края о встрѣчѣ его въ городѣ Казалинскѣ 2-го января 1907 года, вмѣстѣ съ сыръ-дарьинскимъ губернаторомъ М. Я. Романовымъ.

Не скрою, что я выѣзжалъ съ тревожнымъ чувствомъ встрѣчать Гродекова. Отъ генерала Мацѣевскаго, временно исполнявшаго должность генералъ-губернатора, долго служившаго съ Гродековымъ въ Пріамурьѣ и не поладившаго тамъ съ нимъ до того, что пришлось ему, генералу Мацѣевскому, спѣшно озаботиться о переводѣ, я слышалъ много о суровости и грубости Гродекова, неожиданныхъ перемѣнахъ въ его настроеніи, придирчивости и т. п. качествахъ, далеко непріятныхъ въ начальникѣ. Дорогой я рѣшилъ уже, если слова генерала Мацѣевскаго, которому я имѣлъ основаніе, однако, не вполнѣ довѣрять, оправдаются, оставить свою должность, несмотря на горячую любовь мою къ Туркестанскому краю и желаніе служеніемъ ему принести посильную пользу его дальнѣйшему преуспѣянію. Мой спутникъ, сподвижникъ Гродекова, бывшій его начальникъ штаба, генералъ Романовъ, успокаивалъ меня, рисуя Гродекова не такимъ, какъ описывалъ его ге-

нералъ Мацѣевскій, и утверждалъ, что Николай Ивановичъ—человѣкъ исключительной справедливости, большой джентльменъ и отъ подчиненныхъ требуетъ лишь трудолюбія, знанія дѣла и честности, ни протекцій, ни женскаго или иного вліянія для него не существуетъ. Характеристика Романова оправдалась вполнѣ при ближайшемъ знакомствѣ съ Николаемъ Ивановичемъ.

Между тѣмъ, бояться нервнаго настроенія Гродекова имѣлись большія основанія: передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ изъ Ташкента въ одномъ изъ стрѣлковыхъ батальоновъ были революціонерами похищены два пулемета, настроеніе въ войскахъ было самое тревожное, доходившее до открытаго проявленія неповиновенія, власти проявляли большую растерянность при дерзкихъ выступленіяхъ революціонеровъ, обѣ желѣзныя дороги, соединявшія Туркестанъ съ Россіей, находились въ полной власти желѣзнодорожнаго союза и т. п.

Какъ теперь помню, при сильной снѣжной метели, какія бываютъ въ сѣверной части Сыръ-Дарьинской области, подошелъ къ дебаркадеру станціи Казалинскъ поѣздъ съ новымъ начальникомъ края.

Въ поѣздѣ, кромѣ Гродекова и взятаго имъ изъ Россіи личнаго адъютанта (штабсъ-капитана Гриневича), бывшаго адъютанта героя Портъ-Артура Р. И. Кондратенка, находились: военный губернаторъ генералъ Романовъ, встрѣтившій генералъ-губернатора на границѣ области на станціи Саксаульской, мѣстный начальникъ уѣзда, переводчикъ генералъ-губернатора Диваевъ, о которомъ я упомянулъ выше, и нѣсколько человѣкъ почетныхъ киргизовъ, нетерпѣливо желавшихъ скорѣе повидать своего бывшаго любимаго губернатора и выѣзжавшихъ для этого въ Оренбургъ. Гродековъ, въ виду поздняго времени, вышелъ на станцію лишь для пріема представляющихся и депутацій отъ города, туземнаго населенія и уральскихъ казаковъ. Я представился ему въ вагонѣ. Предо мною стоялъ благообразный на видъ, строгій старикъ съ проницательно смотрящими изъ-подъ очковъ умными, полными живого огня глазами.

Гродековъ быстро оглядѣлъ меня и спросилъ, почему я не остался въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, и, повидимому, остался доволенъ моимъ объясненіемъ. Затѣмъ онъ пригласилъ командира 1-го армейскаго корпуса генерала Шпицберга, генерала Романова, сыръ-дарьинскаго губернатора и меня обѣдать. Передъ обѣдомъ Гродековъ очень рѣзко выговаривалъ генералу Шпицбергу, что онъ въ такую минуту, когда особенно важно было присутствіе его въ Ташкентѣ, вздумалъ выѣзжать ему навстрѣчу, тогда какъ онъ, Гродековъ, опредѣленно указалъ на тѣхъ лицъ, которыхъ онъ нашелъ необходимымъ вызвать къ себѣ изъ Ташкента. За обѣдомъ Гродековъ оказался радушнымъ хозяиномъ, но малоразговорчивымъ. Послѣ обѣда, до глубокой ночи, Гродековъ оставилъ меня и потребовалъ доклада по наиболѣе важнымъ вопросамъ краевого

управленія, показывая глубокое знаніе и широкое пониманіе многихъ вопросовъ, затрагивавшихся при моемъ докладѣ. На мой вопросъ, находитъ ли онъ возможнымъ продолжать такое же энергичное водвореніе русскихъ переселенцевъ въ Туркестанскій край, какое онъ осуществлялъ, будучи губернаторомъ, Николай Ивановичъ отвѣтилъ, что, несомнѣнно, заселеніе русскими, и не только земледѣльцами, но и ремесленниками, Туркестана—вопросъ первостепенной государственной важности, но рѣшать его теперь, при совершенно измѣнившихся по сравненію съ прежними условіяхъ жизни края такъ, какъ дѣлалось это раньше, нельзя. Прежде было достаточное количество орошенныхъ земель въ пользованіи киргизовъ, и можно было безъ особаго ущерба для туземнаго населенія отбирать эти земли, тѣмъ болѣе, что тогда лишь ничтожный процентъ киргизскаго населенія занимался земледѣліемъ, теперь же, какъ онъ читалъ и видитъ самъ, процентъ осѣданія киргизовъ на землѣ принялъ такіе размѣры, что большинство киргизовъ надо признать земледѣльцами; кромѣ того, самое населеніе значительно увеличилось, слѣдовательно, свободныхъ, орошенныхъ земель или совсѣмъ нѣтъ, или такое осталось ничтожное ихъ количество, что о широкомъ переселеніи на нихъ не можетъ быть и рѣчи. По мнѣнію Гродекова, для переселенія надо орошать новыя земли, какихъ въ Туркестанѣ осталось еще достаточное количество, но не слѣдуетъ отнимать у туземнаго населенія его личнымъ трудомъ орошенныя земли и возбуждать тѣмъ недовольство противъ нашего управленія, недовольство тѣмъ болѣе нежелательное, что туземное населеніе составляло болѣе девяноста процентовъ, представляя сплошную, однородную, не въ смыслѣ этнографическомъ, а въ смыслѣ вѣрованія и обычаевъ, массу. На станціяхъ отъ вниманія Гродекова не ускользнули огромные запасы саксаула, съ которымъ тянулись по степи безконечные караваны верблюдовъ. Оказалось, что не только паровозы, но и всѣ станціонныя зданія отапливались саксауломъ, и отъ прежнихъ саксауловыхъ лѣсовъ, охранявшихъ край отъ грознаго нашествія песковъ пустыни, сохранились лишь жалкіе остатки. Немедленно же мною, по приказанію Гродекова, составлено было сношеніе съ начальниками обѣихъ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ (Сыръ-Дарьинской и Ташкентской) для выясненія вопроса о возможности замѣны саксаула минеральнымъ топливомъ.

На тѣхъ станціяхъ, близъ которыхъ были русскія селенія, Гродекова выходило встрѣчать сплошь все населеніе обоихъ половъ, взрослые и дѣти. Надо было видѣть, какъ трогательны были эти встрѣчи. Николай Ивановичъ помнилъ многихъ крестьянъ по фамиліямъ, даже зналъ семейныя отношенія, поражая своей феноменальной памятью; вообще не краснорѣчивый, онъ умѣлъ говорить съ простымъ народомъ на понятномъ послѣднему языкѣ и такъ просто, тепло, сердечно, находя сказать каждому слово одобренія,

дать мудрые хозяйственные и вообще дѣловые совѣты. На одной изъ станцій, близъ Ташкента, крестьяне нѣсколькихъ окрестныхъ селеній поднесли Гродекову иконы и одинъ изъ ихъ среды такъ мѣтко и душевно представилъ всю дѣятельность Николая Ивановича по созданію ихъ поселковъ, что рѣчь эта могла служить для Гродекова лучшей наградой, какъ дѣйствительно вѣрная оцѣнка его великаго подвига по созиданію русскихъ культурныхъ уголковъ среди пустынь Туркестана, окруженныхъ еще полудикимъ населеніемъ.

Въ Ташкентѣ Гродекова ждала огромная, изо дня въ день текущая работа по управленію обширнымъ, еще далеко не устроеннымъ краемъ въ эпоху еще не улегшагося революціоннаго броженія, когда жизнь главнаго начальника почти непрестанно находилась въ опасности.

Такія революціонныя выступленія, какъ убійство генерала Ульянина, ограбленіе самаркандской желѣзнодорожной станціи, ограбленіе чарджуйскаго казначейства, напряженный трудъ по созиданію противодѣйствія ничѣмъ раньше до Гродекова не сдерживаемой работѣ мѣстнаго краевого революціоннаго комитета, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ талантливыхъ революціонеровъ, бывшій студентъ томскаго университета Сергѣй Мароховцъ, или, по революціонной кличкѣ, Сергѣй-офицеръ, казненный по приговору суда во время управленія краемъ генералъ-адъютантомъ Мищенкомъ.

Личный составъ лицъ, стоявшихъ во главѣ областей Туркестанскаго края, былъ въ то время очень неудовлетворительный: одинъ изъ губернаторовъ считался завѣдомымъ алкоголикомъ, другой подпалъ совершенно подъ вліяніе своего свойственника, не только человѣка революціонныхъ убѣжденій, но, повидимому, находившагося въ составѣ соціалъ-революціонной партіи, третій былъ недостаточно дѣятельный и въ управленіи войсками и областью проявлялъ полную безпечность и слабость, доходившую до потворства; только въ Ферганской области царило относительное спокойствіе, благодаря твердымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ тогдашняго губернатора.

Такимъ образомъ, составъ ближайшихъ сотрудниковъ Гродекова на мѣстахъ, въ областяхъ требовалъ скорѣйшей перемѣны въ интересахъ дѣла, съ этого и надо было начинать свою дѣятельность новому генералъ-губернатору. Но извѣстно, какъ трудно у насъ въ Россіи удалить плохого администратора, особенно если онъ занимаетъ важный постъ; сейчасъ же являются соображенія жалости къ почтенному сановнику, у него являются вліятельные заступники, затѣвается безконечная переписка, высказывается неудовольствіе за излишнее придирчивое отношеніе и т. п. Такъ произошло съ Гродековымъ. Больше всего огорченій и непріятностей онъ пере-

жилъ съ перемѣнами высшихъ чиновъ въ составѣ областныхъ управленій, создавъ себѣ много непримиримыхъ враговъ.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Ташкентъ Николай Ивановичъ вызвалъ меня однажды къ себѣ поздно вечеромъ и сказалъ, что не считаетъ возможнымъ скрыть отъ меня, такъ какъ привыкъ дѣйствовать всегда открыто, безъ лицемѣрія, что передъ пріѣздомъ въ Туркестанъ уговорился со своимъ бывшимъ сотрудникомъ по управленію Пріамурскимъ краемъ, почтеннымъ г. Щ., о предоставленіи ему должности управляющаго канцеляріей, если при ближайшемъ знакомствѣ со мною я окажусь не соотвѣтствующимъ; но теперь, такъ какъ я выдержалъ испытаніе и оказался, по мнѣнію Николая Ивановича, вполнѣ подходящимъ сотрудникомъ, онъ не желаетъ и по совѣсти не можетъ желать лучшаго, почему и проситъ меня остаться управляющимъ канцеляріей, а Щ. напишетъ о положеніи дѣла. При этомъ Гродековъ высказалъ мнѣ свой руководящій взглядъ на мѣну подчиненныхъ служащихъ при назначеніи новыхъ начальствующихъ лицъ; онъ чрезвычайно осуждалъ такую мѣру, если она основана на желаніи новаго начальника окружить себя своими лицами, находя, что отъ этого чрезвычайно страдаетъ самое дѣло управленія, такъ какъ иногда лица опытныя и вообще достойныя смѣняются негодными или просто даже худшими новичками въ краѣ, которымъ надо употреблять много времени для ознакомленія съ новыми дѣлами, новыми условіями службы и т. п. Кромѣ того, вокругъ начальника создается средостѣніе изъ близкихъ, а иногда и родственныхъ ему лицъ, которыя стараются скрывать отъ него различныя непріятности; не находясь сами въ кругу мѣстныхъ интересовъ, они не въ силахъ бываютъ и генералъ-губернатора держать въ курсѣ послѣднихъ и т. п.

Исходя изъ этого взгляда, даже своего личнаго адъютанта, доставшагося ему по наслѣдству отъ предмѣстника по должности, Гродековъ долго терпѣлъ, несмотря на отрицательныя нравственныя и служебныя его свойства, и лишь при явно обнаружившейся его недоброкачественности удалилъ. Во время моей службы при Николаѣ Ивановичѣ я убѣдился, что для него, какъ мнѣ говорили знавшіе его по прежней службѣ, не существуетъ ни протекцій, ни какого-либо вообще посторонняго вліянія при оцѣнкѣ сотрудниковъ, подчиненныхъ, а мѣриломъ его благоволенія служатъ ихъ личныя качества, служебныя и нравственныя.

Тяжелое бремя управленія принялъ на себя Николая Ивановичъ съ должностью главнаго начальника Туркестанскаго края; по постановленію центральнаго комитета соціалъ-революціонной партіи, рѣшено было въ интересахъ партійнаго дѣла обратить особое вниманіе на агитаціонную дѣятельность партій на окраинахъ и въ частности въ Туркестанѣ.

Комитетъ находилъ, что условія дѣятельности партійныхъ работниковъ въ Туркестанѣ особо благопріятны: ничтожный и неудовлетворительный составъ городской полиціи, полное отсутствіе уѣздной, неудовлетворительное экономическое положеніе служащихъ на окраинныхъ желѣзныхъ дорогахъ и неблагонадежный составъ ихъ, давшій возможность сорганизовать ихъ въ желѣзнодорожный союзъ, захватившій цѣликомъ въ свои руки обѣ желѣзныя дороги: Ташкентскую и Средне-Азіатскую; наконецъ, неудовлетворительный составъ высшихъ чиновъ, поставленныхъ на отвѣтственные посты военныхъ губернаторовъ.

Уже при Гродековѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ дерзкихъ выступленій революціонеровъ: ко дню его пріѣзда на границы края изъ воинской части въ Ташкентѣ, какъ упомянуто выше, были похищены пулеметы, затѣмъ совершено дерзкое нападеніе на станцію Самаркандъ, охранявшуюся воинскомъ карауломъ, такое же нападеніе на чарджуйское казначейство, съ похищеніемъ на партійныя нужды болѣе четырехсотъ тысячъ, убійство начальника Средне-Азіатской дороги генерала Ульянина Въ одномъ изъ областныхъ городовъ, на глазахъ губернатора, толпа учащейся молодежи съ красными флагами, пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ провожала отъѣзжавшаго члена Государственной Думы и, съ разрѣшенія губернатора, войсковой казачій хоръ сопровождалъ эту процессію по улицамъ города, играя похоронный маршъ «самодержавію». По словамъ губернатора, все это было устроено однимъ изъ политическихъ ссыльныхъ, котораго губернаторъ, однако, не считалъ себя въ правѣ арестовать.

Въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдовалъ рядъ безпорядковъ. Господа губернаторы обнаруживали полное незнакомство не только съ партійными платформами соціалъ-революціонеровъ, соціалъ-демократовъ, путая эти партіи одну съ другой, но и просто съ тѣмъ, какія именно партіи являются противоправительственными и преслѣдуютъ дѣятельность революціонную и какія допускаются правительствомъ. Одинъ изъ губернаторовъ обратился къ главному начальнику края, прося его о высылкѣ помощника присяжнаго повѣреннаго, которому инкриминировалось участіе во всѣхъ противоправительственныхъ партіяхъ. Требовалась, ввиду описаннаго положенія вещей въ краѣ, усиленная энергія и напряженная работа со стороны генералъ-губернатора, чтобы, несмотря на неблагопріятныя условія по борьбѣ съ дѣятельностью революціонныхъ организацій, ликвидировать смуту и водворить порядокъ. Дѣйствительно, съ этой задачей Николай Ивановичъ Гродековъ въ концѣ концовъ блестяще справился: ко дню его отъѣзда изъ края революціонное движеніе было подавлено, главари движенія арестованы, преданы суду, а часть вредныхъ, неблагонадежныхъ партійныхъ работниковъ выселена изъ края. Поступая твердо и неуклонно,

приводя въ исполненіе задуманное по успокоенію края, Гродековъ никогда не былъ жестокимъ человѣкомъ и всегда стремился поступать хотя и рѣшительно, но справедливо и законно, не допуская никакихъ эксцессовъ со стороны власти. Когда къ нему обратились съ настойчивымъ требованіемъ выслать изъ края сразу болѣе двухсотъ служащихъ на желѣзной дорогѣ и удостовѣрили, что безъ этой мѣры нельзя вырвать краевыя желѣзныя дороги изъ рукъ революціоннаго союза, слагая, въ случаѣ непринятія этой мѣры, отвѣтственность на генералъ-губернатора, Гродековъ потребовалъ самаго подробнаго изслѣдованія вины каждаго изъ предназначенныхъ къ высылкѣ. Не удовлетворяясь представленными свѣдѣніями, сбивчивыми, неточными и совершенно произвольными, онъ, не боясь взять на себя окончательное рѣшеніе и примѣнить такую исключительную мѣру, если бы была доказана необходимость и основательность ея въ примѣненіи къ каждому, отказалъ, послѣ тщательнаго обсужденія этого вопроса въ особомъ совѣщаніи, въ высылкѣ, несмотря и на настояніе изъ Петербурга, ограничивъ высылку лишь нѣсколькими дѣйствительно вредными агитаторами. Осторожность Гродекова въ этомъ дѣлѣ оказалась впослѣдствіи вполнѣ цѣлесообразной.

По мысли Гродекова, дѣло политическаго розыска было организовано и поставлено вмѣстѣ съ тѣмъ въ зависимость непосредственную отъ генералъ-губернатора, а не департамента полиціи, такъ какъ Гродековъ (какъ и послѣдній министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ) находилъ, что въ рукахъ мѣстной власти должны быть сосредоточены всѣ органы полиціи, какъ внѣшней, такъ и политической, безграздѣльно.

Не могу при этомъ не упомянуть, что враги Николая Ивановича распространили слухи, что Гродековъ, боясь покушеній на его жизнь, испугался и никуда изъ генералъ-губернаторскаго дома не выходилъ. Удостовѣряю, что это гнусная ложь, въ дѣйствительности Николай Ивановичъ, такъ доказавшій свое беззавѣтное мужество и храбрость прежней своей боевой службой и дѣятельностью, стяжавшій признаніе своей храбрости со стороны нашего незабвеннаго героя М. Д. Скобелева, никогда не цѣнилъ своей жизни, и чувство страха было ему совершенно чуждо. Зная, что на его жизнь дѣйствительно готовился рядъ покушеній, Николай Ивановичъ, когда ему приходилось выѣзжать изъ дома, не скрывалъ этого, никогда не бралъ конвоя, не окружалъ себя агентами охраны, ѣздилъ въ открытомъ экипажѣ, выходилъ же Николай Ивановичъ изъ дома рѣдко вслѣдствіе мучившей его и обострившейся въ Туркестанѣ его хронической болѣзни почекъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Туркестанъ Гродековъ проявилъ самое живое отношеніе къ правильной и широкой постановкѣ переселенческаго дѣла. Особенно озабочивало Гродекова отсутствіе

въ дѣятельности чиновъ переселенческаго управленія руководящей программы, разрозненность, несогласованность ихъ дѣйствій, противорѣчіе ихъ съ дѣйствующимъ закономъ.

Гродековъ для парализованія описанныхъ недостатковъ призналъ необходимымъ домогаться объединенія дѣятельности чиновъ переселенческаго управленія въ лицѣ начальника мѣстнаго управленія земледѣлія. Затѣмъ Гродекову пришлось обратить вниманіе также на неполное соотвѣтствіе личнаго состава названнаго управленія. У одного завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ замѣчалась крайняя медленность въ устройствѣ переселенцевъ, отводѣ имъ участковъ и т. п. Несмотря на всѣ усилія и обычную для Гродекова настойчивость, особенно въ такомъ неизмѣнно близкомъ его сердцу дѣлѣ, какъ водвореніе русскихъ земледѣльцевъ въ Туркестанѣ, этотъ чиновникъ тянулъ безконечную канитель, не могъ наладить дѣла орошенія отводимаго для переселенцевъ участка и т. п., и созданіе одного изъ поселковъ затянулось на цѣлыхъ почти три года; впослѣдствіи были найдены денежныя злоупотребленія въ управленіи этого чиновника, а также неудачный имъ выборъ подчиненныхъ, одного изъ которыхъ, какъ несомнѣнно партійнаго человѣка, Гродековъ опротестовалъ. Пришлось просить о смѣнѣ этого лица, что и удалось, но лишь послѣ долгой переписки.

Другой чинъ того же управленія умѣлъ чрезвычайно преувеличивать успѣхи своей дѣятельности на бумагѣ и доносилъ въ Петроградъ, чтобы оправдать неудачные результаты своей работы, что его дѣятельность встрѣчаетъ препятствіе со стороны мѣстныхъ властей, съ генералъ-губернаторомъ во главѣ; онъ же, вопреки закона, захватывалъ не только орошенныя самими киргизами земли, но и усадебные ихъ участки и т. п. Однако Гродекова трудно было провести въ такомъ дѣлѣ, опытный его глазъ, какъ стараго землеустроителя и неутомимаго колонизатора, сразу же установилъ фальшь въ дѣятельности этого чиновника; началась переписка съ Петроградомъ, гдѣ упорно отстаивали своего агента, которому безгранично довѣряли. Треніе между генералъ-губернаторомъ и Петроградомъ по этому вопросу ужасно огорчало главнаго начальника края, который видѣлъ свое безсиліе даже въ такомъ, по существу, небольшомъ дѣлѣ. Только недавно, спустя 6 лѣтъ послѣ оставленія Гродековымъ края, когда самъ начальникъ переселенческаго управленія на мѣстѣ обревизовалъ дѣятельность этого чиновника, послѣдній наконецъ былъ отозванъ изъ Туркестана и замѣненъ дѣйствительно выдающимся по энергіи, честнымъ работникомъ. Но спрашивается, насколько такое недовѣріе къ ходатайству главнаго начальника и оставленіе на многіе годы столь важнаго для Туркестана дѣла, какъ водвореніе русскихъ переселенцевъ, въ рукахъ несоотвѣтствующаго правительственнаго агента повредило успѣху этого дѣла и, наконецъ, дискредитировало авторитетъ те-

нералъ-губернатора? Вѣроятно, этому же дѣятелю Гродековъ былъ отчасти обязанъ распущеннымъ въ Петроградѣ слухомъ, что онъ впалъ въ дѣтство, что его разбилъ параличъ и т. п., благо за нѣсколько тысячъ верстъ отъ Петрограда можно разсказывать все что угодно о туркестанскихъ дѣлахъ и, чѣмъ хуже, тѣмъ больше будетъ охотниковъ этому вѣрить.

Такимъ образомъ, въ Петроградѣ создалась легенда о томъ, что краемъ управляетъ не генералъ-губернаторъ, а его управляющій канцеляріей, причемъ меня изображали не только мусульманиномъ (что легко было сдѣлать ввиду моей фамиліи, хотя натурализовавшейся въ Россіи со времени великаго князя Василія Темнаго), но и явнымъ сепаратистомъ, стремящимся повредить дѣлу русской колонизаціи ради интересовъ туземнаго населенія.

Главное управленіе земледѣлія, въ лицѣ тогдашняго главноуправляющаго, не только относилось критически ко всѣмъ представленіямъ Гредекова, но дошло до того, что 26-го декабря 1907 года Гродекову послана была чрезвычайно дерзкая, вызывающая телеграмма, въ которой въ юмористической формѣ предлагалось выселить всѣхъ русскихъ переселенцевъ изъ края и навсегда закрыть силою оружія доступъ въ него русскимъ людямъ. Эта телеграмма чрезвычайно оскорбила генералъ-губернатора. Впослѣдствіи, въ лицѣ нынѣшняго главноуправляющаго земледѣліемъ, почтеннѣйшаго А. В. Кривошеина, дѣйствительно энергично проводящаго различныя продуманныя и вполнѣ практическія мѣропріятія по широкому населенію Туркестана, путемъ орошенія новыхъ огромныхъ пространствъ свободной государственной земли, путемъ устройства, въ земельномъ отношеніи, коренного туземнаго населенія (вслѣдствіе чего выясняются излишки земель, находившихся въ пользованіи осѣвшихъ нынѣ, бывшихъ кочевниковъ), главное управленіе земледѣлія, въ основныхъ положеніяхъ, пришло именно къ тому взгляду на основы и задачи переселенческаго дѣла, который высказывалъ и Гродековъ. Съ чувствомъ полнаго нравственнаго удовлетворенія разсказывалъ онъ намъ, что, еще при покойномъ П. А. Столыпинѣ дѣятельность его по переселенческому вопросу была предметомъ сужденія Совѣта Министровъ, и Петръ Аркадьевичъ сказалъ Николаю Ивановичу, что Совѣтъ Министровъ призналъ его дѣятельность безупречной. Между тѣмъ въ то время почти всякая новая бумага изъ главнаго управленія земледѣлія приносила какое-либо огорченіе для генералъ-губернатора или возбуждала какія-либо тренія.

Мы убѣждены, что именно эти неналадившіяся отношенія не только дѣйствовали угнетающимъ образомъ на Гродекова, подрывая въ конецъ его здоровье, но и привели его къ твердой рѣшимости просить государя объ отозваніи изъ края, такъ, по крайней мѣрѣ, высказывался иногда самъ Николай Ивановичъ.

Какою страшною и злой иронiей представлялся упрекъ, брошенный Гродекову, что онъ, этотъ до мозга костей русскiй государственный дѣятель, съ такой энергiей и любовью относившiйся къ дѣлу водворенiя русскаго населенiя въ Туркестанѣ, якобы противодѣйствовалъ, какъ генералъ-губернаторъ, широкому заселенiю края русскими людьми! Выше мы упомянули, какъ Гродековъ, будучи губернаторомъ, предъявлялъ къ своимъ подчиненнымъ требованiе обстоятельнаго знакомства съ мѣстнымъ языкомъ, бытомъ и вѣрованiями туземцевъ; эти же требованiя въ болѣе широкихъ размѣрахъ сталъ предъявлять онъ и какъ генералъ-губернаторъ, выражая настойчивое пожеланiе, чтобы, въ виду особенностей края, населеннаго сплошнымъ мусульманскимъ населенiемъ (свыше 90 проц.), съ своеобразной культурой, объединеннаго во всѣхъ проявленiяхъ своей жизни религiей Магомета, служащiе въ краѣ основательно были знакомы съ положенiемъ мусульманскаго вопроса и мѣстными языками. Проектъ закона по этому вопросу, однако, былъ въ Петроградѣ отвергнутъ.

Въ дни прiемовъ у генералъ-губернатора просителей домъ его, при Гродековѣ, осаждался цѣлыми толпами русскихъ земледѣльцевъ, являвшихся или съ благодарностью къ своему любимому устроителю и благодѣтелю за всѣ его заботы и вниманiе, или добивающихся, съ глубокой вѣрою въ его справедливость, правды въ своихъ дѣлахъ, или новыхъ переселенцевъ, просящихъ объ отводѣ землицы, зная, какъ по истинѣ о нихъ позаботится и горячо за ихъ интересъ постоитъ Николай Ивановичъ и своею настойчивостью, добьется удовлетворенiя ихъ пожеланiй, если къ тому представится какая-либо возможность.

Но не только дѣло водворенiя въ краѣ порядка, улучшенiя личнаго состава и выбора на соотвѣтственныя мѣста лицъ, знакомыхъ съ мѣстными особенностями, а также переселенческое и землеустроительное дѣло пользовались вниманiемъ Гродекова, его широкiй, просвѣщенный взглядъ государственнаго человѣка, и при томъ съ хорошей русской душой, знавшаго, какъ немногiе, край и всѣ его особенности, давалъ ему возможность возбудить и правильно освѣтить рядъ вопросовъ, направленныхъ на благо края, улучшенiе его управленiя, подъемъ экономическихъ силъ населенiя, увеличенiе доходовъ и уменьшенiе расходовъ фиска по Туркестану. Но я боюсь утомлять читателя подробнымъ перечнемъ всего, что сдѣлано было или начато было Гродековымъ въ различныхъ отрасляхъ управленiя и жизни края экономической и духовной; о многомъ не настало еще время говорить, не прошла законная историческая давность. Упомяну лишь, что большинство законопроектовъ, получившихъ законодательную санкцiю за послѣднiя пять-шесть лѣтъ, носили на себѣ слѣды его работы, его мысли. Особенное вниманiе Николай Ивановичъ удѣлялъ всему тому, что имѣло просвѣтительное значе-

ніе для края или вело къ его благосостоянію, къ прочному закрѣпленію его за имперіей.

Съ самаго ранняго утра и оканчивая позднимъ вечеромъ, тянулся рабочій день Гродекова: иногда съ семи часовъ утра Николай Ивановичъ уже сидѣлъ за работой, обложенный докладами, справками, справочными книгами, законами. Онъ, какъ немногіе изъ нашихъ администраторовъ, былъ врагомъ произвола. Одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ Гродекова по управленію Пріамурскимъ краемъ разсказывалъ намъ очень характерный анекдотъ, какъ высоко цѣнилъ Николай Ивановичъ законность.

Разсказчикъ, назначенный со строевой должности на постъ губернатора, пришелъ къ Гродекову поблагодарить за назначеніе, какъ инціатора этого выбора, при чемъ просилъ Николая Ивановича дать ему руководящія указанія въ этой новой дѣятельности. Вообще малоразговорчивый, Николай Ивановичъ, молча выслушавъ благодарность и просьбу разсказчика, также молча отправился въ дальній уголъ кабинета, взялъ со стола какую-то очень солидную книгу и, принеся ее, сказалъ новому губернатору: «Вотъ куда чаще заглядывайте и тамъ ищите прежде всего указаній». Эта книга была «Сводомъ Законовъ Россійской Имперіи». Не надо думать, однако, чтобы Гродековъ былъ формалистомъ - законникомъ, такъ какъ вообще всякій бездушный формализмъ былъ чуждъ ему, человѣку практическаго склада ума и большого жизненнаго, административнаго опыта.

Много средствъ Николай Ивановичъ употребилъ, какъ личныхъ своихъ, такъ и находившихся въ его распоряженіи по званію генералъ-губернатора, на развитіе просвѣтительныхъ учрежденій въ краѣ: туркестанскаго музея, туркестанской публичной библіотеки, а также на созданіе будущей картинной галереи въ Ташкентѣ, которая должна была бы имѣть и поучительное, въ смыслѣ знакомства по историческимъ картинамъ съ великой эпопеей завоеванія нашего Туркестана, значеніе, и служила бы для развитія художественнаго вкуса на далекой окраинѣ. Для первой цѣли Гродековъ нашелъ средства къ командированію одного изъ мѣстныхъ художниковъ въ Петроградъ для снятія копій съ батальныхъ каразинскихъ картинъ, затѣмъ вошелъ въ переписку съ музеями, въ которыхъ хранятся верещагинскія картины изъ туркестанской жизни. Для второй цѣли онъ обратился къ академіи художествъ, прося выслать въ Ташкентъ нѣсколько картинъ и гипсовъ для будущей художественной галереи. Копіи съ каразинскихъ картинъ въ настоящее время находятся въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, копіи же съ верещагинскихъ картинъ такъ и не были сняты, въ виду отъѣзда Гродекова изъ Туркестана; академія художествъ прислала нѣсколько картинъ, но онѣ, къ сожалѣнію, не могли быть помѣщены въ старомъ, тѣсномъ зданіи музея и находятся въ разныхъ

мѣстахъ; идея же картинной галереи и новаго зданія музея до сихъ поръ такъ и осталась не осуществленной съ уходомъ изъ края ея инціатора.

При Гродековѣ расширена была значительно публичная библіотека пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ изданій и т. д.; но само главное, что сдѣлалъ Гродековъ для библіотеки, это изыскалъ средства на продолженіе полезнѣйшаго труда, начатаго Межовымъ при Кауфманѣ и прекратившагося при баронѣ Розенбахѣ, такъ называемаго Межовскаго сборника, заключавшаго въ себѣ все, что ни выходило въ свое время о Туркестанѣ въ періодической литературѣ.

Русскій по душѣ, Николай Ивановичъ горячо любилъ родное искусство во всѣхъ его проявленіяхъ, поддерживая его всѣми имѣвшимся у него средствами. Въ послѣдніе годы онъ радовался замѣчаемому подъему національнаго чувства, развитію нашего самосознанія.

Чтя память устроителя и покорителя Туркестанскаго края К. П. фонъ-Кауфмана, Гродековъ, будучи назначенъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, испросилъ Высочайшее соизволеніе на открытіе всероссійской подписки на сооруженіе памятника Кауфману. Только благодаря Николаю Ивановичу Гродекову, поставленному во главѣ комитета по сбору пожертвованій, удалось собрать въ короткое время капиталъ въ 70.000 рублей на эту цѣль, и въ 1913 году открыть памятникъ первому туркестанскому генералъ-губернатору.

Николай Ивановичъ не только обладалъ обширными знаніями по туркестановѣдѣнію, исторіи, географіи, этнографіи сопредѣльныхъ странъ, но постоянно пополнялъ эти свѣдѣнія, не пропуская до самаго дня своей роковой болѣзни ни одной статьи, ни одной книги въ этой области. Знаніе сопредѣльныхъ странъ, основанное не только на широкомъ литературномъ знакомствѣ съ ними, но и личныхъ путешествіяхъ въ С. Афганистанъ и Персію, привело Гродекова къ идеѣ о Трансъ-индійской желѣзной дорогѣ. Эта идея очень занимала Николая Ивановича; намъ лично приходилось собирать, по порученію генералъ-губернатора, немало различныхъ справокъ для основательнаго освѣщенія интересовавшей его идеи. Николай Ивановичъ находилъ, что проводить эту дорогу, имѣющую огромное торговое и политическое значеніе для всей имперіи и особенно для оживленія Закаспійской области, надо не черезъ Афганистанъ, какъ думали ранѣе, а черезъ Персію, которая вошла въ сферу нашего вліянія послѣ англо-русскаго соглашенія и гдѣ природа представляетъ меньше трудностей для такого сооруженія, а населеніе менѣе воинственное, болѣе дружелюбно къ намъ настроенное, чѣмъ въ Афганистанѣ. По мысли Гродекова, дорога должна была начинаться за нѣсколько станцій отъ Кушки,

Мервской вѣтви Средне-Азіатской дороги, и входить въ предѣлы Индіи у гор. Нушки въ Белуджистанѣ.

Идея Гродекова нашла себѣ сочувственный откликъ въ англійскомъ парламентѣ. Намъ представляется избранное имъ направленіе болѣе отвѣчающимъ нашимъ экономическимъ и политическимъ интересамъ, чѣмъ направленіе отъ Джульфы съ нашей кавказско-персидской границы.

Въ отношеніяхъ къ ханствамъ Хивѣ и Бухарѣ Гродековъ придерживался мнѣнія о желательности сохраненія за этими ханствами правъ на самостоятельное существованіе, но признавалъ желательнымъ болѣе бдительный за ними контроль, преимущественно за продажнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хищнымъ туземнымъ чиновничествомъ, чтобы не допускать такой безсовѣстной эксплоатаціи имъ населенія, какая имѣла мѣсто до послѣдняго времени.

Съ управителями названныхъ ханствъ Гродековъ поддерживалъ отношенія дружественныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ полныя достоинства, соотвѣтствующаго его высокому положенію, какъ главнаго начальника края и высшаго на мѣстѣ представителя русской правительственной власти. Съ покойнымъ эмиромъ бухарскимъ его связывали болѣе интимныя отношенія, основанныя на болѣе близкомъ ихъ личномъ знакомствѣ, согрѣтыя со стороны эмира благодарнымъ чувствомъ къ Гродекову за ту поддержку, которую Николай Ивановичъ, исполняя временно обязанности туркестанскаго генералъ-губернатора, оказалъ эмиру послѣ смерти его отца эмира Музафа, при вступленіи его въ управленіе ханствомъ.

Покойный эмиръ, самъ человѣкъ большого ума, на цѣлую голову стоявшій выше окружавшихъ его, не только своихъ бухарскихъ министровъ, но и многихъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ, состоявшихъ при бухарскомъ правительствѣ, говорилъ намъ лично, что послѣ Кауфмана, какъ правителя Туркестана, онъ ставитъ Гродекова и по знанію послѣднимъ края, и по свойствамъ его ума и характера; при этомъ эмиръ утверждалъ, что Гродековъ пользуется большими симпатіями туземнаго населенія не только въ предѣлахъ нашихъ владѣній, но и въ Бухарѣ и Хивѣ, слывя за человѣка строгаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливаго.

Начавъ свою службу въ Туркестанѣ еще въ періодъ завоеванія края, когда, присоединяя постепенно къ имперіи различныя ханства, въ цѣломъ объемѣ или по частямъ, приходилось сначала вводить примитивное, чисто военное управленіе, главная дѣятельность котораго состояла въ поддержаніи порядка и повиновеніи власти со стороны мѣстнаго населенія, и, заканчивая свою службу, послѣ почти тридцатилѣтняго обладанія нашего краемъ, созданія въ немъ культурныхъ условій жизни, соединенія Туркестана непрерывнымъ рельсовымъ путемъ съ остальной имперіей и т. п., при дѣйствіи, однако, почти того же по имени военно-народнаго управленія, Гро-

дековъ, какъ знатокъ края, высказывалъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что оставленіе края въ вѣдѣніи военнаго министерства и при дѣйствующемъ въ немъ военно-народномъ управленіи (или, какъ оно именуется, административно-полицейскомъ) представляется печальнымъ недоразумѣніемъ.

По мнѣнію Гродекова, такой порядокъ управленія ведетъ къ обособленію края отъ имперіи, сохраняя въ немъ исключительное положеніе, почему онъ привѣтствовалъ Высочайшее повелѣніе 1906 года о передачѣ Туркестана въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, до настоящаго времени, однако, не приведенное въ исполненіе.

Заканчивая наши воспоминанія о дѣятельности Гродекова въ должности туркестанскаго генералъ-губернатора, мы считаемъ необходимымъ упомянуть, хоть нѣсколькими словами, о частной его жизни.

Николай Ивановичъ при блестящемъ образованіи, исключительной начитанности обладалъ самыми широкими умственными запросами; кругъ его чтенія и вообще любознательности былъ очень великъ: то мы видѣли у него книги историческаго содержанія, преимущественно по русской исторіи, исторіи Востока и древняго міра, то находили богословскія книги, то путешествія, то сочиненія по исторіи искусства, наконецъ, произведенія современныхъ беллетристовъ; Николай Ивановичъ читалъ немало и газетъ и толстыхъ журналовъ, не пропуская ничего интереснаго изъ области нашей политики, внѣшней и внутренней, описанія странъ Востока и Сѣверной Азіи преимущественно и т. д. Пріобрѣтаемыя книги Николай Ивановичъ большею частью дарилъ въ разныя городскія библіотеки Сыръ-Дарьинской области, въ публичную библіотеку въ Ташкентѣ или въ ташкентскій военный госпиталь. Память у Николая Ивановича была по истинѣ—феноменальная, онъ быстро и основательно усваивалъ себѣ прочитанное, которое цѣпко удерживалось въ его памяти. Скромный и застѣнчивый, Николай Ивановичъ не любилъ большого и особенно незнакомаго общества; на большихъ торжественныхъ пріемахъ, парадахъ и т. п. онъ не терялся, сохранялъ полное достоинство, но предпочиталъ тѣсный кружокъ близкихъ по душѣ людей, въ кругу которыхъ онъ, обычно крайне молчаливый, дѣлался разговорчивымъ, милымъ и чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ. На пріемахъ просителей и представляющихся Николай Ивановичъ терпѣливо выслушивалъ каждаго, и всякое его замѣчаніе, всякое его слово было сказано умно и кстати, иногда съ большимъ юморомъ. Ораторскимъ талантомъ Господь, вообще щедро надѣлившій Гродекова, не одарилъ его, и Николай Ивановичъ старался не выступать съ публичными рѣчами. Однажды онъ передалъ намъ такой случай, имѣвшій съ нимъ мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, еще

въ бытность предсѣдателемъ послѣдняго великаго князя Михаила Николаевича. На повѣсткѣ очередного засѣданія стоялъ вопросъ о закрытіи порто-франко на Дальнемъ Востокѣ. Николай Ивановичъ, какъ бывшій пріамурскій генералъ-губернаторъ, интересовавшійся этимъ вопросомъ, собралъ много матеріаловъ и приготовилъ, т.-е. написалъ довольно длинную рѣчь, которую и началъ читать во время общаго собранія, однако былъ остановленъ предсѣдательствующимъ, напомнившимъ, что, согласно наказа, желающіе выступать съ рѣчами должны предварительно записываться, для опредѣленія очереди, и, кромѣ того, рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ не читаются, а произносятся устно. Замѣчаніе великаго князя такъ смутило Николая Ивановича, что онъ, не обладавшій отъ природы даромъ слова, по его словамъ, совершенно смѣшался и молча сѣлъ, не пытаясь болѣе выступать въ качествѣ оратора. Свою дѣятельность онъ перенесъ въ разныя комиссіи Государственнаго Совѣта, гдѣ оказывалъ огромную пользу своими знаніями и опытомъ.

Образъ жизни Николая Ивановича былъ самый умѣренный; въ одномъ лишь Николай Ивановичъ допускалъ нѣкоторыя излишества, а именно въ ѣдѣ, ѣлъ онъ много и любилъ поѣсть, но выборъ кушаній былъ чрезвычайно простой; требовалось лишь, чтобы все было хорошо приготовлено и изъ свѣжей провизіи, притомъ въ изобиліи. Николай Ивановичъ не слушался предостерегающихъ совѣтовъ и злоупотреблялъ ѣдою; его желѣзный организмъ выдерживалъ всѣ предъявляемыя къ нему испытанія. Самъ Николай Ивановичъ вывѣсилъ въ столовой написанное его врачомъ грозное предостереженіе о вредѣ обжорства, но это не мѣшало ему, иронически кивая на висѣвшее предостереженіе врача, съѣдать неимовѣрное количество какихъ-либо жирныхъ пирожковъ и другихъ не менѣе вредныхъ въ его возрастѣ предметовъ.

Кромѣ ѣды, книгъ, Николай Ивановичъ любилъ тратить деньги и на пріобрѣтеніе картинъ, преимущественно изображавшихъ любимую имъ природу Туркестана, типы сартовъ, киргизовъ. Картины эти Николай Ивановичъ предполагалъ подарить впослѣдствіи туркестанской публичной картинной галереѣ. Всю остальную и при томъ большую часть содержанія своего Николай Ивановичъ тратилъ на разныя благотворительныя дѣла: пріобрѣтеніе церковной утвари, украшеніе городовъ предметами искусства, поддержку переселенцевъ выдачею имъ ссудъ и безвозвратныхъ пособій и т. п. Это былъ истинный безсребренникъ, широко творившій добро. Тароватый на свои деньги, Николай Ивановичъ былъ до крайности скупъ въ расходованіи казенныхъ, раздачѣ казенныхъ пособій; особенно не любилъ онъ давать деньги на поддержку семей алкоголиковъ, говоря, что жены виноваты, что не могли удержать мужей отъ пьянства и рожали отъ пьяницъ дѣтей, буду-

щихъ же алкоголиковъ. Но, отказывая часто въ казенномъ пособіи, Николай Ивановичъ тайкомъ посылалъ упомянутаго выше своего вѣрнаго Мустафу дать просительницѣ деньги изъ своего собственнаго кармана.

Ненависть къ куренію Николай Ивановичъ выказывалъ самую жестокую. Немедленно же съ водвореніемъ его въ домѣ генералъ-губернатора всюду по комнатамъ развѣшены были плакаты: «просятъ не курить», и ни для кого не дѣлалось въ этомъ отношеніи исключенія, несмотря на рангъ, возрастъ и т. п.; такъ, напримѣръ, бывшій командиръ корпуса жандармовъ генералъ-адъютантъ баронъ Ф. Ф. Таубе, страстный курильщикъ, долженъ былъ, приглашенный на завтракъ къ генералъ-губернатору, выходить на дворъ, чтобы выкурить папироску. О позволившихъ себѣ курить, несмотря на «плакатъ», производились разслѣдованія, и виновный торжественно «пристыжался».

Еще большую ненависть выказывалъ Николай Ивановичъ къ пьющимъ водку и съ упорной настойчивостью проводилъ мѣры къ запрещенію открытія въ русскихъ селеніяхъ Туркестанскаго края кабаковъ, оптовыхъ винныхъ складовъ, добившись сокращенія до минимума числа питейныхъ заведеній въ русскихъ поселеніяхъ въ Бухарѣ, гдѣ это зависѣло отъ его дискреціонной власти. Говоря о вредѣ алкоголизма, Николай Ивановичъ, вообще по наружному виду хладнокровный, уравновѣшенный, оживлялся, горячился, дѣлался краснорѣчивымъ.

Суровый по внѣшности, Николай Ивановичъ внушалъ этой кажущейся суровостью страхъ къ себѣ и безпрекословное повиновеніе. Но въ душѣ Николай Ивановичъ былъ добрѣйшій, чуткій къ горю другого человѣкъ; при всемъ томъ онъ, для поддержанія авторитета власти и дисциплины, безъ колебанія взыскивалъ строго съ виновныхъ, и никакія просьбы не могли измѣнить принятаго разъ рѣшенія. Будучи человѣкомъ сильной воли, стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, Гродековъ не былъ нетерпимымъ къ чужому мнѣнію и никогда не настаивалъ на своемъ, если, послѣ обстоятельнаго доклада, убѣждался въ неправильности своего взгляда, своей ошибкѣ. Не терпѣлъ онъ только лицемѣрной лжи. Въ дѣйствительности Гродековъ былъ строгимъ до неумолимости лишь къ самому себѣ.

Выслушивая терпѣливо докладчика, Николай Ивановичъ требовалъ самаго обстоятельнаго доклада и если находилъ, что докладчикъ самъ незнакомъ детально съ дѣломъ, онъ прикидывался не понимающимъ, чѣмъ вызывалъ разсказы о своемъ «тупоуміи»; на самомъ же дѣлѣ Николай Ивановичъ чрезвычайно быстро схватывалъ дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, поражая своею памятью и своимъ вниманіемъ. Суровость внѣшняя и требовательность Гродекова принесли огромную пользу въ округѣ, въ смыслѣ поддер-

жанія дисциплины и порядка среди славныхъ туркестанскихъ войскъ, сильно распущенныхъ за нѣсколько предшествовавшихъ назначенію Гродекова въ Туркестанъ лѣтъ.

Какъ ни мучительна была по временамъ болѣзнь, которой страдалъ Николай Ивановичъ, но онъ не допускалъ ни отдыха, ни пощады себѣ, не прекращалъ докладовъ, и если не могъ принять докладчиковъ лично, то требовалъ присылки докладовъ на домъ. Однажды я узналъ, что Николай Ивановичъ тяжко заболѣлъ: у него былъ глубокій обморокъ, и врачи уложили его въ постель; я пришелъ къ нему, допущенный, по его приказанію, Мустафой въ спальню; Николай Ивановичъ тяжело стоналъ, но едва пришелъ въ себя, какъ сталъ спрашивать о телеграммѣ, которую я долженъ былъ принести на подпись; узнавъ, что я собираюсь отправлять эту телеграмму на подпись его помощнику, потребовалъ, чтобы я принесъ и прочиталъ эту телеграмму. Когда я исполнилъ это, онъ съ большимъ усиліемъ всталъ съ постели и самъ подписалъ телеграмму, говоря, что, пока онъ не подалъ рапорта о болѣзни, все существенное будетъ подписывать самъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы Николай Ивановичъ дѣлалъ это изъ недовѣрія къ другимъ, нѣтъ, онъ каждому предоставлялъ широкую иниціативу и свободу въ тѣхъ предѣлахъ, которые допускалъ законъ.

Въ началѣ 1908 года я отпросился у Гродекова въ отпускъ по своимъ дѣламъ въ Петроградъ. Николай Ивановичъ, отпуская меня, далъ мнѣ столько служебныхъ порученій, что у меня едва хватило времени для своего дѣла; при томъ еще вдогонку я получалъ телеграммы генералъ-губернатора съ требованіемъ разныхъ справокъ по дѣламъ края въ различныхъ центральныхъ управленіяхъ. Уѣзжая, по требованію Николая Ивановича, я заготовилъ для него письмо военному министру о желаніи, въ виду болѣзни, выйти въ отставку, о чемъ онъ проситъ всеподданнѣйше доложить Государю. Николай Ивановичъ обѣщалъ мнѣ, однако, письмо это оставить «подъ сукномъ», если болѣзнь его не обострится. Въ Петроградѣ я, по порученію Николая Ивановича, представлялся П. А. Столыпину и дѣлалъ ему докладъ по разнымъ краевымъ вопросамъ. Столыпинъ, одобривъ все, о чемъ просилъ Гродековъ, передалъ черезъ меня сердечный ему привѣтъ. Военный министръ также отнесся благожелательно къ доложеннымъ мною представленіямъ генералъ-губернатора. Казалось, въ Петроградѣ для Николая Ивановича царила вполнѣ благопріятная атмосфера. И вотъ, неожиданно совершенно для меня встрѣчавшій меня на вокзалѣ въ Ташкентѣ мой помощникъ докладываетъ, что Николай Ивановичъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. При встрѣчѣ со мною Николай Ивановичъ извинился, что поторопился до моего возвращенія съ отставкой, говоря, будто стало ему невмоготу и что обѣщанный имъ годъ службы въ Туркестанѣ онъ отбылъ, теперь

цора на покой; но тутъ же проговорился, что не можетъ примириться съ тѣмъ враждебнымъ отношеніемъ, которое проявляетъ къ нему главноуправляющій земледѣліемъ, особенно при томъ условіи, что именно въ краѣ онъ, Гродековъ, считаетъ въ данную минуту наиболѣе важнымъ проведеніе въ жизнь цѣлаго ряда мѣропріятій по вѣдомству землеустройства и земледѣлія, а при такомъ разладѣ и разнорѣчіи, несомнѣнно, причиненъ будетъ ущербъ самому дѣлу.

8-го марта 1906 года Николай Ивановичъ послалъ разыскать меня повсюду казака изъ его конвоя. Это уже было довольно поздно вечеромъ. Я явился немедленно и не узналъ Николая Ивановича, наканунѣ мрачнаго и плохо себя чувствовавшаго: радостью и какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ былъ преисполненъ Николай Ивановичъ, въ рукахъ онъ держалъ телеграмму военнаго министра, сообщавшую о Высочайшей волѣ, въ силу которой Николай Ивановичъ отзывался, вмѣсто оставки, о которой онъ просилъ, въ Государственный Совѣтъ, при лестномъ рескриптѣ и съ пожалованіемъ ордена св. Владимира первой степени.

Николай Ивановичъ истово при этомъ крестился и приговаривалъ: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ».

Такъ закончился для Туркестана подвигъ служенія Николая Ивановича. Просто и скромно, какъ всегда, простившись со своими сослуживцами и сотрудниками, поблагодаривъ ихъ за совмѣстную работу, Гродековъ оставилъ край, въ которомъ сдѣлалъ столько добра и которому принесъ столько пользы въ качествѣ военнаго губернатора и въ качествѣ главнаго начальника обширнаго русскаго Туркестана, гдѣ имя его сохранится навсегда въ исторіи русскаго управленія краемъ, на ряду съ именемъ устроителя и покорителя края К. П. Кауфмана, и въ сердцахъ русскихъ людей, русскихъ переселенцевъ и арміи.

Въ 1910 году на георгіевскомъ праздникѣ старики, георгіевскіе кавалеры, собравшіеся въ Ташкентъ изъ далекихъ русскихъ селеній, вспомнили своего стараго командующаго и благодѣтеля и, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, одинъ изъ старыхъ «унтеровъ», поднявъ «чарку», пилъ за здоровье отсутствовавшаго болѣе трехъ лѣтъ изъ края Гродекова.

Не могу не вспомнить еще одного характернаго анекдота изъ жизни Николая Ивановича. Въ 1907 году хоронили въ Ташкентѣ почтеннаго сослуживца и сотрудника Кауфмана, бывшаго медицинскаго инспектора С., долго болѣвшаго, потерявшаго связи въ обществѣ. На отпѣваніе усопшаго пришли только посторонніе, наряженные по службѣ представители разныхъ вѣдомствъ, связанныхъ съ прежней службой С., но лично его не знавшихъ. На отпѣваніи никто не молился, никто не плакалъ, видимо, присутствовавшіе хотѣли скорѣе отбыть свою скучную обязанность. Это

обратило вниманіе пришедшаго въ церковь Гродекова, и онъ, потрясенный тѣмъ безразличіемъ, которое царило по отношенію къ усопшему, сказалъ: «Вотъ старость одинокая! Нѣтъ ни слезъ родного, близкаго человѣка, ни искренняго горя, сочувствія!» Вернувшись домой, Гродековъ подвелъ меня къ письменному столу и сказалъ, указывая на одинъ ящикъ:

— Вотъ здѣсь деньги; если я умру, вы, Владиміръ Андреевичъ, наймите плакальщицъ изъ стараго (туземнаго) города, пусть хоть онѣ плачутъ, идя за моимъ гробомъ.

Ошибался Николай Ивановичъ, скромно оцѣнивая свои заслуги Государю и родинѣ: и безъ наемныхъ плакальщицъ по лицу всей земли русской немало нашлось людей, которые, зная его великій подвигъ служенія, испытавъ на себѣ его добро, съ теплыми искренними слезами проводили его въ мѣсто вѣчнаго упокоенія.

В. Мустафинъ.

КЪ ИСТОРІИ ПОЛЬСКО-РУССКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ время вся Россія ждетъ съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ Польши, гдѣ оба славянскіе народа въ кровавыхъ бояхъ вытѣсняютъ изъ предѣловъ имперіи германскія полчища, нахлынувшія на нее. Исходомъ этой борьбы должно быть возрожденіе подъ скипетромъ русскаго Государя царства Польскаго въ предѣлахъ польскихъ областей, поступившихъ въ раздѣлъ между тремя сосѣдними государствами.

Событія, о которыхъ повѣствуется ниже, относятся ко времени постепеннаго порабощенія Польши и ея окончательнаго распаденія. Для своего разсказа я пользовался, кромѣ матеріаловъ уже напечатанныхъ, рукописями, хранящимися въ семейныхъ архивахъ князей Чарторыйскаго и Репнина. Въ сентябрѣ 1913 г. я посѣтилъ Краковъ, гдѣ въ старинномъ монастырскомъ зданіи, на Піарской улицѣ, уступленномъ городомъ, князья Чарторыйскіе устроили музей, до 1870 года хранившійся въ Парижѣ, въ ихъ домѣ. Средства на содержаніе этого богатаго хранилища и на управленіе имъ отпускаются теперешнимъ владѣльцемъ, княземъ Адамомъ-Людвигомъ Чарторыйскимъ (родился въ 1872 году), внукомъ князя Адама-Георгія, сподвижника Александра I, проживающимъ большею частью въ имѣніи своей жены, рожденной графини Красинской, въ Ломжинской губерніи. Въ музеѣ хранятся богатыя собранія разнаго рода древностей, предметовъ искус-

ства, книгъ и рукописей, а также семейныя бумаги, доступъ къ которымъ мнѣ былъ любезно предоставленъ директоромъ музея, бывшимъ профессоромъ краковскаго университета, гофратомъ Станиславомъ Смолкой.

Въ томъ же году я посѣтилъ село Яготинъ Полтавской губерніи, гдѣ нынѣшній владѣлецъ, гофмейстеръ двора Его Императорскаго Величества, членъ Государственнаго Совѣта, князь Николай Васильевичъ Репнинъ, далъ мнѣ возможность познакомиться съ подлинной перепиской его прадѣда.

I.

18-го ноября 1760 года родственныя семьи Чарторыйскихъ и Флемминговъ сыграли свадьбу князя Адама Чарторыйскаго съ графиней Изабеллой Флеммингъ. Сами родители молодыхъ устроили этотъ бракъ, не справившись о наклонностяхъ своихъ дѣтей. Князь Адамъ былъ на двѣнадцать лѣтъ старше своей невѣсты и только что пріѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ онъ пользовался благосклоннымъ вниманіемъ императрицы Елизаветы Петровны и великой княгини Екатерины Алексѣевны. Онъ пріѣхалъ изъ русской столицы влюбленный въ графиню Прасковью Александровну Брюсъ, рожденную графиню Румянцову, одну изъ придворныхъ дамъ, приближенныхъ къ великой княгинѣ. Князь Адамъ повѣрилъ своему двоюродному брату Станиславу-Августу Понятовскому, что считалъ этотъ бракъ, навязываемый ему родителями, несчастіемъ всей своей жизни. Но его отецъ, не отступая отъ своихъ видовъ, поручилъ своему племяннику, тому же Понятовскому, убѣдить князя Адама. Станиславъ-Августъ, однако, отказался исполнить предложеніе дяди, находя несправедливымъ и жестокимъ всякое насиліе надъ чувствами своего друга. Чарторыйскій поставилъ на своемъ и обошелся такъ съ сыномъ, что тотъ не посмѣлъ ему противиться. Невѣста, которой едва минуло пятнадцать лѣтъ, только что перенесла оспу, изуродовавшую ее. Въ день свадьбы она явилась со струпьями на лицѣ и въ парикѣ, такъ какъ у нея вылѣзли всѣ волосы. Въ семействѣ было одно лицо, питавшее къ молодой непреодолимое отвращеніе. То была ея золовка, княгиня Изабелла Любомирская, увѣрявшая своего двоюроднаго брата Станислава-Августа Понятовскаго, что молодая будетъ причиною ея несчастія на всю жизнь. При самомъ бракосочетаніи въ церкви, на виду у всѣхъ присутствовавшихъ, Любомирская громко разрыдалась, обнимая брата, какъ будто прощалась съ нимъ навсегда.

Въ послѣдующіе годы княгиня Любомирская продолжала преслѣдовать невѣстку своею ненавистью. Молодая Чарторыйская, не

умѣвшая по застѣнчивости защищаться, прибѣгала тогда къ помощи Понятовскаго. Онъ часто давалъ ей совѣты, составлялъ для нея письма, склонялъ обѣихъ невѣстокъ къ примиренію, которое не удалось, такъ какъ антипатія Любомирской къ Чарторыйской

Фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ.

была непреодолима. Понятовскому даже показалось, какъ онъ высказываетъ это въ своихъ «Запискахъ», что его кузина старалась ему нравиться: войдя разъ нечаянно въ ея комнату, онъ засталъ ее передъ зеркаломъ камина, покрытымъ пудрой, рисующей на зеркалѣ пальцемъ буквы его имени. Увидя его, она сказала: «Если бы даже вы не чувствовали наклонности ко мнѣ, вы должны

были бы изъ благодарности меня немного полюбить». Понятовскій разсказываетъ объ этомъ случаѣ, какъ происшедшемъ, когда онъ былъ только литовскимъ стольникомъ. Избраніе его на польскій престолъ совершилось 19-го августа (1-го сентября) 1764 года. Когда же онъ сталъ королемъ, отношенія его къ Чарторыйской не только не измѣнились, но сдѣлались короче. Самъ князь Адамъ поощрялъ тѣсное сближеніе своей жены съ королемъ, такъ какъ очень часто вечеромъ онъ отвозилъ ее во дворецъ и отсылалъ въ аппартаменты Станислава-Августа, освѣдомившись предварительно, не находилась ли тамъ его сестра Любомирская. Если княгиня была тамъ, то онъ увозилъ жену и черезъ часъ привозилъ обратно во дворецъ, когда у короля никого не было, а самъ уѣзжалъ. Изъ этого король заключилъ, какъ онъ замѣчаетъ въ своихъ «Запискахъ», что его двоюродный братъ развлекался въ другомъ мѣстѣ, предпочитая самъ, чтобы его жена пріятно проводила время у него во дворцѣ. «Однако,—оговаривается Станиславъ-Августъ,—близкія отношенія, существовавшія между нею и мною, не повлекли за собою нарушенія въ чемъ-либо супружескаго долга. Но другія дамы, бывшія въ связи съ княземъ Адамомъ, постарались возбудить въ немъ подозрѣніе, что жена его обманывала; имъ, однако, не удалось довести супруговъ до разрыва. Напротивъ, князь Адамъ былъ въ продолженіе всей своей жизни близкимъ другомъ своей жены и самымъ податливымъ изъ супруговъ»[1]).

Этимъ замѣчаніемъ Станислава-Августа объясняются отношенія, существовавшія между молодыми Чарторыйскими. Они вступили въ бракъ безъ взаимной любви и предоставили другъ другу полную свободу, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ близкими друзьями. Сама княгиня Изабелла въ этомъ призналась герцогу Лозэну при встрѣчѣ съ нимъ въ 1773 году. Она сказала ему, что она вышла замужъ за Адама-Казимира безъ всякой любви и питала къ нему лишь чувство самой нѣжной дружбы [2]).

Князь Адамъ-Георгій Чарторыйскій, вспоминая въ своихъ запискахъ[3]) годы дѣтства (1778—1782 гг.), говоритъ, что его двѣ старшія сестры уже были взрослыми дѣвушками. Одна изъ нихъ, старшая, погибла въ это время жертвою несчастнаго случая, младшая, Марія или Маріанна, родилась въ 1765 году и вышла замужъ впослѣдствіи (28-го октября 1784 г.) за принца Людвига Вюртемберг-

---

[1]) Mémoires du roi Stanislas-Auguste. Изд. императ. академіи наукъ. Т. I, стр. 528, 529.

[2]) Armand-Louis de Gontaut duc de Lauzun (1747—1793 гг.), прославился своими похожденіями; во время революціи командовалъ арміею; погибъ на плахѣ, оставилъ мемуары, которые вполнѣ правдивы. Mémoires. Paris. 1858. 2 édition.

[3]) Mémoires du prince Adam Czartoryski. Paris. 1887.

скаго, одного изъ младшихъ братьевъ императрицы Маріи Θеодоровны.

При вступленіи Станислава-Августа на польскій престолъ княгинѣ Изабеллѣ Чарторыйской было двадцать одинъ годъ; какъ она разсказывала впослѣдствіи герцогу Лозэну, король сильно за ней приволокнулся, какъ за одной изъ самыхъ привлекательныхъ дамъ варшавскаго общества, но она, по ея словамъ, ему не поддалась. За нѣсколько мѣсяцевъ до избранія Станислава-Августа, въ ноябрѣ 1763 года, прибылъ въ Варшаву въ качествѣ русскаго посланника генералъ-майоръ, князь Николай Васильевичъ Репнинъ.

Родившись въ 1734 году, князь Репнинъ уже ознаменовалъ себя, какъ военный, въ Семилѣтнюю войну и, какъ дипломатъ, посланничествомъ при прусскомъ королѣ Фридрихѣ II. Онъ обладалъ выдающимся умомъ и образованіемъ, человѣкъ былъ искренній, прямой, лишенный всякой корысти, напротивъ того, щедрый и милостивый. Ему было поручено содѣйствовать императорскому послу въ Варшавѣ графу Кайзерлингу къ приготовленію почвы для выборовъ Станислава-Августа. Нѣсколько дней спустя по его избраніи, графъ Кайзерлингъ скончался, и на его мѣсто въ качествѣ императорскаго посла былъ назначенъ князь Репнинъ, который въ продолженіе пяти лѣтъ неограниченно властвовалъ въ Польшѣ. Своими произвольными дѣйствіями, своимъ независимымъ, горячимъ нравомъ онъ возбудилъ противъ себя ненависть поляковъ. По справедливому замѣчанію Станислава-Августа, превосходныя свойства характера Репнина испортились вслѣдствіе исключительнаго положенія, которое Репнинъ занималъ, а также подъ вліяніемъ лести и низости людей, его окружавшихъ.

Главная задача, возложенная на Репнина императрицею, заключалась въ томъ, чтобы потребовать отъ Рѣчи Посполитой уравненія въ правахъ и преимуществахъ православныхъ ея подданныхъ, а также диссидентовъ съ католиками. Передавая королю предложеніе императрицы въ этомъ смыслѣ, Репнинъ признался ему, что онъ самъ со скорбью предвидитъ, насколько безусловное исполненіе воли императрицы будетъ сопряжено для Польши съ тяжелыми и пагубными послѣдствіями. Несмотря на то, Репнинъ принялся со свойственной ему стремительностью осуществлять мысль императрицы и превозмогъ всѣ препятствія, прибѣгая по своему усмотрѣнію къ мѣрамъ суровымъ и даже произвольнымъ, что̀ не помѣшало императрицѣ выразить ему свое недовольство за то, что онъ не дѣйствовалъ съ достаточной настойчивостью.

Утомленный борьбой съ партіями въ Варшавѣ и чувствуя, что не успѣлъ угодить государынѣ, Репнинъ просился въ армію, которая сражалась тогда противъ Турціи; въ виду сего, рескриптомъ отъ 10-го апрѣля 1769 года онъ былъ отозванъ изъ Варшавы

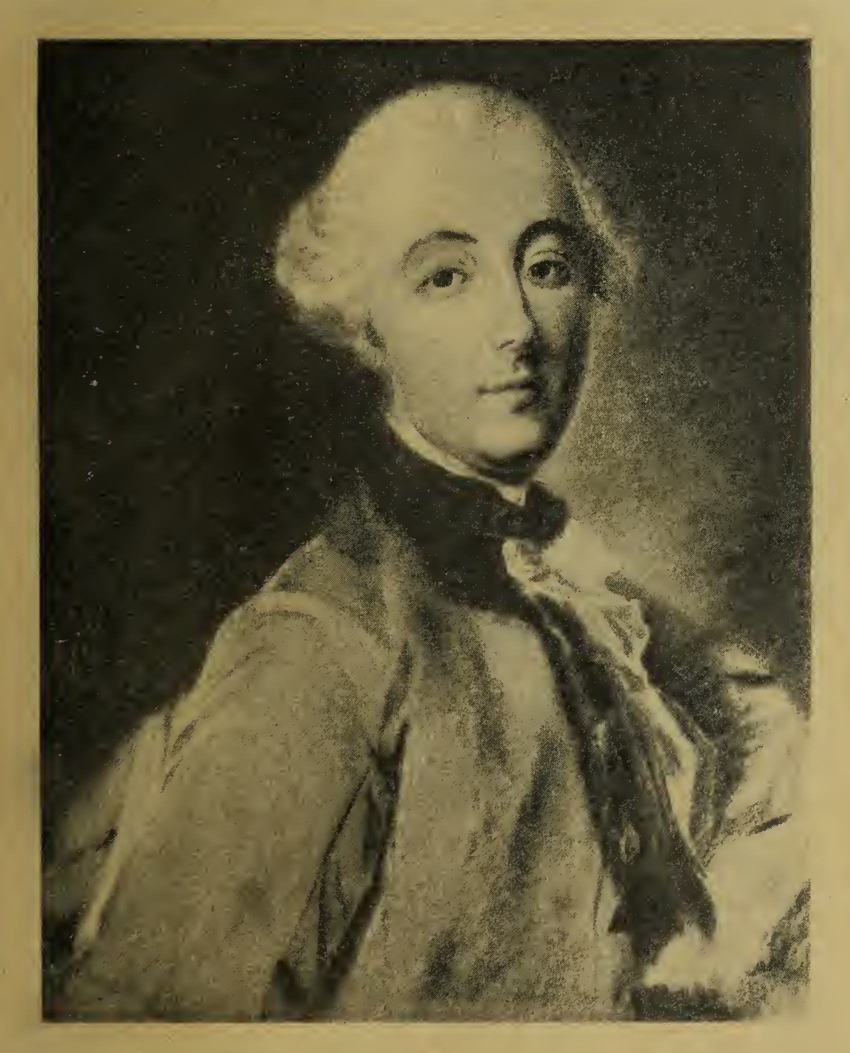
и назначенъ въ армію подъ начальство князя Александра Михайловича Голицына.

Покидая Варшаву, князь Николай Васильевичъ не могъ не испытать чувства сожалѣнія. Онъ, по отзыву Станислава-Августа, умѣлъ нравиться женщинамъ. Съ перваго года прибытія своего въ Польшу Репнинъ долженъ былъ встрѣтиться въ варшавскомъ обществѣ съ княгиней Изабеллой Чарторыйской. Она сразу ему понравилась. Впослѣдствіи княгиня сама разсказывала герцогу Лозэну, что Репнинъ, по своемъ пріѣздѣ, влюбился въ нее, но былъ сю отвергнутъ. Очевидно, это была только уловка съ ея стороны, такъ какъ она уже искусилась въ подобной игрѣ. Чарторыйскіе искали покровительства русскаго посла, и княгиня Изабелла, уступая его ухаживанію, дѣйствовала въ интересахъ своей семьи. Развѣ мы не видѣли выше, какъ князь Адамъ поощрялъ сближеніе своей жены съ королемъ Станиславомъ-Августомъ? Къ тому же князь Адамъ былъ друженъ съ Репнинымъ и съ своей точки зрѣнія на супружескія отношенія онъ могъ усматривать для себя выгоду въ томъ, что русскій посолъ былъ у ногъ его супруги. Эта связь дорого стоила Репнину, такъ какъ княгиня Изабелла любила роскошь и ему пришлось не разъ прибѣгать къ щедрости императрицы для уплаты своихъ долговъ. Забываясь въ объятіяхъ прелестной польки, Репнинъ, однако, не терялъ изъ виду приказаній государыни, которыя онъ точно исполнялъ, часто, если сказать правду, противъ своей воли, такъ какъ онъ родился бариномъ и не скрывалъ своего предпочтенія къ аристократическому и исключительному образу правленія Рѣчи Посполитой. Ему были чужды заботы государыни о православныхъ въ Польшѣ, въ виду того, что они, принадлежа большею частью къ низшему сословію, не возбуждали въ немъ особаго сочувствія. Его связь съ княгиней Чарторыйской совпала съ годами 1767—1769, въ которые ему пришлось прибѣгать къ строгимъ и сильнымъ мѣропріятіямъ для исполненія приказаній императрицы. Репнинъ выѣхалъ изъ Варшавы въ іюнѣ 1769 года, а въ іюлѣ мы его видимъ уже подъ стѣнами Хотина, который осаждался русскими войсками [1]). «Тяжело было ему разставаться съ княгиней Изабеллой, — говоритъ польскій писатель Леонардъ Ходзько [2]); и скоро послѣ отъѣзда Репнина, 14-го января 1770 года, княгиня родила сына, которому дали имя Адама-Георгія Чарторыйскаго». Позднѣе княгиня, признаваясь въ 1773 году герцогу Лозэну въ своей связи съ Репнинымъ, старалась оправдать ее чувствомъ благодарности къ Репнину, который, не исполнивъ приказанія императрицы арестовать князей Чарторый-

[1]) «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества», т. V, стр. 137.

[2]) «La Pologne illustrée, contenant l'histoire de Pologne et les variétés polonaises sous la direction de Léonard Chodzko». Paris, 1839, 4-me et 5-me cahiers. Histoire, p. 156.

скихъ и конфисковать ихъ имѣнія, впалъ въ немилость и былъ отрѣшенъ отъ своей должности посла и лишенъ получаемой пенсіи. «Поддаваясь чувству благодарности, она,—говоритъ княгиня Изабелла,—думала, что отдавалась по любви». Репнинъ, по ея сло-

Князь Адамъ-Казимиръ Чарторыйскій.

вамъ, не могъ вернуться въ Россію и упросилъ княгиню Изабеллу послѣдовать за нимъ за границу. Она покинула все для него, а князь Николай Васильевичъ отказался поступить въ войско подъ начальствомъ графа Румянцова. Изъ этого признанія устанавливается тотъ несомнѣнный фактъ, что княгиня Изабелла уступила

настояніямъ Репнина и что связь свершилась между ними въ концѣ его пребыванія въ Варшавѣ, въ 1769 году.

Доискиваясь причины того, что княгиня Изабелла, признаваясь Лозэну въ своей связи съ Репнинымъ, исказила факты, нельзя не предположить, что она такъ поступила только для того, чтобы новый ея любовникъ не подумалъ, что она могла отдаться по любви врагу своего отечества, свирѣпому Репнину, какъ выражается Ходзько. Необходимо было ей облагородить ея поведеніе, объяснить его чувствомъ благодарности и жалости къ человѣку, потерявшему все изъ-за того, что онъ желалъ спасти семейство своей возлюбленной. Но, въ дѣйствительности, ему вовсе не пришлось спасать кого-либо изъ Чарторыйскихъ. Они, несмотря на свое сопротивленіе Екатеринѣ II, не подверглись никакой опасности быть арестованными и лишенными своего достоянія, а Репнинъ не былъ отставленъ отъ своей должности изъ-за нихъ и не утратилъ своей пенсіи; напротивъ, ему былъ разрѣшенъ, согласно его просьбѣ, отпускъ, онъ получилъ званіе генералъ-адъютанта, александровскую ленту и пятьдесятъ тысячъ рублей на уплату долговъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда изъ Варшавы Репнинъ прибылъ въ войска подъ Хотинымъ и совершилъ всю кампанію 1769 и 1770 гг. Осенью 1771 года онъ по болѣзни просился въ отпускъ, который ему былъ разрѣшенъ, на одинъ годъ для леченія водами за границею. Его письмо къ графу Панину отъ 10-го (21-го) іюля 1772 года указываетъ, что въ это время онъ находился въ Ахенѣ, гдѣ онъ бралъ ванны, и собирался для пользованія водами въ Спа, а оттуда въ Голландію, гдѣ предполагалъ произвести заемъ въ сто двадцать тысячъ рублей. Въ сентябрѣ онъ былъ въ Гаагѣ для переговоровъ по этому поводу съ банкиромъ Гопомъ. Послѣ того слѣды его теряются до самаго конца 1772 года, но онъ провелъ это время за границею. Нѣтъ данныхъ, чтобы судить о томъ, путешествовалъ ли онъ тогда съ княгиней Чарторыйской, или онъ къ ней примкнулъ только впослѣдствіи. Но дѣло въ томъ, что въ 1773 году герцогъ Лозэнъ засталъ ихъ вмѣстѣ въ Спа, надо полагать, во время сезона.

Прерывая здѣсь разсказъ, мы обратимся къ запискамъ герцога[1]). Онъ впервые встрѣтился съ княгиней въ Лондонѣ, куда онъ пріѣхалъ 20-го декабря 1772 года. Въ тотъ же день вечеромъ Лозэнъ былъ введенъ французскимъ посломъ графомъ де-Гиномъ въ общество лэди Гаррингтонъ. Въ комнату вошла дама, изящнѣе одѣтая и причесанная, чѣмъ обыкновенно бываютъ англичанки. Эта дама была княгиня Изабелла Чарторыйская. Лозэнъ ее описываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

---

[1]) Mémoires, p.p. 147 et s.s.

«талія умѣренная, но самая совершенная, прекраснѣйшіе глаза, волосы, зубы, прелестнѣйшая ножка, смуглая брюнетка, вся рябая отъ слѣдовъ вѣтряной оспы и лишенная всякой свѣжести, деликатная въ своихъ манерахъ и малѣйшихъ движеніяхъ, неподражаемой граціи; она была мила, не будучи красавицей». Княгиня показалась герцогу веселой, кокетливой и любезной. Англичанка лэди Крэвенъ говорила о ней: «я съ удовольствіемъ проводила съ нею въ одиночествѣ цѣлые часы; она отличная музыкантша и превосходно рисуетъ; танцуетъ восхитительно, однимъ словомъ, она дѣйствительно обладаетъ настоящими талантами, которые она выказываетъ безъ всякой аффектаціи». Сама же княгиня Изабелла нѣсколько позднѣе, а именно въ 1783 году, рисуетъ себя въ слѣдующемъ видѣ [1]):

«Я никогда не была красавицей, но часто была хороша собою. У меня красивые глаза, а такъ какъ въ нихъ отражаются всѣ чувства моей души, то выраженіе моего лица становится интереснымъ. Цвѣтъ лица у меня довольно бѣлый; лобъ гладкій и меня не уродуетъ. Носъ ни красивъ, ни гадокъ; ротъ великъ, зубы бѣлы, улыбка пріятная, изящное очертаніе головы. Волосъ у меня достаточно, чтобы ими украсить мою голову; они темнаго цвѣта, какъ и брови. Я скорѣе большого роста, чѣмъ малаго; талія тонкая, грудь довольно плоская; уродливая рука, но зато красивая ножка и много граціи въ движеніяхъ. Черты моего лица и свойства моего ума имѣли между собою то сходство, что привлекательность и тѣхъ и другихъ зависѣла отъ моего умѣнія пользоваться ими съ выгодой (relever leur valeur)».

Рисуя портретъ княгини Изабеллы, Лозэнъ прибавляетъ, что ея любовникомъ былъ князь Репнинъ, благородный и достойный человѣкъ, который ее обожалъ и покинулъ все для того, чтобы ее сопровождать и всѣмъ жертвовать для нея. Лозэнъ не говоритъ, чтобъ Репнинъ послѣдовалъ за нею въ Лондонъ, гдѣ она провела всю зиму 1772—1773 гг. Герцогъ часто видѣлся съ княгиней въ обществѣ и влюбился въ нее, но она ему не отдалась. Княгиня ему написала, что онъ ей нравился и привлекъ ея особенное вниманіе, но что она не могла и не должна была имѣть любовника. Весною 1773 года Чарторыйская покинула Лондонъ. Лозэнъ узналъ, что она находилась въ Брюсселѣ больною и въ большомъ горѣ. Черезъ мѣсяцъ онъ самъ выѣхалъ изъ Англіи въ Спа, гдѣ засталъ княгиню Изабеллу съ Репнинымъ, который во время своего пребыванія въ Спа не подозрѣвалъ того, что Лозэнъ влюбился въ Чарторыйскую. Въ своемъ ослѣпленіи Репнинъ даже предложилъ герцогу сопровождать ее въ Парижъ въ виду того, что онъ самъ былъ вынужденъ

[1]) Portaits polonais, ed. par la p-sse Radzivill et le professeur Mycielski. Lvow, 1912, t. V, fasc. 1.

остаться въ Спа еще на двѣ недѣли и везти въ Парижъ графиню Чернышеву [1]).

Во время пути княгиня Изабелла призналась герцогу въ своей любви къ нему и разсказала исторію своей связи съ Репнинымъ. Только по возвращеніи въ Парижъ князь убѣдился въ измѣнѣ своей возлюбленной; въ порывѣ ревности онъ написалъ слѣдующее письмо [2]) герцогу Лозэну: «Вы знаете мое уваженіе и мою ненависть къ вамъ; въ борьбѣ за то, что мы не можемъ раздѣлить между собой, одинъ изъ насъ долженъ погибнуть отъ руки другого. Я съ довѣріемъ предоставляю вамъ выборъ времени, мѣста и оружія. Николай Васильевичъ Репнинъ». Лозэнъ отказался драться изъ опасенія компрометировать княгиню. Репнинъ благородно уступилъ и удалился.

Эти событія произошли въ теченіе 1773 года. Слѣдуетъ отмѣтить одно обстоятельство, а именно, что 28-го октября того же года княгиня Изабелла родила сына: князя Константина-Адама Чарторыйскаго.

Князь Репнинъ вернулся въ армію лишь въ 1774 году; въ маѣ онъ принялъ команду надъ своей дивизіей, а въ іюлѣ графъ Румянцовъ поручилъ ему открыть переговоры съ турками въ Кучукъ-Кайнарджи.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на дальнѣйшемъ разсказѣ герцога Лозэна о его похожденіяхъ съ княгиней Чарторыйской. Послѣдняя была вынуждена все открыть своему мужу. Лозэнъ, нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Чарторыйскимъ въ Варшаву и, хотя князь Адамъ-Казимиръ былъ очень покладистымъ мужемъ, но подъ конецъ онъ не въ состояніи былъ выносить присутствіе у себя герцога Лозэна, который въ 1774 году удалился изъ Польши и порвалъ навсегда свою связь съ княгиней Изабеллой.

Двадцать лѣтъ прошло со времени послѣднихъ событій. Нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, чтобы судить о томъ, поддерживались ли отношенія между Репнинымъ и Чарторыйскими, такъ какъ князь Николай Васильевичъ по роду своей дѣятельности находился далеко отъ Польши. Первоначально, въ 1775 году ему было поручено посольство въ Константинополѣ, въ 1777 году онъ состоялъ генералъ-губернаторомъ въ Смоленскѣ, черезъ годъ—въ Орлѣ. Въ 1779 году императрица возложила на него защиту русскихъ интересовъ на конгрессѣ въ Тешенѣ. Хотя онъ въ 1778 году проѣзжалъ черезъ Варшаву, но неизвѣстно, видѣлся ли онъ съ Чарторыйскими. По возвращеніи изъ Тешена князь Репнинъ состоялъ намѣстникомъ въ Орлѣ; потомъ во Псковѣ. Въ 1787 году онъ, от-

---

[1]) Графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ (1712—1778 гг.), посолъ въ Парижѣ, его жена рожденная графиня Ушакова.

[2]) Mémoires, p. 161.

правившись въ войска подъ начальство князя Потемкина, принялъ дѣятельное участіе въ кампаніи противъ турокъ, надъ которыми онъ одержалъ рѣшительную побѣду подъ стѣнами крѣпости Мачина (8-го іюня 1791 года). Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ

Княгиня Изабелла Чарторыйская, урожденная графиня Флеммингъ.

генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ, а въ 1794 году императрица ему ввѣрила управленіе Литвою, возсоединенной къ Россійской имперіи. Мѣстопребываніемъ его сталъ городъ Гродна, и ему были подчинены весь вновь пріобрѣтенный край и всѣ русскія войска въ Польшѣ.

Въ это время князь Адамъ-Казимиръ Чарторыйскій по внушенію своей жены примкнулъ, уже съ 1788 года, къ партіи тѣхъ, которые искали союза съ прусскимъ королемъ съ цѣлью освобожденія Польши отъ русской опеки и упраздненія прежняго порядка управленія, существовавшаго подъ гарантіею Россіи.

Въ Пулавахъ на блестящія празднества, которыя княгиня Изабелла задавала въ своемъ дворцѣ, собирались поборники союза съ Пруссіей и новыхъ демократическихъ реформъ. Она побуждала своего мужа заниматься политикой, такъ какъ онъ, по свойственной ему лѣни за всю свою жизнь предпочиталъ оставаться вдали отъ всякихъ заботъ, изучая языки, которыхъ онъ, зналъ четырнадцать, подвизаясь въ литературѣ и заботясь о воспитаніи молодыхъ людей въ кадетскомъ корпусѣ, бывшемъ подъ его управленіемъ. Переворотомъ, совершившимся 3-го мая 1794 года, прежнія польскія учрежденія были упразднены и новая конституція провозглашена при ликованіи патріотовъ. Въ засѣданіяхъ сейма, которыя были публичны, часто имѣли мѣсто манифестаціи, враждебно направленныя противъ императрицы Екатерины. Ораторы ей давали самыя оскорбительныя прозвища подъ бурныя рукоплесканія дамъ-патріотокъ, главнымъ образомъ княгини Изабеллы Чарторыйской. Этотъ неумѣстный энтузіазмъ, который великій маршалъ сейма Малаховскій не осмѣливался прекращать, впослѣдствіи былъ поставленъ въ вину княгинѣ Изабеллѣ и подалъ поводъ къ тѣмъ притѣсненіямъ, которыя претерпѣла ея семья. Хотя, по увѣреніямъ Чарторыйскихъ, какъ это будетъ видно ниже, они не принимали никакого участія въ возстаніи, вспыхнувшемъ послѣ третьяго раздѣла Польши и кончившемся взятіемъ Варшавы войсками Суворова (4-го ноября 1794 года), но ихъ объясненія легко опровергаются. Князь Адамъ-Георгій признаетъ въ своихъ запискахъ, что императрица Екатерина вознегодовала на его родителей за ихъ патріотизмъ, за ихъ заботы по снаряженію сподвижниковъ Костюшка.

Чарторыйскіе, въ числѣ другихъ пановъ, были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ послѣднимъ, когда онъ готовилъ возстаніе, во главѣ котораго онъ сталъ впослѣдствіи. Костюшко разсылалъ эмиссаровъ по всему краю для сбора денегъ и поднятія населенія. Одинъ изъ нихъ, Гонзіоровскій, оставилъ записки, въ которыхъ онъ разсказываетъ, между прочимъ, что Костюшко въ апрѣлѣ 1793 года, переодѣтый и подъ вымышленнымъ именемъ, посѣтилъ князя Адама-Казимира Чарторыйскаго въ Пулавахъ и оттуда переѣхалъ въ Гродну съ цѣлью свидѣться съ важными вельможами и собрать нужныя средства. На обратномъ пути онъ заѣзжалъ опять въ Пулавы и перешелъ границу для того, чтобы явиться черезъ годъ уже начальникомъ возстанія. Но передъ наступавшею бурею Чарторыйскіе покинули край и переселились въ Вѣну. Ихъ имѣнія, рас-

положенныя въ областяхъ, доставшихся Россіи, были секвестрованы. Когда же императоръ Францъ заступился за Чарторыйскихъ, прося о снятіи этого запрещенія, императрица потребовала прежде всего пріѣзда молодыхъ князей Адама и Константина въ Петербургъ.

II.

Въ 1795 году князь Репнинъ былъ во главѣ военнаго и гражданскаго управленія Литвы и прилегавшихъ губерній, снабженный самыми неограниченными полномочіями. За послѣднія десять лѣтъ онъ принадлежалъ къ вольнымъ каменщикамъ, состоя членомъ братства мартинистовъ. Какъ говоритъ Станиславъ-Августъ Понятовскій въ своихъ запискахъ, князь Николай Васильевичъ Репнинъ, подъ вліяніемъ житейскихъ горестей, размышленій, чтенія книгъ, не только отрекся отъ ученія вольнодумцевъ, котораго онъ придерживался въ 1768 году, но сталъ человѣкомъ праведнымъ, умѣреннымъ, милосерднымъ и дѣйствительно добрымъ. Къ нему Чарторыйскіе обратились, когда они за участіе въ движеніи противъ императрицы Екатерины лишились всѣхъ своихъ имѣній въ Литвѣ и другихъ областяхъ, доставшихся Россіи, а ихъ сыновья были вытребованы въ Петербургъ въ качествѣ заложниковъ. Хотя они въ 1794 году держались въ сторонѣ во время самаго возстанія, но всѣ событія, предшествовавшія ему, застали ихъ противниками Россіи. Самъ князь Адамъ-Георгій хвастается тѣмъ, что сражался противъ русскихъ въ 1792 году въ кампанію, такъ называемую, втораго раздѣла и былъ награжденъ орденомъ собственноручно королемъ Станиславомъ-Августомъ. Если онъ не участвовалъ въ возстаніи, то единственно потому, что, будучи за границею, онъ былъ арестованъ въ Брюсселѣ и задержанъ по приказанію австрійскаго правительства. Такимъ образомъ, негодованіе императрицы Екатерины противъ Чарторыйскихъ было справедливо, и они должны были подвергнуться строгимъ мѣрамъ, предписаннымъ противъ всѣхъ тѣхъ, которые участвовали въ возстаніи противъ Россіи и удалились за границу. Къ счастью для Чарторыйскихъ, судьба имъ была благопріятна, они нашли въ Репнинѣ человѣка высокой души, который въ память своихъ старыхъ отношеній къ нимъ оказалъ имъ теплое участіе, а въ императрицѣ Екатеринѣ—государыню великодушную и милостивую. Князь Адамъ-Казимиръ въ концѣ 1794 года находился уже шесть мѣсяцевъ въ Вѣнѣ. Онъ отправилъ въ Литву нѣкоего Бернатовича съ порученіемъ освѣдомиться о положеніи своихъ дѣлъ. Послѣдній, вслѣдствіе протекціи князя Репнина, успѣлъ исполнить данное ему порученіе. Въ благодарность за это заступничество князь Адамъ написалъ Репнину письмо отъ 8-го (19-го) декабря 1794 г. изъ Вѣны:

«Полагаю, обращаясь къ вамъ,—пишетъ князь Адамъ:—я въ правѣ сохранить прежнія выраженія, потому что чувства, которыя я питаю къ вамъ, я сохраню на всю жизнь, равно какъ и память о дружбѣ, доказательства которой вы давали мнѣ такъ часто». Далѣе онъ жалуется на цѣлый рядъ непріятностей, которыя ему причинялись на основаніи клеветы и обвиненій, лишенныхъ всякаго основанія. Онъ кончаетъ письмо, умоляя Репнина, который знаетъ честность его характера, повѣрить его слову, что онъ самымъ положительнымъ образомъ не только не участвовалъ, но и не зналъ о всемъ томъ, что̀ происходило въ Польшѣ со дня его отъѣзда въ маѣ 1792 г. [1]).

Получивъ это письмо, Репнинъ былъ поставленъ въ очень большое затрудненіе, такъ какъ онъ отлично зналъ, въ чемъ обвиняли Чарторыйскихъ; ему самому очень хотѣлось не вѣрить этимъ обвиненіямъ. Въ своемъ отвѣтѣ отъ 23-го декабря изъ Гродны [2]) онъ пишетъ, что, несмотря на все свое желаніе, не отъ него зависѣло разсѣять всѣ обвиненія, которыя взводились на нихъ, Чарторыйскихъ, и что потому онъ самъ рѣшительно ничего не могъ сдѣлать въ этомъ направленіи. Такая безпомощность была ему очень тягостна и препятствовала ему продолжать письмо, но онъ просилъ князя быть увѣреннымъ въ томъ, что его расположеніе къ нему и ко всему, что ему близко, никогда не измѣнится.

Молодые Чарторыйскіе должны были выѣхать въ Петербургъ; они отправлялись съ письмомъ своей матери къ Репнину отъ 19-го января 1795 года изъ Вѣны. «Еще недавно,—пишетъ она въ немъ,—я была счастливая жена, счастливая мать, счастливая подруга; я наслаждалась жизнью, полной радостей, наслаждалась своими воспоминаніями и своими надеждами... и вотъ все потеряно, на моихъ глазахъ все для меня погибло. И теперь еще я предвижу минуту, когда мой мужъ и мои дѣти будутъ лишены всего состоянія, положенія въ обществѣ и что на долю ихъ останутся огромные долги и бѣдность, неизбѣжная спутница этихъ несчастій». Переходя затѣмъ къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя взводили на ея мужа, она говоритъ, что на нее указываютъ постоянно, какъ на главную причину всѣхъ ихъ несчастій. Однако не могутъ привести ни одного доказательства того, что она знала о готовившемся возстаніи или что она принимала участіе въ немъ. Она клянется жизнію своихъ дѣтей, что она такъ же, какъ и мужъ, была въ полномъ невѣдѣніи. Пока возстаніе продолжалось, она строго соблюла клятву,

---

[1]) «Сборникъ Историческаго Общества», т. XVI. Письма Чарторыйскихъ извлечены изъ архива кн. Н. В. Репнина въ Яготинѣ, Полтавской губерніи, гдѣ они хранятся въ копіяхъ вмѣстѣ съ черновыми письмами кн. Н. В. Репнина къ нимъ.

[2]) Архивъ Чарторыйскихъ 1144. D.D. Подлинныя письма князя Н. В. Репнина находятся въ архивѣ князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Черновыхъ писемъ Чарторыйскихъ къ Репнину не сохранилось.

взятую съ нея мужемъ, не имѣть никакихъ, даже косвенныхъ сношеній ни съ кѣмъ изъ повстанцевъ. Она съ мая мѣсяца находилась въ Вѣнѣ, вдали отъ всего, избѣгая даже переписки съ кѣмъ бы то ни было. Да въ чемъ же ее обвиняютъ? Въ любви къ родинѣ?

Князь Адамъ-Георгій Чарторыйскій.

Но неужели нельзя извинить чувства, вложеннаго въ насъ самой природой? Письмо Репнина ее немного ободрило. Она посылаетъ ему своихъ сыновей, прося его быть ихъ руководителемъ и оказать имъ сочувствіе въ ихъ несчастіи. Она дрожитъ при мысли,

что ихъ могутъ заточить. Репнинъ единственный человѣкъ, внушающій ей довѣріе; она полагается на него и умоляетъ его спасти ея дѣтей. Они оба понравятся ему, лишь бы онъ ихъ обласкалъ и ободрилъ.

Въ отвѣтъ на письма, которыя ему привезли молодые Чарторыйскіе, князь Репнинъ пишетъ 27-го января ихъ отцу, увѣряя его въ своемъ тепломъ участіи въ судьбѣ его сыновей, которые должны были во избѣжаніе непріятностей остановиться въ Гроднѣ до полученія разрѣшенія на отправку въ Петербургъ.

«Можете быть увѣрены,—пишетъ онъ:—что я буду стараться для васъ, какъ для самого себя. Вы должны знать, что, такъ какъ я не умѣю льстить, у меня не много друзей при дворѣ, но не будемъ отчаиваться ни въ чемъ и сдѣлаемъ все, что можемъ, чтобы доказать нашу невинность». Клеветы на Чарторыйскихъ не прекращались; ихъ подозрѣвали, и эти подозрѣнія еще не разсѣялись. Въ этомъ несчастіи нужно было запастись терпѣніемъ.

Чтобы уничтожить всѣ навѣты, Репнинъ совѣтовалъ своему другу переселиться въ лѣтнюю пору въ Литву; ему нечего опасаться какихъ-либо насилій, даже если бы онъ отдался довѣрчиво въ руки императрицы. Того же 27-го января Репнинъ написалъ княгинѣ Изабеллѣ. «Я не могъ,—говоритъ онъ,—видѣть вашихъ дѣтей безъ умиленія; они, навѣрно, и сами это замѣтили, несмотря на свою молодость. Ахъ, почему въ ту же самую минуту нельзя было исполнить всего того, чего вы могли только желать! Я могу васъ увѣрить лишь въ одномъ, что вамъ нечего бояться за вашихъ дѣтей. Не сомнѣвайтесь въ томъ, заклинаю васъ, что я принимаю нѣжное, самое нѣжное участіе въ благополучіи вашихъ дѣтей. Я даже осмѣливаюсь сказать: можете ли вы въ этомъ сомнѣваться, зная мои чувства къ вамъ и ко всему вашему семейству? Я не могъ читать безъ слезъ вашего письма». Далѣе Репнинъ уговариваетъ ее съ твердостью перенести эти несчастья, умоляетъ ее на колѣняхъ не падать духомъ. Все кончится, но правда и справедливость будутъ существовать всегда. Самъ онъ сдѣлаетъ все возможное скорѣе для нея, чѣмъ для себя самого. Что касается дѣтей, то они отправятся только при благопріятныхъ обстоятельствахъ, а до того они останутся у него; онъ ихъ любитъ нѣжно и будетъ о нихъ заботиться повсюду, пока они снова не соединятся со своими родителями. Онъ ссылается на старшаго, Адама, который скажетъ, какъ онъ, Репнинъ, обходится съ ними. Онъ, однако, не можетъ не поставить на видъ ей и князю ихъ поведеніе на сеймѣ 3-го мая. Конечно, ими обоими руководила любовь къ отечеству, но, на колѣняхъ прося у нея прощенія, онъ долженъ сказать, что это прекрасное побужденіе вовлекло ихъ обоихъ въ обманъ, что они не почувствовали послѣдствій и оскорбленій, нанесенныхъ горячими головами великой государынѣ и могущественной державѣ. Другія государства, же-

лавшія ловить рыбу въ мутной водѣ, возбуждали къ этому безумцевъ, а тѣ, которые шли, какъ и Чарторыйскіе, побуждаемые прекрасными намѣреніями, пали жертвой. Добрыхъ всегда обманываютъ злые. Вотъ что и случилось съ ними, Чарторыйскими.

Въ отвѣтъ на донесеніе князя Репнина о пріѣздѣ молодыхъ Чарторыйскихъ онъ получилъ высочайшій рескриптъ отъ 22-го февраля 1795 года, повелѣвавшій принять отъ нихъ присягу на вѣрное подданство, но предварительно испытавъ и удостовѣрясь, что она чистосердечна и не противна ихъ совѣсти, и въ такомъ случаѣ принять въ опеку принадлежащія имъ имѣнія въ Литвѣ, а дозволить имъ самимъ пріѣхать въ Петербургъ. Въ собственной припискѣ къ Репнину императрица спрашиваетъ, правда ли, что княгиня Чарторыйская привела сыновей, какъ Амількаръ Аннибала, 8 лѣтъ, къ присягѣ, дабы вѣчные были враги Россіи.

Въ виду означеннаго высочайшаго повелѣнія, Репнинъ 24-го марта написалъ княгинѣ Чарторыйской, что ея дѣти, которыхъ онъ любитъ отъ всей души и сердца, собираются присягнуть и имѣютъ разрѣшеніе на пріѣздъ въ Петербургъ. Онъ сказалъ самой императрицѣ, что лично отвѣчалъ за ихъ поведеніе и бралъ ихъ на свою отвѣтственность, такъ что имъ нечего было опасаться. Княгиня должна быть спокойна въ этомъ отношеніи. Отъ молодыхъ князей зависитъ теперь хорошо себя поставить при дворѣ и понравиться. Онъ самъ ими будетъ руководить и рекомендуетъ ихъ людямъ, которые постараются быть имъ полезными. Репнинъ горячо совѣтовалъ имъ поступить на придворную или военную службу, такъ какъ они должны были показать свое рвеніе и разсѣять всѣ предубѣжденія. Только этимъ путемъ они могли бы побудить государыню къ возвращенію всѣхъ конфискованныхъ имѣній ихъ родителямъ. Согласно своему обѣщанію направить молодыхъ князей къ людямъ, которые могли быть имъ полезными, Николай Васильевичъ, передъ ихъ отъѣздомъ, написалъ 31-го марта своему старому другу, оберъ-камергеру Ивану Ивановичу Шувалову, племянникъ котораго, князь Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ былъ женатъ на дочери Репнина, Прасковьѣ Николаевнѣ. Изъ этого письма видно, что Николай Васильевичъ одновременно рекомендовалъ Чарторыйскихъ племянницѣ Шувалова, дочери его сестры княгини Прасковьи Ивановны Голицыной, графинѣ Варварѣ Николаевнѣ Головиной, прозванной le petit dragon за ея рѣзвость и насмѣшливость и пользовавшейся особеннымъ расположеніемъ императрицы. Такимъ образомъ, князь Репнинъ, заботясь о молодыхъ князьяхъ, дѣйствительно направлялъ ихъ къ людямъ ему близкимъ и могущимъ оказать Чарторыйскимъ существенную поддержку при дворѣ и въ обществѣ.

«Вы меня знаете, любезный другъ, — писалъ онъ Шувалову. — Вы увидите, что предметъ этого письма не старыя проказы,

но что оно внушено человѣколюбіемъ, котораго я всегда былъ и буду поклонникомъ». Далѣе, онъ описываетъ затруднительное положеніе молодыхъ князей, которые родились въ богатствѣ и почести, лишились всего, даже отечества, и ѣдутъ въ страну, гдѣ сильно предубѣждены противъ ихъ родителей. Шувалову, какъ человѣку съ сердцемъ и здравымъ умомъ, легко понять, каковы должны быть ихъ внутреннія ощущенія. Въ его прекрасной душѣ несчастіе, и особенно несчастіе незаслуженное, всегда найдетъ сочувствіе. Принимая въ этихъ молодыхъ людяхъ большое участіе, Репнинъ проситъ Шувалова сдѣлать ему личное одолженіе, оказать имъ ласковый и сердечный пріемъ, о чемъ онъ также проситъ графиню В. Н. Головину. Старшій изъ этихъ молодыхъ людей уже созрѣлъ разумомъ. Онъ очень образованъ. Оба одарены хорошимъ сердцемъ. Но какъ усмотрѣть достоинство, когда оно закрыто уторопленной застѣнчивостью. Репнинъ кончаетъ письмо словами, въ которыхъ отражается его христіанская душа: «Единому Богу извѣстно, увидимся ли мы еще на этомъ свѣтѣ. Его пути неисповѣдимы, но вѣрно то, что Онъ повелѣваетъ намъ любить другъ друга, носить тягости другъ друга и предавать и сердца и души наши съ любовью и упованіемъ Ему всевышнему нашему Благодѣтелю и Источнику всякихъ благъ. Мысленно припадемъ къ стопамъ сего милосердаго Отца. Предадимся всецѣло Его волѣ. Прощайте, сердечный другъ. Живите всегда и повсюду съ Іисусомъ Христомъ. Безъ Него нѣтъ никому спасенія».

За нѣсколько дней до отъѣзда молодыхъ князей изъ Гродны Репнинъ получилъ письмо отъ ихъ матери. Отвѣчая ей 26-го марта (6 апрѣля) [1]), онъ пишетъ, что онъ не можетъ исполнить просьбу княгини Изабеллы о дозволеніи ея дѣтямъ пріѣхать на свиданіе съ нею въ Галицію до отправленія въ Петербургъ, такъ какъ невозможно отдалять ихъ явку ко двору. Такая отсрочка подала бы поводъ къ разнымъ толкамъ и причинила бы вредъ молодымъ людямъ. Имъ крайне необходимо поскорѣе выѣзжать въ Петербургъ, для собственнаго ихъ блага. Но 3-го апрѣля они еще не выѣхали изъ Гродны. Того же числа Репнинъ пишетъ ихъ отцу [2]), что онъ очень привязался къ его сыновьямъ и радъ бы оказать имъ и ихъ родителямъ услуги всякаго рода. Если бы это зависѣло отъ него одного, дѣло было бы просто. Въ письмѣ [3]) отъ 15-го апрѣля изъ Вѣны князь Чарторыйскій высказываетъ Репнину свою благодарность за рѣдкую дружбу и благородное обхожденіе. Онъ говорилъ сыновьямъ при ихъ отъѣздѣ строго соблюдать совѣты Репнина, которые должны

---

[1]) Архивъ Чарторыйскихъ 1. 216 D. D.
[2]) Архивъ Чарторыйскихъ 1. 146 D. D.
[3]) Сборн. т. 16, стр. 179.

были служить правилами для ихъ поведенія. Возвращаясь къ обвиненіямъ, возведеннымъ на него, Чарторыйскій заявляетъ, что онъ всегда стоялъ за установленіе порядка, основаннаго на согласіи между обоими народами. Но на него и княгиню наклеветали. Онъ надѣется, однако, на возвышенность души и великодушіе государыни, которая разсудитъ по справедливости и не лишитъ его своихъ благодѣяній.

Письмомъ отъ 29-го апрѣля изъ Гродны Репнинъ сообщилъ княгинѣ Чарторыйской, что ея дѣти проѣхали Ригу и были здоровы. Въ виду того, что она жаловалась на разлуку съ ними и противилась ихъ вступленію на русскую службу, Репнинъ замѣчалъ, что, имѣя самъ дѣтей, онъ всегда желалъ, чтобы они обладали сильною и благородною душою, ему казалось недостаточнымъ, если бы въ нихъ были запечатлѣны только чувства чести, доброты и кротости. Того же самаго онъ желалъ для дѣтей княгини. Добродѣтель ложная, когда ея именемъ причиняютъ вредъ кому-либо или когда не дѣлаютъ всего того добра, какое можно было сдѣлать людямъ, которымъ обязаны всѣмъ, а благо ихъ требуетъ, чтобы мы, отказывая себѣ въ удовольствіяхъ, дѣлали все отъ насъ зависѣвшее для помощи ближнимъ намъ людямъ. Въ томъ и заключалась обязанность молодыхъ князей. Они рождены для того, чтобы быть поддержкою родителей и защитниками сестеръ. Что станется съ ними, если они пренебрегутъ всѣми этими обязанностями ради своихъ удовольствій и спокойствія? Останутся только угрызенія совѣсти за неисполненіе должнаго и внутренній упрекъ тѣхъ, которые отъ этого пострадаютъ въ будущемъ. Если они поступятъ на службу, то они не навсегда будутъ въ разлукѣ съ семьей; можно брать срочные отпуски и даже оставить службу совсѣмъ. Нѣсколько лѣтъ не составляютъ еще жизни человѣка, и въ этой службѣ можно быть свободнѣе, чѣмъ на какой-либо другой. Но если упущено благопріятное время для поправки дѣла, то его уже не возвратишь. Наконецъ молодые князья рождены не для того, чтобы прозябать въ неизвѣстности, предаваясь только удовольствіямъ.

15-го мая князь Адамъ-Георгій Чарторыйскій увѣдомилъ письмомъ Репнина о томъ, что онъ и братъ пріѣхали въ Петербургъ и были такъ ласково приняты графомъ Валеріаномъ Зубовымъ и его братомъ, а также княземъ Алексѣемъ Куракинымъ, что они не могутъ не выразить Репнину чувство глубокой признательности, сознавая, что только благодаря его посредничеству имъ оказали такой милостивый пріемъ. На него они возлагали всѣ свои надежды за все то, что могло случиться еще счастливаго для ихъ родителей.

И, дѣйствительно, князь Николай Васильевичъ всѣми способами старался прійти на помощь своимъ друзьямъ. Онъ принялъ подъ свое завѣдываніе опеку надъ имѣніями Чарторыйскихъ въ Литвѣ,

онъ сбиралъ съ нихъ доходы, которые доставлялъ молодымъ людямъ въ Петербургѣ; онъ хлопоталъ о возвращеніи Чарторыйскимъ ихъ владѣній въ другихъ областяхъ. Адаму-Георгію Репнинъ пишетъ, чтобы онъ неотлагательно просилъ графа Валеріана Зубова содѣйствовать ему въ устройствѣ его домашнихъ дѣлъ. Въ томъ же письмѣ онъ освѣдомляется у молодого князя, не нужно ли ему денегъ, онъ собралъ ихъ нѣсколько съ литовскихъ земель и готовъ ему помочь исключительно изъ дружбы къ нему, требуя только, чтобы Адамъ сообщалъ о себѣ.

Князь Николай Васильевичъ не только содѣйствовалъ Чарторыйскимъ въ полученіи ими обратно имѣній, конфискованныхъ у нихъ русскимъ правительствомъ, но онъ ихъ снабжалъ своими совѣтами, какимъ образомъ увеличить имъ доходы съ означенныхъ имѣній; такъ, онъ имъ указалъ на возможность заработать деньги путемъ поставки соли изъ Галиціи. Съ своей стороны, Чарторыйскіе пользовались добродушіемъ Репнина, прося его заступаться за разныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ возстаніи. Репнинъ не отказывается, онъ обѣщаетъ исполнить ихъ просьбы, подъ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы эти личности не злоупотребляли его снисхожденіемъ къ нимъ; въ противномъ случаѣ они могли бы жестоко пострадать [1]). Заботы Репнина по отношенію къ друзьямъ доходили до того, что онъ предостерегалъ ихъ, чтобы они не слишкомъ довѣрялись нѣкоторымъ лицамъ заподозрѣннымъ. «Окажите имъ добро,—пишетъ онъ старому князю:—если вы въ состояніи, помогите имъ, но чтобы они не были у васъ, гдѣ бы то ни было, ни съ вами. Мое убѣжденіе и моя дружба заставляютъ меня вамъ дать такой совѣтъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Репнинъ былъ настолько обязателенъ, что сообщалъ Чарторыйскимъ о дѣлахъ ихъ родственниковъ. Такъ, 23-го декабря 1795 года [2]) онъ посылаетъ Адаму-Казимиру копію съ высочайшаго указа о снятіи запрещенія съ земель, принадлежавшихъ его сестрѣ, княгинѣ Любомирской, и о возвратѣ ей доходовъ. «Я посылаю вамъ,—пишетъ онъ,—копію съ него въ латинскихъ буквахъ, чтобы вы могли легче прочесть этотъ указъ и сообщить княгинѣ Любомирской. Вамъ, знающему всѣ восточные языки, будетъ, вѣроятно, не трудно понять этотъ маленькій кусочекъ русской прозы, который, по-моему, въ настоящую минуту больше значитъ, чѣмъ всѣ стихотворенія Ломоносова».

Князь Репнинъ горячо принялъ къ сердцу поступленіе молодыхъ Чарторыйскихъ на русскую службу. Онъ написалъ о томъ графу Валеріану Зубову. Дѣйствительно, изъ письма Адама къ отцу видно, что графъ Валеріанъ Александровичъ просилъ своего брата

---

[1]) Письмо 3-го апрѣля 1795 Арх. Чарторыйскихъ 1. 146 D. D.

[2]) Архивъ Чарторыйскихъ 1. 151 D. D.

Платона за молодыхъ князей. Графъ Платонъ Александровичъ принялъ ихъ въ Царскомъ Селѣ и задалъ имъ вопросъ, не будетъ ли поступленіе ихъ на русскую службу противно желанію ихъ отца. Адамъ, не колеблясь, отвѣтилъ, что отецъ будетъ этимъ сильно польщенъ. По увѣренію Платона Александровича, онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы они были приняты на службу. Въ томъ же письмѣ Адамъ говоритъ о дружескихъ чувствахъ обоихъ братьевъ Зубовыхъ къ нимъ. «Мы никогда не будемъ въ состояніи,—пишетъ онъ отцу,—въ достаточной мѣрѣ отблагодарить Зубовыхъ. Но, къ несчастью, у васъ еще много недруговъ, и въ самомъ дѣлѣ я не понимаю, чѣмъ вы вызвали такую непріязнь. Существуетъ много препятствій и затрудненій, которыя придется преодолѣть, однако слѣдуетъ всего ожидать отъ великодушія, справедливости и доброты ея величества. Тѣ, которые ей вполнѣ довѣрились, никогда не были обмануты въ своемъ ожиданіи».

Когда князь Репнинъ узналъ, что Адамъ и Константинъ поступили на службу, первый въ Конную гвардію, а второй въ Измайловскій полкъ, то онъ ихъ поздравилъ. «Будьте,—пишетъ онъ,—соотвѣтственно съ этимъ признательны императрицѣ, которая васъ осыпаетъ милостями, и графамъ Зубовымъ, которые вамъ оказывали и продолжаютъ оказывать покровительство. Что касается меня, любите меня только—вотъ и все». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Помните, что я искренно люблю васъ обоихъ, а потому пишите мнѣ почаще». Съ своей стороны, князь Адамъ-Георгій высказываетъ, что онъ горячо желаетъ заслужить благодѣянія Репнина и сдѣлаться достойнымъ ихъ неизмѣнною признательностью, вѣчной преданностью и безупречнымъ поведеніемъ. Когда онъ узнаетъ, что Репнинъ еще разъ написалъ графу Зубову, прося за нихъ, то̀ высказываетъ, что въ виду постоянныхъ заботъ князя Николая Васильевича о нихъ они, Чарторыйскіе, могутъ его назвать вторымъ отцомъ. «Никакія дѣти, — пишетъ онъ, — не въ состояніи питать привязанности болѣе истинной и живой, чѣмъ та, которую мы чувствуемъ и всегда будемъ чувствовать къ вамъ». Когда Репнинъ узналъ, что Константинъ уже началъ службу, а Адамъ готовится къ ней, то онъ имъ пишетъ: «Теперь докажите, что вы оба достойны вашего происхожденія и того добраго вниманія, которымъ васъ почтили. Помните, что прожить всю жизнь безполезно, для себя одного, значитъ не удовлетворить цѣли нашего созданія и обязанностямъ, наложеннымъ на насъ при нашемъ вступленіи въ міръ. Мы должны непремѣнно помогать себѣ подобнымъ, если хотимъ, чтобы и намъ помогали».

Къ Новому году оба князя Чарторыйскіе были пожалованы въ камеръ-юнкеры. Великій князь Александръ Павловичъ прибли-

звалъ къ себѣ старшаго изъ нихъ, Адама, котораго особенно отличала великая княгиня Елизавета Алексѣевна. [1]).

По свидѣтельству графини Головиной (le petit dragon) [2]), мужъ которой былъ гофмаршаломъ великокняжескаго двора, князь Адамъ, бывавшій постоянно въ обществѣ Александра Павловича, былъ нрава степеннаго и молчаливаго; его фигура отличалась серьезнымъ и выразительнымъ взглядомъ, она дышала страстью. По замѣчанію Головиной, князь Адамъ, ободренный особымъ расположеніемъ великаго князя и находясь въ постоянномъ общеніи съ великой княгиней, увлекся такими чувствами, которыя ему слѣдовало съ самаго начала побороть въ себѣ изъ уваженія и признательности, а также по нравственнымъ началамъ. Императоръ Павелъ I, вступивъ на престолъ, назначилъ князя Репнина фельдмаршаломъ и призвалъ его къ себѣ, возлагая на него разныя порученія. Но въ концѣ 1798 года онъ впалъ въ немилость и удалился въ Москву, гдѣ и умеръ 12-го мая 1801 года.

Изъ вышеизложенной переписки обнаруживаются близкія отношенія, существовавшія между Чарторыйскими и Репнинымъ. Хотя князь Николай Васильевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ выразился, что мы должны помогать своимъ ближнимъ, если хотимъ, чтобы намъ помогали, но чувства, которыя онъ проявляетъ въ своихъ письмахъ по отношенію къ княгинѣ Изабеллѣ и ея дѣтямъ, показываютъ, что они были для него болѣе, чѣмъ ближніе, такія существа, съ которыми онъ былъ связанъ, съ княгиней—узами старой привязанности, а съ ея сыновьями—даже узами крови.

Князь Адамъ-Георгій, признававшій въ одномъ изъ своихъ писемъ, что Репнинъ относился къ нему и къ его брату въ качествѣ второго отца, къ которому они питали истинную и настоящую привязанность, ни однимъ словомъ не обмолвился о немъ въ своихъ «Запискахъ» и ни единой строчки не посвятилъ въ память того, который своими заботами и наставленіями помогъ имъ возстановить уже утраченныя ими положеніе и состояніе. Въ этихъ «Запискахъ» только одинъ разъ, и то вскользь, упоминается имя князя Репнина, а именно, когда Адамъ говоритъ, что онъ и его братъ отправились въ Гродну къ королю Станиславу-Августу, находившемуся тамъ подъ строгимъ надзоромъ князя Репнина. Умолчавъ о своемъ благодѣтелѣ, Чарторыйскій какъ будто желалъ ничего не знать о его существованіи. Съ этой цѣлью онъ даже исказилъ факты, о которыхъ повѣствуется въ его запискахъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ вышеприведенной переписки явствуетъ, что молодые Чарторыйскіе пріѣхали въ Гродну къ Репнину, который принялъ ихъ подъ свое попеченіе, какъ своихъ родныхъ дѣтей. Но Чарторыйскій ни слова не говоритъ

---

[1]) Записки гр. Рибопьера. «Русскій Архивъ» 1877 г., кн. I. Стр. 506.

[2]) Souvenirs de la c-sse Golowine, p. 100.

о своемъ пребываніи у Репнина въ Гроднѣ, онъ распространяется только о своихъ отношеніяхъ къ разжалованному королю, который тогда ничего не значилъ и къ которому Адамъ-Казиміръ не могъ отправить своихъ сыновей, такъ какъ онъ былъ тогда въ ссорѣ съ нимъ. Описывая далѣе въ своихъ запискахъ болѣе или менѣе извѣстныхъ людей, съ которыми ему пришлось встрѣчаться въ Россіи во время своего пребыванія, онъ ни слова не сказалъ о Репнинѣ, который, однако, многимъ отличался отъ другихъ и у котораго онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Гроднѣ. Это молчаніе знаменательно.

Непримиримый полякъ, которому всякій русскій казался виновникомъ бѣдствій его родины, Адамъ-Георгій, когда писалъ свои записки, не могъ не знать, что онъ сынъ князя Репнина, того русскаго, который когда-то властвовалъ въ Польшѣ. По этой причинѣ онъ въ своихъ запискахъ ни слова не упомянулъ ни о Репнинѣ, ни о его отношеніяхъ къ нему. Это дѣло его совѣсти.

Здѣсь не мѣсто говорить о дѣятельности князя Адама-Георгія въ Россіи и въ Польшѣ въ царствованіе императоровъ Александра и Николая Павловича, но, когда вспыхнуло возстаніе 1830 года, распространился слухъ объ избраніи князя въ короли польскіе. Сообщая объ этомъ слухѣ императору Николаю Павловичу, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, удалившійся изъ Варшавы, пишетъ [1]), что его утѣшаетъ избраніе Адама тѣмъ, что поляки, несмотря на патріотизмъ, приведшій къ ихъ умоизступленію, иного не могли сдѣлать, какъ избрать королемъ русскаго ублюдка (un batard russe), не вѣдая сего. Такимъ образомъ, настоящее происхожденіе Адама было хорошо извѣстно при дворѣ. Оно подтверждается и преданіемъ, сохранившимся въ семействѣ князя Репнина. Николай Васильевичъ отъ брака съ княжной Наталіей Александровной Куракиной оставилъ однѣхъ дочерей, изъ которыхъ Александра Николаевна вышла замужъ за князя Григорія Семеновича Волконскаго. Его сыну Николаю, послѣ смерти фельдмаршала, разрѣшено высочайшимъ указомъ 12-го іюня 1806 года принять фамилію умершаго и именоваться княземъ Репнинымъ. Внукъ князя Николая Григорьевича, благополучно здравствующій князь Николай Васильевичъ, является старшимъ въ родѣ, владѣльцемъ семейнаго архива и хранителемъ преданій семьи. По его разсказу, сенаторъ Аркадій Васильевичъ Кочубей, двоюродный братъ графа, а впослѣдствіи князя Виктора Павловича, министра внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ I, ему передавалъ, что всѣ современники находили большое сходство въ чертахъ между фельдмаршаломъ Репнинымъ и Адамомъ Чарторыйскимъ, почему они считали достовѣрнымъ сказаніе о про-

[1]) Письмо 20-го апрѣля (2 мая) 1831. Сб. имп. ист. общества, т. 132, стр. 171.

исхожденія князя Адама, тѣмъ болѣе, что нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось видѣть фельдмаршала князя Репнина, когда онъ нѣжно ухаживалъ за Адамомъ, какъ за роднымъ сыномъ, во время его болѣзни, случившейся въ Петербургѣ.

Невольно напрашивается на сравненіе взаимное обращеніе Репнина и Чарторыйскаго съ существомъ отношеній, сложившихся въ теченіе многихъ лѣтъ между обоими народами. Со стороны русскихъ преобладали добродушіе и довѣрчивость, со стороны поляковъ—затаенная злоба и неблагодарность.

С. Горяиновъ.

ИЗЪ РАСКОЛЬНИЧЬИХЪ ДѢЛЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

Въ АРХИВѢ губернскаго правленія въ гор. Петрозаводскѣ хранится любопытное «дѣло» канцеляріи олонецкаго губернатора «О сосланномъ подъ надзоръ полиціи въ Петрозаводскъ раскольникѣ второй гильдіи купцѣ Ѳедорѣ Гучковѣ», относящееся къ половинѣ прошлаго столѣтія. Дѣло это интересно не только по тому лицу, котораго оно касается, но и нѣкоторыми своими деталями, хорошо рисующими суровость режима того времени въ отношеніи раскольниковъ. «Дѣло» касается глубокаго, почти восьмидесятилѣтняго старца, который не могъ уже обходиться безъ посторонней помощи, и почти слѣпого. Гражданская власть, тѣмъ не менѣе, считала его весьма опаснымъ для православія и нашла необходимымъ создать для высланнаго Гучкова исключительную обстановку, облегчавшую полицейскій надзоръ за нимъ.

Правда, Гучковъ былъ не совсѣмъ обычный поднадзорный: высланъ онъ былъ въ Петрозаводскъ по высочайшему повелѣнію и препровожденъ былъ сюда при особомъ предписаніи министра внутреннихъ дѣлъ. Но, читая «дѣло», все время чувствуешь, что мѣстное начальство,—какъ это зачастую бываетъ и нынѣ,—пошло дальше плановъ и намѣреній начальства высшаго и безъ надобности отягчило и безъ того нелегкое положеніе старика, перенесшаго тяжелое путешествіе изъ Москвы въ отдаленный Петроза-

водскъ. Уже одно это путешествіе, по тѣмъ временамъ, могло быть серьезной карой для Гучкова. Въ Петрозаводскѣ для него создана была обстановка, удобная лишь для наблюденія за нимъ и свидѣтельствующая о большой подозрительности начальства. Послѣдняя оказалась неосновательной, и въ концѣ концовъ сами власти признали, что восьмидесятилѣтній дряхлый старикъ не можетъ уже быть опаснымъ для православія.

23-го января 1854 года олонецкимъ гражданскимъ губернаторомъ, В. Н. Муравьевымъ, получена была изъ особенной канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ бумага, въ которой сообщалось, что «по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, ссылается въ гор. Петрозаводскъ подъ строжайшій надзоръ мѣстной полиціи извѣстный закоренѣлый и вредный раскольникъ, бывшій однимъ изъ старшинъ на Преображенскомъ раскольническомъ кладбищѣ, купецъ второй гильдіи Ѳедоръ Алексѣевичъ Гучковъ, семидесяти восьми лѣтъ отъ роду. По сдѣланному распоряженію, онъ будетъ изъ Москвы отправленъ подъ благонадежнымъ присмотромъ и, по прибытіи въ Петрозаводскъ, представленъ вашему превосходительству непосредственно». Увѣдомляя объ этомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Бибиковъ, предписывалъ: «а) по доставленіи означеннаго раскольника, указавъ ему мѣсто жительства въ Петрозаводскѣ, подчинить его строжайшему надзору полиціи и имѣть непосредственное за нимъ наблюденіе, не допуская его къ распространенію ереси и слѣдя за всѣми его дѣйствіями и сношеніями, и б) увѣдомить меня подробно о времени прибытія его и доставлять мнѣ, чрезъ каждые три мѣсяца, о послѣдствіяхъ наблюденій за нимъ».

По полученіи этой бумаги губернаторъ сразу же далъ соотвѣтствующее распоряженіе по полиціи. Въ предписаніи петрозаводскому полицеймейстеру онъ, между прочимъ, распорядился приготовить заблаговременно, до прибытія Гучкова, квартиру для него, во всѣхъ отношеніяхъ удобную... для бдительнаго и строгаго за нимъ наблюденія, а по прибытіи—учинить за нимъ строжайшій надзоръ, отнюдь не дозволяя ему ни съ кѣмъ никакихъ сношеній.

Гучковъ былъ доставленъ въ Петрозаводскъ 2-го февраля 1854 г., въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Его привезли прямо къ полицеймейстеру, который сразу же обыскалъ его и осмотрѣлъ всѣ имѣвшіяся при немъ вещи. Послѣднія, какъ не заключавшія въ себѣ ничего вреднаго, были оставлены при немъ. Денегъ у Гучкова было найдено 92 рубля серебромъ. Полицеймейстеръ 32 рубля изъ этихъ денегъ выдалъ Гучкову на руки для расхода, а осталь-

ные 60 рублей передалъ въ полицію, для выдачи изъ нихъ, съ его разрѣшенія, Гучкову, по мѣрѣ дѣйствительной надобности, на его содержаніе. Сдѣлано это было съ цѣлью лишить Гучкова всякой возможности «посредствомъ излишнихъ денегъ склонять постороннихъ лицъ на свою сторону».

Интересны личныя впечатлѣнія полицеймейстера отъ знакомства съ Гучковымъ: «Гучковъ, сколько я могъ замѣтить изъ личнаго моего съ нимъ разговора,—доноситъ полицеймейстеръ губернатору,—есть великая зараза для раскола».

Въ самый день прибытія въ Петрозаводскъ Гучкова прибыли изъ Москвы жившіе тамъ на Преображенскомъ кладбищѣ мѣщанинъ Матвѣй Амосовъ и крестьянинъ Леонъ Васильевъ съ цѣлью оставаться здѣсь при Гучковѣ и привезли съ собою разныя для него вещи, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, были: книга Четьи-Минеи на іюнь, іюль и августъ мѣсяцы, печатанная въ Москвѣ въ 1767 году, и раскольничье погребальное одѣяніе, заключающееся изъ мантіи черной шерстяной матеріи, туфель изъ той же матеріи, кожаныхъ четокъ и рисованнаго вѣнчика для усопшихъ. Люди эти, изъ которыхъ первому было шестьдесятъ семь лѣтъ отъ роду, отъ самой Москвы ѣхали все время вмѣстѣ съ Гучковымъ, видаясь съ нимъ на каждой станціи, и лишь въ Святозерѣ (за 63 версты отъ города) отстали отъ него вслѣдствіе недостатка на этой станціи лошадей.

На допросѣ, учиненномъ имъ полицеймейстеромъ, они показали, что отправлены изъ Москвы дѣтьми Гучкова вслѣдъ за отцомъ ихъ Ѳедоромъ Гучковымъ для присмотра за нимъ дорогою по преклоннымъ его лѣтамъ и болѣзненному состоянію и для нахожденія здѣсь у него въ прислугахъ.

Амосовъ и Васильевъ показались полицеймейстеру подозрительны, и онъ арестовалъ ихъ, хотя они и имѣли на проѣздъ подорожную, а на отлучку паспорта. Отобранную у нихъ книгу Четьи-Минеи, по распоряженію губернатора, передали Гучкову, а погребальное одѣяніе и прочія вещи оставлены при полиціи для храненія. Относительно дальнѣйшей судьбы этихъ лицъ полицеймейстеръ высказался въ томъ смыслѣ, что ихъ слѣдовало бы отправить обратно въ Москву съ жандармами за ихъ счетъ, такъ какъ пребываніе ихъ въ Петрозаводскѣ, да еще при Гучковѣ, можетъ быть очень вредно. Вмѣстѣ съ этимъ полицеймейстеръ полагалъ весьма полезнымъ воспретить раскольникамъ какъ Преображенскаго, такъ и Рогожскаго кладбища не только прибывать въ Петрозаводскъ для свиданія съ Гучковымъ, но и входить въ какія-либо съ нимъ сношенія. Мѣра эта тѣмъ болѣе необходима, что здѣшніе раскольники Даниловскаго и Лексинскаго селеній находятся въ тѣсныхъ связяхъ съ московскими раскольниками и подъ видомъ свиданія съ Гучковымъ хотя бы самыхъ близкихъ изъ

его родственниковъ всѣ эти лица будутъ имѣть случай соединиться со здѣшними раскольниками.

Въ донесеніи полицеймейстера есть и еще одно интересное соображеніе. Онъ, между прочимъ, писалъ: «Если впредь случится отправлять въ Олонецкую губернію раскольниковъ, подъ надзоръ полиціи, я полагаю, что сопровожденіе ихъ свитою, подобно Гучкову, будетъ весьма неудобно, ибо пронырство и хитрость раскольниковъ до того изощрены, что они ни малѣйшаго обстоятельства или случая не упускаютъ изъ виду, чтобы не воспользоваться ими въ свою пользу, и хотя въ ихъ дѣйствіяхъ часто заключается благотворительность, но все это есть чистый обманъ, какъ для прикрытія ихъ прямыхъ дѣйствій къ поддержанію и распространенію раскола, такъ и для привлеченія православныхъ въ свои секты».

О прибытіи Гучкова въ Петрозаводскъ былъ тотчасъ же увѣдомленъ московскій оберъ-полицеймейстеръ. О сдѣланныхъ губернаторомъ распоряженіяхъ относительно Гучкова было отправлено донесеніе министру внутреннихъ дѣлъ. Послѣдній счелъ полезнымъ дать губернатору нѣкоторыя общія указанія относительно содержанія Гучкова.

Министръ сообщилъ, что «по дошедшимъ свѣдѣніямъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ старшинъ такъ называемаго Преображенскаго раскольническаго богадѣленнаго дома въ Москвѣ произведено было дознаніе. И такъ какъ при этомъ дознаніи справедливость означенныхъ свѣдѣній вполнѣ подтвердилась, то по высочайшему повелѣнію упомянутый богадѣленный домъ ограниченъ значеніемъ благотворительнаго и притомъ временнаго заведенія и переданъ въ вѣдѣніе совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества и получаетъ устройство, направленное къ тому, чтобы освободить его отъ раскольническаго характера, съ прекращеніемъ всѣхъ средствъ къ поддержанію и распространенію раскола. Всѣ обличенные въ законопротивныхъ поступкахъ, въ томъ числѣ и Ѳедоръ Гучковъ, удалены въ разныя мѣста.

«Такимъ образомъ, Преображенское кладбище потеряло свое значеніе въ расколѣ, тѣмъ болѣе, что обращено особенное вниманіе и на всѣ тѣ мѣста, коихъ сношенія съ онымъ обнаружились при дознаніи.

«Изъ сего слѣдуетъ, что надзоръ за Гучковымъ долженъ быть направленъ преимущественно къ тому, чтобы онъ своимъ вліяніемъ не могъ дѣйствовать на поддержаніе другихъ какихъ-либо раскольническихъ сборищъ.

«Что касается до людей, прибывшихъ въ одно время съ Гучковымъ въ Петрозаводскъ, то, какъ мнѣ извѣстно, этимъ людямъ дозволено начальствомъ проводить его изъ снисхожденія къ ходатайству сыновей Гучкова, обратившихъ на себя вниманіе по осо-

бымъ обстоятельствамъ. Но изъ прибывшихъ людей раскольникъ Матвѣй Амосовъ можетъ и остаться при Гучковѣ, крестьянинъ же Васильевъ, какъ называющійся православнымъ, не можетъ оставаться при немъ и долженъ быть возвращенъ въ Москву».

Губернаторъ сразу же далъ полицеймейстеру предписаніе освободить Васильева и Амосова изъ-подъ ареста и первому дозволить отправиться въ Москву, а второму—быть при Гучковѣ, съ учиненіемъ за нимъ бдительнаго надзора.

Въ началѣ марта начальникъ губерніи получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ новую секретную бумагу, въ которой указывалось, что сыновья Ѳедора Гучкова, почетные граждане Иванъ и Ефимъ Гучковы, вразумленные открытіемъ злоупотребленій старшинъ на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, изъявили желаніе присоединиться къ православной церкви и дѣйствовать къ вразумленію другихъ раскольниковъ и, по полученнымъ изъ Москвы удостовѣреніямъ, дѣйствительно такъ дѣйствуютъ.

Нынѣ объяснили они находящемуся въ Москвѣ чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ, что отцу ихъ въ Петрозаводскѣ не дозволяется даже выходить на воздухъ и не допускается къ нему прислуга. Считая справедливымъ и полезнымъ оказать Гучковымъ вниманіе, министръ предложилъ губернатору облегчить участь Ѳедора Гучкова.

На это секретное предписаніе губернаторъ Муравьевъ донесъ въ министерство, что Гучкову никогда не было воспрещено выходить изъ своей квартиры для прогулокъ и оставленный здѣсь мѣщанинъ Амосовъ находится нынѣ при Гучковѣ.

«Въ недавнемъ времени, дабы имѣть ближайшее понятіе объ образѣ жизни Гучкова, я посѣтилъ его квартиру и въ разговорѣ съ нимъ и его сожителемъ Амосовымъ обошелся ласково и давалъ имъ совѣты, сообразные ихъ настоящему положенію, но между тѣмъ и предупредилъ, что въ случаѣ какихъ-либо подозрительныхъ ихъ сношеній я вынужденъ буду принять противъ нихъ строгія мѣры. Отвѣтъ ихъ на это былъ самый убѣдительный, что они рѣшительно ни съ кѣмъ не будутъ входить въ сношенія и что по своему положенію и старости лѣтъ они помышляютъ только о молитвахъ Богу. Но вскорѣ до моего свѣдѣнія дошло, что они уже успѣли познакомиться съ кузнецомъ здѣшняго гарнизоннаго батальона Леонтьевымъ, котораго не разъ посѣщалъ Амосовъ. Знакомство это подозрительно, потому что Леонтьевъ хотя и православный, но весьма пронырливый и соблазнительный на интересъ и всѣмъ этимъ, какъ видно, Гучковъ и Амосовъ не упустили изъ вида воспользоваться. Получивъ эти свѣдѣнія, я строго приказалъ упомянутымъ раскольникамъ прекратить ихъ знакомство съ Леонтьевымъ и что если этого они не выполнятъ въ точности, то будутъ арестованы».

13*

2-го октября того же 1854 года губернаторъ доносилъ министру, что имъ «приняты были всѣ мѣры къ убѣжденію Ѳедора Гучкова принять православіе, если же онъ не хочетъ принять православіе, то по крайней мѣрѣ присоединиться къ единовѣрію, которое приняли и сыновья Гучкова; но всѣ старанія мои и епархіальнаго преосвященнаго (извѣстнаго архіепископа Аркадія), котораго я лично просилъ объ увѣщаніи Гучкова, оказались тщетными: раскольникъ сей остался непреклоннымъ въ своихъ заблужденіяхъ. Поведенія они, впрочемъ, скромнаго, въ образѣ жизни и дѣйствіяхъ его не замѣчено до сего времени ничего предосудительнаго. Гучковъ пользуется полною свободою, но всѣ его поступки подчинены строжайшему секретному надзору».

Въ январѣ 1855 года сыновья Ѳедора Гучкова, Иванъ и Ефимъ, обратились въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о дозволеніи одному изъ нихъ, Ивану, съ женою навѣстить находящагося въ Петрозаводскѣ отца ихъ и доставить ему служителя-раскольника, московскаго мѣщанина Васильева, вмѣсто Амосова, который по слабости здоровья и преклонности лѣтъ не въ состояніи услуживать престарѣлому отцу ихъ. Министерство удовлетворило эту просьбу Гучковыхъ и о разрѣшеніи свиданія поставило въ извѣстность губернатора.

Иванъ Гучковъ и мѣщанинъ Васильевъ прибыли въ Петрозаводскъ 25-го января и были допущены къ старцу Ѳедору Гучкову. 28-го января Иванъ Гучковъ уже уѣхалъ изъ Петрозаводска, и съ нимъ отбылъ и Амосовъ.

Ровно черезъ полгода—въ іюнѣ 1855 года, съ надлежащаго разрѣшенія, пріѣзжали въ Петрозаводскъ навѣстить своего дѣда дѣти Ефима Гучкова—Иванъ и Николай.

Въ февралѣ 1856 года губернаторомъ было получено отъ Ефима Гучкова прошеніе о разрѣшеніи отцу ихъ возвратиться въ Москву. Ефимъ Гучковъ писалъ, что съ просьбой этой онъ лично обращался къ министру внутреннихъ дѣлъ и послѣдній отнесся къ ней весьма благосклонно. Собственно губернатора онъ просилъ засвидѣтельствовать предъ высшимъ начальствомъ о скромности отца ихъ, о его безукоризненномъ поведеніи и «совершенной возможности возвратить его намъ на наше попеченіе».

Въ своихъ письмахъ Ѳедоръ Гучковъ сообщалъ дѣтямъ, что въ послѣднее время онъ чувствуетъ особенную тяжесть въ головѣ и совсѣмъ почти теряетъ зрѣніе. Старикъ полагалъ, что нужно бы ему сдѣлать кровопусканіе, какъ онъ, по совѣту врача, дѣлывалъ это три или четыре года назадъ, но безъ попеченія о немъ особо близкихъ людей онъ не можетъ рѣшиться приступить къ этому. Для сего они съ братомъ отправили въ Петрозаводскъ двоихъ людей—Терентія Петрова и Татьяну Семенову, которые ему сродни и прислуживали ему въ Москвѣ. Они просили допу-

стить этихъ людей къ Ѳедору, «дабы хотя этимъ малымъ утѣшеніемъ сколько-нибудь поддержать его слабыя силы впредь до увѣдомленія о соизволеніи г. министра на просьбу нашу».

Въ апрѣлѣ и самъ Ѳедоръ Гучковъ словесно просилъ губернатора объ исходатайствованіи ему разрѣшенія возвратиться на родину, причемъ ссылался на свой преклонный возрастъ (восемьдесятъ одинъ годъ) и слабое здоровье.

Къ просьбѣ этой губернаторъ отнесся, повидимому, сочувственно. Представляя просьбу Гучкова въ министерство, губернаторъ сообщилъ, что онъ «ведетъ образъ жизни весьма скромный и уединенный; онъ уже не можетъ быть вреденъ для православія, ибо при дѣйствительной слабости зрѣнія онъ съ трудомъ можетъ двигаться по причинѣ болѣзненнаго состоянія, а главное по преклонности лѣтъ и дряхлости сложенія».

Но это представленіе губернатора успѣха не имѣло. Министръ отъ 21-го апрѣля 1856 года отвѣтилъ, что такъ какъ Гучковъ высланъ въ Петрозаводскъ по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 21-го декабря 1853 года, то онъ, министръ, считаетъ себя не въ правѣ сдѣлать какое-либо распоряженіе къ удовлетворенію его ходатайства.

Объ этомъ отвѣтѣ Ѳедоръ Гучковъ сразу же былъ освѣдомленъ губернскимъ начальствомъ.

3-го января 1857 года петрозаводскій полицеймейстеръ донесъ рапортомъ губернатору, что состоявшій въ Петрозаводскѣ подъ надзоромъ полиціи московскій второй гильдіи купецъ Ѳедоръ Гучковъ волею Божіею 29-го декабря умеръ.

О смерти Гучкова тотчасъ же были увѣдомлены министръ внутреннихъ дѣлъ и московскій генералъ-губернаторъ.

Тѣло Ѳедора Гучкова, по просьбѣ его дѣтей, Ефима и Ивана, разрѣшено было перевезти изъ Петрозаводска въ Москву, для погребенія на Преображенскомъ кладбищѣ.

28-го февраля 1857 года, въ десять часовъ утра, тѣло Ѳедора Гучкова, погребенное на Неглинскомъ кладбищѣ, въ присутствіи двухъ членовъ полиціи, петрозаводскаго купца Фигурина, распоряжавшагося при погребеніи Гучкова, и другихъ собравшихся лицъ, по поднятіи изъ земли съ пѣніемъ «Святый Боже», выдано было предъявителю открытаго листа московскому мѣщанину Никифорову, и по постановкѣ гроба въ засмоленный ящикъ довѣренный отправился въ путь.

С. А. Левитскій.

ЛЕГЕНДЫ О ВОЙНѢ.

НАСТОЯЩАЯ грандіозная война, охватившая собою почти весь земной шаръ, не могла не отразиться и въ простой народной массѣ. Милліонныя арміи, машины, бѣгающія безъ лошадей, аэропланы, летающіе по воздуху, бомбы, летящія съ неба, и многія иныя чудеса современной техники кажутся слишкомъ сказочными, легендарными, своею чудовищностью давятъ народный умъ, особенно поражаютъ тѣхъ стариковъ, которые видѣли турецкую войну 1877—78 гг., ломали страшные туркестанскіе походы, участвовали во всѣхъ бояхъ при завоеваніи Средней Азіи. Много пришлось пережить и испытать въ раскаленныхъ безводныхъ пустыняхъ, но такихъ чудесъ никто не видѣлъ. И нынѣ не повѣрили бы имъ старые казаки,—мало ли въ газетахъ врутъ,—однако нельзя и не повѣрить: о нихъ пишутъ въ письмахъ сыновья и родственники, разсказываютъ вернувшіеся съ поля битвы раненые. «Господи, до чего люди дошли!» вздыхаютъ старые рубаки. «Спаси, Царица Небесная,—послѣднія времена пришли», охаютъ казачки-старухи. «Эхъ, побывать бы да посмотрѣть и подраться!» тоскуетъ молодежь, относящаяся болѣе сознательно къ текущимъ событіямъ: грамотность, а вмѣстѣ съ ней и газета проникли нынѣ и въ глухіе казачьи поселки. Однако творческая народная фантазія не мирится съ краткими отрывочными свѣдѣніями, идетъ дальше вся-

кихъ сообщеній, выливается въ своеобразныя легенды, отражая въ нихъ частицу своихъ взглядовъ, умозаключеній, вѣрованій...

Въ этотъ историческій годъ мнѣ пришлось жить въ одной изъ глухихъ казачьихъ станицъ, раскинутыхъ на далекихъ оренбургскихъ степяхъ. Постоянныя встрѣчи и разговоры съ казаками, непосредственныя наблюденія надъ ихъ міровоззрѣніемъ дали обильный матеріалъ, весьма любопытный, какъ характеристика нравственнаго облика народной казачьей массы, гдѣ каждое событіе, подъ вліяніемъ фантазіи, выливается въ особую своеобразную форму, иногда не лишенную интереса для бытописателя, а главнымъ образомъ для будущаго историка этой войны, какъ отраженіе нѣкоторыхъ фактовъ въ народномъ освѣщеніи.

Если война явилась полною неожиданностью для людей власти, то что же говорить о нашей деревенской Руси? Стоялъ іюль мѣсяцъ— самое горячее время года: многіе принялись уже за уборку хлѣбовъ, другіе заканчивали уборку сѣна и прочія сельскія работы. Мысли и чувства всѣхъ были настроены по иному, и вдругъ нежданно-негаданно по всѣмъ станицамъ помчались гонцы съ «синимъ флагомъ»; по улицамъ раздались звуки сигнальной трубы, играющей «тревогу». Всполошился казачій муравейникъ: въ одну ночь опустѣли всѣ поля, и удалая казацкая вольница слетѣлась въ станицы уже въ полномъ вооруженіи и на боевыхъ товарищахъ-коняхъ, а на слѣдующій день съ лихою пѣснею всѣ двинулись въ походъ.

Правда, первое время никто не ожидалъ серьезнаго похода,— всѣ думали, что мобилизація «пробная». Даже обычныя предупредительныя мѣры готовности, какъ-то—смотры обмундированія, лошадей, часто практиковавшіеся раньше казачьимъ начальствомъ, въ минувшее лѣто совершенно отсутствовали. На вопросъ: съ кѣмъ война?—никто не могъ дать опредѣленнаго отвѣта, и только Высочайшій манифестъ 19-го іюля разъяснилъ положеніе дѣлъ.

Высокій патріотическій подъемъ охватилъ все казачье населеніе отъ стараго до малаго. Бойцы ушли. Война разразилась, а около нея стали сплетаться и народныя легенды.

Аэропланы.

Первое время у всѣхъ на устахъ были аэропланы, о которыхъ въ японскую войну не было и помина. Конечно, народная масса не имѣла о нихъ ни малѣйшаго представленія и давала полную волю предположеніямъ и догадкамъ. Раздавались голоса, что летательная машина не простой приборъ-механизмъ, изобрѣтенный человѣческимъ умомъ, а что здѣсь не обошлось дѣло безъ дьявола, съ которымъ нѣмцы живутъ въ большой дружбѣ давно. Старики принимали аэропланъ за легендарную желѣзную птицу, которая явится предъ страшнымъ судомъ и будетъ клевать православныхъ.

«И полетятъ онѣ надъ землею, и не будетъ отъ нихъ спасенія никому». Дѣйствительно, многіе были охвачены суевѣрнымъ страхомъ. А тутъ вдругъ распространился слухъ, что нѣмецкіе аэропланы замѣчены надъ ближайшими уральскими заводами. «День скрываются въ лѣсахъ, а какъ ночь настанетъ, полетятъ на добычу».

Помню, какъ-то ко мнѣ зашелъ знакомый казакъ и говоритъ:

— Слышали, рапланъ летаетъ,—въ башкирской деревнѣ видѣли. Башкиры ночью были на моленьи въ мечети и только вышли, какъ ихъ вдругъ осіяло съ небесъ, точно солнышкомъ. Они всѣ перепугались и бросились бѣжать. «Шайтанъ,—кричатъ,—шайтанъ!» Поднялась вся деревня на ноги; оборужились всѣ—кто съ вилами, кто съ топоромъ, а мулла впереди молитвы читаетъ. Такъ въ страхѣ провели всю ночь, но никого больше не видѣли, а на утро отправили муллу въ городъ съ жалобой. Наши бабы совсѣмъ переполошились. Если сюда, говорятъ, прилетитъ да бомбу броситъ, такъ всѣ взлетимъ на воздухъ, всей станицею. Такъ на части и разорветъ. Правда ли, что его нечистый на себѣ носитъ?

Я, какъ могъ, успокоилъ старика. Бросать бомбу въ нашу станицу нѣмцу нѣтъ смысла: для него важнѣе заводы, склады и желѣзнодорожные мосты.

— А вотъ, говорятъ, въ Николаевкѣ тоже рапланъ спустился. Леталъ, леталъ, да, видно, заблудился и сѣлъ на землю. Какъ разъ мимо того мѣста шла баба съ водой. Онъ ударился о землю, сталъ человѣкомъ и проситъ у бабы напиться, а потомъ и спрашиваетъ: «Которая дорога въ Челябу?» Баба испугалась, подняла крикъ, а онъ ударился о землю, обратился въ огромную птицу,—застучалъ, зашумѣлъ и поднялся подъ самыя облака. Вотъ она какая штука; значитъ, тутъ дѣло нечисто.

Несмотря на мои объясненія и увѣренія, что аэропланъ машина, изобрѣтенная человѣкомъ, такъ же, какъ и желѣзная дорога, старикъ недовѣрчиво покачивалъ головой; наружно онъ, въ силу извѣстной привычки въ обращеніяхъ къ начальству, какъ будто и соглашался, но по всему видно было, что въ душѣ онъ не вѣритъ ни одному слову. «Всѣ-де вы ученые заодно, чтобъ нашего брата морочить».

Страхъ передъ аэропланами увеличивался. Передавали, что нѣкоторыя бабы отказывались по одиночкѣ ѣздить на пашни. «Какъ поѣду одна, а вдругъ рапланъ налетитъ да схватитъ. Пропаду ни за что».

Наконецъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ появились по поселкамъ первые раненые, участники боевъ, которые своими разсказами быстро разсѣяли суевѣрный страхъ.

— А правду вы говорили, что рапланъ машина. Я грѣшнымъ дѣломъ тогда вамъ мало повѣрилъ, потому у васъ, ученыхъ, иной разъ и Бога-то не признаютъ: все, молъ, люди да природа сдѣлали,—

разсуждалъ черезъ нѣсколько времени тотъ же старикъ.—А молодцы наши-то, казаки, вонъ какъ они этихъ самыхъ рапланщиковъ-то подстрѣливаютъ да въ плѣнъ берутъ. Попадись теперь мнѣ какой изъ летальщиковъ, и я на старости ему шею какъ слѣдуетъ накостыляю. Теперь коли и увижу, ужъ не буду молитву творить, а за горло по-казацки возьмусь, потому самъ отъ раненаго казака про эти самые рапланы слышалъ,—а ужъ казакъ казаку не совретъ и обманывать не станетъ.

Начало конца міра.

Между тѣмъ событія развертывались все шире и шире и грозили перейти въ міровую бойню. Все чаще и чаще слышались разсказы о всемірной послѣдней войнѣ, которая наступитъ передъ страшнымъ судомъ, о появленіи антихриста и близкомъ концѣ міра. Въ народной памяти выплывали слышанныя когда-то отъ дѣдовъ страшныя повѣствованія и предсказанія о тѣхъ главныхъ признакахъ, которые должны показать близость второго пришествія Спасителя.

— И вотъ, братцы мои,—повѣствуетъ древній старецъ собравшейся толпѣ слушателей:—возстанетъ царство на царство, народъ на народъ, и охватитъ война всю матушку землю, и знаменія будутъ великія,—тогда наступитъ конецъ міра и придетъ Спаситель судить живыхъ и мертвыхъ. И чудно становится мнѣ теперь, словно все идетъ какъ по писанному. Вотъ ужъ девятый десятокъ доживаю, а въ тѣ поры былъ я еще мальчонкомъ, лѣтъ девяти-десяти не больше. Жилъ тогда въ нашей станицѣ бездомный казакъ Иванъ Митричъ, старъ ужъ онъ былъ, почитай, лѣтъ за сто перевалило, но бодрый и память имѣлъ полную. Говорятъ, въ молодыхъ годахъ на француза ходилъ, ну, и тамъ, должно, попало деньжонокъ не мало: вѣдь извѣстно, нашъ братъ-казачокъ не оплошаетъ; иной разъ и не плохо лежитъ, а мы, грѣшнымъ дѣломъ, не пропустимъ: кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ. Вотъ и этотъ Иванъ Митричъ, видно, не больно честно поживился: хоть и привезъ деньжонокъ, да впрокъ онѣ ему не пошли,—въ десять лѣтъ все кончилъ: жену похоронилъ, хозяйство разорилось, а домъ сгорѣлъ, и пошелъ нашъ Митричъ подъ старость по монастырямъ, грѣхи свои замаливать. Начитанный былъ человѣкъ и поразсказать мастеръ, да все отъ писанья. Сядетъ, бывало, на лавочку и начнетъ поучать насъ. «Помяните, говоритъ,—ребята, мое слово. Какъ настанутъ послѣднія времена, все измѣнится, по иному будетъ: полетятъ желѣзныя птицы подъ самыя облака и будутъ клевать православныхъ желѣзными носами и плевать на землю сверху ядрами. А отъ тѣхъ плевковъ загорится мать сыра земля и дома и люди. Не будетъ отъ этихъ желѣзныхъ птицъ спасенья ни старому и ни малому. И будетъ громъ великій отъ полета ихъ, даже голоса человѣчьяго не услышите. Но это еще не все.

Опутаютъ землю-матушку желѣзною проволокою да въ нѣсколько рядовъ, точно нитками обовьютъ, и нельзя будетъ Божьей пташкѣ пролетѣть кверху: такъ-то густо будетъ опутано . А внизу протянутъ желѣзо по всей землѣ, и поставятъ на это желѣзо мѣдные кувшины огромаднѣйшіе; нальютъ въ нихъ воды полнешеньки, а въ срединѣ трубы сдѣлаютъ и огня накладутъ. Закипитъ отъ него водица, и побѣгутъ кувшины по желѣзу, а въ нихъ люди поѣдутъ съ пѣснями да плясками. Всѣ цвѣточки лазоревые, которые на землѣ растутъ да украшаютъ ее, матушку, на людей перейдутъ. Озвѣрѣютъ тогда люди и пойдутъ другъ на друга войною. Будетъ эта война послѣднею и самою страшною, и никуда отъ смерти не укроешься. Тогда наступитъ и конецъ міру».

— Не понимали мы тогда ничего изъ этого, да и самъ Митричъ тоже толкомъ объяснить не могъ,—а вотъ, говоритъ, если доживете, увидите сами. Какъ онъ говорилъ, такъ и вышло. Провидецъ старикъ былъ! Видите, ужъ нынѣ полетѣли надъ землею и желѣзныя птицы, и землю всю люди проволокой опутали—во всѣ стороны протянули: посмотрите въ городѣ—весь его оплели телефонами тамъ разными. А по желѣзу-то люди ужъ давно ѣздятъ и кувшинъ впереди пыхтитъ да охаетъ, точно звѣрь какой.

— А какъ же, дѣдушка, цвѣты-то полевые на людей перейдутъ?— спросилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Да перешли ужъ, дитятко. Посмотри лѣтомъ по народу, особенно по женщинамъ въ праздникъ,—какихъ только платьевъ на нихъ нѣтъ: и розовыя, и голубыя, и зеленыя, и всякія:— какіе цвѣты въ полѣ есть, такія же на людяхъ и платья. А вотъ началась и всеміpная война: вѣдь десять государей ведутъ ее. Да такая война, какой и отъ сотворенія міра не бывало. Никуда-то тебѣ скрыться нельзя, вездѣ находятъ: и на водѣ, и подъ водою, и въ облакахъ, и подъ землею. Поистинѣ послѣднія времена настали. Куда же дальше этого?

Вильгельмъ.

Вильгельмъ II въ представленіяхъ народа является апокалиптическимъ звѣремъ въ образѣ человѣка, съ печатью антихриста на лѣвой рукѣ, «оттого она у него и высохла». Довольно характерно, что самое имя «Вильгельмъ» народъ передѣлалъ очень своеобразно и называетъ его не иначе, какъ «Вельма», отъ испорченнаго слова «вѣдьма». За Ураломъ и въ Сибири вмѣсто «вѣдьма» говорятъ «вельма». Такъ называютъ колдуній, вѣдьмъ и прочую нечисть, въ томъ числѣ и знаменитаго просвѣщеннаго «кайзера». Около его имени создалась довольно оригинальная легенда.

«Хоть и хитеръ нѣмецъ и много у него разнаго оружія и машинъ различныхъ, но долго не отваживался онъ итти на Царя православ-

наго: зналъ онъ, что не попуститъ Господь поруганія на святую Русь. Чувствовалъ нѣмецъ, что пропадетъ онъ, если тронется, хоть и велика у него сила. А итти на насъ ему давно хотѣлось: ужъ больно велика и богата Русь, какъ-де не поживиться отъ нея. Продалъ онъ тогда чорту душу, отрекся отъ истиннаго Христа и его заповѣдей, сталъ думать и выдумалъ Вельму, которая произошла отъ нечистой силы. И стала Вельма царемъ у нихъ. Сперва прикидывалась доброю да умною, потому на нее зарокъ до извѣстнаго числа былъ данъ, а какъ вышло время, и объявила Вельма себя: «Погублю,—говоритъ,—вѣру Христову, разрушу ихъ храмы, изрублю иконы, покорю себѣ русскую землю, и будутъ тогда всѣ кланяться мнѣ и почитать меня какъ Бога». И началъ онъ мучить и губить всѣхъ людей. Не разбираетъ Вельма ни старыхъ ни малыхъ, ни бабъ ни дѣвушекъ. Ничего [1]) не беретъ Вельму, и вездѣ ему дорога отъ нечистой силы открыта: полѣзетъ подъ землею—канаву выроетъ, а то пуститъ желѣзныхъ птицъ, такъ все небо закроютъ, точно черная туча. Заклятый онъ, и ничѣмъ его не взять, окромѣ какъ молитвой и крестомъ. Этого только и боится самъ Вельма и его нечестивое воинство, тоже проклятое Богомъ. Самъ Вельма хоть и одѣвается по-человѣчески, въ полную какъ есть форму, однако узнать его очень легко, потому сзади у него хвостикъ, а на головѣ мѣдный рогъ. Хвостикъ-то онъ ухитрился—скрылъ, ну а вотъ рогъ-то никакъ спрятать не можетъ, потому что большой ужъ выросъ, да и голова-то у него тоже мѣдная. Вотъ и удумалъ Вельма выкинуть такую штуку. Сдѣлалъ онъ всему своему нечестивому войску тоже мѣдныя шапки съ высокимъ мѣднымъ рогомъ на верхушкѣ. Всѣ солдаты могутъ снимать и надѣвать свои шапки, а Вельма этого сдѣлать не можетъ, а такъ какъ онъ старше всѣхъ, царь своимъ-то, потому и выходитъ всегда будто бы въ шапкѣ съ рогомъ, ни передъ кѣмъ, значитъ, снимать не долженъ; а солдаты и думаютъ, что царь ихъ и въ самомъ дѣлѣ въ настоящей мѣдной шапкѣ. Такъ-то онъ и хитраго нѣмца обманулъ».

А вотъ еще маленькая довольно характерная легенда, называющая Вильгельма уже прямо антихристомъ и кровавымъ въ дѣйствительности.

«И говоритъ этотъ самый Вельма: «Буду я самимъ Богомъ, разрушу всю вѣру Христову, положу печать на всѣхъ и буду царствовать, и всѣ будутъ кланяться мнѣ. Растопчу я святую Русь, весь народъ въ плѣнъ заберу, а землю въ песокъ обращу: не будетъ на ней ни хлѣбъ расти, ни трава цвѣсти».

«За эти страшныя слова проклялъ Господь Богъ Вельму на вѣчныя времена. «Коли возсталъ,—говоритъ,—ты противъ Меня и пролилъ столько христіанской крови, такъ будь же ты кровянымъ

[1]) «Ничего» казаки употребляютъ вмѣсто «ничто».

(кровавымъ) отнынѣ и довѣка». И въ тотъ же день исполнилось слово Господне. Разгромили Вельмины солдаты какой-то городъ, ограбили его начистую и все золото отослали къ Вельмѣ. Обрадовался онъ и захотѣлъ поблагодарить своихъ храбрыхъ разбойниковъ за то, что съ бабами да съ малыми ребятами хорошо воюютъ. Захватилъ онъ все награбленное золото съ собою, пріѣхалъ къ войску,—ну, поговорилъ, что ему надо, похвалилъ за храбрость, да и началъ разбрасывать золото по рядамъ. «Вотъ,—говоритъ,—вамъ достойная награда». И случилось чудо. Бросить Вельма золото, блеснетъ оно на солнцѣ, разсыплется, точно горохъ, и вдругъ обратится въ кровь. Не замѣтилъ сначала Вельма, любуется только блескомъ, а потомъ наклонится и захватитъ новую горсть. Такъ бросилъ горстей до десятка, да вдругъ и глянулъ на солдатъ, а они всѣ залиты кровью. Бросилъ онъ опять горсть золота, а оно точно изъ фонтана брызнуло на солдатъ кровью. Ужаснулся Вельма, взглянулъ на свои руки, а съ нихъ кровь такъ и льется. Одурѣлъ Вельма совсѣмъ, да какъ заревётъ дикимъ голосомъ: «Теперь-то, видно, я совсѣмъ пропалъ!» и бросился бѣжать въ свою квартиру. Понялъ онъ тутъ, что ему конецъ пришелъ, что Господь открылъ его. Узнали тутъ и солдаты, что у нихъ за царь, и ужъ начали отступаться отъ него. Хотя и приходитъ ему конецъ, но мира съ нимъ заключить никакъ нельзя, потому онъ законъ переступилъ—мучитъ всѣхъ и землю-матушку кровью залилъ. Будетъ онъ просить мира или не будетъ, его все равно расшибутъ и сошлютъ на Чортовъ островъ, тамъ ему мѣсто уготовано до самой смерти. А нѣмецъ тоже потомъ опомнится, раскается, да будетъ ужъ поздно: Господь его осудитъ на долгую муку, вотъ какъ евреевъ, потому они Христа распяли, а нѣмцы противъ Христа войною пошли. Значитъ, одинаково согрѣшили».

Удивительно вѣрно опредѣлилъ нашъ народъ характеръ настоящей войны. Не мудрствуя лукаво, не разбираясь въ политическихъ, экономическихъ и другихъ «ическихъ» условіяхъ, онъ чрезвычайно мѣтко вынесъ правдивый приговоръ нѣмцамъ, ополчившимся на Христа, поправшимъ Божескіе и человѣческіе законы.

Дѣйствительно, простой народъ смотритъ на эту войну, какъ на религіозный подвигъ, какъ на борьбу за попраннаго, вновь распятаго Христа. Чуткая, правдивая, младенческая душа до глубины возмутилась варварствомъ и безсовѣстностью врага и поклялась постоять за вѣру святую, царя православнаго. Вотъ въ чемъ кроется залогъ нашей побѣды надъ гордымъ, зазнавшимся врагомъ; вотъ откуда почерпнута та нравственная сила, такъ ярко проявившаяся въ эту войну; здѣсь же причина тѣхъ многочисленныхъ религіозныхъ видѣній, рисующихъ вполнѣ реально Божью помощь нашимъ доблестнымъ войскамъ. Сильна и могуча великая Русь въ ея нравственной духовной красотѣ, и никакія силы не въ состояніи сломить живого народнаго духа.

Скобелевъ.

Въ сознаніи казаковъ съ особенною яркостью встаетъ нынѣ образъ знаменитаго «Бѣлаго генерала» М. Д. Скобелева. Дѣло въ томъ, что среди нашихъ оренбуржцевъ до сихъ поръ очень много живыхъ соратниковъ этого героя, участниковъ туркестанскихъ походовъ. Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, но не потускнѣлъ свѣтлый образъ отца-командира: казаки и до сего времени съ благоговѣніемъ и любовью вспоминаютъ народнаго героя. Всѣ полузабытыя легенды о немъ вновь ожили. Никто не вѣритъ, что Скобелевъ умеръ, всѣ до одного считаютъ его живымъ. Только онъ тайно скрылся въ одеждѣ странника, потому что за царскимъ столомъ при публикѣ обругалъ англичанку. Она потребовала казни Скобелева, иначе грозила войною. Государю было жалко такого генерала, и онъ разрѣшилъ ему скрыться, а насчетъ смерти—только форму сдѣлали, чтобъ глаза отвести да англичанку успокоить. А какъ начнется война, онъ и объявится, кликнетъ кличъ своихъ боевымъ товарищамъ. Хоть и стары мы, а всѣ съ радостью пойдемъ на войну.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ одинъ казакъ въ станицѣ З. серьезно увѣрялъ меня, что «своими глазами» видѣлъ Скобелева живымъ и здоровымъ. «Работаю я какъ-то на дворѣ. Вдругъ, вижу, въ ворота входитъ какой-то сѣдой старичокъ съ длинною бѣлой бородой, въ одеждѣ монаха и съ котомкою за плечами. Подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Здравствуй, братецъ!» Я отъ удивленія и глаза вылупилъ на монаха: такъ съ нами, бывало, здоровался только одинъ Скобелевъ. Стою я, точно столбъ, гляжу прямо на гостя,—лицо и вправду точно знакомое, только сѣдой больно, а борода совсѣмъ бѣлая и длинная. «Неужто это вы, ваше высокопревосходительство, Михайла Дмитричъ?»—«Ну, коли узналъ, такъ молчи!» Меня словно варомъ обдало отъ этихъ словъ. Палъ я на колѣни, поклонился ему въ землю и поцѣловалъ край его одежды.—«Что ты,—говоритъ,—что ты, я, вѣдь, не Богъ, а только странникъ Божій». Ну, пригласилъ я его въ домъ. Посидѣлъ онъ у меня около часу, попилъ чайку и разспросилъ про всѣхъ моихъ товарищей-казаковъ. Я было хотѣлъ послать за здѣшними, да онъ отказалъ. «Чѣмъ же, говорю, вы занимаетесь?»—«А вотъ, говоритъ, хожу по святымъ мѣстамъ пока до времени. А какъ начнется великая война, я снова возьму мечъ, надѣну всю форму и соберу своихъ старыхъ товарищей-воиновъ. Теперь мнѣ объявлять себя нельзя, потому что государь наложилъ на меня петинье (эпитимію). Поцѣловалъ онъ меня на прощанье и ушелъ, даже провожать не велѣлъ. «Не смотри,—говоритъ,—мнѣ вслѣдъ».

Разсказъ довольно страненъ. Что это? Галюцинація, умѣло подтасованный обманъ-мистификація, или дѣйствительно какой-

нибудь ловкій странникъ, можетъ быть, изъ тѣхъ же сподвижниковъ Бѣлаго генерала, ловко воспользовался именемъ народнаго героя и подъ большимъ секретомъ «объявляетъ» себя. Однако приведенный разсказъ не единичный случай: фактъ остается фактомъ, и легенда, что Скобелевъ живъ и скрывается «до времени», что многіе его «видѣли своими глазами», слишкомъ распространена между нашими казаками.

Кстати, необходимо замѣтить, что всѣ соратники «Бѣлаго генерала» до сего времени твердо вѣрятъ, что онъ былъ необыкновенный человѣкъ, обладающій даромъ прозорливости, даннымъ ему свыше. Пользуясь этимъ, Скобелевъ могъ предугадывать всѣ могущія произойти событія. Этимъ и объясняется его непобѣдимость и личная неуязвимость. «Побѣдить или ранить его было нельзя, потому что онъ былъ не простой человѣкъ, а зналъ всю Божью планиду. Я часто бывалъ у него на вѣстяхъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ казакъ-туркестанецъ:—такъ наглядѣлся на него. Бывало, передъ тѣмъ, какъ выступать въ походъ или итти на штурмъ, уйдетъ въ свою палатку одинъ и молится. Потомъ выйдетъ, построитъ весь отрядъ въ боевой порядокъ, подведетъ на выстрѣлъ къ непріятелю, почти къ самому укрѣпленію, выѣдетъ передъ отрядомъ, сойдетъ съ коня и станетъ точно на молитву. Пули визжатъ, ядра летятъ и рвутся, а онъ хоть бы глазомъ моргнулъ, стоитъ, какъ вкопанный, точно другое что слушаетъ. Потомъ вдругъ перекрестится, прыгнетъ на коня и крикнетъ: «Съ Богомъ, братцы, впередъ! Только помните мое слово—не материтесь, братцы, не ругайтесь, и побѣда наша, и живы будемъ. А кто-де будетъ ругаться поматерно, тотъ и самъ погибнетъ, и весь отрядъ погубитъ».

«Ужъ какіе мы, казачки, были ругательники, слова живого, бывало, не услышишь,—все мать да мать, а какъ поступили въ его отрядъ, словно переродились: не то что матерью, а даже чернымъ словомъ никто не обмолвится. И дѣйствительно, Богъ миловалъ, въ сколькихъ бояхъ были, а убитыхъ почти ни одного не было. Вотъ онъ каковъ былъ, Скобелевъ-то. Все ему было Богомъ открыто. Посмотритъ, бывало, черезъ свое правое плечо и видитъ, кто будетъ убитъ, потому у тѣхъ, которые должны умереть, у всѣхъ надъ головами мученическіе вѣнцы, точно короны, сверкаютъ. А какъ впереди-то онъ подъ пулями стоялъ, такъ Божью литургію слушалъ, что ангелы на небѣ поютъ, и, пока ее тамъ не окончатъ, не начиналъ битву. Потому-то Богъ всѣхъ и хранилъ».

Завѣты Скобелева и донынѣ живы среди его сподвижниковъ, а отъ нихъ передались и другимъ станичникамъ. Почти каждый отецъ, провожая сына въ походъ, непремѣнно накажетъ: «Смотри, сынокъ, если придется быть въ бою, не ругайся, а пуще всего берегись браниться поматерно, и Богъ тебя сохранитъ!»

Текущая война дала очень много случаевъ чудесныхъ видѣній

и знаменій. Между прочимъ легенда о бѣломъ всадникѣ, сопровождающемъ наши войска, проникла и въ наши станицы. Во многихъ казачьихъ письмахъ съ войны сообщается буквально слѣдующее: «Захваченные въ плѣнъ нѣмцы въ одинъ голосъ говорятъ: «Развѣ васъ можно побѣдить, коли вамъ и духи помогаютъ. Каждую ночь надъ вашими окопами, въ вашей сторонѣ носится въ воздухѣ бѣлый всадникъ на бѣломъ конѣ. Бросимся мы въ атаку на ваши окопы, а они сразу закроются густымъ туманомъ, точно пеленою—намъ ничего и не видно, а вы насъ бьете, какъ днемъ». Мы, русскіе, ничего не видимъ, а нѣмцы все видятъ и намъ разсказываютъ».

Конечно, въ бѣломъ всадникѣ сразу опредѣлили Скобелева, а вмѣстѣ съ тѣмъ припомнили его завѣтъ—не браниться.

Между прочимъ одинъ казакъ въ письмѣ же передаетъ слѣдующій случай. «Какъ только узнали отъ плѣнниковъ о бѣломъ всадникѣ, собрались всею сотнею и порѣшили не браниться поматерно и чернымъ словомъ. Все время сотня была въ безпрерывныхъ бояхъ, но всѣ оставались невредимыми, лишь ранило двухъ-трехъ человѣкъ. Но однажды передъ самой атакой командиръ за что-то осердился на казаковъ и нѣсколько разъ выругался. И что же? Въ этой атакѣ сотня сразу потеряла около двадцати человѣкъ убитыми и ранеными. Когда вернулись на стоянку, вся сотня опять собралась въ кругъ и попросила сюда же командира, которому и заявили, что товарищи погибли благодаря его невоздержности и брани поматерно, почему бѣлый всадникъ, ихъ покровитель, и отступился отъ нихъ. По этому поводу сотня будто бы заявила: «Просимъ васъ не ругаться, а если будете попрежнему, то мы не пощадимъ и васъ». Командиръ, очевидно, и самъ былъ увѣренъ, что казаки погибли изъ-за него, почему тутъ же передъ сотней далъ обѣщаніе больше не ругаться.

Съ тѣхъ поръ снова были въ сильныхъ бояхъ, въ опасныхъ развѣдкахъ, рубились почти ежедневно, но убитыхъ не было.

Такъ-то спасаетъ бѣлый всадникъ тѣхъ, кто не ругается и помнитъ его завѣты.

Великій князь Николай Николаевичъ.

Верховный главнокомандующій, великій князь Николай Николаевичъ весьма популяренъ среди нашихъ казаковъ. Въ ихъ глазахъ онъ является легендарнымъ народнымъ вождемъ-героемъ, его правдивость, честность, смѣлый открытый характеръ и строгость къ нерадивымъ и измѣнникамъ создали цѣлыя легенды. Народъ любовно называетъ его просто «Николаемъ Николаевичемъ». А такъ называютъ лишь близкихъ, слишкомъ уважаемыхъ людей. Дѣло въ томъ, что въ войскахъ Европейской Россіи служило и служитъ нѣсколько оренбургскихъ казачьихъ полковъ. Съ давнихъ поръ эти полки участвовали на всѣхъ маневрахъ кіевскаго и вар-

шавскаго военныхъ округовъ, куда почти ежегодно выѣзжалъ и великій князь. Здѣсь-то казаки и имѣли возможность лично видѣть его «въ дѣлѣ», и у нихъ составилось вполнѣ правильное и опредѣленное мнѣніе о великомъ князѣ, какъ о твердомъ, строго-справедливомъ человѣкѣ, не терпящемъ разгильдяйства и праздности.

«Онъ безпорядка не допуститъ: при немъ всѣ генералы и офицеры будутъ работать, какъ слѣдуетъ», говорятъ казаки.

Къ слову сказать, печальной памяти несчастная японская война посѣяла въ народѣ большое недовѣріе къ офицерству, начальствующимъ лицамъ и вообще къ высшему командованію. Даже и сейчасъ тѣ или иныя военныя неудачи приписываются исключительно измѣнѣ и предательству, а не простымъ случайностямъ. Народъ, а особенно казаки, искренно вѣритъ въ непобѣдимость русскихъ и не изъ бахвальства, конечно, а твердо сознавая свою нравственную мощь и физическую силу. Казака мало повалить, его нужно убить, только тогда онъ будетъ пораженъ, но все же не побѣжденъ. Это положеніе яснѣе всего характеризуетъ извѣстная казачья поговорка: «Либо грудь въ крестахъ,—либо голова въ кустахъ». Такъ говоритъ каждый отправляющійся на войну, и это не пустой звукъ; достаточно вспомнить всѣ подвиги молодечества и беззавѣтной удали, проявленные казаками въ текущую войну, и приведенная поговорка станетъ вполнѣ понятной, безъ прикрасъ характеризующей внутренній обликъ казака. «Съ нимъ или на немъ», говорили древніе спартанцы. «Либо грудь въ крестахъ,—либо голова въ кустахъ», говорятъ казаки, т. е. либо погибну и пусть отрубленная голова валяется въ кустахъ, либо возвращусь героемъ, украшеннымъ георгіевскими крестами.

Въ этомъ-то духѣ, полномъ самоотреченія и героизма, и кроется причина непобѣдимости и той удали, которой такъ прославились казаки. Казакъ надѣется на себя, твердо вѣритъ своимъ товарищамъ, но всякій успѣхъ зависитъ прежде всего отъ ихъ командира. «Съ плохимъ пропадешь», говорятъ казаки. Интересное сравненіе приводится ими въ подтвержденіе изложеннаго положенія: «Заплоты тогда хороши и неодолимы, когда столбы крѣпки. Если столбы подгнили или ихъ подрубили, и заплотъ повалится. Правда, дорогу-то бревешки загородятъ, но ужъ препятствія-то большого не будетъ: переходи черезъ нихъ, сколько хочешь». Такимъ-то крѣпкимъ нерушимымъ столбомъ въ настоящую войну въ глазахъ казаковъ и является великій князь. На него возлагаются всѣ надежды и чаянія. «Онъ столбы поддержитъ, а ужъ заплоты-то никому не прошибить: баловства и измѣны въ начальствѣ не допуститъ, а на солдатъ да казаковъ мы надѣемся», говорятъ старики.—«Вотъ какъ сталъ хозяиномъ-то настоящій русскій дубъ, такъ и война пошла по иному, не то, что японская. Тогда ужъ и насъ, казаковъ, хотѣли на смарку—не нужны-де больше, а теперь, вишь, опять первое войско

стали, а все потому, что на настоящее дѣло насъ поставили да командирамъ острастку дали».

Въ понятіяхъ народа великій князь является карающей десницею для всѣхъ трусовъ и бездѣльниковъ. Привожу довольно любопытную легенду, которая яснѣе всего подтверждаетъ только что высказанный взглядъ.

Въ одномъ казачьемъ полку былъ молодой хорунжій, только что выпущенный изъ юнкерскаго училища. Этотъ полкъ съ самаго прихода все время находился въ бояхъ и развѣдкахъ. Хорунжему тоже постоянно приходилось ѣздить съ казаками. Дадутъ ему взводъ или полусотню. Казаки, извѣстно, народъ отчаянный: спуску никому не дадутъ,—лѣзутъ вездѣ, въ самыя опасныя мѣста, а чуть встрѣтятъ враговъ—лавой и на «ура»,—въ атаку, значитъ. Много зря погибло удалыхъ головушекъ: иной разъ и весь взводъ не вернется, а хорунжій всегда возвратится впередъ всѣхъ цѣлъ и невредимъ. Стали въ полку удивляться всѣ. «Какъ же, говорятъ, такъ: казаки погибли, а командиръ цѣлешенекъ. Вѣдь его мѣсто впереди, кажись бы, первымъ надо было пасть». Донесли объ этомъ Николаю Николаевичу. Вызвалъ онъ этого самаго хорунжаго, далъ ему полсотни казаковъ и отправилъ въ самое что ни на есть опасное мѣсто развѣдать про непріятеля. Тутъ ужъ, кажись, спасенья никакого не было. Прошло нѣсколько времени, смотрятъ, а офицеръ опять возвращается одинъ безъ казаковъ. «Гдѣ казаки?» спрашиваетъ Николай Николаевичъ.—«Всѣ полегли, ваше высочество, только меня одного Богъ миловалъ: не роковой, видно».—«Какъ же это такъ вышло,—спрашиваетъ великій князь:—вѣдь ты командиръ, твое мѣсто впереди и первая пуля твоя, а ты живехонекъ?» Выхватилъ тутъ Николай Николаевичъ шашку и отрубилъ офицерику голову. «Собакѣ,—говоритъ,—собачья смерть: другимъ примѣръ будетъ, чтобъ за казачьи спины не прятались». Вотъ съ тѣхъ поръ и поняли всѣ командиры, что людей надо беречь, а самимъ впередъ итти. Больше ужъ за казаковъ никто не прятался. Такъ-то вотъ Николай Николаевичъ—столбы-то сразу на свое мѣсто поставилъ, поэтому и нѣмца вездѣ бьемъ».

Казакъ Пашнинъ.

Неистощима народная фантазія: любитъ народъ легенду, увлекается ею, отдыхаетъ на ней душою, искренно вѣря, что всякое зло рано или поздно покарается, а храбрость, удаль и правда получатъ должную награду.

По нашимъ станицамъ былъ разосланъ приказъ атамана третьяго отдѣла отъ 20-го декабря 1914 года за № 259 [1]).

---

[1]) Приказъ по 3 отдѣлу Оренб. каз. войска. По строевой части, § 1.

«Изъ прилагаемой при семъ копіи съ телеграммы дежурнаго генерала штаба одиннадцатой арміи отъ 10-го сего декабря за № 2476 на имя наказнаго атамана видно, что старшій урядникъ третьяго Уфимско-Самарскаго полка, третьяго отдѣла, станицы Міясской, Иванъ Пашнинъ удостоенъ великой чести—быть первымъ полнымъ георгіевскимъ кавалеромъ изъ всей кавалеріи и казачьихъ войскъ дѣйствующей арміи.

«Какъ извѣстно, первую награду Георгіевскимъ крестомъ въ настоящую великую войну получилъ донской казакъ Кузьма Крючковъ. Наши казаки служатъ также съ не меньшею доблестью и отвагой. Если на долю донцовъ выпало счастье получить въ текущую войну первый георгіевскій крестъ, такъ зато нашему Пашнину удалось первому изъ всей кавалеріи и казаковъ получить четыре георгіевскихъ креста.

«Честь и слава ему за это!

«Его императорское высочество августѣйшій главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ, цѣня заслуги Пашнина передъ Царемъ и Родиною, повелѣлъ наградить его, за его примѣрную доблесть, конемъ высокихъ кровей.

«Съ радостью сообщая объ этомъ по ввѣренному мнѣ отдѣлу, поздравляю станичниковъ съ этимъ великимъ счастьемъ, выпавшимъ на нашу долю и еще лишній разъ доказавшимъ на дѣлѣ, что недаромъ Государь Императоръ любитъ и цѣнитъ наше славное войско Оренбургское. Его сыны всегда были, есть и будутъ непоколебимо вѣрными преданными слугами Царя и Отечества до послѣдней капли крови.

«Чтобы увѣковѣчить это рѣдкостное, высокой важности событія въ назиданіе потомству, я предлагаю станичникамъ наградить, со своей стороны, нашего славнаго героя Пашнина соотвѣтствующимъ подаркомъ, для чего я полагалъ бы подарить ему отъ всего отдѣла почетную шашку, ножны которой украсить золотомъ съ нижеслѣдующею надписью на клинкѣ: «3-й военный отдѣлъ Оренбургскаго казачьяго войска своему доблестному сыну, первому изъ всей кавалеріи и казаковъ георгіевскому кавалеру всѣхъ четырехъ степеней старшему уряднику Міясской станицы, Ивану Васильевичу Пашнину. 1914 года».

«Шашка будетъ стоить 175 рублей.

«Увѣренъ, что это предложеніе мое будетъ принято станичниками съ удовольствіемъ. Предписываю настоящій приказъ прочесть на полныхъ поселковыхъ сборахъ и во всѣхъ школахъ, а пожертвованія на пріобрѣтеніе почетной шашки и деньги представлять въ управленіе отдѣла».

Упомянутая выше телеграмма была слѣдующаго содержанія:

«Верховный главнокомандующій повелѣлъ пожертвованную высокихъ кровей лошадь предоставить кавалеристу или казаку, перво-

му георгіевскому кавалеру всѣхъ четырехъ степеней. Въ арміи такимъ, хотя еще не награжденнымъ, но представленнымъ, оказался только одинъ старшій урядникъ третьяго полка ввѣреннаго вамъ войска Иванъ Пашнинъ, которому означенная награда теперь испрашивается».

Старики-станичники вообще чутко прислушиваются къ молодецкимъ подвигамъ своихъ сыновъ и братьевъ, искренно радуются удалымъ схваткамъ и молодецкимъ налетамъ. Каждый отдѣльный лихой эпизодъ гордостью наполняетъ сердца старыхъ рубакъ и молодежи. Немудрено, что приведенный приказъ вызвалъ много разговоровъ и произвелъ сенсацію.

Къ сожалѣнію, изъ него не видно, за что собственно Пашнинъ удостоился столь высокой награды. Слухи были разнорѣчивы. Говорили, что онъ съ нѣсколькими товарищами пробрался въ непріятельское расположеніе и взорвалъ желѣзнодорожный мостъ, важный въ стратегическомъ отношеніи; въ другой разъ будто бы захватилъ въ плѣнъ австрійскаго генерала. Народная фантазія не удовлетворилась этими незначительными, по ея мнѣнію, подвигами. Если Пашнинъ удостоился высокой чести получить четыре креста и кровную лошадь отъ самого верховнаго главнокомандующаго, значитъ, долженъ былъ совершить что-нибудь необыкновенное, выходящее изъ границы общихъ подвиговъ. Въ данномъ случаѣ былъ полный просторъ догадкамъ, толкамъ и всевозможнымъ слухамъ, которые вылились въ довольно любопытныя легенды. Такъ, слухъ о взятіи австрійскаго генерала разросся въ цѣлую исторію спасенія Пашнинымъ жизни самому великому князю.

«Былъ сильный бой, а на конецъ дѣла пустили нашихъ казачковъ въ атаку. Гикнули молодцы, разсыпались лавою, ударили на врага и начали класть ихъ сотнями. Не выдержали германчуки да австріяки и бросились бѣжать. А казаки до того разгорячились, что крошатъ ихъ, какъ капусту, и не замѣтили, какъ ворвались въ лагерь. У Пашнина лошадка была добрая. Сшибъ онъ штукъ пять германцевъ и ворвался первымъ въ самую середину. Видитъ, ихній генералъ на лошади сидитъ—такой красный, здоровенный. Бросился Пашнинъ къ этому генералу, сорвалъ его съ лошади и, какъ малаго ребенка, перекинулъ къ себѣ на сѣдло. Генералъ и рта не успѣлъ разинуть, а казакъ ужъ вытащилъ его изъ сѣчи, отобралъ шашку, скрутилъ назадъ руки и привезъ къ своему начальству. Тамъ Пашнина похвалили и приказали отвезти плѣнника къ самому Николаю Николаевичу, потому приказъ отъ него былъ, чтобъ важныхъ плѣнныхъ доставляли къ нему на квартиру тѣ самые люди, которые захватили. Вотъ такимъ-то маперомъ отправили и Пашнина съ его генераломъ. Ну, конечно, допустили ихъ прямо къ великому князю, которому казакъ обсказалъ все, какъ было дѣло, и передалъ генеральскую шашку. Главнокомандующій что-то спросилъ у ав-

стрійца, возвратилъ ему оружіе и говоритъ: «Русскіе лежачаго не бьютъ. Какъ честному воину и человѣку, отдаю вамъ вашу саблю, хотя и говорятъ, что вы-де любите сражаться больше изъ-за угла». Генералъ взялъ шашку. Нашъ адъютантъ сталъ его допрашивать и записывать, а великій князь отвернулся и сталъ читать какое-то донесеніе. Вдругъ генералъ выхватилъ свою саблю и хотѣлъ поразить Николая Николаевича сзади. Пашнинъ стоялъ за этимъ генераломъ тоже съ шашкою наголо, и только генералъ успѣлъ выдернуть саблю, какъ онъ, не будь плохъ, какъ рубанулъ австріяка, такъ голова по полу и покатилась. Этимъ и спасъ великаго князя отъ большой опасности. Николай Николаевичъ поблагодарилъ храбраго казака, надѣлъ ему крестъ первой степени и посадилъ на своего коня. Съ тѣхъ поръ Пашнинъ ѣздитъ на этой дорогой лошади, а всѣ генералы и офицеры честь ему отдаютъ и ручку при здорованьи подаютъ».

Особенно интересна вторая легенда, гдѣ Пашнину приписывается открытіе заговора, по которому два генерала хотѣли продать Варшаву нѣмцамъ.

«Лѣзли, лѣзли нѣмцы на Варшаву, а толку никакого не вышло: какъ мухи, валятся они отъ нашихъ пуль да штыковъ, а впередъ подвинуться ни на шагъ не могутъ, хоть и уложили тутъ цѣлыхъ сто тысячъ человѣкъ. Видитъ Вельма, что силой ему не сломить русскихъ, и задумалъ онъ взять «мошенствомъ». Позвалъ къ себѣ двухъ нашихъ генераловъ да и говоритъ: «Такъ и такъ, господа генералы, не желаете ли «нажить копеечку» [1]): я для васъ денегъ не пожалѣю, только Варшаву мнѣ отдайте». Генералы-то хоть и наши, а тоже были изъ нѣмцевъ. Подумали они, посовѣтовались между собою и говорятъ: «Хорошо, молъ, согласны за два милліончика, и деньги впередъ».—«Согласенъ,—говоритъ Вельма,—и за то хвалю, что деньги впередъ просите, потому что плутъ плуту вѣрить не долженъ». Порядились, значитъ, они за эту сумму, хоть разговаривали между собою по-нѣмецки, но у одного Пашнинъ былъ на вѣстяхъ и все подслушалъ, такъ какъ по-нѣмецки немного зналъ. Вѣдь на самой нѣмецкой границѣ три года служилъ, ну и выучился. Генералы думаютъ, что казакъ не понимаетъ ихъ разговора, а онъ слушаетъ да на усъ мотаетъ. Приказали генералы зарядить всѣ пушки опилками [2]), чтобъ гулъ былъ да дыму больше, а вреда принести нельзя бы было. Тогда стали думать, какъ получить деньги. Сначала хотѣли, чтобъ имъ прислали по почтѣ, но посображали и говорятъ, что на почтѣ не выдадутъ такую сумму, а посылку могутъ посмотрѣть,—и рѣшили они для благонадежности отправить за деньгами

[1]) «Нажить копеечку»—чисто мѣстное выраженіе, означающее легкій заработокъ.

[2]) Опилки, получаемыя при распиливаніи деревьевъ.

казака. Написали письмо къ нѣмцамъ и позвали Пашнина. «Вотъ поѣзжай туда-то, отдай письмо, а тамъ тебѣ выдадутъ посылку, ты ее и вези сюда. Да, смотри, не потеряй!»—«Будьте благонадежны,—говоритъ Пашнинъ:—развѣ казакъ что-нибудь потеряетъ,—вотъ найти это его дѣло, а насчетъ потерять—извините!» Покатилъ Пашнинъ, да вмѣсто нѣмцевъ-то маршъ къ самому Николаю Николаевичу. А гдѣ находилась главная квартира,—Пашнинъ не зналъ, ну, и поѣхалъ по телефону разыскивать.

«Сколько ни бился, а наконецъ телефонъ привелъ его прямо къ великому князю.

«— Чего тебѣ надо?—спрашиваетъ князь.

«— Такъ и такъ, ваше высочество, два генерала Варшаву нѣмцамъ продали.

«— Не можетъ этого быть,—откуда ты знаешь?

«— Такъ что самъ все слышалъ, а въ достовѣрность извольте получить письмо.

«Прочиталъ великій князь письмецо, покачалъ головою, немедленно отдалъ приказъ выслать въ то мѣсто войска и поставить ихъ незамѣтно сзади. Потомъ и говоритъ казаку: «Молодецъ, Пашнинъ! Свою награду получишь, когда все объяснится, а теперь поѣзжай къ нѣмцу за деньгами и ни слова никому не говори, что былъ у меня. Запечатали опять письмо какъ слѣдуетъ и отправили съ казакомъ къ нѣмцамъ. Получилъ онъ тамъ два кожаныхъ мѣшка съ золотомъ, приторочилъ къ сѣдлу и вернулся опять къ Николаю Николаевичу. А когда Пашнинъ отправился къ нѣмцу, великій князь приказалъ арестовать обоихъ измѣнниковъ, которые уже ждали наступленія и направили заряженныя опилками пушки. Ну, схватили ихъ обоихъ и отправили куда слѣдуетъ, а сами позади приготовили другія пушки съ настоящими ядрами и ждутъ гостей. Скоро показались и нѣмцы. Идутъ пьяные, галдятъ что-то по-своему.

«Дали наши по нимъ залпъ сперва опилками,—конечно, ни одного не упало. Это ихъ ободрило еще больше, и они стѣною полѣзли впередъ. А наши въ это время зарядили всѣ пушки и ружья по настоящему, подпустили нѣмцевъ этакъ саженъ на двадцать, да какъ ахнутъ залпомъ,—отъ нихъ только мокренько стало; новую партію нѣмцевъ приняли такъ же, а остатки добивать казаковъ пустили: такъ всѣхъ и положили.

«Тогда великій князь позвалъ Пашнина и велѣлъ своимъ адъютантамъ пересчитать нѣмецкія деньги. Оказалось, что разсчитались правильно: акуратъ два милліона. Похвалилъ великій князь Пашнина за исправность, надѣлъ ему крестъ 1-й степени, а за вѣрность отдалъ ему половину денегъ, а другой милліонъ передалъ на раненыхъ. Измѣнниковъ-генераловъ тутъ же обоихъ разстрѣляли».

Не мало разсказовъ ходитъ и о нашихъ воинахъ, попавшихъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ. Жизнь плѣнниковъ рисуется въ самыхъ

мрачныхъ краскахъ. Конечно, печатныя открытыя письма, которыя получаются изъ плѣна, только разжигаютъ народное воображеніе и даютъ обильную пищу разнымъ толкамъ. «Кормятъ насъ хорошо, живется тоже хорошо», печатаютъ въ открыткахъ, но этимъ заявленіямъ рѣшительно никто не вѣритъ.—«Коли хорошо живется, такъ не надо было объ этомъ печатныя письма посылать, потому нынче всѣ грамотны, каждый можетъ написать о себѣ и своемъ житьѣ».

На этой почвѣ мнѣ пришлось слышать такой разсказъ:

— Прислалъ одинъ казакъ печатное письмецо изъ плѣна. Прочитали родные,—все какъ будто хорошо, только около подписи казакъ мелконько приписочку сдѣлалъ: «Храните-де марку съ письма: она, вишь, заграничная». Задумались домашніе.—Зачѣмъ-де имъ марку хранить: значитъ, что-нибудь неладно. «Давайте,—говорятъ,—оторвемъ ее легонечко». Отлѣпили это они марочку, а тамъ такія страсти написаны! Будто проклятые нѣмцы казаку уши отрѣзали да и глазъ выкололи; кормятъ какой-то грязной бурдой безъ хлѣба; работать заставляютъ безъ отдыха, точно каторжныхъ; а чуть сдѣлалъ не такъ—бьютъ нещадно.

— Оно, конечно, плѣнный человѣкъ все равно, что рабъ крѣпостной,—что съ нимъ хотятъ, то и дѣлаютъ, однако вѣдь у человѣка должна быть душа и у насъ тоже ихнихъ-то полно! Ну, коли сдался солдатъ «на милость», такъ и будь милостивъ: и онъ тоже человѣкъ, а при томъ и безъ оружія, значитъ, ужъ не солдатъ, а мирный житель.

Такъ разсуждаютъ казаки «о сдавшихся на милость побѣдителя». Истина и здѣсь говоритъ устами простыхъ сердецъ.

Конечно, послѣ приведенныхъ слуховъ о нѣмецкихъ звѣрствахъ съ плѣнными въ армію полетѣли письма съ далекой родины отъ отцовъ, матерей и женъ: «Въ плѣнъ не даваться! Лучше умри въ честномъ бою за Царя и Отечество—намъ легче будетъ!»

И дѣйствительно, казаковъ въ плѣну очень немного, да и изъ тѣхъ девяносто процентовъ, если не больше, попали благодаря полученнымъ на развѣдкахъ тяжелымъ ранамъ.

Вопросъ о мирѣ хотя и является довольно близкимъ сердцу, такъ какъ съ нимъ связано возвращеніе домой поильцевъ-кормильцевъ, однако до полнаго разгрома «злодѣя-нѣмца» о мирѣ не можетъ быть и рѣчи. Казаки хотя и своеобразно, но весьма мѣтко характеризуютъ этотъ вопросъ. Недавно одинъ казакъ такъ мнѣ отвѣтилъ: «Развѣ можно теперь думать о мирѣ. Вѣдь подлецъ-нѣмецъ такой каторжный, что пока ему руки не скрутятъ да «кляпъ» [1]) въ ротъ не дадутъ, такъ онъ все брыкаться будетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ нашемъ

---

[1]) **Кляпъ—палка съ волосяной веревкой.**

поселкѣ былъ этакій же злодѣй-воришка. Сколько разъ его ни ловили, сколько ни били, даже два приговора писали о выселеніи. Ничего не помогло. Посидитъ въ тюрьмѣ два-три мѣсяца, вернется и опять за старое ремесло. «Не боюсь,—говоритъ,—я ни васъ, ни начальства». Побились такъ съ нимъ еще съ годъ, потомъ поймали съ краденымъ, отвернули ему голову и спустили въ рѣчку. Съ тѣхъ поръ какъ рукой сняло: сразу житье пошло иное. Вотъ такимъ же манеромъ надо и съ нѣмцемъ пошабашить, тогда всѣмъ вольготнѣе будетъ».

А. Кривощековъ.

НѢМЦЫ 40 ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

I. Какъ вели себя нѣмцы во время франко-прусской войны.—II. Какъ воспитывали они чувства воинской чести и доблести въ своихъ воинахъ.—III. Какъ нѣмцы соблюдали законы и обычаи войны въ борьбѣ съ французами.—IV. Что думали нѣмцы сорокъ лѣтъ назадъ о войнѣ съ Россіей; ихъ полное незнакомство въ то время съ нашей родиной.—V. Какъ нѣмцы ознакомились съ Россіей, и къ чему повело это знакомство.

I.

Я БЫЛЪ командированъ съ научной цѣлью въ 1875—1876 году на годъ за границу. Половину этого времени я прожилъ въ Страсбургѣ, работая въ тамошнихъ клиникахъ и лабораторіяхъ.

На другой же день по пріѣздѣ въ Страсбургъ мнѣ посчастливилось найти недорогую, но вполнѣ приличную квартирку невдалекѣ отъ университета. Семья моихъ хозяевъ состояла изъ дряхлаго старика, наполеоновскаго солдата, его старушки-жены и дочери ихъ m-me Julie, вдовы мелкаго торговца, вертлявой, молодящейся особы, болѣе чѣмъ бальзаковскаго возраста.

По переѣздѣ на квартиру мнѣ тотчасъ бросилась въ глаза роскошная скатерть, покрывавшая преддиванный столъ и совершенно не соотвѣтствовавшая скромной обстановкѣ моего «салона».

Скатерть была изъ дорогой шелковой матеріи свѣтло-синяго цвѣта, на четырехъ углахъ ея красовались вышитыя высокимъ зо-

лотымъ швомъ бурбонскія лиліи, по краямъ шелъ такой же высокій, золотой бордюръ изъ лавровыхъ листьевъ.

Заинтересованный вопросомъ, какимъ путемъ могла попасть такая драгоцѣнность къ моимъ, очевидно, далеко не богатымъ хозяевамъ, я обратился за разъясненіями къ m-me Julie, которая и сообщила мнѣ съ нескрываемой гордостью, что «скатерть оставлена ей на память милымъ прусскимъ майоромъ», возвращавшимся послѣ войны изъ-подъ Парижа и прожившимъ у нихъ на квартирѣ нѣсколько времени.

Очевидно, эта королевская реликвія была гдѣ-то ограблена, если не самимъ «милымъ майоромъ», то его храбрыми подчиненными.

Что нѣмецкіе воины уже во время франко-прусской войны производили грабежи въ занятыхъ ими непріятельскихъ мѣстностяхъ,—нагляднымъ доказательствомъ могла служить слѣдующая весьма распространенная во время моего пребыванія въ Страсбургѣ картинка. По срединѣ ея изображена ручная двухколесная телѣжка, набитая самыми разнообразными предметами—мебелью, посудой, подушками, платьемъ, обувью, корзинами съ виномъ и различной живностью—гусями, голубями, поросятами и т. д. Надо всѣмъ этимъ возвышалось судно съ ночнымъ горшкомъ. Съ правой и лѣвой стороны телѣжки, по краямъ картины, изображены пограничные столбы съ надписями: «Въ Берлинъ», «Въ Парижъ». Телѣжку съ большими усиліями тащатъ по направленію «Въ Берлинъ» Бисмаркъ и Мольтке, а сзади ее подталкиваетъ самъ императоръ Вильгельмъ I.

Это была злая карикатура, но въ основаніи ея лежали точно установленные факты грабежей, производившихся нѣмцами во время войны.

Несомнѣнно, ни Бисмаркъ, ни Мольтке, ни тѣмъ болѣе императоръ не могли участвовать въ такихъ позорныхъ дѣяніяхъ,—они были хотя жестокіе, но честные люди. Грабителями являлись солдаты и низшіе начальники, потворствовавшіе своимъ подчиненнымъ.

Такъ было сорокъ лѣтъ назадъ, а въ настоящую войну грабежи введены уже въ стройную систему, и ими занимаются не только солдаты и офицеры, но и свѣтлѣйшая супруга фельдмаршала Гинденбурга, и самъ наслѣдный принцъ прусскій! Награбленныя вещи не насовываются зря въ ручныя телѣжки, а тщательно сортируются особыми спеціалистами, укладываются въ грузовые автомобили и тоже отправляются «въ Берлинъ».

II.

Лабораторія профессора Вальдейера, въ которой я работалъ во время пребыванія въ Страсбургѣ, выходила окнами на плацъ, бывшій мѣстомъ обученія новобранцевъ, и я собственными глазами

видѣлъ, какъ различные капралы и унтеры били этихъ несчастныхъ по головѣ и лицу такъ, что у нѣкоторыхъ текла кровь изъ носа и рта, тыкали кулаками въ грудь, животъ и т. д., причемъ обучаемые не осмѣливались заявлять ни малѣйшаго протеста, и только горькія слезы боли и злобы текли по ихъ искаженнымъ лицамъ.

Такая система воспитанія солдатъ, какъ оказывается, практиковалась не только въ Страсбургѣ, но и во всей Германіи, до послѣдняго времени.

Вотъ что говоритъ по этому поводу въ своей интересной книжкѣ профессоръ М. Рейснеръ [1]): «Дурное обращеніе съ солдатами это бичъ нѣмецкой военной жизни... Несмотря на господствующую въ Германіи гласность, несмотря на то, что всякій случай дурного обращенія съ солдатами дѣлается предметомъ живого обсужденія въ прессѣ и самыхъ рѣзкихъ запросовъ въ рейхстагѣ, число этихъ случаевъ не только не уменьшается, а, наоборотъ, все повышается и повышается».

Въ доказательство профессоръ Рейснеръ приводитъ, съ одной стороны, существующій въ нѣмецкой казармѣ «особый словарь крѣпкихъ словъ, при помощи которыхъ устанавливается желательное общеніе между начальствомъ и солдатами», съ другой стороны— рядъ случаевъ жестокаго обращенія съ солдатами, сдѣлавшихся предметомъ судебнаго разбирательства «въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, взятыхъ наудачу».

Вотъ выдержки изъ этого пресловутаго словаря: стерва, обезьяна, бестія, безчестная бестія, навозникъ (Dzeckback), мерзавецъ, проклятый песъ, собачья банда, собачій сынъ, песья душа, глупый жидъ, вшивый, сволочь, бараній лобъ, скотина, навозная свинья, свиная башка, свиной попъ, сатана, разбойникъ, подлецъ, проклятая животина, и въ довершеніе—нигилистъ и соціалистъ. Таковы привѣтствія, которыя допустимы въ печати, и которыя находятся въ спискѣ обращеній начальства къ подчиненнымъ, говоритъ профессоръ Рейснеръ, многія изъ нихъ «пришлось опустить, какъ слишкомъ пахучія».

Факты, обнаруженные военными судами по дѣламъ о жестокомъ обращеніи съ солдатами ихъ начальства, такъ ужасны, что могли бы показаться невѣроятными, если бы не подтверждались офиціальными документами.

Профессоромъ Рейснеромъ сдѣланы извлеченія изъ двадцати такихъ «дѣлъ». Размѣры моей статьи, къ сожалѣнію, не позволяютъ привести ихъ цѣликомъ, и я вынужденъ ограничиться только нѣкоторымъ изъ нихъ.

По дѣлу сержанта Вемпе, изъ 95-го полка, съ двумя его помощ-

---

[1]) Вильгельмъ II и Желѣзная имперія. Проф. М. Рейснеръ (Реусъ). Петроградъ. 1914 г.

никами, обнаружилось слѣдующее. Они поднимали солдатъ въ два часа ночи и заставляли дѣлать самую тяжелую работу. Для поощренія пускались въ ходъ: пинки, толчки, пощечины и такіе удары по подбородку, что изо рта выступала кровь и расшатывались зубы. Экстреннымъ средствомъ былъ кнутъ или ремень съ желѣзными крючками на концѣ. Судомъ были установлены двадцать два случая «противозаконнаго» и девять случаевъ «дурного» обращенія съ солдатами» [1]).

«Унтеръ-офицеръ Нидапъ, третьей дивизіи, не только билъ своихъ подчиненныхъ по лицу или головой о кровать, но рвалъ у нихъ кожу, пока не отрывалъ совсѣмъ».

«Въ двадцать третьемъ полку полевой артиллеріи унтеръ-офицеръ Шпееръ такъ обработалъ колѣнками животъ своего подчиненнаго, что тотъ много недѣль лечился отъ сильнаго воспаленія, а бравый унтеръ получилъ лишь недѣлю легкаго ареста [2])».

«Въ гарнизонѣ Гарбурга унтеръ-офицеръ заставилъ сапера Геннингса, отъ слабости упавшаго съ гимнастики, до тѣхъ поръ лазить на гимнастическіе приборы, пока несчастный не сорвался вторично и не разбился до смерти. И этотъ случай остался безнаказаннымъ» [3]).

«Унтеръ-офицеръ Гофманъ, шестьдесятъ третьяго полка, дрался ежечасно: одному рядовому онъ успѣлъ дать по физіономіи сто разъ, другому пятьдесятъ; онъ заставлялъ рядовыхъ стоять по нѣскольку минутъ на согнутыхъ ногахъ, съ желѣзными ведрами въ рукахъ; онъ вырвалъ у одного рядового пять клоковъ волосъ за недостаточно нѣжное обращеніе съ шерстью лошадей. Въ общемъ установлено 693 случая «дурного обращенія». Судъ, хотя и призналъ Гофмана дѣйствовавшимъ лишь съ чрезмѣрнымъ служебнымъ усердіемъ», однако вынужденъ былъ приговорить его къ девяти мѣсяцамъ тюремнаго заключенія [4]).

«Но всѣ эти факты,—говоритъ профессоръ Рейснеръ,—положительно ничто по сравненію съ подвигами унтеръ-офицера Брайденбаха, заставившаго говорить о себѣ положительно всю Германію.. Одинъ изъ солдатъ четвертаго гвардейскаго пѣхотнаго полка покончилъ съ собой въ подвалѣ казармы, и при разслѣдованіи выяснилось, что причиной самоубійства былъ страхъ передъ истязаніями со стороны ретиваго унтеръ-офицера».

«Онъ билъ ружейнымъ штыкомъ плашмя, хлыстомъ, палками и кнутомъ. Дрался Брайденбахъ съ настойчивой и обдуманной жестокостью, дрался, пока не обрывались всѣ ремни его кнута и пока жертва, разложенная на скамейкѣ, не теряла сознанія. Въ общей

---

[1]) Очевидно, «дурное обращеніе» не считается противозаконнымъ.
[2]) Проф. Рейснеръ, стр. 160, 162.
[3]) и [4]) Тамъ же, стр. 162, 165.

сложности судъ отмѣтилъ 1.500 случаевъ тяжелаго характера, и все это въ теченіе приблизительно девяти мѣсяцевъ! Обвинительный актъ содержалъ въ себѣ еще большее число случаевъ: онъ указывалъ чудовищную цифру 1800! И въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ истязаній и звѣрствъ солдаты молчали и укрывали, не смѣя обнаружить и тѣни недовольства. Какова же была власть всемогущаго мучителя!» [1]).

«Таковы итоги трехмѣсячнаго обзора хроники по дѣламъ о дурномъ обращеніи съ солдатами въ нѣмецкой арміи. Но эта хроника,—продолжаетъ профессоръ Рейснеръ,—была бы не полна, если бы мы не упомянули еще о тѣхъ трагедіяхъ, гдѣ дѣйствующими лицами были не полуобразованные унтера; а сами господа майоры и лейтенанты изъ числа высокопривилегированнаго и высокопрославленнаго прусско-германскаго офицерства», и приводитъ новый рядъ судебныхъ случаевъ, тоже за три мѣсяца. Вотъ они.

«Подпоручикъ баронъ фонъ-Годинъ пускалъ въ ходъ не только цѣлый лексиконъ непечатной брани, но и билъ солдатъ плашмя саблей по недостаточно граціознымъ колѣнкамъ, такъ что у людей распухали ноги и оставались шрамы. Поручикъ фонъ-Трата билъ солдатъ кулаками по лицу и щеткой по головѣ и за восемь случаевъ дурного обращенія получилъ четырнадцать дней домашняго ареста. Капитанъ Геннингъ прославился тѣмъ, что подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ такъ били рекрутовъ, что одинъ изъ нихъ Гольмъ дезертировалъ и по возвращеніи родителями въ полкъ сошелъ съ ума; въ результатѣ истязаній у него оказалась проломленной голова. Благородный капитанъ, впрочемъ, старался дѣйствовать на Гольма не только путемъ физическихъ, но и нравственныхъ внушеній: «ставилъ его на колѣни передъ фронтомъ и заставлялъ призывать Небеснаго Отца въ помощь для изученія фронтовой премудрости». Второй рекрутъ, находившійся на попеченіи капитана Геннинга, отъ ударовъ въ животъ получилъ воспаленіе брюшины и былъ отпущенъ домой инвалидомъ. Поручикъ Шиллингъ такъ ударилъ по лицу рядового Абеля, что у него сдѣлалось сотрясеніе мозга, а вслѣдъ за тѣмъ наступило слабоуміе.

Бравый капитанъ за искалѣченіе двухъ человѣкъ былъ наказанъ военнымъ судомъ всего четырьмя мѣсяцами крѣпости. Какое возмездіе получилъ бравый поручикъ—неизвѣстно [2]).

Не менѣе гуманное обращеніе, чѣмъ съ солдатами сухопутной арміи, въ Германіи практикуется и съ моряками. «При осмотрѣ германскаго крейсера «Магдебургъ», взорваннаго на нашемъ побережьи, въ каждой офицерской каютѣ найдено по заштемпелеванной казенной плети, всѣ носятъ слѣды постояннаго употре-

---

[1]) Тамъ же, стр. 167—168.
[2]) Тамъ же, стр. 167—170.

бленія и, повидимому, примѣняются при обычныхъ судовыхъ работахъ» [1]).

Такими способами воспитывались въ нѣмецкихъ солдатахъ необходимыя, по мнѣнію ихъ начальства, грубость и жестокость, вытравлялось чувство человѣческаго достоинства, и изъ мирныхъ, добродушныхъ «Михелей» они превращались мало по-малу въ тѣхъ варваровъ, которые своими звѣрствами теперь приводятъ въ ужасъ и негодованіе весь культурный міръ.

И слѣдуетъ удивляться тому, что эти воины, по приказу императора, убиваютъ взятыхъ въ плѣнъ непріятелей, пристрѣливаютъ раненыхъ, отрѣзаютъ имъ языки, выкалываютъ глаза, вырѣзываютъ ремни изъ тѣла и т. д. и т. д.

Несомнѣнно, что эти звѣрства совершаются нѣмцами не только съ вѣдома и молчаливаго согласія императора, но и въ силу его личнаго приказа. Вотъ что, напримѣръ, разсказалъ корреспонденту «Петроградскаго Курьера» одинъ нѣмецкій офицеръ, взятый въ плѣнъ подъ Эйдкуненомъ:

«Нашимъ солдатамъ внушаютъ, что *эта война исключительная и безъ жестокостей не можетъ принести намъ побѣды*».

— Но почему же?—спрашивалъ корреспондентъ.

Офицеръ пожалъ плечами...

«Нашъ императоръ говоритъ, что эта война будетъ вестись на чужой территоріи и *брать въ плѣнъ тѣхъ, которые насъ ненавидятъ и которые могутъ нанести намъ ущербъ, невозможно... Мы должны уничтожать!*»

III.

Уже во время франко-прусской кампаніи было установлено, что нѣмцы не считаютъ себя обязанными соблюдать тѣ законы и обычаи войны, которыми руководились всѣ другіе культурные народы. Тогда, какъ и теперь, бомбардируя французскіе города, нѣмцы направляли выстрѣлы своихъ тяжелыхъ орудій преимущественно на различныя общественныя учрежденія и помѣщенія, отмѣченныя флагами Краснаго Креста.

Въ Страсбургѣ, во время моего пребыванія тамъ, я видѣлъ, какъ десятки каменщиковъ работали надъ починкой башни знаменитаго Страсбургскаго собора, верхняя часть которой была разрушена нѣмецкими бомбами.

Вторымъ пострадавшимъ отъ нѣмецкихъ снарядовъ былъ древній храмъ св. Ѳомы, у котораго былъ выбитъ цѣлый уголъ.

Рядъ снарядовъ затѣмъ былъ направленъ въ національную библіотеку, славившуюся своими книжными богатствами; одинъ изъ такихъ снарядовъ, засѣвшій въ наружной стѣнѣ библіотеки,

---

[1]) «Утро Сибири». 22 августа 1914 г.

я видѣлъ собственными глазами. Нѣсколько подобныхъ же торчали и въ стѣнахъ частныхъ домовъ. Завладѣвъ Страсбургомъ, нѣмцы очень желали удалить эти снаряды, чтобы сгладить въ памяти жителей ужасы осады, но упрямые страсбуржцы не соглашались, и нѣмцы, боясь раздражать своихъ новыхъ подданныхъ, должны были уступить.

А вотъ что писала въ своихъ мемуарахъ знаменитая Сарра Бернаръ о страшныхъ дняхъ осады Парижа, пережитыхъ ею въ 1871 году, подъ гулъ бомбардировки.

«Съ 1-го января я всѣ дни и ночи проводила въ лазаретѣ. Въ ночь на 1-е бомбардировка была особенно сильна. Съ вечера снаряды летѣли въ нашу сторону. У насъ дрожали стѣны, дребезжали окна. Я отправилась къ раненымъ. Они были спокойны.

«Бомбардировка продолжалась всю ночь до шести часовъ утра. Съ утра къ намъ начали доставлять раненыхъ. Днемъ возобновился обстрѣлъ города, и мы замѣтили, что именно флагъ съ краснымъ крестомъ, развѣвавшійся надъ нашимъ лазаретомъ, и былъ цѣлью непріятельскихъ снарядовъ. Ночью снаряды рвались особенно близко около лазарета. Одинъ разорвался подъ нашимъ окномъ, и горячій воздухъ ударилъ въ насъ такъ, что одинъ моментъ намъ показалось, будто мы ранены».

«Никогда,—пишетъ Бернаръ далѣе,—не забуду одной страшной картины: одному нашему раненому стало плохо, и мы послали съ рецептомъ въ аптеку мальчика, помощника санитара. Я подошла къ окну и крикнула ему: «Только скорѣй, Тото, скорѣй!» Тото вприпрыжку побѣжалъ въ аптеку на углу улицы Медичи.

«Было около шести часовъ вечера. Тото пробѣжалъ четыре или пять метровъ и обернулся къ моему окну. Я еще разъ крикнула ему: «Возвращайся скорѣй, Тото!» Бѣдняга! Едва онъ открылъ ротъ, чтобы мнѣ отвѣтить, какъ снарядъ упалъ рядомъ съ нимъ, подскочилъ, не взорвавшись, на метръ вверхъ и ударилъ ребенка въ грудь.

«Я такъ закричала, что ко мнѣ бросились всѣ. Я ничего не могла сказать. Я растолкала всѣхъ и бросилась внизъ по лѣстницѣ, бормоча какія-то слова: «Мальчикъ, аптекарь, снарядъ»... О, какой это былъ ужасъ! Когда мы подошли къ ребенку, всѣ его внутренности были вывернуты, вся грудь, все лицо были обращены въ кровавую массу. Ни глазъ, ни носа, ни рта... Ничего, кромѣ кровавыхъ кусковъ, на концѣ которыхъ сохранились еще волосы»... [1]).

Затѣмъ, во время франко-прусской войны, нѣмцы разстрѣливали взятыхъ въ плѣнъ «вольныхъ стрѣлковъ» (Franc-tireurs), не признавая ихъ воинами, сражавшимися за свое отечество, а при-

---

[1]) «Русское Слово», 4 февр. 1915 г.

равнивая къ бандамъ вооруженныхъ разбойниковъ, и вѣшали тѣхъ мирныхъ гражданъ, которые давали имъ пріютъ.

Жестокая ненависть къ вольнымъ стрѣлкамъ объяснялась тѣмъ, что нѣмцы страшно боялись ихъ, подобно тому, какъ теперь они ненавидятъ и боятся нашихъ казаковъ. Стрѣлки, отлично знакомые съ мѣстностями, въ которыхъ оперировали, сильно вредили нѣмцамъ: они появлялись всегда внезапно, то въ тылу непріятеля, то на путяхъ его обозовъ, снимали нѣмецкіе секреты, часовыхъ, портили пути сообщеній и т. п., и притомъ были почти неуловимы.

Такимъ образомъ, зачатки нѣмецкихъ звѣрствъ были подмѣчены уже во время франко-прусской кампаніи. Если они тогда не достигли той степени совершенства, которая наблюдается въ настоящую войну, то причины понятны. Сорокъ лѣтъ тому назадъ нѣмецкій геній не изобрѣлъ еще такихъ превосходныхъ орудій смерти и истребленія, какъ «чемоданы», сносящіе цѣлыя зданія, бомбы, начиненныя удушающими газами, снаряды, выбрасывающіе на непріятелей мины и струи горящаго бензина, подводныя лодки, цеппелины, таубе и т. п.

IV.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія нѣмцы въ Германіи относились къ намъ, русскимъ, крайне любезно и предупредительно. Въ то время они еще не знали Россіи. Она представлялась имъ полумиѳической страной безграничныхъ, бездорожныхъ степей, занесенныхъ снѣгомъ, сплошной «Сибирью», съ ужасными морозами, заселенной страшными, пьяными мужиками, кровожадными казаками и повсюду бродящими медвѣдями.

Въ нѣмецкихъ юмористическихъ журналахъ Россія обычно и изображалась медвѣдемъ съ кнутомъ въ лапѣ, и этого медвѣдя очень боялись.

Какія изумительно-нелѣпыя представленія о нашей родинѣ существовали даже среди нѣмецкихъ профессоровъ, можно судить по слѣдующему примѣру.

Послѣ смерти казанскаго профессора Е. Ф. Аристова освободилась каѳедра описательной анатоміи, и нашъ медицинскій факультетъ былъ озабоченъ пріисканіемъ ему достойнаго преемника. Въ то время находился въ ученой командировкѣ за границей ассистентъ хирургической госпитальной клиники докторъ В. Д. Владимировъ. Онъ работалъ въ Тюбингенѣ, въ анатомическомъ институтѣ извѣстнаго профессора Люшка. Узнавъ объ открывшейся въ Казани вакантной каѳедрѣ, профессоръ Люшка высказалъ доктору Владимирову желаніе занять эту каѳедру. Такой выдающійся ученый, какъ Люшка, явился бы, конечно, весьма

цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашего университета. Началась по этому поводу оживленная переписка, но дѣло окончилось ничѣмъ, такъ какъ оказалось, что Люшка вовсе не намѣренъ былъ покидать Тюбингена и распустилъ слухи о своемъ переходѣ въ Казань для того, чтобы попугать свое начальство, долго не производившее его въ ординарные профессора.

Вспоминая впослѣдствіи съ негодованіемъ этотъ эпизодъ своей тюбингенской жизни, д-ръ Владимировъ сообщалъ о немъ слѣдующія подробности. Профессоръ Люшка, не знавшій ни одного русскаго слова, выразивъ желаніе получить каѳедру въ Казани, обѣщалъ научиться русскому языку и просилъ выписать необходимыя для этого пособія. Разспрашивая Владимирова о томъ, что такое представляетъ собою Казань, Люшка былъ крайне удивленъ, услышавъ, что Казань—большой городъ, что въ немъ, кромѣ университета, находится духовная академія и цѣлый рядъ другихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, имѣются театръ, клубы, ведется обширная торговля; что лѣто въ Казани хотя и смѣняется зимою съ обильными снѣгами, но жители не замерзаютъ, такъ какъ живутъ въ теплыхъ домахъ, а на улицу выходятъ въ теплыхъ шубахъ и т. д.

Самъ ученый профессоръ представлялъ себѣ Казань почему-то «высокой горой, на которой помѣщались университетъ и нѣсколько маленькихъ домиковъ-жилищъ профессоровъ и студентовъ, а вокругъ горы разъѣзжали казаки на маленькихъ лошадкахъ», вѣроятно, съ цѣлью охраны профессоровъ и студентовъ отъ сосѣднихъ дикихъ племенъ и бродячихъ медвѣдей.

Это, господа, не анекдотъ, а несомнѣнный фактъ.

Я упомянулъ уже, что нѣмцы боялись Россіи, война съ нею представлялась имъ немыслимой. Позвольте привести вамъ одинъ разговоръ, который я имѣлъ съ крупнымъ промышленникомъ, характеризовавшій взгляды на этотъ вопросъ среднихъ, интеллигентныхъ слоевъ германскаго общества.

Возвращаясь изъ-за границы осенью 1871 года, я остановился въ Бреславлѣ, славившемся производствомъ готоваго бѣлья и платья. Нуждаясь въ нѣкоторыхъ принадлежностяхъ туалета, я зашелъ въ одинъ магазинъ, выбралъ нужныя мнѣ вещи, стоившія 9 марокъ, и въ уплату подалъ хозяину золотой въ 20 марокъ. Выдавъ мнѣ сдачу и завертывая покупку, торговецъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Вы, русскіе, стали очень скупы.

— Отчего вы думаете, что я русскій?—спросилъ я его.

— У васъ очень чистый выговоръ, такъ говорятъ по-нѣмецки только русскіе да поляки.

— Да, я русскій, но почему вы сказали, что мы стали скупы?

— Въ этомъ я убѣждаюсь собственнымъ опытомъ,—прежде русскій бояринъ (Bojar) покупалъ на 100—200 марокъ, а теперь вотъ всего на 9.

— Ну, я не бояринъ, да и ихъ у насъ немного, въ общемъ же мы народъ небогатый, вѣдь мы не получили, подобно вамъ, нѣмцамъ, контрибуціи въ 5 милліардовъ.

— Ахъ, не напоминайте намъ объ этой ужасной войнѣ и объ этихъ милліардахъ, они принесли Германіи только одно горе и разореніе.

— Какъ такъ?—удивился я.

— Да судите сами: война унесла у насъ десятки тысячъ молодыхъ, здоровыхъ и сильныхъ работниковъ, оставившихъ сотни тысячъ вдовъ и сиротъ, и изъ тѣхъ, которые вернулись на родину, оказалась масса искалѣченныхъ, неспособныхъ къ труду; цѣлыя отрасли торговли и промышленности пали вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ. Скажу о себѣ: до войны мои торговые обороты доходили до 300 тысячъ марокъ въ годъ, а теперь эти обороты едва достигаютъ 30—40 тысячъ; прежде у меня работали 30 приказчиковъ, а теперь три. Французскіе милліарды пошли на постройку и вооруженіе крѣпостей, награды генераламъ и другіе военные расходы, въ народныя же массы изъ нихъ протекли гроши.

— Ну,—улыбаясь, успокаивалъ я его:—не тужите, попробуйте поправить свои дѣла, объявивъ войну Россіи, окончите ее такъ же быстро и побѣдоносно и наложите на насъ контрибуцію. Конечно, уплатить такую колоссальную сумму, какъ 5 милліардовъ, мы не можемъ, но все же...

— О нѣтъ,—горячо прервалъ онъ меня:—война съ Россіей невозможна.

— Почему?

— Да уже по тому одному, что мы почти не знаемъ вашей страны и не можемъ, слѣдовательно, ни на что разсчитывать въ ней, безъ опасенія непоправимымъ ошибокъ.

Такъ разсуждало въ то время большинство благоразумныхъ нѣмцевъ.

Съ тѣхъ поръ обстоятельства рѣзко измѣнились. Нѣмцы скоро поняли невыгоды своего незнакомства съ великой восточной сосѣдкой. И принялись всесторонне изучать ее. Сорокъ слишкомъ лѣтъ употребили они на это дѣло и сдѣлали его, надо сознаться, вполнѣ основательно.

Они хорошо оцѣнили наши добродушіе и довѣрчивость, нашу горячую порывистость рядомъ съ непривычкой къ упорному, настойчивому труду, наше неумѣніе пользоваться своими безконечными природными богатствами, нашу сельско-хозяйственную, промышленную и экономическую отсталость и широко использовали ихъ въ интересахъ фатерланда. Тысячами разселились они вдоль

нашихъ границъ и стратегическихъ путей сообщенія, вблизи нашихъ крѣпостей; пріобрѣли, при посредствѣ нѣмецкихъ банковъ, сотни тысячъ плодороднѣйшихъ земель, пробрались въ составъ нашей администраціи и общественныхъ управленій; захватили въ свои цѣпкія руки нашу торговлю и промышленность, а затѣмъ приняли всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить Германіи въ будущемъ и военные успѣхи.

Благодаря возмутительному закону о «двойномъ подданствѣ», эти новые «русскіе граждане», присягавшіе въ вѣрности кайзеру, присягали также и русскимъ государямъ, а потомъ измѣняли послѣднимъ самымъ гнуснымъ образомъ.

Свои жилища нѣмцы превратили въ ряды укрѣпленныхъ пунктовъ, съ вышками для наблюденій, съ бойницами для ружей, съ подземными телефонами; окружающіе участки перерыли рвами, волчьими ямами и т. д. Организовавъ затѣмъ широкую систему шпіонажа, наши «вѣрноподданные» нѣмцы сообщали германскому генеральному штабу необходимыя для его соображеній свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ.

Въ то время, когда нѣмцы въ Россіи овладѣвали ею мирнымъ путемъ, Германія усиленно готовилась къ войнѣ съ нами: строился грозный военный флотъ, усиливались крѣпости, изготовлялись колоссальныя орудія и боевые снаряды, увеличивался составъ армій, собирались огромные запасы продовольствія и пр.

И вотъ, лѣтомъ прошлаго года императоръ Вильгельмъ рѣшилъ, что настала пора разгромить Россію. Онъ, конечно, хорошо понималъ, что война должна будетъ вестись одновременно какъ съ Россіей, такъ и съ ея союзницей Франціей, но выбранный моментъ представлялся ему наиболѣе благопріятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: Россія, какъ онъ полагалъ, была не только сильно ослаблена японской войной, но и раздираема революціоннымъ движеніемъ и забастовками рабочихъ, вызванными, кстати сказать, нѣмецкой провокаціей и поддерживаемыми нѣмецкимъ капиталомъ. Кромѣ того, Вильгельмъ имѣлъ въ виду натравить на Россію еще Турцію и заставить, такимъ образомъ, сражаться на три фронта.

Положеніе дѣлъ во Франціи, гдѣ происходили волненія, вызванныя закономъ о трехлѣтнемъ срокѣ службы въ войскахъ, казалось, тоже благопріятствовало затѣѣ кайзера, и онъ рѣшилъ одновременно съ Россіей раздавить и ея союзницу, проведя свои войска во Францію кратчайшимъ и наиболѣе удобнымъ путемъ— черезъ нейтральную Бельгію.

Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что маленькая Бельгія не посмѣетъ противиться его замысламъ. Но при этихъ разсчетахъ кайзеръ, во-первыхъ, совершенно упустилъ изъ виду Англію, обязавшуюся охранять нейтралитетъ Бельгіи, а, во-вторыхъ, подбивъ Австрію

выступить противъ Россіи, не учелъ надлежащимъ образомъ положеніе третьяго члена тройственнаго согласія—Италіи.

И вотъ, совершенно неожиданно для него, съ одной стороны, образовалось тройственное согласіе, къ которому примкнули Бельгія, Сербія, Черногорія и Японія, а съ другой—изъ состава тройственнаго союза вышла Италія.

Тевтонскія полчища ринулись въ Бельгію, чтобы кратчайшимъ и наиболѣе легкимъ, какъ имъ казалось, путемъ проникнуть во Францію и овладѣть Парижемъ. Но крошечная Бельгія, во главѣ со своимъ героемъ-королемъ, храбро выдержала первый натискъ во много разъ превосходившихъ по численности ея войска нѣмецкихъ армій и, задержавъ наступленіе ихъ, дала возможность Франціи и Англіи сосредоточить свои войска на театрѣ военныхъ дѣйствій. Благодаря подавляющему численному превосходству нѣмцевъ, въ первый періодъ войны имъ удалось захватить и раззорить не только Бельгію, но и часть сѣверныхъ департаментовъ Франціи, тѣмъ не менѣе конечная цѣль Вильгельма—овладѣть Парижемъ—не достигнута доселѣ. Въ настоящее время нѣмецкому засилью здѣсь, повидимому, наступаетъ конецъ. Союзники все болѣе и болѣе вытѣсняютъ нѣмцевъ изъ занятыхъ ими областей, войска ихъ таютъ съ каждымъ днемъ, войска же союзниковъ, напротивъ, увеличиваются, благодаря подвозу свѣжихъ частей, главнымъ образомъ добровольцевъ изъ Англіи и колоній, прекрасно обученныхъ и вооруженныхъ.

Грозный германскій флотъ частью погибъ въ бояхъ съ англійскимъ, частью запертъ имъ въ гаваняхъ. Большая часть торговаго флота уничтожена, и на дняхъ объявлена блокада Германіи, благодаря которой она будетъ лишена послѣдней возможности получать необходимые продовольственные припасы и матеріалы для боевыхъ снаряженій.

Еще менѣе удалось кайзеру его намѣреніе разгромить Россію. Взамѣнъ того, вся Германія выждена теперь довольствоваться сокращенными порціями знаменитаго «военнаго хлѣба» пополамъ съ картофелемъ въ ожиданіи вкусныхъ суповъ и кашъ изъ соломы, рекомендуемыхъ однимъ германскимъ профессоромъ.

Еще хуже, чѣмъ на прусскомъ, положеніе нѣмцевъ на австрійскомъ театрѣ войны, гдѣ наши войска ежедневно бьютъ своихъ противниковъ, потерявшихъ не менѣе милліона людей убитыми, ранеными и плѣнными, не говоря уже объ орудіяхъ, снарядахъ и проч., которые цѣлыми поѣздами отправляются въ Россію.

Не помогла Вильгельму и Турція. Разгромъ турецкихъ полчищъ нашими славными кавказскими войсками и бомбардировка союзнымъ флотомъ Дарданеллъ, несомнѣнно, скоро покончатъ съ «больнымъ человѣкомъ».

Исторія Германіи за послѣднее пятидесятилѣтіе весьма поучительна. Она показываетъ, что истинный прогрессъ возможенъ только при одновременномъ гармоничномъ развитіи какъ внѣшней, матеріальной, такъ и внутренней, моральной, культуры. Если же послѣдняя приносится въ жертву первой, если въ погонѣ за матеріальными благами люди забываютъ требованія гуманности, чести, нравственнаго долга, то они неизбѣжно будутъ вырождаться нравственно.

Такое вырожденіе мы и наблюдаемъ въ Германіи. Нѣмцы, какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ назадъ считавшіеся носителями европейской культуры—«культуртрегерами», превратились теперь въ первобытныхъ дикарей, отринувшихъ всѣ законы и обычаи войны, установленные цивилизованными государствами. Ложь, клевета, подкупъ, грабежъ, разрушеніе беззащитныхъ городовъ, взрывы нейтральныхъ судовъ, изнасилованіе женщинъ, убійства ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ, не исключая дряхлыхъ стариковъ и дѣтей, пристрѣливаніе и истязаніе плѣнныхъ—вотъ далеко не полный списокъ варварскихъ дѣяній, навѣки опозорившихъ нѣмцевъ.

Но уже недалекъ, повидимому, часъ возмездія, когда «Великая Германская имперія», слитая Бисмаркомъ изъ различныхъ нѣмецкихъ королевствъ и герцогствъ, съ Эльзасомъ и Лотарингіей въ придачу, разлѣзется по швамъ, тевтонское могущество сдѣлается миѳомъ, и униженный, разоренный, всѣми ненавидимый и презираемый нѣмецкій народъ будетъ проклинать кроваваго кайзера и кровавыми слезами оплакивать свои невознаградимыя потери.

Н. Ѳ. Высоцкій.

ПРОФЕССОРЪ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ СОКОЛОВЪ.

(Къ двадцатипятилѣтію его педагогической и учено-литературной дѣятельности).

Исполнилось 26-го сентября сего года двадцатипятилѣтіе педагогической и учено-литературной дѣятельности сотрудника «Историческаго Вѣстника», выдающагося русскаго византолога, ординарнаго профессора петроградской духовной академіи по каѳедрѣ исторіи греко-восточной церкви, доктора церковной исторіи Ивана Ивановича Соколова. Почтенный юбиляръ—сынъ священника села Новой Алексѣевки Саратовскаго уѣзда и губерніи, учился въ саратовскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи, по окончаніи которой былъ отправленъ на казенный счетъ въ казанскую духовную академію. Окончивъ курсъ академіи въ 1890 году первымъ кандидатомъ-магистрантомъ, Иванъ Ивановичъ, какъ лучшій студентъ курса, былъ оставленъ при академіи на годичный срокъ, по 15-го августа 1891 года, профессорскимъ стипендіатомъ при каѳедрѣ общей церковной исторіи, подъ руководствомъ профессора Ѳ. А. Курганова. Почти весь стипендіатскій годъ Иванъ Ивановичъ провелъ въ научныхъ занятіяхъ въ Москвѣ и Петроградѣ, гдѣ слушалъ въ университетѣ лекціи извѣстнаго византолога-историка, академика В. Г. Васильевскаго. Вмѣстѣ со стипендіатскимъ отчетомъ, въ іюнѣ 1891 года И. И. Соколовъ представилъ въ совѣтъ казанской академіи магистерскую диссертацію, подъ заглавіемъ: «Состояніе монашества въ византійской церкви съ по-

ловины IX вѣка до начала XIII вѣка (842—1204 гг.)», за которое, по надлежащей защитѣ на публичномъ коллоквіумѣ, и былъ удостоенъ совѣтомъ казанской академіи ученой степени магистра богословія и утвержденъ въ этомъ званіи Святѣйшимъ Синодомъ 15-го іюля 1894 года. Сверхъ сего, въ 1896 году И. И. Соколовъ за названную диссертацію былъ удостоенъ Св. Синодомъ полной преміи имени высокопреосвященнаго митрополита московскаго Макарія. Степень магистра богословія открыла молодому ученому переходъ въ столичную духовную семинарію (съ 19-го ноября 1894 года), а затѣмъ (съ 11-го октября 1903 года) и въ столичную духовную академію на вновь открытую въ академіи каѳедру исторіи греко-восточной церкви отъ раздѣленія церквей (вмѣстѣ съ исторіей церкви грузинской). Его избраніе было произведено единогласнымъ рѣшеніемъ совѣта академіи. Вступленію И. И. Соколова на академическую каѳедру уже предшествовала напряженная и серьезная дѣятельность въ излюбленной имъ спеціальности. Въ столицѣ ему представилась полная возможность продолжать начатыя еще на студенческой скамьѣ занятія по византологіи, особенно когда онъ вошелъ въ тѣсное общеніе съ столичнымъ византологическимъ кружкомъ. По приглашенію академика В. Г. Васильевскаго, И. И. принялъ участіе въ журналѣ академіи наукъ «Византійскій Временникъ», гдѣ въ теченіе 1895—1904 годовъ систематически велъ критико-библіографическій обзоръ русской и по временамъ греческой литературы по византологіи. Съ 1902 года И. И. Соколовъ началъ съ того времени уже не прекращавшіяся свои путешествія съ научными цѣлями на православный Востокъ, куда неоднократно ѣздилъ и по собственному почину, и по порученію церковной власти. Въ 1904 году удостоенъ степени доктора церковной исторіи за капитальное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. Т. I. Спб. 1904». Въ томъ же году названное изслѣдованіе совѣтомъ петроградской духовной академіи удостоено академической преміи Чубинскихъ, а въ 1906 г. Св. Синодомъ—преміи митрополита Макарія. Съ 25-го октября 1904 года Иванъ Ивановичъ получилъ званіе ординарнаго профессора.

Имѣя въ виду указать лишь важнѣйшіе изъ учено-литературныхъ трудовъ профессора И. И. Соколова, остановимся на тѣхъ, кои имѣются въ отдѣльномъ изданіи: «О византинизмѣ въ церковно-историческомъ отношеніи» (П. 1913), «Избраніе патріарховъ въ Византіи съ половины IX до половины XV в.» (П. 1907), «Усыновленіе и его отношеніе къ браку въ Византіи» (П. 1912), «Житіе св. Григорія Синаита, переводъ и примѣчанія» (М. 1904), «О соединеніи Восточной и Западной церквей. Къ современной характеристикѣ уніональной проблемы. П. 1911 г.», «Правовая организація Святогробскаго братства въ Іерусалимѣ 1912 г.»; «Пра-

вославный Востокъ» (вып. I), очеркъ современнаго его состоянія, въ связи съ общими задачами православія. 1912 г.»; «Православный греческій Востокъ (вып. II). Церковная жизнь на Востокѣ въ 1912 году. Избраніе новаго вселенскаго патріарха Германа V. Пріѣздъ антіохійскаго патріарха Григорія IV въ Россію. 1913 г.»; «Епархіи константинопольской церкви настоящаго времени». 1914 г. (изъ статей «Церк. Вѣд.»); «Епархіальное управленіе въ правѣ и практикѣ константинопольской церкви настоящаго времени». 1914 г. (изъ статей «Церк. Вѣд.» за 1913 г.); «Къ вопросу о приходѣ въ константинопольской церкви» (М. 1914), «Православный греческій Востокъ», вып. III. Пгр. 1915 г.»; «Антіохійская церковь. Очеркъ современнаго ея состоянія. 1914 г.»; Ἐπαρχίακὰ Ἐκκλησιδας Κωνσταντινοπόλεως. Собраніе документовъ, относящихся къ исторіи епархій константинопольской церкви отъ второй половины XV вѣка до настоящаго времени. 1915»; Ἀλεξανδρινά ἔγγραμα—документы, составляющіе приложеніе къ отдѣльному изданію «Избраніе патріарховъ александрійской церкви. 1915 г.».

Въ теченіе 1897—1904 гг. профессоръ И. И. Соколовъ велъ отдѣлъ «Вѣсти съ Востока» (подписываясь обычно И. Византійскій) и точностью и разносторонностью свѣдѣній обратилъ вниманіе и греческаго Востока, и инославнаго Запада. На Востокѣ перепечатывали статьи Византійскаго и съ удовольствіемъ отмѣчали поворотъ въ сужденіяхъ русской печати о Востокѣ. Эти статьи—въ своей совокупности—немало способствовали перемѣнѣ отношеній между Востокомъ и Россіей, установивъ, хотя бы временно, довѣрчивыя отношенія между православными церквами. Западная же печать—преимущественно римско-католическая—пользовалась сообщеніями Византійскаго для ознакомленія своихъ читателей съ положеніемъ церковныхъ дѣлъ на Востокѣ. Въ томъ же журналѣ были помѣщены научныя статьи: «О народныхъ школахъ въ Византіи» (1897 г.), «Константинопольскій патріархъ Фотій» (1900 г.) и другія.

Въ академическомъ журналѣ «Христіанское Чтеніе» послѣдовательно помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи: «Церковно-религіозная и общественно-бытовая жизнь на православномъ греческомъ Востокѣ. Историческій очеркъ» (1902 г., май, августъ и сентябрь); «Первый уставъ Халкинской богословской школы» (1913 г.); «Византологическая традиція въ с.-петербургской духовной академіи. Историческая справка» (1904 г.); «Церковная политика византійскаго императора Исаака II Ангела»; «Патріаршій кризисъ въ Константинополѣ»; «Вселенскій патріархъ Григорій VI въ его отношеніи къ общимъ канонисмамъ» (1905 г.); «Патріаршій судъ надъ убійцами въ Византіи IX—XV вв. (историческій очеркъ)»; «Печалованіе патріарховъ предъ василевсами въ Византіи IX—XV (историческій этюдъ)»; «О поводахъ

къ разводу въ Византіи (историко-правовой очеркъ 1909—1910 гг.», «Грузинскій монастырь въ Византіи» (переведена на болгарскій языкъ), «Богословскія и священническія школы на Востокѣ» (1906) и др.

Въ академическомъ еженедѣльномъ журналѣ «Церковный Вѣстникъ» профессоръ И. И. Соколовъ съ 1904 года велъ особый отдѣлъ «Лѣтопись церковной и общественной жизни за границей » (на греческомъ Востокѣ). Съ 16-го октября 1912 года по 1-е марта 1913 года состоялъ редакторомъ этого журнала, въ коемъ за этотъ періодъ и вообще напечаталъ много статей—передовыхъ и иныхъ разнообразнаго содержанія. Напримѣръ, въ 1912 году помѣщена статья «Приходъ въ Константинополѣ»; за текущій 1915 годъ въ №№ 34—35 помѣщена статья «Церковный судъ въ константинопольскомъ патріархатѣ въ современномъ его состояніи», въ № 37 статья «Константинополь и Русская церковь» и т. д.

Изъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ «Византійскій Временникъ», отмѣтимъ: «Житіе св. Аѳанасія Аѳонскаго» (1896 г., т. III, стр. 644—662); «Приконписъ, церковная его область, храмы и монастыри, митрополитъ и епископы» (1897 г., т. IV, 238—242).

Въ журналѣ «Странникъ» въ теченіе 1895—1903 гг. велъ постоянный отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Церковно-общественная жизнь на православномъ Востокѣ», а также напечаталъ статьи: «Епископъ Порфирій Успенскій и его книга «Книга бытія» (1895, апрѣль, стр. 799—808, май, стр. 140+154); («Очерки исторіи православной греко-вост. церкви». Пгр. 1901. Стр. II—346 (напечат. во 2-мъ т. «Исторіи христіанской церкви въ XIX вѣкѣ», въ приложеніи къ журналу «Странникъ», подъ ред. профессора А. П. Лопухина); «Святѣйшій Іоакимъ III, патріархъ константинопольскій. Очеркъ его жизни и дѣятельности за время перваго патріаршества» (1901 г., августъ, 145—185).

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» первую рецензію И. И. Соколовъ напечаталъ въ мартѣ 1896 г. на книгу профессора И. Д. Андреева «Константинопольскіе патріархи» и съ тѣхъ поръ не прекращалъ здѣсь своего участія, помѣщая рецензіи на книги по византологіи, а также статьи: «Замѣчательный арабскій литературно-историческій памятникъ о Россіи XVII вѣка» (1900 г., ноябрь, стр. 637—657); «Монашеская республика. Изъ наблюденій и воспоминаній о святой горѣ Аѳонской» (1903, іюнь, стр. 948—972; іюль, 163—168). (Издано и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Аѳонское монашество въ его прошломъ и современномъ состояніи». Пгр. 1903 г.). «Сношенія Россіи съ православнымъ Востокомъ»; «Расколъ въ Томскомъ краѣ»; «Расколъ въ Калужской губерніи» и друг.

Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» помѣщены слѣдующія критическія статьи: 1) Ал. Аннинскій: а) «Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники» и б) «Исторія

Иванъ Ивановичъ Соколовъ.

армянской церкви». Одесса—Кишиневъ 1899—1900 г. («Журн. М.» 1903, № 1, стр. 179—204); 2) отзывъ о книгѣ проф. А. А. Дмитріевскаго «Древнѣйшіе патріаршіе типиконы Святогробскій, Іерусалимскій и великой Константинопольской церкви» (Кіевъ, 1907 г.) («Ж. М.». 1911 г.; 3) отзывъ о сочиненіи Г. Папа-Михаила, на греческомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Св. Григорій Палама» («Ж. М.». 1913). 4) «Патріархія и храмы въ Константинополѣ отъ второй

половины XV вѣка до настоящаго времени» («Ж. М.». 1915, іюль, стр. 18—54, августъ, стр. 55—83);

«Сообщенія Императорскаго православнаго Палестинскаго общества» проф. И. И. Соколовъ редактируетъ съ 1905 года. Здѣсь онъ помѣстилъ много статей изъ исторіи церквей іерусалимской, антіохійской и александрійской. Сюда же былъ перенесенъ и отдѣлъ «Вѣсти съ православнаго Востока», гдѣ предложена почти вся новѣйшая исторія патріархатовъ іерусалимскаго и антіохійскаго. Этотъ отдѣлъ, какъ и отдѣлъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ и «Церковномъ Вѣстникѣ), имѣетъ несомнѣнное научное значеніе. Будущій историкъ церквей православнаго Востока отсюда почерпнетъ много свѣдѣній объ ихъ положеніи. Какъ греческая, такъ и западная (римско-католическая) печать заявила, что по полнотѣ и разносторонности свѣдѣній, точности и исторической достовѣрности матеріала «Сообщенія» являются единственнымъ журналомъ, коему нѣтъ въ этой области равнаго за границей. Изъ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ Иваномъ Ивановичемъ въ «Сообщеніяхъ», упомянемъ слѣдующія: «Современное управленіе іерусалимской церкви»; «О современномъ управленіи александрійской церкви»; «Особенности въ совершеніи литургіи на греческомъ Востокѣ»(1905г.); «Святогробское братство въ Іерусалимѣ». Историческій очеркъ»; «Византійскій патріархъ. Эскизъ изъ исторіи IX—XV вв.»; «Объ управленіи Синайскаго монастыря»; «Богословская школа Креста въ Іерусалимѣ. Историческій очеркъ»; «Блаженнѣйшій Мелетій, патріархъ антіохійскій» (1906 г.); «Сирійское монашество до начала VII вѣка» и многія другія.

Въ «Православномъ Собесѣдникѣ» напечатаны были, между прочимъ, статьи: «Византійско-восточное монашество въ IX—XII вв.» (1894 г., іюль); «Вселенскіе судьи въ Византіи» (1915 г., февраль, апрѣль и іюль—августъ).

Въ «Православной Богословской Энциклопедіи», издававшейся подъ редакціей проф. А. П. Лопухина и Н. Н. Глубоковскаго, Иваномъ Ивановичемъ помѣщено до восьмидесяти статей.

Въ американскомъ журналѣ «The Constructive Quarterly» напечатана статья: «Byzantium the Preserver of Orthodoxy» (1915, March, p. 66—103). Эта статья переведена и на греческій языкъ для александрійскаго журнала «Ἐκκλησιαστικὸς φάρος».

Въ 1905 г. и 1906 г. И. И. Соколовъ состоялъ дѣятельнѣйшимъ членомъ предсоборнаго присутствія, подъ предсѣдательствомъ митрополита Антонія, для предварительнаго обсужденія вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію предстоящаго помѣстнаго собора всероссійской церкви. И въ это дѣло Иванъ Ивановичъ внесъ всегда присущую ему кипучую ученую энергію и свои богатыя и разностороннія церковно-историческія познанія, а также свой тактъ, уваженіе къ мнѣнію сочленовъ, направляя свои труды къ достиженію истины ко благу церкви.

Иванъ Ивановичъ отзывался на современные религіозные запросы русскаго общества и въ повседневной свѣтской печати (въ «Петроградскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Новомъ Времени»).

Приглашенный въ 1912 году въ составъ членовъ Высочайше учрежденнаго предсоборнаго совѣщанія, проф. И. И. Соколовъ также принялъ въ трудахъ этого совѣщанія самое живое и дѣятельное участіе, приготовилъ и сообщилъ совѣщанію нѣсколько принципіальныхъ отвѣтственныхъ докладовъ. И. И. Соколовъ многократно приглашался въ качествѣ ученаго эксперта давать свои заключенія по вопросамъ о православномъ Востокѣ, обсуждавшимся въ Св. Синодѣ.

Нерѣдко (почти ежегодно) посѣщая страны православнаго Востока, проф. И. И. Соколовъ поддерживалъ постоянное письменное общеніе съ патріархами константинопольскими Іоакимомъ III и Германомъ V, патріархомъ іерусалимскимъ Даміаномъ, антіохійскимъ Григоріемъ и многими іерархами греческой церкви. Иванъ Ивановичъ имѣетъ цѣлое собраніе писемъ греческихъ іерарховъ, коему принадлежитъ историческое значеніе. За ученые труды получилъ отъ патріарха Іоакима III оффицію «архонта іеромнимона апостольскаго вселенскаго патріаршаго престола», отъ патріарха іерусалимскаго Даміана—«архонта протонотарія апостольскаго іерусалимскаго патріаршаго престола» и золотой крестъ съ частицею Животворящаго Древа Креста Господня; отъ греческаго короля имѣетъ орденъ Спасителя второй степени; состоитъ членомъ ученыхъ учрежденій и обществъ—русскихъ и греческихъ.

Академія помнитъ, какъ проф. И. И. Соколовъ блестящею (сказанною на память) рѣчью на греческомъ языкѣ (коимъ профессоръ владѣетъ въ совершенствѣ) привѣтствовалъ (въ февралѣ 1913 г.) въ академическомъ актовомъ залѣ антіохійскаго патріарха Григорія IV. Впечатлѣніе было сильное и величественное, достойное важности исключительнаго историческаго момента!

Каѳедра «Исторіи православной греко-восточной церкви отъ раздѣленія церквей до настоящаго времени» съ 1903 года была только въ столичной академіи. И. И. Соколовъ сумѣлъ дать предмету строго научную постановку. Пятому отдѣлу предсоборнаго присутствія онъ предложилъ докладъ «О необходимости учрежденія въ нашихъ духовныхъ академіяхъ каѳедры исторіи...» Докладъ переведенъ на греческій языкъ и помѣщенъ въ іерусалимскомъ журналѣ «Νέα Σιών» 1910 и 1911 гг. Нынѣ каѳедра «Исторіи греко-восточной церкви» существуетъ во всѣхъ четырехъ академіяхъ.

Таковъ далеко неполный итогъ двадцатипятилѣтней ученолитературной дѣятельности профессора И. И. Соколова, коею онъ уже при жизни создалъ себѣ «памятникъ нерукотворный». Изумительно уже самое количество написаннаго юбиляромъ. Нѣкоторыми выражаются пожеланія, чтобы увидѣло свѣтъ пол-

ное изданіе сочиненій Ивана Ивановича. Если бы удалось осуществить это совершенно законное пожеланіе, то мы имѣли бы не менѣе 8—10 солидныхъ томовъ собранія названныхъ сочиненій... Но, конечно, дѣло здѣсь далеко не въ одномъ количествѣ напечатаннаго. Особенно важно и цѣнно ихъ исключительно высокое научное значеніе, проникающее ихъ цѣнное цѣльное міровоззрѣніе, продуманное и пережитое, ихъ глубокое идейное значеніе, ихъ полная самостоятельность—прежде всего—въ идейномъ смыслѣ.

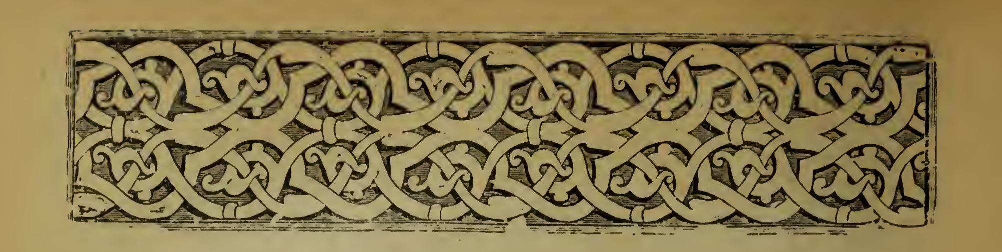
«Пора уже,—писалъ самъ И. И. Соколовъ,—отрѣшиться отъ латинскаго взгляда на греческую церковь и вмѣстѣ съ католическими учеными утверждать, будто послѣ раздѣленія на Востокѣ не стало церковной жизни, все огрубѣло и омертвѣло, просвѣщеніе погибло, имперія сдѣлалась очагомъ однихъ только революцій, заговоровъ и возстаній, истинная вѣра и нравственность погибли... Кажется, ни въ какой другой области отъ православныхъ ученыхъ не требуется столь полной и совершенной самостоятельности, какъ въ разработкѣ исторіи греко-восточной православной церкви. Горькій и продолжительный опытъ долженъ былъ всѣхъ убѣдить, что ни католическіе, ни протестантскіе ученые не могутъ быть нашими единомышленниками на этомъ ученомъ поприщѣ». Къ этимъ совершенно справедливымъ словамъ, со своей стороны, присоединимъ указаніе на ставшій теперь уже безспорнымъ фактъ сознательнаго нѣмецкаго вліянія въ отрицательномъ смыслѣ въ указанномъ отношеніи... По понятнымъ теперь уже для всѣхъ причинамъ со стороны нѣмецкой науки всѣми способами внушалось предубѣжденіе противъ Византіи и ея исторіи, въ частности и церковной... Насъ стремились загипнотизировать — и достигли этого—другими, чуждыми намъ вліяніями, желая оторвать насъ отъ исторической самобытной и самостоятельной почвы. Къ чести ученаго юбиляра слѣдуетъ отнести, прежде и болѣе всего, что онъ не поддался этому почти всеобщему гипнозу, не измѣнялъ исторической и жизненной правдѣ нашего церковнаго національнаго самоопредѣленія, смѣло взялъ правильный курсъ и не измѣнилъ ему, хотя это значило итти «противъ теченія»... И. И. Соколовъ всегда и послѣдовательно защищалъ и иллюстрировалъ то положеніе, что византинизмъ—живая и плодотворная культурная сила, создавшаяся на основѣ православія и воплотившая реальное его осуществленіе въ опредѣленной исторической средѣ. Византинизмъ не умеръ послѣ паденія имперіи въ 1453 году, но и теперь живетъ въ церковной жизни греческаго Востока, которая во многихъ отношеніяхъ отражаетъ высоту прошлаго и осуществляетъ реально-живительныя начала православія. Византія и православный Востокъ вообще заслуживаютъ уваженія и любви по своей горячей преданности православію, защитѣ точности (акривіи) догматовъ и каноновъ въ ихъ неприкосновенности, по высотѣ правовыхъ настроеній, жизнен-

ности моральныхъ началъ, развитію просвѣщенія и науки, организованности внутреннихъ церковныхъ отношеній. Въ сочиненіи о византійскомъ монашествѣ показалъ духовную его красоту и выяснилъ плодотворное значеніе въ исторіи Византіи. Обстоятельства уже показали съ неумолимою силою, кто былъ правъ... «И. И. Соколовъ любитъ православную восточную церковь, и эта-то любовь его къ ней нудитъ его заниматься изслѣдованіемъ ея судебъ, съ тѣмъ, чтобы представить исторію ея въ подлинно объективномъ свѣтѣ, безъ тенденціозныхъ мрачныхъ преувеличеній темныхъ ея сторонъ, однакожъ и безъ умалчиванія объ этихъ темныхъ сторонахъ ея жизни. Онъ старается дать имъ лишь должное освѣщеніе. Въ его описаніи страждущая православная церковь Востока является именно страждущею и святою церковью, обрѣтающею крѣпость своею во Христѣ, Главѣ ея» (проф. Ѳ. А. Кургановъ).

Одушевленный таковою высокою любовью, И. И. Соколовъ съ благороднымъ и возвышеннымъ увлеченіемъ, съ непреклонною энергіей шелъ неустанно и бодро все впередъ, расширялъ и углублялъ поле своего научнаго изслѣдованія, ставилъ и рѣшалъ все новые и новые вопросы путемъ тщательнаго изученія источниковъ— историческихъ, правовыхъ въ ихъ подлинникахъ, благодаря прекрасному знанію греческаго и особенно весьма труднаго византійскаго языка, каковымъ знаніемъ владѣютъ лишь очень и очень немногіе въ Россіи. Идя навстрѣчу современнымъ научнымъ требованіямъ, И. И. Соколовъ обратилъ самое серьезное вниманіе на рукописное преданіе и изучалъ византійскія и новогреческія рукописи не только въ библіотекахъ Москвы и Петрограда, но и въ архивахъ и библіотекахъ Константинополя, Аѳона, Аѳинъ, Александріи, Каира, Іерусалима и Дамаска. Рукописное преданіе является главнымъ фондомъ въ нѣкоторыхъ трудахъ юбиляра, каковы—докторская его диссертація, а также «Избраніе александрійскихъ патріарховъ» и друг. По всему этому понятно, что ученые труды проф. И. И. Соколова составляютъ «эпоху въ изученіи исторіи греко-восточной церкви» по основательности, широтѣ, самостоятельности и новизнѣ изслѣдованія.

Почтенный юбиляръ находится еще въ полнотѣ физическихъ силъ, преисполненъ живой и бодрой рѣшимости работать и впредь съ неослабной энергіей въ излюбленной имъ спеціальности, гдѣ онъ является полноправнымъ хозяиномъ и признаннымъ авторитетомъ. Желая профессору-подвижнику науки полнаго успѣха въ научныхъ работахъ на долгіе годы, выражаемъ твердую надежду, что онъ подаритъ науку еще многими достойными его пера и ученой компетентности трудами для торжества исторической правды и на пользу устроенія, на истинно-каноническихъ и надежныхъ основахъ, нашей церковной жизни.

Проф. С. Заринъ.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ.

I.

Отходъ парохода Мурманскаго о-ва «Королева Ольга Константиновна» на Новую Землю.—Краткая исторія колонизаціи Новой Земли.—Путь до перваго становища.—Бѣлушья губа.—Освященіе часовни.—«Птичій базаръ».

ПАРОХОДЪ Мурманскаго общества «Королева Ольга Константиновна» приготовляется къ отплытію отъ Соборной пристани въ Архангельскѣ внизъ по Двинѣ, чрезъ Бѣлое море, въ Ледовитый океанъ для совершенія очередного рейса на Новую Землю. Пароходъ запоздалъ отходомъ. Всѣмъ надоѣло ожиданіе, и работа по ошвартовкѣ идетъ быстро и оживленно. На носу парохода слышна сдержанная, любовная перебранка между отъѣзжающей партіей плотниковъ, матросами и провожающими ихъ земляками...

Наконецъ пароходъ грузно поворачиваетъ по теченію и все быстрѣе и быстрѣе начинаетъ отдаляться отъ пристани. Вотъ уже лица провожающихъ расплылись въ неясныя пятна, одна за другой исчезаютъ машущія платками руки, а все кажется, что еще чего-то не хватаетъ; не было чего-то, что бываетъ при всѣхъ проводахъ... И тутъ вы вспоминаете, что не были произнесены столь знакомыя всѣмъ отъѣзжающимъ избитыя, но непремѣнныя при разставаніи слова: «пишите», «телеграфируйте».

Да, эти слова были бы не къ мѣсту въ нашемъ путешествіи. Никакая сила міра не была уже въ состояніи перенести вѣстей ни вамъ, ни о васъ изъ того края, куда шелъ пароходъ, который является единственнымъ звеномъ, связующимъ нашу русскую гра-

ницу въ Ледовитомъ океанѣ, островъ Новую Землю, съ остальнымъ міромъ.

А, между тѣмъ, въ эту страну, гдѣ полгода не бываетъ свѣта, добровольно идутъ люди. Одни, какъ самоѣды, думаютъ, что тамъ имъ будетъ не хуже, чѣмъ вездѣ, другіе (промышленники), что тамъ лучше, а третьи, какъ всѣ наши отважные изслѣдователи, скромные ученые и просто разные люди, авантюристы въ лучшемъ смыслѣ этого слова, идутъ туда потому, что тамъ—ново, тамъ—Новая Земля... Одни изъ нихъ гибнутъ и оставляютъ о себѣ потомству вѣчную память, другіе—просто гибнутъ и нигдѣ нѣтъ о нихъ памяти. И только духъ ихъ, очевидно, живъ еще въ потомствѣ до сихъ дней. Сейчасъ гдѣ-то скитается по Новой Землѣ экспедиція Русанова, останки Сѣдова похоронены тамъ же. Легендарными разсказами и свидѣтельствами иностранныхъ мореплавателей (напр., Баренца въ концѣ XVI вѣка) утверждается, что Новая Земля была извѣстна нашимъ новгородцамъ еще въ XI вѣкѣ, а въ XVIII отважный новгородецъ Савва Лошкинъ впервые на самодѣльномъ парусникѣ, по собственному почину, обошелъ въ два съ половиной года вокругъ всего острова, заходя на утломъ суденышкѣ до семьдесятъ восьмой параллели сѣверной широты.

Въ настоящее время Новая Земля, въ связи съ путешествіемъ туда великаго князя Алексѣя Александровича, который побывалъ тамъ въ 1870 году, входитъ также въ кругъ административныхъ заботъ правительства. Заботъ же этотъ островъ требуетъ не мало, главнымъ образомъ по охранѣ его отъ норвежцевъ, которые съ открытіемъ навигаціи обыкновенно раньше насъ поспѣваютъ туда и вывозятъ драгоцѣнные мѣха, сало и другую добычу звѣрового промысла. Трудно, конечно, говорить объ успѣшномъ охраненіи, когда наше единственное сторожевое судно «Баканъ», дряхлѣетъ съ каждымъ годомъ и, неся охранную службу, дѣлаетъ девять узловъ въ часъ, а обыкновенный норвежскій «траулеръ» минимумъ—двѣнадцать-четырнадцать. Затѣмъ, какъ мѣра, фактически ведущая къ осуществленію нашихъ правъ на владѣніе Новой Землею, правительствомъ была предпринята колонизація острова.

Условія, на которыхъ ведется колонизація края, собственно говоря, еще до сихъ поръ служатъ предметомъ разработки, безпрестанно измѣняясь въ деталяхъ, но въ сущности сводятся къ слѣдующему: каждому пожелавшему (самоѣду или крестьянину) переселиться на Новую Землю правительство выдаетъ 350 рублей ссуды (сумма, между прочимъ, признанная всѣми недостаточною) и снабжаетъ строительнымъ матеріаломъ и запасомъ провизіи въ счетъ будущей выручки за предстоящій промыселъ. Колонистъ, въ свою очередь, обязуется весь свой промыселъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ (шкуры медвѣжьи, песцовыя, олеьи, сало нерпичье и т. п.), все сдавать исключительно казнѣ и ни въ коемъ случаѣ не прода-

вать скупщикамъ ни русскимъ, ни норвежскимъ. Завѣдующіе колонизаціей устраиваютъ аукціонъ промысловой добычи, вычитаютъ задолженныя колонистами казнѣ суммы, откладываютъ десять процентовъ въ основной капиталъ, и только остатокъ (если можетъ быть вообще остатокъ) поступаетъ въ распоряженіе колониста-промышленника.

Нашъ пароходъ направлялся теперь къ этимъ оторваннымъ отъ «Большой Земли», какъ говорятъ самоѣды, людямъ. Пароходъ этотъ принадлежитъ малодѣятельному обществу Мурманскаго пароходства, субсидируемому правительствомъ въ пять тысячъ рублей за два ежегодныхъ рейса на Новую Землю. Съ этими-то рейсами и доставляется колонистамъ весь необходимый имъ провіантъ и забирается отъ нихъ добыча промысла.

Пароходъ не торопясь шелъ внизъ по Двинѣ, пропуская мимо себя панораму Архангельска, развернувшагося своими грандіозными лѣсопильными заводами почти на десять верстъ въ длину.

Было около двухъ часовъ ночи, но непривычный человѣкъ не могъ замѣтить, что день кончился. Было свѣтло, какъ днемъ. Разсѣянный свѣтъ наполнялъ воздухъ какимъ-то стальнымъ оттѣнкомъ, на фонѣ котораго всѣ силуэты казались такими нѣжными и фантастичными. Стояла сѣверная ночь въ своей зачарованной красотѣ...

На слѣдующій день пришлось выйти на палубу уже при совершенно измѣнившейся обстановкѣ. На мѣстѣ оживленныхъ картинъ теперь намѣчались чуть замѣтныя очертанія пустынныхъ береговъ. Шли «горломъ» Бѣлаго моря. Воздухъ былъ необычайно чистъ и легокъ, но пронзительный колючій вѣтеръ съ непривычки мѣшалъ дыханію. Взбудараженныя холодныя волны точно свинцомъ ударяли въ борта парохода. Солнца не было. Унылой безнадежностью повѣяло вдругъ на морѣ. Публика тоже вся преобразилась. На мѣсто котелковъ и канатье появились мѣховыя шапки нансеновскаго фасона, зюдвестки, бушлаты, фуфайки верблюжьей шерсти и на ногахъ бурки. Капитана едва удалось узнать. На мостикѣ, вмѣсто франтоватой черной куртки съ золотомъ, появилась вдругъ неуклюжая, въ мѣховой шапкѣ, замотанная шарфомъ фигура. Матросы фантастическими чучелами ходили по палубѣ, сосредоточенно и ловко дѣлая свое дѣло.

По выходѣ изъ «горла» продолжали держаться ближе къ Лапландскому берегу, плоскіе, однообразныя очертанія котораго, испещренныя пятнами нетающаго снѣга, довольно свободно достигались взглядомъ. Особенно увлекающіеся и экзальтированные изъ путешественниковъ увѣряли даже, что видятъ устья рѣкъ. Всѣ ждали мыса Городецкаго, отъ котораго пароходъ круто беретъ на сѣверо-востокъ, уже теряя вовсе изъ вида сушу съ лѣвой стороны... Съ правой временами видна Канинская земля, Канинъ носъ, и

пароходъ выходитъ на просторъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Показывается еще черезъ нѣкоторое время, при благопріятной погодѣ, съ правой стороны черная черточка острова Колгуева, а дальше пароходъ уже идетъ, не видя земли, вплоть до Бѣлушьей губы — перваго пункта назначенія на южномъ островѣ Новой Земли.

Окружающій видъ моря не представляетъ ничего привлекательнаго для глаза, и публика, мало-по-малу покидая палубу, спускалась въ каютъ-компанію и занялась преумноженіемъ доходовъ буфетчика. Такъ прошелъ почти весь день. И только, когда

Группа самоѣдовъ.

показался юго-западный берегъ Новой Земли, развернувшійся причудливымъ узоромъ на фонѣ ясно-голубого неба, всѣ выбрались на палубу. Сравнительная разряженность воздуха чуть-чуть стѣсняла дыханіе, рѣзкій вѣтеръ срывалъ и крутилъ одежду, а взглядъ не отрывался отъ облитой холодомъ дали. Ни кусты, ни деревья не покрывали дѣвственнаго пространства земли, и она раскидывала свои холодныя чары предъ нашими жадными взорами. А надъ всей этой сѣверной сказкой, какъ оберегающее красавицу око, сіяло огненно-желтымъ пятномъ полярное солнце. Оно грузно висѣло въ прозрачномъ воздухѣ. Яркое, безъ лучей, точно только что выполосканное въ суровыхъ океанскихъ волнахъ, оно напоминало собою желтокъ свѣжаго невзболтаннаго яйца.

Кто-то взглянулъ на часы. Было два часа. Но, непривычные, мы не скоро рѣшили, былъ ли то день или ночь. Очень часто случалось, что нѣкоторые собирались спать, когда другіе шли завтракать. Или, забывшись, требовали обѣда, когда была ночь и вся прислуга спала. Только по буфету и можно было установить иногда, переживаемъ ли мы день или ночь?

Тумана не было, и пароходъ относительно очень быстро шелъ, дѣлая по двѣнадцати узловъ въ часъ. Все въ окружающей природѣ постепенно перемѣнилось. Въ открытомъ океанѣ исчезъ переходный и блѣдный характеръ обстановки... Вся роскошь сѣвера раскрылась передъ глазами. Исчезли сѣрыя, мутныя волны Бѣлаго моря, исчезла тяжелая влажность воздуха; тяжелыя тучи раскрыли прозрачную нѣжность небесныхъ тоновъ; голубовато-зеленыя воды океана, хотя и бурно, но все же, казалось, ласкали пароходъ своими аквамариновыми волнами.

Пока на палубѣ публика была занята поэтическимъ созерцаніемъ величественнаго зрѣлища, на капитанскомъ мостикѣ тоже не спускали глазъ съ очертанія береговъ, но уже не съ цѣлями празднаго наслажденія, а напряженно отыскивая кое-какіе немногочисленные признаки, по которымъ мы должны были признать Бѣлушью губу. Передъ нами съ правой стороны тянулась береговая полоса и теперь предстояло задача—примѣтить губу (заливъ), чтобы свернуть въ нее къ первому становищу. Никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, конечно, нельзя имѣть при оріентировкѣ въ подобной мѣстности. Многочисленные искусственные знаки, въ видѣ пирамидъ или крестовъ, сложенныхъ изъ груды камней, въ большинствѣ случаевъ стираются съ лица земли вѣтрами и бурями; естественные же признаки, какъ островки, косы, заливы и отмели, зачастую также подвергаются непрестанному измѣненію въ своихъ очертаніяхъ.

Немногочисленные пассажиры перваго класса всѣ сочли своимъ долгомъ побывать на капитанскомъ мостикѣ и принять участіе въ обсужденіи нашего положенія. Мнѣнія рѣзко и категорически раздѣлились. Однимъ казалось, что мы уже прошли Бѣлушью губу и идемъ вдоль такъ называемой Гусиной Земли, другіе же были увѣрены, что мы еще идемъ вдоль береговъ острова Междушарскаго. Только рѣзкій, нестерпимый при непривычкѣ вѣтеръ и явное недовольство капитана заставило «компетентное» общество оставить мостикъ и удалиться въ рубку.

Наконецъ, послѣ довольно продолжительныхъ скитаній вдоль береговъ пароходъ вошелъ въ зеркальную гладь залива, на берегу котораго расположено становище. Машина хотя замедлила ходъ, но въ ея движеніи уже чувствовалось что-то вродѣ человѣка, поднимающагося къ себѣ по домой лѣстницѣ, хотя и не спѣша, но съ увѣренностью. На нѣсколько минутъ утихла даже суета среди

пассажировъ: никто не хотѣлъ пропустить торжественной минуты, въ которую двѣ горсти оторванныхъ отъ міра людей: одна—мы на пароходѣ, другая—тамъ на берегу—встрѣтятъ взоромъ другъ-друга. Но прежде, чѣмъ намъ удалось что-либо увидѣть на берегу, мы вдругъ услышали выстрѣлы, и надъ мыскомъ, скрывавшимъ отъ насъ становище, взвился дымокъ. Это «они» увидѣли насъ и, привѣтствуя, стрѣляютъ изъ винтовокъ.

Обогнули мысокъ, и передъ нами поселокъ. Двѣ-три избы русскаго типа на плоской отмели, обнесенной вдалекѣ горами. Настроеніе сразу перемѣнилось. Пароходъ вдругъ измѣнилъ свой увѣренный ходъ. Началась промѣрка дна лотомъ, слышались торопливые возгласы матроса, измѣрявшаго глубину, команда капитана; застопоривали машину. Пассажиры, въ свою очередь, сустились, наворачивая на себя послѣднее, что можно было навертѣть и намотать на шею, на уши, на ноги, а отъ берега уже отдѣлились нѣсколько карбасовъ, подвозившихъ къ пароходу людей съ берега, видавшихъ въ послѣдній разъ такой же пароходъ и людей съ материка ровно десять мѣсяцевъ тому назадъ.

Птичій базаръ.

Подошли къ трапу карбасы, и на пароходѣ появились сумрачныя, заскорузлыя фигуры въ пимахъ (мѣховые сапоги) и въ мѣшкообразныхъ рубахахъ изъ оленьей шкуры мѣхомъ къ тѣлу, съ откинутымъ съ головы мѣховымъ чепцомъ, прикрѣпленнымъ къ мѣховой рубахѣ... Таково было «лѣтнее» одѣяніе самоѣда. Женщины

оказались болѣе нарядными въ своихъ «малицахъ» [1]), затѣйливо разукрашенныхъ вшитыми инкрустаціей узорами изъ полосокъ разнообразнаго мѣха. Ребята были одѣты въ точно такія же одежды, которыя мѣшали имъ свободно сгибать плечевой и локтевой суставы, и они ходили съ растопыренными руками, какъ деревянные идолы...

Прибывшіе здоровались, протягивая несгибающіеся темные пальцы, и лишь изрѣдка оживлялись при встрѣчѣ со знакомыми промышленниками или чиновниками. Они ничего не спрашивали, ни о чемъ не освѣдомлялись и только отвѣчали на вопросы. Оказалось, что все благополучно, никто изъ нихъ не умеръ, двое-трое родились, и одна пара собирается вѣнчаться. Самоѣды, какъ всѣ инородцы, говорятъ весьма односложно, смѣшно смягчая русскія слова, какъ дѣлаютъ маленькія дѣти, вмѣсто «можно», напримѣръ, «мосна», «Иванъ Иванась» вмѣсто Иванычъ и т. п.

Было четыре часа утра. Никто не спалъ цѣльную ночь, ожидая становище,—никто не собирался, конечно, спать и теперь, по прибытіи. Началась разгрузка парохода самымъ медленнымъ, примитивнымъ способомъ... Скучная и нудная для наблюденія исторія... Тѣмъ временемъ намъ подали шлюпки, и вотъ наконецъ вступаемъ мы и на самую Новую Землю... Подъ ногами то влажный глинистый грунтъ, едва оттаявшій въ іюлѣ при трехъ градусахъ по Реомюру, то груды какого то каменнаго мусора, состоящаго изъ обломковъ графита...

Сажени на двѣ выше уровня моря на пустынномъ плоскогорьѣ «становище». Три-четыре избы, — вотъ и все, что представляетъ изъ себя поселеніе. Изъ всѣхъ четырехъ офиціальныхъ становищъ Бѣлушья губа — самое унылое, самое безжизненное и неживописное. Горы далеко, по близости ни ручейка, ни рѣчки.

На нашемъ же пароходѣ, между прочимъ, пришла съ нами въ разобранномъ видѣ деревянная часовня-церковь, пожертвованная одной купчихой.

Неприхотливое торжество закладки храма произошло тутъ же въ этотъ пріѣздъ. Было выбрано мѣсто немного на возвышеніи ближе къ морю. Прибывшій съ нами же на пароходѣ іеромонахъ отслужилъ молебенъ и водрузилъ крестъ.

Страннымъ и убогимъ казалось это торжество на фонѣ дикаго полярнаго простора. Съ такимъ же дикимъ недоумѣніемъ стояли въ отдаленіи и тѣ, для кого, собственно, оно и предназначалось. Десятокъ самоѣдскихъ ребятъ глазѣло издали на зрѣлище, изъ взрослыхъ же даже вдалекѣ не показался ни одинъ самоѣдъ. Такъ дикъ былъ «православнымъ инородцамъ» православный обрядъ.

---

[1]) Зимняя самоѣдская шуба, мѣхомъ кверху.

Типы самоѣдовъ.

Послѣ закладки пошли осматривать жилища. Малымъ отличается отъ русской избы жилище самоѣда на Новой Землѣ. Только полы и нары закиданы шкурами, въ которыхъ, какъ звѣрушки, копошатся бабы и ребята. Иногда кое-гдѣ подъ шкурой чуть не наступишь на мѣсячнаго ребенка, привязаннаго къ своеобразной колыбелькѣ и брошеннаго на звѣриныя шкуры въ уголъ. На столѣ самоваръ, иногда граммофонъ, глиняные горшки, чайная по-

суда. Конечно, смрадъ и духота... На видномъ мѣстѣ у дверей въ почетѣ и опрятности у каждаго самоѣда висятъ ружья. Одно, а то и два, и три. Винтовки иногда дорогія, съ гербами Императорской фамиліи, посылаемыя въ даръ промышленникамъ въ отвѣтъ на подносимыя имъ выдающіяся шкуры бѣлыхъ медвѣдей.

На первый взглядъ жилище скорѣе чистое. Полы повыскоблены, по угламъ грязи, кромѣ необходимой при исключительномъ образѣ жизни самоѣда, въ глаза не бросалось. Конечно, эта чистота задолго до прихода парохода была предметомъ тщательнаго приготовленія къ пріему рѣдкихъ гостей.

Послѣ перваго знакомства съ становищемъ предстояло еще предпринять увеселительную прогулку на такъ называемый Гусиный островъ. Захвативъ ружья и корзинку изъ буфета съ виномъ и провизіей, публика отправилась на моторной лодкѣ пытать счастья въ полярной охотѣ. Захвативъ самоѣда-проводника, рѣшено было ѣхать по гусей.

Необъяснимое чувство какого-то тихого и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнаго восторга охватило меня, когда, стоя въ несущейся лодкѣ, пришлось почувствовать себя лицомъ къ лицу съ океанской волной. Тихая въ началѣ гладь залива понемногу начала волноваться. Лодка все чаще и чаще вздымалась на встрѣчныхъ гребняхъ волны. Соленая, холодная пѣна обдавала лицо и платье леденящимъ дыханіемъ. Довольно старый моторъ все болѣе и болѣе зловѣще постукивалъ какими-то частями, а мы все быстрѣе неслись черезъ небольшой проливъ къ океану, чтобы потомъ добраться до острова, на которомъ, по словамъ самоѣдовъ, гусей такія тучи, что ихъ можно брать руками, или, какъ дѣлаютъ самоѣды, бить палками...

Но не удалось намъ добраться до этого чуда. Дряхлый моторъ вконецъ отказался работать. Какимъ-то чудомъ удалось при такомъ волненіи привести моторъ въ порядокъ, и мы двинулись обратно въ тихія воды залива, рѣшивъ по пути зайти на такъ называемый птичій базаръ, т. е. просто на высокій скалистый островъ. Берега такого острова представляютъ отвѣсную скалу со множествомъ небольшихъ уступовъ, покрытыхъ гнѣздами гагарокъ, которыя тысячами гнѣздятся на этихъ уступахъ и такимъ образомъ представляютъ собою живую, колеблющуюся стѣну.

Но и здѣсь дѣло оказалось не такъ просто: къ скалистой крутизнѣ не легко подойти на лодкѣ, тѣмъ болѣе, что бушующая волна то открывала, то закрывала цѣлыя груды голыхъ камней, о которые можно было бы разбиться вдребезги. Отъ выстрѣла, покинувъ свои гнѣзда, взвилась надъ нашими головами туча гагаръ. Стрѣлять въ стаю было не интересно, любовались зрѣлищемъ. Наконецъ, такъ или иначе перебрались изъ лодки на островъ.

На высокомъ плоскогоріи наткнулись на покинутый чумъ, остатки костра,—значитъ, кто-то тутъ былъ... Коробка отъ сардинокъ и окурокъ папиросы... Невольно эти остатки «цивилизаціи» производятъ расхолаживающее впечатлѣніе. Хочется уйти совсѣмъ, совсѣмъ дальше... Берешь ружье и идешь въ глубь, въ ширь острова. Скользкій грунтъ пестрѣетъ крошечными незабудками, подснѣжниками, какими-то красненькими цвѣточками, вьется ползучая ива, мягкій влажный мохъ бархатитъ землю... Гдѣ-то журчитъ ручеекъ. Точно ранняя весна, мартъ мѣсяцъ у насъ въ Новгородской губерніи, а дѣло происходитъ въ іюлѣ. Въ началѣ же августа здѣсь кончится лѣто, и въ сентябрѣ уже весь островъ будетъ обложенъ льдами. Начнутся вѣтры и бури. И кажется страннымъ, нелѣпымъ, зачѣмъ такой величавой, суровой природѣ понадобились вдругъ эти крошечные цвѣточки-недоноски, разбросанные по скалѣ, какъ крошечныя дѣти на колѣняхъ у суроваго великана.

Дойдя до противоположнаго края скалы, который уже совсѣмъ казался неприступнымъ, я увидѣла на краю обрыва самоѣдскаго мальчонку, который, лежа на животѣ, спускалъ отвѣсно по скалѣ веревку съ петлей, которую накидывалъ на шею гагаркѣ и тянулъ ее кверху.

Поистинѣ человѣческое дерзанье и приспособляемость безпредѣльны. Какъ попалъ онъ одинъ на этотъ неприступный островъ? Когда и какъ онъ попадетъ обратно къ себѣ домой и почему не свернетъ себѣ шею на острыхъ скользкихъ скалахъ,—все это знаетъ только онъ самъ...

Кто-то изъ моихъ спутниковъ выстрѣлилъ раза два внизъ по сидящей птицѣ. Гагарки попадали въ воду, и, конечно, никто ихъ никогда не достанетъ. Самоѣдскій же мальчишка поступаетъ остроумнѣе: не тратитъ зарядовъ, а получаетъ птицу.

Возвращаюсь къ компаніи. Пристраивается великолѣпное сидѣнье изъ валявшихся досокъ плавника. Достаются: коньякъ, сардины, бутерброды... Тоже приспособились... Пикникъ выходитъ на славу.

II.

Перевозка животныхъ (собакъ).—Селеніе Малыя Кармакулы.—Школа, баня.—Снабженіе колонистовъ «жизненными припасами» и система разсчетовъ.

Черезъ двое сутокъ, окончивъ разгрузку, пароходъ снялся съ якоря и, покинувъ Бѣлушью губу до слѣдующаго рейса въ сентябрѣ мѣсяцѣ, направился къ слѣдующему становищу Малыя Кармакулы, расположенному нѣсколько сѣвернѣе при заливѣ Моллера.

Переходъ небольшой. Черезъ нѣсколько часовъ будемъ на мѣстѣ.

Начинает слегка покачивать. Съ бака несется жалобный вой собакъ. Несчастныя животныя страдаютъ отъ качки еще больше, чѣмъ люди. Привязанныя въ своихъ будкахъ, промокшія до костей отъ непрестанно перекатывающихся черезъ борта волнъ, измученныя, съ остановившимся страдающимъ взглядомъ, онѣ то неподвижно лежатъ, то какъ ошалѣлыя выскакиваютъ изъ будки и отчаянно начинаютъ кружиться на короткой цѣпи. Тяжко становится смотрѣть на нихъ безотвѣтныя страданія. Даже матросъ избѣгаетъ къ нимъ подходить не изъ равнодушія, а отъ сознанія полной невозможности помочь несчастнымъ.

Незавидная доля ждала ихъ и на сушѣ. Суровыя условія существованія человѣка въ полярномъ краѣ являются еще болѣе суро-

Освященіе часовни.

выми для животныхъ, и даже не всякая собака выживаетъ ихъ. А между тѣмъ въ собакахъ все благосостояніе переселенца-промышленника. Онъ держитъ ихъ стадами... На собакахъ онъ ежегодно переѣзжаетъ въ началѣ зимы на восточную сторону Новой Земли, къ Карскому морю, на промысла за бѣлымъ медвѣдемъ. Но собакахъ же онъ перевозитъ обратно добычу и въ ихъ же стаѣ согрѣвается въ лютую стужу, когда все живое инстинктивно сбивается въ живую кучу, чтобы какъ меньше растерять естественнаго тепла. Собака ему служитъ, собака его грѣетъ, а въ критическій моментъ онъ ее съѣстъ.

Сами же эти четвероногіе герои голодаютъ почти круглый годъ. Онѣ стаями ходятъ вокругъ поселка, собирая и пожирая на обле-

денѣлыхъ камняхъ свои же собственные и человѣческіе отбросы. И лишь въ періодъ промысловъ перепадаетъ имъ въ зависимости отъ удачи болѣе или менѣе обильный столъ изъ раушки, т. е. внутренностей убитаго звѣря. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ животныя скорѣе вымираютъ отъ холода и голода, чѣмъ нарождаются, а потому и необходимо пополнять ихъ число экземплярами съ континента.

Судя по тому, какая масса оказалась претендентовъ на доставленныхъ пароходомъ собакъ и какая жаркая борьба, чтобы не

Самоѣды въ малицахъ.

сказать драка, завязалась за ихъ обладаніе—можно повѣрить тому, что собака—это вопросъ существованія переселенца.

Заглядывая въ дневники и записки промышленниковъ на Новой Землѣ, неизмѣнно замѣчаешь, какъ перипетіи собачьей жизни отмѣчаются авторами всегда наравнѣ съ главнѣйшими событіями ихъ собственнаго существованія: съ появленіемъ звѣря, состояніемъ погоды, запасами провіанта и т. п.

Такъ, напримѣръ, зимовавшій на Новой Землѣ въ суровый 1913—1914 г. П. А. Г-въ записываетъ:

«10-го ноября 1913 года...Мяса для собакъ нѣтъ. Хайка пропала; вѣроятно, придется пристрѣлить Пирата. Жаль, да нечего дѣлать, иначе мы рискуемъ потерять остальныхъ собакъ...

«19-го января 1914 года... Орѣшка лапы отшибъ, мы ему сдѣлали перевязку и положили на правахъ больного на постель. Пусть отлежится, поправится нашъ вѣрный песъ.

«23-го октября... Бойка и Сучка околѣли вчера. Жаль Сучку... Была хорошая медвѣжья собака. Карля и Моська тоже болѣютъ. Дѣло дрянь съ собаками.

«25-го октября... Много приходится ходить, такъ какъ у насъ осталось годныхъ для ѣзды собакъ только двѣнадцать...» И такъ безъ конца въ томъ же духѣ: «намъ грозитъ опасность потерять собакъ, а съ ними и весь промыселъ...»

И вотъ эти-то истинные друзья и незамѣнимые служители человѣка надрывали намъ душу своими стонами. Но, къ счастью, качка скоро прекратилась, такъ какъ пароходъ вошелъ въ спокойныя воды залива (Моллера), по берегу котораго расположено становище Малыя Кармакулы...

Новый пунктъ назначенія парохода представлялъ собою уже нѣчто болѣе развитое въ смыслѣ общественности, съ которой мы и не замедлили ознакомиться, вступивъ на землю... Сопровождаемые голодной сворой собакъ, которыя ,вѣроятно, только отъ удивленія, превосходящаго ихъ голодъ, не растерзали насъ на части, мы переходили изъ дома въ домъ, наблюдая однообразныя сцены суроваго быта. Наконецъ, дошли и до «школы».Съ виду школа какъ школа. Любая церковно-приходская позавидовала бы помѣщенію. Свѣтло, уютно обставлено: десятокъ партъ, по стѣнамъ картинки, карты, кой-какіе учебныя пособія.

Обязанности учителя исполняетъ псаломщикъ, живущій здѣсь же при школѣ. Послѣ самоѣдскихъ избъ домъ псаломщика кажется если и не «по-европейски», то во всякомъ случаѣ по-человѣчески обставленнымъ жилищемъ. Стѣны оклеены обоями, изъ мебели есть: желѣзныя кровати, шкапы, въ запасѣ бумага, чернила, карандаши... Въ этомъ же домѣ останавливались большинство членовъ многочисленныхъ экспедицій. Въ шкапу на полкѣ видны черезъ стеклянныя дверцы разбросанные по полкѣ чьи-то замѣтки, дневники.

Хотѣлось получить какія-нибудь свѣдѣнія о школѣ: какъ учатъ, чему учатъ?

— Да почти что не приходится заниматься вовсе,—сказалъ псаломщикъ.—Вначалѣ ходили было два самоѣдскихъ мальчика... Теперь никого нѣтъ. Не хотятъ учиться...

Спрашиваю потомъ у самоѣдовъ:

— Почему въ школу не пускаете дѣтей?

— Не усятъ... Не хотятъ усятъ, т. е. не хотятъ учить,—отвѣчаетъ дикарь...

Дальше есть баня—небольшая, но прекрасно устроенная. Свѣтлая, съ каменной печью... Заглянули туда: завалена вся шкурами и провіантомъ,—оказывается, служитъ кладовою.

— Отчего не моетесь?..—спрашиваю.

— Одинъ разъ мылись, потомъ больной сталъ,—отвѣчаетъ самоѣдъ.

Далѣе идетъ знаменитая «спасательная станція». Знаменита она тѣмъ, что, выстроенная въ 1877 году на средства общества спасанія на водахъ, она оказалась совершенно нецѣлесообразною, какъ по мѣсту нахожденія, такъ и по несовершенству оборудованія. Насколько она не оправдывала своего назначенія, можно судить по тому, что уже въ 1886 году то же общество спасанія на водахъ рѣшило прекратить ея существованіе, и лишь стараніями архангельскаго губернатора князя Голицына удалось не только спасти ее отъ уничтоженія, но и получить новыя ассигновки на ея ремонтъ. По полуофиціальнымъ отчетнымъ «матеріаламъ» Б. Садовскаго извѣстно, что въ началѣ при станціи былъ оставленъ подпоручикъ-штурманъ, а затѣмъ станція была передана въ вѣдѣніе шести самоѣдовъ, которые и не замедлили обратить «спасательную станцію»—въ амбаръ для храненія провіанта и добычи промысловъ. Сарай дѣйствительно получился превосходный и даже снабженный по всѣмъ правиламъ искусства декоративной мачтой (нынѣ, впрочемъ, уже срубленною на топливо), но все же далеко не соотвѣтствующій затраченнымъ на него суммамъ. Обществомъ спасанія на водахъ первоначально было ассигновано 25.000 рублей, но непрерывный ремонтъ довелъ расходъ казны до семидесяти пяти тысячъ рублей, если не больше...

Такъ неудачно закончилась, въ сущности говоря, благая попытка. Есть слабыя стороны и въ организаціи снабженія переселенцевъ предметами «первой» и дальнѣйшей необходимости... Картина этой организаціи, одной изъ своихъ сторонъ, представилась между прочимъ предъ нашими глазами на палубѣ парохода, гдѣ заманчиво раскрытые глубокіе ящики съ мануфактурными и прочими товарами сосредоточивали на себѣ вниманіе полярныхъ дикарей. Всегда уныло равнодушные, крошечные глазки ихъ оживились какимъ-то дѣтскимъ блескомъ. Корявые пальцы жадно извлекали невѣдомые, любопытные предметы... Чего-чего тутъ только не было въ этихъ ящикахъ, заботливо наполненныхъ произведеніями архангельскихъ мануфактурныхъ фирмъ. Были разноцвѣтныя ситцевыя рубахи, бумажные и шерстяные чулки, носовые платки (это самоѣдамъ-то), дамскіе жакеты, лѣтніе и demi-saison, на шелковой и полушелковой подкладкѣ, жакеты съ баской, жакеты безъ баски, кимоно, ботинки на двѣнадцати пуговицахъ, ботинки безъ пуговицъ, выхухолевыя дамскія шапочки «подъ котикъ» и «не подъ котикъ»... На каждой вещи предупредительно красовались ярлыки

вродѣ слѣдующихъ: «жакетъ дамскій, вмѣсто 23 р. 50 к.—17 р. 45 к.», «перчатки мужскія, вмѣсто 3 р. 15 к.—2 р. 95 к.» и т. д. и т. д. Словомъ, налицо былъ базаръ, вполнѣ удовлетворяющій самыя изысканныя требованія какого-нибудь уѣзднаго бо-монда и безусловно, ни при какихъ обстоятельствахъ, неспособный служить нуждамъ самоѣдовъ.

Результатомъ такого базара, между прочимъ, былъ слѣдующій курьезъ. Нѣсколько позднѣе, когда пароходъ уже шелъ въ морѣ, на палубѣ появилась никѣмъ невиданная до тѣхъ поръ какая-то дама, типа нѣмецкой бонны. Въ выхухолевой шапочкѣ, въ старомодномъ, но новенькомъ жакетѣ, въ нитяныхъ перчаткахъ и ботинкахъ на пуговицахъ, она долго интриговала все общество, пока, наконецъ, не выяснилось, что эта «дама»—самоѣдка, разодѣвшаяся въ только что накупленныя обновы. Она ѣхала въ гости въ сосѣднее становище...

Изъ вещей мужского гардероба были, правда, бушлаты на бараньемъ мѣху по тридцать-сорокъ рублей,—цѣна, за которую у насъ въ охотничьемъ магазинѣ можно достать подобную вещь гораздо лучшаго качества. Были бурки (нѣчто вродѣ валенокъ), на видъ очень привлекательныя по мягкости и легкости матеріала, которыя прельстили своимъ видомъ и наши спортсменскія сердца... Купили и мы... Заплатили тутъ же завѣдующему по восьми рублей наличными деньгами и, сдѣлавъ въ нихъ два шага по оттаявшей землѣ, промочили ноги насквозь и тутъ же выкинули покупку.

Тѣмъ не менѣе товаръ разбирался самоѣдами нарасхватъ. Благо денегъ наличными не требовали, а лишь увеличивали забиравшему его дебетъ... Никакихъ памятокъ, ни счетовъ самоѣду не давалось. Чиновникъ помѣчалъ «у себя»... Разсчетъ же долженъ быть произведенъ изъ суммъ, которыя получаются по продажѣ шкуръ, сданныхъ самоѣдомъ представителю ихъ интересовъ, чиновнику, для продажи съ аукціона, какъ обусловлено при самомъ переселеніи и субсидированіи колониста-самоѣда...

Подходитъ къ соблазнительному ковчегу съ привлекательными богатствами и семидесятилѣтній старикъ-самоѣдъ. Долго и сосредоточенно перерываетъ онъ весь ящикъ, не находя, очевидно, требуемаго предмета. «Слава Богу», подумалось наблюдателю: «этотъ выбираетъ сознательно». Наконецъ «сознательный», не найдя требуемой вещи, уже началъ проявлять всѣ признаки отчаянія. Онъ подходилъ къ чиновнику, жалобно что-то мычалъ, указывая на ноги... Передъ нимъ разложили всѣ сорта обуви, мужской и дамской, и, только когда онъ увидѣлъ блестящую пару галошъ, онъ сразу пришелъ въ неописуемый восторгъ... И, несмотря на то, что галоши ему положительно никуда не годились, онъ, не слушая никакихъ доводовъ, прижалъ свое сокровище къ груди и поспѣшилъ покинуть пароходъ, не справляясь даже о цѣнѣ без-

полезной покупки. Да самоѣдъ въ большинствѣ случаевъ и не интересуется цѣной; какъ истинный дикарь, онъ не знаетъ цѣны деньгамъ... Онъ даже не знаетъ, сколько у него денегъ. Онъ даже не знаетъ, при сложившемся порядкѣ вещей, на что ему могутъ

Самоѣдъ-красавецъ.

быть нужны деньги. Какъ ребенокъ, онъ не беретъ то, что ему нужно, а то, что ему въ данный моментъ понравилось. И въ этомъ отношеніи непосредственно завѣдующіе благосостояніемъ самоѣда, судя по вышеприведеннымъ примѣрамъ, съ особенной готовностью идутъ навстрѣчу дикарю... Ему везутъ, кромѣ описаннаго выше тряпья,

серебряные часы, цѣпочки, кольца, блестящіе брелоки; и за все это самоѣдъ платитъ цѣною колоссальнаго риска и труда на своихъ звѣровыхъ промыслахъ.

Даже такія принадлежности комфорта, какъ граммофоны и серебряныя вещи, въ изобиліи доставляемыя на Новую Землю и потребныя относительно культурному русскому помору-промышленнику, зимующему на островѣ, безусловно не играютъ никакой роли въ просвѣщеніи самоѣда. Онѣ отягощаютъ только его задолженность и лишаютъ возможности дѣйствительно улучшить существованіе самоѣда, хотя бы увеличеніемъ запасовъ провизіи, собакъ и постройкой ему здороваго жилища.

Что касается русскихъ колонистовъ-промышленниковъ, которые въ числѣ трехъ-пяти семей выѣхали на промысла на Новую Землю, на тѣхъ же условіяхъ, что и самоѣды,—то эти люди уже сознательно идутъ на тяжкій трудъ съ намѣреніемъ «заработать»... Все это народъ отважный, смѣтливый и способный въ большинствѣ случаевъ постоять за свои интересы. Но и среди нихъ приходилось наблюдать тяжелыя картины при денежныхъ расчетахъ.

Въ одномъ неопубликованномъ дневникѣ читаю: «Какъ ни странно, но въ результатѣ ни у одного изъ коренныхъ жителей Новой Земли нѣтъ за душой ни копейки заработка. Неоднократно промышленники, потерявши всякое терпѣніе, требовали привезти имъ заработанныя деньги. Въ такихъ случаяхъ завѣдующіе обыкновенно отвѣчали: «Вотъ опять забыли привезти тебѣ казну; на будущій годъ привеземъ», и такъ до безконечности. Года шли, а капиталъ не прибавлялся. Искатели своихъ интересовъ успѣвали за это время умереть, ничего не получивъ. Очень надоѣдливыхъ просто убираютъ, какъ вредный элементъ, прочь съ Новой Земли... Къ кому пойдешь съ жалобой, кому скажешь объ обидѣ?..

Слѣдующій отрывокъ изъ того же дневника ярко характеризуетъ, между прочимъ, въ чемъ именно является у самоѣда острая нужда, когда онъ посреди суровой зимы оказывается не обезпеченнымъ ни насущнѣйшими предметами домашняго обихода, ни съѣстными припасами и лечебными средствами на случай цынги (клюква, лимоны, овощи). «Самоѣды уѣхали отъ насъ, видимо, довольные и веселые нашимъ гостепріимствомъ. Пришлось дать Гордѣеву два фунта свѣчей, одну лампу, клюквы, лимоновъ для больного ребенка и одно топорище...»

III.

Маточкинъ Шаръ.—Природа.—Маленькое приключеніе.—Пьянство самоѣдовъ, ихъ характеръ и тяжелое денежное положеніе.

Слѣдующею нашею остановкою явилось селеніе Маточкинъ Шаръ. Это селеніе отличается отъ прежнихъ утомительно-однообразныхъ становищъ особенной живописностью. Рельефы горъ

и очертанія берега съ заливами придаютъ мѣстности нѣкоторую жизнь. Здѣсь наша маленькая экскурсія направилась вглубь или, вѣрнѣе, ввысь страны, т.-е. на горы. Это непосредственное соприкосновеніе съ полярной природой оставляетъ почти во всѣхъ неизгладимое впечатлѣніе торжественности и величія.

Повышенное настроеніе заключается въ томъ, что, поднявшись на сравнительно небольшую высоту, вы попадаете уже въ область вѣчнаго снѣга и ледниковъ, въ то время, когда подъ вашими ногами бушуютъ или мирно дремлютъ воды океана, нѣжнѣйшія изъ всѣхъ водъ по своей окраскѣ.

Всего еще четыре часа утра. Солнце переливаетъ яркой краской и создаетъ блескъ и тѣни снѣговыхъ вершинъ, а подъ ногами сплошной туманъ скрываетъ подножіе горы и точно заслоняетъ васъ отъ міра своей колеблющейся пеленой. Точно на облакѣ несешься вдругъ съ земли къ какимъ-то сказочнымъ, сіяющимъ мірамъ.

Но стоитъ прорваться подъ ногами туману, какъ совсѣмъ близко, тутъ же, почти рядомъ съ вѣчнымъ снѣгомъ волнуется и дышитъ блѣдно-прозрачная подъ солнечнымъ лучомъ, зеленая стихія океана. Когда же вовсе пропадаетъ туманъ,—передъ глазами развертывается картина во всѣхъ ея подробностяхъ: черезъ хрустальную прозрачность воздуха засвѣтитъ вдругъ океанъ всѣми лучами своего блеска, загорится небо огнями солнца, а горы застынутъ въ таинственномъ оцѣпенѣніи,—тогда словъ нѣтъ у человѣка, чтобы передать то, что вдругъ способенъ постигнуть его духъ отъ близости къ природѣ. Но, увы, возвышая духъ, величественная природа безжалостно глумится надъ немощною плотью человѣка, не приспособленнаго къ ея суровой неприступности. Въ двухъ шагахъ отъ себя я увидѣла вдругъ безпомощную фигуру одного изъ своихъ спутниковъ, карабкающагося въ гору. Измокшій отъ пота воротникъ комично болтался вокругъ его шеи на одной задней запонкѣ, рука была повязана носовымъ платкомъ, и неизвѣстно для чего закрученная вокругъ таліи веревка волочилась по склону горы, задѣвая за камни и кочки и мѣшая движенію. Выраженіе лица было сосредоточенное и ожесточенное. Было досадно и смѣшно смотрѣть на эту карикатуру и, чтобы подбодрить его упавшій духъ, мнѣ захотѣлось подѣлиться съ нимъ моимъ настроеніемъ.

— Не правда ли—вотъ гдѣ, поистинѣ, человѣкъ можетъ стать святымъ? Въ этомъ величественномъ уединеніи!—сказала я.

— Да, если не свернетъ себѣ шею или не повѣсится отъ одиночества,—отвѣтила, хотя и раздраженно, но увѣренно, «карикатура».

Спорить, конечно, на эту тему не пришлось... Я поспѣшила оставить своего спутника и начала спускаться къ долинѣ.

Склонъ горъ не представлялъ собою труднаго спуска. Нога большею частью тонула въ мелкихъ обломкахъ графита. Опасно

было только попадать на обманчивые уступы, иногда сплошь состоящіе изъ графитной пыли. Нерѣдко, понадѣявшись на такой уступъ, летишь вмѣстѣ съ нимъ внизъ и, если по пути не наскочишь на гранитный камень— все кончается благополучно и лишь ускоряетъ путь. Спускъ горы велъ къ открытой болотистой долинѣ. Нужно было пройти долиной около версты, чтобы пересѣчь ее и добраться до селенія, а слѣдовательно и до океана. Задача эта оказалась не очень простой, потому что ровная и гладкая долина была сплошное болото и лишь опытный глазъ могъ примѣтить, какими зигзагами можно обойти наиболѣе опасныя и непроходимыя мѣста.

Я почти выбилась изъ силъ, отыскивая путь, и наконецъ, усталая и измученная, опустилась на первый попавшійся камень и закрыла глаза. Когда я ихъ открыла—я не вѣрила своему существованію. Я не могла понять, какъ послѣ обморока,—гдѣ я. Такъ рѣзко измѣнилась картина въ нѣсколько мгновеній. Прямо передо мной, надъ океаномъ прорвался туманъ. Солнце брызнуло свѣтомъ на едва волнующіяся волны, и онѣ сіяли аквамариновымъ блескомъ. Туманъ порвался на неровные клочья и кой-гдѣ заслонялъ собою свѣтъ. Облака клубились, волны вздымались, вершины горъ то открывались, то снова прятались, синѣя сквозь тонкую дымку; равнина то вся блестѣла на солнцѣ, то вдругъ темнѣла и холодѣла. Не было момента, чтобы картина оставалась неподвижной въ своихъ краскахъ. Точно какой-то гигантскій механикъ приводилъ колесо колоссальной машины, и она разсыпала самые неожиданные тона и краски. И все это при полной абсолютной тишинѣ... Ни звука отъ колыхающейся травки... Ни пѣніе птицъ, ни ароматъ цвѣтовъ не сопровождаютъ этой картины нарождающагося полярнаго дня. И тѣмъ не менѣе живая сила въ высшей степени чувствовалась во всемъ происходящемъ. То былъ какой-то величественный хаосъ мірозданія. Казалось, что здѣсь впервые творились элементы жизни, земля, огонь, вода и воздухъ, но здѣсь не было звуковъ... и это было нестерпимо, давило на нервы. Хотѣлось невообразимаго шума, грома литавровъ и славословныхъ хораловъ... и только дикій вскрикъ какой-то неожиданно пролетѣвшей черезъ долину громадной птицы вдругъ разрѣшилъ невыносимое напряженіе этой беззвучной симфоніи. Солнце скрылось, долина почернѣла, стало жутко. Я быстро покинула камень. Птица все летала надъ тундрой; она вздымалась и опускалась волною, иногда касаясь земли, и кричала рѣзко и властно...

Наконецъ, миновавъ пустынное пространство тундры, я подошла почти къ самому становищу. Мнѣ преграждало путь теперь одно послѣднее препятствіе—небольшая, сажени въ три-четыре, рѣчка-ручей, спускавшаяся бурнымъ потокомъ перпендикулярно къ океану. Черезъ эту рѣчку насъ перевозилъ съ большими предосторожностями самоѣдъ-проводникъ, который ушелъ вмѣстѣ съ

остальными въ горы. Я рѣшила было, расположившись поудобнѣе, дожидаться своихъ спутниковъ съ проводникомъ, но, потерявъ терпѣніе, рѣшила переправиться собственными силами. Сдвинувъ такъ или иначе съ берега въ воду лодку, я прыгнула въ нее и въ мгновеніе же ока была выкинута изъ нея въ воду. Въ первый моментъ это обстоятельство меня крайне озадачило, а также и напомнило мнѣ, что съ этими дьявольскими шлюпками даже самоѣды обращаются очень осторожно. Перевозя, напримѣръ, нѣсколько часовъ назадъ нашу компанію на этомъ же самомъ мѣстѣ, самоѣдъ ни за что не соглашался брать больше одного пассажира, несмотря на то, что лодка смѣло вмѣстила бы въ себя двоихъ и троихъ.

Самоѣдская семья.

Лодки этого типа (на мѣстномъ нарѣчіи называемыя «пашка»), отличаются крайней неустойчивостью. Устроенныя по типу орѣховой скорлупы, онѣ, конечно, требуютъ сноровки въ обращеніи съ собою.

Вымокнувъ до колѣнъ, я уже во что бы то ни стало рѣшила не отступать отъ своего намѣренія попасть на другой берегъ. Снова осторожно вошла я въ лодку. Строго соблюдая равновѣсіе, я оттолкнулась отъ берега и хотѣла взяться за весла, но тотчасъ же ясно увидѣла, что вовсе не могу справиться съ дѣломъ. Пока я только расправляла весла, необычайно быстрое теченіе рѣчки тотчасъ же бокомъ отнесло лодку внизъ на нѣсколько саженъ, подломило одно весло, которымъ я хотѣла было задержаться за дно, и моя лодка весело понеслась по самой серединѣ рѣки по теченію, нисколько не считаясь съ моимъ управленіемъ.

Втащивъ уцѣлѣвшее весло въ лодку и боясь пошевельнуться, я съ ужасомъ наблюдала сквозь прозрачныя зеленыя воды, какъ ровная поверхность дна рѣчки все глубже и глубже ускользала изъ моихъ глазъ. Помощи ждать было неоткуда. Самоѣды, оказавшіеся у становища, съ хладнокровіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, какъ оказалось, уже нѣсколько времени наблюдали за мною и не двинулись съ мѣста, чтобы прійти мнѣ на помощь. Лодку мою уже тѣмъ временемъ вынесло въ океанъ. Разсчитывать на помощь дикарей, полагавшихъ, очевидно, что я по доброй волѣ съ однимъ весломъ отправляюсь въ океанъ на прогулку, не приходилось, и я, взглянувъ въ послѣдній разъ на блестѣвшее дно, которое все быстрѣй и быстрѣй удалялось отъ поверхности воды, выпрыгнула изъ лодки. Не знаю, какъ я выбралась на берегъ и... увы, на тотъ же самый, съ котораго отплывала... Холода большого не чувствовалось, только мокрое платье, облипая ноги, мѣшало двигаться... Промокши до нитки, я рѣшила, что терять мнѣ теперь все равно нечего больше, и рѣшила добиться своего, т.-е. поднявшись вверхъ по рѣчкѣ, выбрала помельче мѣсто, и по водѣ, какъ по землѣ, перешла наконецъ на желанный берегъ... Вода текла съ меня ручьями, намокшее платье мѣшало передвигать ноги. Я подошла къ наблюдавшимъ меня самоѣдамъ, думая своимъ видомъ смягчить ихъ сердца... Увы, ничто не дѣйствовало: ни мой печальный видъ (можетъ быть, они думали, что я добровольно выкупалась), ни мои слова (можетъ быть, они не понимали по-русски, а, можетъ быть, просто злорадствовали). Они даже не подумали пригласить меня къ себѣ обогрѣться... Къ счастью, въ становищѣ дожидалась шлюпка съ матросомъ, который отвезъ меня на пароходъ, предварительно поймавъ въ океанѣ упущенную мною самоѣдскую душегубку, такъ какъ безъ своей «пашки» самоѣдъ какъ безъ рукъ. Для меня это купанье прошло безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, благодаря заботамъ моихъ спутниковъ и леченію (состоявшему, впрочемъ, въ общей сложности въ пріемѣ полустакана коньяку).

Въ то время, пока мы, прибывшіе съ пароходомъ, поглощали суровыя удовольствія полярнаго края, самоѣды почти всѣ перебрались на пароходъ и веселились по-своему. Кромѣ упомянутыхъ выше корзинъ и тюковъ съ галантерейными и мануфактурными товарами, не малую роль играетъ въ развлеченіи самоѣдовъ «веселый ядъ», т.-е. все тотъ же алкоголь. Несмотря на строжайшій запретъ администраціи привозить на Новую Землю водку, самоѣды, спустя нѣсколько часовъ по прибытіи парохода, уже всѣ оказываются перепившимися и предавшимися соотвѣтствующему времяпрепровожденію. Тѣ изъ нихъ, кто не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, требовали отъ буфетчика водки, но когда были вразумлены послѣднимъ, что водку онъ продавать не имѣетъ права, а что есть другія вина, которыя онъ тутъ же пред-

ложилъ имъ на пробу, то тонкіе знатоки остановились на шампанскомъ. Потребовали себѣ на закуски сардинъ, килекъ, колбасъ и фруктовъ, Въ третьемъ классѣ оказались накрытыми столы, и всѣ дикари, съ женщинами и дѣтьми, размѣстились за столами. По мѣрѣ того, какъ развивалось пиршество, все больше и больше слышалось требованіе на вино, горчицу, уксусъ, фрукты... Изъ ножей, вилокъ и тарелокъ дѣлались самыя неожиданныя примѣненія: вилками ковырялись зубы, ножами рылись въ волосахъ, садились на тарелки и т. д. Визгъ, вой, перебранки насыщали воздухъ. При этомъ самъ воздухъ существенно измѣнилъ свою консистенцію. Запахъ сала, пота, отрыжки, перепрѣлаго мѣха не давалъ возможности продолжительное время наблюдать это замѣчательное пиршество. Только было видно, какъ шнырялъ буфетчикъ, услуживая необыкновеннымъ посѣтителямъ. Самоѣды требовали безъ конца дорогое вино и закуски, очевидно, не отдавая себѣ отчета, что имъ это будетъ стоить. И опять у нихъ будетъ долгъ казнѣ вмѣсто дохода, пьянство—вмѣсто благополучія...

— Надо прожить здѣсь, чтобы понять, почему самоѣдъ склоненъ къ водкѣ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ членовъ зимовавшей на Новой Землѣ экспедиціи.—Самоѣдъ по-своему нерѣдко бываетъ довольно высоко развитъ... Самоѣдъ честенъ, правдивъ, онъ человѣкъ слова. Если онъ что сказалъ, то это вѣрнѣе всякой письменной гарантіи. Пьетъ онъ рѣдко, пьетъ только тогда, когда придетъ пароходъ и привезетъ съ собою разочарованіе въ расчетахъ и кучу любопытныхъ туристовъ, безцеремонно разсматривающихъ этихъ людей тяжелаго труда, какъ какую-нибудь музейную рѣдкость. «Глупы люди, оттого такъ и дѣлаютъ», говорятъ самоѣды.

Дѣйствительно, приходитъ пароходъ, каждый колонистъ стремится узнать, сколько онъ заработалъ... Здѣсь же на вопросъ самоѣда, сколько у него денегъ, получаетъ постоянный отвѣтъ: «долженъ рублей двѣсти, триста». По расчету самоѣда у него должно быть не менѣе тысячи рублей денегъ, а по расчету завѣдующихъ—двѣсти-триста долгу. Закипаетъ у самоѣда досадное чувство обиды, неудовлетворенности и, чтобы чѣмъ-нибудь заглушить эту острую боль, онъ продаетъ тутъ же песца или медвѣдя за водку, которой и заливаетъ свою досаду и разочарованіе...

Деньги здѣсь ничто. Имъ не знаютъ цѣны, да и не хотятъ ея знать. Здѣсь деньгами не платятъ. Въ самоѣдскомъ обиходѣ, а также и между русскими промышленниками, мнѣ приходилось слышать объ оригинальномъ способѣ уплаты деревянными дощечками, трехъ, четырехъ и восьмигранной формы, на которыхъ написаны несмываемымъ карандашомъ цифры: 10, 25, 30. Этотъ способъ уплаты принятъ ими въ домашнемъ обиходѣ; если же приходитъ иногда норвежскій пароходъ и продаетъ винтовку, либо бинокль, порохъ, свинецъ или провизію,—то казенный колонистъ

отдаетъ за эти предметы, вмѣсто денегъ, далеко не соотвѣтствующей цѣны медвѣжьи шкуры и песцовъ. Иногда при большой нуждѣ отдастъ богатѣйшую и дорогую шкуру за кадку масла или за нѣсколько фунтовъ пороху.

Между тѣмъ приходило время къ отплытію парохода. Нужно было принять мѣры, чтобы не увезти въ Архангельскъ кого-нибудь изъ подгулявшихъ самоѣдовъ. Ихъ по счету сдавали съ парохода на баркасъ. Одни изъ нихъ что-то по-дѣтски лопотали и безпрекословно подчинялись требованію, другіе буянили и не хотѣли уходить, иные лежали уже совсѣмъ неподвижными тѣлами. Для безопасности ихъ не сводили по трапу, а бережно спускали на лебедкѣ, какъ драгоцѣнный грузъ. Зрѣлище довольно занятное. Нѣкоторые изъ самоѣдовъ пѣли... Но, Боже... Что это была за пѣсня! Монотонная тягучая нота. Мотивъ поражаетъ своей скудостью и однообразіемъ. Очевидно, пѣсня, родившаяся въ тяжелыхъ условіяхъ жизни самоѣда, и не можетъ быть иною...

Наконецъ, выпроводивъ гостей, пароходъ, какъ бы понемногу собравъ силы и расправивъ косточки, повернулъ снова въ открытый океанъ къ сѣверу—къ поселку Ольгинскому.

IV.

Ольгинскій поселокъ.—Его обитатели и печальныя стороны ихъ существованія.—Посадка живого груза: медвѣди, песцы, совы.—Возвращеніе назадъ.—Буря.—Качка.—Туманъ.—Заключительное слово.

Теперь намъ оставалось посѣтить еще одинъ послѣдній поселокъ — Ольгинскій, названный такъ въ честь великой княгини Ольги Николаевны.

Поселокъ этотъ является уже самымъ сѣвернымъ пунктомъ изъ заселенныхъ мѣстъ Россійской имперіи (74° 8′ сѣв. широты). Основанъ Ольгинскій поселокъ всего лишь въ 1910 году при губѣ Крестовой и населенъ уже преимущественно русскими звѣропромышленниками, переселенцами изъ крестьянъ Шенкурскаго и Печорскаго уѣздовъ Архангельской губерніи. Нѣкоторыхъ изъ крестьянъ нельзя даже назвать переселенцами въ строгомъ смыслѣ этого слова, потому что, выселяясь на островъ, они не вполнѣ покидаютъ свое хозяйство на «Большой Землѣ», причемъ, если въ семьѣ есть нѣсколько промышленниковъ (отецъ и нѣсколько сыновей), то они чередуются въ зимовкахъ на Новой Землѣ, что конечно, легче для каждаго въ отдѣльности, чѣмъ переселяться безвыѣздно на пустынный островъ.

Народъ этотъ отваженъ, смѣлъ, не хуже самоѣдовъ закаленъ въ борьбѣ съ суровыми условіями края, но, благодаря природной развитости, смѣтливости, онъ въ борьбѣ съ природой и звѣремъ обставляетъ себя различными культурными приспособленіями и

Собаки въ упряжкѣ.

Маточкинъ Шаръ.

усовершенствованіями. Такъ, напримѣръ, въ поселкѣ пришлось увидѣть уже примитивную метеорологическую станцію, за которой слѣдитъ и ведетъ требуемыя записи, если не ошибаюсь, поморъ, крестьянинъ Усовъ. Бинокли, усовершенствованныя винтовки, фотографическіе аппараты и метеорологическія приспособленія являются здѣсь уже неотъемлемою принадлежностью быта. Свое отношеніе къ рискованнымъ встрѣчамъ одинъ на одинъ съ царями льдовъ—бѣлыми медвѣдями—такой поморъ выражаетъ очень просто: «конечно, «онъ» сильный, только чего же его бояться: у него ружья нѣтъ». Только съ такой вѣрой въ свое ружье (онъ бѣлку бьетъ въ глазъ, чтобы не попортить шкуры) и можно имѣть то хладнокровіе, съ которымъ обыкновенно идетъ промышленникъ на свой опасный промыселъ.

Такіе промышленники изъ крестьянъ нерѣдко привозятъ съ собою и своихъ женъ. Эти представительницы женскаго населенія Архангельской губерніи, въ большинствѣ случаевъ красивыя рослыя поморки, опрятныя въ хозяйствѣ, привыкшія къ трудовой зажиточной жизни, несутъ съ собой и на пустынную сторону свою хозяйственную домовитость и своеобразный уютъ русскаго жилища. Въ одной изъ такихъ семей мы встрѣтили совсѣмъ городской пріемъ. Чай подали съ печеньемъ и вареньемъ на блюдечкѣ. Чудесной скатертью покрытый столъ, домотканныя дорожки, разостланныя на полу, высоко взбитая пуховая перина съ затѣйливыми кружевами въ простынѣ, все заставляло невольно переводить вниманіе на привѣтливую молодуху—создательницу семейнаго комфорта.

Несомнѣнно, конечно, что круглый годъ не можетъ здѣсь протекать такая идилія. Не говоря уже о тяжкомъ зимнемъ промыслѣ (охотѣ), стужа и вѣтеръ жестоко разрушаютъ все, что попадаетъ въ ихъ власть. Особенною жестокостью отличается здѣсь сѣверо-восточный вѣтеръ... «стокъ», какъ говорятъ на Новой Землѣ... Сила его трудно поддается воображенію. Туземцы говорятъ: «Если въ первыя трое сутокъ не отсвисталъ (т.-е. не окончился), то на слѣдующія трое сутокъ онъ увеличивается на три балла, если въ шесть сутокъ не окончится, то снова увеличивается на три балла, и такъ далѣе, пока не увеличится настолько, что семидесятипяти-пудовый баркасъ выкидывается на берегъ, какъ щепка, а стоящія на двухъ якоряхъ суда отрываетъ и уноситъ въ море. Собакъ нерѣдко стаями сгоняетъ въ море, а люди ползаютъ на четвереренькахъ, чтобы не валиться съ ногъ и не подвергнуться той же участи».

На естественный вопросъ, какой при такихъ условіяхъ возможенъ промыселъ,—старѣйшій изъ промышленниковъ Ефимъ Хантанзей говоритъ:

— Для хорошаго промышленника нѣтъ невозможныхъ условій для промысла.

Относясь такимъ образомъ къ непреодолимой стихіи, промышленникъ жестоко жалуется, когда онъ пропадаетъ «ни за что» отъ цынги и недоѣданія въ сыромъ неудовлетворительномъ жилищѣ зимовщика. Единственный случай цынготнаго заболѣванія въ настоящій пріѣздъ на Новую Землю пришлось наблюдать именно въ одной изъ самыхъ неудовлетворительныхъ построекъ, стоившей, впрочемъ, обычныя четыре-пять тысячъ рублей. Стройка поражала своей легкомысленностью. Напримѣръ, печь поставлена русская съ прямымъ дымоходомъ и всего съ одной вьюшкой. Въ одной изъ комнатъ чернаго пола вовсе не было, а былъ лишь верхній настилъ. Кто-то изъ зимовавшихъ въ 1910 и 1911 годахъ въ научной экспедиціи разсказывалъ мнѣ, какъ 12-го августа южнымъ вѣтромъ (не «стокомъ») сквозь закрытое окно была потушена свѣча... И вотъ обитатели этого-то жилища и были награждены цынгою. При входѣ въ этотъ домъ насъ встрѣтила зелено-блѣдная, истощенная женщина съ груднымъ младенцемъ на рукахъ. Она, разнервничившись, едва сдерживала слезы, показывая доктору израненныя десны и высохшую грудь. На кровати лежалъ также съ отекшимъ зелено-блѣднымъ лицомъ ея мужъ, еще молодой мужчина. Онъ уже не въ состояніи былъ подниматься съ постели. Изъязвленныя, вспухнувшія ноги внушали содроганіе. Конечно, эту семью сейчасъ же взяли на пароходъ, назначили леченіе, и впослѣдствіи, какъ я узнала, вполнѣ возстановивъ здоровье въ Архангельскѣ, они снова вернулись къ своимъ промысламъ.

Въ этомъ же поселкѣ намъ пришлось наблюдать интересное зрѣлище: посадку живыхъ медвѣдей въ клѣтки и доставку ихъ на пароходъ. Еще подъѣзжая къ селенію, можно было замѣтить два-три громадныхъ бѣлыхъ кома, быстро катавшихся по пустынному берегу и, лишь подъѣхавъ ближе, можно было различить трехъ бѣлыхъ медвѣдей, разгуливавшихъ на длинныхъ хордахъ. Они были взяты еще совсѣмъ въ младенческомъ возрастѣ и быстро росли и крѣпли, обѣщая развиться въ великолѣпные экземпляры своей породы. Они были страшно комичны въ своей походкѣ и поражали неимовѣрной прыткостью и проворствомъ, когда косолапые со всѣхъ ногъ кидались за брошеннымъ имъ кускомъ мяса... Особенныхъ любителей дразнить звѣрей охотники предупредили, что медвѣди, въ сущности говоря, сидятъ на привязи по своей доброй волѣ, потому что имъ ровно ничего не стоитъ вырвать изъ грунта колъ, къ которому они привязаны, и уйти на всѣ четыре стороны или броситься на издѣвавшихся надъ ними наблюдателей. Нынѣ одинъ изъ этихъ плѣнниковъ находится въ гамбургскомъ зоологическомъ саду, а два другіе были куплены тоже въ звѣринцы или даже просто любителями съ аукціона.

Вообще изъ Ольгинскаго поселка удалось вывезти немало и другой живности. Нѣсколько живыхъ молоденькихъ песцовъ были

разобраны на память пассажирами. Я взяла себѣ двухъ полярныхъ совъ. Взрослыя, онѣ отличаются безупречно бѣлымъ защитнымъ цвѣтомъ—подъ снѣгъ. Птенцы же покрыты нѣжнымъ сѣрымъ пухомъ. Эти птицы, при ближайшемъ наблюденіи надъ ними, поразили меня какой-то особенной осмысленной психологіей, не говоря уже о томъ, что онѣ очень быстро пріучились узнавать свою хозяйку. Въ теченіе всего обратнаго путешествія мои совы занимали собою все общество. Онѣ очень опредѣленно всегда обнаруживали свое настроеніе. Выражали свою симпатію или антипатію по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Если онѣ съ удовольствіемъ закусили сырымъ мясомъ и попили холодной воды, онѣ удовлетворенно пощелкивали языкомъ и на обращенное къ нимъ вниманіе отвѣчали своимъ пощелкиваніемъ особенно выразительно и учтиво. Когда же ихъ надолго оставляли въ одиночествѣ или забывали покормить, онѣ становились нетерпѣливы и требовательны, какъ самая нервная женщина, и выражали свои чувства уже настойчивымъ свистомъ. Онѣ великолѣпно различали отдѣльныя лица и нѣкоторыхъ просто не выносили. Онѣ встрѣчали ихъ такимъ пронзительнымъ свистомъ, что многихъ это даже конфузило, особенно одного актера.

Занятые оживленными наблюденіями, мы и не замѣтили, какъ подошло время возвращаться назадъ въ Архангельскъ уже прямо безостановочно открытымъ океаномъ до Бѣлаго моря. При нормальныхъ условіяхъ путь этотъ проходится пароходомъ въ трое сутокъ. Въ осенніе же мѣсяцы колоссальные штормы не только задерживаютъ въ пути суда, но иногда выносятъ ихъ едва живыми, если не разбиваютъ вдребезги, какъ было, напримѣръ, осенью 1913 года, когда погибла такая масса норвежскихъ и шведскихъ пароходовъ.

Наше плаваніе, какъ сказано выше, происходило въ іюлѣ мѣсяцѣ, и потому многіе имѣли полное основаніе предполагать безъ всякой задержки пройти обратный путь. Они съ наслажденіемъ высчитывали, когда наконецъ, можно будетъ перебраться съ неспокойныхъ «коекъ» въ свои постели на отдыхъ и посидѣть за обѣдомъ не на привинченныхъ стульяхъ, какъ это устроено обыкновенно на пароходахъ.

Между тѣмъ съ капитанскаго мостика сообщалось о далеко неутѣшительныхъ наблюденіяхъ. Со стороны открытаго океана даже простымъ глазомъ можно было замѣтить происшедшую рѣзкую перемѣну. Прямо къ бухтѣ надвигался сплошной стѣной туманъ. Море рябило бѣлыми гребнями короткихъ разбивающихся волнъ, и лишь изрѣдка пробѣгали по одиночкѣ высокой стѣной настоящія волны. Океанъ потемнѣлъ. По небу скользили облачка, которыя почему-то волновали опытнаго наблюдателя. Больше всего страшилъ туманъ... «Волну-то вынесетъ нашъ «Княгиня Ольга»,—

Самоѣдъ со своей лодкой (пашкой).

говорили знающіе люди. Рѣшили было переждать туманъ, но нетерпѣнье взяло верхъ, и пароходъ, покинувъ защищенное убѣжище, пошелъ навстрѣчу открытой бурѣ. На палубѣ и въ каютахъ шли спѣшныя приспособленія къ борьбѣ съ качкой и вѣтромъ. Привязывались чемоданы, убиралась посуда, завинчивались иллюминаторы. На столы накладывались рѣшетки съ футлярами для тарелокъ. Матросы, одѣтые въ непромокаемые плащи, спѣшно при-

крѣпляли грузъ, убирали лишнее съ палубы, осматривали спасательныя шлюпки. Все это столь обычное въ морскомъ быту явленіе производило на пассажировъ удручающее впечатлѣніе, поселяло безпокойное предчувствіе. Только капитанъ, подсмѣиваясь надъ страхами, внушилъ настолько спокойствія и бодрости, что большинство рѣшило пообѣдать.

Было занятно наблюдать потерявшія равновѣсіе фигуры входящихъ въ столовую людей. Одинъ, напримѣръ, съ видомъ полнаго пренебреженія къ опасности рѣшительнымъ шагомъ направляется къ столу. Онъ почти у цѣли. Становится уже неинтересно слѣдить за нимъ, какъ неожиданный для всѣхъ толчокъ бросаетъ его вдругъ на піанино. Желающій ему помочь откидывается въ сторону и падаетъ на колѣни сосѣду. Другой входитъ до того опасливо, что едва дышитъ, едва ступаетъ и, вдругъ потерявъ всякую осторожность, со всѣхъ ногъ проносится черезъ каюту и затѣмъ долго не можетъ попасть въ свое кресло. Безпомощныя фигуры пассажировъ, одна другой смѣшнѣй, безполезно цѣпляются за воздухъ, и только лакей съ профессіональнымъ проворствомъ жонглируетъ посудой и собственной персоной для равновѣсія. Онъ то плечомъ поддержится у косяка, разставивъ ноги, то придержится колѣнкой за диванъ, то блюдомъ балансируетъ на растопыренныхъ рукахъ, а бѣдный пассажиръ безрезультатно тычетъ вилкой въ воздушное пространство. Откровенно говоря, многіе съ удовольствіемъ не вышли бы въ такихъ условіяхъ къ обѣду, но привлекалъ голецъ... Это мѣстная рыба, красная, похожая вкусомъ на лососину... Свѣжая, только что выловленная въ Крестовой губѣ рыба подъ провансальскимъ соусомъ великолѣпно разнообразила наше уже давно наскучившее меню. Варятъ изъ гольца и уху. Любителямъ нравится. Вообще же ловля гольца у береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана составляетъ цѣлую отрасль промысла поморовъ и колонистовъ Новой Земли.

Но немногіе выдержали испытаніе до конца. Одна за другой блѣднѣли и зеленѣли физіономіи, и подъ разными предлогами обѣдающіе покидали столъ. Качка разыгралась не на шутку. Обѣдъ выдержали изъ двадцати человѣкъ человѣка четыре, а двое изъ нихъ даже съ отмѣннымъ аппетитомъ. Когда же мы, трое-четверо неподатливые качкѣ, послѣ обѣда поднялись на верхнюю рубку, оказалось, что на палубу нельзя даже было открыть дверь; все заливало водой.

Только черезъ широкія окна можно было наблюдать океанъ. Видно было, какъ издалека поднималась высокая, съ домъ величиной, волна, шла, шла и наконецъ изо всей силы ударялась въ бортъ парохода. Пароходъ почти ложился на бокъ, содрогался всѣмъ корпусомъ и отскакивалъ отъ волны, какъ получившій ударъ человѣкъ... Казалось, что больше не встать ему, не выпря-

миться... Но свирѣпая (такъ называемый «девятый валъ») волна отходила, пароходъ выпрямлялся и снова начиналъ работу. А волны наскакивали, то заливая палубу и сметая съ нея все, что плохо прикрѣплено, то перелетая черезъ борта. Безъ конца можно было наблюдать эту однообразную, но не наскучивающую картину. Точно кипящій котелъ, клокоталъ океанъ, вздымая изъ нѣдръ водяные столбы, готовые каждую минуту раздавить васъ собою... Но если непрестанно и упорно, не отрываясь слѣдить за волнами, думать о нихъ, думать о силѣ и смыслѣ ихъ разрушительнаго могущества, то порою кажется, что даже не страшно погибнуть въ такой величественно-таинственной и прекрасной стихіи...

Буря между тѣмъ росла и росла. Вѣтеръ увеличивался до девяти-десяти балловъ (одиннадцать балловъ считается уже ураганомъ). Качка не давала покою. Удержаться за что-либо становилось безполезно. Пароходъ бросало съ такой силой, что мѣдные прутья, вставленные въ окна и двери передъ стеклами, оторванные, оставались у васъ въ рукахъ, если вздумаете за нихъ удержаться, а вы все же неукоснительно летѣли подъ тѣмъ угломъ, который предназначался вамъ математикой. Эта математичность, т. е. зависимость между угломъ наклоненія парохода и линіей вашего паденія была бы крайне занимательна для наблюденія, если бы подчасъ не была серьезно опасной...

Сквозь свистъ бури доносился иногда съ палубы ревъ медвѣдей, страдавшихъ отъ качки ужасно... Клѣтки съ песцами, какъ оказалось впослѣдствіи, были снесены волною въ океанъ. Къ довершенію всего туманъ сгустился до того, что невозможно было ничего различить на аршинъ отъ борта. Въ рубкѣ становилось нечего дѣлать. Пришлось такъ или иначе добраться до койки и лечь. Качка съ боковой смѣнилась на килевую. Пароходъ, какъ дельфинъ, нырялъ въ волны. За стекломъ иллюминатора непрерывною стѣной стояли зелено-голубыя воды океана и временами казалось, что все кончено, пароходъ уходитъ на дно и никогда уже не увидишь ничего, кромѣ этой сине-голубой стѣны. И только когда пароходъ зарывался носомъ въ волны, характерный стукъ пароходнаго винта, вращающагося въ воздухѣ, давалъ знать, что мы еще держимся на поверхности. Но иногда этотъ стукъ казался слишкомъ продолжительнымъ, пароходъ почти отвѣсно становился носомъ и казалось, что вотъ вотъ сейчасъ мы перекувырнемся внизъ головою. Ко всему этому присоединялись стоны страдавшихъ отъ качки людей. Оторвавшіеся чемоданы, эмальированныя пепельницы и другія вещи, какъ ошалѣлыя, катались изъ стороны въ сторону. На палубѣ тоже что-то грохотало и съ шумомъ скатывалось въ воду. Сова пронзительно свистала и надрывала сердце. Этотъ адъ въ концѣ концовъ становился нестерпимымъ. Я рѣшилась улечься въ койку съ полной готовностью про-

снуться гдѣ-нибудь на днѣ океанской пучины, лишь бы хоть на мигъ забыться сномъ. На койкѣ трудно было удержаться. То пароходъ вздымался па дыбы, и нужно было ногами упираться въ стѣнку, то онъ нырялъ носомъ, и приходилось стоять на головѣ.

Проснулась я отъ короткихъ тревожныхъ свистковъ... На пароходѣ абсолютная тишина, мы даже, кажется, не движимся, стоимъ на мѣстѣ. На палубѣ какая-то тревожная суета. Первая мысль— потонули. Что-то будетъ дальше... Спѣшу наверхъ... Открываю дверь на палубу и попадаю въ сплошную мглу. Не видно собственной руки. Буря улеглась. Сплошной туманъ сжималъ насъ плотной массой. Не видно было ничего, но напряженная жизнь чувствовалась кругомъ. Свистки нашего парохода непрерывно, ежесекундно чередовались со свистками какого-то парохода, находившагося гдѣ-то бокъ-о-бокъ съ нами. Мы какъ грандіозные слѣпцы обходили другъ друга, рискуя вотъ-вотъ столкнуться на смерть. Кажется, стало ясно, что мы разошлись благополучно. «Онъ» посылалъ намъ сигналы, что идетъ на сѣверъ, влѣво. Мы шли на югъ и отвѣчали, что все благополучно, и чувствовалось, какъ разряжалась напряженность и какъ «оба», прибавляя ходъ, обмѣнивались напослѣдокъ успокоительными сигналами. Чей-то голосъ ободрялъ и посылалъ спать, говоря, что скоро утро и туманъ пройдетъ, а бури не будетъ.

На утро мы были въ Бѣломъ морѣ. Палуба блестѣла подъ ослѣпительнымъ блескомъ солнца. Море, потерявъ свои зелено-синія краски, было желто-сѣрое, жаркое и спокойное. И все было такъ обыкновенно, такъ спокойно, такъ «хорошо», что просто не вѣрилось въ только что пережитое стихійное чувство. Съ каждымъ часомъ мы отдалялись отъ этой очаровательной, мрачной стихіи, отъ сказочнаго пустыннаго острова Новой Земли...

На обыденно-покойномъ фонѣ, помимо воли, безпрестанно встаетъ силуэтъ мрачнаго, только что покинутаго пустыннаго края, напоеннаго такою страшной красотою, которой жутко смотрѣть въ глаза. Не всякій вынесетъ ея суровую прелесть. Этотъ гигантскій край требуетъ къ себѣ и гигантской страсти, гигантской привязанности. Гигантской привязанности, которую проявило уже къ нему не мало русскихъ пылкихъ сердецъ, сложившихъ свои жизни въ оледенѣлой землѣ. Край этотъ богатъ [1]), вѣрится, что источники богатствъ въ немъ неистощимы... Но къ нимъ нужно итти съ «чистымъ сердцемъ», съ смѣлой иниціативой, а не съ мелкимъ расчетомъ и плутовствомъ. Тамъ нельзя искать «легкаго труда», гдѣ нужно отвоевывать у природы каждую пядь.

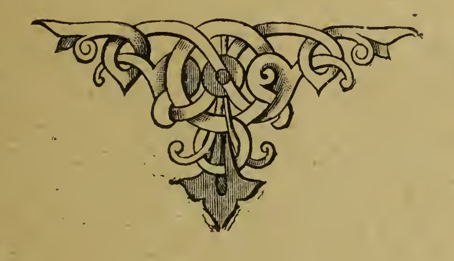
---

[1]) Каменный уголь, свинецъ, мѣдная руда въ изобиліи доставляются съ Новой Земли въ образцахъ. Для разработки мѣденосныхъ участковъ уже было организовано акціонерное общество, нынѣ, кажется, распавшееся вслѣдствіе денежныхъ недоразумѣній.

Край этотъ требуетъ прежде всего любви къ себѣ. Только любовь и увлеченіе помогутъ вынести всѣ трудности работы въ немъ. А работы онъ стоитъ, и работники для него въ Россіи найдутся всегда.

Окончится для Россіи одна колоссальнѣйшая задача — война. Заступятъ ее, между прочимъ, другія—нужны будутъ богатства, деньги, и нѣдра пустыннаго острова дадутъ ихъ, какъ далъ ихъ иностранцамъ Шпицбергенъ, какъ американцамъ Аляска... Шахты разворотятъ его нутро, зазвенятъ трамваи, заснуютъ пароходы отъ материка къ острову—и далекая сказочная страна окажется пріобщенной къ общей жизни нашей великой страны.

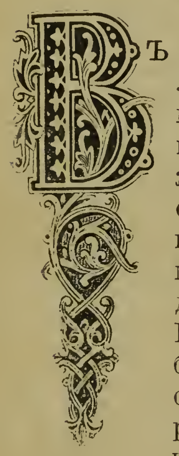
А. М. Нечаева.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

Ходъ военныхъ дѣйствій въ борьбѣ съ нѣмцами.—Болгарская измѣна славянскому дѣлу.—Событія во внутренней жизни Россіи.

Въ ПРОШЛУЮ нашу бесѣду съ читателями мы разстались съ нимъ въ моментъ вторженія германскихъ полчищъ въ исконныя западныя русскія земли. Нѣмцы шли туда подъ прикрытіемъ ураганнаго огня своей тяжелой артиллеріи довольно спокойно, никакъ не ожидая, что героическія войска наши будутъ отстаивать грудью своею каждую пядь родной земли, а немногочисленный, но бодрый духомъ флотъ нашъ не допуститъ непріятельскихъ армадъ къ высадкамъ въ Рижскомъ заливѣ. Въ дѣйствительности, упорные бои нашихъ доблестныхъ войскъ съ нѣмцами на всемъ огромномъ протяженіи фронта отъ Риги до Серета на румынской границѣ ясно доказали всему свѣту, что живая мощь русской арміи не только не сломлена, а, напротивъ, развивается въ ближайшемъ соприкосновеніи съ тыломъ дѣйствующихъ войскъ, по мѣрѣ снабженія ихъ артиллерійскими снарядами и вооруженіемъ, также ураганнаго характера, и сближенія съ хорошо обученными и вооруженными резервами. Осчастливленные принятіемъ Государемъ Императоромъ верховнаго командованія надъ войсками, русскіе полки, безъ сомнѣнія, въ недалекомъ будущемъ погонятъ злобнаго и сильнаго врага со священной русской земли по дорогѣ къ Берлину.

Въ этомъ конечномъ успѣхѣ нашей борьбы съ нѣмцами убѣждаютъ насъ всѣ счастливо сложившіяся для насъ въ послѣднее время

военныя событія. Цѣлью дѣйствій воюющихъ сторонъ является не занятіе враждебной территоріи въ тѣхъ или другихъ пунктахъ, а сокрушеніе живой силы противника, то есть его армій и питающихъ ихъ средствъ. Въ настоящее время сами нѣмцы приходятъ къ сознанію, что ихъ арміи гораздо ближе къ этому роковому моменту истощенія и сокрушенія, чѣмъ армія русская и союзныя ей французская, англійская и итальянская, не говоря уже о нетронутомъ еще войною резервѣ ихъ, арміи японской. Австро-Германія уже пускаетъ въ дѣло послѣдніе призывы своего населенія, могущаго носить оружіе, тогда какъ одна Россія призывомъ на службу ратниковъ 2-го разряда вливаетъ теперь въ ряды своихъ войскъ до 8 милліоновъ человѣкъ,—цифра, если въ нее вдуматься, ужасающая по своимъ размѣрамъ и значенію. Нѣмцы, безъ сомнѣнія, не учитывали ея, начиная войну, только потому, что лучше, чѣмъ мы сами, знали нашу дезорганизованность, увѣрены были въ томъ, что эта масса воиновъ не будетъ достаточно оборудована боевымъ снаряженіемъ въ надлежащее время, ибо, по ихъ расчетамъ, къ счастію, не оправдавшимся, война должна была быть молніеносною. Нѣмцы думали вести войну только съ русскимъ правительствомъ и учитывали только средства, находившіяся *непосредственно* въ его распоряженіи, и забыли... о русскомъ народѣ, о его неисчерпаемыхъ силахъ и энергіи. Нѣмцы думали посѣять вражду между правительствомъ и народомъ и воспользоваться ею для заключенія сепаратнаго мира съ великой славянской державой и, вмѣстѣ того, увидѣли противъ себя весь русскій народъ со всѣми его интеллектуальными, земскими и промышленными силами,—народъ, сознающій себя призваннымъ къ другой, болѣе почетной исторической миссіи, чѣмъ быть навозомъ для германской «культуры». Средства, находившіяся непосредственно въ распоряженіи правительства, быстро умножились и умножаются трудомъ и жертвами русскихъ людей всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ общества и возникшихъ для этой цѣли общественныхъ организацій, во главѣ которыхъ стоятъ всероссійскіе союзы земскій и городской. Не нѣмцамъ справиться съ русскимъ народомъ, встающимъ во весь свой ростъ, какъ бы они ни хвастались своею безспорно удивительной организаціей и техникой. Какъ и при Петрѣ Великомъ, во время Великой Сѣверной войны, русская армія и русскій народъ организуются для побѣды подъ грохотъ пушекъ, во время самой войны. Нашъ сонъ былъ сладокъ для нашего историческаго смертельнаго врага, и не радостно для него наше пробужденіе... Громъ грянулъ, и мужикъ перекрестился... Въ добрый часъ!

Само вторженіе нѣмцевъ въ Западную Россію едва ли благопріятствуетъ ихъ стратегическимъ расчетамъ. Въ Берлинѣ съ помпой объявили о занятіи Варшавы, Ковны, Гродны, Брестъ-Литовска, но затѣмъ очень скоро призадумались: съ восточнаго

фронта посыпались самыя нерадостныя вѣсти. Нѣмецкія арміи двигаются среди невылазной осенней грязи по мѣстностямъ, опустошеннымъ и покинутымъ бѣжавшими жителями, среди болотъ и озеръ, въ безпрерывныхъ сраженіяхъ съ русскими войсками, страдая отъ голода и холода. Вступленіе въ русскіе предѣлы сразу лишило нѣмцевъ самаго важнаго ихъ преимущества—всѣхъ удобствъ организованнаго тыла, гдѣ по многочисленнымъ желѣзнодорожнымъ путямъ шли къ нѣмецкимъ арміямъ резервы, продовольствіе и снаряды, гдѣ съ необычайною легкостью и быстротою совершались позади фронта всѣ маневренныя передвиженія германскихъ войскъ для атаки малоподвижныхъ русскихъ армій, гдѣ, наконецъ, рядъ крѣпостей и населенныхъ пунктовъ обслуживалъ тылъ арміи военными складами и лазаретами. Всего этого должны были лишиться нѣмцы при движеніи вглубь Россіи, испытывая, между тѣмъ, всѣ невзгоды осенней кампаніи. Исходя изъ той мысли, что живая мощь нѣмцевъ заключается въ ихъ арміи, нельзя не видѣть, что, при этихъ условіяхъ, и послѣдніе призывы германскаго населенія, которые выставлены Австро-Германіей, постигнетъ печальная участь надъ ударами нашихъ войскъ, сражающихся на родной почвѣ и, какъ теперь достовѣрно извѣстно, достаточно снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для боя. Болѣе того, мы не сомнѣваемся, что уже въ ближайшемъ будущемъ наши арміи, руководимыя своимъ Верховнымъ Вождемъ, перейдутъ въ наступленіе.

Съ другой стороны, пока нѣмцы побѣдоносно увязали въ литовскихъ болотахъ, на западномъ фронтѣ англо-французскія войска, снабженныя огромнымъ количествомъ артиллерійскаго вооруженія, рѣшились наконецъ оставить свой методъ позиціонной войны и напасть на противостоящія имъ нѣмецкія арміи, ослабленныя перевозкой войскъ на восточный, русскій фронтъ. Цѣлый годъ англо-французы готовились къ этому движенію, томясь пассивною обороною своихъ окоповъ. Какъ показываютъ послѣднія извѣстія, генералиссимусъ французскихъ войскъ Жоффръ призналъ настоящій моментъ удобнымъ для своего наступленія на нѣмцевъ, и засидѣвшіеся въ окопахъ французы устремились на нихъ съ бѣшенымъ натискомъ. Первая линія нѣмецкихъ окоповъ, считавшаяся неприступною, подверглась губительному, сверхъураганному огню союзниковъ и была ими прорвана, несмотря на ожесточенное сопротивленіе нѣмцевъ; побѣдители захватили до 30,000 плѣнныхъ и массу трофеевъ. Этотъ успѣхъ англо-французскихъ войскъ, несомнѣнно, является лишь первымъ шагомъ ихъ наступленія на Бельгію и къ берегамъ Рейна. Увязшимъ въ Россіи германскимъ арміямъ приходится теперь оглядываться назадъ и думать только о благополучномъ отступленіи.

Нашествіе германцевъ на Западную Россію не могло, однако, не оставить глубокихъ слѣдовъ въ этомъ несчастномъ краѣ, какъ

и въ сопредѣльномъ ей царствѣ Польскомъ. Города и селенія, разрушенные и сожигаемые новыми вандалами, выдѣлили изъ себя сотни тысячъ такъ называемыхъ бѣженцевъ, бросившихся искать спасенія отъ лютаго врага въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Къ сожалѣнію, выселеніе бѣженцевъ не получило съ самаго начала должной организаціи и въ огромномъ большинствѣ случаевъ повлекло за собою многія тысячи жертвъ нашей собственной непредусмотрительности и неразумія. При скрытномъ несочувствіи нашей администраціи къ общественному почину и дѣятельности общественныхъ организацій подлежащимъ властямъ невозможно было собственными средствами справиться съ этимъ огромнымъ движеніемъ населенія, напоминавшимъ собою эпоху великаго переселенія народовъ. Выселеніе это фактически разрушило и знаменитую черту еврейской осѣдлости и привело къ «временному» разрѣшенію евреямъ селиться во всѣхъ городахъ Россіи, кромѣ столицъ и мѣстностей, находящихся въ вѣдѣніи министерствъ военнаго и Императорскаго Двора. Этотъ притокъ новаго слоя горожанъ въ немаломъ количествѣ, несомнѣнно, отразится на жизни нашихъ городскихъ поселеній внутри Россіи и въ Сибири.

Друзья, говорятъ, познаются въ несчастіи, но этой пробы—несчастія—далеко не всѣ они выдерживаютъ. Не выдержалъ пробы и давній «другъ» Россіи, и другъ притомъ «благодарный»—Болгарія. Политика, правда, не признаетъ чувствъ сентиментальности, но даже реальные интересы болгарскаго народа должны были совпадать съ его чувствами къ своей освободительницѣ, Россіи. Болѣе того, въ великой борьбѣ германизма съ славянствомъ славянскій народъ, поднимающій мечъ за германцевъ, является измѣнникомъ по отношенію ко всему славянскому дѣлу, самъ куетъ для себя нѣмецкія цѣпи въ будущемъ. Болгарія увлеклась мнимыми побѣдами германцевъ и, давно играя въ руку Германіи и Австріи своимъ сомнительнымъ нейтралитетомъ, въ настоящее время сорвала маску, объявила «вооруженный нейтралитетъ» и двинула свои войска къ границамъ союзной Россіи Сербіи, чтобы войти въ связь съ австро-германскими войсками. Эти враждебныя дѣйствія Болгаріи въ сущности являются вызовомъ всему четверному согласію, представители котораго въ Софіи только что предъ этимъ предлагали болгарскому правительству гарантію въ удовлетвореніи всѣхъ насущныхъ болгарскихъ интересовъ. Нѣтъ надобности, поэтому, доказывать, что истиннымъ виновникомъ враждебнаго Россіи выступленія Болгаріи является не столько самъ болгарскій народъ, сколько Фердинандъ **Кобургскій**, изъ австрійскихъ поручиковъ, благодаря попустительству Россіи, попавшій въ короли Болгаріи и въ этомъ санѣ продавшій интересы болгарскаго народа своимъ соотчичамъ—нѣмцамъ. Для насъ и ранѣе не существовало ни малѣйшаго сомнѣнія, что при первомъ поворотѣ воен-

наго счастья въ пользу Австро-Германіи этотъ авантюристъ на болгарскомъ престолѣ, подъ рукою способствовавшій сношеніямъ нѣмцевъ съ Турціей, не замедлитъ стравить два славянскихъ народа и сдѣлать диверсію для вящшаго торжества турокъ и нѣмцевъ. Насъ удивляла только безконечная терпимость къ дѣйствіямъ Фердинандовскаго правительства державъ четверного согласія, представители которыхъ въ Софіи, подчиняясь указаніямъ русскаго правительства, не только вели съ нимъ переговоры, безплодность которыхъ была очевидна съ начала войны, но и лойяльно стремились къ поддержанію согласія между Фердинандомъ, съ одной стороны, и его народомъ—съ другой и тѣмъ способствовали торжеству нѣмецкихъ вожделѣній въ Болгаріи. Нынѣ четверное согласіе уже вынуждено было объявить о своемъ намѣреніи высадить въ Салоникахъ полторастатысячный экспедиціонный отрядъ для защиты Сербіи отъ болгаръ, а Россія предъявила болгарскому правительству ультиматумъ, правда, составленный въ неопредѣленныхъ, недостаточно твердыхъ выраженіяхъ и угрожающій пока лишь перерывомъ дипломатическихъ сношеній съ болгарскимъ правительствомъ! Только дипломатическимъ Маниловымъ цѣлый годъ издѣвательскихъ и предательскихъ дѣйствій короля Фердинанда ничего не говоритъ ни ихъ сердцу, ни уму. Съ Фердинандомъ и его приспѣшниками давно уже слѣдовало говорить языкомъ пушекъ, чтобы подвластный ему народъ зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло...

Въ связи съ выступленіемъ Болгаріи въ пользу нѣмцевъ и турокъ важно уяснить положеніе другихъ нейтральныхъ государствъ: Греціи и Румыніи. И эти государства имѣютъ своими королями принцевъ нѣмецкаго происхожденія: Константина (изъ Аугустенбургской линіи, взошедшей не такъ давно на датскій престолъ), женатаго на сестрѣ кайзера, принцессѣ Софіи, и Фердинанда румынскаго изъ рода Гогенцоллерновъ, къ которому принадлежитъ и кайзеръ. И Греція, и Румынія вслѣдствіе этого до сихъ поръ придерживались нейтралитета, въ общемъ болѣе благопріятнаго союзу центральныхъ имперій, чѣмъ четверному согласію, что въ Греціи вызвало отставку кабинета Венизелоса, а въ Румыніи—народное броженіе, такъ какъ и въ названныхъ государствахъ національные интересы требовали присоединенія ихъ къ четверному согласію. «Лойяльные» представители этого согласія въ Бухарестѣ и Аѳинахъ давно пробовали побудить румынское и греческое правительства къ этому шагу, но, конечно, безуспѣшно. Теперь выступленіе болгаръ противъ Сербіи вынуждаетъ Румынію и Грецію сдержать болгаръ, потому что успѣхъ болгаръ въ борьбѣ съ сербами будетъ угрожать и греко-румынскимъ пріобрѣтеніямъ, совершившимся по Бухарестскому договору 1913 года. Тогда—прощай румынская Добруджа, прощай греческая Македонія и даже Салоники! Въ

виду этого кабинетъ Венизелоса, возвратившагося ко власти, уже побудилъ короля Константина объявить мобилизацію арміи и вступить въ соглашеніе съ державами согласія, обязавшимися поддержать выступленіе Греціи, но Румынія еще крѣпко держится за свой призрачный нейтралитетъ, возбуждая негодованіе среди румынскаго народа и жалобы четырехъ милліоновъ трансильванскихъ румынъ, изнывающихъ подъ австро-венгерскимъ ярмомъ. Безспорно, въ данномъ случаѣ дѣлу должны только помочь менѣе, быть можетъ, «лойяльные», но болѣе энергическіе шаги представителей четверного согласія въ Бухарестѣ. Шагамъ этимъ, безъ сомнѣнія, будетъ сочувствовать сама румынская королева, Марія, извѣстная «руссофилка», родная внучка императора Александра II по матери, великой княгинѣ Маріи Александровнѣ.

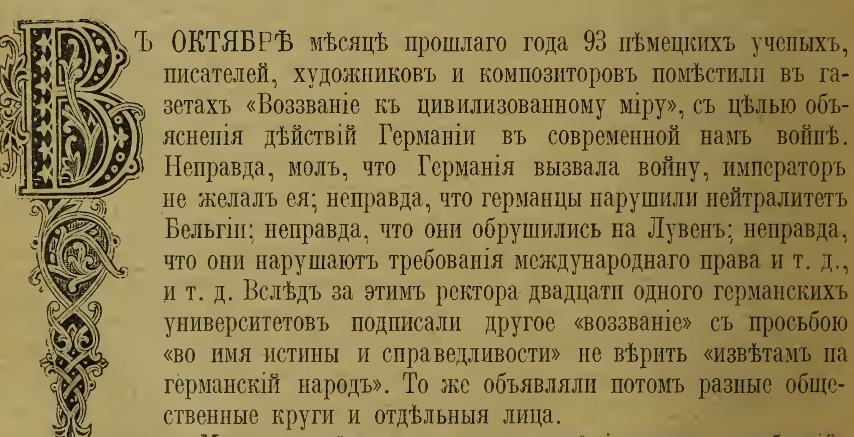
Непреклонная и единодушная рѣшимость русскаго народа довести, вмѣстѣ съ доблестными своими союзниками, великую борьбу съ германизмомъ до побѣднаго конца имѣетъ, такимъ образомъ, съ помощіею Божіею, всѣ видимые шансы на успѣхъ. Но для того, чтобы борьба эта завершилась скорѣе и съ меньшими жертвами для русскаго народа, несущаго главную тяжесть войны, необходимо, конечно, полное единеніе Царя съ его народомъ, глубоко ему преданнымъ, и единодушныя дѣйствія правительства и общественныхъ организацій, дѣйствующихъ во время войны. Настоящая война ясно показала связь дѣйствій арміи и дѣйствій тыла, объединенныхъ дѣйствій правительственныхъ и общественныхъ органовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою сферу дѣятельности и не можетъ возмѣщать одинъ другого. Чтобы согласовать эти дѣйствія при взаимномъ довѣріи, чтобы направлять ихъ къ одной цѣли, правительству, конечно, чрезвычайно важно прислушиваться къ «голосу земли русской», органомъ котораго съ высоты престола объявлена Государственная Дума. Голосъ земли русской придастъ дѣйствіямъ правительства въ этотъ необычайный историческій важности моментъ удвоенную, утроенную силу и авторитетъ не только внутри Россіи, но и внѣ ея, и органы власти, пользующіяся въ это время довѣріемъ Думы, будутъ пользоваться довѣріемъ и земли русской. Насущныя нужды государства и народа въ данный моментъ, по закрытіи Государственной Думы, достаточно выяснены теперь на московскихъ съѣздахъ представителей городской и земской Россіи. И народъ добромъ помянетъ въ своей исторіи то правительство, которое, при столь тяжкихъ для всего народа обстоятельствахъ, захочетъ пойти съ нимъ рука объ руку, облегчить ему всю тяжесть и борьбы, и сомнѣній, путемъ взаимныхъ уступокъ, путемъ общей, плодотворной работы. Совершившійся роспускъ Государственной Думы, перерывъ ея работъ возбуждаетъ въ народѣ, тоскующемъ по сильной и разумной власти, одно общее желаніе возможно скораго ея созыва.

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ

В. И. Адамовичъ. Оправданіе представителями германской интеллигенціи нынѣшней войны и способа ея веденія Германіей и Австро-Венгріей и отповѣдь представителей интеллигенціи во Франціи, Англіи и Россіи. Петроградъ. 1915. Стр. 68. Ц. 40 к.

ВЪ ОКТЯБРѢ мѣсяцѣ прошлаго года 93 нѣмецкихъ ученыхъ, писателей, художниковъ и композиторовъ помѣстили въ газетахъ «Воззваніе къ цивилизованному міру», съ цѣлью объясненія дѣйствій Германіи въ современной намъ войнѣ. Неправда, молъ, что Германія вызвала войну, императоръ не желалъ ея; неправда, что германцы нарушили нейтралитетъ Бельгіи; неправда, что они обрушились на Лувенъ; неправда, что они нарушаютъ требованія международнаго права и т. д., и т. д. Вслѣдъ за этимъ ректора двадцати одного германскихъ университетовъ подписали другое «воззваніе» съ просьбою «во имя истины и справедливости» не вѣрить «извѣтамъ на германскій народъ». То же объявляли потомъ разные общественные круги и отдѣльныя лица.

Между послѣдними интересно мнѣніе нашего прибалтійскаго вскормленника, извѣстнаго Оствальда. Заявляя себя пацифистомъ и не одобряя завоеваній, онъ тѣмъ не менѣе предлагаетъ создать «Балтійскую федерацію», отдѣлить отъ Россіи Польшу и вообще «исправить карту Европы». Другой нѣмецкій ученый, профессоръ Лассонъ,

прямо говоритъ: «Мы въ нравственномъ и умственномъ отношеніи выше всѣхъ народовъ. Вильгельмъ II всегда покровительствовалъ миру, правду и чести»; «наша армія — отраженіе разума и нравственности германскаго народа»; «мы правдивы, отличительныя наши свойства — человѣчность, мягкость, совѣстливость» и проч., и проч. Всего не выпишешь.

Естественно, что такая «правда» возмутила цивилизованный міръ и у всѣхъ противниковъ Германіи, на себѣ испытавшихъ ея «мягкость, человѣчность и совѣстливость», вызвала единодушный протестъ. Во Франціи опроверженіе нѣмецкаго воззванія объявили въ печати три академіи и шестнадцать университетовъ. Въ Англіи появились какъ коллективныя заявленія, такъ и цѣлый рядъ протестовъ отдѣльныхъ лицъ. Негодованіе на явную неправду нѣмецкихъ воззваній было вызвано среди интеллигенціи и многихъ нейтральныхъ государствъ: Голландіи, Швейцаріи, Испаніи, Португаліи, Греціи, Японіи и другихъ.

Въ Россіи негодованіе это выразилось прежде всего въ общемъ протестѣ представителей науки, подъ которымъ подписалось 793 лица, а затѣмъ и въ отдѣльныхъ протестахъ: петроградскаго университета (349 подписей), университета св. Владиміра (99 подписей) и конференціи военно-медицинской академіи, къ которому присоединились медицинскіе факультеты шести университетовъ.

Большинство этихъ воззваній и протестовъ знакомо публикѣ по газетнымъ сообщеніямъ, но рѣдко кто могъ собрать всѣ ихъ вмѣстѣ. Заслуженному профессору В. И. Адамовичу пришла счастливая мысль исполнить это и издать интересную книжку въ пользу семей пострадавшихъ на войнѣ народныхъ учителей. Эти «человѣческіе документы» долго будутъ имѣть историческое значеніе, доставляя въ своемъ разнообразіи взглядовъ матеріалъ при разработкѣ вопросовъ международнаго права. **А. П. Скугаревскій.**

Б. Д. Грековъ. Новгородскій домъ святой Софіи. Опытъ изученія организаціи и внутреннихъ отношеній крупной церковной вотчины. Ч. I. Пгр. 1914. Стр. XIV+544+129. Ц. 3 р.

Книга представляетъ попытку освѣтить научно нѣкоторыя стороны мало изслѣдованной у насъ внутренней жизни крупной церковной вотчины XVI—XVII вѣковъ, причемъ работа разсчитана авторомъ на двѣ части. Въ первой разсмотрѣны устройство управленія, территорія земель святой Софіи и приписные къ дому монастыри и затѣмъ составъ населенія. Вторая часть, имѣющая появиться въ будущемъ, должна, по мысли автора, представлять изслѣдованіе хозяйства софійскаго дома и обложенія его государственными платежами и повинностями.

Домъ святой Софіи—крупная церковная вотчина, съ разнообразнымъ по составу населеніемъ и цѣлой сѣтью внутреннихъ учрежденій, возникъ онъ съ прибытіемъ въ Новгородъ перваго новгородскаго владыки Іоакима и безпре-

рывно развивался до конца XV вѣка, когда вмѣстѣ съ новгородскимъ государствомъ подвергся общей участи подчиненія Москвѣ и пережилъ до середины XVII вѣка нѣкоторое затишье во всѣхъ сферахъ жизни. Вопросу объ организаціи управленія посвящена половина книги. Автору удалось дать чрезвычайно живое изображеніе учрежденій, вѣдавшихъ хозяйство святой Софіи, и даже подмѣтить, что антагонизмъ между Москвой и Новгородомъ продолжалъ жить и въ XVI—XVII вѣкахъ, только вылившись уже въ иныя формы. Не заглохшія еще стремленія къ автономности особенно оживились послѣ смутнаго времени, когда внѣшнее давленіе со стороны Москвы ослабѣло. Взаимоотношенія эти отчетливо встаютъ передъ наблюдателемъ при ближайшемъ знакомствѣ съ позиціями, занятыми казеннымъ и суднымъ приказами. «Казенный приказъ и оппозиціонно настроенный въ Москвѣ митрополитъ вмѣстѣ съ дѣтьми боярскими—это, такъ сказать, партія, во всякомъ случаѣ вполнѣ солидарная группа. Противъ нихъ судный приказъ съ назначеннымъ Москвою дьякомъ во главѣ». Значительное развитіе въ культурномъ отношеніи строя управленія дома святой Софіи видно на идеальной, съ точки зрѣнія автора, постановкѣ новгородскаго суда. Яркая картина этого суда дана на стр. 157—163. Особенно поражаетъ скорость судебнаго разбирательства.

Что касается софійскаго землевладѣнія, то здѣсь г. Грековъ за недостаткомъ данныхъ не могъ достичь вполнѣ точныхъ выводовъ, но зато онъ оказался гораздо счастливѣе въ изученіи состава населенія, обогативъ, между прочимъ, науку весьма цѣннымъ выводомъ относительно бобылей. До сихъ поръ опредѣленіе юридической природы бобыльства не поддавалось перу самыхъ выдающихся нашихъ ученыхъ. Б. Д. Грековъ первый сумѣлъ разрѣшить эту задачу удовлетворительно, благодаря чему теперь «сущность бобыльства можетъ быть опредѣлена исключительно юридическимъ признаками. Бобыль—свободный человѣкъ, вступающій въ личную зависимость онъ господина черезъ порядную, дающую бобылю право быть свободнымъ отъ тягла и «жить за» господиномъ на обоюдныхъ съ нимъ условіяхъ: со стороны господина—предоставить бобылю жилище часто со всѣмъ необходимымъ для веденія сельскаго хозяйства, со стороны бобыля—платить господиня оброкъ и исполнять рядъ повинностей, обыкновенно оговариваемыхъ въ порядной».

Рядъ новыхъ наблюденій, данныхъ авторомъ, заставляетъ читать книгу съ неослабнымъ интересомъ, чему не мало способствуетъ и прекрасный литературный языкъ, которымъ она изложена.

Удачны также характеристики нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ, на стр. 105 читаемъ: «Воевода Юрій Яншеевичъ Сулешовъ—въ «большой дружбѣ» съ митрополитомъ, но, какъ офиціальный представитель Москвы, ведетъ себя въ этой дружбѣ осторожно: «ѣстъ у митрополита въ задней кельѣ наединѣ» и дрожитъ у себя въ канцеляріи при воспоминаніи о томъ, «какъ сбредилъ» за ѣдой митрополитъ въ своемъ отзывѣ о патріархѣ. Держитъ себя пристойно; придраться къ нему почти невозможно; видитъ далеко впередъ».

Въ упрекъ автору слѣдуетъ поставить преувеличенную осторожность въ выводахъ даже тамъ, гдѣ матеріалъ давалъ возможность къ болѣе широкимъ заключеніямъ. Въ общемъ же книга оставляетъ впечатлѣніе цѣльнаго солид-

наго труда, хорошо задуманнаго и талантливо выполненнаго. Пожелаемъ, чтобы авторъ не подражалъ большинству нашихъ ученыхъ и не откладывалъ появленіе второго тома ad kalenda graecas. **Кудряшовъ.**

Н. Г. Высоцкій. Первый скопческій процессъ. Матеріалы, относящіеся къ начальной исторіи скопческой секты. Москва. 1915. Стр. I+XX+I+345. Ц. 2 р.

Выросшее на почвѣ темноты и невѣжества народнаго, при отсутствіи необходимаго ближайшаго и послѣдовательнаго духовнаго руководительства на мѣстахъ, раазвившееся въ уродливую форму подъ искаженнымъ вліяніемъ на многія поколѣнія и массы видимыхъ стремленій монашества къ аскетизму и къ пресѣченію связей съ міромъ, съ обществомъ, русское скопчество, явившееся развитіемъ хлыстовщины, началось около половины XVIII столѣтія. Н. Г. Высоцкому удалось къ отрывочнымъ до сего времени свѣдѣніямъ о начальномъ періодѣ русскаго скопчества отыскать и напечатать архивныя данныя, раскрывающія такимъ образомъ документально, слѣдовательно, вполнѣ достовѣрно, весь ходъ этого явленія и участіе въ немъ дѣйствующихъ лицъ съ біографическими ихъ чертами. Въ собранныхъ имъ матеріалахъ, неизвѣстныхъ въ исторической литературѣ, помѣщены обширное дѣлопроизводство упраздненной орловской провинціальной канцеляріи съ дѣлами орловскаго духовнаго правленія и комиссіи полковника Волкова и, наконецъ, производство сената. Всѣ эти документы извлечены изъ московскаго архива министерства юстиціи и восходятъ въ 1772 году.

До настоящаго времени въ научномъ оборотѣ о началѣ скопчества Надеждинъ, Мельниковъ, Реутскій, Кутеповъ, Рождественскій, Грассъ и многіе другіе пользовались лишь однимъ извѣстнымъ высочайшимъ указомъ, даннымъ Волкову 2-го іюля 1772 года, вслѣдствіе чего не ясно былъ даже очерченъ главный зачинщикъ ереси. Въ теперешнихъ матеріалахъ онъ указывается ясно— это бѣглый крестьянинъ генерала Степана Өедоровича Апраксина села Брасова, Сѣвскаго уѣзда Орловской губерніи Андрей Ивановъ Блохинъ. Вотъ его собственное показаніе въ дѣлѣ: отъ роду ему тридцать лѣтъ, а какъ онъ былъ въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, то изъ своего села бѣжалъ и у мѣстечка Дмитревки присталъ къ двумъ нищимъ: женщинѣ слѣпой и поводарю; съ ними пробыли на Коренной ярмаркѣ до ея окончанія, были въ Новосильскомъ, Бѣлевскомъ и Мценскомъ уѣздахъ на ярмаркахъ, питаясь мірскимъ поданіемъ. Таскаючись, Блохинъ дошелъ до села Кудрявца, Козельскаго уѣзда. Здѣсь отъ крестьянина Мелентья Наумова, у котораго ночевалъ, узналъ, что въ селѣ Браснѣ, Орловскаго уѣзда, въ вотчинѣ С. М. Нарышкина проживаетъ учитель вѣры, называемой христовщиной, крестьянинъ Михайло Никулинъ, дающій всякому приходящему совѣты, какъ прійти въ животъ вѣчный и спастися. Блохинъ, «возжелавъ спасеніе получить», нашелъ Никулина и выпросился у него «для того наученія» «пожить». Никулинъ говорилъ ему, чтобы пива и вина не пить, грѣха тяжкаго не творить, съ женами вмѣстѣ не спать: мужу на

одномъ ложѣ, а женѣ на другомъ, матерью не бранится, по скачкамъ и игрищамъ не ходить, молодцамъ не жениться, а дѣвкамъ замужъ не ходить, чего ради надлежитъ всякому скопиться. Принявъ ученіе, Блохинъ пришелъ въ деревню Богдановку и въ особой избѣ крестьянина Осипа Степанова, гдѣ для моленія бывало ихъ сонмище, самъ себя скопилъ: раскаленнымъ въ печи желѣзомъ тайные уды отжегъ себѣ, отъ чего въ той избѣ лежалъ боленъ девять дней. Выздоровѣвъ, онъ, Блохинъ, оскопилъ бѣглаго своего товорища Кондратія Трифанова, крестьянина, учившаго его христовщинѣ, Михаила Никулина, и многихъ другихъ (27 человѣкъ), которые отъ робости не могли сами себѣ уды отжечь. Въ «Матеріалахъ» окончательно выясняется личность знаменитой «пророчицы» Акулины Ивановой. По документу, она является бѣглой дѣвкой помѣщика С. М. Нарышкина изъ села Сергіевскаго, Орловскаго уѣзда. По показанію Блохина, она описывается «дѣвкой въ глубочайшей старости, учительницей ереси», жившей въ деревнѣ Запольской, того же Орловскаго уѣзда. Блохина Акулина спрашивала: чего ищешь? Того ищу, какъ душу помиловать»—было его отвѣтомъ. На ея сонмищѣ были возжены свѣчи предъ образами и присутствующіе молились Спасителю, Божіей Матери и Духу Святому. Помолившись, учительница хаживала кругомъ всѣхъ, приговаривая: «Други мои милые, будьтя вы страшны и опасны, безъ креста и молитвы за порогъ не хадитя, въ блудные тѣлесные грѣхи не впадитя». Крестъ она изображала двумя перстами и объясняла, что Духъ Святъ по живогласной пѣснѣ сходитъ; свѣтъ во свѣтѣ въ сердца пребываетъ, и человѣкъ можетъ знать, что дѣлается въ Москвѣ и въ Кіевѣ, когда будетъ урожай хлѣбу или недородъ, кто богатъ или бѣденъ. На сонмище пріѣзжалъ еще учитель Павелъ Петровъ, которому Акулина кланялась и называла его Христомъ. Блохинъ съ своимъ товарищемъ Мартыномъ также ему кланялись и цѣловали ему руку. Онъ же узнавъ, что они скоплены, далъ имъ три яблока и сказалъ, что апостолы Петръ, Іоаннъ и Павелъ сами сбѣ уды обрѣзали. Онъ же, Петровъ, на другомъ сонмищѣ въ селѣ Люберицахъ говорилъ, что когда въ церкви поютъ: «Тѣло Христово пріимите», надобно пѣть—«дѣло Христо пріимите, источника безсмертнаго въ сердцахъ закуситя». Акулина же изъ своихъ рукъ давала прикладываться къ кресту, а двухъ крестьянъ Лямина и Гнѣушева, виновныхъ въ томъ, что жены ихъ забеременѣли, когда они просили прощенія, она послѣ покаянія грѣхи ихъ отпустила, а они ей кланялись въ ноги и къ рукѣ ея прикладывались.

Къ сожалѣнію, ни дѣвки Акулины, ни «Христа» Павла Петрова, ни Кондратія Никифорова, такъ же, какъ и Блохинъ, «перваго мастера», по дѣлу 1722 года не сыскано и потому ихъ допросовъ, могшихъ дать цѣнныя свѣдѣнія, не имѣется. Н. Г. Высоцкій предполагаетъ, что эти допросы могутъ быть въ другомъ дѣлопроизводствѣ о второмъ скопческомъ процессѣ 1775 г., документы о которомъ пока не найдены и въ которомъ главнымъ лицомъ является вышеуказанный Никифоровъ. Въ напечатанныхъ «Матеріалахъ», говоритъ г. Высоцкій, нигдѣ не упоминается осуществованіи «свальнаго грѣха» и не встрѣчается ни одного случая безнравственныхъ половыхъ дѣяній, связанныхъ съ обрядами скопцовъ.

Всѣхъ причастныхъ къ дѣлу было привлечено 246 человѣкъ, изъ нихъ 186

по разнымъ причинамъ сумѣли уклониться и только 60 лицъ было сыскано и предстало передъ слѣдствіемъ. Изъ общаго числа допрошенныхъ только двое имѣли 20 и 27 лѣтъ отъ роду, остальные же всѣ были въ зрѣломъ возрастѣ, два старики и двѣ старухи имѣли каждый болѣе 80 лѣтъ. Почти половина подслѣдственныхъ принадлежала къ однодворцамъ, остальные—крестьяне. По рѣшенію комиссіи, главнаго «зачинщика зла» Блохина постановлено высѣчь кнутомъ въ той деревнѣ Богдановкѣ, гдѣ онъ всего болѣе изуродовалъ людей, и сослать потомъ въ Нерчинскъ на вѣчныя каторжныя работы, двухъ виновныхъ—высѣчь батогами и сослать на работу въ Ригу, а остальныхъ, какъ простяковъ, слѣпо повиновавшихся безумству наставниковъ, отпустить по домамъ «подъ наипрележнѣйшее смотрѣніе».

«Матеріалы» изданы чрезвычайно внимательно, весьма тщательно, они, безъ сомнѣнія, послужатъ цѣннымъ вкладомъ въ исторію того тяжелаго явленія русской жизни, которое называется «скопчествомъ». Къ книгѣ заботливо приложены указатели, облегчающіе пользованіе ею. **И. С. Б.**

А. К. Дживелеговъ. Александръ I и Наполеонъ. Москва. 1915. Стр. 302. Ц. 1 р. 75 к.

Въ книгѣ А. К. Дживелегова собраны интересныя статьи, касающіяся той эпохи, когда наша иностранная политика держалась направленія, противоположнаго современному, и тѣмъ не менѣе эти давно прошедшія времена напоминаютъ текущій моментъ по напряженію всѣхъ силъ страны, необходимому для ея обороны отъ грознаго врага. Авторъ проводитъ параллель между двумя противниками, французскимъ императоромъ, громившимъ всю Европу, и русскимъ царемъ, видѣвшимъ иноземныя полчища въ сердцѣ Россіи и въ концѣ концовъ послѣ многихъ испытаній побѣдоносно вступившимъ въ Парижъ. Онъ старается дать портретъ Александра I, соотвѣтствующій безпристрастной наукѣ. Между двумя монархами, творившими исторію Европы сто лѣтъ тому назадъ, А. К. Дживелеговъ усматривалъ полнѣйшій контрастъ. Наполеонъ былъ военнымъ геніемъ. Александръ уныло тосковалъ по боевой славѣ, настоящаго военнаго таланта въ немъ не было. «Когда отъ душевнаго міра Александра,—говоритъ авторъ,—вы обращаетесь къ душевному міру Наполеона, вы словно попадаете изъ сѣверной степи прямо въ тропическій лѣсъ. Самое поразительное въ Наполеонѣ, что огромныя умственныя силы соединяются у него съ цѣлымъ рядомъ другихъ качествъ, каждаго изъ которыхъ было бы достаточно, чтобы создать замѣчательнаго человѣка: желѣзной волей, все одолѣвавшей энергіей, несокрушимой работоспособностью, кипучимъ, какъ лава, темпераментомъ, фантазіей, полету которой нѣтъ границъ, какимъ-то вдохновеннымъ умѣніемъ разгадывать и покорять людей. Наполеона совершенно безцѣльно сравнивать съ Александромъ. Это два разные калибра. Одинъ гигантъ, которому трудно найти параллель въ исторіи, другой человѣкъ, едва возвышающійся надъ среднимъ уровнемъ». Основываясь на показаніяхъ главнымъ образомъ нѣкоторыхъ современниковъ,

авторъ рисуетъ Александра I безвольнымъ ничтожествомъ. Взглядъ его нельзя назвать безпристрастнымъ. Въ мемуарахъ XIX вѣка можно найти и другое представленіе объ Александрѣ I, гораздо болѣе для него благопріятное, и вообще нравственная и психологическая характеристика государственныхъ дѣятелей всегда довольно субъективна и зависитъ болѣе отъ вкуса писателя, чѣмъ отъ историческаго матеріала.

Много новаго находимъ мы въ статьѣ о войнѣ 1812 года. Авторъ доказываетъ, вопреки очень распространенному мнѣнію, что война эта не была народной: крестьяне не принимали въ ней дѣятельнаго участія, не обнаруживали большого ожесточенія противъ французовъ и не содѣйствовали разгрому непріятеля. Неблагопріятно отзывалось на оборонѣ страны крѣпостное право. Крестьяне пользовались случаемъ, чтобы отомстить помѣщикамъ. Въ Смоленскѣ дѣйствовали комиссары, назначенные французами изъ русскихъ помѣщиковъ. Главной ихъ задачей была поставка провіанта, но имъ приходилось и охранять помѣщиковъ отъ насилій, какъ со стороны французскихъ мародеровъ, такъ и русскихъ бунтующихъ крестьянъ. Особенную энергію въ этомъ отношеніи проявлялъ помѣщикъ Щербаковъ. Какъ только онъ узнавалъ о волненіяхъ, онъ бралъ отрядъ французскихъ солдатъ и шелъ усмирять русскихъ мужиковъ. Въ народѣ распространялись слухи, будто Наполеонъ несетъ волю, и это только настраивало крестьянъ дружелюбно по отношенію къ французамъ. Тогда, когда деревня подвергалась насилію, крестьяне прибѣгали къ самозащитѣ. Во время отступленія французовъ крестьянскія партіи не нападали на отсталыхъ и не помогали войскамъ. По словамъ А. К. Дживелегова, у насъ не было народной войны, не было народа подъ оружіемъ, поднятаго разгорѣвшимся внезапно патріотическимъ огнемъ, не было сокрушающей бури народнаго порыва. На оборонѣ страны отражалось безправіе народа и общее политическое положеніе. **П. Б.**

Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. 12. Полтава. 1915. Стр. 240+21. Цѣна не обозначена.

Въ этой книгѣ Л. В. Падалка предложилъ «нѣсколько дополненный и исправленный докладъ всероссійскому археологическому съѣзду въ Новгородѣ въ 1911 г.—«Происхожденіе и значеніи имени «Русь». Разсужденіе любопытно и богато движеніемъ мысли. Авторъ приходитъ къ выводу, что «имя «Русь» относится къ высшему слою, къ знати, въ иныхъ случаяхъ къ воинамъ или къ купцамъ-воинамъ,—вообще «къ господствующему, правящему въ своихъ земляхъ, общественному элементу». Оно «произошло, вѣроятно, отъ языковой основы того же слова, какое и до настоящаго времени сохранилось въ языкѣ осетиновъ: «урс—рус—рос» для выраженія понятія «бѣлый, свободный, независимый, господствующій, правящій». Интересный докладъ г. Падалки не отличается, однако, покоряющей убѣдительностью. Въ немъ чувствуется тяготѣніе къ экономическому, одностороннему историзму. Гг. Ковба и Ѳедоренко дали статьи: «Хозяйственное положеніе посполитыхъ и подсосѣд-

ковъ Песчанской сотни, Переяславскаго полка, по даннымъ Румянцовской описи (1767 года)», «Воронковская сотня Переяславскаго полка по Румянцовской описи». Обращаетъ на себя вниманіе и очеркъ И. Ф. Павловскаго—«Кременчугская фабрика суконодѣлія для евреевъ въ началѣ XIX вѣка». Въ выноскѣ пояснено, что «статья была помѣщена въ очень сокращенномъ видѣ въ журналѣ «Голосъ Минувшаго» въ № 10 1913 года. «Фабрика просуществовала, по словамъ автора, восемь лѣтъ съ небольшимъ. Цѣль правительства не была достигнута. Причина этому несочувствіе евреевъ къ этому занятію: ихъ влекло къ коммерческой дѣятельности». Къ 12-му выпуску «трудовъ» приложенъ и «отчетъ комиссіи» за 1914 годъ, составленный тѣмъ же И. Ф. Павловскимъ.

А. Налимовъ.

У. Г. Иваскъ. Жизнь и труды Василія Ивановича Собольщикова, старшаго библіотекаря и архитектора императорской публичной библіотеки (съ гравированнымъ портретомъ). Москва. 1914. Стр. 59. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга г-на Иваска повѣствуетъ объ извѣстномъ библіофилѣ и архитекторѣ В. И. Собольщиковѣ, много потрудившемся на пользу императорской публичной библіотеки. Собольщиковъ происходилъ изъ купеческой семьи, родился въ 1813 году въ Витебскѣ и обучался въ мѣстной гимназіи. Въ 1830 году онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ сперва поступилъ на службу въ канцелярію римско-католической духовной коллегіи, но такъ какъ служба эта его мало удовлетворяла, онъ началъ хлопотать о поступленіи въ библіотеку, куда онъ и попалъ въ 1834 году и гдѣ оставался до конца жизни. Здѣсь онъ принялся за чтеніе всевозможныхъ книгъ, расширяя свое образованіе, и самостоятельно изучилъ новые языки, такъ что, начавъ служить писцомъ при казначействѣ, благодаря знакомству съ книгами, вскорѣ былъ сдѣланъ подбибліотекаремъ.

Посѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ рисовальные классы академіи художествъ, Собольщиковъ прошелъ полный курсъ архитектурнаго искусства и свои познанія въ этой области примѣнилъ при перестройкѣ библіотеки и былъ сдѣланъ при ней архитекторомъ.

Въ бытность барона Корфа директоромъ библіотеки Собольщиковъ становится старшимъ библіотекаремъ вновь образованнаго отдѣла «Rossica» и командируется за границу для ознакомленія съ устройствомъ иностранныхъ библіотекъ.

Собольщиковъ первый въ Россіи примѣнилъ новую систему разстановки книгъ; система эта заключается въ томъ, что книги ставятся по формату, названія же ихъ заносятся въ каталогъ на отдѣльные листы, съ указаніемъ мѣста ихъ нахожденія, и такимъ образомъ получается выигрышъ въ мѣстѣ и времени отысканія нужной книги.

Умеръ Собольщиковъ въ 1872 году.

Въ книгѣ г-на Иваска приведенъ перечень трудовъ Собольщикова, какъ въ области архитектуры, такъ и въ области библіотечнаго и книжнаго дѣла [1]).

Книга издана хорошо, снабжена портретомъ, но все же цѣна ея очень высока.

А. С. Б.

[1]) Воспоминанія В. И. Собольщикова были напечатаны (съ предисловіемъ В. В. Стасова) въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1889 г. (кн. 10).

Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Томъ XV. Выпуски IV и V. Въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ. Томъ XVII. Выпуски II и III. Нижній-Новгородъ. 1913—1914. Стр. 163; 148; 20, 5, 32, 6, 48, 10; 6, 4, 12, 3, 3, 30, 12, 2, 3, 25. Цѣна не обозначена.

Въ 4-мъ и 5-мъ выпускахъ XV тома продолжается печатаніе матеріаловъ по исторіи нижегородскаго края, именно «Нижняго-Новгорода списокъ съ платежныхъ книгъ пошлиннымъ оброчнымъ доходамъ. Списокъ съ нижегородскихъ платежницъ 153 (1645) года» (вып. 4-й) и «Нижняго-Новгорода книга платежнымъ всякимъ денежнымъ доходамъ и оброчному меду.—Списокъ съ нижегородскихъ платежницъ 156 (1648 г.». Обѣ книги изданы подъ редакціей А. Я. Садовскаго.

Въ двухъ выпускахъ XVII тома центральное мѣсто занимаютъ описи архивныхъ дѣлъ, среди которыхъ особенное вниманіе привлекаетъ обширная и еще не законченная работа Н. И. Драницына, поставившаго себѣ задачей обозрѣть всѣ дѣла Сенатскаго архива, имѣющія отношеніе къ Нижегородской губерніи, за періодъ времени съ 1814 по 1835 годы. С. М. Парійскій дѣятельно занимается исторіей Нижегородскаго кремля, привлекая для этого всевозможныя архивныя данныя. А. К. Кабановъ, продолжая свои работы о бунтѣ Разина, сопоставляетъ извѣстія о нападеніи разинцевъ на Макарьевскій Желтоводскій монастырь, сохранившіяся въ официальной монастырской версіи и въ хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи показаніяхъ людей свіяжскаго воеводы Петра Годунова, проведшихъ двѣ недѣли въ осадѣ. А. Я. Садовскій даетъ любопытный перечень священно-церковнослужителей города Саранска, наказанныхъ за участіе въ Пугачевскомъ бунтѣ. Н. И. Драницынъ снова возвращается по вопросу о родителяхъ А. В. Ступина и, на основаніи дѣла арзамасскаго городового магистрата, устанавливаетъ, что художникъ былъ незаконнымъ сыномъ дворянина Соловцева отъ дворянки Борисовой. А. И. Тиховъ даетъ нѣсколько любопытныхъ штриховъ для характеристики писателя С. Н. Миловскаго, работавшаго подъ псевдонимомъ «С. Елеонскій» и трагически покончившаго съ собою 11-го августа 1911 года. Въ заключеніе нельзя не упомянуть о старательномъ трудѣ П. В. Тополева, тщательно описавшаго рукописи и старопечатныя церковно-славянскія книги нижегородскаго церковнаго древлехранилища. Наиболѣе древняя изъ рукописей—евангеліе XVI вѣка, писанное въ перемышльской епархіи, а изъ старопечатныхъ книгъ имѣются изданія Скорины (1517 г.), Ивана Өедорова (1564 и 1569 годовъ). **Л.**

Исторія музыки всѣхъ временъ и народовъ—проф. Л. А. Саккетти. Пгр. 1915. Изданіе «Шиповникъ». Выпускъ III. Стр. 202—296. Со множествомъ иллюстрацій. Цѣна по подпискѣ.

Изданный недавно третій выпускъ «Исторіи музыки всѣхъ временъ и народовъ» содержитъ въ себѣ окончаніе біографіи Франца Шуберта (начатой въ выпускѣ второмъ),—лирика по преимуществу, сочинившаго болѣе 600 пѣсенъ и

балладъ, въ томъ числѣ знаменитую балладу «Лѣсной царь», которая признается однимъ изъ геніальнѣйшихъ произведеній Шуберта. Онъ, впрочемъ, не ограничивался сочиненіемъ однѣхъ пѣсенъ и балладъ, но оставилъ не мало сочиненій и по прочимъ отраслямъ музыки, (какъ напр. оперы, ораторіи, торжественныя увертюры, симфоніи, концерты для фортепіано и пр.), подробно указанныхъ г. Саккетти, причемъ высказано предположеніе, что съ теченіемъ времени Францъ Шубертъ достигъ бы въ драматической и оркестровой музыкѣ той же высоты, какъ и въ пѣснѣ, если бы только не умеръ такъ же рано, какъ и очень многіе другіе знаменитые артисты-художники. Шубертъ умеръ 19-го ноября 1828 года, имѣя всего 31 годъ 9 мѣсяцевъ, въ одномъ изъ предмѣстьевъ Вѣны. Такая ранняя смерть Шуберта объясняется не мало образомъ его жизни. Не имѣя опредѣленнаго источника дохода или служебнаго мѣста, онъ пробавлялся скуднымъ гонораромъ за свои сочиненія. До чего дешево цѣнили его произведенія его же соотечественники, можно заключить изъ того, что однажды полдюжины пѣсенъ, вошедшихъ въ составъ извѣстныхъ «Лебединыхъ пѣсенъ», были проданы издателю за шесть гульденовъ, равнявшихся тогда франку каждый! Такая цѣна вынуждала къ чрезмѣрному авторскому труду, чтобы добывать средства къ жизни. Къ этому еще надо присоединить наклонность Шуберта проводить съ друзьями каждый вечеръ вмѣстѣ въ гостиницѣ до разсвѣта, при щедрыхъ возліяніяхъ Бахусу. Послѣ такихъ ночныхъ попоекъ Шубертъ съ утра принимался за композицію, въ которой влекла его неутомимая фантазія. Такой образъ жизни, конечно, при страшной нуждѣ, разрушалъ быстро физическія силы не совсѣмъ крѣпкаго организма.

Покончивъ съ Францемъ Шубертомъ и упомянувъ въ весьма немногихъ словахъ о его современникѣ прекрасномъ пѣвцѣ и выдающемся композиторѣ балладъ Карлѣ Леве (р. 1796 г. † 1869 г.), такъ же, какъ и Францъ Шубертъ, написавшемъ интересную балладу «Лѣсной царь», г. Саккетти переходитъ къ знаменитому романтику въ музыкѣ, Карлу-Маріи Веберу (р. 18 дек. 1786 г. въ Эйтинѣ). Отецъ его—одно время директоръ странствующаго театра и потомъ директоръ музыки въ Любекѣ—хотѣлъ сдѣлать своего сына чудомъ музыки, виртуозомъ въ дѣтскомъ возрастѣ и съ самыхъ раннихъ лѣтъ безполезно мучилъ его музыкальнымъ обученіемъ. Къ счастью мальчика, это продолжалось недолго; онъ попалъ скоро въ 1796 году въ руки прекраснаго учителя Гейшкеля. Потомъ молодой Веберъ пребывалъ въ Зальцбургѣ, гдѣ бралъ уроки игры на фортепіано и контрапункта у Михаила Гайдна и скоро написалъ первую свою оперу, поставленную въ 1800 году во Фрейбергѣ, но не имѣвшую успѣха подъ именемъ «Das stumme Waldmädchen», а затѣмъ оперу «Peter Schmoll» въ 1803 г., также неудачную. Веберъ скоро нашелъ пріютъ у герцога Евгенія Виртембергскаго, доставившаго ему возможность не заботиться о насущномъ хлѣбѣ, товарищей по искусству, благосклонную публику, досугъ для композиторской дѣятельности и возможность, благодаря своей капеллѣ, въ любое время исполнять свои сочиненія. Предоставляя читателямъ лично ознакомиться съ этимъ интереснымъ выпускомъ, сообщимъ здѣсь, что молодой Веберъ, также не малый гуляка, любившій ходить по ночамъ съ пріятелями съ гитарой въ рукахъ, чтобы пѣть серенады разнымъ красавицамъ, скоро написалъ три патріотическія пѣсни,

исполненныя въ Прагѣ въ январѣ 1815 года и имѣвшія громадный успѣхъ, особенно одна, «Молитва предъ битвою», эта своего рода музыкальная декламація, напечатанная въ драматическомъ стилѣ, съ аккомпаниментомъ, представляющимъ высокую звуковую картину сраженія, и затѣмъ кантату «Битва и побѣда»), написанную подъ впечатлѣніемъ извѣстія о побѣдѣ при Ватерлоо въ 1815 году.

Только въ 1820 году онъ написалъ свою знаменитую оперу «Волшебный стрѣлокъ»—самую безукоризненную во всей оперной литературѣ, по словамъ Берліоза, которая въ первый разъ была исполнена въ Берлинѣ 18-го іюня 1821 года. Она имѣла вездѣ громаднѣйшій успѣхъ. Въ томъ же Берлинѣ 18-го декабря 1897 года ее давали въ шестисотый разъ. **П. Майковъ.**

Н. Н. Сергіевскій. Августѣйшій поэтъ К. Р. (Жизнь и дѣятельность: великій князь Константинъ Константиновичъ, какъ государственный и общественный дѣятель, поэтъ и человѣкъ. Оцѣнка творчества въ письмахъ нашихъ классиковъ. Мои воспоминанія). Съ портретами, рѣдкими автографами и снимками постановки драмы «Царь Іудейскій». Изданіе журнала «Наша Старина». Пгр. 1915. Стр. 49. Ц. 75 к.

Въ литературной судьбѣ недавно почившаго великаго князя Константина Константиновича поражаетъ одна странность: несмотря на громадную популярность не только среди обычной болѣе или менѣе интеллигентной читающей публики, но даже и среди народа, который распѣваетъ стихи покойнаго поэта, произведеніямъ К. Р. посвящено очень мало критическихъ статей и книгъ; кромѣ критико-біографическаго этюда Г. К. Нелюбина да нѣсколькихъ газетныхъ и журнальныхъ работъ, нечего отмѣтить. Только постановка въ театрѣ Эрмитажа пьесы «Царь Іудейскій» вызвала громадный критическій откликъ на столбцахъ нашей прессы. Желая восполнить этотъ пробѣлъ, Н. Н. Сергіевскій выпустилъ разсматриваемую нами небольшую книжку, имѣющую своею задачею познакомить широкую массу читающей публики съ личностью и поэтическимъ наслѣдіемъ скончавшагося августѣйшаго поэта. Болѣе обширное изслѣдованіе по сему предмету г. Сергіевскій, получившій лично отъ великаго князя цѣнный литературный матеріалъ, обѣщаетъ выпустить въ дальнѣйшемъ.

Сообщивъ біографическія свѣдѣнія о дѣтствѣ и юношествѣ великаго князя Константина Константиновича, о ходѣ его службѣ и остановившись подробнѣе на дѣятельности его въ императорской академіи наукъ, авторъ повѣствуетъ о первыхъ шагахъ августѣйшаго поэта на литературномъ поприщѣ и приводитъ выдержки изъ чрезвычайно любопытныхъ писемъ къ великому князю И. А. Гончарова и Н. Н. Страхова, въ которыхъ эти писатели поощряютъ молодого поэта и производятъ цѣнный критическій разборъ первыхъ проявленій его музы. Напримѣръ, Гончаровъ писалъ: «Первые, стыдливые звуки молодой лиры—всегда трогательны, когда они искренни: т. е. когда перомъ водитъ не одно юношеское самоблюбіе, а просятся наружу сердце, душа и мысль. Такое трогательное впечатлѣніе производитъ букетъ стихотвореній вашихъ...

Это горсть руды, гдѣ опытный глазъ отыщетъ блескъ золота, т. е. признаки таланта. Первый призракъ—робость, нѣкоторое недовѣріе къ себѣ, но еще болѣе вѣрный призракъ—это горячее, почти страстное влеченіе, какое здѣсь видно—выражаться, писать Что писать? Это скажетъ потомъ жизнь, когда выработается вполнѣ орудіе писателя—перо...».

Произведя бѣглый критическій разборъ поэтическихъ произведеній великаго князя Константина Константиновича, авторъ сообщаетъ много цѣнныхъ и интересныхъ свѣдѣній по исторіи возникновенія драмы «Царь Іудейскій», вспоминаетъ характерные эпизоды, относящіеся къ постановкѣ этой пьесы на сценѣ и игрѣ самого августѣйшаго автора; много интереснаго передаетъ г. Сергіевскій и о своихъ совмѣстныхъ работахъ съ великимъ княземъ по изданіямъ его сочиненій. Заканчивается книга воспоминаніями о послѣднихъ дняхъ жизни великаго князя Константина Константиновича и о послѣднихъ свиданіяхъ съ нимъ автора.

Въ общемъ книга Н. Н. Сергіевскаго даетъ отчетливое представленіе о характерѣ литературнаго наслѣдія незабвеннаго К. Р. и вырисовываетъ привлекательный образъ покойнаго поэта, какъ человѣка гуманнаго, добраго, отзывчиваго и высокообразованнаго. Единственный упрекъ, которой можно было бы сдѣлать г. Сергіевскому, заключается въ томъ, что онъ не достаточно отмѣтилъ критическую дѣятельность великаго князя Константина Константиновича, которая по всей справедливости заслуживаетъ также большого вниманія.

По внѣшности книжка издана очень опрятно и украшена многими рисунками.

Д. М—ко.

Рѣчи Либанія, перевелъ съ греческаго, съ введеніемъ, примѣчаніями и двумя приложеніми С. Шестаковъ. Т. I. Казань. Стр. 5+XC+522. Ц. 3 р. 60 к.

Либаній былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ греческихъ профессоровъ краснорѣчія въ IV вѣкѣ по Р. Х. Къ его слушателямъ принадлежалъ, между прочими, и св. Іоаннъ Златоустъ, котораго учитель охотно назвалъ бы своимъ преемникомъ по преподаванію краснорѣчія, «если бы его не похитили христіане». Самъ Либаній былъ слѣпымъ поклонникомъ древняго эллинства и яростнымъ противникомъ монаховъ, въ которыхъ видѣлъ враговъ красоты, разума и культуры. Литературное наслѣдіе Либанія очень велико. Въ частности однѣхъ рѣчей его сохранилось шестьдесятъ восемь. Въ настоящемъ томѣ г. Шестаковъ даетъ переводъ восемнадцати, наиболѣе интересными изъ которыхъ являются автобіографія ритора и надгробное слово его императору Юліану, въ которомъ Либаній видѣлъ идеальнаго представителя древнихъ языческихъ вѣрованій. Главное достоинство рѣчей Либанія, помимо ихъ важнаго историческаго и историко-литературнаго значенія, заключается въ ихъ тщательной и изящной внѣшней отдѣлкѣ.

Почтенный переводчикъ не обольщаетъ себя касательно большой распространенности своего труда, замѣчая: «Думаю... что не ошибусь, если скажу, что Либаній не принадлежитъ къ греческимъ авторамъ, къ которымъ обращаются особенно охотно и часто». Тѣмъ болѣе поэтому надо цѣнить огромную

самоотверженность и усердіе, съ которыми приступилъ г. Шестаковъ къ выполненію своей трудной задачи, такъ какъ переводъ Либанія представляется дѣломъ далеко не легкимъ. Профессоръ Шестаковъ не только внимательно изучилъ тексты ритора по всѣмъ доступнымъ ему изданіямъ и довольно обширную спеціальную литературу, но и труды общаго характера, посвященные эпохѣ жизни Либанія. Поэтому, кромѣ многихъ подстрочныхъ примѣчаній къ тексту перевода, г. Шестаковъ даетъ еще обширное (въ 90 стр.) введеніе о жизни ритора и два приложенія: 1) Юліанъ въ письмахъ Либанія и 2) Изъ переписки Либанія. Первое изъ этихъ приложеній должно служить подготовительнымъ матеріаломъ для подробной характеристики Юліана, которую авторъ имѣетъ въ виду дать въ предисловіи ко второму тому. За точность и вѣрность въ передачѣ греческаго текста ручается имя работавшаго надъ нимъ, принадлежащаго къ числу наиболѣе извѣстныхъ у насъ эллинистовъ, и мы желаемъ только С. П. Шестакову успѣшно закончить его большой трудъ, приносящій безусловную честь русской наукѣ. А. М—нъ.

Н. М. Затворницкій. Наполеоновская эпоха. Библіографическій указатель. Выпускъ первый. Птр. 1914. Стр. XIV+328 и 8 отдѣльныхъ таблицъ. Цѣна 3 рубля. Выпускъ второй. Пгр. 1915. Стр. IV+314 и 8 отд. табл. Цѣна 3 рубля.

Вотъ изданіе, появленіе котораго слѣдуетъ привѣтствовать, хотя оно и не лишено недостатковъ, о которыхъ скажемъ ниже.

Еще въ 1911 году авторъ «задался цѣлью дать по возможности полный обзоръ литературы и архивныхъ документовъ, относящихся какъ непосредственно къ событіямъ 1812—1815 гг., «такъ и вообще соприкасающихся съ ними». И въ 1911 г. въ журналѣ «Развѣдчикъ» (№ 1071) г. Затворницкій началъ было печатать такой обзоръ подъ заглавіемъ «Къ исторіи 1812 года»: въ виду близости юбилея Отечественной войны пришлось ограничиться прежде всего указателемъ литературы о 1812 годѣ... Но скоро печатаніе въ «Развѣдчикѣ» «по независящимъ» отъ автора «причинамъ» было прекращено, и лишь въ 1914 г. г. Затворницкому удалось выпустить первый выпускъ уже самостоятельнаго изданія, подъ общимъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Авторъ имѣетъ въ виду прежде всего военныхъ историковъ, а затѣмъ преподавателей и учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, равно какъ устроителей полковыхъ чтеній и собесѣдованій, и приглашаетъ указать ему недостатки его работы.

Пользуясь этимъ любезнымъ приглашеніемъ, спѣшимъ указать, что главнымъ недостаткомъ книги является весьма неудобная система расположенія матеріала: заголовки статей приводятся въ томъ самомъ хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ изъ года въ годъ помѣщались въ томъ или иномъ періодическомъ изданіи.

При такомъ расположеніи матеріала, хотя и снабженнаго краткими примѣчаніями о содержаніи той или иной статьи, но лишеннаго до окончанія всей работы (когда оно еще будетъ?) руководящихъ указателей и издающагося, собственно говоря, безъ всякой системы, весьма трудно оріентироваться въ предла-

гаемой массѣ статей, очерковъ, замѣтокъ и проч. Для того же, чтобы найти данныя по тому или иному вопросу, необходимо подробно перечитать всѣ выпуски; не ждать же, пока черезъ нѣсколько лѣтъ появятся, наконецъ. обѣщанные подробные ключи къ общему «библіографическому указателю». Рѣшившись отказаться отъ хронологическаго размѣщенія въ своемъ трудѣ матеріала, трактующаго о событіяхъ до 1812 г. и послѣдующихъ, по причинѣ того, что «въ виду тѣсной связи всѣхъ событій названной эпохи... раздѣленіе указателя на нѣсколько частей, ограниченныхъ точно опредѣленными датами, неизбѣжно заставляло бы повторяться», составитель, однако, уклонился въ другую крайность, при которой ему не удастся избѣжать ни путаницы, ни повтореній.

Не лучше ли было бы г. Затворницкому остановиться на предположенныхъ къ своему указателю алфавитахъ предметномъ и именномъ, если онъ не рѣшился весь собранный матеріалъ классифицировать по отдѣламъ, напримѣръ: біографіи героевъ 1812 года и проч.

Все изданіе предположено раздѣлить на четыре отдѣла: I. Обозрѣніе «заслуживающихъ вниманія» журнальныхъ статей, относящихся къ наполеоновской эпохѣ, помѣщенныхъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ выходившихъ раньше, такъ и нынѣ выходящихъ; II—«отдѣльныхъ изданій русскихъ и переведенныхъ на русскій языкъ иностранныхъ»; III—«имѣющихъ историческое значеніе документовъ, находящихся въ наиболѣе важныхъ архивахъ» и IV—«перечень иллюстрацій, какъ помѣщенныхъ въ періодическихъ и отдѣльныхъ изданіяхъ, такъ и находящихся въ архивахъ, какъ, напримѣръ, картъ, плановъ, чертежей и т. п.». Не касаясь вообще намѣченнаго плана дѣленія всего труда на четыре отдѣла, укажемъ въ частности, что въ первый выпускъ вошло обозрѣніе «Русскаго Архива», «Вѣстника Европы», «Военнаго Сборника», «Приложенія къ 43 т. Записокъ императорской академіи наукъ», «Сборника императорскаго русскаго историческаго общества» и «Историческаго Вѣстника». Во второмъ томѣ помѣщено обозрѣніе: «Русской Старины», «Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», «Древней и Новой Россіи» и опять «Русскаго Архива»... Въ слѣдующемъ 3-емъ выпускѣ предполагается дать обозрѣніе «Русскаго Вѣстника», продолженіе «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго общества» (выпускъ первый) и не вошедшихъ въ первый выпускъ статей «Вѣстника Европы» и «Историческаго Вѣстника».

Какъ видно, опредѣленнаго научно разработаннаго плана у г. Затворницкаго нѣтъ, и въ каждомъ новомъ выпускѣ можно будетъ находить обозрѣніе не вошедшихъ въ предыдущіе статей или книгъ. Кстати будетъ замѣтить, что у составителя, повидимому, нѣтъ какой-либо нормы предѣльныхъ лѣтъ, за кои онъ предлагаетъ матеріалы, но, кажется, ограничивается пока юбилейнымъ 1912 годомъ, начиная, какъ и слѣдуетъ, гораздо ранѣе 1812 г. Вообще г. Затворницкій не достигъ намѣченной имъ цѣли; хотя все же трудъ его заслуживаетъ вниманія, а онъ самъ глубокой благодарности, но нельзя не пожелать, чтобы авторъ затрачиваемые энергію, трудъ и средства использовалъ въ предпринятомъ имъ дѣлѣ гораздо продуктивнѣе и въ немно-

гомъ далъ многое, серьезно облегчивъ доступъ къ залежамъ печатнаго матеріала по «наполеоновской эпохѣ».

Въ заключеніе укажемъ еще и на то, что цѣна выпуска въ три рубля—дорогая и было бы справедливо удешевить ее, не помѣщая «портретовъ дѣятелей Отечественной войны и рисунковъ, относящихся къ наиболѣе выдающимся событіямъ».

Д. Бочковъ.

Профессоръ Н. К. Грунскій. Лекціи по педагогикѣ. 2 изд. Юрьевъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.—А. М. Медвѣдковъ. Педагогика для самообразованія, школы и семьи. Петроградъ. 1914. Ц. 1 р. 35 к.—П. Ѳ. Каптеревъ. Дидактическіе очерки. Теорія образованія. Изданіе второе. Петр. 1915. Ц. 2 р. 40 к.

Въ послѣднее время, несомнѣнно, замѣтно большое оживленіе въ педагогической литературѣ; книги не только появляются, но и раскупаются и даже выходятъ новыми изданіями. Это очень утѣшительное явленіе: очевидно, пресловутое «нутро» отходитъ въ область преданій и необходимость нѣкоторыхъ познаній изъ области педагогики признается обязательной не только по отношенію къ преподавателямъ и воспитателямъ, но и по отношенію къ семьѣ.

Вышеприведенные три труда весьма различны по своему содержанію. Книга профессора Грунскаго—результатъ его занятій съ ученицами выпускного класса. Она въ ясномъ изложеніи даетъ элементарныя свѣдѣнія по общей педагогикѣ и можетъ быть рекомендована какъ пособіе для средней школы. Громкое названіе «Лекціи» въ связи съ ученымъ званіемъ автора не должно наводить на мысль о совершенно иной педагогикѣ. Книжка снабжена прекраснымъ указателемъ педагогической литературы, но цѣна ея слишкомъ высока.

Педагогика А. П. Медвѣдкова имѣетъ въ виду интересы самообразованія, школы и семьи. Авторъ съ большимъ стараніемъ и любовью собралъ въ своей книгѣ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ и многое освѣтилъ съ своей оригинальной точки зрѣнія. Интересно, напримѣръ, его дѣленіе жизни питомца на возрасты и указаніе соотвѣтствующей каждому возрасту воспитательной работы. Слѣдовало только болѣе рѣзко примѣнительно къ каждому возрасту очертить методъ воздѣйствія въ интересахъ физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія ребенка и непремѣнно указывать коррективы изъ одной области противъ нежелательныхъ явленій въ другой. Во всякомъ случаѣ книга А. П. Медвѣдкова читается съ большимъ интересомъ.

Первое изданіе «Дидактическихъ очерковъ» П. Ѳ. Каптерева вышло въ свѣтъ въ 1885 году, въ свое время было удостоено петроградскимъ комитетомъ грамотности золотой медали и давно уже сдѣлалось библіографической рѣдкостью. Второе изданіе значительно переработано и расширено (въ первомъ 192 стр., во второмъ—434 стр.), такъ что можетъ быть названо почти что новымъ трудомъ, гдѣ послѣ историческаго очерка дидактики выясняется съ присущимъ почтенному автору знаніемъ и глубиною образовательный процессъ и его психологія, рисуется составъ общеобразовательнаго курса и педагогическій методъ, нѣсколько страницъ посвящаются свойствамъ учителя и

обстановкѣ обученія. Книга эта, построенная на научныхъ основаніяхъ, является продуктомъ зрѣлаго ума нашего выдающагося педагога, заслуживаетъ самой горячей рекомендаціи и самаго широкаго распространенія.

Г. Зоргенфрей.

К. Р. «Царь Іудейскій», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ. Спб. 1914. Типографія министерства внутреннихъ дѣлъ. Снимки съ постановки драмы и портретовъ дѣйствующихъ лицъ съ фотографій К. А. Фишера; клише, печать цвѣтныхъ фототипій и геліогравюры т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ. Эскизы костюмовъ—подъ наблюденіемъ П. К. Степанова, эскизы декорацій Н. Н. Болдырева; эскизы занавѣсей И. Г. Окорокова; цвѣтные рисунки сценъ по фотографіямъ К. А. Фишера исполнены М. И. Хвостенко. Обложка, заставки и цвѣтные портреты П. П. Либена. Стр. 284+12. Цѣна 20 р., въ переплетѣ 25 р.

Извѣстная драма К. Р., данная въ прошлый сезонъ на сценѣ Эрмитажнаго театра, выпущена покойнымъ нынѣ августѣйшимъ авторомъ въ двухъ изданіяхъ. Одно, общедоступное, вышло еще въ началѣ прошлаго года, другое—роскошное—вышло только въ октябрѣ. Текстъ пьесы сопровождается примѣчаніями автора, библіографическимъ указателемъ и указателемъ собственныхъ именъ. Примѣчанія указываютъ на всю громадность труда въ изученіи эпохи. Кромѣ изображеній, превосходно воспроизводящихъ въ краскахъ всю постановку, въ концѣ книги приложены чертежи планировки декорацій каждой картины и даны подробныя къ нимъ объясненія. Далѣе помѣщены ноты музыки, написанной А. К. Глазуновымъ для «Царя Іудейскаго». Шествіе на Голгоѳу воспроизведено въ автографѣ композитора, а пѣснь Іисусовыхъ учениковъ напечатана гравюрой. Книга заканчивается «Программой Измайловскаго досуга 9-го января 1914 г.», т. е. афишей Эрмитажнаго театра съ государственнымъ гербомъ въ заголовкѣ, напечатанной красками.

Изданіе—то, что принято обозначать словомъ lux. Бумага, переплетъ, рисунки—все отличается возможной роскошью исполненія и является достояніемъ библіотекъ любителей подобныхъ изданій. Это прекрасное воспоминаніе для лицъ, участвовавшихъ въ представленіи пьесы, и для тѣхъ немногочисленныхъ зрителей, которымъ удалось видѣть «Царя Іудейскаго», не разрѣшеннаго духовной цензурой для исполненія на публичныхъ сценахъ. Если и въ будущемъ не послѣдуетъ разрѣшенія давать эту пьесу, то настоящее изданіе явится памятникомъ, увѣковѣчивающимъ единственную постановку поэмы, способной скорѣе настраивать зрителей на высокій строй мыслей, чѣмъ принижать великій евангельскій сюжетъ и оскорблять чувства христіанина. R.

Н. Марксъ. Рисунки Е. Арцеулова. Легенды Крыма. Москва. 1914. Вып. I. Изд. 2-е. Стр. 43. Рис. 15. Ц. 1 р.

Какъ особенность нашего времени, нельзя не отмѣтить обилія легендъ и разныхъ сборниковъ таковыхъ, появляющихся теперь на книжномъ рынкѣ. И тѣмъ не менѣе, это кажущееся на первый взглядъ обиліе далеко не исчерпываетъ того огромнаго, еще слишкомъ мало использованнаго матеріала, которымъ такъ богато разнохарактерное и многообразно-красочное отечество наше.

Вѣдь легенда, или сказаніе, своеобразно, иногда даже превратно передавая какое-либо происшествіе, по обилію бытовыхъ и иныхъ подробностей является именно весьма цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, такъ какъ, въ сущности, отражаетъ психологію извѣстной группы людей по отношенію къ какому-либо лицу, предмету или событію.

Вотъ почему записи, собираніе и умѣлую передачу легендъ слѣдуетъ всячески привѣтствовать.

Въ особенности это приходится сдѣлать въ данномъ случаѣ по отношенію сборника генерала Маркса, который, какъ прирожденный крымчакъ, видимо, съ особымъ знаніемъ и любовью относится къ поэтичнымъ сказаніямъ Тавриды и, кромѣ того, передаетъ ихъ красиво, литературно и съ сохраненіемъ въ данномъ случаѣ столь цѣннаго мѣстнаго колорита.

Особая глава въ концѣ книги даетъ различныя историко-бытовыя разъясненія, тѣмъ самымъ не нарушая скучными сносками цѣлостнаго впечатлѣнія при чтеніи.

Штриховыя иллюстраціи-заставки каждой легенды, исполненныя молодымъ художникомъ—родственникомъ покойнаго Айвазовскаго—вполнѣ гармонируютъ съ ихъ содержаніемъ.

Внѣшность книги и самое изданіе чрезвычайно красивы и изящны.

Е. Клетнова.

«Виленскій Временникъ», издается при Муравьевскомъ музеѣ въ Вильнѣ. Книга VI. Архивные матеріалы Муравьевскаго музея, относящіеся къ польскому возстанію 1863—1864 годовъ въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края. Часть первая. Переписка по политическимъ дѣламъ гражданскаго управленія съ 1-го января 1862 г. по 1-ое мая 1863 г. Составилъ А. И. Миловидовъ. Съ двумя хромолитографическими снимками и шестью цинкографическими факсимиле въ текстѣ. Цѣна 3 р. 75 к. Стр. XVI+462.

Вышедшій въ свѣтъ солидный томъ въ пятьсотъ почти страницъ посвященъ перепискѣ по политическимъ дѣламъ гражданскаго управленія въ періодъ генералъ-губернаторства В. И. Назимова, до назначенія въ край на этотъ же постъ М. Н. Муравьева. Всѣ печатаемые въ немъ документы появляются въ свѣтъ впервые, давая обильный матеріалъ для будущей безпристрастной исторіи революціоннаго движенія 1863—1864 г.г., касаясь періода его дѣятельной подготовки и отчасти первыхъ открытыхъ выступленій революціонныхъ организацій—противъ правительства и русской народности. Матеріалы

эти раскрываютъ намъ всю глубину и ширину революціоннаго движенія, указываютъ его угрожающіе размѣры. Многіе даже серьезные ученые рисовали это движеніе какъ поверхностное, едва ли заслуживающее затраченныхъ на его подавленіе силъ и средствъ, высмѣивая погоню за ничтожными бандами цѣлыхъ отрядовъ и т. п. Въ дѣйствительности, средства и силы, мобилизованныя польскими революціонерами, были очень серьезны и надо отдать должную справедливость организаторамъ движенія, что они умѣло подготовили революціонное движеніе и только выдающійся административный и военный таланты Муравьева съ сравнительно незначительнымъ кровопролитіемъ, небольшими затратами государственнаго казначейства и ничтожными воинскими силами помогли не только подавить мятежъ, но положить начало новой жизни въ этомъ краѣ.

Печатаемые документы даютъ яркую картину растерянности нашего правительства, въ лицѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, передъ событіями, которыя не могли быть неожиданными, грубое непониманіе задачъ управленія, боязнь рѣшительныхъ мѣръ и страсть къ палліативамъ, полумѣрамъ, постоянное шатаніе.

Низшая администрація, судя по этимъ документамъ, въ значительной степени состоявшая изъ поляковъ или ополяченная, покровительствовала повстанцамъ.

Ясно представлялъ себѣ размѣръ грядущей катастрофы одинъ лишь генералъ-губернаторъ В. И. Назимовъ, указывавшій на цѣлый рядъ дѣйствительно разумныхъ мѣръ къ подавленію начавшагося революціоннаго броженія и предупрежденію революціонныхъ эксцессовъ, сумѣвшій добиться, несмотря на противодѣйствіе Петербурга, указа объ обязательномъ выкупѣ крестьянамъ, но не имѣвшій твердости и рѣшимости своего преемника, чтобы не только испросить тѣ или иныя мѣры на бумагѣ, но и твердо, неуклонно провести ихъ въ жизнь

Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ своего пріѣзда въ Вильну, Муравьевъ уже оцѣнилъ, какое значеніе не только для подавленія мятежа, но и для измѣненія всей физіономіи ополяченнаго края въ будущемъ, чтобы не повторялось это опасное движеніе, имѣетъ привлеченіе симпатій сельскаго населенія къ правительству путемъ улучшенія его матеріальнаго благосостоянія и прекращенія крѣпостной его зависимости отъ польскихъ помѣщиковъ. Въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ къ Валуеву Муравьевъ пишетъ (отъ 19-го іюня 1863 года): «Сельское населеніе единственная наша опора въ здѣшнемъ краѣ». Сознавъ это твердо, Муравьевъ радикальными, рѣшительными мѣрами осуществляетъ намѣченную имъ программу раскрѣпощенія сельскаго населенія отъ пановъ подъемомъ его производительныхъ силъ, улучшеніемъ его благосостоянія. И ближайшее же будущее показало, какъ онъ былъ глубоко правъ въ этомъ.

«1862 годъ,—говоритъ г. Миловидовъ,—годъ наружнаго успокоенія, когда революція ушла только въ глубь, начала жить внутреннею, не всегда доступною для посторонняго наблюдателя жизнью, въ ней шла разработка внутренней организаціи, она собирала и подсчитывала свои силы, стараясь привлечь народъ; словомъ, въ краѣ шла внутренняя подготовка къ осуществленію послѣдуюей кровавой программы».щ

Печатаемые документы въ значительной степени выясняютъ: 1) исторически сложившіеся общественные элементы революціоннаго движенія 1863—1864 г.г., 2) приготовленія къ возстанію, 3) организацію возстанія и, наконецъ, первый періодъ возстанія до 1-го мая, правительственныя мѣры противодѣйствія къ подготовленію возстанія и мѣры къ его подавленію. Вотъ краткій перечень богатѣйшаго содержанія «Виленскаго Временника». Документы расположены въ немъ въ хронологическомъ порядкѣ, по мѣсяцамъ; къ изданію этому приложены: подробный указатель личныхъ именъ и географическихъ названій, значительно облегчающій пользованіе имъ, наконецъ самое оглавленіе составлено очень подробно и способствуетъ легкой оріентировкѣ.

Очень жаль только, что редакторъ, печатая, по своей системѣ, хронологически разные документы, относящіеся къ одному и тому же лицу или вопросу, иногда на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ страницъ, не указываетъ въ сносскахъ на однородные документы, что значительно упростило бы будущему изслѣдователю его работу. Во всякомъ случаѣ нельзя не благодарить редактора за его большой и цѣнный трудъ по приведенію документовъ въ систематическій порядокъ и особенно за его чрезвычайно интересное предисловіе, являющееся какъ бы краткой исторіей подготовительнаго періода польскаго возстанія 1863 года въ предѣлахъ Литвы и Бѣлоруссіи.

И по внѣшности книга издана безупречно, почему усердно рекомендуемъ ее вниманію всѣхъ, кто интересуется не только какъ спеціалистъ-историкъ, но и какъ просто вдумчивый человѣкъ любопытными и поучительными страницами нашего прошлаго.

В. Мустафинъ.

Проф. Н. В. Ястребовъ. Галиція наканунѣ великой войны 1914 года. Пгр. 1915. Стр. VIII+146. Ц. 1 р. 25 к.

Н. М. Лаговъ. Галичина, ея исторія, природа, богатства и достопримѣчательности. Пгр. 1915. Стр. VIII+123. Ц. 80 к.

Новая книга извѣстнаго историка-слависта посвящена одному изъ наиболѣе любопытныхъ и злободневныхъ вопросовъ современности, о которомъ, къ сожалѣнію, въ нашемъ обществѣ имѣются лишь самыя смутныя представленія. Это—положеніе зарубежной подъяремной Руси, которая, благодаря славнымъ подвигамъ нашей доблестной арміи, надѣемся, будетъ возвращена къ единокровной великодержавной Россіи. И наша непремѣнная обязанность—знать, хотя бы въ общихъ чертахъ,—что представляютъ собою эти славянскія области, познакомиться съ ихъ исторіей, такъ тѣсно соприкасающейся съ исторіей Россіи, съ ихъ бытомъ, природными богатствами, съ тѣми политическими и соціальными условіями, въ которыхъ приходилось жить нашимъ будущимъ согражданамъ, ибо безъ наличія всего этого мы не въ состояніи будемъ осмыслить и принять должнаго участія въ той исторической задачѣ, выполнить которую придется нашему отечеству по окончаніи настоящей войны, а именно въ собираніи и объединеніи отторженнаго отъ насъ исторической судьбою славянства, вѣками угнетаемаго подъ тяжкимъ «бронированнымъ» кулакомъ воинствующаго германизма. «Это дѣло должно быть довершено,—говоритъ

профессоръ Ястребовъ,—органическимъ внутреннимъ собираніемъ и объединеніемъ, при усиліяхъ какъ собираемыхъ и объединяемыхъ, такъ и собирателей и объединителей, при работѣ просвѣщенной мысли, твердой и благородной воли надъ устраненіемъ всѣхъ тѣхъ препятствій, которыя за вѣка отчужденія и разъединенія накопились въ частяхъ какъ славянства вообще, такъ и самого русскаго народа. Для начала работы въ этомъ направленіи, открывающейся уже сейчасъ, до конца войны, нашъ народъ, особенно его просвѣщенное общество, его власть должны прежде всего знать, что представляетъ собою въ настоящее время тотъ міръ, къ которому Россія обратилась съ призывомъ къ свободѣ и единенію». Эту задачу и обслуживаетъ новая книга проф. Ястребова. Приведя общія соображенія свои о смыслѣ и цѣли настоящей войны, почтенный авторъ въ общедоступной формѣ, не загромождая изложенія излишними деталями, статистическими выкладками и прочимъ спеціальнымъ балластомъ, давящимъ обыкновеннаго читателя, рисуетъ обстоятельную и отчетливую картину общаго состоянія Галиціи наканунѣ настоящей войны. Давши обзоръ географическаго положенія Галиціи, ея природы, населенія, ознакомивъ съ положеніемъ тамошней церкви и просвѣщенія, профессоръ Ястребовъ особенно подробно описываетъ хозяйственный бытъ Галиціи и ея соціально-политическій строй; далѣе слѣдуетъ исторія Галиціи, причемъ почтенный авторъ рисуетъ яркую картину возникновенія, развитія и современнаго состоянія галицкихъ просвѣтительныхъ, національныхъ и политическихъ организацій и партій, ведя свой обзоръ въ строго объективной формѣ; послѣдняя часть книги представляетъ наибольшій интересъ, давая возможность ознакомившемуся съ ней разобраться въ настроеніяхъ, программахъ и ежедневной политической борьбѣ различныхъ общественныхъ слоевъ современной Галичины. Къ книгѣ приложена карта Галиціи и Буковины съ Угорской Русью и указатель по библіографіи разработаннаго вопроса.

Книга Н. М. Лагова также посвящена описанію Галичины и въ сжатомъ видѣ даетъ обзоръ какъ ея многострадальной исторіи, такъ и ея современнаго состоянія, природы, населенія, быта, литературы и печати, хозяйства, промышленности и, наконецъ, современныхъ ея особенностей и достопримѣчательностей, описывая ея города Львовъ, Краковъ, Галичъ, Перемышль, Черновцы, Тарнополь, Стрый и мн. друг. Книга г. Лагова щедро иллюстрирована, и ей, какъ и работѣ проф. Н. В. Ястребова, остается пожелать широкаго распространенія среди самыхъ разнообразныхъ слоевъ нашего общества.

Д. А. М.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ 43-й. Тифлисъ. 1914. Стр. III+IV+232+156+176+VII+243. Цѣна не обозначена.

Каждый выпускъ настоящаго почтеннаго изданія сообщаетъ много цѣнныхъ матеріаловъ и изслѣдованій, могущихъ интересовать не только уроженцевъ Кавказа, но и всѣхъ любителей археологіи, исторіи и этнографіи. Такъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ весьма любопытное описаніе Колхиды, составленное въ

XVII вѣкѣ итальянскимъ миссіонеромъ Ламберти, прожившимъ въ Мингреліи 18 лѣтъ (1635—1653). Это описаніе, переведенное К. Ф. Ганомъ, снабжено любопытными примѣчаніями какъ самого г. Гана, такъ и мѣстныхъ жителей г.г. Кобаліи и Чконіи. Въ этихъ примѣчаніяхъ имѣются высоко интересныя сопоставленія народнаго быта, вѣрованій и правовъ мингрельцевъ за три вѣка тому назадъ съ современными. По отзыву г. Гана, онъ переводилъ по возможности точно, сохраняя простой и наивный языкъ подлинника. Не имѣя подъ руками итальянскаго оригинала, отказываемся высказать свое сужденіе о достоинствѣ перевода, который читается весьма легко. На стр. 228 переводчикъ, повидимому, не нашелъ у Страбона цитаты о дурномъ достоинствѣ колхидскаго меда. Это извѣстіе имѣется у древняго географа въ кн. XI, гл. 2, § 17. Затѣмъ В. М. Сысоевъ даетъ всестороннее географическое, этнографическое, историческое и археологическое описаніе Карачая (обширнаго пространства въ бассейнѣ верхняго теченія рѣки Кубани). Нельзя не отмѣтить грустнаго замѣчанія автора на стр. 60: «Говорятъ, что въ карачаевскомъ языкѣ нѣтъ даже словъ, выражающихъ понятіе объ опрятности». Работа г. Сысоева снабжена любопытными съ этнографической точки зрѣнія рисунками. На третьемъ мѣстѣ извѣстный археологъ Е. С. Такайшвили опубликовалъ въ «Археологическихъ экскурсіяхъ, разысканіяхъ и замѣткахъ» много грузинскихъ надписей, которыя въ значительной мѣрѣ подтверждаютъ и дополняютъ знаменитую грузинскую лѣтопись Картлисъ-Цховреба и другія хроники. И къ статьѣ г. Такайшвили приложено много снимковъ съ надписей и рисунковъ церковныхъ древностей. Наконецъ, послѣднее мѣсто въ книгѣ занимаетъ цѣнный лингвистическій трудъ А. М. Дирра о цахурскомъ языкѣ (въ юго-восточномъ Дагестанѣ Самурскаго округа). Почти всѣ данныя этого изслѣдованія представляютъ совершенную новость для филологической науки. Какъ видно изъ предисловія почтеннаго редактора сборника Л. Г. Лопатинскаго, этотъ солидный трудъ г. Дирра заканчиваетъ изслѣдованіе цикла главныхъ дагестанскихъ языковъ.

Л. Л.

В. Лебедевъ. За государя великаго князя. Историческая повѣсть половины XV вѣка. Москва. Изданіе А. Д. Ступина. 1914. Стр. 96. Цѣна 35 коп.

Въ другомъ мѣстѣ пишущему эти строки довелось отличать В. П. Лебедева среди столь многочисленныхъ авторовъ историческихъ повѣстей для большой публики, какъ писателя, болѣе литературно-цвѣтнаго, болѣе начитаннаго и искренняго.

Въ вышеназванной книжкѣ г. Лебедевъ беретъ канвой для повѣсти драматичную пору—борьбу за великокняжескій престолъ въ родѣ самихъ же московскихъ державцевъ.

Авторъ выводитъ на сцену въ главныхъ роляхъ великаго князя Василія Василіевича, уже пострадавшаго, признаваемаго народомъ опорой внутренняго замиренія и государственнаго укрѣпленія, и Дмитрія Шемяку, какъ бы представителя отжившей пестроты въ распорядкахъ княжествъ.

Примѣромъ доблестнаго стоянія «за государя великаго князя» изображенъ здѣсь бояринъ Ѳедоръ Басенокъ. Онъ безстрашный вояка и вмѣстѣ съ тѣмъ большой почитатель духовенства. Выписываетъ попутно авторъ краски и черты современной культуры и быта. Освѣщаетъ внѣшнюю обстановку въ верхахъ и низахъ, военные пріемы тогдашней эпохи, особенности языка въ грамотахъ и толкованіяхъ.

Не всегда удачно воспроизведены, но изящны и выразительны въ общемъ иллюстраціи г. Спасскаго. Рисунки въ подобныхъ книжкахъ всегда обостряютъ воображеніе и интересъ читателя. **А. Налимовъ.**

А. Ренниковъ. Золото Рейна. О нѣмцахъ въ Россіи. Со многими рисунками и картами. Пгр. 1915. Стр. 395. Ц. 1 р. 50 к.

Новая книга А. М. Ренникова затрагиваетъ одинъ изъ наиболѣе волнующихъ вопросовъ русской государственной дѣйствительности—о нѣмецкомъ землевладѣніи въ Россіи. Авторъ объѣхалъ Волынь, Бессарабію, Крымъ, Новороссію и въ формѣ яркихъ фельетоновъ, на основаніи строгихъ фактическихъ данныхъ, изъ бесѣдъ мѣстныхъ представителей народа и общества, на основаніи самолично видѣннаго и слышаннаго составилъ рѣзкую и энергичную отповѣдь и нашей администраціи, проявляющей такую странную медлительность и нерѣшительность въ жгучемъ вопросѣ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣльческаго засилья, и нашему обществу, часть котораго все еще склонна вѣрить въ лояльность и вѣрноподданность мирныхъ и трудолюбивыхъ колонистовъ, очутившихся въ положеніи сильно подозрѣваемыхъ благодаря лишь племенному родству съ нашими врагами. Страстно и въ рѣзкихъ краскахъ изображаетъ г. Ренниковъ внутренній бытъ нѣмецкихъ колонистовъ юга, ихъ замкнутость и презрѣніе по всему русскому, ихъ связи съ германскими государственными банками и германскими политическими дѣятелями, характеръ ихъ народнаго образованія, школьныхъ организацій, этихъ очаговъ пангерманизма, сообщаетъ очень пикантныя свѣдѣнія о дѣятельности германскаго Flotten-Verein, разсказываетъ множество поучительныхъ случаевъ, когда русскія предпріятія путемъ различныхъ комбинацій и махинацій переходили въ цѣпкія руки нѣмцевъ, подробно останавливается на выясненіи скрытыхъ тенденцій штундизма и менонитовъ, которые въ теченіе долгихъ годовъ растлѣвали религію и духъ русскаго народа. Много очень характернаго разсказываетъ авторъ о нашей мѣстной администраціи и земствѣ, о вліяніи и засильѣ нѣмцевъ въ земствѣ и общественныхъ организаціяхъ, способахъ агитаціи и тактикѣ ихъ во время различныхъ выборовъ и т. д.

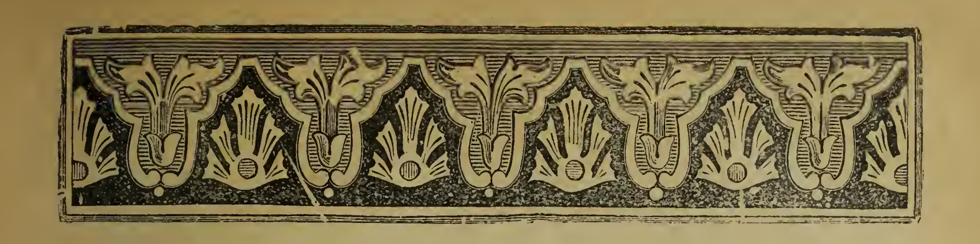
Авторъ горячо настаиваетъ на своемъ мнѣніи о томъ, что германская колонизація, идя по заранѣе обдуманнымъ направленіямъ, является авангардомъ германскихъ полчищъ, для которыхъ она подготовляетъ болѣе благопріятныя условія, а потому необходимо сейчасъ, немедленно же и энергично приняться за очистку отъ этихъ опасныхъ и вредныхъ мирныхъ передовыхъ позицій Германіи. Печальныя событія, разыгравшіяся въ Прибалтійскомъ краѣ, де-

статочно удостовѣрили все русское общество и показали намъ, чего можно ждать отъ двоеподданныхъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ. Наша трогательная довѣрчивость къ нимъ вызвала цѣлые потоки солдатской крови, хотя бы, напримѣръ, у мирнаго «господскаго дома въ Шукляхъ», имѣнія русско-подданнаго нѣмца, расположеннаго въ четырехъ верстахъ отъ границы, между Вержболовомъ и Владиславовомъ. Здѣсь, подъ видомъ помѣщичьяго жилища, оказалась цѣлая крѣпость, съ бойницами, канавами, наполненными водой, съ искусственными лощинами въ видѣ траншей и даже съ проволочными загражденіями, которыя русскоподданный нѣмецъ-помѣщикъ лукаво замаскировалъ тростникомъ у рѣчки, пересѣкавшей поляну въ трехстахъ шагахъ отъ дома. И наши войска должны были брать приступомъ эту крѣпость, въ которую засѣли германцы, съ 18-го по 23-е октября. Вотъ каковъ мирный очагъ вѣрноподданнаго гражданина-нѣмца. Никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что и на югѣ не встрѣтится такихъ помѣщичьихъ крѣпостей. А ужъ о различныхъ сигнализаціяхъ съ мельницъ, колоколенъ, о нѣмецкомъ шпіонствѣ, о доставленіи всестороннихъ свѣдѣній русскими нѣмцами въ городахъ, занятыхъ германскими войсками и т. п., и говорить нечего. Объ этомъ чуть ли не каждый день пишутъ газеты.

Книга г. Ренникова, такъ страстно изобличающая государственную опасность «внутреннихъ нѣмцевъ» и такъ ярко характеризующая бытъ и нравы ихъ въ Россіи, несомнѣнно, будетъ встрѣчена съ большимъ вниманіемъ читателями, которые должны ясно сознать, что полная и рѣшительная ликвидація нѣмецкаго землевладѣнія является насущною необходимостью для Россіи. Нужно немедленно же очистить страну отъ нѣмецкихъ арріергардовъ, нужно немедленно же снести эти передовыя позиціи Германіи.

Д. М—ко.

НОВОСТИ ИСТОРІИ.

Нѣмецъ-узурпаторъ царскихъ подарковъ и ливадійскій дьячокъ.—Зловѣщее пророчество о трагедіи перваго марта.—Потревоженныя тѣни крѣпостного вѣка.—Архивъ Философовыхъ.—Новоржевскіе помѣщики и крестьянское раскрѣпощеніе.—Дряхлѣющій феодалъ и новая жизнь.—Изъ жизни А. П. Философовой.—Либеральная жена военнаго прокурора.—Достоевскій среди салонныхъ философовъ.—Левъ Толстой въ разсказѣ яснополянскаго крестьянина.—Глѣбъ Успенскій въ семейномъ бытѣ.—Романъ поневолѣ автора «Растеряевой улицы».

ВЪ ДНИ ГОРЬКИХЪ для національнаго чувства разоблаченій корыстнаго настроенія отдѣльныхъ лицъ, и русскихъ, и иноземцевъ, способныхъ использовать даже тяжелый для родины моментъ въ цѣляхъ наживы, приходится кстати разсказъ В. Кондараки въ «Русской Старинѣ» о томъ, какъ высоко иногда восходило у насъ на Руси злоупотребленіе, нагло разстилавшееся буквально у самаго трона во время пребыванія Царя-Освободителя на южномъ берегу Крыма въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Извѣстенъ характерный анекдотъ о томъ, какъ императоръ Александръ III долженъ былъ однажды отказаться отъ такого, въ сущности, небольшого удовольствія, какъ пить въ Петербургѣ прекрасную дудергофскую воду,—роскошь, какую уже въ его годы могъ позволить себѣ рядовой столичный интеллигентъ. Послѣ перваго же мѣсяца этой роскоши, когда государь поинтересовался узнать, во что она обходится, ему назвали такую внушительную цифру, что, желая сразу положить конецъ наглому воровству, онъ раздраженно отказался отъ своего удовольствія, сказавъ, что оно ему не по средствамъ. Нѣчто аналогичное узнаемъ теперь отъ Кондараки о дворѣ Александра II, гдѣ наглость дворцоваго распорядителя, нѣкоего нѣмца Миллера, сумѣла даже царскую щедрость представить скупостью.

Послѣ постройки въ Ливадіи придворной церкви къ ней были прикомандированы на время царскаго пребыванія лучшіе изъ епархіи священникъ, дьяконъ и дьячокъ, которымъ не выдавалось ничего, кромѣ прогоновъ и затѣмъ что пожалуетъ императрица. Первыя два лица, какъ болѣе обезпеченныя, интересовались повышеніемъ или орденами, но для дьячка, получавшаго какихъ-нибудь пятнадцать или двадцать рублей казеннаго жалованья въ годъ и существовавшаго на счетъ церковныхъ требъ, всего цѣннѣе были деньги для содержанія оставленнаго имъ дома семейства.

На этотъ разъ командированъ былъ въ Ливадію дьячокъ, у котораго ничего не было, кромѣ большого семейства. Разставаясь съ нимъ, онъ, естественно, въ надеждѣ получить богатыя и великія милости отъ царицы, которой будетъ служить и которая справедливо взвѣситъ его нужды и значеніе разлуки съ домомъ, успѣлъ открыть для семьи кредитъ у различныхъ добрыхъ людей, обѣщавъ имъ съ благодарностью возвратить долгъ. Когда окончилась его четырехмѣсячная обязанность въ Ливадіи, гдѣ, разумѣется, во все время не исполнялись никакія требы, дьячку этому Миллеръ предложилъ въ награду пятьдесятъ рублей, т.-е. втрое меньше, сколько онъ пріобрѣталъ въ своемъ приходѣ и сколько необходимо было для расплаты за содержаніе семьи въ его отсутствіе. Миллеръ вообще ухитрился низвести обычныя царскія наградныя въ двадцать пять рублей до... трехрублевки.

— Васъ жалуетъ императрица за вашу безупречную службу,—сказалъ нѣмецъ:—пятьюдесятью рублями. Потрудитесь расписаться.

Дьячокъ сложилъ руки и не пошевелился.

— Получите вашу награду и распишитесь!—повторилъ Миллеръ.

— Я желалъ бы знать, ваше превосходительство,—спросилъ дьячокъ:—кто меня жалуетъ этою суммою,—императрица или вы.

— Я, кажется, вамъ сказалъ уже объ этомъ, да и вы сами, вѣроятно, слышали, что здѣсь хозяйка государыня.

— Извините, ваше превосходительство, при всемъ моемъ желаніи повѣрить вамъ я не могу допустить, чтобы ея императорское величество, наша всемилостивѣйшая мать, захотѣла бы оставить меня за безупречную, какъ вы изволили сказать, службу ей въ неоплатномъ долгу.

И бойкій дьячокъ разсказалъ самымъ подробнымъ образомъ, во что ему самому обошлось отсутствіе изъ дома и богатаго прихода.

Миллеръ побагровѣлъ отъ этой смѣлости.

— Такъ вотъ вамъ еще двадцать пять рублей изъ моихъ собственныхъ денегъ, потому что теперь не время докладывать ея величеству и измѣнять распредѣленія.

— Благодарю васъ, но я не возьму этихъ денегъ, и самъ постараюсь обратить вниманіе императрицы на мое безвыходное состояніе.

— Такъ вы вмѣсто благодарности хотите безпокоить ея величество?

— Меня заставляетъ нужда.

— Въ такомъ случаѣ, вы ничего не получите.

— Не думаю,—отвѣтилъ съ улыбкою дьячокъ и вышелъ изъ канцеляріи камергера.

Пока онъ обдумывалъ, какъ поступить, за нимъ явился посланный. На этотъ разъ Миллеръ объявилъ, что къ подарку императрицы добавляетъ государь сто двадцать рублей и золотые часы.

Завѣдывающаго ялтинскою телеграфною станціею, который во время пребыванія царской фамиліи лично трудился, генералъ-губернаторъ Коцебу, вѣроятно, видѣвшій списокъ утвержденныхъ наградъ поздравилъ съ денежнымъ пособіемъ въ сто пятьдесятъ рублей. Каково же было изумленіе этого чиновника, когда его потребовалъ Миллеръ и предложилъ ему... ровно половину этихъ денегъ. Телеграфистъ отказался ихъ принять и въ тотъ же день заявилъ объ этомъ Коцебу. У кого остались эти дарственныя деньги,—говорить излишне, къ сожалѣнію, злая истина вскрывается только черезъ полвѣка!..

Страшной первомартовской катастрофѣ, если вѣрить многочисленнымъ заявленіямъ, предшествовало не одно предзнаменованіе. Къ этимъ разсказамъ о воронахъ, прилетавшихъ къ царскому окну, объ огненныхъ мечахъ, протянувшихся въ сонномъ видѣніи кому-то надъ Невскимъ отъ адмиралтейства,—тотъ же Кондараки прибавляетъ не лишенный для мистиковъ интереса слѣдующій, зловѣще-пророческій случай, нашедшій мѣсто въ Сергіевской пустыни возлѣ Петрограда.

Въ покояхъ настоятеля пустыни, архимандрита Игнатія, находился превосходнѣйшій портретъ Александра II. Рисовалъ его профессоръ Лавровъ, удостоившійся имѣть два или три сеанса съ натуры. Всѣхъ, кто видѣлъ этотъ портретъ, поражало необыкновенное сходство: государь стоялъ какъ живой. Ниже колѣнъ къ портрету приставленъ былъ другой кусокъ холста, на которомъ пририсованы ноги тѣмъ же художникомъ. Въ это время въ пустыни находился послушникъ, который дважды сходилъ съ ума. Архамандритъ не желалъ принимать выздоровѣвшаго инока въ монастырь, но смотритель дома умалишенныхъ упросилъ принять его, какъ человѣка добраго и усерднаго.

Однажды, рано] утромъ, когда шла заутреня, послушникъ, не замѣченный никѣмъ, проникъ въ хлѣбопекарню, схватилъ большую кочергу, раскалилъ въ печи желѣзо докрасна, бросился съ невѣроятно звѣрскою рѣшимостью на монастырскій дворъ, потомъ въ покои архимандрита къ портрету государя и отчаяннымъ движеніемъ раскаленной кочерги отжегъ ниже колѣнъ ноги, послѣ чего бросился на дворъ въ полномъ сумасшествіи. Послѣ этого сознаніе къ нему болѣе не возвращалось.

Четырнадцать лѣтъ спустя установлено было, что сумасшедшій выжегъ ноги на портретѣ совершенно подобно тому, какъ взрывъ динамитной бомбы, брошенной преступникомъ, испепелилъ ихъ у императора 1-го марта 1881 года.

Въ литературѣ, мелочной и суетливой, все замѣтнѣе отсутствіе серьезныхъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ историческихъ лицахъ, какія умѣла оставлять старина. Уходятъ послѣдніе крупные люди, и въ лучшемъ случаѣ память ихъ, кромѣ газетной статьи, увѣнчивается сырыми выдержками изъ ихъ

житейскаго архива. Вѣкъ Барсуковыхъ, умѣвшихъ дѣлать фигуры, хотя бы Погодина, центромъ жизни и писать о немъ и его времени свыше двадцати томовъ, повидимому, миновалъ.

Пріятнымъ исключеніемъ явилось двухтомное изслѣдованіе объ извѣстной А. П. Философовой, дѣятельницѣ русскаго женскаго просвѣщенія, чьи личныя усилія сыграли, можетъ быть, самую видную и почетную роль въ устройствѣ высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ и курсовъ Бестужевскихъ. Два большихъ и роскошно изданныхъ сыномъ покойной, В. Д. Философовымъ, тома значительны не только возстановленіемъ біографіи замѣчательной русской женщины, но для любителя исторіи, можетъ быть, еще болѣе общей картиной быта родовитой стародворянской семьи, отмѣченной рѣдкою типичностью. Съ любовью и тщательностью и личная біографія, и эта общая картина разработаны А. В. Тырковой на основаніи обильно сохранившихся фамильныхъ документовъ.

Въ передовую по колоритности фигуру выдвигается отецъ будущаго мужа Философовой, Дмитрій Философовъ, стараго завѣта помѣщикъ-крѣпостникъ, образчикъ любопытнѣйшаго дворянскаго самодурства. Вопреки общему тону біографической книги, мѣстами ударяющей почти въ панегирикъ, кряжистый старикъ описанъ во всей своей неприглядной непосредственности. Какой-то еще здоровой, не больной и не извращенной, карамазовщиной вѣетъ отъ этого образа далеко не глупаго и самобытнаго человѣка, который въ условіяхъ иного политическаго существованія могъ бы блистательно примѣнить и свою желѣзную волю, и честолюбіе, и постоянную игру ума, расходовавшагося на сущіе пустяки да на деспотическое ехидство.

Обладатель наслѣдственныхъ имѣній и денегъ, Философовъ устраиваетъ свой деревенскій уголокъ, какъ земной рай, чуть не съ герцогской пышностью и удобствами. Но этой дѣятельности, разумѣется, мало для того, чтобы занять всю могучую энергію неугомонившагося мужчины, и онъ придумываетъ развлеченія чисто въ Алкивіадовомъ жанрѣ.

Разъ захотѣлось Д. Н. Философову испытать, какъ чувствуетъ себя нищій. Онъ купилъ на рынкѣ рваную бекешу и двѣ недѣли бродилъ по Витебской губерніи, питаясь Христовымъ именемъ. Потомъ, въ удобномъ дормезѣ, со свитой дворовыхъ людей, объѣзжалъ тѣ мѣста, гдѣ его хорошо принимали и развозилъ подарки. Только въ одной усадьбѣ старушка-помѣщица отказалась отъ подарка и очень строго распекла Философова за то, что онъ обращаетъ въ маскарадъ святое дѣло благотворительности.

Съ годами онъ входитъ во вкусъ властвованія и самостоятельности. Въ его усадьбѣ цѣлый гаремъ изъ восьми отборныхъ юныхъ красавицъ, и портретъ фаворитки Матрены, переименованной въ Маргариту, виситъ въ кіотѣ, въ родѣ иконы. Въ свое самодержавіе, въ священство своей хозяйской и отеческой власти Философовъ самъ вѣритъ уже настолько прочно, что совершенно всерьезъ считаетъ бракъ родного сына на неугодной ему дѣвушкѣ недѣйствительнымъ, разъ онъ произошелъ безъ его родительскаго благословенія.

«Безъ моего благословенія не могло быть благословенія Божія,—пишетъ онъ сыну:—Господь видѣлъ въ дѣйствіяхъ церемоніи вообразительнаго тво-

его брака святотатство. Николай Дмитріевичъ, можно обмануть нѣкоторыхъ и даже многихъ слабыхъ людей, но Всевидящаго Ока не обманешь!» Другого своего сына съ его молодой женой изъ какого-то циническаго озорства онъ принимаетъ въ халатѣ, лежа на постели, окруженный гаремными дѣвками въ кисейныхъ платьяхъ на голомъ тѣлѣ.

На фонѣ жестокаго и желѣзнаго вѣка Николая Философовъ не представляетъ, впрочемъ, рѣзкаго исключенія изъ дворянской крѣпостнической среды. Онъ просто помѣщикъ, какъ помѣщикъ, и другіе рабовладѣльцы того самаго уѣзда, гдѣ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Пушкинъ искалъ прототиповъ для своего романа и повѣстей (Новоржевскій, Псковской губерніи),—по тѣмъ же запискамъ Философовой, не очень далеко обгоняютъ его заботливостью о мужикѣ или мягкостью нравовъ.

«Помѣщики вокругъ насъ были самые дикіе,—разсказываетъ Философова:—одинъ изъ нихъ, Леонидъ Алексѣевичъ Львовъ, былъ очень добродушный человѣкъ и никого неспособенъ былъ обидѣть. Но онъ увѣрялъ, что освобождать народъ не надо, а надо только дѣлать свободными новорожденныхъ,—какъ родится, такъ и дать ему вольную. Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ братъ его, Александръ. Онъ ѣздилъ по уѣзду въ золотой колесницѣ, въ тигровой шкурѣ. Вся дворня была увѣшена какими-то орденами, вродѣ льва и солнца, а сами голые. И онъ голый. Разъ онъ затѣялъ правильный штурмъ Новоржева. Собралъ армію, выкатилъ пушку и осадилъ городъ. Началъ даже пальбу. Хорошо, что исправникъ былъ догадливый. Онъ взялъ какіе-то ржавые ключи, положилъ ихъ на бархатную подушку и торжественно вышелъ навстрѣчу врагу.

«Была у этого сумасшедшаго крѣпостная дѣвушка, которая отказалась стать его любовницей.

«— Значитъ, ты меня хуже пса считаешь,—сказалъ онъ,—ну, ладно!..

«Онъ привелъ большого свирѣпаго пса и отдалъ дѣвку ему на растерзаніе. У этого Львова въ усадьбѣ была тюрьма, и люди гнили въ его карцерѣ. У другого помѣщика, Нелидова, тоже была тюрьма. Когда настала эмансипація, то эту тюрьму по щепочкамъ разнесли»...

Разумѣется, съ жуткимъ чувствомъ и злымъ раздраженіемъ эта среда доморощенныхъ диктаторовъ прислушивалась къ тревожнымъ рѣчамъ о крестьянской волѣ, о гуманномъ царѣ, ведущемъ какія-то засѣданія на тему мужицкаго освобожденія. Философовъ не одинокъ въ своей ненависти къ этимъ разорителямъ дворянства, но, какъ и слѣдовало ожидать, его злость выливается въ формѣ исключительно причудливыя и дерзкія.

Послѣ воли наши помѣщики (Псковской губерніи, Новоржевскаго уѣзда) стали злиться. Беззубая была ихъ злоба. Папенька велѣлъ повѣсить портретъ государя вверхъ ногами и опрашивалъ дворовыхъ:

— Государь Александръ Николаевичъ уменъ или глупъ?

И когда они отвѣчали: «уменъ»—онъ ихъ отправлялъ ко всѣмъ чертямъ.

Старикъ даже деньги пересталъ класть въ государственный банкъ и носилъ ихъ при себѣ. Когда ему говорили, что его могутъ ограбить, онъ отвѣчалъ:

«Не могу же я отдать деньги...» и дальше слѣдовало крѣпкое слово по адресу царя-Освободителя.

Гаремъ онъ не распускалъ, и кончилось тѣмъ, что дѣвки сами начали съ нимъ свою расправу. Раскачаютъ на простыняхъ, да и бухъ объ полъ. Онъ написалъ отчаянное письмо мужу Философовой, чтобы тотъ явился его спасать. Мужъ поѣхалъ. Что тутъ было! — восклицаетъ авторъ записокъ.—Крѣпостныя дѣвушки вволю потѣшились надъ бариномъ, когда почувствовали себя свободными. Только пріѣздъ сына оградилъ старика отъ дальнѣйшихъ расправъ. Но Дмитрій Николаевичъ никакъ не могъ понять новаго положенія.

Когда священникъ пришелъ заявить ему, что Катенька выходитъ за повара, другая за конюха, а третья еще за кого-то, старикъ затопалъ ногами и закричалъ:

— Запрещаю!

Сколько лѣтъ это слово имѣло волшебную, непреложную власть надъ существованіемъ нѣсколькихъ сотъ взрослыхъ людей, да въ значительной степени и надъ самимъ священникомъ! Но на этотъ разъ служитель церкви, по привычкѣ еще опуская глаза и смущаясь, долженъ былъ объяснить богдановскому феодалу:

— Напрасно, Дмитрій Николаевичъ, такъ вы себя волнуете. Нельзя уже больше запрещать... Права такого у васъ нѣтъ...

Старикъ вскочилъ и закричалъ на весь домъ:

— Лошадей!

Онъ хотѣлъ немедленно мчаться искать «управы» и возстановленія узурпированныхъ правъ,—его едва удалось уговорить отложить отъѣздъ до утра.

Унылую картину умиранія этого человѣка, прожившаго большой, барственный и бурный вѣкъ, но не сумѣвшаго снискать ничьей любви, рисуетъ его новая родственница. Полуприживалъ въ своемъ собственномъ домѣ, король безъ подданныхъ, онъ жалко догараетъ, все еще не имѣя силъ разстаться съ слабостями молодости, когда уже нѣтъ и тѣни молодыхъ силъ.

«Иногда ночью меня будятъ и зовутъ къ папенькѣ.

«— Что прикажете?

«— Матушка, я хочу раковъ.

«— Гдѣ же мнѣ ихъ теперь достать?

«Онъ благимъ матомъ кричитъ: «Хочу раковъ!» и только тогда успокоится, когда скажешь: «Я сейчасъ пошлю нарочнаго въ Петербургъ». Когда на другой день ихъ привезутъ, онъ смотрѣть не хочетъ. Много было разныхъ сценъ,— больше такихъ, которыя и повторять совѣстно. Поселили мы его рядомъ съ собой на дачѣ. Онъ всякія штуки выкидывалъ, все требовалъ къ себѣ женскую прислугу. Лакеевъ не хотѣлъ. Дѣлать нечего, пришлось нанять ему «мадаму». Онъ сидѣлъ и все любовался, какіе у нея глазки, какой ротикъ. Лакей сидѣлъ передъ нимъ, очерченный мѣломъ на полу, и не смѣлъ за эту черту выступать. Его катали по саду въ креслѣ. Онъ приказалъ подвезти себя къ тому мѣсту, гдѣ мы, дамы, купались и ни за что не хотѣлъ уѣзжать. Тогда я схватила мокрое полотенце и такъ отхлестала его, что онъ уже больше этого не дѣлалъ. А по вечерамъ онъ сидѣлъ и читалъ житія святыхъ».

Жизнь и дѣятельность самой Философовой еще у всѣхъ на памяти. Можетъ быть, впервые съ такою обстоятельностью прочтетъ читатель только страницы о тѣхъ препятствіяхъ, какія должна была преодолѣть русская женщина, чтобы добиться своего права на высшее образованіе, о министрахъ (А. Д. Толстомъ), которые увѣковѣчили себя фразой, что хлопоты о женской наукѣ—«пустая затѣя!»

И новъ разсказъ о дѣятельности Философовой въ качествѣ прогрессивной женщины, на долю которой иногда выпадала трудная миссія спасать какихъ-нибудь увлекшихся курсистокъ отъ III-го отдѣленія или сыщиковъ. Бывало такъ, что на одной половинѣ ея квартиры шли танцы и порхали кавалергарды, а на дѣтскую половину, украдкой отъ мужа, перетаскивали кипы нелегальщины, спасая какую-нибудь неосторожную отъ жестокихъ послѣдствій сегодняшняго ночного обыска.

«Какія только легенды про меня не ходили,—говорила она о себѣ.—Что я была не безгрѣшна, въ этомъ я каюсь, но надо было стать и въ мое положеніе, оно было тогда ужасно. Мужъ—главный военный прокуроръ, онъ долженъ былъ карать и дѣлалъ это часто изъ убѣжденія.

«— Пойми ты,—говорилъ онъ мнѣ:—мнѣ противны цареубійцы и вообще всякіе убійцы, не могу и не хочу ихъ щадить.

«— Но пойми и ты, что съ убійцами вы валите въ одну кучу и невинныхъ, и я ихъ буду спасать!

«И я ихъ спасала, но, конечно, часто случалось, что вмѣсто невиннаго спасу виновнаго. Я была постоянно между двухъ огней. Съ одной стороны, мой мужъ получалъ прокламаціи отъ нигилистовъ, что они его убьютъ и что онъ внесенъ въ списокъ, въ число жертвъ, съ другой стороны правительство высылало моего сына и грозило мнѣ высылкой».

Въ концѣ концовъ ни постоянная осторожность, ни высокое служебное положеніе мужа не оберегли Анну Павловну отъ кары. Безъ шума и огласки, безъ громкаго скандала и безъ непріятностей мужу по службѣ, она была выслана за границу. Катастрофа была вызвана неосторожностью одной курсистки, по прозвищу Качки, которая воспользовалась довѣрчивостью и добротой дочери Философовой.

«Ни о какой революціи,—поясняетъ дочь Философовой,—барышня не думала и просто отдала золотыя вещи бѣдной подругѣ по гимназіи. Когда ее засадили, она написала рядъ писемъ на мое имя, упоминая о золотыхъ вещахъ и прилагая квитанціи. Разумѣется, письма очутились въ рукахъ Дрентельна, онъ вызвалъ отца, и картина получилась внушительная. Выходило, что я дала деньги на революцію, а я просто сунула голодной. Папа допрашивалъ меня при мамѣ; я защищалась».

Качка, повидимому, была только предлогомъ, но Дрентельнъ, придравшись къ этому, дружески посовѣтовалъ генералъ-прокурору отправить жену и дочь за границу. «Это было, конечно, та же ссылка, но почетная,—пишетъ Анна Павловна въ своихъ замѣткахъ.—Я была бѣльмомъ на глазу у Третьяго отдѣленія, и они такъ подстроили, что я должна была уѣхать. Мой мужъ разсказывалъ мнѣ о свиданіи съ императоромъ Александромъ II. Государь лю-

билъ и цѣнилъ моего мужа, зналъ его лично и потому далъ ему эту аудіенцію». На ней Философовъ услышалъ, что только ради него Анна Павловна удаляется за границу, а не въ Вятку.

Записки Философовой даютъ и богатый побочный матеріалъ большой цѣнности, поскольку въ ея домѣ оказывались и такіе люди, какъ Тургеневъ или Достоевскій. Письма того и другого къ Философовой давно опубликованы, но вотъ интересная новая страничка воспоминаній дочери Философовой, М. В. Каменецкой, о нѣсколькихъ встрѣчахъ въ ранней юности съ творцомъ «Преступленія и наказанія».

«Я какъ-то изнывала въ своей ученической комнатѣ,—мнѣ было четырнадцать-пятнадцать,—надъ «остроумной» ариѳметической задачей о зайцѣ и черепахѣ, когда меня осѣнила блестящая мысль: пойду-ка я къ мамѣ, тамъ пришелъ преподаватель математики въ морскомъ корпусѣ Горенко, онъ мнѣ поможетъ. Кромѣ Горенка, у мамы сидѣло еще нѣсколько человѣкъ и, какъ иногда бываетъ, всѣмъ загорѣлось гонять моего зайца. Вдругъ входитъ Ѳ. М. Достоевскій. «Въ чемъ дѣло?» И сталъ тоже придумывать разныя комбинаціи, но непремѣнно хотѣлъ, чтобы «черепаха» пришла раньше зайца. «Она, бѣдная, не виновата, что ее такъ Богъ создалъ. А старается изо всѣхъ силъ, а это лучше, чѣмъ заяцъ: «прыгъ-скокъ, и уже поспѣлъ».

«Черезъ нѣсколько дней Ѳедоръ Михайловичъ опять пришелъ къ намъ, какъ оказалось, по дѣлу. Когда мама бывала дома, то къ намъ «на огонекъ» обыкновенно приходило пять-шесть человѣкъ. Сидѣли мы въ такихъ случаяхъ въ ея небольшомъ будуарѣ, и мама сама разливала намъ чай. Разговоръ велъ нѣкій А. А. Навроцкій, служившій въ военномъ судѣ, авторъ популярнаго «Утеса», который студенчество того времени усердно распѣвало, и многихъ поэмъ и стихотвореній.

«Въ тотъ вечеръ онъ говорилъ на тему о Міровой Душѣ, Міровомъ Разумѣ (съ большой буквы), говорилъ, что въ данную минуту все это сосредоточено на нашей планетѣ, которая, однако, скоро замерзнетъ, какъ луна (я, разумѣется, уже застыла отъ этихъ словъ, стоя за кресломъ, которое я придвинула Достоевскому) и т. д. Подъ конецъ онъ обращался почти къ одному Ѳедору Михайловичу. Послѣдній молчалъ, потомъ обернулся неожиданно ко мнѣ и, точно хватаясь за соломинку, сказалъ: «Манечка, а черепашка-то добѣжала, какъ вы думаете?» И столь же неожиданно повернулся къ мамѣ и сталъ ей излагать мотивъ своего прихода. Надо было выручать кого-то...

«Помню я Ѳедора Михайловича на большомъ благотворительномъ концертѣ у мамы. Онъ вышелъ изъ залы, гдѣ было ужъ очень жарко, сѣлъ гдѣ-то въ углу, но былъ тотчасъ же окруженъ молодежью, хотя и не любилъ, чтобы его «интервьюировали» (тогда еще не было этого слова), рѣдко доводилъ до серьезныхъ темъ, да и уставшій онъ часто бывалъ до-нельзя. Но я помню его споры съ мамой. Они оба спорить абсолютно не умѣли, горячились, не слушали другъ друга, и теноровъ Ѳедора Михайловича доходилъ до тамберликовскихъ высотъ. Особенно часто мама съ нимъ спорила по поводу его «право-

славнаго Бога» (тогда Достоевскій издавалъ своей «Дневникъ писателя»). Однажды въ азартѣ мама ему говоритъ: «Ну, и поздравляю васъ, и сидите со своимъ «православнымъ Богомъ! И отлично!» Услыхавъ такіе «дамскіе доводы», какъ говорилъ Өедоръ Михайловичъ, онъ вдругъ громко и добродушно засмѣялся: «Ахъ, Анна Павловна, и горячимся же мы съ вами, точно юнцы!»

Мы слышали свыше мѣры рѣчей объ отношеніи графа Толстого къ мужику, въ частности своему, яснополянскому. Но, за ничтожными исключеніями, почти не слышали, какъ понималъ и принималъ Толстого этотъ русскій мужикъ. Въ «Ежемѣсячномъ Журналѣ» отвѣтъ на это даютъ записки яснополянскаго крестьянина Зябрева, извлеченныя изъ архива Черткова.

Тонъ разсказчика—тонъ высокой и уважительной симпатіи. Діапазонъ наблюдательности крестьянина, конечно, невеликій. Соприкосновеніе съ нимъ опростившагося мудреца не шло дальше обычныхъ встрѣчъ ва деревнѣ и было лишено психологической углубленности. Но любопытные блики оказались и здѣсь.

Зябревъ былъ еще ребенкомъ, когда Толстой уже сложилъ въ своей душѣ всѣ основы своего послѣдняго міровоззрѣнія. Онъ прошелъ его школу, потомъ воспринялъ его, какъ добраго барина, открещивающагося отъ барства и мечтающаго воспитать свое крестьянство въ идеалахъ мира и человѣчности. Большой ребенокъ, Левъ Николаевичъ радостно воспринимаетъ каждый шагъ деревни въ сторону усвоенія его проповѣди, снисходитъ съ дѣтьми до дѣтскаго разумѣнія, занимаетъ ребятъ чтеніемъ и разсказами, даже записываетъ ихъ въ трезвость, когда тѣ, изъ подражанія взрослымъ, вовлекаются въ эту игру.

— Вотъ это хорошо,—говоритъ имъ Толстой, услышавъ, что и ребятишки хотятъ не отстать отъ взрослыхъ:—садитесь опять всякъ на свое мѣсто.

«Сѣлъ съ нами Левъ Николаевичъ и сталъ намъ разсказывать о винѣ, какія болѣзни отъ него бываютъ, какія остуды, какія разоренія. Потомъ поднялся, поднесъ намъ бумагу. Когда мы подписались, Левъ Николаевичъ сказалъ:

«— Смотрите, не дѣлайте такъ, какъ сдѣлалъ Павелъ-сапожникъ; нынче въ трезвость подписался, а на другое утро въ грязи валялся.

«И началъ разсказывать про сапожника.

«— Иду изъ деревни домой, а передъ этимъ прошелъ дождикъ и сдѣлалась грязь, и вижу, кто-то въ грязи ворочается по дорогѣ внизу около Каменныхъ. Подхожу ближе и вижу—Павелъ-сапожникъ. Стоитъ на рукахъ и на колѣняхъ и самъ себя не помнитъ, весь въ грязи. Поглядѣлъ я на него и сталъ окликать. Когда онъ мнѣ откликнулся, то я спросилъ его: Павелъ, что ты дѣлаешь, вѣдь ты подписался вина не пить? А онъ, стоя на четвереренькахъ, поглядѣлъ на меня, какъ будто ему сдѣлалось стыдно, и сказалъ: «Изъ пьянства вылѣзаю, иду въ трезвость». Недаромъ,—добавилъ Левъ Николаевичъ,— говорятъ: напился, какъ сапожникъ».

Опрощеніе знаменитаго писателя, вызывавшее столько ироніи интеллигентнаго общества, отнюдь не казалось юмористическимъ настоящему мужику. Сталкиваясь съ Толстымъ на настоящемъ деревенскомъ дѣлѣ, онъ видѣлъ, что его баринъ въ самомъ дѣлѣ совершенно отрѣшился отъ замашекъ бѣлоручки, онъ заставалъ его иногда въ такихъ положеніяхъ, какія и ему, мужику, казались тяжелыми. Любопытно, какъ въ эту мужицкую страду волей-неволей попадалъ иногда и гость Ясной Поляны уже изъ настоящихъ бѣлоручекъ.

Однажды съ утра Толстой долго пахалъ вмѣстѣ съ Зябревымъ. Потомъ погода помѣшала работѣ, и они разошлись. Черезъ нѣкоторое время Зябревъ видитъ, что Левъ Николаевичъ идетъ по Ясной Полянѣ, разувшись, по грязи съ какимъ-то пріѣзжимъ гостемъ. Въ поводу онъ велъ рыжую кобылу. «Отъ своихъ сосѣдей я узналъ, что этотъ гость былъ тульскій губернаторъ Зиновьевъ, и они шли къ тому мѣсту, гдѣ Левъ Николаевичъ оставилъ соху и лапти. Я тоже взялъ свою лошаденку, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ привезти соху домой, потому что пахать стало дюже грязно. Подъѣзжаю къ пашнѣ и вижу: у Льва Николаевича кобыла заступила задней ногой въ поводъ и завязла въ грязи. Левъ Николаевичъ съ своимъ гостемъ стоятъ по колѣна въ грязи, выпрастываютъ лошадь. Я бросилъ свою лошаденку и подбѣжалъ. Мнѣ какъ-то удалось снять поводъ съ ноги лошади, и мы втроемъ ее выпростали изъ грязи на дорогу. Левъ Николаевичъ полѣзъ грязной рукой въ карманъ, но у него въ карманѣ ничего не оказалось. Онъ говоритъ:

«— Хотѣлъ я тебѣ дать на чай, но у меня сейчасъ нѣтъ ничего.

Распоясалъ съ себя лаковый ремень и подаетъ его мнѣ.

«— На,—говоритъ,—тебѣ онъ годится, ступай, запряги свою соху, а мы тебя здѣсь подождемъ.

«Я запрягъ соху, и мы отправились втроемъ. Левъ Николаевичъ шелъ разувшись, весь въ грязи и распоясанный».

Добрымъ бариномъ, порой прямо добрымъ геніемъ деревенскихъ бобылей проходитъ Толстой на многихъ страницахъ новыхъ воспоминаній. Собственными руками, съ большимъ увлеченіемъ, онъ строитъ мазанку вдовой бабѣ, возится съ грязью, подсыхающею въ доскахъ, вмѣстѣ съ другомъ художникомъ Ге складываетъ печку, а когда мазанка дѣлается жертвой огня, самъ организуетъ пожарную помощь и старается ее спасти, хотя и безуспѣшно. Крестьянская жизнь развертывается передъ писателемъ во всей полнотѣ, и, познакомясь съ этими записками, не надо спрашивать, откуда Толстой черпалъ иногда фабулы и матеріалъ своихъ разсказовъ и сказокъ изъ народнаго быта. Въ одномъ изъ разсказанныхъ случаевъ о ревнующемъ мужикѣ, отыскивающемъ свою невѣрную жену въ бочкѣ съ разсоломъ въ погребѣ ея любовника, цѣликомъ матеріалъ для тяжелой деревенской драмы. Толстой вступился за оскорбленнаго мужа, кончившаго поджогомъ кабака соперника, и, только благодаря его предстательству, жалкій мужиченко избѣжалъ ссылки на поселеніе.

Хорошо знавшій Глѣба Успенскаго въ дни его молодости А. И. Иванчинъ-Писаревъ продолжаетъ въ «Сѣверныхъ Запискахъ» свой разсказъ о жизни и бытѣ этого симпатичнѣйшаго и беззалабернѣйшаго изъ писательской богемы шестидесятыхъ годовъ. Есть что-то типическое въ передаваемой здѣсь исторіи одного женскаго увлеченія Успенскимъ, бывшимъ тогда въ зенитѣ извѣстности. Къ сожалѣнію, пѣвцу «Растеряевой улицы», мужу любимой и повышенно ревнивой жены, эта поэтическая страничка не принесла ни свѣта, ни радости, наоборотъ, создала для него рядъ пренепріятныхъ осложненій, едва распутанныхъ при помощи болѣе энергичныхъ и предпріимчивыхъ друзей.

Какую-то молодую барышню Глѣбъ Ивановичъ плѣнилъ на одномъ студенческомъ вечерѣ, гдѣ вызвался прочесть только что законченную работу надъ біографіей незадолго передъ тѣмъ сошедшаго со сцены Рѣшетникова. Всѣ, знавшіе Успенскаго, оставили согласное показаніе, что онъ умѣлъ быть обаятельнымъ въ своей чудесной искренности, простотѣ и природномъ юморѣ, сверкавшемъ порой помимо его воли.

Очаровалась имъ и молодая интересная курсистка, случайная слушательница его чтенія. Она вызвалась пройти съ нимъ до его дома, прогулка затянулась, а закончилась отдѣльнымъ кабинетомъ ресторана, впрочемъ, въ строгихъ тонахъ тогдашняго студенческаго общенія. Говорили, конечно, о вещахъ только идейныхъ.

Увы! Общеніе съ умнымъ и талантливымъ писателемъ такъ увлекло молодую дѣвушку, что съ этого же вечера она стала настойчиво искать съ нимъ встрѣчъ. Успенскому, однако, было вовсе не до того. Въ семьѣ его приближались роды. Шли хлопоты, безпокоилъ вѣчный вопросъ о деньгахъ, больная жена ревновала здороваго и увлекающагося мужа. Дѣвушка же каждый день присылала записки по почтѣ съ назначеніемъ писателю свиданій то на Николаевскомъ вокзалѣ, то въ Екатерининскомъ скверѣ, заходила даже съ чернаго хода спросить у кухарки, здоровъ ли Успенскій.

Глѣбъ Ивановичъ былъ уже самъ не радъ тому вечеру. На бѣду, обширное письмо барышни съ откровенными изліяніями и упреками въ жестокости попало въ руки женѣ.

«Сердце ея замерло, когда она увидѣла, какими любовными эпитетами дѣвица уснастила свое обращеніе ко мнѣ... Съ нею сдѣлалась истерика, пришлось приводить ее въ чувство... Меня она встрѣтила слезами и на мой вопросъ, что съ нею, подала письмо, сказавъ, что была увѣрена, что это—рукопись отъ Кривенка... Я старался убѣдить ее, что, если на основаніи этого письма, она пришла къ мысли о моей измѣнѣ, то жестоко ошиблась. Я разсказалъ ей все, какъ было, и просилъ прочесть письмо цѣликомъ. Я думалъ, что все это убѣдитъ ее. Но не достигъ цѣли. Вся въ слезахъ, Александра Васильевна спросила: «Почему же раньше ты не сказалъ мнѣ объ этомъ?» Я хотѣлъ устранить отъ тебя всякое безпокойство,—отвѣчалъ я и сейчасъ же понялъ, что это объясненіе не удовлетворитъ ее. Она сильнѣе расплакалась.

Дѣвица между тѣмъ все настойчивѣе добивалась свиданія. Успенскій встрѣчалъ ее, поджидающую его, у своего дома, бралъ извозчика, но она гналась за нимъ на лихачѣ.

Въ день крестинъ сына, когда совершался обрядъ, раздался неистовый звонокъ въ передней. Успенскій отворилъ дверь. Вошелъ посыльный внушительнаго вида и подалъ письмо. Въ немъ было всего двѣ строчки: «Я—на вокзалѣ. Прошу отвѣтить: увижу, или нѣтъ?» Узнавъ, что съ появленіемъ ребенка Успенскимъ нужна няня или горничная, она, нарядившись въ соотвѣтствующій костюмъ, пришла наниматься. Писатель боялся даже выходить на улицу изъ опасенія встрѣчи. Иногда въ домъ его посыльные приносили фрукты или цвѣты—все отъ той же неугомонной поклонницы. Разрѣшилась исторія только благодаря вмѣшательству въ эту трагикомедію малодушествующаго Успенскаго такого энергичнаго человѣка, какимъ былъ Н. К. Михайловскій.

Когда однажды Успенскій гулялъ съ нимъ въ Екатерининскомъ скверѣ, къ нимъ подошла торговка съ лоткомъ, протянула Успенскому лоскутокъ бумаги и говоритъ: «Прочти, кормилецъ, адресокъ: я неграмотная»... «Я взялъ бумажку,—говоритъ Успенскій,—подошелъ къ фонарю и... смутился—мой адресъ, взглянулъ на бабу—она!.. «Когда же кончится ваше преслѣдованіе!» чуть не закричалъ я... Мой голосъ услыхалъ Николай Константиновичъ и подошелъ къ намъ... «Я безъ васъ жить не могу!.. Каждый день брожу по улицамъ въ ожиданіи встрѣчи», волнуясь проговорила мучительница.

«— Послушайте,—сказалъ ей Михайловскій.—Присядемъ вонъ на ту лавочку: я хочу поговорить съ вами. Вѣдь вы видали меня у Ольхина?»—Они отошли въ сторону, а я подралъ домой».

Николаю Константиновичу удалось убѣдить дѣвицу оставить Глѣба Ивановича въ покоѣ. Онъ доказалъ ей, что упорство ея преслѣдованія только угнетаетъ и держитъ преслѣдуемаго въ постоянномъ страхѣ, и что на такой почвѣ не можетъ родиться симпатія.

Въ объясненіе этой почти истерической исторіи авторъ воспоминаній останавливается на характеристикѣ обаятельной личности Глѣба Ивановича. Даже поверхностное знакомство съ нимъ вело къ тому, что люди искали его общества, а частыя сношенія порождали глубокую, прочную привязанность. Въ обращеніи къ нему многихъ мужчинъ сказывалась такая нѣжность, что его имя произносилось не иначе, какъ съ добавленіемъ ласкательныхъ эпитетовъ. Нѣкоторые же за глаза называли его любовно «Глѣбушкой». Если такъ относились къ нему мужчины, то женщины, очарованныя имъ, свои симпатіи проявляли еще ярче, и неудивительно, что среди нихъ встрѣчались поклонницы, готовыя не считаться съ его семейнымъ положеніемъ.

А. Измайловъ.

Съ 15 августа по 15 сентября въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги.

К. Н. Корольковъ. Отечественная война 1812 года. Изданіе комиссіи по завѣдыванію капиталовъ имени графа С. А. Строганова. Пгр. 1915. Стр. 252. Цѣна не обозн.

В. Строевъ, магистръ русской исторіи. Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ средн. учебн. заведеній и высш. начальныхъ училищъ. Изданіе т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдн. бр. Салаевыхъ». М. 1915. Стр. 170. Ц. 60 к.

Книжка В. Строева имѣетъ цѣлью дать обзоръ отечественной исторіи въ элементарныхъ разсказахъ о главныхъ ея событіяхъ и лицахъ и въ простыхъ бытовыхъ картинкахъ нашей старины. Книжка состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ центромъ какое-либо крупное историческое лицо или событіе; попутно сообщаются необходимыя свѣдѣнія изъ исторіи учрежденій и культуры. Книга украшена многочисленными умѣло подобранными рисунками.

А. Бартъ. Царьградъ и окрестности. Историко-художественное описаніе. Пер. съ франц. Н. М. Лаговъ; дополнено Н. Н. Пѣшковымъ. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Пгр. 1915. Стр. 248. Ц. 1 р. 50 к.

Эдуардъ Карпентеръ. Любовь и смерть Пер. съ англ. Вступительная статья П. Д. Успенскаго. Кн-во М. В. Пирожкова. Пгр. 1915. Стр. XIV+200. Ц. 1 р. 30 к.

Гр. Анри де-Кастри. Исламъ и христіанство въ эпоху завоеваній и владычества арабовъ. Перев. съ франц. Умать-Гирея Мецхалъ. Пгр. 1915. Стр. 47. Ц. 35 к.

Настоящая брошюра повѣствуетъ главнымъ образомъ о взаимныхъ отношеніяхъ между христіанской и мусульманской религіями и представляетъ собою сокращенный переводъ II главы извѣстнаго сочиненія графа Анри де-Кастри «Исламъ». Значеніе настоящей брошюры въ томъ, что она проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о взаимоотношеніяхъ ислама и христіанства, о которомъ русскіе читатели не имѣютъ надлежащаго понятія.

В. Г. Джабагіевъ. Свободная земельная собственность и техника сельскаго хозяйства въ Европѣ. Пгр. 1915. Стр. 45. Ц. 50 к.

Брошюра В. Г. Джабагіева довольно подробно знакомитъ съ ходомъ аграрныхъ реформъ во Франціи, Англіи и даетъ интересныя свѣдѣнія о настоящемъ состояніи землеустройства въ Даніи и Германіи, а также выясняетъ вопросъ и о техникѣ западно-европейскаго сельскаго хозяйства.

К. А. Тюлеліевъ. Какъ читать римскихъ поэтовъ въ гимназіи. Кн-во т-во «Просвѣщеніе». Пгр. 1915. Стр. 136. Ц. 1 р.

Л. Д. Синицкій. Европа. Очерки географіи. Для старш. классовъ гимназіи и для самообразованія. Изданіе общ. «Универсальная Библіотека». М. 1915. Стр. 154. Ц. 80 к.

В. Щепотьевъ. Народныя пѣсни, записанныя въ Полтавской губерніи. (Съ нотами). Изданіе полтавской губернской архивной комиссіи. Полтава. 1915. Стр. 57. Ц. 40 к.

И. М. Любомудровъ. Народный лечебникъ домашнихъ животныхъ. Изв. 3-е, исправл. С. Лыскова. 1915. Стр. 108. Ц. 40 к.

Святыни и достопримѣчательности города Великаго Устюга и его окрестностей. Вологда. 1915. Стр. 22. Ц. не обозн.

Вешнія воды. Научно-литературно-художественный журналъ. Книга 8—9. Пгр 1915. Стр. 108. Ц. 70 к.

Н. П. Черепнинъ. Родная исторія. Для начальныхъ училищъ и первоначальнаго обученія. Кн-во «Просвѣщеніе». Пгр. 1915. Стр. 103. Ц. 10 к.

Труды саратовской ученой комиссіи. Вып. 32-й. Саратовъ. 1915. Стр. V+284. Ц. 2 р.

Америка о виновникахъ войны. Отвѣтъ на «Воззваніе къ цивилизованному міру 93 германскихъ ученыхъ» С. Гардена, Черча. Перев. Д. Н. Дмитріева. Кн-во «Лукоморье». Пгр. 1915. Стр. 43. Ц. 50 к.

Басанинъ, Маркъ. Будни. Первая книжка разсказовъ. Пгр. 1915. Стр. 222. Ц. 1 р.

Опрятно изданные, талантливые разсказы живо рисуютъ мелочи нашей повседневной жизни.

Проф. П. Н. Ардашевъ. Курсъ новой исторіи для VII класса мужск. гимназіи. Кіевъ. 1915. Стр. 287. Ц. 1 р.

Приноровленная къ программѣ VII класса гимназіи книга проф. Ардашева, кромѣ фактовъ политической и военной исторіи, обстоятельно знакомитъ съ областью культурной исторіи. За достоинства этой книги отвѣчаетъ то, что именно она на конкурсѣ учебниковъ по по новой исторіи въ 1915 г. ученымъ комитетомъ мин. нар. просв. была удостоена половины большой преміи.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Т. II. Подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Изданіе «Задруги» и К. Ф. Некрасова. М. 1915. Стр. XI+265. Ц. не обозн.

В. В. Муйжель ...Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ. (На восточно-прусскомъ фронтѣ). Изданіе т-ва А. Ф. Марскъ. Пгр. 1915. Стр. 264. Ц. 1 р. 25 к.

К. Шумскій. Очерки міровой войны на сушѣ и на морѣ. Обзоръ военныхъ дѣйствій на главномъ театрѣ. Съ чертеж. и рис. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Пгр. 1915. Стр. 252. Ц. 1 р. 50 к.

Годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года. За седьмой 1914—15 годъ. М. 1915. Стр. 57. Ц. не обозн.

Парижскія письма протоіерея Іосифа Васильевича Васильева къ оберъ-прокурорамъ Святѣйшаго Синода и къ другимъ лицамъ съ 1846 по 1867 гг., изданныя съ біографическими свѣдѣніями и пояснительными примѣчаніями Л. К. Бродскимъ. Пгр. 1915. Стр. 332. Ц. 2 р. 50 к.

Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Подъ ред. И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и Л. В. Падалки. Вып. XIII. Полтава. 1915. Стр. 253+47. Ц. не обозн.

Инж. Н. Б. Емельяновъ. Корни дороговизны. «Организація побѣды». Пгр. 1915. Стр. 101. Ц. 1 р.

Названная брошюра имѣетъ своею цѣлью разобраться въ одномъ изъ наиболѣе наболѣвшихъ вопросѣ современности—о дороговизнѣ и намѣчаетъ рядъ мѣропріятій по борьбѣ съ этимъ зломъ нашихъ дней. Написанная простымъ языкомъ, брошюра инж. Емельнова представляетъ большой интересъ.

Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой. Составилъ W. T. Stead. Переводъ Е. С. Мосоловой. Пгр. 1915. Т. I. Стр. V+312. Ц. 1 р. 25 к. Т. II. Стр. 220. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Фридрихъ. Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа до войны 1914 г. М. 1915 Стр. 53. Ц. не обозн.

И. Аничкова. За что? Разсказъ изъ современной русской жизни. Пгр. 1915. Стр. 100. Ц. 75 к.

Чл. Гос. Д. А. Н. Хвостовъ. Борьба съ нѣмецкимъ засильемъ. Рѣчь въ засѣданіи Гос. Думы 3 августа 1915 года. Пгр. 1915. Стр. 32. Ц. не обозн. (На правахъ рукописи).

А. И. Боргманъ. Повторительный и дополнительный курсъ русской исторіи. (Обзоръ русской культуры). Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. VII+416. Ц. 2 р.

Новая работа А. И. Боргмана представляетъ собою дополнительный и повторительный курсъ VII и VIII кл. гимназіи и главное вниманіе обращаетъ на сторону культурнаго и государственнаго развитія. Сверхъ министерской программы въ книгу вошли обзоры общественнаго строя Московской Руси, развитія верховной власти въ теченіе императорскаго періода и обзоръ церковной политики XVIII—XIX вв. Книга А. И. Боргмана составлена на основаніи тщательнаго изученія новѣйшихъ

данныхъ исторической науки, что надо поставить въ особую заслугу молодому автору.

С. Бобровъ. Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. Кн-во «Мусагетъ». М. 1915. Стр. 39. Ц. 50 к.

Савватій. Исторія маленькой дѣвочки. Пгр. 1915. Стр. 128. Ц. 1 р.

Ш. Депере. Превращенія животнаго міра. Переводъ Ю. Жемчужникова подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Борисяка. Пгр. 1915. Стр. IX+269. Ц. 1 р. 75 к.

Н. Новомбергскій. Вымученныя кабалы въ Московской Руси XVII столѣтія. Пгр. 1915. Стр. 108. Ц. не обозн.

Первоначально вышеназванная работа была напечатана въ «Журналѣ Министерства Юстиціи», май—іюнь, 1915 г.

К. В. Алмазовъ. Великая война. Стихотворенія. Вып. 1-й. Петрозаводскъ. 1915. Стр. 64. Ц. 35 к.

Проф. А. Н. Красновъ. Южная Колхида. Очеркъ. Изданіе П. П. Сойкина. «Знаніе для всѣхъ». Пгр. 1915. Стр. 36. Ц. 50 к.

Посмертный очеркъ проф. А. Н. Краснова знакомитъ съ природой, населеніемъ и исторіей «Южной Колхиды»—южнаго побережья Кавказа. Книга украшена многочисленными хорошо выполненными рисунками въ краскахъ и картой этой области. Въ началѣ книги приложенъ библіо-біографическій очеркъ о покойномъ авторѣ.

Сборникъ памяти Анны Павловны Философовой. Т. I. А. В. Тыркова. Анна Павловна Философова и ея время. Стр. XVI+488. Т. II. Статьи и матеріалы. Стр. VII+182. Цѣна за оба тома 10 руб.

Проф. А. Н. Савинъ. Война имперій и міръ ислама. Кн-во «Трудъ». М. 1915. Стр. 24. Ц. 20 к.

Брошюра проф. А. Н. Савина имѣетъ цѣлью освѣтить одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ нашихъ дней—именно о той роли, какую играютъ въ настоящей всемірной войнѣ мусульманскіе народы. Книга написана простымъ и яснымъ языкомъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Послѣдніе дни диктатуры Бисмарка.—Въ «Revue de deux Mondes» Эрнестъ Додэ продолжаетъ свои воспоминанія о томъ тяжеломъ и жуткомъ времени, когда во главѣ германскаго правительства оказался Бисмаркъ и со дня на день можно было ожидать, что разразится война съ Франціей. Было это въ 1887 г. Императору Вильгельму I пошелъ уже девятидесятый годъ. Онъ былъ такъ старъ, что безпрестанно засыпалъ и, вставъ утромъ, не зналъ, доживетъ ли онъ до вечера. Его сынъ и наслѣдникъ Фридрихъ III былъ смертельно боленъ ракомъ въ горлѣ. Его сынъ, теперешній Вильгельмъ II, пока держался въ сторонѣ, хотя стремленіе поскорѣе вступить на престолъ и овладѣть властью заставляло его относиться къ отцу съ такой непочтительностью, которая осуждалась всей Европой.

При такихъ условіяхъ власть всецѣло попала въ руки Бисмарка, который сталъ настоящимъ диктаторомъ Германіи. Разумѣется, всѣ его помыслы и всѣ пружины его политики сводились къ тому, чтобы какъ-нибудь провоцировать Францію на войну и затѣмъ разгромить ее окончательно. Для этого онъ не пропускалъ ни малѣйшаго случая.

Готовясь къ войнѣ съ Франціей, Бисмаркъ внесъ въ рейхстагъ такъ называемый законъ о септенатѣ, т. е. о семилѣтнемъ срокѣ отбыванія воинской повинности. Законъ этотъ встрѣтилъ сильнѣйшую оппозицію со стороны центра, или католической партіи рейхстага. Чтобы сломить эту оппозицію, Бисмаркъ сначала прибѣгъ къ помощи папы. Тонкій политикъ, Левъ XIII воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заставить канцлера отказаться отъ борьбы противъ католицизма, и предписалъ папскому нунцію въ Баваріи оказать давленіе на членовъ центра, но, какъ увидимъ ниже, давленіе это не привело къ желательному для Бисмарка результату. Не брезгая никакими средствами,

этотъ роковой для Европы человѣкъ ввелъ цѣлую систему запугиванія германскаго общественнаго мнѣнія. Газеты, имъ субсидировавшіяся изъ такъ называвшагося фонда рептилій, наперерывъ старались увѣрить своихъ читателей, что Франція вооружается съ головы до ногъ, что она скапливаетъ на границахъ съ Германіей огромныя массы войскъ и сооружаетъ для нихъ казармы. Вмѣстѣ съ тѣмъ клевреты Бисмарка распространяли слухи, что Австро-Венгрія созываетъ экстренно делегаціи рейхсрата для вотированія чрезвычайныхъ кредитовъ и закупаетъ сто тысячъ лошадей. Вооружается, по ихъ словамъ, и Италія. Стали появляться сообщенія о томъ, что, въ случаѣ столкновенія Германіи съ Франціей сѣверныя державы, т. е. Россія и Англія, будутъ на сторонѣ Германіи. Несмотря на то, что русскій посланникъ въ Берлинѣ, графъ Шуваловъ, а затѣмъ и его англійскій коллега категорически опровергали эти слухи, Мольтке, якобы для защиты отечества, собираетъ въ Эльзасѣ шестьдесятъ три тысячи резервистовъ, издаетъ распоряженіе о запрещеніи вывоза лошадей и предлагаетъ офицерамъ быть наготовѣ.

Въ то же время Бисмаркъ начинаетъ усиленно застращивать Италію возможностью для нея столкновенія съ Франціей въ Тунисѣ. Чувствуя, что его плутни уже извѣстны императору Александру III, онъ спѣшитъ замѣстить въ тройственномъ союзѣ Россію Италіей.

Но всѣ эти ухищренія Бисмарка мало помогли закону о септенатѣ. 25-го ноября 1886 года рейхстагъ внесъ въ него существенную поправку, въ силу которой срокъ военной службы ограничивался тремя годами, и поправка эта была принята католическимъ большинствомъ. Тогда Бисмаркъ распустилъ рейхстагъ и всѣми средствами сталъ готовиться къ новымъ выборамъ. Средствами этими были, по обыкновенію, застращиваніе, ложь и клевета. На этотъ разъ матеріаломъ для запугиванія якобы неминуемой войной послужила ему популярность во Франціи генерала Буланже, занимавшаго тогда постъ военнаго министра и слывшаго за сторонника реванша. Несмотря на искреннее миролюбіе Вильгельма I, жаждавшаго лишь одного—умереть спокойно, Бисмаркъ заразилъ тревогою и его. Въ числѣ немногихъ французовъ, имѣвшихъ доступъ къ императору, былъ генералъ д'Абзакъ. Бывшій адъютантъ Макъ-Магона, затѣмъ начальникъ главной квартиры президента республики, д'Абзакъ имѣлъ въ Берлинѣ родственниковъ и часто пріѣзжалъ туда. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ д'Абзакъ представился Вильгельму I, который зналъ его лично и всегда относился къ нему очень предупредительно.

— Ваша страна хочетъ объявить намъ войну?—спросилъ его императоръ.

Напрасно генералъ пытался разувѣрить его.

— Я знаю это очень хорошо. Да, да, да,—твердилъ императоръ. И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Несмотря на давленіе, которое оказываетъ на меня военная партія, я не соглашусь никогда объявить войну Франціи, если она сама не нападетъ на насъ. Я слишкомъ старъ, чтобы рисковать достигнутыми побѣдами. Это было бы тѣмъ неблагоразумнѣе, что поведеніе Россіи относительно Германіи возбуждаетъ сомнѣнія. Царь всегда противъ берлинскаго двора.

Въ то же время личный другъ Бисмарка банкиръ Блейхредеръ говорилъ про канцлера:

— Онъ настроенъ мирно. Но онъ боится, что выборы будутъ неудачны для него. Вотъ почему онъ и пугаетъ войной. Послѣ выборовъ все пойдетъ иначе.

Чтобы выиграть ставку и добиться послушнаго рейхстага, Бисмаркъ, или, лучше сказать, его сынъ Гербертъ Бисмаркъ, въ которомъ онъ видѣлъ своего преемника и котораго сдѣлалъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, вызвалъ цѣлый инцидентъ, чрезвычайно обострившій франко-германскія отношенія и встревожившій всю Европу.

21-го апрѣля 1887 года французскій министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ телеграмму, что нѣкто Шнебеле, полицейскій комиссаръ пограничнаго эльзасскаго городка Паньи на Мозелѣ, былъ схваченъ германской полиціей на французской территоріи и арестованъ. Телеграмма эта немедленно была препровождена министру иностранныхъ дѣлъ Флурансу, который по телеграфу просилъ французскаго посла въ Берлинѣ Жюля Эрбетта потребовать объясненій у канцлера. Бисмаркъ въ это время жилъ на дачѣ въ Фридрихсруэ, и Эрбетту пришлось имѣть дѣло съ его сыномъ Гербертомъ Бисмаркомъ.

Несмотря на то, что, какъ выяснилось впослѣдствіи, онъ самъ и инсценировалъ весь этотъ провокаторскій случай, Бисмаркъ-сынъ притворялся крайне изумленнымъ.

— Я не въ курсѣ этого дѣла,—сказалъ онъ послу:—и могу дать вамъ отвѣтъ только послѣ того, какъ будетъ произведено разслѣдованіе.

Но французское правительство не дало себя одурачить. Оно приказало, съ своей стороны, произвести разслѣдованіе, которымъ было установлено, что за нѣсколько дней до инцидента комиссаръ Шнебеле дважды получилъ отъ своего сосѣда, нѣмецкаго комиссара Гаутча приглашеніе выѣхать къ нему на границу для переговоровъ по поводу какого-то мелкаго пограничнаго инцидента, которые безпрестанно случались въ то время на эльзасской границѣ.

Оба документа были сфотографированы въ Парижѣ и отправлены затѣмъ въ Берлинъ. 25-го апрѣля Эрбеттъ, вооружившись ими, явился къ Герберту Бисмарку. Тотъ, повидимому, не зналъ о существованіи этихъ писемъ и былъ непріятно пораженъ такимъ оборотомъ дѣла.

Впрочемъ, онъ быстро оправился и, въ свою очередь, перешелъ въ наступленіе, обвиняя французовъ въ стремленіи вызвать войну. Но Эрбеттъ, не теряя хладнокровія, вернулъ его къ дѣйствительности.

— Это не относится къ дѣлу. Какъ бы то ни было, этотъ арестъ несправедливъ, и отъ имени моего правительства я васъ прошу его отмѣнить.

Переговоры длились еще цѣлую недѣлю.

«Пытаясь запугать меня,—доносилъ Эрбеттъ:—Гербертъ Бисмаркъ громко обвинялъ Францію въ шпіонствѣ, которое совершаютъ французскіе чиновники. Я тоже возвысилъ голосъ и заявилъ, что больше всѣхъ такими средствами злоупотребляетъ сама Германія. Впрочемъ,—прибавилъ я:—не за чѣмъ выходить изъ себя. Будемъ говорить хладнокровно: такъ легче столковаться».

Германская провокація на этотъ разъ не удалась, и 1-го мая въ нѣмецкихъ газетахъ появилась официальная замѣтка, что Шнебеле перешелъ пограничную черту по приглашенію своего германскаго коллеги для переговоровъ по слу-

жебнымъ дѣламъ и что при такого рода служебныхъ свиданіяхъ разрѣшеніе перейти границу должно подразумѣваться само собой.

Старикъ Бисмаркъ былъ раздраженъ неудачей сына и рѣшилъ отвѣтить эльзасцамъ репрессаліями. Были усилены паспортныя строгости, хотя намѣстникъ Эльзаса и Лотарингіи, князь Гогенлоэ, заявилъ, что затрудненія, создаваемыя для эльзасцевъ, вызываютъ въ управляемыхъ имъ провинціяхъ сильное раздраженіе.

Неизвѣстно, что предпринялъ бы злобствующій канцлеръ далѣе, если бы не случился инцидентъ, который сразу заставилъ его прекратить временно травлю французовъ.

Въ 1887 году болгарскій князь Александръ Баттенбергъ принужденъ былъ отречься отъ престола, и на его мѣсто партія стамбуловцевъ посадила австрійскаго принца Фердинанда Кобургскаго. Россія протестовала противъ этого, и ее поддерживали и другія державы, въ томъ числѣ и Германія. Но, поддерживая Россію для видимости, Германія въ дѣйствительности всячески помогала Кобургу, а послѣ заключенія новаго тройственнаго союза, въ которомъ Россія была замѣщена Италіей, вовлеченной въ этотъ союзъ своимъ министромъ Криспи, Бисмаркъ пошелъ противъ Россіи открыто. Подкупленная имъ на деньги изъ «фонда рептилій» печать стала изображать финансовое положеніе Россіи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: Россія, по ихъ словамъ, была наканунѣ государственнаго банкротства, и германскому банку воспрещено было принимать русскія бумаги.

Въ это время въ руки императора Александра III какимъ-то образомъ— это не выяснено до сихъ поръ—попадаетъ письмо Фердинанда Кобургскаго къ принцессѣ Фландрской, въ которомъ Кобургъ подъ секретомъ сообщаетъ, что Германія побуждаетъ его всячески противодѣйствовать Россіи. Негодованіе императора Александра III было такъ велико, что сначала онъ хотѣлъ было совсѣмъ отказаться отъ поѣздки въ Берлинъ, куда собирался ѣхать. Но затѣмъ, пересиливъ свою досаду, государь отправился въ прусскую столицу и здѣсь между прочимъ имѣлъ объясненіе съ Бисмаркомъ.

Сначала старый интриганъ попробовалъ было обмануть своего собесѣдника и сталъ увѣрять государя, что онъ также протестовалъ противъ избранія Кобурга на болгарскій престолъ. Тогда императоръ Александръ предъявилъ ему письмо Кобурга.

Пойманному на мѣстѣ преступленія Бисмарку ничего не оставалось, какъ разыграть изъ себя невинно оклеветаннаго и объявить, что этотъ документъ подложенъ и сфабрикованъ его врагами.

Государь не сталъ его опровергать, но замѣтилъ:

— Вы дѣйствуете въ согласіи съ Австріей, а я не могу допустить, чтобы она ставила препятствія моимъ законнымъ требованіямъ въ Болгаріи.

— Я увѣренъ въ мудрости вѣнскаго кабинета,—отвѣчалъ Бисмаркъ.— Австрія сама не объявитъ войны Россіи. Но если Австрія подвергнется нападенію, то мы обязаны по договору ее защищать.

Послѣ этихъ словъ разрывъ сталъ неизбѣженъ, а, совершившись, онъ привелъ къ образованію новаго союза—двойственнаго.

— Гете въ роли военнаго репортера [1]).—Онъ выступилъ въ этой роли 2-го августа 1792 года. Какъ извѣстно, Гете участвовалъ въ походѣ пруссаковъ противъ только что народившейся Французской республики, принявъ приглашеніе своего друга, великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго, который командовалъ въ этомъ походѣ однимъ изъ прусскихъ полковъ.

Первыя впечатлѣнія поэта отъ походной жизни были не изъ пріятныхъ, хотя онъ ѣхалъ въ особомъ экипажѣ и не терпѣлъ ни въ чемъ недостатка: его пугала только хвастливость пруссаковъ, твердившихъ о томъ, что они посадятъ на вертелъ всѣхъ французовъ. Напрасно Гете твердилъ, что такое блюдо едва ли могутъ переварить брауншвейгскіе и бранденбургскіе дворянчики, совсѣмъ ослабѣвшіе отъ переходовъ по грязи и недостатка продовольствія. Да и эльзасскіе крестьяне вовсе не обнаруживали склонности питать собою нѣмцевъ. Больше всего поражали въ нихъ Гете гордость, но безъ заносчивости, спокойная увѣренность въ исходѣ кампаніи, ихъ зажиточность, которая особенно бросалась въ глаза въ сравненіи съ нищенскимъ видомъ вторгшихся пруссаковъ. Однажды Гете вздумалъ было попотчевать чернымъ хлѣбомъ, который выдавался войскамъ, двухъ мѣстныхъ крестьянъ, правившихъ его экипажемъ, но тѣ отказались, сказавъ, что къ такому хлѣбу они не привыкли. Повидимому, отъ Гете не ускользнула разница между «побѣдителями»—пруссаками, умиравшими съ голоду и отъ дизентеріи, и «побѣжденными»—французами, упорно продолжавшими свое сопротивленіе. Вотъ отчего послѣ битвы при Вальми онъ сказалъ окружавшимъ его растерявшимся нѣмцамъ: «Сегодня начинается новая историческая эра и вы можете сказать, что были ея свидѣтелями». Это, впрочемъ, не доставило особой радости нѣмцамъ: новая эра началась для нихъ съ того, что они потеряли свой багажъ, потерпѣли пораженіе и едва держались на ногахъ отъ истощенія.

Черезъ мѣсяцъ французы были уже на Рейнѣ, и Гете, вернувшись къ себѣ, сразу выздоровѣлъ отъ своей воинственности и далъ себя зарокъ больше не вмѣшиваться въ какія бы то ни было военныя авантюры.

Однако припадокъ воинственности явился на слѣдующую же весну: его прежніе полковые товарищи, присоединившись къ гессенцамъ, осаждали теперь Майнцъ, занятый французами. Ихъ было болѣе 70.000 человѣкъ противъ 20.000 французовъ, бывшихъ подъ командою генераловъ Клебера и Оберъ-Дюбайе. На этотъ разъ Гете разсчиталъ, что поѣздка обойдется безъ особыхъ лишеній. Онъ благоразумно устроился въ главной квартирѣ прусскаго короля въ Маріенборнѣ и не безъ удовольствія слѣдилъ издали за военными операціями. Кромѣ него, были и другіе любители: изъ Франкфурта, Дармштадта и другихъ близъ лежащихъ городовъ стекались цѣлыя массы любопытныхъ, толпившихся обыкновенно на Вейссенаусскихъ высотахъ, откуда открывалась широкая панорама и гдѣ не было ни малѣйшей опасности. По воскресеньямъ тамъ бывала просто давка. Когда часовые замѣчали, что пушки поворачивались въ эту сторону, они кричали: «нагнись», и вся толпа падала ничкомъ на землю. Только одинъ какой-то англичанинъ продолжалъ рисовать, не обращая на предосте-

[1]) «Le Temps», № 19986.

реженія ни малѣйшаго вниманія. Стояли прозрачныя майскія ночи, и зрѣлище рвавшихся надъ городомъ бомбъ было «великолѣпно». Въ ночь съ 30-го па 31-ое мая гарнизонъ осажденнаго Майнца сдѣлалъ вылазку, которая была отбита. На другой день Гете посѣтилъ поле битвы, усѣянное трупами. Схватка, видимо, была отчаянная. Трупы огромныхъ прусскихъ кирасировъ, прекрасно одѣтыхъ и въ полной аммуниціи, лежали вперемежку съ трупами маленькихъ, худыхъ и оборванныхъ санкюлотовъ. Поэту показалось, что тутъ была битва великановъ съ карликами.

Въ исходѣ осады не могло быть никакаго сомнѣнія: гарнизонъ Майнца, не имѣя возможности пополнять свои запасы, рано или поздно долженъ былъ сдаться. Эти волонтеры Французской республики, рабочіе парижскихъ предмѣстій, переносили голодъ съ такой веселостью, которая заражала даже нѣмецкіе окопы. Съ высотъ Вейссенау видно было, какъ солдаты гарнизона закидывали сѣти въ воды Рейна, но вмѣсто рыбы вытаскивали трупы лошадей, которыми и утоляли голодъ. Кошка продавалась въ городѣ по шести франковъ. У генерала Оберъ-Дюбайе на парадномъ обѣдѣ подали однажды жареныхъ крысъ. Движимые чувствомъ жалости, бывшіе члены конвента отправили изъ крѣпости въ прусскій лагерь женщинъ, дѣтей, стариковъ и больныхъ, но нѣмцы, прекрасно снабженные всѣми припасами, не приняли этихъ несчастныхъ. Такимъ образомъ, французскому солдату пришлось отдать въ ихъ пользу половину и безъ того скуднаго своего пайка чернаго хлѣба. Не хватало провіанта, зато ложныхъ извѣстій было сколько угодно: и тогдашніе пруссаки уже отличались въ дѣлѣ фабрикаціи фальшивыхъ новостей. То они посылали Клеберу извѣстіе о полномъ пораженіи французской арміи, которая будто бы шла на выручку Майнца, то они устраивали такъ, что французы захватывали въ плѣнъ нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ, въ ранцѣ у которыхъ обнаружены были подложныя французскія газеты, которыя были нарочно напечатаны самими нѣмцами, будто бы Парижъ встрѣчаетъ пруссаковъ, какъ освободителей. Однажды Клеберъ былъ приглашенъ въ лагерь осаждающихъ для переговоровъ съ только что прибывшимъ туда членомъ конвента. Генералъ принялъ приглашеніе и былъ встрѣченъ какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ, который заявилъ ему, что революція кончилась и народное собраніе, раскаявшись въ своихъ прежнихъ поступкахъ, провозгласило дофина Людовика XVII королемъ Франціи. Въ подтвержденіе своихъ словъ мнимый членъ конвента досталъ изъ кармана нумеръ офиціальной тогдашней газеты «Moniteur de la République», въ которомъ были изложены всѣ эти событія. Впослѣдствіи оказалось, что и этотъ нумеръ былъ сфабрикованъ самими нѣмцами.

Несмотря на всѣ хитрости нѣмцевъ, Майнцъ держался до послѣдняго ядра, до послѣдней корки хлѣба. Голодный и измученный гарнизонъ Майнца внушалъ, однако, осаждавшимъ такой страхъ, что, превосходя его вчетверо по численности, побѣдители тѣмъ не менѣе приняли его условія сдачи и позволили французамъ удалиться на родину.

Выходъ изъ крѣпости побѣжденныхъ походилъ на какое-то тріумфальное шествіе. Получивъ наканунѣ извѣщеніе объ этомъ, Гете покинулъ Маріенборнъ и пріѣхалъ посмотрѣть на этотъ выходъ. Это было 24-го іюля 1793 г. «Сначала,—

пишетъ онъ,—показались линейныя войска, состоявшія изъ быстрыхъ и хорошо сложенныхъ людей». Тамъ и сямъ между солдатами шли юныя обывательницы Майнца, отдавшія свое сердце побѣжденнымъ французамъ. Зрители преслѣдовали ихъ всяческими насмѣшками, но онѣ, смѣясь, въ шагъ съ солдатами шли дальше, дѣлая прощальные знаки рукой: ихъ такъ много, что отъ насмѣшекъ толпа переходитъ къ угрозамъ, особенно когда за войсками потянулись и ремесленники, не пожелавшіе разстаться съ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Вотъ показываются наконецъ народные представители съ ихъ безстрастными лицами, въ шляпахъ съ огромными трехцвѣтными кокардами. «Затѣмъ,—пишетъ Гете,—появилась колонна марсельцевъ, маленькіе, смуглые, въ лохмотьяхъ, они идутъ мелкимъ шагомъ, словно армія карликовъ. Наибольшее впечатлѣніе произвело шествіе конныхъ стрѣлковъ. Когда они поровнялись съ нами, ихъ музыка заиграла марсельезу—революціонный гимнъ, печальный и вмѣстѣ съ тѣмъ грозный. На этотъ разъ музыканты играли его медленно, сообразуясь съ шагомъ лошадей. Внушительное зрѣлище представляли и эти стрѣлки: взятый въ отдѣльности, каждый изъ нихъ походилъ на Донъ-Кихота, въ массѣ же они внушали къ себѣ большое уваженіе».

Смотря вслѣдъ этимъ удаляющимся Донъ-Кихотамъ, этимъ рыцарямъ свободы, равенства и братства, Гете предчувствовалъ, что онъ еще увидитъ ихъ. И предчувствіе не обмануло его: онъ видѣлъ ихъ опять при Іенѣ.

— «Душа Россіи».—Статья эта[1]) интересна для насъ не потому, что говоритъ новое слово, а какъ «знаменіе времени», какъ выраженіе крутого поворота общественнаго мнѣнія въ Англіи въ нашу сторону, какъ искреннее и краснорѣчивое изъявленіе глубокой симпатіи англичанъ къ Россіи.

Не можетъ быть сомнѣнія, что нашъ союзъ съ Англіей чреватъ самыми благотворными послѣдствіями и потому, по нашему крайнему разумѣнію, все, что можетъ содѣйствовать упроченію взаимныхъ національныхъ симпатій, нужно искренно привѣтствовать.

Вотъ вкратцѣ содержаніе статьи.

Не только въ Германіи въ литературѣ и въ обществѣ, но и въ Англіи до послѣдняго времени были ходячими по отношенію къ Россіи и русскимъ выраженія въ родѣ: «дикіе московиты», «кровожадные казаки», «русскій деспотизмъ», «азіатское варварство», «русское звѣрство», «восточно-славянская quasi-цивилизація» и т. п. Само собой понятно, что такими эпитетами и фразами характеризовались или, точнѣе, клеймились низшіе слои русскаго народа и главнымъ образомъ крестьянство.

Но, спрашивается, когда же это «русскія орды» причиняли нѣмцамъ или намъ бѣдствія? Вторгались ли онѣ въ наши предѣлы? Не онѣ ли спасли Германію отъ рукъ Наполеона и способствовали созданію нынѣшней Германской имперіи? И не мы ли въ союзѣ съ врагами христіанства и въ ихъ интересахъ безъ повода вторглись въ Россію во время крымской войны? Кто мѣшалъ русскимъ бороться за свободу христіанскихъ націй?

Было, несомнѣнно, много мрачнаго, средневѣкового въ прошломъ рус-

---

[1]) Перси Дермера (Dearmer) изъ Neenteen Century (январь 1915 г.).

скаго народа,—было больше и дольше, чѣмъ у насъ, такого, что задерживало, тормозило его развитіе, его культуру, но вѣдь все темное, злое въ его прошломъ отъ постороннихъ вліяній, а не свое національное, природное, и въ весьма значительной дозѣ за послѣднія два столѣтія отъ той же Пруссіи... Много ли было людей власти въ Россіи за эти два вѣка чисто-русскаго происхожденія? Самъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ началѣ прошлаго столѣтія не умѣлъ говорить по-русски.

Развѣ не результатъ той же пруссіанизаціи Россіи, начатой еще Петромъ Великимъ, русская бюрократическая система—режимъ, натворившій столько зла и затормозившій развитіе русской государственности? Этой бюрократичности не избѣжала даже и православная русская церковь.

Несовершенства самой теперешней русской Государственной Думы тоже въ извѣстной степени—результатъ прусскаго вліянія.

Война нанесла смертельный ударъ этому проникшему до мозга костей Россіи и душившему ее нѣмецкому вліянію, этому «пруссіанизму».

Таковъ смыслъ перемѣны названій русскихъ городовъ и селеній, начиная съ Петрограда. Трактуя Россію и русскихъ, несомнѣнно, надо имѣть въ виду и на первомъ планѣ тѣ историческія катастрофы, которыя постигали ихъ, которыя выдержалъ русскій народъ. Какая другая европейская нація пережила, перестрадала столько?

И, однако, несмотря на всѣ потрясенія и препоны, эта нація не только сравнялась съ своими болѣе счастливыми сосѣдями на Западѣ, но и обогнала ихъ. Возьмите вопросъ о женской эмансипаціи, отрезвленіе. Я уже не говорю о томъ, что дала «варварская» Россія въ области литературы, науки и искусства.

Русскіе въ своихъ историческихъ судьбахъ—это армія, выдержавшая ужасные бои, растерявшая своихъ полководцевъ, но ничуть не утратившая свою боеспособности.

Россія обновляется, возрождается, и эта нарождающаяся еще болѣе мощная Русь—есть Русь крестьянская, а не интеллигентская.

Если будущее міра, во что мы вѣримъ, лежитъ въ «людяхъ земли», въ осуществленіи завѣтовъ христіанской религіи, въ установленіи братства людей и народовъ, то Россія можетъ внести неоцѣнимое сокровище въ зданіе жизни новаго вѣка.

Русскій крестьянинъ—это настоящее, неиспорченное дитя природы—простое, довѣрчивое, честное и мягкосердечное. Россію принято называть святою, и это вполнѣ основательно: такъ глубоко она религіозна, особенно въ низахъ—въ крестьянскомъ сословіи. Самое слово «крестьянинъ» значитъ христіанинъ [1]). Онъ, правда, крайне нуждается въ образованіи, въ воспитаніи, но зато, когда получитъ ихъ, онъ станетъ могучимъ двигателемъ цивилизаціи.

Мнѣніе передовыхъ русскихъ либеральныхъ писателей, во главѣ которыхъ стоитъ графъ Толстой, таково, что Россіи предстоитъ великая цивилизаторская миссія и въ Европѣ, и въ Азіи, что истинный демократическій идеалъ можетъ быть установленъ именно Россіею и базисомъ своимъ долженъ имѣть

---

[1]) Авторъ производитъ слово крестьянинъ отъ слова крестъ.

русское крестьянство—самое демократическое въ мірѣ. Русскій крестьянинъ всегда былъ и остается идеалистомъ чистой воды. Онъ не святой, но изъ одного съ святыми матеріала. Толстой олицетворилъ эту идею, базировавъ ее на словахъ Христа: «блажени кроткіе, ибо они наслѣдятъ землю». Онъ повернулся задомъ къ раззолоченымъ салонамъ Петрограда и сталъ предъ лицомъ міра въ простой крестьянской одеждѣ.

Религіозность русскаго человѣка-простолюдина прямо трогательна; она совсѣмъ не то, что наша набожность—изношенная, холодная. Мы обыкновенно говоримъ, что заповѣди Нагорной проповѣди недостижимы, но онѣ осуществляются въ русскомъ крестьянствѣ. И если бы Христосъ снова сошелъ на землю, Онъ избралъ бы именно его и благословилъ. Вслѣдствіе своей глубокой религіозности русскій такъ увѣренно и бодро смотритъ теперь, даже при неудачахъ оружія, на будущее: онъ твердо вѣритъ въ побѣду правды надъ неправдою.

И политическое міровоззрѣніе русскаго крестьянина въ сущности тоже религіозное. Отечество русскаго крестьянина—это семья: въ ней его душа. И вся Россія въ глазахъ его—это одна огромная семья, а царь—ея отецъ: терминъ, совершенно не приложимый ни къ одному изъ другихъ государей міра.

Христіанская вѣра есть главное связующее звено въ этой семьѣ, и русскому одинаково близки всѣ православные.

Оттого царь русскій не могъ не заступиться за сербовъ. Народъ потребовалъ бы этого.

Русскій крестьянинъ по природѣ уменъ, весьма любознателенъ, вдумчивъ, полонъ поэзіи. Языкъ его отличается замѣчательнымъ остроуміемъ и преисполненъ чисто глубокаго и оригинальнаго юмора.

Но, главнѣе всего, русскій крестьянинъ мягкосердеченъ, глубоко гуманенъ и общителенъ.

Вообще мы того мнѣнія, что славянская раса—раса великаго будущаго.

Занимая пространство отъ Адріатики до Японскаго моря и отъ Арктическаго океана до моря Эгейскаго и пустынь Центральной Азіи подъ сѣнью одной вѣры, многочисленные народы этой расы уже не захотятъ послѣ войны оставаться ни подъ тевтонскою, ни тѣмъ менѣе подъ турецкою властью.

Что касается Россіи, то надо знать, что населеніе этой неизмѣримой страны увеличивается на три милліона въ годъ. Какъ же оно будетъ возрастать, когда борьба съ ненормальною въ ней дѣтской смертностью станетъ успѣшною? Стоитъ призадуматься надъ тѣмъ, чего можетъ достигнуть эта нація чрезъ сто лѣтъ?

И эта великая нація съ нами въ союзѣ. Старые слѣпые предразсудки миновали, миновали и недоразумѣнія. Мы стали распознавать русскій народъ и высоко уважать его; наши церкви стали сближаться.

Несомнѣнно, мы, англичане, обладаемъ извѣстными сторонами духа, въ которыхъ нуждается Россія, но и она имѣетъ кое-что такое, чего недостаетъ намъ и что для насъ необходимо.

Кончится война, и обѣ округленныя имперіи займутся не выполненіемъ какихъ-либо аггрессивныхъ плановъ, а созидательною работою—упроченіемъ общаго дѣла въ Азіи.

Двѣ расы, весьма отличныя между собою по характеру, дополняютъ другъ друга къ общему ихъ благополучію и процвѣтанію въ будущемъ.

— Гибель эрцгерцога Рудольфа и Маріи Вечера.—Война 1914—15 гг. сильно подняла интересъ къ германскому и австрійскому дворамъ и лицамъ, которыя стоятъ въ центрѣ ихъ. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» мы уже приводили выдержки изъ мемуаровъ двухъ англичанокъ, касающихся берлинскаго дворца. Обращаемъ вниманіе читателей на недавно вышедшую въ Лондонѣ книгу третьей англичанки [1]), которая лѣтъ двадцать тому назадъ была приглашена въ качествѣ воспитательницы къ внучкѣ теперешняго императора, единственной дочери эрцегерцога Рудольфа, малолѣтней эрцгерцогинѣ Елизаветѣ-Маріи. Извлекаемъ изъ этихъ мемуаровъ разсказъ о трагическомъ концѣ эрцгерцога Рудольфа, который долгое время представлялся весьма загадочнымъ и который только теперь начинаетъ выходить на свѣтъ Божій. Авторъ воспоминаній, какъ лицо, жившее въ то время въ семьѣ самого эрцгерцога и близкое ко всему, что совершалось въ ея нѣдрахъ, конечно, имѣлъ возможность получать всѣ свѣдѣнія изъ первыхъ же рукъ, и потому его разсказъ не можетъ не заслуживать полнаго довѣрія.

«Кронпринцъ,—читаемъ мы въ мемуарахъ,—пресыщенный, недовольный своей семейной жизнью, уставшій отъ тяжелаго этикета, который господствуетъ при австрійскомъ дворѣ, встрѣтился съ Маріей Вечера (Vetesera) совершенно случайно. Это была прелестная восемнадцатилѣтняя дѣвушка, только что вышедшая изъ монастыря, гдѣ она воспитывалась, свѣжая и наивная, какъ дитя. Пресыщенный эрцгерцогъ, привлеченный этой свѣжестью, сталъ съ невѣроятнымъ цинизмомъ преслѣдовать ее и добиваться свиданій. Ему помогала въ этомъ одна изъ придворныхъ дамъ, которая вѣчно испытывала денежныя затрудненія. Эрцгерцогъ обѣщалъ заплатить всѣ ея долги, если она сумѣетъ войти въ домъ баронессы Вечера. Планъ этотъ удался, баронесса стала посѣщать домъ баронессы и ввела туда эрцгерцога. Тутъ-то и происходили свиданія Рудольфа съ прелестной дочерью баронессы. Опытному Донъ-Жуану, какимъ былъ эрцгерцогъ, не трудно было убѣдить наивную, не знающую жизни дѣвушку, что онъ добьется отъ папы развода и женится на ней.

Потомъ эти свиданія были перенесены въ охотничій замокъ эрцгерцога Мейерлингъ, куда Марія Вечера отправлялась обыкновенно въ сопровожденіи упомянутой выше придворной дамы.

Пріѣхавъ въ роковой день въ Мейерлингъ, Марія Вечера нашла тамъ цѣлую компанію собутыльниковъ Рудольфа и нѣсколькихъ актрисъ, не пользовавшихся хорошей репутаціей. Она страшно разсердилась и обидѣлась на эрцгерцога, который позволилъ себѣ унизить ее до подобнаго общества. Отказавшись отъ ужина, она удалилась въ комнату, которая была отведена

[1]) Recollections of a Royal Governess. Lond. 1915.

спеціально для нея. Къ ней былъ отправленъ съ кушаньями полковникъ Ридль.

Пьянство и неприличное поведеніе собравшихся собутыльниковъ привело кронпринца въ ярость. Въ сравненіи съ другими онъ былъ трезвъ и прекрасно понималъ то ложное и оскорбительное положеніе, въ которое попала баронесса Вечера. Несдержанный въ своемъ гнѣвѣ, онъ обрушился на присутствовавшихъ съ рѣзкими упреками. Завязалась перебранка, быстро перешедшая въ драку. Собутыльники бросились на Рудольфа. Въ общей пьяной свалкѣ кто-то ударилъ его по головѣ бутылкой отъ шампанскаго. Ударъ былъ настолько силенъ, что раздробилъ половину черепа, и осколки бутылки такъ и остались въ мозгу убитаго.

Нѣкоторые, наиболѣе трезвые, быстро сообразили, что Марія Вечера является единственной свидѣтельницей всего происшедшаго и можетъ ихъ погубить. Не долго думая, они бросились къ ея комнатѣ и застрѣлили ее черезъ окно въ тотъ самый моментъ, когда, перепуганная дракой въ столовой, она на колѣняхъ ползла по комнатѣ, видимо, собираясь выскочить изъ окна.

По полученіи извѣстія о смерти эрцгерцога, папа распорядился, чтобы во всѣхъ церквахъ была отслужена заупокойная обѣдня—явное доказательство того, что эрцгерцогъ Рудольфъ былъ убитъ, а не кончилъ жизнь, какъ увѣряли, самоубійствомъ, ибо по самоубійцамъ заупокойной обѣдни у католиковъ не служатъ.

Кромѣ Рудольфа, въ Мейерлингѣ было убито и ранено еще нѣсколько человѣкъ, и лейбъ-медикъ Нидегоферъ то и дѣло носился между вѣнскимъ дворцомъ и охотничьимъ замкомъ. Марію Вечера похоронили ночью при помощи солдатъ. Ея тѣло уже успѣло окостенѣть въ томъ самомъ положеніи въ какомъ она была застрѣлена, и потому для погребенія ея потребовался не гробъ, а особый широкій ящикъ.

— Н а с л ѣ д с т в е н н о с т ь.—Императоръ Вильгельмъ II, названный при крещеніи Фридрихомъ-Вильгельмомъ, подобно большинству своихъ предковъ-королей, обладаетъ врожденнымъ талантомъ къ искусствамъ и наукѣ и считаетъ себя выдающимся художникомъ, музыкантомъ, поэтомъ, предсказателемъ и, въ особенности, юристомъ. Содѣянныя имъ преступленія невольно наводятъ на мысль о сомнительности его юридическихъ познаній и заставляютъ предполагать, что въ юношескомъ возрастѣ, въ періодъ его обученія, ему было преподано только одно старинное право: право варваровъ.

Однако, несмотря на скудость своего юридическаго образованія, Вильгельмъ II состоитъ «почетнымъ докторомъ правъ» въ берлинскомъ и пенсильванскомъ университетахъ и до послѣднихъ дней былъ «докторомъ правъ» въ Оксфордѣ. Теперь онъ лишенъ этого званія, и этотъ прискорбный для него фактъ вполнѣ понятенъ, такъ какъ Англія не могла допустить, чтобы нарушитель всѣхъ существующихъ правъ могъ кичиться почетнымъ званіемъ «доктора правъ» одного изъ знаменитыхъ университетовъ, въ которомъ съ гордостью передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію старинныя традиціи средневѣкового преподаванія.

Утративъ свои главные юридическіе дипломы, Вильгельмъ II все-таки сохранилъ еще ученыя званія «доктора медицины» пражскаго университета и «доктора наукъ» университета въ Клозенбургѣ. Германскій императоръ увѣнчанъ научными лаврами почти въ той же степени, какъ и владѣлецъ заводовъ Круппа, и оба они, какъ современные истребители человѣчества, имѣютъ на эти лавры одинаковыя права.

Несмотря на присвоенную ему ученую степень «доктора медицины», кайзеръ Вильгельмъ не счелъ до сихъ поръ нужнымъ обнародовать избранные имъ методы медицинскаго леченія, которые въ случаѣ ихъ обнародованія, несомнѣнно, стали бы обязательными для всей его имперіи. Поэтому въ настоящее время является крайне затруднительнымъ выяснить интересный вопросъ о томъ, вѣритъ ли кайзеръ въ наслѣдственность не только въ отношеніи монархическаго престолонаслѣдія, но и въ отношеніи перехода разныхъ болѣзней отъ отцовъ къ дѣтямъ. Вліяніе и проявленія наслѣдственности указаны многими учеными и безусловно заслуживаютъ вѣры, а эта вѣра приводитъ насъ къ нѣкоторымъ наблюденіямъ, весьма характернымъ и чисто-историческимъ.

Въ періодъ своего дѣтства, приблизительно въ 1865 году, сынъ наслѣднаго принца Фридриха, маленькій Фридрихъ-Вильгельмъ, былъ нездоровымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ, страдавшимъ частыми болями въ ушахъ и имѣвшимъ на лѣвой, плохо дѣйствовавшей рукѣ страшно изуродованные пальцы. О томъ, откуда появились у него эти физіологическіе недостатки, не замедлилъ своевременно сообщить Бисмаркъ, но сообщеніе это прошло какъ-то незамѣтно, и раннія недуги нынѣшняго кайзера остались извѣстны только его близкимъ.

Быть можетъ, съ годами эти недостатки и уменьшились въ противоположность тому, что случается съ остальнымъ человѣчествомъ, у котораго они обыкновенно увеличиваются. Быть можетъ, они подверглись существеннымъ измѣненіямъ... Все это составляетъ пока секретъ самого кайзера, который, по званію своему «доктора медицины» пражскаго университета, долженъ быть хорошо освѣдомленъ о состояніи собственныхъ болѣзней.

Теперь ему исполнилось пятьдесятъ шесть лѣтъ, такъ какъ онъ родился въ Берлинѣ 27-го января 1859 года, и этотъ возрастъ, по мнѣнію многихъ авторитетовъ, является для него критическимъ. Его дѣдъ и бабушка со стороны отца—императоръ Вильгельмъ I и императрица Августа—оба умерли въ преклонномъ возрастѣ: первый—девяноста лѣтъ, а вторая—восьмидесяти лѣтъ отъ роду, сохранивъ до конца ихъ долгой жизни поразительное здоровье. Его бабушка съ материнской стороны, королева Викторія, тоже достигла возраста, превышавшаго общую норму,—восьмидесяти двухъ лѣтъ, но его дѣдъ съ материнской стороны, герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, родившійся 28-го августа 1819 года, умеръ 14-го декабря 1861 года, сорока двухъ лѣтъ, отъ грудной болѣзни, осложненной, повидимому, другими прежними болѣзнями. Отецъ Вильгельма II, императоръ Фридрихъ, родившійся 18-го октября 1831 года, умеръ 15-го іюня 1888 года, пятидесяти семи лѣтъ, отъ рака въ

горлѣ, первые признаки котораго обнаружились въ мартѣ или апрѣлѣ 1887 года, но начало котораго точно установлено не было. Офиціально о болѣзни наслѣднаго принца было объявлено въ концѣ мая, причемъ сообщалось, что, страдая съ нѣкоторыхъ поръ болями въ горлѣ, наслѣдный принцъ довѣрилъ свою особу заботамъ англійскаго врача, доктора Мекензи. Въ серединѣ ноября болѣзнь значительно усилилась, и тогда нѣсколько спеціалистовъ были вызваны на консиліумъ въ Санъ-Ремо, гдѣ находились тогда принцъ и принцесса. 9-го февраля 1888 года принцъ перенесъ въ Санъ-Ремо операцію трахеотоміи и, не вполнѣ еще оправившись, долженъ былъ ѣхать въ Берлинъ, такъ какъ его отецъ, Вильгельмъ I, скончался тамъ 9-го марта.

Освѣдомленный врачами о состояніи здоровья своего несчастнаго отца, сынъ императора Фридриха, двадцатидевятилѣтній принцъ Вильгельмъ, нынѣшній германскій императоръ, нетерпѣливо ожидавшій своего восшествія на тронъ предковъ, несомнѣнно, желалъ, чтобы отецъ отрекся отъ власти въ его пользу, но Фридрихъ самъ хотѣлъ царствовать и царствовалъ всего три мѣсяца, сведенный въ могилу честолюбіемъ того, кто выказалъ теперь всѣми проявленіями своей преступной дѣятельности необузданное властолюбіе, стремленіе къ грубой силѣ и полное презрѣніе къ совѣсти.

Жена императора Фридриха, Викторія-Аделаида-Марія-Луиза, дочь королевы Викторіи, умерла черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ мужа отъ той же самой болѣзни горла.

При болѣзняхъ такого рода наблюдаются, какъ извѣстно, кратковременные періоды улучшенія, а затѣмъ—снова ужасные приступы болѣзни. Рѣдко, однако, развитіе болѣзни происходитъ такъ медленно, какъ оно происходило у императрицы Викторіи. Нормальное развитіе ея таково, какъ оно наблюдалось у наслѣднаго принца, впослѣдствіи императора Фридриха III; болѣзнь развилась въ періодъ съ марта 1887 по іюнь 1888 года, а сдѣланная ему операція задержала развитіе болѣзни всего лишь на четыре мѣсяца. Эта операція обезпечила англійской принцессѣ долго ею жданную императорскую корону, но потомъ, послѣ ста двадцати шести дней не прекращавшихся страданій, мужъ ея, несчастный императоръ, который былъ самымъ почтительнымъ изъ всѣхъ сыновей и которому пало на долю претерпѣть передъ самой смертью потрясающій захватъ принадлежавшей ему власти и достоянія со стороны его собственнаго сына, отошелъ уже нѣмымъ и безгласнымъ въ вѣчную, невѣдомую намъ тишину.

Кто можетъ сказать опредѣленно, дѣйствительно ли императоръ Вильгельмъ страдаетъ болѣзнью горла? Вѣренъ или не вѣренъ тотъ слухъ, что ему грозитъ неминуемая операція? Правильно ли утвержденіе нѣкоторыхъ врачей, что ракъ является болѣзнью наслѣдственною?

Отецъ и мать Вильгельма II умерли отъ этой болѣзни. Не умретъ ли отъ нея и онъ, неистовый кайзеръ? Отъ операціи трахеотоміи до смерти остается не болѣе, какъ четыре мѣсяца. Хватитъ ли его на этотъ срокъ?

Кто можетъ утверждать положительно, что, по приговору вѣчнаго правосудія, дурной сынъ не носитъ въ себѣ, вмѣстѣ съ отцовскимъ проклятіемъ, неизбѣжную кару въ видѣ смертельной болѣзни!

— Гоголь и Диккенсъ. Пикквикъ и Чичиковъ.— Интересъ къ Россіи сильно сказывается теперь въ Англіи. Произведенія русской литературы дѣлаются темой лучшихъ англійскихъ критиковъ. Приводимъ изъ еженедѣльника «The Outlook» (№ 918) одну изъ такихъ критическихъ статей, посвященныхъ сравненію двухъ великихъ юмористовъ—Гоголя и Диккенса.

«Юмористы,—говоритъ авторъ,—рѣдко удерживаютъ свое воображеніе въ узкихъ предѣлахъ: въ своихъ произведеніяхъ они захватываютъ огромное количество типовъ, которые позволяютъ психологу уловить національныя особенности. Бѣдный полупомѣшанный Донъ-Кихотъ въ поискахъ за приключеніями странствуетъ по всей странѣ и такимъ образомъ даетъ автору возможность вывести множество лицъ, съ которыми сталкивается его герой. Диккенсъ также заставляетъ своего Пикквика, этого купца, удалившагося на старости лѣтъ отъ дѣловой жизни, путешествовать съ своей компаніей по всей Англіи. У Гоголя, который ближе всего подходитъ къ англійскому романисту по отсутствію въ немъ раздраженія, Чичиковъ также странствуетъ безостановочно.

Гоголь, какъ и Диккенсъ, началъ писать еще молодымъ человѣкомъ. У того и другого была одна и та же цѣль—изобразить своихъ земляковъ широкими чертами, чтобы читатель могъ смѣяться надъ ними и не захотѣлъ бы имъ подражать. Кратковременныя занятія Диккенса въ конторѣ адвоката дали ему возможность познакомиться съ юридической казуистикой его времени и видѣть, какъ простодушные люди, въ родѣ Пикквика, дѣлаются жертвами такихъ дѣльцовъ, какъ Додсонъ или Фоггъ. Гоголь, также вкусившій чиновничьей службы, нашелъ, подобно Диккенсу, не мало для себя матеріала въ рядахъ испорченной бюрократіи. У Гоголя фономъ всей картины русскихъ нравовъ, портретовъ всѣхъ этихъ Маниловыхъ, Ноздревыхъ, имена которыхъ стали въ Россіи нарицательными именами, служатъ приземистыя жилища, неряшливо обставленныя комнаты. Диккенсъ, наоборотъ, рисуетъ уютныя, зажиточныя фермы, въ родѣ той, на которой мистеръ Уордль принимаетъ Пикквика и его друзей. Оба героя—англійскій и русскій—какъ нельзя лучше выражаютъ духъ своего времени. Англія сороковыхъ годовъ наслаждалась глубокимъ миромъ, богатѣла, обставлялась съ комфортомъ, который занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ произведеніяхъ писателей начала царствованія королевы Викторіи. Чичиковъ—представитель глухого безвременья, и самая мысль объ освобожденіи рабовъ приводитъ его въ ужасъ. Герой Гоголя—плутъ, но и въ немъ авторъ умѣетъ найти иныя, лучшія чувства, заглушенныя въ немъ суровыми условіями дѣтства. Подобнымъ же образомъ поступаетъ и Диккенсъ, преображая своихъ героевъ—плута Джингля и его слугу Джоба, когда за долги они попадаютъ въ тюрьму.

Одна изъ прелестей, которыя чаруютъ въ Диккенсѣ,—это идеализація деревенской жизни. Онъ хорошо зналъ Лондонъ съ самаго своего быстро промелькнувшаго дѣтства, зналъ его тюрьмы и закоулки, и въ противоположность имъ любилъ рисовать старомодныя провинціальныя гостиницы, гдѣ подавались такіе вкусные ростбифы и устрицы. Когда ему случается говорить о сельской фермѣ, онъ непремѣнно вспомнитъ и о рождественскихъ праздникахъ, не

забывая упомянуть и о вкусныхъ блюдахъ, которыя къ нимъ приготовляются. Въ провинціальномъ обществѣ онъ чувствуетъ себя какъ знатный иностранецъ и встрѣчаетъ пріемъ, обычно оказываемый хорошо одѣтымъ людямъ.

Гоголь тоже умѣетъ цѣнить уютъ домашней обстановки, и пріятность разныхъ вкусныхъ вещей, въ родѣ блиновъ, ватрушекъ, икры. Гостиницы у него далеко не такъ привлекательны, какъ у Диккенса, но въ Россіи въ нихъ нѣтъ и особой нужды. Его хозяйки, въ родѣ Коробочки, такъ близко подходятъ къ типамъ Диккенса, что, кажется, англійскій и русскій юмористъ—оба могли бы написать ихъ съ одинаковымъ мастерствомъ.

Замѣчательно, что въ «Мертвыхъ душахъ» и въ «Запискахъ Пикквикскаго клуба» любовь почти не играетъ никакой роли. У Диккенса мистеръ Пикквикъ никогда не влюблялся раньше, и лишь во время его странствованій что-то похожее на нѣжное чувство къ Арабеллѣ Алленъ закрадывается въ его душу. Въ «Мертвыхъ душахъ» лишь на минуту мелькаетъ милый образъ Улиньки, оттѣняя Тентетникова, мирно проводящаго свою жизнь въ мечтахъ и грезахъ. Передъ Чичиковымъ она проносится, какъ видѣніе, мимолетно, а затѣмъ его опять обступаютъ, какъ и Пикквика, смѣшныя, уродливыя фигуры.

Диккенсъ поетъ славу стариннымъ тарантасамъ съ ихъ несообщительными пассажирами, принужденными ночевать гдѣ-нибудь въ деревенской гостиницѣ, съ ихъ дюжими кучерами и крѣпко подкованными лошадьми, бѣгущими размѣреннымъ шагомъ.

Гоголь—также поэтъ старомодныхъ бричекъ, быстро несущихся по проселочнымъ русскимъ дорогамъ. Стоитъ только вспомнить извѣстное лирическое мѣсто, гдѣ Гоголь говоритъ о русской тройкѣ.

— Англо-русская книга о нѣмецкомъ засильѣ.—Недавно мы указывали на страницахъ нашего журнала на прекрасную книгу французскаго ученаго г. Омана, посвященную исторіи французскаго вліянія на Руси. Но Русь пережила въ своемъ духовномъ и государственно-бытовомъ развитіи не одно французское вліяніе: гораздо сильнѣе внѣдрилось въ ней германское засиліе, и нашимъ историкамъ давно слѣдовало бы написать исторію этого засилія, показать, какъ постепенно нѣмцы охватывали нашу родину тысячею щупалецъ, какъ обезличивали они наше общество и постепенно подмѣняли наши порядки и государственныя понятія другими, нѣмецкими. Къ сожалѣнію, въ нашей довольно обширной исторической литературѣ такой работы до сего времени не существуетъ. Произошло это, очевидно, по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, наши ученые воспитаны въ преклоненіи передъ Германіей, а съ другой—тронуть зловредное вліяніе Германіи до самой войны было опасно: у нѣмцевъ вѣдь такіе сильные покровители въ русскомъ правительствѣ!

За отсутствіемъ на русскомъ языкѣ работъ на тему объ исторической денаціонализаціи Руси нѣмцами, намъ хочется обратить вниманіе читателей на небольшую книжку, вышедшую на дняхъ въ Лондонѣ и принадлежащую перу русскаго журналиста г. Веселитскаго [1]). Несмотря на небольшой объемъ, эта книжка даетъ яркую картину германизаціи нашей страны. Попутно г. Веселит-

---

[1]) Russia and democracy. Lond. 1915.

скій сражается и съ тѣми, немногочисленными теперь, англичанами, которые все еще твердятъ о невозможности для свободной Англіи итти рука объ руку съ Россіей, режимъ которой представляется имъ чѣмъ-то азіатскимъ. Авторъ доказываетъ этимъ господамъ, что оторванный отъ общества и народа бюрократическій режимъ Россіи есть несчастіе страны, а вовсе не ея существенный признакъ, и что несчастью этому Россія сумѣетъ положить конецъ.

Авторъ устанавливаетъ прежде всего, что Россія издавна была и есть страна глубоко демократическая и что вся ея сила именно въ этомъ. Чѣмъ сильнѣе были ея цари, тѣмъ болѣе они опирались на народъ, на «міръ», и, наоборотъ, Іоаннъ Грозный искоренялъ боярство, но не трогалъ народъ. Реформа Петра Великаго вся вынесена на плечахъ русской демократіей, а не боярствомъ. Однако Великій Преобразователь виноватъ въ томъ, что положилъ начало германизаціи Россіи. Начало это успѣшно стало развиваться при преемникахъ Петра, особенно при Аннѣ Іоанновнѣ, когда правителемъ Россіи сталъ ея фаворитъ, мелкій чиновникъ Биронъ, вывезенный ею изъ Курляндіи. Екатерина II, радѣя о пользѣ Россіи, не забывала, однако, и о нѣмцахъ: именно при ней возникли тѣ огромныя нѣмецкія колоніи, которыя охватываютъ теперь югъ Россіи и отъ которыхъ никакъ не могутъ отдѣлаться. Послѣ Екатерины нѣмецкое господство въ Россіи утверждается почти на цѣлое столѣтіе и достигаетъ своего апогея въ царствованіе Николая I, когда даже такой генералъ, какъ Ермоловъ, просилъ «произвести его въ нѣмцы». Александръ I всѣ свои милости и вольности дарилъ окраинамъ, но не Россіи, и въ то время, когда въ Финляндіи и Польшѣ дѣйствовала конституція, декабристы лишь носились съ мечтою о введеніи русскаго народнаго представительства, которая въ Россіи казалась преступной. Николай I былъ фанатическимъ поклонникомъ германской муштры и постоянно и безъ всякой выгоды для Россіи оказывалъ помощь разнымъ нѣмецкимъ государствамъ. Дипломатическій корпусъ при немъ сталъ совершенно нерусскимъ, и никакая критика Германіи была немыслима. Русская бюрократія была приближена къ ея прототипу—бюрократіи прусской.

При Александрѣ II мы видимъ полное преобладаніе при дворѣ все тѣхъ же нѣмецкихъ симпатій. Бисмаркъ и Вильгельмъ I становятся оракулами для Зимняго дворца, къ русскому же общественному мнѣнію относятся пренебрежительно. И это несмотря на то, что Пруссія дѣйствовала явно враждебно противъ Россіи и въ вѣрномъ расчетѣ втянуть насъ въ войну съ Турціей создала герцеговинское возстаніе.

Императоръ Александръ III порвалъ съ нѣмецкими симпатіями своего отца, но уже не могъ остановить скрытое завоеваніе Россіи нѣмцами. Германофильствующая бюрократія поощряла внѣдреніе нѣмецкаго землевладѣнія на нашихъ западныхъ и южныхъ окраинахъ.

Со смертью Александра III Германія усиленно стала примѣнять къ дѣлу совѣты Фридриха II, который говаривалъ, что прусскіе государи ради блага своего государства готовы пожертвовать не только своей жизнію, но и своею честью. Во время англо-бурской войны нѣмцы пытались раздавить Англію, въ которой чуяли главнаго своего врага, образовавъ противъ нея лигу съ участіемъ въ ней Россіи. Когда же эта интрига не удалась, Германія удачно ин-

триговала противъ другого своего врага Россіи, столкнувъ его съ Японіей и вызвавъ охлажденіе русскихъ къ Англіи. Русско-японская война, ослабивъ Россію, чрезвычайно усилила Германію. Какъ извѣстно, навязанный намъ въ награду за германскій нейтралитетъ торговый договоръ представлялъ въ сущности замаскированную контрибуцію. Послѣдніе годы передъ войной съ Германіей нѣмцы были у насъ всесильны. Германскій посланникъ въ Петроградѣ мало-по-малу превратился въ цензора, задерживавшаго все, что говорилось о Германіи неблагопріятнаго. Русское общество не успѣло, конечно, еще забыть ту роль, которую играли у насъ нѣмцы, свои и зарубежные. Тутъ исторія пока подходитъ къ рубежу, перейти который еще не настало время, но теперь уже и ребенокъ знаетъ, какого зла надѣлало намъ это нѣмецкое засилье.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги г. Веселитскаго, которую не мѣшало бы перевести на русскій языкъ.

СМѢСЬ.

ЕДАЛЬ въ память К. Р. Тяжкую утрату понесла 2-го іюня Россія въ лицѣ въ Бозѣ почившаго великаго князя Константина Константиновича, тяжкую утрату понесло родное искусство въ лицѣ безвременно угасшаго августѣйшаго поэта К. Р., чуткаго просвѣщеннаго художника и отзывчиваго покровителя искусствъ. Увѣковѣчить славное имя великаго князя путемъ сооруженія ему памятника дѣло общегосударственное, всенародное. Увѣковѣчить славное имя августѣйшаго поэта—обязанность собратьевъ его по искусству и почитателей его творчества. Въ этихъ цѣляхъ группа почитателей К. Р., имѣвшихъ счастье близко соприкасаться съ августѣйшимъ поэтомъ въ послѣднее время его жизни на поприщѣ свободныхъ художествъ, учредила кружокъ его имени. Кружокъ начинаетъ свою дѣятельность по увѣковѣченію памяти августѣйшаго поэта путемъ открытія подписки, съ соизволенія ея императорскаго высочества великой княгини Елизаветы Маврикіевны, на медаль въ память его. Весь чистый доходъ отъ продажи медали образуетъ фондъ имени К. Р., который поступаетъ въ распоряженіе имѣющаго въ ближайшемъ будущемъ развиться изъ «кружка почитателей К. Р.» обширнаго литературно-художественнаго общества имени К. Р. Общество это путемъ развитія широкой дѣятельности возьметъ на себя задачи служенія родному искусству во всѣхъ его родахъ и проявленіяхъ, задачи объединенія нашихъ художественныхъ силъ и оказанія путемъ взаимообщенія ихъ моральной и матеріальной помощи всѣмъ въ томъ нуждающимся представителямъ свободныхъ художествъ. Нынѣ учредителями кружка вырабатывается уставъ общества, который по легализаціи его и отпечатаніи будетъ разсылаться въ пер-

вой половинѣ октября всѣмъ заявившимъ о томъ желаніе. Полагая начало этому свѣтлому начинанію по увѣковѣченію памяти К. Р., кружокъ выражаетъ увѣренность, что всѣ, кому дороги память незабвеннаго августѣйшаго поэта и задачи родного искусства, ревностнымъ служителемъ котораго во всѣхъ его проявленіяхъ являлся К. Р., сочувственно откликнутся на призывъ кружка увѣковѣчить память августѣйшаго поэта путемъ широкаго распространенія «медали въ память К. Р.». Лицевая сторона медали, исполняемой старшимъ медальеромъ петроградскаго монетнаго двора Д. К. Степановымъ, представитъ изображеніе августѣйшаго поэта, обратная—гробницу, отъ стоящаго на которой священнаго огня муза и воинъ возжигаютъ свои свѣтильники. Цѣна на медаль по подпискѣ: большая настольная медаль ($3^1/_2$ дюйма въ діаметрѣ) серебряная 25 рублей, большая настольная медаль ($3^1/_2$ дюйма въ діаметрѣ) бронзовая 10 рублей, малая медаль-жетонъ ($1^1/_{16}$ дюйма въ діаметрѣ) серебряная 5 рублей, малая медаль-жетонъ ($1^1/_{16}$ дюйма въ діаметрѣ) бронзовая 2 рубля 50 копеекъ. При подпискѣ обязателенъ взносъ въ размѣрѣ не менѣе половинной стоимости заказа. Желающіе получить медаль-жетонъ съ ушкомъ или ободкомъ для ношенія доплачиваютъ стоимость его. О выходѣ медали будетъ своевременно объявлено путемъ газетныхъ публикацій. Къ письменнымъ запросамъ необходимо прилагать марки на отвѣтъ. Личные переговоры съ учредителемъ-распорядителемъ кружка Н. Н. Сергіевскимъ (редакторомъ-издателемъ историческаго журнала «Наша Старина») по средамъ (а если на среды упадаютъ праздники, то по четвергамъ) отъ двухъ до трехъ часовъ въ помѣщеніи редакціи журнала «Наша Старина», Б. Московская, 1, квартира два, телефонъ 655—69. Контора редакціи для справокъ по поводу медали и дѣлъ кружка открыта по вторникамъ и пятницамъ отъ 11 до 2 часовъ. Денежные переводы по почтѣ слѣдуетъ адресовать на имя Н. Н. Сергіевскаго.

Новое общество. Въ Петроградѣ учреждается новое общество, поставившее себѣ задачей организовать по Россіи цѣлую сѣть русско-англійскихъ сельскохозяйственныхъ ремесленныхъ трудовыхъ колоній для дѣтей и сиротъ воиновъ въ память нынѣшней войны. При колоніяхъ будутъ устроены поселки для калѣкъ-воиновъ ремесленниковъ и ихъ семей съ надѣлами земли по образцу лондонскихъ политехникумовъ. Обитатели этихъ колоній и поселковъ будутъ совмѣстно воспитываться, обучаться и совершенствовать свои знанія въ мастерскихъ школахъ одновременно подъ руководствомъ и за отвѣтственностью опытныхъ мастеровъ, выполняя заказы и окупая свое существованіе. Предполагается, что казна дастъ надѣлы земли, которая будетъ обрабатываться на кооперативныхъ началахъ; оборудованіе мастерскихъ, сельскохозяйственнаго инвентаря, аптеки, больницы также должны быть взяты на себя казной, дальнѣйшее же ихъ существованіе и развитіе будутъ поддерживаться руками колонистовъ. Для сбыта изготовленныхъ товаровъ устраиваются кооперативныя лавки; кромѣ того, колонисты будутъ выполнять заказы на казну и поставки для различныхъ вѣдомствъ. Каждый колонистъ-воспитанникъ будетъ обученъ нѣсколькимъ ремесламъ, сельскому хозяйству и ознакомленъ съ медициной, затѣмъ онъ совершенствуется въ избранной спеціальности. Членами новаго общества могутъ быть лица обоего пола всѣхъ званій,

вѣроисповѣданія и національности (кромѣ воюющихъ съ нами державъ). Среди учредителей новаго общества—члены Государственной Думы князь С. П. Мансыревъ, М. А. Карауловъ, С. Востротинъ, городской голова графъ И. И. Толстой, предсѣдатель городской думы сенаторъ С. В. Ивановъ, профессоръ Ѳедоровъ и много другихъ.

Чествованіе сѣверныхъ мореплавателей. 4-го сентября въ залѣ архангельской городской думы состоялось торжественное чествованіе участниковъ сѣверныхъ экспедицій флигель-адъютанта Б. А. Вилькицкаго и капитана Свердрупа. Торжественный актъ начался краткою привѣтственною рѣчью контръ-адмирала Угрюмова, провозгласившаго въ заключеніе здравицу за Государя Императора, покрытую мощнымъ «ура» и звуками народнаго гимна. Затѣмъ С. С. Александровъ отъ имени городского управленія привѣтствовалъ капитана Вилькицкаго и его спутниковъ и закончилъ свою рѣчь провозглашеніемъ «ура» за здоровье начальника экспедиціи, флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества Бориса Андреевича Вилькицкаго, за здоровье доблестныхъ его спутниковъ, офицеровъ экспедиціи и судовыхъ командъ, и за здоровье отважнаго мореплавателя командира судна «Эклипсъ» г. Свердрупа, оказавшаго экспедиціи свою помощь. Громкое «ура» было отвѣтомъ на эту рѣчь. Послѣ увертюры привѣтственныя рѣчи произнесли Ф. Ф. Ландманъ, отмѣтившій исторію завоеванія Великаго Сѣвернаго пути и заслуги экспедиціи капитана Вилькицкаго, отъ имени архангельскаго общества изученія русскаго Сѣвера — А. А. Каретниковъ; затѣмъ директоръ Ломоносовской гимназіи П. П. Соколовъ прочелъ адресъ, поднесенный этой гимназіей начальнику славной экспедиціи. Далѣе привѣтствовали капитана Вилькицкаго и его спутниковъ директоръ архангельской учительской семинаріи А. Д. Лащенко и отъ Добровольнаго флота капитанъ Г. Г. Кондратьевъ. Послѣ торжественнаго акта гостямъ былъ предложенъ чай. Капитанъ Вилькицкій отъ своего имени и отъ имени всѣхъ участниковъ экспедиціи благодарилъ городское управленіе и гражданъ города Архангельска за тотъ радушный пріемъ, коимъ они были встрѣчены въ Архангельскѣ—сѣверной столицѣ, чутко относящейся къ жизни и интересамъ океана. Память отца нынѣшняго героя, покойнаго А. И. Вилькицкаго, оказавшаго немалыя услуги нашему Сѣверу своими работами по гидрографіи, была почтена вставаніемъ. Контръ-адмиралъ Угрюмовъ въ заключеніе отъ имени всего русскаго флота благодарилъ городское управленіе и всѣхъ лицъ, оказавшихъ такой сочувственный пріемъ нашимъ морякамъ, отмѣтивъ ту теплоту чувства, какимъ были проникнуты и встрѣча на пристани, и состоявшееся торжество. Императорская академія наукъ на общемъ собраніи 5-го сентября, получивъ извѣстіе о благополучномъ прибытіи въ Архангельскъ экспедиціи Вилькицкаго, постановила послать капитану Вилькицкому слѣдующую привѣтственную телеграмму: «Императорская академія наукъ горячо привѣтствуетъ въ вашемъ лицѣ отважныхъ русскихъ мореходовъ и ихъ подвигъ прохода по Великому Сѣверному пути. Въ годину великаго испытанія особое значеніе пріобрѣтаетъ подвигъ вашъ, ярко свидѣтельствующій передъ всѣмъ міромъ о несокрушимой бодрости и настойчивости русскихъ людей въ исполненіи долга передъ родиной».

45-лѣтіе литературной дѣятельности В. Н. Жука. 2-го сентября исполнилось 45-лѣтіе литературной дѣятельности одного изъ популярнѣйшихъ нашихъ гигіенистовъ Владимира Николаевича Жука. В. Н. Жукъ—урожепецъ Кіевской губерніи, родился 8-го апрѣля 1847 года въ семьѣ деревенскаго врача, много лѣтъ служившаго при двухъ сахарныхъ заводахъ графини Потоцкой. Среднее образованіе получилъ во второй кіевской гимназіи. По окончаніи гимназическаго курса въ 1865 года Жукъ поступилъ въ кіевскій университетъ, въ которомъ сначала былъ на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, а затѣмъ перешелъ на медицинскій; находясь уже на четвертомъ курсѣ, В. Н. перевелся въ московскій университетъ. Въ Москвѣ началась (съ сентября 1870 года) его литературная работа, главнымъ образомъ заключавшаяся въ компиляціяхъ, рефератахъ и переводахъ съ иностранныхъ языковъ въ техническомъ и хозяйственномъ журналѣ «Русское Богатство» и «Московской Медицинской Газетѣ». Осенью 1873 года В. Н. переселяется въ Петроградъ и нѣсколько лѣтъ работаетъ въ качествѣ секретаря и помощника у профессора Быстрова и одну зиму у профессора Славянскаго. Одновременно съ этимъ онъ усиленно занимается переводами для педагогическихъ и медицинскихъ журналовъ. Имъ переведены: «Акушерство» Монури и Сальмона, «Военно-хирургическая техника» Лансберга, «Гигіена ребенка» Уффельмана, «Техника массажа» Гинерфаульта, «Душа ребенка» Трейера, «Нервныя болѣзни» Трусо, «Гинекологія» Шредера (редакція профессора Славянскаго.) За исключеніемъ двухъ первыхъ, остальные труды не появились въ печати, хотя въ рукописяхъ и служили руководствами. Первая оригинальная статья В. Н. вышла въ свѣтъ въ «Педагогическомъ Сборникѣ военно-учебныхъ заведеній» 1-го сентября 1875 года. Съ того времени онъ становится профессіональнымъ журналистомъ по медицинѣ, гигіенѣ и педагогикѣ. Сотрудничалъ онъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Дѣтскій Садъ» (Бороздиной), «Семья и Школа», «Педагогическій Музей», «Женское Образованіе», «Семейные Вечера», «Сельское Чтеніе» (былъ фактическимъ редакторомъ), «Живописное Обозрѣніе» (А. К. Шеллера-Михайлова), «Здоровье», «Врачебныя Вѣдомости», «Вѣстникъ судебной медицины и гигіены», «Врачъ» (В. А. Манассеина), «Мысль» (Л. Е. Оболенскаго), «Акушерка», «С.-Петербургскія Вѣдомости» (подъ редакціей Корша и князя Э. Э. Ухтомскаго), «Голосъ», «Новое Время», «Новости», «Сынъ Отечества», «Русская Жизнь», «Биржевыя Вѣдомости», «Русскій Инвалидъ», «Правительственный Вѣстникъ» и друг. Успѣхъ нѣсколькихъ брошюръ далъ возможность В. Н. выпустить въ свѣтъ рядъ статей по гигіенѣ перваго дѣтскаго возраста и уходу за матерью подъ общимъ заглавіемъ «Мать и дитя». Съ каждымъ изданіемъ просмотрѣнная и дополненная, книга разрослась въ солидный томъ, который, по полнотѣ и умѣнью исчерпывать затронутые вопросы, по мнѣнію спеціалистовъ, не имѣетъ себѣ равной въ міровой научной литературѣ. Эта книга дала своему маститому творцу колоссальную извѣстность какъ въ Россіи, такъ и за границей. Книга «Мать и дитя» въ первомъ изданіи вышла 14-го декабря 1880 года и теперь уже распродается ея девятое изданіе. Общее число распроданныхъ экземпляровъ, несмотря на высокую цѣну (3 руб. 50 коп.),

свыше 100,000. Въ настоящее время готовится къ печати десятое изданіе. Въ дополненіе къ книгѣ «Мать и дитя» былъ изданъ «Дневникъ матери» (рядъ таблицъ), потомъ «Ребенокъ», краткое изложеніе гигіены ребенка. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ популярныхъ брошюръ: «Народныя столовыя Петрограда», «Обувь», «Школа сельскихъ повивальныхъ бабокъ», «Акушерки-недоучки», «Новый способъ леченія холеры», «Козье молоко и коза-кормилица» (печатается второе изданіе), «Свѣтъ—цѣлитель», «Роды безъ болей», «Пріятное леченіе земляникою», «Оспа» (три изданія) и друг. Нѣкоторыя изъ этихъ брошюръ переведены на иностранные и инородческіе (финскій, эстонскій, киргизскій, армянскій) языки и имѣли большой успѣхъ: напр., «Новый способъ леченія холеры» (1897 г.) въ теченіе двухъ мѣсяцевъ разошелся въ количествѣ 50,000 экземпляровъ. Несмотря на обширную научную и литературную работу, В. Н. находилъ возможность удѣлять часть своего времени и общественной дѣятельности. Первые два года по пріѣздѣ въ Петроградъ онъ былъ секретаремъ секціи воспитанія въ обществѣ охраненія народнаго здравія, нерѣдко исполняя обязанности секретаря и другихъ секцій (біологіи, питанія, статистики). Затѣмъ состоялъ попечителемъ общества защиты дѣтей, самъ былъ учредителемъ нѣсколькихъ обществъ, участвовалъ во многихъ ученыхъ правительственныхъ и общественныхъ комиссіяхъ почти до конца восьмидесятыхъ годовъ, когда тяжелый недугъ уложилъ его на больничную койку почти на полтора года, а затѣмъ и лишилъ возможности передвиженія (параличъ ногъ). 2-го сентября, въ день юбилея, юбиляра почтили посѣщеніемъ многіе врачи, педагоги и литераторы, а отъ совѣта петроградскаго родительскаго кружка былъ поднесенъ привѣтственный адресъ. Въ теченіе дня юбиляромъ было получено множество привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ.

Юбилей П. О. Морозова. Помощникъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, членъ театрально-литературнаго комитета и профессоръ драматическихъ курсовъ при императорскомъ театральномъ училищѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ П. О. Морозовъ закончилъ 6-го сентября 25-лѣтіе своей педагогической службы въ означенномъ училищѣ, а также 40-лѣтіе своей учено-литературной дѣятельности своей, начавшейся въ 1875 году сотрудничествомъ въ журналѣ «Филологическія Записки» и газетѣ «Сѣверный Вѣстникъ». Бывшій питомецъ петроградскаго университета, П. О. высшую степень магистра русской словесности получилъ въ 1880 году за диссертацію «Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель», онъ былъ приватъ-доцентомъ университета и преподавателемъ императорскаго петроградскаго коммерческаго училища (1884—1894 гг.), начальникомъ отдѣленія департамента торговли и мануфактуръ, а послѣдніе десять лѣтъ состоитъ помощникомъ статсъ-секретаря по финансовому отдѣленію Государственнаго Совѣта, продолжая и педагогическую дѣятельность въ театральномъ училищѣ. Изъ сочиненій П. О. хорошо извѣстна его «Исторія русскаго театра до половины XVIII вѣка».

Двадцатипятилѣтній юбилей профессора А. П. Рождественскаго. 16-го августа исполнилось двадцатипятилѣтіе ученой дѣятельности извѣстнаго ученаго гебраиста и богослова профессора петроградской духовной академіи бывшаго законоучителя августѣйшихъ дочерей Ихъ Императорскихъ Вели-

чествъ, доктора богословія, протоіерея А. П. Рождественскаго. Юбиляръ окончилъ первымъ студентомъ петроградскую духовную академію въ 1890 году и тотчасъ же по окончаніи курса былъ назначенъ доцентомъ при этой академіи по каѳедрѣ древне-еврейскаго языка и библейской археологіи, а затѣмъ въ 1896 году, послѣ защиты своей магистерской диссертаціи «Изслѣдованіе о семидесяти седминахъ пророка Даніила», былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ священнаго писанія Ветхаго Завѣта, которую занимаетъ и понынѣ. Въ 1911 году удостоенъ степени доктора богословія за свой капитальный трудъ «Книга премудрости Іисуса сына Сирахова». Въ 1906 г. профессоръ А. П. былъ членомъ предсоборнаго присутствія, являясь поборникомъ либеральныхъ началъ въ церковной жизни.

Юбилей профессора С. П. Глазенапа. 14-го сентября исполнилось 45-лѣтіе научно-преподавательской дѣятельности заслуженнаго профессора петроградскаго университета С. П. Глазенапа. С. П. окончилъ въ 1870 году петроградскій университетъ, и съ этого времени научно-преподавательская дѣятельность этого извѣстнаго астронома безпрерывно протекала въ стѣнахъ этого университета. Кромѣ того, С. П. принималъ участіе въ рядѣ экспедицій съ астрономическою цѣлью и состоялъ предсѣдателемъ испытательныхъ комиссій. Перу С. П. принадлежитъ рядъ научныхъ изслѣдованій, а также популярныхъ брошюръ изъ области астрономіи.

Девятисотлѣтіе смерти св. кн. Глѣба[1]. 5-го сентября исполнилось ровно девятьсотъ лѣтъ со дня смерти св. кн. Глѣба, сына св. кн. Владимира. Юный князь палъ отъ рукъ убійцъ, подосланныхъ кіевскимъ кн. Святополкомъ Окаяннымъ, близъ гор. Смоленска при впаденіи, нынѣ пересохшей рѣчки Смядыни. На мѣстѣ, гдѣ обрѣтено было тѣло мученика-князя, сооруженъ былъ каменный храмъ, остатки котораго сохранились и понынѣ. Наканунѣ дня празднованія сего грустнаго событія во всѣхъ храмахъ гор. Смоленска совершено было всенощное бдѣніе, въ соборѣ совершалъ богослуженіе епископъ Ѳеодосій съ чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ. На мѣстѣ, гдѣ обрѣтено было тѣло кн. Глѣба, устроена была заботами мѣстной ученой архивной комиссіи изъ живыхъ цвѣтовъ и зелени особая сѣнь, въ видѣ храма, увѣнчанная куполомъ и крестомъ. Здѣсь 4-го сентября ректоромъ-архимандритомъ о. Даміаномъ, въ сослуженіи четырехъ священниковъ, соборнаго діакона, двухъ хоровъ пѣвчихъ, совершена была торжественная всенощная. 5-го сентября на мѣстѣ кончины князя, подъ открытымъ небомъ, тѣмъ же составомъ духовенства совершена была Божественная литургія. Несмотря на моросившій дождь, молящихся собралось довольно много. Совершеніе литургіи открыто, не въ храмѣ, рѣдкое явленіе и, быть можетъ, единственное до сего времени въ гор. Смоленскѣ, такъ что многихъ не удержала и пасмурная погода. Престолъ стоялъ на мѣстѣ бывшаго каменнаго, обнаруженнаго при раскопкахъ, древняго храма, и богослуженіе совершалось внутри развалинъ храма, которыя возвышаются надъ землей не болѣе, какъ на аршинъ. Молящіеся окружали храмъ во всѣхъ сторонъ и для всѣхъ было видно священ-

---

[1]) Сообщилъ В. И. Грачевъ.

нодѣйствіе священнослужителей. По окончаніи св. литургіи совершено было молебствіе свв. кн. Борису и Глѣбу съ моленіемъ о дарованіи побѣды нашему воинству надъ врагомъ. По окончаніи богослуженія крестный ходъ, бывшій изъ Свирскаго ближайшаго храма, въ сопровожденіи молящихся возвратился въ храмъ. Въ каѳедральномъ соборѣ, при архіерейскомъ служеніи съ городскимъ духовенствомъ, присутствовали военныя и гражданскія власти города и масса молящихся. Вслѣдствіе дождливой погоды предполагавшейся изъ собора на Смядынь крестный ходъ не состоялся. Въ этотъ день занятій въ учебныхъ заведеніяхъ города не было.

НЕКРОЛОГИ.

УРНОВО, П. Н. 11-го сентября, въ двѣнадцать часовъ дня отъ паралича сердца скончался сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь П. Н. Дурново. Утромъ покойный почувствовалъ себя дурно. Немедленно же были приглашены врачи. Нѣсколько оправившись, П. Н. попросилъ перевезти его въ креслѣ въ кабинетъ. Во время чтенія газетъ съ нимъ произошелъ припадокъ, и когда явились врачи, то П. Н. Дурново уже былъ мертвъ... Покойный П. Н. родился въ 1845 году и, по окончаніи курса морского кадетскаго корпуса, съ 1862 года по 1870 годъ провелъ время въ плаваніяхъ въ Средиземномъ морѣ, Тихомъ и Атлантическомъ океанахъ. Вернувшись въ Петербургъ, Н. П. поступилъ въ военно-юридическую академію, по окончаніи которой получилъ должность помощника прокурора кронштадтскаго военно-морского суда. Въ 1872 г. П. Н. перешелъ въ министерство юстиціи и занималъ должности товарища прокурора сначала владимирскаго, а затѣмъ московскаго окружныхъ судовъ, прокурора рыбинскаго и владимирскаго окружныхъ судовъ и, наконецъ, товарища прокурора кіевской палаты. Въ 1881 г. П. Н. былъ переведенъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ на должность управляющаго судебнымъ отдѣломъ департамента государственной полиціи. Черезъ годъ П. Н. былъ назначенъ вице-директоромъ, а въ 1884 году директоромъ реформированнаго департамента полиціи. Реформа департамента была произведена послѣ личнаго изученія покойнымъ полицейскихъ организацій разныхъ государствъ Западной Европы. Послѣ смерти министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого, П. Н. продолжалъ играть видную роль и при новомъ министрѣ И. А. Дурново. Въ 1893 году П. Н. былъ назначенъ сенаторомъ сначала въ пятый, а затѣмъ въ первый департаментъ, откуда въ 1900 году былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1905 году предсѣдатель совѣта министровъ графъ С. Ю. Витте предложилъ П. Н. должность министра внутреннихъ дѣлъ въ періодъ революціоннаго движенія. Въ 1906 году передъ собраніемъ пер-

вой Государственной Думы П. Н. вмѣстѣ со всѣмъ кабинетомъ графа С. Ю. Витте, покинулъ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Во время службы по министерству внутреннихъ дѣлъ П. Н. принималъ близкое участіе въ дѣлахъ попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, а также въ главномъ попечительствѣ дѣтскихъ пріютовъ. (Некрологъ его: «Петроградскія Вѣдомости», 1915, № 204).

† **Духовской, С. А.** Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ ночь на 14-ое августа скончался послѣ продолжительной болѣзни публицистъ-журналистъ С. А. Духовской, писавшій около двадцати лѣтъ въ «Нижегородскомъ Листкѣ» и одновременно бывшій его редакторомъ и ближайшимъ сотрудникомъ газеты. Въ теченіе двадцати лѣтъ давалъ онъ отчеты о засѣданіяхъ городской думы и замѣтки фактическаго свойства изъ жизни городского самоуправленія. С. А. всегда былъ объективенъ до щепетильности и этимъ заслужилъ всеобщее уваженіе городскихъ дѣятелей. Служащіе нижегородскаго самоуправленія устроили подписку на образованіе капитала, проценты съ котораго пойдутъ на стипендіи имени С. А. Духовского въ одномъ изъ учебныхъ заведеній города. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1915, № 188).

† **Коломнинъ, П. П.** 13-го августа въ Тамбовѣ послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался Петръ Петровичъ Коломнинъ, видный типографскій дѣятель, одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ покойнаго А. С. Суворина въ созданіи его типографіи. Въ 1879 г. покойный былъ приглашенъ А. С. Суворинымъ завѣдывать типографіей «Новаго Времени». П. П. значительно расширилъ книжное отдѣленіе типографіи, устроилъ литографію и цинкографію и въ 1884 г. принималъ самое живѣйшее участіе въ открытіи А. С. Суворинымъ первой въ Россіи частной общеобразовательной и профессіональной школы для типографскихъ учениковъ. Вся предварительная программа этого новаго дѣла была выполнена П. П. Коломнинымъ. Заинтересовавшись занятіями школы и вообще всѣмъ дѣломъ типографской школы, П. П. тщательно изучилъ его и составилъ общедоступное руководство для учениковъ типографіи и для справокъ лицамъ, соприкасающимся въ типографскомъ дѣломъ. Это первое у насъ въ Россіи систематическое руководство было издано А. С. Суворинымъ въ 1899 г. подъ заглавіемъ «Краткія свѣдѣнія по типографскому дѣлу» и была подробно разсмотрѣна Б. Б. Глинскимъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1899 г., апрѣль), который признавалъ за работой покойнаго П. П. широкое общественное значеніе въ качествѣ перваго серьезнаго шага въ упорядоченію нашего издательскаго дѣла, къ установленію здѣсь единства типографской техники, ея изящества и доброкачественности. Кромѣ техническихъ свѣдѣній, авторъ помѣстилъ въ своей книгѣ также много свѣдѣній историческаго и культурнаго характера, придавъ своему руководству видъ тщательной энциклопедіи по типографскому искусству. Кромѣ того, П. П. Коломнинъ издалъ единственный въ своемъ родѣ трудъ «Бесѣда о наборѣ титуловъ и еще кое о чемъ другомъ». Съ 1902 года П. П. много писалъ по различнымъ вопросамъ типографскаго дѣла въ журналѣ «Наборщикъ и Печатный Міръ», редакторъ котораго г. Филипповъ и помѣстилъ его некрологъ у себя въ журналѣ (№ 188, 1915) и на столбцахъ «Новаго Времени». Послѣ покойнаго остался беллетристическій разсказъ

изъ любимаго и прекрасно знаемаго имъ типографскаго міра подъ заглавіемъ «Пѣтушокъ», который нынѣ передан наслѣдниками Н. Н. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» и будетъ напечатанъ на страницахъ нашего журнала.

† **Коссовичъ, П. С.** Въ ночь на 13-е августа скончался ординарный профессоръ императорскаго лѣсного института Петръ Сампсоновичъ Коссовичъ. Покойный занималъ въ институтѣ около двадцати пяти лѣтъ каѳедру почвовѣдѣнія съ основами сельскаго хозяйства. Въ области почвовѣдѣнія онъ пріобрѣлъ репутацію авторитетнаго знатока. Ученый комитетъ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія поручилъ ему завѣдываніе бюро почвовѣдѣнія и земледѣлія, а также руководство сельско-хозяйственной химической лабораторіи. Результатомъ ученой дѣятельности покойнаго явился его цѣнный научный трудъ «Почвообразованіе и почвенная классификація». Въ 1900 году П. С. основалъ свой «Журналъ опытной агрономіи». Среди профессоровъ покойный пользовался общимъ уваженіемъ. Когда совѣту института было предоставлено право избранія директора, П. С. явился первымъ выборнымъ директоромъ. Онъ относился всегда внимательно къ нуждамъ студенчества и въ теченіе многихъ лѣтъ предсѣдательствовалъ въ обществѣ вспомоществованія студентамъ лѣсного института. Въ послѣдніе годы П. С. состоялъ членомъ гидрологическаго комитета и ученаго комитета по техническому и профессіональному образованію. Скончался онъ 53 лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915 г., № 14163).

† **Лутугинъ, Л. И.** Въ ночь на 17-е августа скончался во время геологической работы на одной изъ отдаленныхъ окраинъ Россіи, въ Кузнецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ, на Алтаѣ, Леонидъ Ивановичъ Лутугинъ. Покойный родился 21-го февраля 1864 года, въ купеческой семьѣ гор. Петрограда и получилъ среднее образованіе въ реформатскомъ училищѣ, по окончаніи котораго поступилъ въ горный институтъ и вышелъ изъ него горнымъ инженеромъ въ 1889 году. Немедленно же по окончаніи горнаго института покойный занялся геологіей, сдѣлавшись сотрудникомъ геологическаго комитета, гдѣ и началъ крупную детальную работу по изученію Донецкаго каменноугольнаго бассейна, подъ руководствомъ Ѳ. Н. Чернышева. Работа эта настолько выдвинула его впередъ, что въ 1897 году онъ былъ уже избранъ геологомъ геологическаго комитета, и, кромѣ того, въ самомъ началѣ девятисотыхъ годовъ былъ приглашенъ для чтенія лекцій по исторической геологіи въ горномъ институтѣ. Здѣсь-то Л. И. началъ общественную дѣятельность, связавши ее прежде всего съ извѣстнымъ выступленіемъ части профессоровъ горнаго института противъ бывшаго тогда директоромъ института Д. П. Коновалова. Съ этого времени общественная дѣятельность Л. И. идетъ вширь, и мы видимъ его послѣдовательно дѣятельнымъ членомъ союза освобожденія, участникомъ банкетной кампаніи 1904 года, затѣмъ въ 1905 г.—членомъ союза инженеровъ, союза союзовъ и иныхъ общественныхъ группировокъ, а въ послѣднее время—вице-предсѣдателемъ императорскаго русскаго техническаго общества и вице-президентомъ императорскаго вольнаго экономическаго общества, въ дѣятельность которыхъ онъ постоянно вносилъ живую общественную струю. Обще-

ственная дѣятельность доставила Л. И. такую широкую извѣстность, что въ 1907 году онъ былъ выставленъ кандидатомъ отъ трудовой группы на перевыборахъ въ третью Государственную Думу. Результатомъ этой кандидатуры и было увольненіе его со службы по третьему пункту и уходъ изъ геологическаго комитета, но не прекращеніе имъ геологической работы, которую онъ продолжалъ вести въ Донецкомъ бассейнѣ, частнымъ образомъ сотрудничая въ работахъ геологическаго комитета. Созданная Л. И. детальная геологическая карта Донецкаго каменноугольнаго бассейна, оставшаяся неоконченной, но нѣкоторые листы которой уже вышли въ настоящее время изъ печати, была одной изъ первыхъ детальныхъ работъ комитета, имѣющей, кромѣ научнаго характера, и громадное практическое значеніе. На этой работѣ создался цѣлый рядъ геологовъ, имѣющихъ въ настоящее время крупныя имена; эта работа, неразрывно связанная съ именемъ Л. И., пронесшаго безстрастно свой научный авторитетъ среди донецкихъ промышленныхъ милліоновъ, создала и глубокій нравственный престижъ какъ его имени, такъ и имени всего геологическаго комитета. Изъ числа научныхъ печатныхъ работъ Л. И., кромѣ «Детальной геологической карты Донецкаго бассейна, издаваемой на основаніи изслѣдованій, произведенныхъ подъ руководствомъ Л. И. слѣдуетъ отмѣтить статью: «Le bassin du Donetz», составленную имъ совмѣстно съ академикомъ Ѳ. Н. Чернышевымъ и заключающую въ себѣ полный детальный разрѣзъ каменноугольныхъ отложеній Донецкаго бассейна (напечатана въ «Guide des excursions du VII Congrès Geologique International», и по-русски въ «Извѣстіяхъ Общества Горныхъ Инженеровъ» за 1897 годъ). Его же статья, въ сотрудничествѣ съ П. И. Степановымъ, «Донецкій каменноугольный бассейнъ» появилась въ «Очеркѣ мѣсторожденій ископаемыхъ углей Россіи». Въ сотрудничествѣ съ В. И. Соколовымъ написана Л. И. работа: «Орловскій районъ главнаго антиклинала Донецкаго бассейна» (Труды геологической комиссіи, нов. сер., вып. 53). Кромѣ того, Л. И. былъ напечатанъ рядъ ежегодныхъ отчетовъ по работамъ въ Донецкомъ бассейнѣ въ «Извѣстіяхъ Геологическаго Комитета». Состоя членомъ импер. минералогическаго общества, императорскаго географическаго общества и петроградскаго общества естествоиспытателей, а также секретаремъ перваго и второго всероссійскаго съѣзда дѣятелей практической геологіи, Л. И. сдѣлалъ въ нихъ рядъ интересныхъ докладовъ. и сообщеній. Подъ редакціей Л. И. начато, кромѣ того, изданіе трехъ-и десятиверстной карты Донецкаго бассейна съ полнымъ геологическимъ очеркомъ его, производимое на средства углепромышленниковъ юга Россіи. Въ самые послѣдніе годы, а именно въ 1914 году, Л. И. началъ геологическое изслѣдованіе Кузнецкаго каменноугольнаго бассейна на Алтаѣ, доставившее уже въ первый годъ чрезвычайно интересныя научныя данныя и сулившее получить при изученіи этого бассейна такіе же важные результаты, какъ и при детальномъ геологическомъ изученіи Донецкаго бассейна. Смерть прервала эту работу Л. И. въ полномъ ея расцвѣтѣ (Некрологъ его: «День», 1915 г., № 226).

† **Нечаевъ, А. В.** 26-го августа въ семь часовъ утра, скончался Алексѣй Васильевичъ Нечаевъ, на 52 году своей жизни (родился 19-го января 1864 г.)

А. В. является однимъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей русской геологической науки. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ ученымъ, которые высоко подняли знамя русской науки. Многочисленными монографіями онъ освѣтилъ мало разработанную до него область пермскихъ отложеній. Первые шаги его научной дѣятельности послѣ окончанія казанскаго университета въ 1887 года протекли подъ руководствомъ покойнаго профессора А. А. Штукенберга, на лонѣ родного Прикамья. Кромѣ цѣлаго ряда геологическихъ замѣтокъ, появилась въ 1894 году его крупная монографія «Фауна пермскихъ отложеній восточной полосы Европейской Россіи». Работу эту онъ защитилъ въ качествѣ диссертаціи, за которую физико-математическій факультетъ казанскаго университета присудилъ ему званіе магистра минералогіи и геогнозіи. Далѣе А. А., по предложенію А. А. Штукенберга, занимался изученіемъ фауны третичныхъ отложеній Поволжья, и въ 1898 году появляется работа А. В. Нечаева: «Фауна эоценовыхъ отложеній на Волгѣ между Саратовымъ и Царицыномъ». За эту монографію А. В. получилъ званіе доктора минералогіи и геогнозіи. Однако вскорѣ онъ снова возвращается къ изученію пермскихъ отложеній востока Россіи,въ качествѣ сотрудника въ работахъ геологическаго комитета на Южномъ Уралѣ. Кромѣ научной работы, А. В. влекло и педагогическое поприще: сначала онъ былъ приватъ-доцентомъ въ казанскомъ университетѣ, потомъ короткое время состоялъ тамъ же профессоромъ по каѳедрѣ минералогіи и вскорѣ перешелъ въ кіевскій политехническій институтъ, гдѣ долгое время исполнялъ обязанности не только профессора, но и декана. Въ 1911 году А. В. былъ отчисленъ изъ состава профессоровъ за протестъ противъ начавшейся реакціи и съ 1913 г. состоялъ геологомъ геологическаго комитета. Всю жизнь А. В. отдалъ любимому дѣлу геологіи, и даже тяжкій недугъ, сведшій его въ преждевременную могилу, захватилъ его на геологическихъ работахъ въ Устъ-Каменногорскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, куда онъ былъ командированъ на лѣтнія работы. До послѣдняго момента А. В. мучился, что его работа не закончена и что онъ не выполнилъ возложеннаго на него порученія. Послѣ покойнаго осталось обширное научное наслѣдство въ видѣ цѣлаго ряда крупныхъ работъ, статей, замѣтокъ, посвященныхъ различнымъ вопросамъ геологіи. Кромѣ того, А. В. написалъ рядъ хорошихъ учебниковъ по минералогіи и геологіи какъ для высшей, такъ и для средней школы. Это былъ постинѣ крупный ученый и неутомимый изслѣдователь въ области геологіи Востока Россіи. (Некрологъ его: «День», 1915, № 237).

† **Ордынскій, А. К.** 6-го сентября н. г. скончался въ Томскѣ одинъ изъ старѣйшихъ работниковъ сибирской печати Аполлонъ Ксаверьевичъ Ордынскій. По прибытіи въ Сибирь въ 1850 году покойный въ теченіе шестидесяти лѣтъ принималъ дѣятельное участіе въ газетѣ «Сибирь», затѣмъ сотрудничалъ въ «Сибирской Газетѣ», «Восточномъ Обозрѣніи» и друг. Покойный является авторомъ цѣлаго ряда мелкихъ разсказовъ изъ быта сибиряковъ. Изъ болѣе крупныхъ его произведеній можно отмѣтить «Очерки бурятской жизни», «Вечера надъ Обью», романъ «Крыловскіе вечера». Аполлонъ Ксаверьевичъ умеръ въ преклонномъ возрастѣ—97 лѣтъ. (Некрологъ его: «Петроградскій Курьеръ», 1915 г., № 591).

† **Пальмъ, С. А.** Въ Петроградѣ, 6-го сентября внезапно скончался извѣстный опереточный артистъ и антрепренеръ Сергѣй Александровичъ Пальмъ. Едва успѣвъ пріѣхать на бѣга, онъ почувствовалъ себя дурно. Его отвели въ пріемную комнату врача, и черезъ нѣсколько минутъ Пальма не стало. С. А. Пальмъ былъ сыномъ писателя и драматурга А. И. Пальма, нѣкоторыя пьесы котораго («Старый баринъ», «Нашъ другъ Неклюжевъ») до сихъ поръ удержались въ репертуарѣ русскихъ сценъ. Покойный артистъ первоначальное образованіе получилъ въ полтавской гимназіи и, кромѣ того, дома его основательно обучили новымъ языкамъ и новой литературѣ, музыкѣ и прочимъ необходимымъ въ свѣтскомъ кругу вещамъ. Страсть къ сценѣ вспыхнула у С. А. еще въ юношескомъ возрастѣ. Его первый дебютъ на сценѣ былъ въ 1868 году въ Харьковѣ, въ популярнѣйшей комедіи Лабише «Соломенная шляпка». Несмотря на успѣхъ въ избранномъ изъ амплуа простаковъ, драма какъ-то не пришлась по душѣ Пальму, и черезъ нѣсколько сезоновъ онъ переходитъ въ оперетту. Счастливый случай сталкиваетъ его въ Ростовѣ-на-Дону съ знаменитымъ Вальяно, чья опереточная труппа считалась въ семидесятыхъ годахъ образцовой. Начавъ съ Париса, Пальмъ однако быстро переходитъ на роли комиковъ, гдѣ и обнаруживаетъ блестящій талантъ, создающій ему громкое имя. Черезъ нѣсколько лѣтъ Пальмъ уже пробуетъ антрепренерствовать въ казенномъ тифлисскомъ театрѣ, но провинціальный масштабъ его не удовлетворяетъ. Попробовавъ еще вести дѣло въ Одессѣ и Кіевѣ, онъ въ 1884 г. перебирается въ Петроградъ. Здѣсь открывается широкая арена для театральной дѣятельности Пальма. Взявъ у своего брата, также опереточнаго артиста, Арбенина Малый театръ, покойный организуетъ въ 1887 году опереточное товарищество и свыше десяти лѣтъ ведетъ это дѣло, пріобрѣвшее исключительную популярность среди столичной публики. У Пальма въ оперетте выступали такіе артисты, какъ А. Д. Давыдовъ, Бураковскій, Бастуновъ, Кольцова, Раисова, Клементьевъ, Долинъ, Бобровъ, Степановъ, Онѣгина и др. У него же начала свою карьеру простой, скромной хористкой А. Д. Вяльцева. Пѣли и иностранныя знаменитости, какъ Монбазонъ, Жюдикъ. Организовалъ Пальмъ оперные и балетные спектакли, приглашая такія звѣзды, какъ Цукки, Бріанца и др. Онъ же первый пригласилъ на гастроли въ Россію Сарру Бернаръ, Мунэ Сюлли и др. Огромнымъ успѣхомъ пользовались тогда въ качествѣ новинки «Обозрѣнія», живой и остроумный текстъ которыхъ на половину принадлежалъ самому Пальму. Вообще «пальмовская» эпоха въ Маломъ театрѣ представляетъ собою самую блестящую страницу въ исторіи послѣдняго. Одновременно съ Малымъ театромъ Пальмъ держалъ и лѣтнюю «Аркадію», которая приносила ему крупный дефицитъ и въ концѣ концовъ сильно отразилась на его матеріальномъ благополучіи. Широкая барская натура, Пальмъ привыкъ жить, ни въ чемъ не стѣсняя себя, и вообще совершенно былъ лишенъ узкой практичности и «дѣлечества». Заминка въ дѣлахъ обострилась и надѣлила вдобавокъ огромными долговыми обязательствами. Съ этого момента карьера Пальма идетъ быстро на убыль. Приходится уже самому служить и тянуть общую лямку рядового артиста, всѣ тріумфы котораго—въ прошломъ. Въ послѣдніе годы онъ игралъ у Сабурова, въ «Паласъ-театрѣ», потомъ ему спустился и выступалъ подъ конецъ

въ «Летучей Мыши» и «Олимпіи», получая жалкіе гроши отъ каждаго спектакля. Нуждаясь въ рублѣ, Пальмъ отдался азарту и сталъ ярымъ посѣтителемъ клубовъ, скачекъ и бѣговъ. На бѣгахъ же ему и пришлось прожить свои послѣднія минуты. Въ послѣдній разъ онъ выступалъ на сценѣ 5-го сентября въ «Олимпіи» въ комедіи «На порогѣ великихъ событій». Послѣ покойнаго осталась жена, когда-то видная опереточная примадонна О. В. Кольцова. Скончался Пальмъ 66 лѣтъ. (Некрологъ его: «Обозрѣніе театровъ», 1915, № 2865).

† **Савина, М. Г.** 8-го сентября, въ пять съ половиной часовъ утра въ Петроградѣ скончалась замѣчательнѣйшая русская артистка—Марія Григорьевна Савина. Сошелъ съ житейской сцены яркій блестящій талантъ. Осиротѣлъ русскій театръ. М. Г. родилась въ Каменецъ-Подольскѣ 30-го марта 1854 года въ семьѣ учителя рисованія Г. Н. Подраменцева. Отецъ ея увлекался сценической дѣятельностью, нерѣдко выступалъ въ любительскихъ спектакляхъ и въ концѣ пятидесятыхъ годовъ всецѣло отдался театру, играя подъ псевдонимомъ Стремлянова. Онъ кочевалъ по городамъ юга Россіи. Маленькая Савина сопровождала его и съ дѣтства сроднилась со сценой. Восьмилѣтней дѣвочкой она впервые появилась передъ публикой одесскаго городского театра въ драмѣ «Эсмеральда». Затѣмъ играла мальчика въ драмѣ Полевого «Уголино или башня голода». Знакомилась съ артистическимъ мастерствомъ практически съ малыхъ лѣтъ и понемногу формировалась въ настоящую актрису. Пятнадцати лѣтъ отъ роду М. Г. дебютировала, какъ заправская актриса, въ Минскѣ въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка», исполняя роль Глаши. Она выдѣлялась уже настолько, что выговорила себѣ, помимо жалованья, полбенефиса. Изъ Минска покойная перебралась къ Дюкову въ Харьковъ, увлекается тамъ актеромъ Н. И. Савинымъ, выходитъ за него замужъ и уѣзжаетъ вмѣстѣ съ нимъ сперва въ Калугу, затѣмъ въ Нижній-Новгородъ на ярмарку. Юная Стремлянова превратилась въ Савину и обратила на себя вниманіе знатока дарованій покойнаго артиста-антрепренера П. М. Медвѣдева. Онъ пригласилъ Савину въ свою труппу, которая играла въ Казани, Саратовѣ и Орлѣ. Съ этого времени М. Г. пріобрѣтаетъ себѣ извѣстность, играетъ комедійныя роли съ шумнымъ успѣхомъ, поетъ въ опереткахъ. Начинаетъ царить на сценѣ. Талантъ ея заблестѣлъ. М. Г. получаетъ уже 450 р. въ мѣсяцъ—высокій гонораръ для семидесятыхъ годовъ—и два бенефиса въ сезонъ. Играетъ первое амплуа. Пріѣхавъ въ 1874 году погостить въ Петроградъ, гдѣ ютилась семья ея дяди извѣстнаго археолога А. Н. Труворова, М. Г. разсказываетъ про свои сценическіе успѣхи, но ей не вѣрятъ. Приходится показать себя роднымъ, и она добилась дебюта на сценѣ Благороднаго собранія въ неигранной драмѣ Антропова «Блуждающіе огни». Выступила въ роли Елены Григорьевны. Спектакль привлекъ многихъ артистовъ императорскихъ театровъ, наслышавшихся о крупныхъ успѣхахъ Савиной. Въ числѣ ихъ былъ покойный А. А. Нильскій—тогдашній премьеръ Александринской сцены. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ игры талантливой провинціалки и убѣдилъ тогдашняго управляющаго императорскими театрами П. С. Ѳедорова пригласить Савину на императорскую сцену. 9-го апрѣля 1874 года М. Г. дебютировала въ Александринскомъ театрѣ въ комедіи «По духовному

завѣщанію» въ роли Кати. Затѣмъ сыграла роль Невской въ водевилѣ «Она его ждетъ». Успѣхъ былъ рѣдкій, и М. Г. была приглашена на казенную сцену на амплуа ingénue, вакантное послѣ Яблочкиной 2-й. Первое время покойная играла по преимуществу роли «наивностей». Но вскорѣ показала всю глубину и ширь своего таланта. Осенью 1874 года она выступила въ главной роли комедіи Н. А. Потѣхина «Злоба дня» и блеснула столь ярко, что о ней заговорили, какъ о замѣчательной артисткѣ съ богатымъ будущимъ. Покойная всецѣло оправдала ожиданія. Ставъ премьершей театра, она постепенно покорила всѣхъ своимъ гибкимъ и разнообразнымъ дарованіемъ. Сдѣлалась любимицей публики, заставляя въ теченіе сорока лѣтъ переживать зрителей во время спектаклей радости и страданія тѣхъ героинь, которыхъ воплотила въ себѣ. Она переиграла на своемъ вѣку массу ролей въ пьесахъ Островскаго, Тургенева, Л. Н. Толстого, Потѣхина, Виктора Крылова, А. С. Суворина и другихъ выдающихся драматурговъ. Викторъ Крыловъ спеціально для нея изготовилъ рядъ новыхъ и переводныхъ комедій. Актриса стала артисткой-художницей, создательницей ряда типовъ. Подростокъ Варя въ «Дикаркѣ», грубая крикливая Акулина во «Власти тьмы», проникнутая стариннымъ барствомъ Наталья Павловна «Мѣсяца въ деревнѣ», страдающая «Татьяна Рѣпина», лукавая экономка въ «Сполохахъ», величавая княжна-старуха въ «Холопахъ»—все это типы далекіе другъ отъ друга и всѣ они незабываемыя творенія савинскаго дарованія. Въ разнообразномъ творчествѣ величіе артистки, обладавшей рѣдкимъ Божьимъ талантомъ. Въ 1882 году М. Г. вышла послѣ смерти своего перваго мужа вторично замужъ за Всеволожскаго и въ 1904 году въ третій разъ за А. Е. Молчанова—вице-президента театральнаго общества. Въ своей частной жизни покойная отличалась рѣдкой добротой и сердечностью. Любимымъ ея дѣтищемъ былъ пріютъ и убѣжище престарѣлыхъ артистовъ. Она заботилась о призрѣваемыхъ, какъ мать. Въ послѣднее время свои заботы о нихъ дѣлила съ попеченіемъ о раненыхъ лазарета артистовъ императорскихъ театровъ. М. Г. была учредительницей театральнаго общества, его первымъ секретаремъ и несмѣняемымъ членомъ совѣта въ послѣднее двадцатилѣтіе. Въ литературно-художественномъ обществѣ, отмѣтившемъ талантъ Савиной избраніемъ ея въ почетные члены, покойная принимала близкое участіе, какъ директоръ театральной школы имени А. С. Суворина. Въ 1895 году покойной было Высочайше пожаловано званіе «заслуженной артистки». Франція отмѣтила ея дарованіе академическими пальмами (Officier d'académie), другія государства—различными орденами. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1915, № 14188).

† **Флеровъ, Н. М.** 21-го августа скончался 57 лѣтъ отъ роду статистикъ Николай Михайловичъ Флеровъ. Покойный родился 26-го января 1858 года въ гор. Раненбургѣ Рязанской губерніи въ семьѣ садовника изъ крѣпостныхъ. Будучи въ петроградскомъ университетѣ, онъ примкнулъ къ партіи «Народной Воли», занимался преимущественно пропагандой среди рабочихъ, былъ близокъ съ покойнымъ нынѣ П. Ф. Якубовичемъ (Мельшинымъ) и вмѣстѣ съ нимъ игралъ видную роль въ организаціи «Молодой Народной Воли». Въ 1884 году онъ былъ арестованъ и послѣ продолжительнаго заключенія въ Петропавлов-

ской крѣпости былъ отправленъ въ березовскую ссылку, гдѣ провелъ пять лѣтъ. Позднѣе сидѣлъ въ «Крестахъ» и былъ въ архангельской ссылкѣ (три года) по народоправческому дѣлу. Но уже съ половины 90-хъ годовъ покойный становится марксистомъ. Благодаря «независящимъ обстоятельствамъ» и неутвержденіямъ администраціи, покойному въ поискахъ заработка пришлось порядочно исколесить Россію. Эти обстоятельства забросили, напримѣръ, покойнаго въ полтавское земство и наконецъ — въ Баку, въ совѣтъ съѣзда нефтепромышленниковъ, гдѣ Николай Михайловичъ съ 1901 года по 1908 года занималъ мѣсто помощника завѣдующаго статистикой потребленія въ Петроградѣ. Николай Михайловичъ интересовался общественностью и любилъ ее до самаго конца своей жизни, хотя послѣдніе годы здоровье его сильно страдало: сказались годы треволненій и испытаній. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1915, № 200).

† **Челышевъ, М. Д.** Въ Самарѣ скончался бывшій членъ Государственной Думы третьяго созыва Михаилъ Дмитріевичъ Челышевъ. Имя покойнаго тѣсно связано съ дѣятельностью Государственной Думы по борьбѣ съ пьянствомъ. М. Д. съ думской трибуны многократно заявлялъ себя ярымъ противникомъ потребленія водки и вина. Онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ думской комиссіи о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ, выступалъ неоднократно ораторомъ, рисовавшимъ грустныя картины злоупотребленія спиртными напитками, и являлся однимъ изъ иниціаторовъ образованія комиссіи по вопросу о замѣнѣ акцизныхъ доходовъ новыми источниками дохода. Покойный даже настаивалъ, чтобы водочныя издѣлія снабжались этикетомъ «ядъ». М. Д. родился 26-го сентября 1866 года, въ деревнѣ Ворынино, Владимирской губерніи. Отецъ его — крестьянинъ — занимался малярнымъ ремесломъ. Покойный съ малыхъ лѣтъ помогалъ отцу, понемногу богатѣлъ и затѣмъ сдѣлался крупныхъ желѣзнодорожнымъ подрядчикомъ по малярнымъ работамъ. Въ Самарѣ онъ сталъ домовладѣльцемъ, открылъ бани и былъ выбранъ въ началѣ 90-хъ годовъ гласнымъ мѣстной городской думы и самарскаго уѣзднаго земства. Во время освободительнаго движенія покойный вошелъ въ мѣстную группу октябристовъ и при выборахъ Государственной Думы третьяго созыва былъ избранъ депутатомъ отъ общаго состава выборщиковъ Самары. Въ Государственной Думѣ онъ принадлежалъ къ фракціи октябристовъ. Помимо участія въ разработкѣ проектовъ мѣръ для борьбы съ пьянствомъ, М. Д. являлся сторонникомъ широкихъ ассигнованій на начальное образованіе, повышенныхъ уголовныхъ репрессій за похищеніе лошадей и крупнаго домашняго скота у крестьянъ и всѣхъ тѣхъ законодательныхъ предположеній, которыя были направлены къ экономическому благосостоянію деревни. Самъ онъ не признавалъ другого костюма, кромѣ крестьянскихъ рубашки и поддевки, и въ торжественныхъ случаяхъ не измѣнялъ имъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 14149)

† **Шапировъ, Б. М.** 20-го іюля скончался предсѣдатель лечебной комиссіи Краснаго Креста почетный лейбъ-медикъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Борисъ Михайловичъ Шапировъ. Покойный принималъ близкое участіе какъ въ главномъ управленіи, такъ и въ общинѣ сестеръ милосердія имени генералъ-адъютанта Кауфмана, въ которой былъ членомъ попечительнаго совѣта. Кромѣ

того, онъ состоялъ членомъ военно-санитарной ученой комиссіи и учебнаго комитета министерства торговли и промышленности. Въ 1896 году Б. М. защитилъ въ юрьевскомъ университетѣ диссертацію: «Матеріалы къ физіологіи желудочнаго пищеваренія» на степень доктора медицины. Пробывъ недолго корпуснымъ врачомъ, онъ былъ назначенъ въ 1902 году на вновь учрежденную должность завѣдующаго медицинской частью пограничной стражи. При немъ при всѣхъ лечебныхъ заведеніяхъ корпуса устроены врачебно-хозяйственные комитеты, открыто болѣе шестидесяти фельдшерскихъ школъ, оборудовано болѣе ста врачебныхъ учрежденій, лазаретовъ и пріемныхъ покоевъ, реорганизована санитарно-ветеринарная часть. Имъ положено также начало изданію ежегодныхъ «Санитарныхъ отчетовъ по отдѣльному корпусу пограничной стражи». Одновременно Б. М. завѣдывалъ санитарной частью Китайско-Восточной желѣзной дороги. Въ исполнительной комиссіи Краснаго Креста покойный работалъ съ 1904 года. Ему принадлежитъ нѣсколько печатныхъ работъ по гигіенѣ, санитаріи и терапіи, опубликованныхъ въ различныхъ медицинскихъ журналахъ: «Леченіе невральгіи подкожными впрыскиваніями осміевой кислоты», «Къ вопросу о новыхъ снотворныхъ средствахъ» и др. Подъ его редакціей переведена классическая работа Лаверана «Палюдизмъ» (болотная лихорадка). Медико-филантропическій комитетъ императорскаго человѣколюбиваго общества потерялъ въ его лицѣ своего почетнаго члена. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 14138).

† Шуръ, М. А. Въ Петроградѣ на 51 году жизни отъ болѣзни сердца скончался литераторъ Маркъ Абрамовичъ Шуръ, работавшій 25 лѣтъ во многихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ и журналахъ. Изъ петроградскихъ изданій покойный принималъ участіе въ «Вѣстникѣ Европы», «Живописномъ Обозрѣніи», «Образованіи», «Руси», «Рѣчи» и многихъ педагогическихъ изданіяхъ. Изъ его беллетристическихъ произведеній отмѣтимъ: «Въ мертвецкой» и цѣлый рядъ разсказовъ изъ судебно-уголовной жизни. (Некрологъ его: «Петроградскій Курьеръ», 1915, № 565).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ воспоминаніямъ г. С. У. «Мозаика».

Въ VII и VIII главахъ «Мозаики» С. У. вкрались, къ сожалѣнію, нѣкоторыя, незначительныя, впрочемъ, неточности, а именно: 1) Н. А. Некрасовъ умеръ не отъ рака въ горлѣ, а въ нижней части позвоночнаго хребта; 2) А. Ѳ. Писемскій проживалъ не вблизи Арбата, а около Поварской, въ Трубниковскомъ переулкѣ; 3) М. Н. Лопатинъ былъ не предсѣдателемъ московской судебной палаты, а предсѣдателемъ департамента названной судебной палаты;

4) графиня Блудова носила имя Антонины, а не Зинаиды, и 5) Н. Н. Селифонтовъ былъ товарищемъ министра путей сообщенія, а не министромъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка.

II.

По поводу рецензіи П. М. Майкова.

Въ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» № 5 за май мѣсяцъ, на стр. 647, вкралась слѣдующая ошибка: напечатано Викторъ Павловичъ Балабинъ, а должно читать Викторъ Петровичъ Балабинъ.

III.

По поводу статьи А. Сигова «Замокъ князя Паскевича въ Гомелѣ».

Въ № 1 «Историческаго Вѣстника» сего года на стр. 275 и слѣд. г. А. Сиговъ, въ живомъ изложеніи познакомивъ читателей съ замкомъ князя Паскевича въ гор. Гомелѣ, въ заключеніе своей статьи высказываетъ, между прочимъ, на стр. 282, что «замокъ когда-то принадлежалъ польскимъ магнатамъ Чарторыйскимъ. Но послѣ польскаго возстанія *1831 года* былъ конфискованъ русскимъ правительствомъ въ казну, а потомъ подаренъ императоромъ Николаемъ I въ майоратное владѣніе фельдмаршалу князю Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому». Немного выше на той же старницѣ 282 высказывается, что «лѣтъ 50 тому назадъ (слѣд. такъ въ первыхъ годахъ царствованія императора Александра II, т. е. не позже 1855 года, добавимъ мы отъ себя), когда Гомеля *еще не было* или онъ только зарождался, а вмѣсто него уѣзднымъ городомъ было теперешнее мѣстечко *Новобѣлица»* и т. д. Со всѣмъ этимъ крайне затрудняюсь согласиться и вотъ почему.

Гомель, иначе Гомій или Гомъ, упоминается еще въ лѣтописи подъ 1142 г., онъ находился тогда въ составѣ Черниговскаго княжества. Позднѣе онъ подпалъ вмѣстѣ съ княжествомъ Черниговскимъ подъ власть Литвы, а затѣмъ и Польскаго королевства. Король Александръ въ 1496 и 1499 г.г. утвердилъ Гомель за сыномъ Іоанна Можайскаго Симеономъ, который въ 1500 г. пошелъ на службу князя московскаго Іоанна III, поставившаго въ условіе мирнаго договора съ Польшею, чтобы владѣнія Симеона не воевать. Условіе это не исполнялось: Гомель подвергался нерѣдко нападеніямъ литовцевъ. Тѣмъ не менѣе Гомель съ прилегающими деревнями составляло староство (или, по-нашему, волость), которая жаловалась въ награду польскимъ вельможамъ; таковымъ послѣднимъ владѣтелемъ ея былъ князь Чарторыйскій, построившій въ Гомелѣ дубовый замокъ съ бойницами, стѣнами, рвомъ и подъемными мостами. Въ 1648 г. Гомелемъ овладѣлъ гетманъ Богданъ Хмѣльницкій, но не надолго [1]). Окон-

---

[1]) Всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія можно найти въ «Географическо-статистическомъ словарѣ Россійской имперіи». П. Семеновъ 1863 г., т. I, стр. 657 и 658, гдѣ указана и относящаяся до этого литература.

чательно Гомель со всею окрестностью, какъ входящій въ составъ Бѣлоруссіи, былъ присоединенъ навсегда къ Россіи только при императрицѣ Екатеринѣ II, при первомъ раздѣлѣ Польши въ 1772 года [1]). Немного позднѣе, при торжественномъ празднованіи въ Москвѣ 10-го іюля 1775 года знаменитаго Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, заключеннаго съ турками фельдмаршаломъ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ 10-го іюня 1774 года, императрица Екатерина, въ числѣ важныхъ десяти наградъ, дарованныхъ въ этотъ день фельдмаршалу, пожаловала ему, какъ выражено въ указѣ, *«для его увеселенія— деревню, пять тысячъ душъ въ Бѣлоруссіи»* (см. архивъ Правит. Сената кн. Высочайшихъ повелѣній № 138 листы 7 и 12). Вслѣдствіе этого того же года октября 3-го (тамъ же кн. 138 л. 254) состоялся Высочайшій указъ Сенату о томъ, что въ число недвижимыхъ имѣній въ Бѣлоруссіи, назначенныхъ Румянцову, «утверждаемъ и надаемъ въ вѣчное и потомственное его владѣніе мѣстечко Гомель и того же Гомельскаго староства, села и деревни» числомъ до сорока, подробно перечисленныя въ указѣ. Не приводя всѣ эти наименованія полностію, скажемъ только, что въ числѣ ихъ значилось нѣсколько желѣзныхъ заводовъ. Всѣ эти мѣстечки, села и деревни отдавались, конечно, со всѣми крестьянами, бобылями и съ имуществомъ, въ нихъ состоящими, и со всѣми пахотными, сѣнокосными землями, островами, рыбными ловлями, мельницами, всякаго рода заводами, не исключая ничего со всѣхъ таковыхъ угодій, кои къ сему мѣстечку, селамъ и деревнямъ издревле принадлежали и нынѣ принадлежатъ [2]).

Но не всѣ села и деревни, входившія въ составъ Гомельскаго староства, были пожалованы въ тотъ день въ полную собственность графа П. А. Румянцова. Онъ получилъ ихъ позднѣе за успѣшное разъясненіе возбудившихъ сомнѣній статей Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора, касавшихся преимущественно Крыма. 1778 г. іюня 28-го послѣдовалъ указъ Сенату (тамъ же, кн. 141 листъ 285) о пожалованіи ему *оставшихся въ Гомельскомъ староствѣ* Могилевской губерніи деревень (подробно также поименованныхъ въ указѣ) въ вѣчное и потомственное владѣніе. Сдѣлавшись обладателемъ Гомельскаго староства въ полномъ его составѣ, фельдмаршалъ Румянцовъ выстроилъ каменный соборъ, и донынѣ возвышающійся среди фруктовыхъ деревьевъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каменнаго дворца, также имъ построеннаго и съ различными передѣлками и пристройками существующаго по настоящее время. Но самъ фельдмаршалъ очень мало жилъ въ Гомелѣ; онъ преимущественно проживалъ въ другихъ своихъ роскошныхъ усадьбахъ, какъ-то: въ Вишенкахъ, Парафѣевкѣ и особенно въ Ташанѣ, гдѣ онъ и скончался, какъ извѣстно, въ 1796 году 6-го декабря и погребенъ въ Кіевѣ. Обширныя его земельныя владѣнія перешли по наслѣдству къ тремъ его сыновьямъ графамъ Михаилу, Николаю и Сергѣю Петровичамъ

---

[1]) См. 1 П. С. Законовъ №№ 14042, 14274 и 14346. Въ 1772 г. іюля 25-го подписано соглашеніе о раздѣлѣ и самое разграниченіе Россіи и Польши окончательно установлено въ м. Хельмичѣ 4-го іюля 1775 г. См. Чечулинъ—«Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II». С.-Петербургъ. 1896. Стр. 439 и 449.

[2]) По этому же указу пожалованы затѣмъ и отведены были графу Румянцову еще и другія земли въ различныхъ мѣстахъ именно, въ Нѣжинскомъ и Переяславскомъ полкахъ, въ значительномъ отъ Гомеля разстояніи.

Румянцовымъ, жившимъ очень дружно между собою и мирно подѣлившимъ достояніе своего родителя, причемъ Гомель со всѣми принадлежащими къ нему селами и деревнями достался графу Николаю Петровичу Румянцову, будущему канцлеру и знаменитому дѣятелю въ области русской исторической науки. Онъ очень любилъ свой Гомель и проводилъ въ немъ, удалившись отъ дѣлъ государственныхъ въ 1814 году [1]), ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ, обыкновенно лѣтомъ, но также и зимою. Онъ прекрасно отдѣлалъ старый домъ, устроилъ большой садъ и оранжереи, выписывалъ для этого разныя деревья, цвѣточныя и огородныя растенія изъ различныхъ теплыхъ странъ, очень занимался сельскимъ хозяйствомъ и достигъ того, что его значительное стадо мериносовъ пользовалось большою извѣстностью и шерсть оного очень высоко цѣнилась на рынкѣ. Помимо большой фермы, на которой выдѣлывался прекрасный сыръ, графъ устроилъ рядъ заводовъ для переработки произведеній сельскаго хозяйства, какъ-то винокуренный, прядильный, бѣлильный, гончарный, стекляный и т.д., а для перевозки ихъ произведеній учредилъ пароходство по р. Сожѣ и Днѣпру до Кіева. Кромѣ того, онъ соорудилъ въ м. Гомелѣ мостъ на р. Сожѣ, каменную католическую церковь, еврейскую школу, ланкастерскую школу и т. д. Все это было гораздо ранѣе не только 1855 года но даже ранѣе 1826 года, такъ что едва ли правильно говорить ,что въ то время Гомеля еще не было или онъ только зарождался. Пребывая въ Гомелѣ, графъ занимался также научными изслѣдованіями и переписывался со многими учеными того времени. 3-го января 1826 г. знаменитый русскій меценатъ скончался и по своему желанію былъ преданъ землѣ въ любимомъ имъ Гомелѣ, въ лѣвой сторонѣ храма свв.Петра и Павла, гдѣ и стоитъ по настоящее время скромный памятникъ. Нельзя не пожалѣть ,что г. А. Сиговъ, будучи въ Гомелѣ, не имѣлъ случая посѣтить эту могилу и пожелать, чтобы въ нашемъ отечествѣ являлись бы и впредь подобные же просвѣщенные дѣятели, какимъ былъ графъ Н. П. Румянцовъ. По кончинѣ графа въ 1826 году все его достояніе, въ томъ числѣ и Гомель, перешло къ послѣднему графу Румянцову Сергѣю Петровичу (старшій братъ Михаилъ скончался еще ранѣе въ 1811 году около іюня мѣсяца), нѣкоторое время поддерживавшому обширное хозяйство Гомеля, которое, однако, далеко не покрывало расходовъ, и всѣхъ затратъ, на него производимыхъ, послѣдствіемъ чего явился немалый числившійся на Гомелѣ долгъ государственному вспомогательному банку для дворянства въ размѣрѣ всего 800.300 руб. сер. Это побудило графа С. П. Румянцова еще въ 1827 году обратиться къ его величеству съ предложеніемъ пріобрѣсти отъ него мѣстечко Гомель со всѣми принадлежащими къ нему селеніями и деревнями, въ которыхъ числилось въ то время 13.579 душъ, за 800.000 руб. Послѣ довольно продолжительной переписки эта покупка былъ совершена въ 1834 году на имя князя Паскевича-Эриванскаго, который, владѣя Гомелемъ до самой своей кончины 20-го января 1856 года, довольно рѣдко его навѣщалъ, будучи занятъ все время весьма отвѣтственною службою. Онъ, какъ извѣстно, особымъ указомъ 23-го марта 1832 года былъ снабженъ особыми

[1]) Указъ объ увольненіи графа отъ дѣлъ, на него возложенныхъ, 1 августа 1814 года.

уполномочіями по управленію бывшимъ царствомъ Польскимъ [1]). Изъ этого видно, что Гомель послѣ польскаго возстанія 1831 года *никогда* не былъ конфискованъ русскимъ правительствомъ въ казну и процвѣталъ гораздо ранѣе 1855 года.

Теперь еще два слова о мѣстечкѣ Новобѣлица, бывшемъ, по словамъ г. Сигова, нѣкогда уѣзднымъ городомъ. Такого мѣстечка или деревни въ упомянутомъ географическомъ словарѣ *вовсе не значится,* имѣется только казенное селеніе *Бѣлица,* прилегающее къ Гомелю. Равнымъ образомъ *никогда не было уѣзднаго города Новобѣлица.* Но въ 1777 году упомянутое *казенное селеніе Бѣлица* было переименовано въ уѣздный городъ Могилевской губерніи, а бывшій уѣздный городъ Гомель упраздненъ. Затѣмъ 2-го сентября 1852 года (5. П. В. З. № 26591) уѣздный городъ Бѣлица зачисленъ заштатнымъ городомъ, а *мѣстечко Гомель назначенъ уѣзднымъ городомъ,* съ переводомъ въ оный изъ Бѣлицы всѣхъ уѣздныхъ управленій. Немного позднѣе, 15-го марта 1854 года (5 П. С. З. № 28030), заштатный городъ Бѣлица присоединенъ, въ видѣ предмѣстья къ уѣздному городу Гомелю.

П. Майковъ.

IV.

По тому же поводу.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1915 г. въ статьѣ А. Сигова подъ заглавіемъ: «Замокъ князя Паскевича въ Гомелѣ», такъ много историческихъ ошибокъ, что я считаю не лишнимъ обратить на нихъ вниманіе, находя, что историческія данныя слѣдуетъ сообщать съ точностью.

Съ увѣренностью могу сказать, что трудно найти поляка, который пожелалъ бы поставить памятникъ королю Понятовскому, и странно было бы изобразить верхомъ человѣка отдыха и покоя, какимъ былъ король Понятовскій, который врядъ ли когда-либо садился на лошадь. Конная статуя, находящаяся передъ замкомъ Паскевича въ Гомелѣ, не представляетъ, какъ утверждаетъ А. Сиговъ, короля, но его племянника князя Іосифа Понятовскаго, погибшаго въ рѣкѣ Эльстеръ, при обратномъ шествіи изъ Россіи войскъ Наполеона, въ которыхъ князь служилъ. Онъ, подобно своему дядѣ, не положилъ особенныхъ заслугъ для своего отечества, но пріобрѣлъ симпатіи народа своими военными доблестями и трагической смертью. Родственникъ его, князь Чарторыйскій заказалъ этотъ памятникъ знаменитому скульптору Торвальдсену и онъ входитъ въ списокъ произведеній этого художника. Много лѣтъ памятникъ находился на площадкѣ передъ дворцомъ Чарторыжскихъ въ Пулавахъ, теперешней Новой-Александріи. Послѣ революціи 1831 г., когда Пулавы были конфискованы въ казну, статуя Понятовскаго и вся движимость, которую Чарторыйскіе не успѣли увезти до революціи изъ Пулавъ, картинная и портретная галлереи, скульптурныя произведенія искусства и даже оранжерейныя растенія перевезены изъ Пулавъ въ Гомель, а во дворцѣ помѣщенъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, переведенный изъ Варшавы.

---

[1]) См. «Жизнь князя Паскевича-Эриванскаго» соч. кн. Щербатова, т. I, стр. 361, 364.

Оставаясь въ Пулавахъ въ качествѣ воспитанницы института шесть лѣтъ, а по окончаніи его еще нѣкоторое время, я была знакома съ многими личностями, посѣщавшими дворъ Чарторыйскихъ, и вышесказанное слышала отъ нихъ, а также отъ старика-садовника, который отвозилъ оранжерейныя растенія въ Гомель и о разставаніи съ ними говорилъ всегда со слезами на глазахъ.

Тѣло фельдмаршала Паскевича перевезено въ гомельскую усыпательницу не изъ Варшавы, какъ повѣствуетъ А. Сиговъ, а изъ Ивангорода, гдѣ первоначально онъ былъ похороненъ и покоился тамъ нѣсколько лѣтъ и гдѣ при похоронахъ ему отданы были небывалыя воинскія почести. Умирая въ Варшавѣ въ февралѣ 1855 года, Паскевичъ просилъ, чтобъ государь назначилъ для него мѣсто послѣдняго упокоенія, и по волѣ государя его похоронили въ Ивангородѣ, названномъ въ честь Паскевича, тамъ же была похоронена и княгиня фельдмаршальша, скончавшаяся въ томъ же году, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ мужа.

На похороны фельдмаршала пріѣзжали въ Варшаву представители всѣхъ государствъ Европы. Безчисленные его ордена и два фельдмаршальскіе жезла [1]) несли важные сановники, а конвой съ факелами сопровождалъ похоронную процессію до самаго Ивангорода (около ста пятидесяти верстъ отъ Варшавы), гдѣ ему были отданы полагающіяся воинскія почести.

По неизвѣстнымъ причинамъ, нѣсколько лѣтъ спустя, сынъ Паскевича вышелъ въ отставку, что составляетъ небывалый случай для генералъ-адъютанта, и вслѣдъ за тѣмъ перевезъ прахъ родителей въ гомельскую усыпальницу, при совершеніи лишь только религіозной церемоніи, причемъ, весьма возможно, что согласно словамъ А. Сигова пріѣхали для присутствія многочисленные родственники и друзья покойныхъ.

Гомель никогда не былъ собственностью Чарторыйскихъ, какъ утверждаетъ А. Сиговъ, а до революціи принадлежалъ графу Ходкевичъ, какъ я слышала отъ лицъ близкихъ къ семейству князя Паскевича.

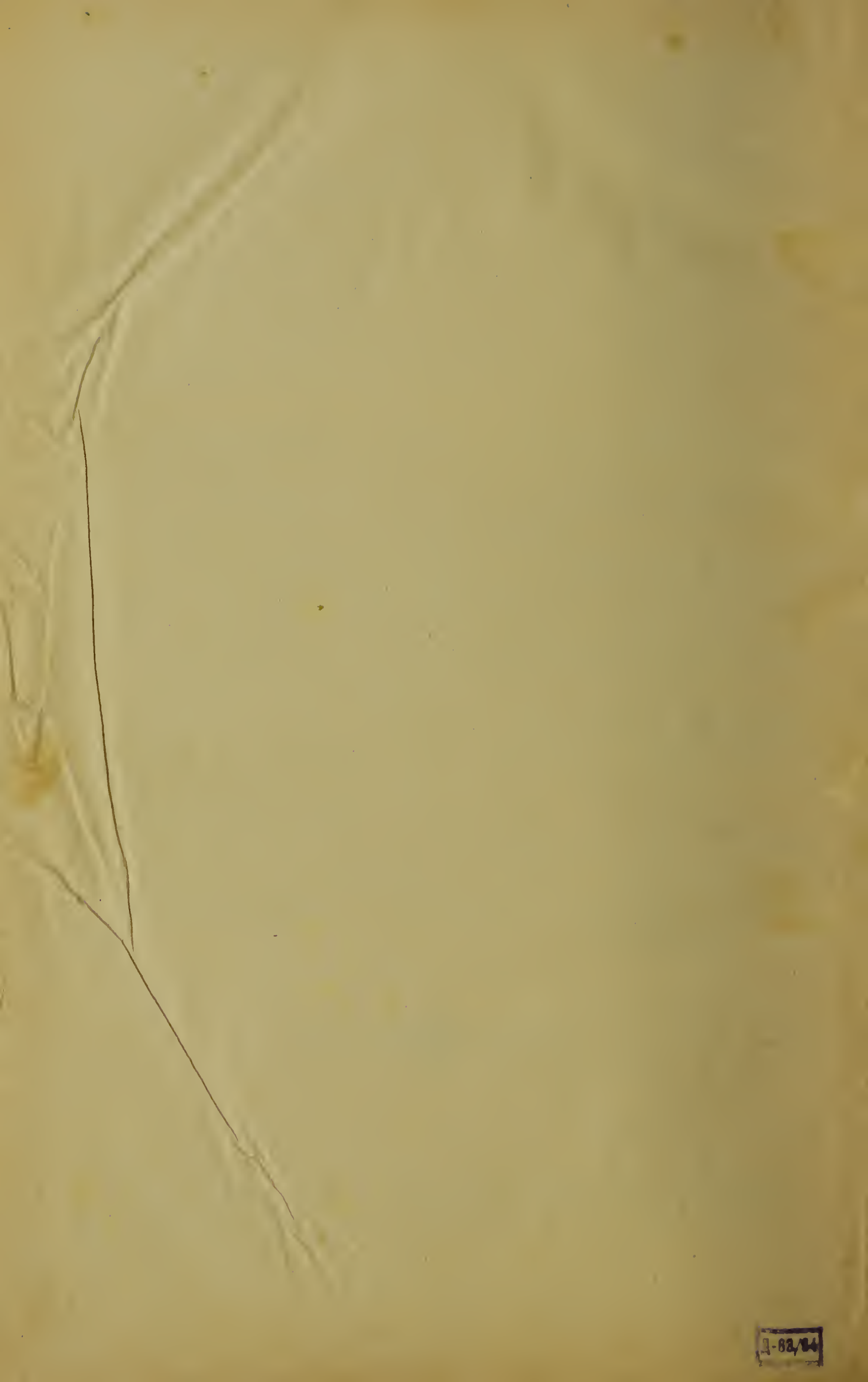
Напрасно г. Сиговъ удивляется, почему майоратъ Гомель перешелъ послѣ смерти бездѣтнаго князя Паскевича къ его вдовѣ.

Это случилось на основаніи закона и майоратныхъ положеній, и на этомъ же основаніи послѣ ея смерти перейдетъ къ Балашову, прямому наслѣднику фельдмаршала, отъ старшей его дочери, бывшей въ замужествѣ за Балашовымъ.

О. Н. Заварова.

[1]) 2-ой жезлъ былъ поднесенъ Паскевичу имп. Николаемъ I при празднованіи его юбилея 50-лѣтней службы. Онъ обвитъ эмальевой георгіевской лентой съ надписями: Эривань—Варшава.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ **Т-ва „Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени"**.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы на имя **Бориса Борисовича Глинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ, безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногородняго на иногородный и иногородняго на городской) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина
въ лицѣ Б. Б. Глинскаго. Редакторъ **Б. Б. Глинскій.**

Такса на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за ½ стран. 45 р., за ¼ стран. 25 р.; позади текста за страницу 50 р., за ½ стран. 35 р., за ¼ стран. 20 р.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13
